

Дозволено ценз. СПб., 25 ноября 1891 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

ИМПЕРАТРИЦА
МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Е. С. Шумигорскій.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА

(1759 — 1828).

ЕЯ БІОГРАФІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская
1892.

Жизнь и дѣятельность императрицы Маріи Өеодоровны (1759—1828) представляетъ большой интересъ для русской исторіи конца XVIII и начала XIX вв. не только въ политическомъ, но и въ культурномъ отношеніи. Невѣстка Екатерины Великой, супруга Павла I и мать двухъ послѣдовательно царствовавшихъ другъ за другомъ императоровъ: Александра и Николая Павловичей, Марія Өеодоровна въ теченіе весьма долгаго времени была центромъ, вокругъ котораго, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, вращалась семейная жизнь русской императорской фамиліи, и благодаря этому оказывала могущественное вліяніе на ходъ многихъ политическихъ событій, дававшихъ направленіе судьбамъ Россіи и Европы въ бурную, революціонную эпоху. Эта сторона дѣятельности императрицы Маріи была, впрочемъ, только естественнымъ послѣдствіемъ ея высокаго положенія: вообще уклоняясь отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла, Марія Өеодоровна не могла, конечно, оставаться равнодушной зрительницею событій въ тѣхъ случаяхъ, когда широкая волна исторической жизни проникала въ семейную, не всегда, притомъ, счастливую жизнь императорской фамиліи. Полюбивъ новое свое отечество, императрица Марія отдала всѣ свои силы для служенія ему на другихъ поприщахъ дѣятельности, болѣе отвѣчавшихъ потребностямъ ея мягкой, женственной натуры,—въ дѣлѣ женскаго образованія, общественнаго призрѣнія и широкой благотворительности; особенное вниманіе обращала о обезпеченіе участи несчастно-рожденныхъ дѣтей.

своею дѣятельностію въ этомъ направленіи Марія Ѳеодоровна вписала свое имя крупными чертами въ исторію русской культуры и просвѣщенія, а созданныя или преобразованныя ею воспитательныя и благотворительныя учрежденія, послѣ кончины своей царственной попечительницы, составили цѣлое вѣдомство, носящее и понынѣ ея имя — вѣдомство учрежденій императрицы Маріи.

Еще современники восторгались характеромъ дѣятельности императрицы Маріи Ѳеодоровны, но, отдавая дань своему времени, нѣкоторые изъ нихъ видѣли въ императрицѣ прежде всего администратора и выдающагося государственнаго человѣка: Карамзинъ выражалъ мнѣніе, что Марія Ѳеодоровна была бы лучшимъ министромъ просвѣщенія въ Россіи; Плетневъ называлъ ее министромъ благотворительности. На самомъ же дѣлѣ, дѣлая добро для добра, Марія Ѳеодоровна потому именно и развивала безпрепятственно свою дѣятельность, что имѣла возможность не связывать ея съ измѣнявшимися теченіями внутренней политики. Этому благопріятствовали условія еще не развившейся тогда государственной и общественной жизни Россіи, при которыхъ императрица Марія могла дѣйствовать самостоятельно, слѣдуя лишь влеченіямъ своего ума и сердца. Но въ этомъ заключался и недостатокъ нѣкоторыхъ ея начинаній и учрежденій: поставленныя внѣ связи съ общегосударственною жизнію, они, по смерти царственной хозяйки, или теряли свое значеніе, или гибли ранѣе, чѣмъ успѣли расцвѣсть, и начали возраждаться въ новомъ видѣ лишь впослѣдствіи, въ законодательныхъ актахъ двухъ послѣднихъ царствованій.

По намѣченному мною плану, біографія императрицы Маріи Ѳеодоровны будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Первый томъ, нынѣ выпускаемый отдѣльнымъ изданіемъ, заключаетъ въ себѣ разсказъ о жизни Маріи Ѳеодоровны до восшествія на престолъ Павла I и имѣетъ цѣлью выяснить тѣ условія, при которыхъ создавалась ея нравственная личность

въ періодъ времени, предшествовавшій ея самостоятельной политической и благотворительной дѣятельности. Послѣдующіе три тома будутъ посвящены изложенію этой дѣятельности въ связи съ исторіей учрежденій вѣдомства императрицы Маріи и культурнымъ состояніемъ современнаго ей русскаго общества. Главы перваго тома появились первоначально въ „Русскомъ Архивѣ" 1889 — 1892 гг. и печатаются теперь съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями.

Задача, принятая мною на себя, потребовала изученія не только печатныхъ, но и массы рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ. Подробный обзоръ источниковъ и пособій, служившихъ мнѣ при изложеніи біографіи императрицы Маріи, будетъ приложенъ, вмѣстѣ съ алфавитнымъ указателемъ, къ послѣднему тому моего труда; теперь замѣчу только, что нѣкоторые изъ документовъ, впервые появляющихся у меня въ печати, какъ, напр., письма Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву, сообщаемы были мнѣ въ подлинникѣ, большею частію изъ частныхъ архивовъ, при любезномъ посредничествѣ барона Ѳ. А. Бюлера, П. И. Бартенева, Н. А. Гюббенета и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Болѣе важные изъ этихъ документовъ приведены мною въ примѣчаніяхъ почти цѣликомъ.

Каждому, занимающемуся разработкой русской исторіей конца XVIII и начала XIX вв., хорошо извѣстно, съ какими трудностями соединяется обыкновенно возможность ознакомленія со многими изъ ея первоисточниковъ, относящихся къ этому времени. Мой трудъ, поэтому, сталъ возможенъ лишь благодаря оказанной мнѣ поддержкѣ со стороны многихъ лицъ и учрежденій. Документы Павловскаго дворца сдѣлались мнѣ извѣстны съ милостиваго разрѣшенія въ Бозѣ почившаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, а доступомъ въ нѣкоторые германскіе архивы обязанъ я высокому покровительству Ея Императорскаго Высочества, Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбург-

ской. Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи и Опекунскій Совѣтъ ихъ, съ своей стороны, оказывали мнѣ важную поддержку. Въ особенности не могу не выразить искренней и глубокой своей признательности графу Н. А. Протасову-Бахметеву, барону Ѳ. А. Бюлеру, Ѳ. А. Оому, статсъ-секретарю А. А. Зубову, А. Л. Гагемейстеру и Н. М. Кочукову, всегда сочувственно относившимся къ цѣли и успѣху моего труда. Пріятнымъ для себя долгомъ считаю также душевно благодарить за содѣйствіе при моихъ работахъ по составленію перваго тома „Біографіи императрицы Маріи“ П. И. Бартенева, А. Ѳ. Бычкова, А. М. Васильева, Я. К. Грота, Н. А. Гюббенета, П. Е. Кеппена, Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майкова, М. А. Орлова, И. Ѳ. Рашевскаго, М. И. Семевскаго, барона Д. Ѳ. Стуарта, Г. А. Тройницкаго, К. Ѳ. Феттерлейна, Н. К. Шильдера и Г. Ѳ. Штендмана.

Дорогое имя моей единственной сотрудницы по настоящему изданію, Ольги Алексѣевны Шумигорской, скончавшейся отъ инфлуенцы, въ полномъ расцвѣтѣ силъ, 14-го октября минувшаго года, суждено мнѣ упомянуть здѣсь со скорбнымъ чувствомъ тяжкой, вѣчной утраты. Почившая Ольга Алексѣевна принимала дѣятельное и горячее участіе въ подготовительной разработкѣ мною массы рукописныхъ матеріаловъ для всѣхъ четырехъ томовъ моего труда, и лишь благодаря ея теплой нравственной поддержкѣ сдѣлалось возможнымъ самое осуществленіе предлагаемаго сочиненія. Я счелъ бы себя счастливымъ, если бы успѣлъ когда-нибудь исполнить хотя часть научныхъ работъ, задуманныхъ и начатыхъ мною при дѣятельномъ ея содѣйствіи и дорогомъ сочувствіи...

Въ замѣчаніяхъ критики я буду искать средствъ къ исправленію недостатковъ своей работы. Въ особенности важны и цѣнны будутъ для меня указанія и совѣты, касающіеся плана и содержанія послѣдующихъ томовъ „Біографіи императрицы Маріи“.

Е. Ш.

С.-Петербургъ, 6-го февраля 1892 г.

I.

Происхожденіе императрицы Маріи Θеодоровны. — Германскіе князья въ XVIII в. — Французское вліяніе въ Германіи и причины его распространенія.—Реакція и Фридрихъ Вильгельмъ I, король Прусскій.—Значеніе Пруссіи для Германіи.—Младшіе члены Германскихъ княжескихъ домовъ и обычная судьба ихъ.—Швабія и Виртембергъ до XVIII в.—Виртембергскій княжескій домъ въ XVIII в.: герцоги Эбергардъ-Людвигъ, Карлъ-Александръ.—Супруга Карла-Александра, принцесса Турнъ-фонъ-Таксисъ, и ея дѣти: Карлъ-Евгеній, Людвигъ-Евгеній и Фридрихъ-Евгеній.—Служба Фридриха-Евгенія въ Пруссіи и его бракъ съ Фридерикой-Доротеей, племянницей Фридриха II.—Роль Фридриха-Евгенія въ семилѣтнюю войну и рожденіе его старшей дочери.

Императрица Марія Θеодоровна по происхожденію своему принадлежала къ міру мелкихъ Германскихъ княжескихъ домовъ. Мать ея, Фредерика-Софія, дочь маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго, была по своей матери родной племянницей Фридриха Великаго, а отецъ—Фридрихъ-Евгеній, находившійся съ молодыхъ лѣтъ на Прусской службѣ, былъ третьимъ сыномъ владѣтельнаго герцога Виртембергскаго Карла-Александра. Бракъ ихъ заключенъ былъ въ Берлинѣ, въ 1753 году. Ни новобрачные, ни потомство ихъ, по условіямъ Германской жизни того времени, не могли, повидимому, разсчитывать на блестящую политическую будущность; но судьба рѣшила иначе: Фридрихъ-Евгеній, переживъ двухъ старшихъ братьевъ своихъ, умеръ въ старости владѣтельнымъ герцогомъ Виртембергскимъ; старшій сынъ его Фридрихъ (по милости Наполеона) сдѣлался первымъ королемъ Виртембергскимъ, а старшая дочь Софія-Доротея-Августа-Луиза—Русской императрицей подъ именемъ Маріи Θеодоровны.

Этому счастливому повороту предшествовали, однако, цѣлые десятки лѣтъ зависимаго и стѣсненнаго положенія. Жизнь Фридриха-Евгенія Виртембергскаго и его семейства сложилась первоначально подъ условіями, въ которыхъ находились въ XVIII вѣкѣ какъ Германія, такъ и ея княжескія дома.

Раздѣленная Вестфальскими мирными договорами на триста мелкихъ владѣній (подвластныхъ, но только для виду, такъ называемому Римскому императору), Германія XVIII в., кромѣ двухъ крупныхъ державъ, Австріи и Пруссіи, представляла любопытное зрѣлище множества князей и князьковъ различнаго чина: курфюрстовъ, герцоговъ, ландграфовъ, маркграфовъ и т. д. Весь этотъ княжескій міръ, за немногими исключеніями, справедливо вызываетъ порицаніе Нѣмецкихъ историковъ. Мало заботясь о благѣ подданныхъ, князья главное вниманіе обращали на содержаніе своего двора и на этикетъ, строгимъ соблюденіемъ всѣхъ мелочей котораго они думали оградить свое достоинство среди множества себѣ подобныхъ высшихъ и низшихъ фюрстовъ. Людовикъ XIV былъ для нихъ недосягаемымъ идеаломъ. Какъ выраженіе высшаго образованія, Французскіе нравы, языкъ и словесность проникли во всѣ Нѣмецкіе дворы. Каждый Нѣмецкій государь, какъ бы ничтожно ни было его владѣніе, старался устроить свой маленькій Версаль; ему казалось необходимымъ имѣть дорогую метрессу, содержать великолѣпную охоту и давать блестящіе праздники. Когда страна не могла покрывать всѣхъ расходовъ, сопряженныхъ съ такимъ образомъ жизни, князья не стыдились находиться на жалованьи у иностранныхъ правительствъ или продавать имъ своихъ подданныхъ въ видѣ наемныхъ войскъ. Роскошному и напыщенному образу жизни ихъ соотвѣтствовала страшная распущенность нравовъ, также заимствованная у Французовъ; театральныя представленія, музыка, картины,—все проникнуто было ненасытимою чувственностію, все призывало къ эпикурейскому пользованію жизнію. Простота образа жизни, нравственность, казались тогда синонимами грубости натуры и невѣжества. И дѣйствительно, Французское образованіе, проникавшее въ Германію и дѣйствовавшее на высшее Нѣмецкое общество, проявлялось прежде всего въ презрѣніи ко всему отечественному, въ ослабленіи семейныхъ узъ и въ крайней нравственной легкости офранцузившихся Нѣмцевъ; сама образованность такимъ образомъ отождествлялась, въ глазахъ Нѣмцевъ, съ безнравственностью. Въ Германіи XVIII в. мы видимъ завершающимся въ сущности тотъ же ходъ болѣзненнаго увлеченія иноземщиной, который немного позднѣе съ неменьшей силой развился и въ Россіи. Отпора не было ни откуда. Преобладали мелкія личныя выгоды князей и лицъ княжеской крови, кото-

рые смотрѣли на подавленный народъ какъ на платежную силу и средство для пополненія своихъ войскъ. Нѣмецкая словесность была еще въ зародышѣ, а Нѣмецкаго духа можно было бы искать развѣ въ многочисленныхъ, хотя и необильныхъ студентами университетахъ, гдѣ, по замѣчанію Шлоссера, «поддерживался педантизмъ, старинная рутина и грубыя понятія цеха вмѣстѣ съ буйствомъ и пьянствомъ» [1]. Что касается до религіознаго воспитанія, то въ высшихъ слояхъ общества о немъ почти не думали; самые «князья церкви» подавали примѣръ крайне-легкомысленнаго отношенія къ дѣлу вѣры.

Безумная роскошь и одряхлѣвшій развратъ напыщенныхъ и своекорыстныхъ владѣтелей не могли не вызвать противодѣйствія въ здоровыхъ началахъ Нѣмецкаго народа, хотя въ первое время и въ грубой формѣ. За Фридрихомъ Прусскимъ, страстнымъ поклонникомъ Людовика XIV, появился сынъ его Фридрихъ-Вильгельмъ I, истый Нѣмецъ, которому пришлись болѣе по душѣ суровая простота и практическій геній другаго его современника, Петра Великаго. Но, презирая Французскую образованность, въ которой видѣлъ источникъ нравственной заразы, онъ не менѣе презиралъ и Нѣмецкую науку, которая была въ его глазахъ мертвой, ни къ чему негодной ученостью. Онъ преклонялся предъ Петромъ, но, не имѣя его генія, впадалъ въ крайности. Однако, его дѣйствія благотворно отозвались на состояніи Германіи: мелочная муштровка солдатъ, доведенная до степени какъ бы художества, создала армію, которая потомъ била самихъ Французовъ, главныхъ враговъ Германіи; любовь къ деньгамъ и скаредность, лишавшая королевское семейство возможности даже сытно поѣсть, развила у Пруссаковъ бережливость и наполнила государственную казну милліонами, въ то время, когда у князей не было ничего, кромѣ долговъ; наконецъ, уваженіе къ старой протестантской теологіи дало толчокъ къ поднятію уровня воспитанія молодаго поколѣнія и сохраненію старыхъ преданій, поставившихъ Пруссію во главѣ протестантской Германіи. Допустивъ, по необходимости, воспитать своихъ дѣтей на Французскій ладъ, Фридрихъ, подобно нашему Петру, не хотѣлъ имѣть наслѣдникомъ сына, не сочувствовавшаго его политикѣ, и окружалъ себя постоянно Нѣмцами. Въ особенности не любилъ

---

[1]) *Шлоссеръ*: Исторія XVIII столѣтія и XIX до паденія Французской имперіи, Спб., 1858 г., т. I, стр. 173.

онъ, какъ дѣлали это фюрсты, употреблять для дипломатическихъ порученій Французскихъ или Итальянскихъ графовъ и маркизовъ, находя, что у него довольно Нѣмцевъ для завѣдыванія дѣлами и что щеголевато выраженный при иностранномъ дворѣ, на Французскомъ или Итальянскомъ языкѣ, комплиментъ не стòитъ тѣхъ денегъ, которыя онъ долженъ платить за него чужестранцу [2]). Когда борьба миновала свой острый періодъ, страсти улеглись, крайности сгладились, въ исходѣ оказалось проснувшееся сознаніе народнаго достоинства, разработка общечеловѣческаго просвѣщенія на своихъ, Нѣмецкихъ началахъ и, какъ слѣдствіе этого, пышный расцвѣтъ Нѣмецкой науки и словесности. Даже князья стали усвоивать себѣ по частямъ програму Фридриха, принимая изъ нея то, чтò болѣе нравилось и обѣщало болѣе выгодъ, напр., кропотливое изученіе мелочей военнаго дѣла. Но заботы объ умственной жизни Нѣмцевъ и нельзя было требовать отъ нихъ, когда ея не обнаруживалъ самъ Фридрихъ Великій, политическій патріотизмъ котораго не мѣшалъ ему презирать Нѣмецкую словесность и писать по-французски.

Протестантство и политическій Прусскій патріотизмъ, которые Фридрихъ Вильгельмъ I и Фридрихъ II положили въ основаніе своей политической системы, нашли себѣ въ скоромъ времени многихъ ревностныхъ сторонниковъ въ такой Германской средѣ, которая до этого времени, по своему положенію и усвоеннымъ взглядамъ, могла бы быть названа космополитическою, именно, въ средѣ мелкихъ Германскихъ владѣтельныхъ князей и особенно младшихъ членовъ ихъ семействъ. Не имѣя дòма никакого дѣла, а часто и средствъ къ приличному для своего сана существованію, они искали службы и счастья въ разныхъ государствахъ Европы. Болѣе счастливые изъ этихъ обиженныхъ судьбою принцевъ, при всей своей бѣдности и политическомъ ничтожествѣ, успѣвали заключать родственные союзы съ могущественными иноземными династіями. Это станетъ вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе, что, съ одной стороны, въ Германіи, при ея раздробленности, было несравненно больше династій, чѣмъ во всей остальной Европѣ, и что, съ другой, династіи важнѣйшихъ Европейскихъ державъ, изъ политическихъ причинъ, часто избѣгали родства между собой. Вотъ почему Германскіе принцы и принцессы съ са-

---

[2]) Тамъ же, 186.

маго рожденія предназначались къ выгоднымъ бракамъ; родители ихъ привыкли ловить счастливую случайность и часто даже путемъ происковъ доставляли иногда дѣтямъ своимъ престолы первостепенныхъ Европейскихъ державъ. Поговорка, сложившаяся объ Австріи: «Bellum gerant alii, tu, felix Austria, nube» (пусть войну ведутъ другіе, а ты, счастливая Австрія, женись и выходи замужъ) — примѣнима ко многимъ Германскимъ династіямъ; такова, напр., судьба династій Ганноверской, Брауншвейгской и Голштинской; такова судьба и Екатерины II, которая, родившись дочерью мелкаго Ангальтъ-Цербстскаго невладѣтельнаго князя, находившагося въ Прусской службѣ, сдѣлалась самодержавной Русской императрицей. Менѣе счастливые князья иногда весь свой вѣкъ проводили на службѣ въ какихъ-либо государствахъ. Много ихъ было и въ Россіи, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно послужили усердно пріютившей ихъ странѣ. Но ближе всего имъ было искать службы въ Австріи и особенно въ Пруссіи, такъ какъ, будучи по большей части протестантами, они, естественно, имѣли съ ней болѣе точекъ соприкосновенія. Здѣсь эти служилые принцы, занимаясь исключительно военнымъ дѣломъ, вполнѣ подчинялись Прусскому вліянію, становясь, особенно въ рукахъ опытнаго въ проискахъ Фридриха II, важнымъ орудіемъ Прусской политики для достиженія ея цѣлей въ Германіи и даже за границею. Подчиненіе это доходило до того, что принцы сражались за Пруссію даже съ войсками родной своей страны, а католическіе принцы своихъ дѣтей крестили иногда по протестантскому обряду. Берлинъ при королѣ-Вольтеріанцѣ сталъ Меккою протестантской Германіи, а въ этой Меккѣ можно было научиться только одному—работать pour le roi de Prusse. Слѣдуетъ прибавить, что за Нѣмецкими принцами, упрочившими свое положеніе въ чужой странѣ, тянулся туда же иногда цѣлый рядъ Нѣмецкихъ выходцевъ, преимущественно дворянскаго происхожденія, въ качествѣ друзей и дѣльцовъ. Эта иммиграція была всегда тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже стояла страна въ образованіи. Въ особенности много пріютила ихъ Россія, которой суждено было долгое время видѣть Европу изъ Нѣмецкихъ рукъ.

Какъ Германскіе принцы, искавшіе счастья на чужбинѣ, такъ и сопровождавшіе ихъ Германскіе выходцы, принадлежали къ двумъ, рѣзко отличавшимся другъ отъ друга категоріямъ: одни

смотрѣли на иностранную службу лишь съ точки зрѣнія честолюбія или наживы, будучи, такимъ образомъ, прежде всего, искателями приключеній; другіе, напротивъ, искренно привязывались къ пріютившей ихъ странѣ и старались честной и полезной дѣятельностью отблагодарить ее за гостепріимство. Впрочемъ, и тѣ, и другіе, конечно, не могли переродиться въ духовномъ смыслѣ и въ сущности оставались тѣми же Нѣмцами или космополитами, что̀ не могло не отражаться и на ихъ дѣятельности. Въ Русской исторіи мы встрѣчаемъ лишь немного исключеній изъ этого общаго правила; но зато это были блестящія, богато одаренныя натуры, душой и тѣломъ предавшіяся Россіи.

Эти общія замѣчанія о положеніи Германіи въ XVIII в. объясняютъ въ значительной степени исторію за это время какъ Виртемберга, такъ и Виртембергскаго герцогскаго дома, изъ котораго происходила наша императрица Марія Θеодоровна.

Виртембергомъ изстари называлась небольшая земля, расположенная по верхнему теченію Дуная и Неккара и входившая въ составъ Швабіи. Эта обширная горная страна, съ рѣзкимъ и угрюмымъ ландшафтомъ, наложила печать и на своихъ обитателей, Швабовъ, издавна отличавшихся буйнымъ, неукротимымъ характеромъ. Нигдѣ въ Германіи не развилось такого какъ здѣсь стремленія къ сословной и личной свободѣ и обособленности: каждое сословіе ревниво оберегало свои права и пріобрѣтенія. Благодаря близкому сосѣдству съ богатой Италіей, Швабія издавна пользовалась выгодами торговаго и военнаго посредничества между нею и Германіей. Постоянныя войны и широкія торговыя операціи способствовали неукротимости Швабскихъ рыцарей, жившихъ въ неприступныхъ замкахъ, и богатству большихъ Швабскихъ городовъ, укрѣпленныхъ толстыми стѣнами. Въ Швабіи же пользовались огромнымъ значеніемъ земство и церковь, сохранившая даже по принятіи Швабами лютеранства всю дисциплину и непреклонность, свойственныя католицизму. Что касается до Швабскихъ князей, то ихъ выдающаяся энергія, воспитанная вѣками борьбы между собою и съ непокорными сословіями, доказывается уже тѣмъ, что они были родоначальниками самыхъ славныхъ Германскихъ династій: Гогенштауфеновъ, Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Изъ мелкихъ владѣтелей, съ теченіемъ времени, выдѣлились и графы Виртембергскіе, которые получили затѣмъ герцогскій титулъ отъ императора Максимиліана въ 1495 г. «Они вѣчно дрались

то съ императоромъ, то съ городскими и рыцарскими союзами, словомъ, со всѣмъ окружавшимъ ихъ свѣтомъ, и прозвища ихъ переносятъ насъ въ сказочный міръ синихъ бородъ и злыдней» [3]).

Но въ вѣкъ Людовика XIV и жизнь Виртембергскихъ герцоговъ совершенно измѣнилась по Французскому образцу. Это произошло въ малолѣтство герцога Эбергарда-Людвига (1677—1733), когда регентомъ былъ его дядя, принцъ Фридрихъ-Карлъ, о празднествахъ котораго во Французскомъ вкусѣ отзывались съ похвалой даже Парижскіе журналы того времени [4]). Самъ Эбергардъ-Людвигъ, достигнувъ совершеннолѣтія, предался роскошной и развратной жизни. Онъ не довольствовался метрессами и окончательно запятналъ себя связью съ г-жею фонъ-Гревеницъ; онъ вступилъ съ нею даже въ бракъ при жизни своей супруги и предоставилъ ей въ управленіе свою несчастную страну. Тогда былъ построенъ близъ Штутгарта, на подобіе Версаля, прекрасный увеселительный замокъ Людвигсбургъ, гдѣ давались пышные праздники. Въ то время, какъ доходовъ Виртемберга не доставало на удовлетвореніе мотовства герцога, Гревеницъ, при содѣйствіи министерства, составленнаго изъ ея подручниковъ и находившагося подъ ея предсѣдательствомъ, хищнически управляла страною, продавая государственныя должности. Эбергардъ-Людвигъ умеръ, не имѣя наслѣдниковъ, и его преемникомъ сдѣлался двоюродный братъ его, сынъ бывшаго регента Фридриха Карла, Карлъ-Александръ (1733—1737), родной дѣдъ нашей Маріи Өеодоровны. Молодость свою онъ провелъ въ Австрійской службѣ, подъ знаменами Евгенія Савойскаго, и въ это время принялъ католичество. Поэтому при самомъ вступленіи на престолъ онъ долженъ былъ обезпечить права протестантской церкви въ Виртембергѣ, къ которой принадлежала большая часть его подданныхъ; но характеръ правленія остался тотъ же, что̀ и въ прошлое царствованіе: то же забвеніе обязанностей правителя, тотъ же утонченный развратъ и безумная роскошь. Такъ какъ средства страны были уже истощены образомъ жизни Эбергарда-Людвига и управленіемъ Гревеницъ, то Карлъ-Александръ ввѣрилъ управленіе Виртембергомъ Еврею Іосифу Леви-Зюссу-Оппенгеймеру, который пріобрѣлъ его довѣріе еще въ Австріи и который взялся доставлять

[3]) *Трачевскій:* Союзъ князей и проч., стр. 255.

[4]) Geschichte der deutchen Höfe seit der Reformation von Dr. Eduard Vehse. 25-r Band, 4-te Abtheilung, 3-r Theil, 165—170.

ему деньги. Можно представить себѣ весь ужасъ этого Еврейскаго управленія! Законы не имѣли никакого дѣйствія; новый любимецъ и его подручники высасывали послѣдніе соки изъ несчастной страны, глумясь надъ правосудіемъ и нравственностью, въ то время какъ герцогъ проводилъ все время въ кутежахъ и на охотѣ. «Какъ много терпѣли страна и бѣдный Виртембергскій народъ, говоритъ Шлоссеръ, можно судить по тому, что въ три года правленія герцога Карла-Александра и шайки негодяевъ, которымъ предалъ государство Еврей, продажа мѣстъ и грабежи всякаго рода, по свидѣтельству актовъ, принесли правительству болѣе милліона. Въ такую же сумму, по всѣмъ вѣроятностямъ, можно оцѣнить вредъ, принесенный охраненіемъ дикихъ звѣрей для охоты герцога: не смотря на то, что въ 1737 г., въ годъ смерти Карла-Александра, убито было 2500 оленей, 4000 разныхъ хищныхъ звѣрей и ланей и около 5000 кабановъ, въ слѣдующемъ 1738 году убытки жителей отъ княжескихъ охотъ оцѣнены въ 500000 гульденовъ [5]). Крайне невоздержной жизни не вынесло, наконецъ, и желѣзное здоровье Карла-Александра. Когда онъ умеръ въ 1737 году, то въ актѣ вскрытія его было сказано: «сердце, голова и прочее найдено въ совершенно здоровомъ состояніи; но грудь до того наполнена пылью, дымомъ и чадомъ карнавала и оперы, что suffocatio sanguinis было неизбѣжно» [6]).

Отъ брака, заключеннаго въ 1727 году съ принцессой Маріей - Августой Турнъ - фонъ - Таксисъ, герцогъ оставилъ дочь (бывшую потомъ замужемъ за принцемъ Турнъ-фонъ-Таксисъ) и трехъ малолѣтнихъ сыновей: Карла-Евгенія, Людвига-Евгенія и Фридриха-Евгенія. Всѣ три брата получили имя Евгенія въ честь принца Евгенія Савойскаго, подъ начальствомъ котораго былъ ихъ отецъ, находясь на императорской службѣ, и всѣ они послѣдовательно управляли Виртембергскимъ герцогствомъ. Младшему изъ братьевъ Фридриху-Евгенію, отцу императрицы Маріи Ѳеодоровны, суждено было сдѣлаться родоначальникомъ нынѣшняго Виртембергскаго дома. Различная судьба братьевъ въ значительной степени объясняется различіемъ въ ихъ характерѣ и воспитаніи, начало которому положено было ихъ матерью, герцогиней Маріей-Августой.

---

[5]) *Шлоссеръ*, Исторія XVIII столѣтія, 1, 182—183.

[6]) Тамъ же, 183.

Герцогиня Марія-Августа, бабка нашей Маріи Θеодоровны, была одной изъ оригинальнѣйшихъ женщинъ своего времени. Вдумываясь въ противорѣчивые иногда отзывы о ней современниковъ, нельзя не видѣть, что она обладала энергической, кипучей и даровитой природой, совмѣщавшей въ себѣ противоположности, которыми такъ богатъ былъ XVIII вѣкъ [7]). Мягкость, воспріимчивость женщины уживались въ ней съ твердостью и рѣшительностію мужчины; жажда свѣтскихъ удовольствій, всеобщее поклоненіе ея красотѣ, не мѣшали ей на университетскомъ диспутѣ возражать профессорамъ медицины съ ловкостью и основательностью, приводившими всѣхъ въ изумленіе; поражая даже современниковъ своимъ веселымъ образомъ жизни, она у нихъ же пріобрѣла репутацію ханжи и, въ довершеніе всего, приняла званіе Мальтійскаго рыцаря. Будучи горячей поклонницей Французской литературы и раздѣляя увлеченіе современниковъ Французской образованностью, Марія-Августа и дѣтямъ своимъ дала Французское воспитаніе. Она приставила къ нимъ Французскаго гувернера, барона Монтольё, составивъ для руководства воспитаніемъ принцевъ подробное наставленіе. Изъ этого наставленія видно, что преподаваніе велось исключительно на Французскомъ языкѣ и во Французскомъ духѣ; требовалось не столько основательное знаніе изучаемыхъ предметовъ, сколько легкое, поверхностное, свѣтское образованіе. Нравственное вліяніе Французскихъ идей того времени также не могло миновать молодыхъ принцевъ, тѣмъ болѣе, что старшіе изъ нихъ должны были хорошо помнить дурныя отношенія между отцомъ и матерью, даже вынудившія Марію-Августу еще при жизни своего мужа перебраться съ дѣтьми на жительство въ Брюссель. Нельзя не сочувствовать жалобамъ Нѣмецкихъ историковъ на такое воспитаніе будущаго Виртембергскаго властителя, «отца-государя честныхъ и простодушныхъ Швабовъ» [8]); но въ то время, въ виду превосходства Французской образованности предъ Нѣмецкою, оно вовсе не казалось страннымъ, подобно тому какъ позже современнымъ Нѣмецкимъ же историкамъ не показалось страннымъ, что Александръ I, государь не менѣе «честныхъ и простодушныхъ» Русскихъ получилъ не-Русское, а космополитическое воспитаніе.

---

[7]) *Vehse*, 25-r Band, 4-te Abth., 3-r Theil, 227—232.—*Шлоссеръ*: Исторія XVIII столѣтія, II, 173 — 174. — Mémoires de la baronne *d'Oberkirch*, t. I, 18 — 19.

[8]) *Шлоссеръ*, II, 174.

Плоды поверхностнаго Французскаго воспитанія и нравственной порчи молодыхъ принцевъ не замедлили сказаться на старшемъ изъ братьевъ, Карлѣ-Евгеніи, вступившемъ въ управленіе герцогствомъ, благодаря содѣйствію Фридриха II, въ 1744 году, когда ему было всего 16 лѣтъ. Мудрые совѣты Фридриха (у котораго Карлъ жилъ нѣкоторое время), данные ему при отправленіи въ Виртембергъ [9]), пропали даромъ для этого мальчика-государя. Онъ началъ тѣмъ, что удалилъ изъ Виртемберга свою мать Марію-Августу, и затѣмъ, въ теченіе почти 50 лѣтъ, предаваясь всякаго рода излишествамъ, терзалъ своихъ подданныхъ. По природѣ даровитый, Карлъ направилъ свои дарованія въ дурную сторону: это былъ самый гордый, расточительный и жестокій фюрстъ во всей Имперіи.

Наименѣе пострадалъ отъ Французскаго воспитанія герцогъ Фридрихъ-Евгеній, младшій изъ братьевъ, быть можетъ потому, что онъ еще въ ранней молодости предназначался къ духовному званію и получилъ даже каноникатъ въ Зальцбургѣ и Констанцѣ [10]). Но духовное поприще не привлекало къ себѣ молодаго принца, и онъ въ 1749 г. вышелъ на обычную въ то время дорогу для младшихъ членовъ княжескихъ семействъ, т. е. вступилъ, по приглашенію Фридриха II, въ Прусскую военную службу, тогда какъ другой братъ его Людвигъ-Евгеній уѣхалъ служить во Францію. Строгое и точное исполненіе обязанностей военной службы, требовавшееся въ Прусской арміи, сравнительная чистота нравовъ и скромный образъ жизни Берлинскаго двора, оказали благодѣтельное нравственное вліяніе на молодаго 17-лѣтняго Виртембергскаго принца; а поклоненіе короля-философа Французской литературѣ и постоянное общеніе съ находившимися въ Берлинѣ представителями этой литературы поощряли Фридриха-Евгенія къ самообразованію, поддерживали въ немъ интересъ къ литературнымъ вопросамъ и исправляли недостатки его поверхностнаго воспитанія. Самъ Фридрихъ-Евгеній производилъ благопріятное впечатлѣніе въ Берлинѣ, гдѣ впрочемъ, онъ живалъ и ранѣе съ матерью и съ старшими

---

[9]) Staelin, Fürstliche Personen des Hauses Würtemberg und ihre bewährten Diener, Stuttgart, 1876. S.

[10]) Пресселъ ошибочно относитъ полученіе принцемъ каноникатовъ къ болѣе позднему времени, когда Фридрихъ-Евгеній [illegible] ча Прусской службѣ. Oberkirch, I. 19.

своими братьями [11]). Это былъ, по отзывамъ современниковъ, умный, просвѣщенный воинъ, съ мягкимъ сердцемъ и веселымъ, но нервнымъ темпераментомъ. Близкія отношенія, завязавшіяся между нимъ и королевскимъ семействомъ, завершились, наконецъ, въ 1753 году бракомъ его съ 17-ти-лѣтней племянницей Фридриха II-го Фредерикой-Доротеей-Софіей, дочерью маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго [12]). Непремѣннымъ условіемъ брака Фридрихъ II поставилъ, чтобы дѣти этой супружеской четы исповѣдывали протестантство. Фридрихъ-Евгеній, воспитанный отцомъ, подобно своимъ братьямъ, въ католичествѣ, долженъ былъ согласиться на это условіе; вотъ почему бракъ его вызвалъ самыя радостныя чувства въ жителяхъ Виртемберга, которые, будучи по большей части протестантами, не могли помириться съ католицизмомъ своихъ герцоговъ [13]).

Это супружество было однимъ изъ счастливыхъ. Оно составляло исключеніе въ лѣтописяхъ супружествъ XVIII вѣка, когда въ высшихъ слояхъ общества на брачныя узы смотрѣли съ крайнимъ легкомысліемъ. Оно продолжалось 44 года, и въ теченіе этого времени супруги жили въ мирѣ и добромъ согласіи, своимъ скромнымъ, семейнымъ образомъ жизни [14]) возбуждая у испорченныхъ современниковъ даже упреки въ мѣщанствѣ. Много лѣтъ спустя, принцесса Фредерика-Софія, по поводу семейныхъ дѣлъ, писала своей дочери, тогда великой княгинѣ, Маріи Ѳеодоровнѣ о своемъ столь продолжительномъ супружескомъ счастіи, выражая самыя нѣжныя и преданныя чувства къ мужу [16]). Эта переписка матери съ дочерью, которая, по своей интимности, едва ли появится когда-нибудь появится въ печати въ полномъ своемъ видѣ,—рисуетъ намъ личонсть принцессы Фридерики самыми свѣтлыми, сочувственными красками. Получивъ, какъ и другія принцессы Прусскаго королевскаго дома, Французское образованіе, она восприняла только полезныя его стороны. Нѣжность, мягкость женственной натуры

---

[11]) *Vehse*, 25 Band, 4-te Abt., 3-r Theil, S. 228; *Stark*, 40—43.

[12]) Маркграфство Бранденбургъ-Шведтское находилось въ Прусской провинціи Бранденбургѣ и въ 1788 году, по кончинѣ послѣдняго маркграфа, присоединено къ Пруссіи.

[13]) *Stark*, 7.

[14]) Это подтверждается всѣми современниками. *Stark*, 114 и *Oberkirch*, особенно стр. 19.

[16]) *Архивъ дворца города Павловска*: Письма матери императрицы Маріи Ѳеодоровны. Выдержки изъ нихъ будутъ приведены ниже въ своемъ мѣстѣ.

Плоды поверхностнаго Французскаго воспитанія и нравственной порчи молодыхъ принцевъ не замедлили сказаться на старшемъ изъ братьевъ, Карлѣ-Евгеніи, вступившемъ въ управленіе герцогствомъ, благодаря содѣйствію Фридриха II, въ 1744 году, когда ему было всего 16 лѣтъ. Мудрые совѣты Фридриха (у котораго Карлъ жилъ нѣкоторое время), данные ему при отправленіи въ Виртембергъ [9]), пропали даромъ для этого мальчика-государя. Онъ началъ тѣмъ, что удалилъ изъ Виртемберга свою мать Марію-Августу, и затѣмъ, въ теченіе почти 50 лѣтъ, предаваясь всякаго рода излишествамъ, терзалъ своихъ подданныхъ. По природѣ даровитый, Карлъ направилъ свои дарованія въ дурную сторону: это былъ самый гордый, расточительный и жестокій фюрстъ во всей Имперіи.

Наименѣе пострадалъ отъ Французскаго воспитанія герцогъ Фридрихъ-Евгеній, младшій изъ братьевъ, быть можетъ потому, что онъ еще въ ранней молодости предназначался къ духовному званію и получилъ даже каноникатъ въ Зальцбургѣ и Констанцѣ [10]). Но духовное поприще не привлекало къ себѣ молодаго принца, и онъ въ 1749 г. вышелъ на обычную въ то время дорогу для младшихъ членовъ княжескихъ семействъ, т. е. вступилъ, по приглашенію Фридриха II, въ Прусскую военную службу, тогда какъ другой братъ его Людвигъ-Евгеній уѣхалъ служить во Францію. Строгое и точное исполненіе обязанностей военной службы, требовавшееся въ Прусской арміи, сравнительная чистота нравовъ и скромный образъ жизни Берлинскаго двора, оказали благодѣтельное нравственное вліяніе на молодаго 17-лѣтняго Виртембергскаго принца; а поклоненіе короля-философа Французской литературѣ и постоянное общеніе съ находившимися въ Берлинѣ представителями этой литературы поощряли Фридриха-Евгенія къ самообразованію, поддерживая въ немъ интересъ къ литературнымъ вопросамъ и исправляя недостатки его поверхностнаго воспитанія. Самъ Фридрихъ-Евгеній производилъ благопріятное впечатлѣніе въ Берлинѣ, гдѣ впрочемъ, онъ живалъ и ранѣе съ матерью и съ старшими

---

[9]) *Stark*: Fürstliche Personen des Hauses Würtemberg und ihre bewährten Diener, Stuttgart, 1876, 8.

[10]) Госпожа Оберкирхъ ошибочно относитъ полученіе принцемъ каноника къ болѣе позднему времени, когда Фридрихъ-Евгеній былъ уже на Прусской службѣ. Oberkirch, I, 19.

своими братьями [11]). Это былъ, по отзывамъ современниковъ, умный, просвѣщенный воинъ, съ мягкимъ сердцемъ и веселымъ, но нервнымъ темпераментомъ. Близкія отношенія, завязавшіяся между нимъ и королевскимъ семействомъ, завершились, наконецъ, въ 1753 году бракомъ его съ 17-ти-лѣтней племянницей Фридриха II-го Фредерикой-Доротеей-Софіей, дочерью маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго [12]). Непремѣннымъ условіемъ брака Фридрихъ II поставилъ, чтобы дѣти этой супружеской четы исповѣдывали протестантство. Фридрихъ-Евгеній, воспитанный отцомъ, подобно своимъ братьямъ, въ католичествѣ, долженъ былъ согласиться на это условіе; вотъ почему бракъ его вызвалъ самыя радостныя чувства въ жителяхъ Виртемберга, которые, будучи по большей части протестантами, не могли помириться съ католицизмомъ своихъ герцоговъ [13]).

Это супружество было однимъ изъ счастливыхъ. Оно составляло исключеніе въ лѣтописяхъ супружествъ XVIII вѣка, когда въ высшихъ слояхъ общества на брачныя узы смотрѣли съ крайнимъ легкомысліемъ. Оно продолжалось 44 года, и въ теченіе этого времени супруги жили въ мирѣ и добромъ согласіи, своимъ скромнымъ, семейнымъ образомъ жизни [14]) возбуждая у испорченныхъ современниковъ даже упреки въ мѣщанствѣ. Много лѣтъ спустя, принцесса Фредерика-Софія, по поводу семейныхъ дѣлъ, писала своей дочери, тогда великой княгинѣ, Маріи Ѳеодоровнѣ о своемъ столь продолжительномъ супружескомъ счастіи, выражая самыя нѣжныя и преданныя чувства къ мужу [16]). Эта переписка матери съ дочерью, которая, по своей интимности, едва ли появится когда-нибудь появится въ печати въ полномъ своемъ видѣ,—рисуетъ намъ личность принцессы Фридерики самыми свѣтлыми, сочувственными красками. Получивъ, какъ и другія принцессы Прусскаго королевскаго дома, Французское образованіе, она восприняла только полезныя его стороны. Нѣжность, мягкость женственной натуры

---

[11]) *Vehse*, 25 Band, 4-te Abt., 3-r Theil, S. 228; *Stark*, 40—43.

[12]) Маркграфство Бранденбургъ-Шведтское находилось въ Прусской провинціи Бранденбургѣ и въ 1788 году, по кончинѣ послѣдняго маркграфа, присоединено къ Пруссіи.

[13]) *Stark*, 7.

[14]) Это подтверждается всѣми современниками. *Stark*, 114 и *Oberkirch*, особенно стр. 19.

[16]) *Архивъ дворца города Павловска*: Письма матери императрицы Маріи Ѳеодоровны. Выдержки изъ нихъ будутъ приведены ниже въ своемъ мѣстѣ.

соединялись у Фредерики съ просвѣщеннымъ умомъ и необыкновеннымъ для того времени развитіемъ нравственнаго чувства. Она была матерью, душою семьи въ то время, какъ свѣтскія женщины менѣе всего думали о семьѣ. Характеръ принцессы Фредерики сложился подъ вліяніемъ тихой жизни въ ея родномъ Брандербургскомъ городкѣ Шведтѣ, просвѣщенныхъ заботъ матери и угрюмаго нрава отца [17]). Какъ и другія Прусскія принцессы того времени, она была воспитана въ духѣ феодальныхъ преданій; только этимъ объясняется, при полномъ довольствѣ скромною семейной жизнью, ея вниманіе къ почестямъ и мелочамъ этикета, которое она проявляла не разъ впослѣдствіи и которое усиливалось стремленіемъ принцессы поддержать достоинство своего семейства среди множества другихъ княжескихъ семействъ.

Счастливая супружеская чета имѣла уже двухъ сыновей: Фридриха-Вильгельма (р. 1754 г.) и Людовига-Фридриха (р. 1756 г.), когда разразилась гроза Семилѣтней войны. Въ это время герцогъ Фридрихъ-Евгеній, будучи генераломъ Прусской службы, занималъ видное положеніе въ рядахъ Прусской арміи, а затѣмъ ему поручена должность губернатора Прусской Помераніи и города Штеттина (эту самую должность занималъ 30 лѣтъ тому назадъ отецъ Екатерины II, герцогъ Ангальтъ-Цербстскій, тоже находившійся въ Прусской службѣ). Въ Штеттинѣ и недалеко отъ него расположенномъ мѣстечкѣ Трептовѣ проживала семья Виртембергскаго принца, такъ какъ самъ онъ, увлекаемый военными бурями, не всегда могъ быть дома. Судьба служилыхъ принцевъ, сражавшихся не за родину, а изъ военной чести и матеріальныхъ выгодъ, сказалась въ Семилѣтней войнѣ и на Фридрихѣ-Евгеніи. Такъ какъ Карлъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій, объявилъ себя на сторонѣ Австріи и двинулъ ей на помощь Виртембергскія войска; то младшему брату его, находившемуся въ Прусской арміи, поневолѣ приходилось поднимать руку на роднаго брата и на его полки. Дѣйствительно, герцогу Фридриху-Евгенію пришлось не разъ сражаться съ Виртембергскими войсками и одерживать верхъ надъ ними [18]). Вообще, въ Семилѣтней войнѣ онъ пріобрѣлъ

---

[17]) Императрица Екатерина отмѣтила эту дурную черту въ характерѣ дѣда Маріи Ѳеодоровны, разсматривая вопросъ о ея замужествѣ съ Павломъ Петровичемъ. Сборникъ Р. Ист. Общ., XIII, 139.—*Stark*, 45.

[18]) *Stark*, 8.

славу искуснаго и храбраго вождя; такъ, напримѣръ, онъ разбилъ при Рейхенбергѣ Австрійскаго генерала Пурпурати и взялъ нѣсколько пушекъ. Онъ командовалъ частью Прусскихъ войскъ при осадѣ Праги и участвовалъ въ гибельной для Фридриха II-го битвѣ при Кунерсдорфѣ 1 Августа 1759 г., гдѣ «скоропостижный» и «захватчивый» король былъ на голову разбитъ Русскими войсками. Оффиціальный историкъ Виртембергской фамиліи въ концѣ XVIII в., Штаркъ, говоря объ участіи Фридриха-Евгенія въ Семилѣтней войнѣ, совершенно умалчиваетъ о его положеніи въ послѣдній ея періодъ; между тѣмъ, приложенная къ его же сочиненію переписка Фридриха-Евгенія съ королемъ Прусскимъ за это время, въ связи съ другими данными, уясняетъ намъ многіе любопытные случаи, касающіеся и Русской исторіи [19]). Въ Кунерсдорфской битвѣ Фридрихъ-Евгеній былъ сильно раненъ въ ногу, и отъ раны этой, плохо залѣченной, онъ страдалъ потомъ всю жизнь. Поэтому король Фридрихъ II отправилъ молодаго принца въ Померанію, къ семьѣ, которая въ то время искала себѣ защиты и спокойствія то въ Берлинѣ и Шведтѣ, то въ Штеттинѣ. Семья Фридриха-Евгенія умножилась въ 1758 году новымъ принцемъ Евгеніемъ-Фридрихомъ, а спустя два съ половиною мѣсяца послѣ Кунерсдорфской «преславной баталіи», 14 Октября 1759 года, страдавшій отъ нанесенной ему Русскими раны отецъ утѣшенъ былъ рожденіемъ въ Штеттинѣ первой своей дочери, Софіи-Доротеи-Августы-Луизы, впослѣдствіи Русской царицы Маріи Ѳеодоровны.

Первое время младенчества она несомнѣнно провела за крѣпкими Штеттинскими стѣнами: Русскіе уже дѣлали въ то время набѣги на Померанію, а зимою 1759—1760 года и совсѣмъ утвердились въ ней. Тогда еще не вполнѣ оправившійся отъ раны, Фридрихъ-Евгеній былъ вынужденъ вновь сражаться съ Русскими, принявъ команду надъ остатками разсѣянныхъ въ Помераніи Прусскихъ войскъ. Но отцу будущей Русской государыни видимо не везло при встрѣчѣ съ Русскими. Уже 22 Февраля 1760 г. онъ писалъ Фридриху II, что отрядъ казаковъ въ 600 человѣкъ, минуя расположенныя на пути Прусскія войска, такъ быстро и внезапно ворвался въ городъ Шведтъ, что находившіеся тамъ Пруссаки и онъ самъ, пораженные неожи-

[19]) Тамъ же, 46—47.

данностію, должны были сдаться въ плѣнъ казакамъ; они, впрочемъ, сжалились надъ принцемъ, страдавшимъ отъ своихъ ранъ, и оставили его въ Шведтѣ, взявъ съ него письменное обязательство считать себя военноплѣннымъ [20]). Командующій Русскими войсками въ Помераніи, генералъ Тотлебенъ, Нѣмецъ, спустя годъ измѣнившій Россіи и передавшійся Пруссакамъ, освободилъ однако, королевскаго родственника и извѣстнаго генерала отъ этого обязательства за денежный выкупъ [21]). Этой свободою принцъ воспользовался, чтобы принять участіе въ неудачной защитѣ Берлина, который былъ занятъ Русскими войсками 29 Сентября того же года и пощаженъ тѣмъ же Тотлебеномъ, заключившимъ капитуляцію съ жителями Берлина безъ вѣдома своего начальника, генерала Чернышова. Можно догадываться, что не безъ участія и вѣдома принца Фридриха-Евгенія происходили и измѣнническія пересылки съ Пруссаками генерала Тотлебена, завершившіяся, во время похода Русскихъ войскъ въ Померанію, его арестомъ, произведеннымъ съ общаго совѣта всѣхъ полковыхъ командировъ подчиненнаго ему корпуса, 19 Іюня 1761 года. Наконецъ, мы видимъ, что въ этомъ же году Фридрихъ-Евгеній употребляетъ всѣ усилія чтобы спасти Кольбергъ, главный оплотъ Помераніи, осажденный Румянцовымъ; но 1 Декабря, пытаясь ввезти въ крѣпость съѣстные припасы, онъ былъ разбитъ, и тогда Кольбергъ долженъ былъ сдаться Румянцову. Смерть Елисаветы спасла, какъ извѣстно, Пруссію. Петръ III возвратилъ Фридриху II всѣ сдѣланныя Русскими завоеванія, и принцъ Фридрихъ-Евгеній, оставшись на своей должности въ Помераніи и живя съ семьей то въ Штеттинѣ, то въ Трептовѣ, старался по возможности залѣчить раны, нанесенныя Прусской арміи губительной войною, въ теченіе которой онъ честно исполнялъ свои воинскія обязанности по отношенію къ Пруссіи и Фридриху II-му.

---

[20]) Письмо королю Фридриху изъ Шведта 22 Февраля 1760 г. *Stark*, 46—47.

[21]) Письмо королю Фридриху изъ Штеттина 24 Февраля 1760 г. На немъ Фридрихъ сдѣлалъ слѣдующую отмѣтку: «es wurde mihr lib Seindt Wanderanschlach angenommen würde; ich glanbete ess aber schwerlich, dann die Russen froh Seindt dass sie ihm nicht gegen sich hätten». Stark, 47. Въ своемъ обозрѣніи Семилѣтней войны Фридрихъ сообщаетъ, будто бы принцъ Виртембергскій былъ отпущенъ на свободу по приказанію Русской Императрицы. Показаніе Фридриха II-го между тѣмъ опровергается письмами его же племянника.

II.

Дѣтскія впечатлѣнія принцессы Софіи-Доротеи, связанныя съ именемъ Россіи.—Воспитаніе братьевъ принцессы и лица, имъ завѣдывавшія.—Опроверженіе извѣстія Штарка о перепискѣ герцога Фридриха съ Руссо по вопросу о воспитаніи принцессы Софіи-Доротеи.—Вліяніе сочиненій Руссо на характеръ этого воспитанія въ связи съ обстановкой жизни Виртемберской семьи въ Трептовѣ.—Системы женскаго воспитанія въ XVIII в.: Французская и Нѣмецкая.—Дѣтскія письма принцессы Софіи-Доротеи и характеръ ея первоначальнаго воспитанія.—Семейная обстановка принцессы въ концѣ 1768 и началѣ 1769 г.—Переѣздъ Виртембергской семьи изъ Трептова въ Монбельяръ.—Этюпъ и его сады.—Роль сентиментализма въ новомъ періодѣ жизни принцессы Софіи-Доротеи.—Генріета Вальдеръ; идиллическія забавы и наклонности Этюпскихъ обитателей.—Развитіе характера принцессы Софіи-Доротеи.—Значеніе Монбельяра въ дѣлѣ образованія принцессы Софіи-Доротеи.—Переговоры о бракѣ Софіи-Доротеи съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.—Ассебургъ и его дѣйствія.—Итоги учебныхъ занятій принцессы Софіи.—Помолвка съ герцогомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ и смерть первой супруги великаго князя Павла Петровича.

Императрица Марія Θеодоровна, дочь принца Фридриха-Евгенія, нареченная по протестантскому обряду Софіей-Доротеей-Августой-Луизой, родилась въ Штеттинѣ [24]) 14 (25) Октября 1759 г., въ то время, когда еще свѣжо было впечатлѣніе одержанной Русскими Куннерсдорфской побѣды, какъ громомъ поразившей Пруссію и бывшей роковою для ея отца. Такимъ образомъ самое начало жизни новорожденной Софіи-Доротеи

---

[24]) Штеттинъ, бывшій также родиной Императрицы Екатерины II, есть главный городъ онѣмеченнаго Славянскаго Поморья (Помераніи)—древняя Славянская крѣпость Щетинъ; это названіе отъ одного корня со словами: *щитъ*, *защита*. Само собою разумѣется, что мы напрасно стали бы искать въ это время въ старомъ Славянскомъ Поморьи, за исключеніемъ Кашубіи, самодѣятельной Славянской національности: она быстро и успѣшно поглощаема была нѣмцами. Оттого о вліяніи туземнаго Славянскаго элемента въ дѣтскіе годы императрицъ Екатерины II и Маріи Θеодоровны на ихъ воспитаніе не можетъ быть и рѣчи.

было тѣсно связано съ именемъ Россіи и Русскихъ. Слѣдовавшіе за тѣмъ плѣнъ ея отца страшными для Нѣмцевъ казаками, захватъ Берлина и завоеваніе Помераніи Русскими войсками, отъ которыхъ семья принца могла спастись временно только въ Штеттинѣ, вмѣстѣ съ дрожавшими отъ ужаса обывателями его,—вотъ событія, среди которыхъ протекло младенчество Софіи-Доротеи. Они прославили грозное для Пруссаковъ Русское имя и, конечно, навсегда должны были остаться памятными для семьи Штеттинскаго губернатора и быть предметомъ постоянныхъ толковъ въ ея средѣ. Но вмѣстѣ съ разсказами о страшныхъ Русскихъ войскахъ, о необычайной обширности и величіи мало еще вѣдомой въ Европѣ имперіи, подроставшая принцесса не могла, конечно, не слышать и другихъ разсказовъ, совсѣмъ сказочнаго характера, о томъ, что этой необъятной имперіей правитъ теперь государыня, судьба которой была 30 лѣтъ тому назадъ поразительно схожа съ настоящимъ положеніемъ самой маленькой принцессы Софіи-Доротеи: она тоже родилась въ Штеттинѣ, тоже была дочерью Штетинскаго Прусскаго губернатора и мелкаго Германскаго князя и тоже называлась Софіей. Сколько пожеланій и сколько, быть можетъ, тайныхъ надеждъ зарождалось въ то время въ семейномъ кругу Виртембергской фамиліи при этомъ дѣйствительно-замѣчательномъ совпаденіи, когда въ Штеттинѣ еще были, безъ сомнѣнія, люди помнившіе Екатерину маленькой дѣвочкой [25]) и охотно дѣлившіеся своими о ней воспоминаніями! Суевѣрные люди, которыхъ въ XVIII вѣкѣ было немало даже среди образованныхъ людей, могли выводить самыя блестящія заключенія и о будущей участи Софіи-Доротеи. Сама Екатерина II-я не безъ теплаго чувства относилась къ существу, своею жизнью какъ бы воспроизводившему ея дѣтство. Въ письмахъ ея къ Гримму находятся прямыя на то указанія. «Не знаю, писала она, но съ 1767 г. (когда Екатерина стала искать невѣсты для Павла Петровича) я всегда чувствовала особое предпочтеніе къ этой дѣвочкѣ. Разумъ, который, какъ вы знаете, руководитъ инстинктомъ, заставилъ меня предпочесть другую; потому что крайняя молодость Софіи-Доротеи) не позволила мнѣ привести своей мысли въ исполненіе въ то время, и вотъ, когда я считала ее потерянной

---

[25]) О ея скромной дѣтской жизни въ Штеттинѣ см. въ статьѣ акад. Я. К. Грота «Воспитаніе Екатерины II-й» «Др. и Нов. Россіи», 1875 г. № 2.

навсегда, событіе самое несчастное (смерть первой супруги Павла Петровича) возвращаетъ меня къ предмету особаго моего предпочтенія. Что вы скажете на это? Вы будете разсуждать по своему, вы все свалите на случай? Совсѣмъ нѣтъ! Я энтузіастка и этимъ не довольствуюсь: для меня нужно что-либо болѣе широкое» (il me faut du plus vaste à moi [26]). Въ другихъ письмахъ она шутитъ съ Гриммомъ, говоря: «Не думаете ли вы, что трава и вода въ этомъ пресловутомъ Штеттинѣ способны образовать людей?» «Вы увидите, что со временемъ будутъ ѣздить въ Штеттинъ на ловлю принцессъ, и что въ этомъ городѣ будутъ цѣлые караваны посланниковъ, какъ за Шпицбергеномъ бываютъ китоловы» [27]). Мать принцессы Софіи-Доротеи, дочь маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго и Прусской принцессы, не могла также не вспоминать, что ея отца Петръ Великій прочилъ въ женихи будущимъ императрицамъ: сначала Аннѣ Іоанновнѣ, а потомъ Елисаветѣ Петровнѣ [28]). Во всякомъ случаѣ, необходимо допустить, что обычное положеніе младшихъ членовъ княжескихъ Германскихъ домовъ (для которыхъ брачные вопросы и проекты были насущными жизненными вопросами) заставляло родителей принцессы Софіи-Доротеи, уже помимо личныхъ чувствъ и соображеній, приложить все стараніе къ наилучшему ея воспитанію. Этому стремленію вполнѣ соотвѣтствовали какъ многообѣщавшіе физическіе и нравственные задатки малолѣтней принцессы, такъ и вся ея семейная обстановка.

Въ концѣ Семилѣтней войны (1763 г.) семейство Фридриха-Евгенія и его супруги состояло, кромѣ принцессы Софіи-Доротеи, еще изъ трехъ старшихъ ея братьевъ: Фридриха-Вильгельма, Людвига-Евгенія, Евгенія-Фридриха и двухъ млад-

---

[26]) Сборникъ Р. И. О., т. XXIII, стр. 50.

[27]) Тамъ же, стр. 55, 57.

[28]) Это засвидѣтельствовано матерью Маріи Θеодоровны въ ея письмѣ къ ней отъ 27 Февраля 1780 года: «......J'ai joint à cet envoi des papiers dont j'ai fait tirer copie qui sont deux lettres de Pierre-le-Grand à feu mon père de son mariage projetté avec la princesse Anne, puis Impératrice, avec une lettre de cette princesse et une autre du feu roi à mon père avec un autre projet de mariage avec feu l'Impératrice Élisabeth. Je suis sûre que cela vous fera plaisir». *Архивъ Павловскаго дворца*, письма матери Императрицы Маріи Θеодоровны.

шихъ: Вильгельма и Фердинанда. Всѣ эти дѣти (изъ которыхъ старшему, Фридриху, было 9 лѣтъ, а младшему, Фердинанду, не было еще года) находились, главнымъ образомъ, на попеченіи матери своей принцессы Фридерики-Доротеи, такъ какъ супругъ ея занимался до этого времени почти исключительно своими служебными обязанностями въ эту тяжкую для Пруссіи и его семейства годину. Къ боязни за жизнь мужа и за безопасность семейства присоединилась еще скудость денежныхъ средствъ, становившаяся чувствительнѣе по мѣрѣ умноженія семейства. Одно радовало молодую мать, это—цвѣтущее здоровье и крѣпость ея дѣтей, полученныя ими въ наслѣдство отъ своихъ Виртембергскихъ и Прусскихъ предковъ, еще не испорченной крови. По возвращеніи принца Фридриха-Евгенія съ войны, семья переселилась въ Трептовъ, недалеко отъ Штеттина, и зажила здѣсь въ строгомъ уединеніи, которое лишь изрѣдка прерывалось поѣздками въ Берлинъ и Шведтъ для свиданія съ родными, а къ нимъ принцесса Фридерика чувствовала особую привязанность. Все свое вниманіе молодая чета обратила на воспитаніе дѣтей, для которыхъ только что открылась въ будущемъ блестящая перспектива: старшій братъ Фридриха-Евгенія, Людвигъ-Евгеній, вслѣдствіе неравнаго брака, долженъ былъ отказаться въ 1763 г. за своихъ дѣтей отъ права наслѣдовать престолъ Виртембергскій, который, такимъ образомъ, долженъ былъ сдѣлаться рано или поздно достояніемъ дѣтей Фридриха-Евгенія, такъ какъ у самаго владѣтельнаго герцога Карла-Евгенія дѣтей не было. Надзоръ за подросшими старшими сыновьями принялъ на себя домашній секретарь Фридриха-Евгенія, землякъ и другъ Гете, Іоганъ-Георгъ Шлоссеръ, который съ основательнымъ литературнымъ образованіемъ соединялъ, по словамъ Гете, возвышенную и чистую натуру. Шлоссеръ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ для семейства Фридриха-Евгенія: онъ былъ и домашнимъ секретаремъ, и гувернеромъ, и веселымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ въ Трептовскомъ и Штеттинскомъ уединеніи, и живою энциклопедіей знаній. Въ то же время это былъ Нѣмецъ съ головы до ногъ, поклонникъ реакціи противъ господствовавшаго въ Германіи Французскаго вліянія и поборникъ Германской самобытной литературы. Въ дѣлѣ воспитанія принцевъ онъ скоро получилъ себѣ тоже Нѣмецкихъ помощниковъ: Георга-Іонаѳана Голланда, извѣстнаго впослѣдствіи писателя и уче-

наго родомъ изъ Виртемберга, и офицера Прусской службы Фридриха Моклера, внука Французскаго эмигранта и сына лютеранскаго пастора, который обучалъ нѣкогда въ Штеттинѣ Екатерину II въ ея дѣтскіе годы. Голландъ завѣдывалъ по преимуществу научнымъ воспитаніемъ принцевъ, а Моклеръ, будучи ихъ воспитателемъ, долженъ былъ готовить ихъ къ свѣту и неизбѣжной для нихъ военной службѣ [30]). Главное руководство воспитаніемъ принцевъ принадлежало, однако, самому отцу, тогда какъ забота о воспитаніи дочери, принцессы Софіи-Доротеи, естественно, лежала на матери.

Говоря о большемъ вліяніи матери. чѣмъ отца, на воспитаніе принцесы Софіи-Доротеи, мы тѣмъ самымъ противорѣчимъ извѣстію, сообщаемому Штаркомъ [31]), о перепискѣ въ 1763—1765 годахъ Фридриха-Евгенія съ Руссо по вопросу о воспитаніи принцессы Софіи, впослѣдствіи императрицы Маріи Θеодоровны. Для біографа Маріи Θеодоровны довольно обширная и интересная переписка эта дѣйствительно не можетъ не быть искушеніемъ, связывая ея семейство и первоначальное воспитаніе съ именемъ блестящаго представителя педагогическихъ идей XVIII в., тѣмъ болѣе, что данныя о воспитаніи императрицы настолько отрывочны, что возсоздавать картину его можно лишь по обломкамъ или неяснымъ, едва замѣтнымъ очертаніямъ. Въ интересахъ истины нельзя, однако, не сознаться, что переписка эта можетъ попасть въ біографію императрицы только по неосмотрительности вовлеченнаго въ искушеніе біографа. Прочитывая внимательно письма Руссо, указываемыя Штаркомъ, и въ томъ числѣ знаменитое письмо, начинающееся словами: «Si j'avais le malheur d'être né prince», нельзя не видѣть, что по своему содержанію они относятся (какъ показываютъ и самые заголовки ихъ) не къ Фридриху-Евгенію, герцогу Виртембергскому, а къ брату его Людвигу-Евгенію [32]). Письма Руссо начинаются съ 29 Сентября 1763 г.

---

[30]) Stark, 13—20.

[31]) Stark, 13—14.

[32]) *Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau*, t. XIX. Correspondance. 1763—1766. A Paris, 1820, p. III—285. Мы пользовались также экземпляромъ сочиненій Руссо изданія 1793 г. изъ Императорской Публичной Библіотеки. Къ сожалѣнію, мы не могли достать въ Петербургѣ Франкфуртскаго изданія, на которое ссылается Штаркъ, хотя тожественность писемъ Парижскаго и

*

и продолжаются по 18 Февраля 1765 г. и всѣ служатъ отвѣтами на вопросы герцога о воспитанiи его дочери Софiи. Совѣты Руссо, имѣя иногда общiй характеръ, тѣмъ не менѣе ясно показываютъ, что они имѣютъ въ виду только что увидѣвшаго свѣтъ ребенка, и первыя проявленiя его психической жизни; поэтому ихъ невозможно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прiурочить къ дочери принца Фридриха-Евгенiя, нашей императрицѣ, которой въ Октябрѣ 1763 г. минуло уже 4 года [33]). Точно также невозможно объяснить себѣ, почему Руссо, если-бы онъ обращался дѣйствительно къ принцу Фридриху, ни однимъ словомъ не упоминаетъ въ своихъ письмахъ о его старшихъ дѣтяхъ, а напротивъ, пишетъ принцу, какъ лицу, которому только въ первый разъ приходится исполнять свои родительскiя обязанности; а въ концѣ переписки упоминается даже о рожденiи «втораго ребенка» (second enfant) и, стало быть, принцесса Софiя, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ, была первымъ плодомъ брака своихъ родителей [34]). Наконецъ, нельзя отнести къ Фридриху-Евгенiю и тѣхъ мѣстъ изъ писемъ Руссо, гдѣ онъ говоритъ о своемъ высокомъ корреспондентѣ, какъ о жителѣ Швейцарiи, въ которой жилъ тогда и самъ Руссо [35]). Мало того, Руссо вспоминаетъ о своей встрѣчѣ съ принцемъ въ Насси,

---

Франкфуртскаго изданiй не подлежитъ сомнѣнiю; самое важное изъ писемъ: начинающееся словами: «si j'avais le malheur d'être né prince», отсутствуютъ только въ Парижскомъ изданiи 1793 г.

[33]) Тамъ же, стр 136, письмо отъ 15 Декабря 1763 г. . . . . «Vous voyez votre enfant précoce . . . . des enfants distinguent de bonne heure les odeurs comme différentes, comme faibles ou fortes, mais non pas comme bonnes ou mauvaises; la sensation vient de la nature; la préférence ou l'aversion n'en vient pas. Cette observation que j'ai faite en particulier sur l'odorat, n'est pas applicable aux autres sens; ainsi le jugement que la petite porte sur cet article est déjà une chose acquise: cela doit être. D'abord ses plaintes, ne marquant que l'inquiétude du malaise, ressemblaient à des pleurs. Maintenant l'expérience, qui apprend qu'on l'écoute et qu'on la soulage. Sa plainte est donc devenue un langage; au lieu de pleurer elle parle à sa manière».

[34]) Тамъ же, 206. J'apprends avec plus de chagrin que de surprise l'accident qui vous a forcé d'ôter à votre *second* enfant sa nourrice naturelle»...

[35]) Тамъ же, 143, 166. Тиссо, упоминаемый въ разбираемой нами перепискѣ, какъ лицо, наблюдавшее за физическимъ воспитанiемъ принцессы Софiи, былъ знаменитымъ Швейцарскимъ врачемъ того времени. Письмо Руссо жительницѣ Ваадтскаго кантона, которой онъ совѣтовалъ наблюдать за воспитанiемъ принцессы Софiи и взять его за образецъ при воспитанiи собственной дочери, пропущено въ изданiи сочиненiй Руссо 1820 года, но напечатано въ Парижскомъ изданiи 1793 года.

во Франціи, за восемь или десять лѣтъ до начала своей переписки съ нимъ, а Фридрихъ-Евгеній за время отъ своего брака до начала Семилѣтней войны во Франціи не былъ [36]). Между тѣмъ, всѣ эти недоумѣнія легко объясняются, если мы отвергнемъ утвержденіе Штарка и не будемъ отрицать вѣрности самихъ заголовокъ писемъ, находящихся и въ старыхъ Французскихъ изданіяхъ: «A m-r prince *Loui*s-Eugène de Wirtemberg». Принцъ Людвигъ-Евгеній, находившійся во Французской службѣ, вступилъ въ неравный бракъ съ дочерью Саксонскаго тайнаго совѣтника графиней Софіей-Альбертиной фонъ-Бейхлингенъ. Этотъ неравный бракъ Людвига-Евгенія имѣлъ своимъ слѣдствіемъ, какъ мы уже видѣли это, семейный договоръ въ средѣ Виртембергской фамиліи, по которому дѣти Людвига-Евгенія отъ этого брака лишались правъ на престолонаслѣдіе. Страстно любя свою жену и предпочитая тихую семейную жизнь обычной шумной, но тяжелой судьбѣ Нѣмецкихъ служилыхъ принцевъ того времени, Людвигъ-Евгеній удалился въ частную жизнь и поселился въ Швейцаріи, гдѣ для своего мѣстопребыванія избралъ знаменитую въ то время Лозанну, главный городъ Ваадтскаго кантона [37]). Все счастіе и весь интересъ молодыхъ супруговъ сосредоточился на воспитаніи родившихся у нихъ въ 1763—1764 гг. двухъ дочерей, изъ которыхъ первая, носившая имя Софіи, и сдѣлалась предметомъ оживленной переписки ея отца съ Руссо. Людвигъ-Евгеній тѣмъ съ большимъ основаніемъ заботился о возможно-лучшемъ и чуждомъ предразсудковъ образѣ воспитанія своихъ дочерей, что онѣ, по своему рожденію, должны были лишиться правъ, которыя присвоены были членамъ царствующихъ домовъ, и войти въ разрядъ простыхъ смертныхъ; принцесса Софія впослѣдствіи вышла замужъ за князя Эттингенъ-Валлерштейнъ [38]). Впрочемъ, Штаркъ вовлеченъ былъ въ ошибку относительно переписки Людвига-Евгенія съ Руссо подобной же ошибкою славнаго современника обоихъ принцевъ Виртембергскихъ, Гёте, на котораго Штаркъ и ссылается [39]). Между тѣмъ разгадка ошибки Гёте проста: называя герцога Фридриха неправильно герцо-

---

[36]) Тамъ же, стр. 144.
[37]) *Vehse*, 4-er Theil, стр. 4.
[38]) Тамъ же, стр. 6.
[39]) *Stark*, стр. 13—14.

гомъ Людвигомъ [40]), Гете и не могъ сомнѣваться, что письма Руссо адресованы были именно къ нему.

Отвергнувъ достовѣрность переписки Руссо съ Фридрихомъ-Евгеніемъ, мы, однако, не можемъ не признать косвеннаго участія Руссо въ дѣлѣ воспитанія его дочери. Безъ сомнѣнія, родители принцессы Софіи-Доротеи, подобно другимъ своимъ современникамъ, не могли не поддаться вліянію увлекательнаго краснорѣчія, съ какимъ Руссо именно въ то время распространялъ свои воспитательныя теоріи. Въ особенности важны были въ этомъ смыслѣ два его сочиненія, вышедшія въ 1761 и 1762 годахъ: «Новая Элоиза» и «Эмиль». Обѣ эти книги были горячимъ протестомъ противъ мертвенности въ душевной жизни человѣка того времени, совсѣмъ уходившаго во внѣшній міръ и строго подчинявшагося застарѣвшимъ началамъ окружавшей его среды. Вмѣсто искусственности и дѣланности общественныхъ и частныхъ отношеній, за блестящей казовой стороной которыхъ скрывались крайняя развращенность и пустота, Руссо, въ обоихъ названныхъ своихъ сочиненіяхъ, выдвигаетъ на первый планъ близость къ природѣ, развитіе сердца въ человѣкѣ и добродѣтель, основанную на чувствѣ. Очищеніе нравовъ, по мнѣнію Руссо, могло выйти только изъ очищенія упавшей семейной жизни, а для этого слѣдовало возбудить въ людяхъ развитіе внутренней жизни и любовь къ природѣ и ея красотамъ. «И съ какой глубокой сердечностью, говоритъ Геттнеръ, умѣетъ Руссо изображать сладкія прелести тихо счастливой жизни, тѣ сладкія заботы о домѣ и дѣтяхъ, о садѣ и полѣ, которыя даже и не заботы, потому что въ нихъ самихъ заключено уже, какъ вознагражденіе, чувство сердечнаго довольства!» [41]) Нѣмцы и Нѣмки, всегда болѣе чѣмъ Французы склонные къ сентиментальности, особенно восприняли ученіе Руссо и довели его впослѣдствіи даже до крайностей. Сухость, разсудочность Вольтера и энциклопедистовъ, не могла удовлетворить проявлявшейся потребности въ живомъ, тепломъ словѣ, созидавшемъ религію сердца и добродѣтель чувства. Вотъ почему идиллія Руссо, предполагавшая естественныхъ людей въ ихъ естественныхъ отношеніяхъ, быстро стала вытѣснять въ Германіи и старинный, суровый семейный бытъ, и новѣйшую, Француз-

[40]) Тамъ же, стр. 13.
[41]) *Геттнеръ:* Исторія всеобщей литературы XVIII в., т. II, 353.

скую отчужденность родителей отъ дѣтей, придавая отношеніямъ старшихъ къ младшимъ теплый, мягкій характеръ. Мало по малу стала вырабатываться и потребность жизни среди природы, красоты которой также воспитательнымъ образомъ дѣйствовали на душу человѣка, замѣняя выспренность глубиною чувства. У нѣкоторыхъ любовь къ природѣ развивалась до страсти, особенно любовь къ цвѣтамъ, которая съ того времени стала считаться несомнѣннымъ проявленіемъ только людей добрыхъ. Въ нѣмецкой натурѣ, такимъ образомъ, развивалось то прекраснодушіе, та «Schönseligkeit», которая особенно отличала многихъ образованныхъ нѣмцевъ конца прошлаго столѣтія и выразилась въ нѣмецкихъ литературныхъ произведеніяхъ періода Sturm und Drang.

Особенно жаркой поклонницей Руссо была супруга принца Фридриха-Евгенія, принцесса Фредерика-Доротея, благородной, нѣжной натурѣ которой какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ сердечный призывъ Руссо къ добродѣтели и любви. Для нея «Эмиль» дѣйствительно сдѣлался евангеліемъ природы въ дѣлѣ воспитанія (Naturevangelium der Erziehung—слова Гёте). Много лѣтъ спустя, перечитывая Руссо, она писала Маріи Θеодоровнѣ, что «Эмиль» составляетъ ея предпочтительное чтеніе (toute première lecture) [42]); посылая ей-же для малолѣтняго сына ея Александра будущаго воспитанника Лагарпа, бюсты Вольтера и Руссо, она замѣтила: «Каждый изъ этихъ великихъ людей имѣлъ выдающіяся достоинства, но послѣдній (Руссо) въ особенности заслуживаетъ уваженіе (le dernier surtout en possédait de bien estimable») [43]). Правда, система воспитанія, предлагавшаяся въ сочиненіяхъ Руссо, не соотвѣтствовала пышной обстановкѣ княжескихъ дворовъ того времени, и Руссо, какъ авторъ этой системы, имѣлъ основаніе сказать, что «онъ счелъ бы себя несчастнымъ, если бы онъ былъ принцемъ и въ этомъ санѣ долженъ былъ бы заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей» [44]); но родители принцессы Софіи-Доротеи не были похожи на тѣхъ принцевъ, которыхъ рисовалъ себѣ Руссо и для которыхъ забота о своихъ дѣтяхъ отступала на второй планъ, сравнитель-

---

[42]) *Архивъ Павловскаго дворца.* Письмо матери Маріи Θеодоровны отъ 25 Ноября 1780 года.

[43]) Тамъ-же. Письмо матери императрицы Маріи Θеодоровны 9 Января 1779 года.

[44]) Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau, t. XIX, стр. 114—115.

но съ другими обязанностями. сопряженными съ ихъ званіемъ. Въ Трептовѣ Виртембергская семья жила на лонѣ природы, какъ живутъ семьи образованныхъ и зажиточныхъ помѣщиковъ; окружали ее не придворные, а умные, нравственные люди, навсегда сдѣлавшіеся ея друзьями; строгій порядокъ и экономія господствовали въ домашнемъ быту, вообще очень скромномъ, благосостояніе котораго поддерживалось лишь хозяйственными способностями принцессы Доротеи. Ея дядя Фридрихъ II могъ въ самомъ Берлинѣ служить ей примѣромъ крайней бережливости; притомъ вся семья жила чрезвычайно дружно, отношенія между ея членами были всегда самыя ласковыя и теплыя [45]). Все это, образуя дѣтскія впечатлѣнія малолѣтней принцессы Софіи-Доротеи, опредѣляло развитіе добрыхъ свойствъ ея характера; а жизнь на вольномъ воздухѣ, среди садовъ и цвѣтниковъ, столь любимыхъ ея матерью, внушила ей съ дѣтства любовь къ природѣ и надѣлила ее крѣпкимъ здоровьемъ.

Обстановка младенческихъ лѣтъ не могла, однако, предрѣшить окончательно системы и характера воспитанія принцессы Софіи-Доротеи. Воспитаніе сыновей, имѣвшихъ опредѣленную цѣль жизни—жизнь при дворѣ и военную службу, не могло слишкомъ удаляться отъ обычной колеи; другое дѣло было воспитаніе женщины, цѣль и характеръ котораго вызывали и въ то время, какъ и теперь, самыя противорѣчивыя сужденія и взгляды. Можно, впрочемъ, сказать, что въ Германіи XVIII вѣка господствовали двѣ крайнія системы женскаго образованія: Французская и Нѣмецкая. Одни, воспринявъ вмѣстѣ съ Французскимъ образованіемъ и Французскій взглядъ на женщину, видѣли въ ней, главнымъ образомъ, украшеніе семьи и общества; по этому эпикурейскому взгляду, воспитаніе женщины долженствовало сообщить ей качества и свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы блистать въ обществѣ. Оттого на первомъ планѣ для офранцуженной женщины стояло изученіе хорошихъ манеръ, музыки, танцевъ, изящныхъ рукодѣлій и изящнаго рисованія; къ этому присоединялись полное изученіе Фран-

---

[45]) Принцесса Доротея, безъ сомнѣнія, была главной виновницей этого семейнаго настроенія. «Ma tendresse, писала она Маріи Ѳеодоровнѣ 18 Октября 1780 года, était égale pour mes enfans... La sensibilité maternelle à mon coeur est une souffrance de plus que j'éprouve". *Архивъ Павловскаго дворца.*

цузскаго разговорнаго языка, знакомство съ лучшими литературными произведеніями и такія поверхностныя свѣдѣнія изъ научныхъ предметовъ, которыя могли бы позволить женщинѣ, не краснѣя, принимать участіе въ разговорахъ свѣтскаго общества. Такое воспитаніе, лишенное всякой нравственной основы, вполнѣ, впрочемъ, соотвѣтствовало распаденію Французской семьи и легкости нравовъ Французскаго общества, гдѣ на женщину смотрѣли, какъ на игрушку. Естественно, что, распространившись въ высшихъ слояхъ Германскаго общества, воспринявшихъ Французскую образованность, эта система воспитанія не могла прійтись по душѣ большинству патріархальныхъ Нѣмцевъ, которые, наоборотъ, въ женщинѣ выше всего цѣнили ея семейныя добродѣтели. Строгое благочестіе, знаніе всѣхъ хозяйственныхъ мелочей и домашнія заботы о мужѣ и дѣтяхъ,—вотъ что опредѣляло въ большинствѣ случаевъ кругъ воспитанія Нѣмецкой женщины XVIII вѣка. Умѣнье читать, считать и писать, Законъ Божій и изученіе искусствъ и рукодѣлій съ полезной ихъ стороны считалось совершенно достаточнымъ образовательнымъ курсомъ. За то Нѣмка того времени дѣйствительно была душой семьи и въ нравственномъ отношеніи стояла несравненно выше своихъ офранцуженныхъ соотечественницъ. Этого преимущества Нѣмецкаго воспитанія не могли не видѣть и ему не сочувствовать такія высоко-нравственныя натуры, какъ принцесса Доротея; но она-же, по необходимости, въ виду самой будущности своихъ дочерей-принцессъ, должна была заботиться объ усвоеніи ими и свѣтскаго Французскаго образованія. Стремленіемъ согласить эти двѣ крайнія системы женскаго воспитанія, удержавъ однѣ ихъ хорошія стороны, принцесса Доротея задалась довольно рано, еще до рожденія своей старшей дочери принцессы Софіи-Доротеи. Сохранилась до настоящаго времени ея записная тетрадь, относящаяся къ 1749—1758 г., куда молодая супруга-мать вносила и свои мысли по разнымъ предметамъ, и извлеченія изъ сочиненій лучшихъ писателей, почему-либо обратившія на себя ея вниманіе [46]). Во главѣ этихъ извлеченій поставлено слѣдующее стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Philosophie des Femmes»:

---

[46]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Études de Sa Majesté Impériale, связка первая. Въ этой же тетради находятся стихотворенія Фридриха II, обращенныя имъ къ Арно и друг.; нѣкоторыя стихотворенія, довольно гладко написанныя, не принадлежатъ ли перу самой августѣйшей любительницы ли-

Il n'est pas honnête, et pour beaucoup de causes,
Qu'une femme étudie et sache tant de choses.
Former aux bonnes moeurs l'esprit de ses enfans,
Faire aller son ménage, avoir l'oeil sur les gens
Et régler la dépense avec économie:
Doit être son étude et sa philosophie [47]).

Еще яснѣе обрисовывается взглядъ принцессы Доротеи на женское воспитаніе въ слѣдующемъ «Avis d'une bonne mère à la fille», находящемся въ той же тетради»: Во всѣ времена пренебрегали воспитаніемъ дочерей; обращали на него вниманіе только ради интересовъ мужчинъ и, считая женщинъ ничтожествомъ (une espèce à part), предоставляли ихъ самимъ себѣ безъ всякой помощи, не принимая въ соображеніе, что онѣ составляютъ половину человѣческаго рода, что съ ними по необходимости вступаютъ въ союзы, что онѣ составляютъ счастіе или несчастіе мужчинъ, которые постоянно чувствуютъ необходимость имѣть разумныхъ женъ; что именно женщины возвышаютъ или губятъ семейства и что отъ женщинъ же зависитъ воспитаніе дѣтей въ ихъ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда всѣ впечатлѣнія бываютъ болѣе живы и болѣе глубоки. Что же женщины могутъ внушить въ это время дѣтямъ, когда онѣ сами съ дѣтства были брошены на руки гувернанткамъ, которыя, какъ обыкновенно это бываетъ, внушаютъ имъ низкія чувства, будятъ постыдныя страсти и, вмѣсто вѣры, внѣдряютъ въ нихъ суевѣріе? Скорѣе слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы сдѣлать наслѣдственными извѣстныя добродѣтели, которыя переходили бы отъ матери къ дѣтямъ, чѣмъ о томъ, чтобы сохранять въ потомствѣ родовыя имущества. Ничего, слѣдовательно, нѣтъ болѣе ошибочнаго, какъ то воспитаніе, которое

тературы? Большая часть стихотвореній посвящена дружбѣ и прославленію добродѣтели, чѣмъ выразилась сентиментальность принцессы. Заглавія ихъ слѣдующія: «Des avantages de l'amitié», «Du choix de ses amis», «Des vices qui corromprent l'amitié», «Les blessures d'un ami sont meilleurs que le baiser flatteur d'un ennemi», etc. Между прозаическими статьями обращаетъ на себя вниманіе небольшой отрывокъ, восхваляющій Фридриха II.

[47]) «По многимъ причинамъ для женщины нѣтъ почета въ томъ, что она будетъ изучать и знать слишкомъ многое. Дать нравственное направленіе уму своихъ дѣтей, вести свое хозяйство, имѣть надзоръ за слугами и быть бережливою въ расходахъ,—вотъ что должно быть предметомъ изученія женщины и составлять ея философію».

даютъ молодымъ особамъ. Ихъ предназначаютъ только къ тому, чтобы онѣ нравились; уроки даютъ имъ только для забавъ, усиливаютъ тщеславіе, оставляютъ на жертву нѣгѣ, свѣту и предразсудкамъ, и вовсе не думаютъ учить ихъ твердости и добродѣтели. Несправедливо или, лучше, безразсудно думать, что подобное воспитаніе не принесетъ женщинамъ вреда».

Эти выписки вполнѣ доказываютъ справедливость словъ друга дѣтства императрицы Маріи Θеодоровны, баронессы Оберкирхъ, что принцесса Доротея презирала легкомысліе и пустоту французскихъ нравовъ и не допускала, чтобы вліяніе ихъ могло коснуться ея дочери [48]). Считая, такимъ образомъ, какъ истая нѣмка того времени, развитіе сердца и семейныхъ добродѣтелей одною изъ главнѣйшихъ задачъ при воспитаніи дочери, образованная и благородная принцесса не могла, однако, не сознавать важности для нея умственнаго и свѣтскаго образованія; но образованіе это, данное ея дочери, при всей бѣдности тогдашней Нѣмецкой литературы и господствѣ Французскаго вліянія, по духу своему было скорѣе Нѣмецкимъ, чѣмъ Французскимъ: суровое протестантское благочестіе и Нѣмецкій патріотизмъ придали ему недостававшую Французамъ строгость и основательность.

Для характеристики первыхъ годовъ воспитанія императрицы Маріи Θеодоровны, столь самостоятельно направляемаго ея матерью, мы, къ счастію, владѣемъ драгоцѣннымъ документомъ, это—дѣтскими письмами Маріи Θеодоровны къ отцу и матери въ концѣ 1768 и началѣ 1769 годовъ [49]). Въ это время родители ея готовились къ переселенію въ Монбельяръ, Виртембергское владѣніе во Французскихъ предѣлахъ, и должны были для этой цѣли ѣздить въ Штутгартъ и Берлинъ. Маленькая принцесса, которой едва исполнилось тогда девять лѣтъ, оставалась въ Трептовѣ на попеченіи своей гувернантки, г-жи Боркъ, которая нѣжно любила свою царственную воспитанницу и, въ свою очередь, внушила ей къ себѣ на всю жизнь

---

[48]) *Oberkirch.* Mémoires, t. I, p. 251.

[49]) *Архивъ Павловскаго дворца:* Études de S. M. I-le, связка I. Сохранились они въ черновомъ своемъ видѣ, въ трехъ тетрадяхъ, на четверткахъ простой сѣрой бумаги. Всѣ они писаны собственноручно принцессой Софіей-Доротеей, дѣтскимъ, неустановившимся еще почеркомъ. Къ сожалѣнію, листы нѣкоторыхъ писемъ оторваны.

искреннія чувства привязанности и благодарности [50]). Одиночество принцессы Софіи-Доротеи раздѣляли съ ней ея братья, бывшіе на два года моложе другъ-друга: Фридрихъ, 14-лѣтній юноша, Людвигъ, Евгеній Вильгельмъ и младшій, шестилѣтній Фердинандъ; кромѣ того съ нею оставались и двѣ малолѣтнія сестры, родившіяся въ Трептовѣ послѣ Семилѣтней войны: четырехлѣтняя Фредерика и двухлѣтняя Елисавета. Лица, видѣвшія принцессу Софію-Доротею около этого времени, сообщаютъ, что девятилѣтняя принцесса уже оправдывала собою заботы матери: высокаго роста, блистая здоровьемъ и замѣчательной красотой, она по своему физическому развитію казалась значительно старше своихъ лѣтъ, а выдающимися нравственными ея чертами были кротость ея характера и чрезвычайная доброта, отпечатлѣвавшіяся на самой наружности [51]). Около этого же времени, нежданно для молоденькой принцессы и въ полной неизвѣстности для нея, въ Трептовское уединеніе проникъ первый лучъ того будущаго величія, о которомъ могли только мечтать родители при ея рожденіи. Весною 1768 года извѣстный агентъ Екатерины при Германскихъ дворахъ, Ассебургъ, которому поручено было подыскать среди Германскихъ принцессъ невѣсту для Павла Петровича, посѣтилъ, проѣздомъ черезъ Померанію, Трептовъ, и провелъ нѣсколько времени среди неподозрѣвавшаго его цѣлей семейства Фридриха-Евгенія. Достоинства принцессы Софіи-Доротеи, къ которой Ассебургъ имѣлъ полную возможность присмотрѣться, привели стараго дипломата въ такое восхищеніе, что онъ тогда же писалъ о томъ Екатеринѣ, намѣчая въ молодой принцессѣ одну изъ кандидатокъ въ супруги Павлу Петровичу [52]). Съ отъѣздомъ матери принцесса Софія какъ бы заступила мѣсто хозяйки дома, на сколько это было возможно при ея возрастѣ, и еженедѣльно писала своимъ родителямъ, давая имъ отчетъ о домѣ и о своихъ занятіяхъ. Въ этихъ письмахъ, какъ въ зеркалѣ, отра-

---

[50]) Въ своемъ завѣщаніи императрица Марія Ѳеодоровна (Русская Старина, 1882 г., т. XXXIV, 331) упоминаетъ про кольцо изъ маркизата, которое она получила въ подарокъ отъ г-жи Боркъ и которое носила въ память ея съ дѣтства до конца жизни, пока, наконецъ, оно не сломалось. О г-жѣ Боркъ и ея мужѣ, занимавшемъ должность гофмейстера при Фридрихѣ-Евгеніи, см. *Oberkirch*, 1, 37.

[51]) *Assebourg*, Denkwürdigkeiten, Berlin, 1842, стр. 246.—*Oberkirch*, 1, 20.

[52]) *Assebourg*, Denkwürdigkeiten, стр. 146—147.

жаются свѣтлыя и симпатичныя стороны ея дѣтской натуры и скромный семейный быть, ее воспитывавшій. Нужно замѣтить, что въ черновыхъ тетрадяхъ маленькой принцессы письма къ ея родителямъ чередуются съ нѣкоторыми письмами знаменитой г-жи Севинье: отличаясь безукоризненностію внѣшней формы, они должны были, безъ сомнѣнія, по мысли матери принцессы, пріучить дѣвочку къ правильному изложенію мыслей и выработать изящный слогъ. Письма принцессы Софіи, всѣ на Французскомъ языкѣ, довольно правильно для ребенка писанныя, хотя часто безъ знаковъ препинанія, начинаются письмомъ отъ 27 Сентября 1768 года. Мы приведемъ здѣсь самыя интересныя изъ нихъ, дышащія невинностію и свѣжестію.

27-го Сентября маленькая Софія-Доротея писала своимъ родителямъ: «Я была чрезвычайно обрадована, узнавъ отъ г. Моклера, что вы чувствуете себя такъ хорошо; но печальная новость о продолжающихся страданіяхъ дорогаго папа [53]) очень уменьшила мою радость, и я желаю отъ глубины моего сердца, чтобы эти страданія прекратились и чтобы мы имѣли счастіе вскорѣ вновь увидѣть своихъ дорогихъ родителей въ полномъ здоровьѣ. Я льщу себя надеждой, что скоро всѣ мы будемъ имѣть эту невыразимую радость, потому что не проходитъ ни обѣда, ни ужина, даже часа въ теченіе дня безъ того, чтобъ мы не думали объ этомъ. Дни проходятъ въ пожеланіяхъ, и скоро наступитъ тотъ, котораго мы такъ ожидаемъ. Такъ какъ г-жа Боркъ дала мнѣ только маленькій клочекъ бумаги, то пора мнѣ сказать вамъ о своихъ занятіяхъ. Мы изучали всѣ обыкновенныя карты Германскихъ округовъ, за исключеніемъ округа Верхне-Саксонскаго, котораго мы не знаемъ еще совершенно, не изучивъ его сѣверной части. Я буду имѣть честь говорить вамъ о картѣ Нижней Саксоніи. Церковныя владѣнія Нижне-Саксонскаго округа суть два епископства: Гильдесгеймское и Любекское, изъ которыхъ послѣднее есть единственное лютеранское епископство въ Германіи, котораго епископъ всегда бываетъ изъ Голштинскаго герцогскаго дома. Свѣтскія владѣнія этого округа суть герцогства: Бременское, Саксенъ-Лауенбургское и Брауншвейгъ-Люнебургское и княжества Каленбергъ и Грубенлангенъ, которыя всѣ принадлежатъ курфюрсту

[53]) Отъ раны при Куннерсдорфѣ. Мы стараемся сдѣлать переводъ какъ можно ближе къ подлиннику, сохраняя особенности дѣтскаго языка.

Ганноверскому. Герцогство Магдебургъ и княжество Гальберштадтъ... Герцогство Голштейнъ, котораго часть принадлежитъ Датскому королю, а часть Русской императрицѣ или, скорѣе, великому князю Павлу, потому что его отецъ Петръ III-й, Русскій императоръ, происходилъ изъ этого дома»... Далѣе слѣдуетъ то же утомительное перечисленіе Нѣмецкихъ княжествъ и городовъ. Письмо заканчивается слѣдующими словами: «Въ ближайшую почту я буду имѣть честь написать вамъ изъ исторіи, и останавливаюсь сегодня, прося васъ, дорогіе родители, вѣрить въ мое глубочайшее уваженіе». И въ другихъ письмахъ мы по большей части видимъ, что, на ряду съ извѣстіями о себѣ и другихъ членахъ семьи, маленькая принцесса излагаетъ уроки, полученные ею по разнымъ предметамъ. Это ясно доказываетъ, какую важность придавали ея родители научному образованію, слѣдя за нимъ по письмамъ дочери даже въ отдаленіи. Мы воспользуемся этими выдержками при изложеніи хода ученія принцессы; теперь же обратимъ вниманіе на ея семейное положеніе, разсказывая о которомъ принцесса, въ дѣтской невинности и во всей прелести развивающагося нравственнаго самосознанія, невольно характеризуетъ въ то же время и самоё себя.

Въ письмѣ отъ 5-го Октября она такъ рисуетъ бытъ семьи и выражаетъ свои чувства: «Мы всѣ внѣ себя отъ восхищенія, что мои милые родители думаютъ еще о своихъ бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя ихъ нѣжно любятъ. Мы всѣ почтительно благодаримъ васъ за деньги, которыя вы имѣли доброту прислать намъ. Маленькій Фердинандъ все просилъ меня повергнуть его къ ногамъ обожаемыхъ родителей и сказать имъ, что онъ имъ будетъ очень признателенъ и что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы научиться читать къ тому времени, когда мы вновь увидимъ себя у ногъ своихъ дорогихъ родителей. Я почтительно прошу у васъ прощенія за то, что мнѣ случилось въ моемъ послѣднемъ письмѣ [54]) просить васъ о присылкѣ необходимыхъ чашекъ, которыя теперь у насъ есть: я должна была сказать себѣ, что ваша доброта предвидитъ всѣ наши нужды. Г-жа Боркъ приказала мнѣ вести счетъ тѣмъ двумъ экю, которыя она по вашимъ щедротамъ передала мнѣ, такъ что мои обо-

[54]) Этого письма мы не отыскали въ черновыхъ тетрадяхъ (Études de S. M. I-le) Павловскаго дворца.

жаемые, дорогіе родители увидятъ, что я не дѣлаю расходовъ безъ надобности и что я стала очень экономной, не будучи, однако, скупой; потому что я думаю, что это порокъ самый ужасный для молодой особы и что это есть источникъ всѣхъ пороковъ. Обожаемая моя мама! Могу ли я просить у васъ извѣстій о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьи, и прошли ли у моего дорогаго папа страданія отъ раны на ногѣ? Я желаю этого отъ всего моего сердца, потому что я бываю очень несчастна, когда знаю, что страдаетъ кто-нибудь изъ моихъ дорогихъ родителей. Чрезъ почту, которая пойдетъ въ Воскресенье, я буду имѣть честь отдать вамъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ на этой недѣлѣ и надѣюсь своимъ прилежаніемъ доказать глубочайшее уваженіе, съ которымъ я и проч.»

Въ концѣ Октября всѣ дѣти переболѣли. Принцесса такъ извѣщала объ этомъ своихъ родителей 28 Октября: «Извините, обожаемая мама, что я не имѣла чести писать вамъ въ послѣдній разъ. У меня болѣлъ желудокъ, и это удерживало меня въ постели; но теперь, слава Богу, я совершенно поправилась. Мой дорогой дѣдушка [55]) былъ такъ добръ, что прислалъ г. Берендта, хотя теперь мы уже не имѣемъ въ немъ нужды, потому что все идетъ хорошо [56]). Братья Людвигъ и Евгеній обѣдаютъ уже съ нами, и надѣются, что братья Фердинандъ и Вильгельмъ тоже вскорѣ встанутъ. Мои братья были такъ добры, что сдѣлали мнѣ очень красивые подарки въ день моего рожденія» [57]). Въ свою очередь и принцесса дарила братьевъ, когда праздновались ихъ дни рожденія. Но эти дѣтскіе праздники не могли быть веселы, такъ какъ болѣзнь оказалась болѣе важною, чѣмъ думали,—страшной въ то время оспой, и помощь доктора Берендта была не только не лишней, но существенно успокоивала пришедшую въ уныніе семью. Можно представить себѣ, какъ тосковали при такихъ обстоятельствахъ дѣти въ отсутствіи горячо любимыхъ отца и матери, и выразительницей ихъ чувствъ была постоянно та же принцесса Со-

---

[55]) Маркграфъ Бранденбургъ-Шведтскій.

[56]) Принцесса написала сначала: «mais Dieu merci, tout va bien». Эти слова зачеркнуты, и рукою гувернантки написано: «quoique nous n'en ayons plus besoin, car tout va bien». Эта поправка г-жи Боркъ — почти единственная въ цѣломъ рядѣ писемъ, хотя вліяніе ея наставленій чувствуется иногда въ письмахъ. Берендтъ былъ врачъ маркграфа.

[57]) 14 Октября по старому стилю, и 25 Октября по новому.

фія-Доротея, хотя ея нездоровье также продолжалось. Родители съ своей стороны старались издалека ободрять и веселить больныхъ. 8-го Ноября Софія-Доротея писала: «Я тронута была до глубины души, обожаемая мама, когда г-жа Боркъ передала мнѣ о всѣхъ милостяхъ и добротѣ вашей къ бѣднымъ вашимъ дѣтямъ. Но, слава Богу, они совершенно оправились. Людвигъ еще въ постели, но чувствуетъ себя довольно хорошо. Вильгельмъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нами и сегодня въ первый разъ танцовалъ съ нами. Фридрихъ также могъ бы выйти, еслибъ не боялись, что онъ можетъ заразить Фердинанда, такъ какъ онъ постоянно вмѣстѣ съ Людвигомъ. Я не совсѣмъ здорова, но не боюсь оспы, которая была у меня прежде». Когда, наконецъ, карантинъ кончился, дѣти нѣсколько ожили. «Мы чрезвычайно рады», писала принцесса 12 Ноября: «Людвигъ теперь внѣ всякой опасности. Г-жа Боркъ была вчера у него и сказала мнѣ, что его оспины совершенно засохли, за исключеніемъ оспинъ на носу».

При этихъ тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ и при ея собственномъ нездоровьи, учебныя занятія принцессы, а равно и хозяйственныя хлопоты продолжались своимъ чередомъ. «Я почтительно прошу у васъ, безцѣнная мама, писала Софія-Доротея 12 Ноября, немного денегъ, а также чашекъ, потому что всѣ чашки здѣсь разбиты, даже чашка маленькаго Фердинанда, и г-жа Боркъ снабжаетъ насъ своими; но и изъ нихъ двѣ уже разбиты. Извините, дорогая мама, что я постоянно сообщаю вамъ о нашихъ общихъ нуждахъ; мнѣ поручили это младшіе мои братья и позволила г-жа Боркъ. Я не стала бы надоѣдать вамъ, еслибы къ этому не принудила меня необходимость». Уже 17-го Ноября маленькая добрая хозяйка думаетъ объ удовольствіи, которое она можетъ доставить прислугѣ своими подарками въ день Рождества Христова, и проситъ мать дозволить ей подарить горничной Гретхенъ нѣкоторыя свои вещи. «Онѣ уже такъ изношены, увѣряла она, что я не могу ихъ больше употреблять»; той же участи должно было подвергнуться и ея платье изъ Страсбурга, на томъ основаніи, что оно сдѣлалось принцессѣ коротко. «Я надѣюсь, прибавляла она, что вы не откажете мнѣ въ этой милости, вы, которая балуете меня болѣе, чѣмъ я этого заслуживаю; по крайней мѣрѣ, я умѣю быть благодарной, и ничто не можетъ сравниться съ моимъ къ вамъ

уваженіемъ, благодарностью и покорностью» [59]). И на праздникахъ добрая дѣвочка думала не объ одной себѣ; когда отецъ прислалъ ей въ подарокъ денегъ къ празднику, она писала матери: «я была тѣмъ болѣе тронута, что не ожидала этой доброты, доставившей мнѣ возможность помочь бѣднымъ» [60]).

Новый 1769 годъ встрѣтила Софія-Доротея невесело. Едва выздоровѣли ея братья, какъ она получила извѣстіе, что страданія ея отца отъ раны возобновились съ новой силой. Къ родителямъ своимъ она вообще питала самую сильную, нѣжную дочернюю любовь и старалась всячески заслужить ихъ одобреніе. Тѣмъ болѣе она была огорчена, когда, въ началѣ 1769 года, ея мать выразила въ письмѣ къ г-жѣ Боркъ неудовольствіе по поводу какого-то дѣтскаго проступка своей дочери. Отчаяніе Софіи-Доротеи не знало предѣловъ, и она написала матери, умоляя ее о прощеніи и говоря даже, что она недостойна носить имя своихъ обожаемыхъ родителей. Вслѣдъ затѣмъ ея сердцу, страдавшему отъ разлуки съ родителями, суждено было испытать новое огорченіе, вслѣдствіе отъѣзда всѣхъ пяти ея братьевъ въ Швейцарію, въ Лозанну, куда они отправлены были, по приказанію отца, въ сопровожденіи воспитателя ихъ Моклера, для довершенія образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла не сочувствовать имъ, такъ какъ на пути своемъ они должны были увидѣться съ родителями и провести съ ними нѣкоторое время [61]). Софія-Доротея осталась только съ двумя маленькими сестрами—Фредерикой и Елисаветой и тосковала въ опустѣвшемъ для нея Трептовѣ. Ея уединеніе раздѣляла съ нею подруга ея дѣтства, дѣвица Шиллингъ фонъ Канштатъ, о которой она упоминаетъ иногда въ своихъ письмахъ. Домашніе, зная привязанность принцессы къ ея братьямъ, не предувѣдомили ея о ихъ отъѣздѣ, а гувернантка г-жа Боркъ даже увезла ее погостить къ своей матери въ день, когда они должны были уѣхать, чтобы предотвратить потоки слезъ на прощаніи съ ними своей мягкой и чувствитель-

---

[59]) Письмо отъ 17 Ноября одно изъ послѣднихъ съ обозначеніемъ времени; слѣдующія затѣмъ письма приводятся по нумерамъ, проставленнымъ въ черновыхъ тетрадяхъ.

[60]) Дѣтскія письма императрицы Маріи Θеодоровны, тетрадь 1-я, письмо № 21.

[61]) Stark, 10.

ной ученицы. «Безцѣнные и дорогіе мои братья, писала имъ огорченная сюрпризомъ сестра, я была въ отчаяніи, когда, возвратившись изъ Колина, я уже не нашла васъ, мои дорогіе и сердце мое страдаетъ еще болѣе, потому что вы уѣхали, не доставивъ мнѣ печальнаго утѣшенія проститься съ вами. Богъ да поможетъ вамъ во всѣхъ дѣлахъ вашихъ... Могу ли я, впрочемъ, жаловаться, когда вы бросили мѣсто скуки, чтобы войти въ большой свѣтъ? Вы, быть можетъ, на дорогѣ будете имѣть счастіе видѣть нашихъ обожаемыхъ родителей, тогда какъ я протоскую еще нѣсколько мѣсяцевъ въ моемъ печальномъ убѣжищѣ. Я говорю это вамъ вовсе не изъ зависти, потому что я люблю васъ до обожанія, и нѣтъ такого счастія, котораго я не пожелала бы вамъ отъ глубины души. Я только чувствую свое несчастіе, и это естественно. Маленькая прекрасная Фредерика мысленно обнимаетъ васъ много разъ; маленькая Елисавета тоже. Прошу васъ, любите меня всегда хотя немного и не забывайте меня, прошу васъ» [62]). Оживленная, самая теплая переписка любящей сестры съ братьями продолжалась до отъѣзда ея въ Монбельяръ.

Приведенныхъ мѣстъ изъ переписки принцессы Софіи-Доротеи съ родными, кажется, довольно, чтобы ясно представить себѣ образъ этой симпатичной дѣвочки въ 1768—1769 гг. и вполнѣ повѣрить свидѣтельству лицъ, знавшихъ ее въ это время и отзывавшихся о ней восторженно. Это была любимица семьи и всѣхъ окружавшихъ, полагавшая свое счастіе въ счастьи другихъ. Идеалъ ея матери начиналъ воплощаться въ дочери: при необычайномъ развитіи чувства въ принцессѣ Софіи и въ это время уже проявилась способность къ хозяйству, любовь къ точности и порядку. Уже одна аккуратность въ веденіи переписки съ родителями, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ домашняго обихода, и чистота черновыхъ тетрадей, въ которыхъ первоначально писались, почти безъ помарокъ, эти письма, доказываютъ склонность принцессы къ обдуманному, методическому образу дѣйствій: ихъ нельзя объяснить одними внѣшними побужденіями. Замѣтно даже излишнее, и даже ...чное для 9-ти-лѣтней дѣвочки стремленіе—анализировать ...снять свои дѣйствія, хотя болѣе чѣмъ вѣроятно, что

...Дѣтскія письма Императрицы Маріи Θеодоровны, тетрадь 2-я, пись-...

здѣсь дѣвочка только повторяла слова своей гувернантки [63]). Что касается до умственнаго развитія принцессы, то, читая ея письма, едва вѣришь, что они принадлежатъ 9-лѣтней дѣвочкѣ: нѣкоторыя письма, по своему содержанію и языку, свидѣтельствуютъ о раннемъ умственномъ развитіи даровитаго существа, уже подвергшагося дѣйствію строгой образовательной школы. Къ сожалѣнію, въ исторической литературѣ почти вовсе нѣтъ прямыхъ извѣстій о первоначальномъ образованіи принцессы Софіи-Доротеи. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны только нѣсколько относящихся сюда строкъ въ запискахъ графини Хотекъ, подружившейся съ нашей принцессой, когда она была уже великой княгиней Маріей Ѳеодоровной. «Она, говоритъ графиня Хотекъ, разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что девяти лѣтъ она знала геометрію» [63]). Подробности эти, однако, для насъ, должно быть, пропали навсегда, ибо графиня не сообщила ихъ; но зато фактъ даровитости принцессы Софіи, выразившійся въ томъ, что девяти лѣтъ она изучала уже геометрію, подтверждается дѣйствительно ея дѣтскими письмами, на основаніи которыхъ мы и постараемся по возможности возстановить картину ея первоначальнаго образованія.

Принцессу Софію-Доротею начали учить чтенію и письму довольно рано, вѣроятно, на шестомъ году: мы заключаемъ это изъ этого, что, въ этомъ же возрастѣ, какъ мы видѣли изъ ея писемъ, учился грамотѣ и младшій братъ ея Фердинандъ. Все первоначальное ея образованіе, безспорно, лежало подъ наблюденіемъ матери на рукахъ гувернантки г-жи Боркъ. Мы имѣемъ даже основаніе думать, что, при изученіи Французской и Нѣмецкой грамоты, бывшихъ одинаково важными предметами изученія для принцессы Софіи, обученіе Французскому письму велось исключительно подъ руководствомъ г-жи Боркъ: мать принцессы, какъ видно изъ хранящихся въ Павловскомъ дворцовомъ архивѣ писемъ ея, писала по-французски

---

[63]) Таковы, напр., ея слова: «я сдѣлаюсь очень экономной, не будучи, однако, скупой, потому что я думаю, что это порокъ самый ужасный для молодой особы и что это есть источникъ всѣхъ пороковъ». См. приведенное выше письмо отъ 5 Октября 1768 г.

[63]) Русскій Архивъ, 1873 г., столбцы 1969—1970.

настолько неправильно, что придерживалась болѣе звуковой, чѣмъ этимологической ороографіи, и въ этомъ отношеніи ея письма уступаютъ даже дѣтскимъ письмамъ принцессы, въ которыхъ вообще ошибокъ въ правописаніи сравнительно немного [64]). Въ то же время г-жа Боркъ знакомила постоянно свою ученицу и съ курсомъ ариометики. Такимъ образомъ въ учебномъ дѣлѣ мать принцессы Софіи-Доротеи отступила отъ программы Руссо, который ни во что не ставилъ интеллектуальное преподаваніе (Эмиль долженъ былъ приниматься за ученіе лишь 15-ти лѣтъ отъ роду). Въ этомъ отношеніи заботливая мать, очевидно, дѣлала то, что̀ нѣсколько позже, въ 1770 г., совѣтовалъ основатель филантропизма Базедовъ въ своемъ «Методическомъ руководствѣ для отцовъ и матерей семействъ» [65]). Возможно раннее обученіе дочери, связывалось, конечно, съ мыслію о томъ, что въ 15—16 лѣтъ дѣвушка могла быть уже невѣстой, а до этого времени мать желала дать дочери такое же возможно-полное образованіе, какъ и сыновьямъ. Здѣсь принцесса Доротея расходилась и съ Базедовымъ, который, предъявляя большія требованія относительно образованія сыновей, считалъ нужнымъ давать дѣвочкамъ лишь самое элементарное образованіе и придерживался старо-нѣмецкаго, семейнаго взгляда на женщину, какъ на хозяйку. Раннее начало ученія, при способностяхъ, обнаруженныхъ принцессою Софіей-Доротеей, облегчалось также самыми пріемами преподаванія, котораго главнымъ условіемъ было не подавлять ученицы многопредметностью и большимъ количествомъ уроковъ, а дѣлать ученіе непринужденнымъ и пріятнымъ. Такъ, въ особенности, поставлено было дѣло преподаванія Закона Божія [66]), языковъ, изящныхъ искусствъ и рукодѣлія. Фран-

[64]) Нужно замѣтить при этомъ, что уроки чистописанія или вообще были довольно слабы, или съ большимъ трудомъ давались маленькой принцессѣ: Марія Θеодоровна всегда имѣла неправильный и чрезвычайно сжатый почеркъ, иногда очень трудно поддающійся чтенію. Природная близорукость Маріи Θеодоровны еще болѣе портила ея почеркъ: иногда онъ до такой степени мелокъ, что для удобства чтенія приходится прибѣгать къ помощи увеличительнаго стекла.

[65]) Въ уставѣ своемъ для сельскихъ школъ, изданномъ въ Пруссіи 2-го Октября 1763 г. Фридрихъ II обязательное обученіе для дѣтей установилъ также съ ранняго ихъ возраста: оно могло начинаться съ пяти лѣтъ. См. *Шмидта* «Исторію Педагогики», т. III, стр. 561.

[66]) Въ архивѣ Павловскаго дворца, въ Études de Sa Majesté Impériale № 1, сохранилась тетрадь, въ которой дѣтской рукой Маріи Θеодоровны пе-

цузскій языкъ даже сдѣлался принцессѣ столь же роднымъ, какъ и Нѣмецкій, такъ что и преподаваніе наукъ велось, по установившемуся, впрочемъ, въ то время въ высшихъ слояхъ общества правилу, на Французскомъ языкѣ. На девятомъ году принцессу стали знакомить съ исторіей и географіей. Къ сожалѣнію, географія понималась въ то время исключительно въ смыслѣ политической. Представляя собою лишь сухой перечень владѣній, городовъ, рѣкъ и т. д., при тогдашней политической раздробленности Германіи, отечественная географія, безъ сомнѣнія, составляла для принцессы Софіи-Доротеи особую трудность; образчикъ тяжелаго, ложившагося исключительно на память ученицы географическаго преподаванія мы уже видѣли въ ея письмѣ отъ 27-го Сентября. Исторія, также исключительно политическая, преподавалась ей въ видѣ систематическаго курса, начиная съ древнихъ временъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, одновременно съ древней исторіей, преподававшій принцессѣ исторію и географію, нѣкто Лаземанъ, сталъ сообщать ей отрывки и изъ новой. «Когда я кончаю изученіе какой-либо страны по картѣ, г. Лаземанъ (пишетъ принцесса родителямъ 17 Ноября 1768 г.) сообщаетъ кое-что изъ новой исторіи этой страны, и такъ какъ я прежде писала вамъ о географіи Нидерландовъ, то въ настоящее время сообщу вамъ о ихъ исторіи и начну съ эпохи ихъ раздѣленія». Впрочемъ, этотъ пріемъ не измѣнилъ нисколько въ сущности сухаго и подробнаго изложенія историческихъ событій; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ изложеніе оживлялось попыткой дать объясненіе какого-либо историческаго явленія. На одномъ изъ такихъ уроковъ принцесса Софія-Доротея познакомилась и съ Русской исторіей въ лицѣ величайшаго изъ ея дѣятелей, Петра Великаго. Нужно сказать, что при изложеніи его жизни почему-то измѣнена была обычная сухость преподаванія и сдѣлано объясненіе его исторической дѣятельности. Приводимъ это мѣсто вполнѣ: «Петръ Великій, пишетъ принцесса, по всей

реписано на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ стихотворное переложеніе XVIII псалма. Подъ переложеніемъ, не совсѣмъ старательно переписаннымъ, суровая гувернантка отмѣтила карандашомъ въ назиданіе своей ученицѣ: «la princesse aînée n'apprend rien et n'est pas sage». Это переложеніе преслѣдовало, очевидно, воспитательную цѣль; ибо вслѣдъ за нимъ помѣщенъ кодексъ нравственныхъ правилъ, упомянутыхъ нами выше и носившихъ заглавіе «Sens moral».

справедливости, заслужилъ это наименованіе и право принять императорскій титулъ, потому что во время своихъ путешествій онъ понялъ, что онъ былъ въ дѣйствительности одинъ изъ самыхъ могущественныхъ государей въ Европѣ и что нуженъ только творческій, философскій, предпріимчивый и неутомимый умъ, чтобы сравнять его государство съ самыми могущественными государствами Европы; а Петръ одаренъ былъ всѣми великими качествами. Онъ создалъ новую армію, уничтоживъ часть старой, флотъ, морскую торговлю; онъ поднялъ финансы, потому что они были слишкомъ недостаточны для успѣха его великихъ начинаній; онъ устроилъ нѣсколько новыхъ портовъ; онъ произвелъ реформы въ гражданскомъ, церковномъ и образовательномъ отношеніи, потому что его подданные были очень невѣжественны и даже не хотѣли разстаться съ своимъ невѣжествомъ; онъ основалъ Московскій Университетъ (sic!) и Академію Наукъ въ своемъ новомъ городѣ и резиденціи Петербургѣ, и если онъ не предпринялъ всѣхъ своихъ работъ въ военное время, то, однако, его безпрерывныя войны и не препятствовали имъ. Онъ побѣдилъ застарѣлые предразсудки своихъ подданныхъ, тайные ковы духовенства, явныхъ и тайныхъ своихъ враговъ, которые противодѣйствовали постоянно его начинаніямъ, и, несмотря на всѣ эти препятствія, онъ не остановился предъ начинаніями, пользу которыхъ для подданныхъ и для своей имперіи онъ понималъ. Хотѣли очернить характеръ этого государя, упрекая его въ жестокости; но нужно согласиться, что въ просвѣщенномъ государствѣ умѣренное наказаніе производитъ почти то же дѣйствіе, какъ строгое—въ государствѣ невѣжественномъ и деспотическомъ. Можно также оправдывать жестокость Петра Великаго дѣйствіемъ яда, который данъ былъ ему въ его юношескіе годы и отъ котораго у него бывали иногда припадки ярости» [67]). Вотъ первое упоминаніе о Россіи и Петрѣ, которое мы встрѣтили въ учебныхъ записяхъ нашей принцессы и которое соотвѣтствовало дѣтскимъ ея впечатлѣніямъ, указаннымъ нами ранѣе. Что̀ касается до извѣстія, сообщаемаго г-жею Оберкирхъ, что Россія и Петръ Великій сдѣлались извѣстны будущей Русской государынѣ главнымъ образомъ изъ разска-

[67]) Études de S. M. Impériale; дѣтскія письма Маріи Ѳеодоровны, тетр. 2-я, письмо № 25.

зовъ Моклера, женатаго на баронессѣ Лефортъ, происходившей изъ семейства Лефорта, знаменитаго собесѣдника и друга Петра Великаго [68]): то, безъ сомнѣнія, оно относится къ позднѣйшему времени, потому что Моклеръ былъ въ Женевѣ въ первый разъ въ 1769 г., а женился на Лефортъ въ Iюлѣ 1782 г. [69]), когда принцесса Софія-Доротея была уже Русской великой княгиней Маріей Ѳеодоровной. Въ годы дѣтства принцессы Моклеръ, значитъ, могъ быть для нея лишь такимъ же источникомъ свѣдѣній о Россіи, какъ и другія окружавшія ее лица, изъ которыхъ нѣкоторыя были живою лѣтописью Русской славы.—Лаземанъ давалъ ей уроки исторіи, а г-жа Боркъ повторяла иногда съ ней историческіе уроки. Вообще, г-жа Боркъ имѣла въ это время большое вліяніе на принцессу. «У г-жи Боркъ, писала она родителямъ, мы уже нѣсколько времени повторяемъ Римскую исторію, и чѣмъ болѣе подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе она меня балуетъ и доставляетъ мнѣ удовольствіе; мы повторили у нея также священную исторію и исторію Бранденбурга. Она была такъ добра, что писала мнѣ прелестныя наставленія (sic!), въ которыхъ она часто касается и моихъ недостатковъ, а я принуждена переводить эти наставленія на Французскій языкъ. Я почти всегда раскаиваюсь въ своихъ недостаткахъ и надѣюсь, что это поможетъ мнѣ исправиться. Переводя наставленія г-жи Боркъ, по-французски, я переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ» [70]). Этими повтореніями уроковъ у г-жи Боркъ и бесѣдами принцессы съ нею, безъ сомнѣнія, смягчалась сухость историческаго и географическаго преподаванія, носившаго отпечатокъ стараго Нѣмецкаго педантства. Гораздо лучше и легче шли, вѣроятно, занятія по геометріи, которыя начаты были подъ руководствомъ Моклера и прерваны его отъѣздомъ съ братьями принцессы Софіи-Доротеи въ Женеву, въ Маѣ 1769 года. О своихъ успѣхахъ въ геометріи принцесса съ удовольствіемъ упоминаетъ въ письмахъ къ матери [71]).

---

[68]) *Oberkirch*, 1, 25.

[69]) *Stark*, 17.

[70]) Дѣтскія письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 2-я, № 30.

[71]) Тамъ же, письмо № 33.

Лѣтомъ 1769 г. съ переѣздомъ въ Монбельяръ, завершился первый, Трептовскій періодъ жизни принцессы Софіи-Доротеи, который мы старались представить въ возможно болѣе ясныхъ чертахъ, насколько позволяла намъ сдѣлать это скудость относящихся къ этому времени источниковъ. Но важность впечатлѣній перваго дѣтства, послужившихъ задатками нравственныхъ и умственныхъ свойствъ принцессы, конечно, могла опредѣлиться лишь дальнѣйшей жизнію въ Монбельярѣ, гдѣ умственный и нравственный обликъ будущей Русской императрицы получилъ уже ясное выраженіе и гдѣ окончательно сформировался ея характеръ.

Намъ неизвѣстны въ точности обстоятельства, вызвавшія переѣздъ Фридриха-Евгенія изъ Трептова въ Монбельяръ (по-нѣмецки Mömpelgard). Можно однако сказать съ увѣренностію, что виновникомъ оставленія Виртембергскимъ принцемъ Прусской службы былъ не Фридрихъ II, всегда отличавшій его и помогавшій ему даже въ его семейныхъ дѣлахъ [72]). Переѣздъ въ Монбельяръ объясняется вѣрнѣе всего семейными причинами. Семья принца была уже настолько велика, что родители съ тревогой начали думать о средствахъ дать дѣтямъ воспитаніе и затѣмъ приличное ихъ сану положеніе; въ особенности озабочивало ихъ воспитаніе сыновей, изъ которыхъ старшему Фридриху, въ 1768 году, исполнилось уже 14 лѣтъ. Между тѣмъ финансовыя средства принца всегда были ничтожны; служба въ Пруссіи, при скупости Фридриха, не могла обезпечить семью отъ нужды; а старшій братъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій Карлъ-Евгеній, среди безумной роскоши и оргій двора своего, не считалъ для себя возможнымъ помогать младшему брату [73]). Это стѣсненное положеніе Фридриха-Евгенія становилось для него тѣмъ болѣе тяжкимъ, что недававшая ему покоя Кунерсдорфская рана не дозволяла ему аккуратно и строго исполнять требованій Прусской воен-

[72]) Переписку Фридриха-Евгенія съ Фридрихомъ II, всегда носившую дружественный характеръ, см. у *Stark'a*, 43—51.

[73]) Принцесса Фредерика-Доротея, супруга Фридриха-Евгенія, получила свое приданое, сравнительно небольшое, лишь позже, послѣ смерти отца своего, маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго. См. въ Архивѣ Павловскаго дворца пачку: Affaires de Wirtemberg и находящуюся въ ней собственноручную черновую записку импер. Маріи Θеодоровны, безъ заглавія, о потеряхъ, понесенныхъ ея отцомъ во время Французской революціи.

ной службы. Нѣтъ ничего удивительнаго, значитъ, въ томъ, что Фридрихъ-Евгеній могъ воспользоваться неравнымъ бракомъ втораго брата своего Людвига, чтобы съ помощью Фридриха II заставить Карла-Евгенія дать себѣ болѣе прочное и обезпеченное положеніе, тѣмъ болѣе, что его сыновья являлись теперь будущими наслѣдниками Виртемберергскаго престола и, какъ протестанты, пользовались расположеніемъ Виртембергскихъ сословій. Карлъ-Евгеній согласился назначить брата своимъ намѣстникомъ въ Монбельяръ, гдѣ Фридрихъ-Евгеній долженъ былъ пользоваться сравнительно болѣе обезпеченнымъ и независимымъ положеніемъ, чѣмъ на Прусской службѣ. Не говоримъ уже о близости къ Франціи и о прекрасномъ климатѣ Монбельяра сравнительно съ печальнымъ и скучнымъ Трептовымъ, съ тупою накрахмаленностью тамошняго быта, надъ которою такъ смѣется геніальная Екатерина II-я (въ неизданной части своихъ Записокъ, при описаніи жизни своей до пріѣзда въ Россію). Изъ дѣтскихъ писемъ принцессы Софіи видно, что родители ея уже не возвращались въ Трептовъ, а поручили г-жѣ Боркъ привезти къ себѣ Софію-Доротею и маленькихъ сестеръ ея въ особомъ, нарочно присланномъ для этой цѣли дормезѣ. Соскучившіяся по родителямъ дѣти съ радостію встрѣтили это извѣстіе и безъ сожалѣнія оставили Трептовъ, 29 Іюня 1769 г. [74]); по дорогѣ въ Монбельяръ, не извѣстно въ точности гдѣ, съѣхались очи съ родителями и вмѣстѣ съ ними прибыли въ Монбельяръ 7-го Іюля [75]).

Монбельяръ, принадлежащій теперь Франціи, былъ тогда главнымъ городомъ небольшаго графства, которое перешло къ Виртембергу въ 1723 году, за прекращеніемъ герцогскаго дома, составлявшаго вѣтвь Виртембергскаго дома. Это былъ небольшой, но красивый и хорошо устроенный городъ, расположенный въ живописной мѣстности между отрогами Вогезовъ, по теченію рѣки Дуба. Жители, занимавшіеся торговлею, были зажиточны; но, будучи Французами и издавна привыкнувъ имѣть собственныхъ графовъ и герцоговъ, не могли быть довольны своею зависимостью отъ Виртемберга, въ которую они были поставлены благодаря случайности. Вотъ почему пріѣздъ

---

[74]) Дѣтскія письма Императрицы Маріи Θеодоровны, тетрадь 3-я, №№ 49—53.

[75]) «Ephémérides du comté de Montbéliard», par M. Duvernoy стр., 254.

фія-Доротея, хотя ея нездоровье также продолжалось. Родители съ своей стороны старались издалека ободрять и веселить больныхъ. 8-го Ноября Софія-Доротея писала: «Я тронута была до глубины души, обожаемая мама, когда г-жа Боркъ передала мнѣ о всѣхъ милостяхъ и добротѣ вашей къ бѣднымъ вашимъ дѣтямъ. Но, слава Богу, они совершенно оправились. Людвигъ еще въ постели, но чувствуетъ себя довольно хорошо. Вильгельмъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нами и сегодня въ первый разъ танцовалъ съ нами. Фридрихъ также могъ бы выйти, еслибъ не боялись, что онъ можетъ заразить Фердинанда, такъ какъ онъ постоянно вмѣстѣ съ Людвигомъ. Я не совсѣмъ здорова, но не боюсь оспы, которая была у меня прежде». Когда, наконецъ, карантинъ кончился, дѣти нѣсколько ожили. «Мы чрезвычайно рады», писала принцесса 12 Ноября: «Людвигъ теперь внѣ всякой опасности. Г-жа Боркъ была вчера у него и сказала мнѣ, что его оспины совершенно засохли, за исключеніемъ оспинъ на носу».

При этихъ тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ и при ея собственномъ нездоровьи, учебныя занятія принцессы, а равно и хозяйственныя хлопоты продолжались своимъ чередомъ. «Я почтительно прошу у васъ, безцѣнная мама, писала Софія-Доротея 12 Ноября, немного денегъ, а также чашекъ, потому что всѣ чашки здѣсь разбиты, даже чашка маленькаго Фердинанда, и г-жа Боркъ снабжаетъ насъ своими; но и изъ нихъ двѣ уже разбиты. Извините, дорогая мама, что я постоянно сообщаю вамъ о нашихъ общихъ нуждахъ; мнѣ поручили это младшіе мои братья и позволила г-жа Боркъ. Я не стала бы надоѣдать вамъ, еслибы къ этому не принудила меня необходимость». Уже 17-го Ноября маленькая добрая хозяйка думаетъ объ удовольствіи, которое она можетъ доставить прислугѣ своими подарками въ день Рождества Христова, и проситъ мать дозволить ей подарить горничной Гретхенъ нѣкоторыя свои вещи. «Онѣ уже такъ изношены, увѣряла она, что я не могу ихъ больше употреблять»; той же участи должно было подвергнуться и ея платье изъ Страсбурга, на томъ основаніи, что оно сдѣлалось принцессѣ коротко. «Я надѣюсь, прибавляла она, что вы не откажете мнѣ въ этой милости, вы, которая балуете меня болѣе, чѣмъ я этого заслуживаю; по крайней мѣрѣ, я умѣю быть благодарной, и ничто не можетъ сравниться съ моимъ къ вамъ

уваженіемъ, благодарностью и покорностью» [59]). И на праздникахъ добрая дѣвочка думала не объ одной себѣ; когда отецъ прислалъ ей въ подарокъ денегъ къ празднику, она писала матери: «я была тѣмъ болѣе тронута, что не ожидала этой доброты, доставившей мнѣ возможность помочь бѣднымъ» [60]).

Новый 1769 годъ встрѣтила Софія-Доротея невесело. Едва выздоровѣли ея братья, какъ она получила извѣстіе, что страданія ея отца отъ раны возобновились съ новой силой. Къ родителямъ своимъ она вообще питала самую сильную, нѣжную дочернюю любовь и старалась всячески заслужить ихъ одобреніе. Тѣмъ болѣе она была огорчена, когда, въ началѣ 1769 года, ея мать выразила въ письмѣ къ г-жѣ Боркъ неудовольствіе по поводу какого-то дѣтскаго проступка своей дочери. Отчаяніе Софіи-Доротеи не знало предѣловъ, и она написала матери, умоляя ее о прощеніи и говоря даже, что она недостойна носить имя своихъ обожаемыхъ родителей. Вслѣдъ затѣмъ ея сердцу, страдавшему отъ разлуки съ родителями, суждено было испытать новое огорченіе, вслѣдствіе отъѣзда всѣхъ пяти ея братьевъ въ Швейцарію, въ Лозанну, куда они отправлены были, по приказанію отца, въ сопровожденіи воспитателя ихъ Моклера, для довершенія образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла не сочувствовать имъ, такъ какъ на пути своемъ они должны были увидѣться съ родителями и провести съ ними нѣкоторое время [61]). Софія-Доротея осталась только съ двумя маленькими сестрами—Фредерикой и Елисаветой и тосковала въ опустѣвшемъ для нея Трептовѣ. Ея уединеніе раздѣляла съ нею подруга ея дѣтства, дѣвица Шиллингъ фонъ Канштатъ, о которой она упоминаетъ иногда въ своихъ письмахъ. Домашніе, зная привязанность принцессы къ ея братьямъ, не предувѣдомили ея о ихъ отъѣздѣ, а гувернантка г-жа Боркъ даже увезла ее погостить къ своей матери въ день, когда они должны были уѣхать, чтобы предотвратить потоки слезъ на прощаніи съ ними своей мягкой и чувствитель-

---

[59]) Письмо отъ 17 Ноября одно изъ послѣднихъ съ обозначеніемъ времени; слѣдующія затѣмъ письма приводятся по нумерамъ, проставленнымъ въ черновыхъ тетрадяхъ.

[60]) Дѣтскія письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 1-я, письмо № 21.

[61]) Stark, 10.

ной ученицы. «Безцѣнные и дорогіе мои братья, писала имъ огорченная сюрпризомъ сестра, я была въ отчаяніи, когда, возвратившись изъ Колина, я уже не нашла васъ, мои дорогіе и сердце мое страдаетъ еще болѣе, потому что вы уѣхали, не доставивъ мнѣ печальнаго утѣшенія проститься съ вами. Богъ да поможетъ вамъ во всѣхъ дѣлахъ вашихъ... Могу ли я, впрочемъ, жаловаться, когда вы бросили мѣсто скуки, чтобы войти въ большой свѣтъ? Вы, быть можетъ, на дорогѣ будете имѣть счастіе видѣть нашихъ обожаемыхъ родителей, тогда какъ я протоскую еще нѣсколько мѣсяцевъ въ моемъ печальномъ убѣжищѣ. Я говорю это вамъ вовсе не изъ зависти, потому что я люблю васъ до обожанія, и нѣтъ такого счастія, котораго я не пожелала бы вамъ отъ глубины души. Я только чувствую свое несчастіе, и это естественно. Маленькая прекрасная Фредерика мысленно обнимаетъ васъ много разъ; маленькая Елисавета тоже. Прошу васъ, любите меня всегда хотя немного и не забывайте меня, прошу васъ» [62]). Оживленная, самая теплая переписка любящей сестры съ братьями продолжалась до отъѣзда ея въ Монбельяръ.

Приведенныхъ мѣстъ изъ переписки принцессы Софіи-Доротеи съ родными, кажется, довольно, чтобы ясно представить себѣ образъ этой симпатичной дѣвочки въ 1768—1769 гг. и вполнѣ повѣрить свидѣтельству лицъ, знавшихъ ее въ это время и отзывавшихся о ней восторженно. Это была любимица семьи и всѣхъ окружавшихъ, полагавшая свое счастіе въ счастьи другихъ. Идеалъ ея матери начиналъ воплощаться въ дочери: при необычайномъ развитіи чувства въ принцессѣ Софіи и въ это время уже проявилась способность къ хозяйству, любовь къ точности и порядку. Уже одна аккуратность въ веденіи переписки съ родителями, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ домашняго обихода, и чистота черновыхъ тетрадей, въ которыхъ первоначально писались, почти безъ помарокъ, эти письма, доказываютъ склонность принцессы къ обдуманному, методическому образу дѣйствій: ихъ нельзя объяснить одними внѣшними побужденіями. Замѣтно даже излишнее, и даже странное для 9-ти-лѣтней дѣвочки стремленіе—анализировать и объяснять свои дѣйствія, хотя болѣе чѣмъ вѣроятно, что

---

[62]) Дѣтскія письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 2-я, письмо № 40.

здѣсь дѣвочка только повторяла слова своей гувернантки [62]). Что касается до умственнаго развитія принцессы, то, читая ея письма, едва вѣришь, что они принадлежать 9-лѣтней дѣвочкѣ; нѣкоторыя письма, по своему содержанію и языку, свидѣтельствуютъ о раннемъ умственномъ развитіи даровитаго существа, уже подвергшагося дѣйствію строгой образовательной школы. Къ сожалѣнію, въ исторической литературѣ почти вовсе нѣтъ прямыхъ извѣстій о первоначальномъ образованіи принцессы Софіи-Доротеи. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны только нѣсколько относящихся сюда строкъ въ запискахъ графини Хотекъ, подружившейся съ нашей принцессой, когда она была уже великой княгиней Маріей Ѳеодоровной. «Она, говоритъ графиня Хотекъ, разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что девяти лѣтъ она знала геометрію» [63]). Подробности эти, однако, для насъ, должно быть, пропали навсегда, ибо графиня не сообщила ихъ; но зато фактъ даровитости принцессы Софіи, выразившійся въ томъ, что девяти лѣтъ она изучала уже геометрію, подтверждается дѣйствительно ея дѣтскими письмами, на основаніи которыхъ мы и постараемся по возможности возстановить картину ея первоначальнаго образованія.

Принцессу Софію-Доротею начали учить чтенію и письму довольно рано, вѣроятно, на шестомъ году: мы заключаемъ это изъ этого, что, въ этомъ же возрастѣ, какъ мы видѣли изъ ея писемъ, учился грамотѣ и младшій братъ ея Фердинандъ. Все первоначальное ея образованіе, безспорно, лежало подъ наблюденіемъ матери на рукахъ гувернантки г-жи Боркъ. Мы имѣемъ даже основаніе думать, что, при изученіи Французской и Нѣмецкой грамоты, бывшихъ одинаково важными предметами изученія для принцессы Софіи, обученіе Французскому письму велось исключительно подъ руководствомъ г-жи Боркъ: мать принцессы, какъ видно изъ хранящихся въ Павловскомъ дворцовомъ архивѣ писемъ ея, писала по-французски

[62]) Таковы, напр., ея слова: «я сдѣлаюсь очень экономной, не будучи, однако, скупой, потому что я думаю, что это порокъ самый ужасный для молодой особы и что это есть источникъ всѣхъ пороковъ». См. приведенное выше письмо отъ 5 Октября 1768 г.

[63]) Русскій Архивъ, 1873 г., столбцы 1969—1970.

настолько неправильно, что придерживалась болѣе звуковой, чѣмъ этимологической орѳографіи, и въ этомъ отношеніи ея письма уступаютъ даже дѣтскимъ письмамъ принцессы, въ которыхъ вообще ошибокъ въ правописаніи сравнительно немного [64]). Въ то же время г-жа Боркъ знакомила постоянно свою ученицу и съ курсомъ ариѳметики. Такимъ образомъ въ учебномъ дѣлѣ мать принцессы Софіи-Доротеи отступила отъ программы Руссо, который ни во что не ставилъ интеллектуальное преподаваніе (Эмиль долженъ былъ приниматься за ученіе лишь 15-ти лѣтъ отъ роду). Въ этомъ отношеніи заботливая мать, очевидно, дѣлала то, что̀ нѣсколько позже, въ 1770 г., совѣтовалъ основатель филантропизма Базедовъ въ своемъ «Методическомъ руководствѣ для отцовъ и матерей семействъ» [65]). Возможно раннее обученіе дочери, связывалось, конечно, съ мыслію о томъ, что въ 15—16 лѣтъ дѣвушка могла быть уже невѣстой, а до этого времени мать желала дать дочери такое же возможно-полное образованіе, какъ и сыновьямъ. Здѣсь принцесса Доротея расходилась и съ Базедовымъ, который, предъявляя большія требованія относительно образованія сыновей, считалъ нужнымъ давать дѣвочкамъ лишь самое элементарное образованіе и придерживался старо-нѣмецкаго, семейнаго взгляда на женщину, какъ на хозяйку. Раннее начало ученія, при способностяхъ, обнаруженныхъ принцессою Софіей-Доротеей, облегчалось также самыми пріемами преподаванія, котораго главнымъ условіемъ было не подавлять ученицы многопредметностью и большимъ количествомъ уроковъ, а дѣлать ученіе непринужденнымъ и пріятнымъ. Такъ, въ особенности, поставлено было дѣло преподаванія Закона Божія [66]), языковъ, изящныхъ искусствъ и рукодѣлія. Фран-

---

[64]) Нужно замѣтить при этомъ, что уроки чистописанія или вообще были довольно слабы, или съ большимъ трудомъ давались маленькой принцессѣ: Марія Ѳеодоровна всегда имѣла неправильный и чрезвычайно сжатый почеркъ, иногда очень трудно поддающійся чтенію. Природная близорукость Маріи Ѳеодоровны еще болѣе портила ея почеркъ: иногда онъ до такой степени мелокъ, что для удобства чтенія приходится прибѣгать къ помощи увеличительнаго стекла.

[65]) Въ уставѣ своемъ для сельскихъ школъ, изданномъ въ Пруссіи 2-го Октября 1763 г. Фридрихъ II обязательное обученіе для дѣтей установилъ также съ ранняго ихъ возраста: оно могло начинаться съ пяти лѣтъ. См. *Шмидта* «Исторію Педагогики», т. III, стр. 561.

[66]) Въ архивѣ Павловскаго дворца, въ Études de Sa Majesté Impériale № 1, сохранилась тетрадь, въ которой дѣтской рукой Маріи Ѳеодоровны пе-

цузскій языкъ даже сдѣлался принцессѣ столь же роднымъ, какъ и Нѣмецкій, такъ что и преподаваніе наукъ велось, по установившемуся, впрочемъ, въ то время въ высшихъ слояхъ общества правилу, на Французскомъ языкѣ. На девятомъ году принцессу стали знакомить съ исторіей и географіей. Къ сожалѣнію, географія понималась въ то время исключительно въ смыслѣ политической. Представляя собою лишь сухой перечень владѣній, городовъ, рѣкъ и т. д., при тогдашней политической раздробленности Германіи, отечественная географія, безъ сомнѣнія, составляла для принцессы Софіи-Доротеи особую трудность; образчикъ тяжелаго, ложившагося исключительно на память ученицы географическаго преподаванія мы уже видѣли въ ея письмѣ отъ 27-го Сентября. Исторія, также исключительно политическая, преподавалась ей въ видѣ систематическаго курса, начиная съ древнихъ временъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, одновременно съ древней исторіей, преподававшій принцессѣ исторію и географію, нѣкто Лаземанъ, сталъ сообщать ей отрывки и изъ новой. «Когда я кончаю изученіе какой-либо страны по картѣ, г. Лаземанъ (пишетъ принцесса родителямъ 17 Ноября 1768 г.) сообщаетъ кое-что изъ новой исторіи этой страны, и такъ какъ я прежде писала вамъ о географіи Нидерландовъ, то въ настоящее время сообщу вамъ о ихъ исторіи и начну съ эпохи ихъ раздѣленія». Впрочемъ, этотъ пріемъ не измѣнилъ нисколько въ сущности сухаго и подробнаго изложенія историческихъ событій; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ изложеніе оживлялось попыткой дать объясненіе какого-либо историческаго явленія. На одномъ изъ такихъ уроковъ принцесса Софія-Доротея познакомилась и съ Русской исторіей въ лицѣ величайшаго изъ ея дѣятелей, Петра Великаго. Нужно сказать, что при изложеніи его жизни почему-то измѣнена была обычная сухость преподаванія и сдѣлано объясненіе его исторической дѣятельности. Приводимъ это мѣсто вполнѣ: «Петръ Великій, пишетъ принцесса, по всей

реписано на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ стихотворное переложеніе XVIII псалма. Подъ переложеніемъ, не совсѣмъ старательно переписаннымъ, суровая гувернантка отмѣтила карандашомъ въ назиданіе своей ученицѣ: «la princesse aînée n'apprend rien et n'est pas sage». Это переложеніе преслѣдовало, очевидно, воспитательную цѣль; ибо вслѣдъ за нимъ помѣщенъ кодексъ нравственныхъ правилъ, упомянутыхъ нами выше и носившихъ заглавіе «Sens moral».

справедливости, заслужилъ это наименованіе и право принять императорскій титулъ, потому что во время своихъ путешествій онъ понялъ, что онъ былъ въ дѣйствительности одинъ изъ самыхъ могущественныхъ государей въ Европѣ и что нуженъ только творческій, философскій, предпріимчивый и неутомимый умъ, чтобы сравнять его государство съ самыми могущественными государствами Европы; а Петръ одаренъ былъ всѣми великими качествами. Онъ создалъ новую армію, уничтоживъ часть старой, флотъ, морскую торговлю; онъ поднялъ финансы, потому что они были слишкомъ недостаточны для успѣха его великихъ начинаній; онъ устроилъ нѣсколько новыхъ портовъ; онъ произвелъ реформы въ гражданскомъ, церковномъ и образовательномъ отношеніи, потому что его подданные были очень невѣжественны и даже не хотѣли разстаться съ своимъ невѣжествомъ; онъ основалъ Московскій Университетъ (sic!) и Академію Наукъ въ своемъ новомъ городѣ и резиденціи Петербургѣ, и если онъ не предпринялъ всѣхъ своихъ работъ въ военное время, то, однако, его безпрерывныя войны и не препятствовали имъ. Онъ побѣдилъ застарѣлые предразсудки своихъ подданныхъ, тайные ковы духовенства, явныхъ и тайныхъ своихъ враговъ, которые противодѣйствовали постоянно его начинаніямъ, и, несмотря на всѣ эти препятствія, онъ не остановился предъ начинаніями, пользу которыхъ для подданныхъ и для своей имперіи онъ понималъ. Хотѣли очернить характеръ этого государя, упрекая его въ жестокости; но нужно согласиться, что въ просвѣщенномъ государствѣ умѣренное наказаніе производитъ почти то же дѣйствіе, какъ строгое—въ государствѣ невѣжественномъ и деспотическомъ. Можно также оправдывать жестокость Петра Великаго дѣйствіемъ яда, который данъ былъ ему въ его юношескіе годы и отъ котораго у него бывали иногда припадки ярости» [67]). Вотъ первое упоминаніе о Россіи и Петрѣ, которое мы встрѣтили въ учебныхъ записяхъ нашей принцессы и которое соотвѣтствовало дѣтскимъ ея впечатлѣніямъ, указаннымъ нами ранѣе. Что̀ касается до извѣстія, сообщаемаго г-жею Оберкирхъ, что Россія и Петръ Великій сдѣлались извѣстны будущей Русской государынѣ главнымъ образомъ изъ разска-

---

[67]) Études de S. M. Impériale; дѣтскія письма Маріи Ѳеодоровны, тетр. 2-я, письмо № 25.

зовъ Моклера, женатаго на баронессѣ Лефортъ, происходившей изъ семейства Лефорта, знаменитаго собесѣдника и друга Петра Великаго [68]): то, безъ сомнѣнія, оно относится къ позднѣйшему времени, потому что Моклеръ былъ въ Женевѣ въ первый разъ въ 1769 г., а женился на Лефортъ въ Іюлѣ 1782 г. [69]), когда принцесса Софія-Доротея была уже Русской великой княгиней Маріей Ѳеодоровной. Въ годы дѣтства принцессы Моклеръ, значитъ, могъ быть для нея лишь такимъ же источникомъ свѣдѣній о Россіи, какъ и другія окружавшія ее лица, изъ которыхъ нѣкоторыя были живою лѣтописью Русской славы.—Лаземанъ давалъ ей уроки исторіи, а г-жа Боркъ повторяла иногда съ ней историческіе уроки. Вообще, г-жа Боркъ имѣла въ это время большое вліяніе на принцессу. «У г-жи Боркъ, писала она родителямъ, мы уже нѣсколько времени повторяемъ Римскую исторію, и чѣмъ болѣе подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе она меня балуетъ и доставляетъ мнѣ удовольствіе; мы повторили у нея также священную исторію и исторію Бранденбурга. Она была такъ добра, что писала мнѣ прелестныя наставленія (sic!), въ которыхъ она часто касается и моихъ недостатковъ, а я принуждена переводить эти наставленія на Французскій языкъ. Я почти всегда раскаиваюсь въ своихъ недостаткахъ и надѣюсь, что это поможетъ мнѣ исправиться. Переводя наставленія г-жи Боркъ, по-французски, я переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ» [70]). Этими повтореніями уроковъ у г-жи Боркъ и бесѣдами принцессы съ нею, безъ сомнѣнія, смягчалась сухость историческаго и географическаго преподаванія, носившаго отпечатокъ стараго Нѣмецкаго педантства. Гораздо лучше и легче шли, вѣроятно, занятія по геометріи, которыя начаты были подъ руководствомъ Моклера и прерваны его отъѣздомъ съ братьями принцессы Софіи-Доротеи въ Женеву, въ Маѣ 1769 года. О своихъ успѣхахъ въ геометріи принцесса съ удовольствіемъ упоминаетъ въ письмахъ къ матери [71]).

---

[68]) *Oberkirch*, 1, 25.

[69]) *Stark*, 17.

[70]) Дѣтскія письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 2-я, № 30.

[71]) Тамъ же, письмо № 33.

Лѣтомъ 1769 г. съ переѣздомъ въ Монбельяръ, завершился первый, Трептовскій періодъ жизни принцессы Софіи-Доротеи, который мы старались представить въ возможно болѣе ясныхъ чертахъ, насколько позволяла намъ сдѣлать это скудость относящихся къ этому времени источниковъ. Но важность впечатлѣній перваго дѣтства, послужившихъ задатками нравственныхъ и умственныхъ свойствъ принцессы, конечно, могла опредѣлиться лишь дальнѣйшей жизнію въ Монбельярѣ, гдѣ умственный и нравственный обликъ будущей Русской императрицы получилъ уже ясное выраженіе и гдѣ окончательно сформировался ея характеръ.

Намъ неизвѣстны въ точности обстоятельства, вызвавшія переѣздъ Фридриха-Евгенія изъ Трептова въ Монбельяръ (по-нѣмецки Mömpelgard). Можно однако сказать съ увѣренностію, что виновникомъ оставленія Виртембергскимъ принцемъ Прусской службы былъ не Фридрихъ II, всегда отличавшій его и помогавшій ему даже въ его семейныхъ дѣлахъ [72]). Переѣздъ въ Монбельяръ объясняется вѣрнѣе всего семейными причинами. Семья принца была уже настолько велика, что родители съ тревогой начали думать о средствахъ дать дѣтямъ воспитаніе и затѣмъ приличное ихъ сану положеніе; въ особенности озабочивало ихъ воспитаніе сыновей, изъ которыхъ старшему Фридриху, въ 1768 году, исполнилось уже 14 лѣтъ. Между тѣмъ финансовыя средства принца всегда были ничтожны; служба въ Пруссіи, при скупости Фридриха, не могла обезпечить семью отъ нужды; а старшій братъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій Карлъ-Евгеній, среди безумной роскоши и оргій двора своего, не считалъ для себя возможнымъ помогать младшему брату [73]). Это стѣсненное положеніе Фридриха-Евгенія становилось для него тѣмъ болѣе тяжкимъ, что недававшая ему покоя Кунерсдорфская рана не дозволяла ему аккуратно и строго исполнять требованій Прусской воен-

[72]) Переписку Фридриха-Евгенія съ Фридрихомъ II, всегда носившую дружественный характеръ, см. у *Stark'a*, 43—51.

[73]) Принцесса Фредерика-Доротея, супруга Фридриха-Евгенія, получила свое приданое, сравнительно небольшое, лишь позже, послѣ смерти отца своего, маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго. См. въ Архивѣ Павловскаго дворца пачку: Affaires de Wirtemberg и находящуюся въ ней собственноручную черновую записку импер. Маріи Ѳеодоровны, безъ заглавія, о потеряхъ, понесенныхъ ея отцомъ во время Французской революціи.

ной службы. Нѣтъ ничего удивительнаго, значитъ, въ томъ, что Фридрихъ-Евгеній могъ воспользоваться неравнымъ бракомъ втораго брата своего Людвига, чтобы съ помощью Фридриха II заставить Карла-Евгенія дать себѣ болѣе прочное и обезпеченное положеніе, тѣмъ болѣе, что его сыновья являлись теперь будущими наслѣдниками Виртемберергскаго престола и, какъ протестанты, пользовались расположеніемъ Виртембергскихъ сословій. Карлъ-Евгеній согласился назначить брата своимъ намѣстникомъ въ Монбельяръ, гдѣ Фридрихъ-Евгеній долженъ былъ пользоваться сравнительно болѣе обезпеченнымъ и независимымъ положеніемъ, чѣмъ на Прусской службѣ. Не говоримъ уже о близости къ Франціи и о прекрасномъ климатѣ Монбельяра сравнительно съ печальнымъ и скучнымъ Трептовымъ, съ тупою накрахмаленностью тамошняго быта, надъ которою такъ смѣется геніальная Екатерина II-я (въ неизданной части своихъ Записокъ, при описаніи жизни своей до пріѣзда въ Россію). Изъ дѣтскихъ писемъ принцессы Софіи видно, что родители ея уже не возвращались въ Трептовъ, а поручили г-жѣ Боркъ привезти къ себѣ Софію-Доротею и маленькихъ сестеръ ея въ особомъ, нарочно присланномъ для этой цѣли дормезѣ. Соскучившіяся по родителямъ дѣти съ радостію встрѣтили это извѣстіе и безъ сожалѣнія оставили Трептовъ, 29 Іюня 1769 г. [74]); по дорогѣ въ Монбельяръ, не извѣстно въ точности гдѣ, съѣхались они съ родителями и вмѣстѣ съ ними прибыли въ Монбельяръ 7-го Іюля [75]).

Монбельяръ, принадлежащій теперь Франціи, былъ тогда главнымъ городомъ небольшаго графства, которое перешло къ Виртембергу въ 1723 году, за прекращеніемъ герцогскаго дома, составлявшаго вѣтвь Виртембергскаго дома. Это былъ небольшой, но красивый и хорошо устроенный городъ, расположенный въ живописной мѣстности между отрогами Вогезовъ, по теченію рѣки Дуба. Жители, занимавшіеся торговлею, были зажиточны; но, будучи Французами и издавна привыкнувъ имѣть собственныхъ графовъ и герцоговъ, не могли быть довольны своею зависимостью отъ Виртемберга, въ которую они были поставлены благодаря случайности. Вотъ почему пріѣздъ

---

[74]) Дѣтскія письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 3-я, №№ 49—53.

[75]) «Ephémérides du comté de Montbéliard», par M. Duvernoy стр., 254.

къ нимъ Фридриха-Евгенія, на котораго они стали смотрѣть какъ на преемника своихъ старыхъ герцоговъ, вызвалъ у нихъ полное сочувствіе. Не менѣе радовало жителей Монбельяра и протестантское вѣроисповѣданіе семьи герцога и любовь ея къ просвѣщенію, такъ какъ они сами, будучи издавна усердными протестантами, въ тоже время заботились о поднятіи у себя уровня образованія и имѣли хорошо устроенную гимназію и прекрасную публичную библіотеку [76]). Неудивительно, поэтому, что Фридрихъ-Евгеній съ семьею въ Монбельярѣ былъ радостно привѣтствованъ жителями. «Ихъ прибытіе, пишетъ мѣстный историкъ, сопровождалось различными праздниками и исполнило радостію все населеніе Монбельярскаго графства; магистратъ, выразитель всеобщаго ликованія, представилъ герцогинѣ на серебряномъ блюдѣ 3000 ливровъ золотомъ, которые находились въ кружевномъ кошелькѣ цвѣтовъ города. Эти высокіе посѣтители распространяли многочисленныя благодѣянія на всѣ классы населенія, а ихъ пребываніе среди него, въ теченіе 24 лѣтъ, открыло новые источники общественнаго благосостоянія. Быть можетъ, Фридрихъ-Евгеній, страстный любитель охоты, показывалъ себя слишкомъ ревностнымъ къ этой прерогативѣ, слишкомъ жестоко наказывалъ тѣхъ, кто покушался на это его удовольствіе, а въ то же время не принималъ достаточныхъ мѣръ для огражденія имущества своихъ подданныхъ отъ истребленія его дикимъ звѣремъ; но это единственная вина, въ которой можно было бы упрекнуть этого принца, и не заставилъ ли онъ забыть ее, сдѣлавъ столько блага для страны и показавъ ей столько любви и самопожертвованія?» [77]).

Впечатлѣнія природы Монбельяра и жизни въ немъ навсегда запечатлѣлись въ воспріимчивой, дѣтской душѣ принцессы Софіи-Доротеи, внезапно перенесенной изъ холоднаго, равниннаго

---

[76]) Тамъ же и Oberkirch.

[77]) «Ephémérides du comté de Montbéliard», стр. 254—255. Графство Монбельяръ иногда называлось также герцогствомъ, ибо позднѣйшіе его правители, происходя изъ Виртембергскаго герцогскаго дома, носили титулъ герцоговъ.—Въ 1887 г. проф. Шанценбахъ издалъ въ Штутгартѣ брошюру: «Mömpelgards schöne Tage». Уже самое заглавіе показываетъ цѣль изданія этой плохой компиляціи: указывая на процвѣтаніе Монбельяра при Фридрихѣ-Евгеніи, Шанценбахъ счастливымъ временемъ въ исторіи Монбельяра считаетъ время нахожденія его подъ нѣмецкимъ владычествомъ.

и скучнаго Померанскаго мѣстечка въ живописный, промышленный городокъ съ его теплымъ, пріятнымъ климатомъ и чудной для сѣверянина растительностью. Здѣсь слова Руссо о необходимости для человѣка жить какъ можно ближе къ природѣ казались вполнѣ понятны, ибо природа здѣсь привлекала къ себѣ человѣка, а не отталкивала, какъ на холодномъ, туманномъ Сѣверѣ. Принцесса Софія-Доротея находилась притомъ еще въ такомъ возрастѣ, когда впечатлѣнія глубже западаютъ въ душу человѣка и опредѣляютъ надолго, если не навсегда, характеръ его внутренней жизни. Многія особенности характера и дѣятельности будущей императрицы Маріи Θеодоровны имѣютъ своимъ источникомъ жизнь ея въ Монбельярѣ, и только въ Монбельярѣ мы и можемъ искать имъ объясненія. Вотъ почему мы должны, насколько позволятъ намъ источники, подробнѣе и точнѣе обрисовать жизнь принцессы Софіи-Доротеи въ новомъ ея мѣстопребываніи и указать вліяніе его на дальнѣйшее развитіе этой еще маленькой сѣверной принцессы.

Вскорѣ по пріѣздѣ, Фридрихъ-Евгеній и его супруга рѣшились выстроить себѣ дворецъ, который бы могъ удовлетворять ихъ вкусамъ и привычкамъ. За̀мокъ въ Монбельярѣ, хотя недавно выстроенный, вовсе не удовлетворялъ ихъ стремленію къ жизни на лонѣ природы и къ изящной простотѣ обстановки. Это большое, довольно неуклюжее зданіе воздвигнуто было Виртембергскимъ губернаторомъ Монбельяра на мѣстѣ стараго средневѣковаго за̀мка и находилось на высокой утесистой горѣ, командовавшей городомъ и лишенной растительности; только большой дворъ за̀мка осѣнялся старыми тѣнистыми липами. Такія зданія уже казались мрачными, неудобными для жизни при пробудившемся повсюду стремленіи къ сельской жизни и вкусѣ къ идиллическимъ картинамъ природы; даже большіе Европейскіе дворы устраивали себѣ сельскія убѣжища для наслажденія красотами природы, хотя убѣжища эти часто изукрашены были роскошными поддѣлками подъ природу и разными пасторальными затѣями, на которыя только способенъ былъ причудливый и прихотливый XVIII в. Царское Село, Санъ-Суси и Тріанонъ были лучшими образцами богатыхъ лѣтнихъ резиденцій конца XVIII вѣка. Впрочемъ, сады этого времени имѣли цѣлью не одно только наслажденіе природой: стремясь къ развитію жизни сердца и находя наслажденіе въ постоянныхъ сердечныхъ волненіяхъ,

сентиментальные люди желали, чтобы украшаемая человѣкомъ природа давала пищу и для ихъ чувствительности. Въ этомъ же вкусѣ задумали въ 1770 г. выстроить себѣ лѣтній дворецъ и родители принцессы Софіи-Доротеи, стараясь, однако, сообразно своимъ средствамъ и потребностямъ, замѣнить недоступную для нихъ роскошь изяществомъ. Этотъ дворецъ, расположенный близъ деревни Этюпъ, въ окрестностяхъ Монбельяра, и сдѣлался затѣмъ почти постояннымъ жилищемъ для княжеской семьи. Зданіе дворца состояло изъ красиваго двухъ-этажнаго дома, по обоимъ бокамъ котораго выступали крылья; домъ былъ обнесенъ изящной рѣшеткой, при главномъ входѣ въ которую находились группы и статуи. Но не домъ, самъ по себѣ очень красивый, составлялъ прелесть Этюпа: все очарованіе этого загороднаго дворца заключалось въ огромныхъ и роскошныхъ садахъ, его окружавшихъ. «Эти сады, съ увлеченіемъ разсказываетъ Монбельярскій лѣтописецъ, заключали въ себѣ множество предметовъ, способныхъ увеселять глазъ и дѣйствовать успокоительно на сердце. Великолѣпный трельяжъ, представляющій собою *Храмъ Флоры*, со статуей богини въ глубинѣ, въ особенности привлекалъ взоры. Въ другомъ мѣстѣ низкая *Хижина Угольщика*, по выразительной противоположности, была внутри богато убрана и украшена; *Молочная* или *Швейцарскій Домъ*, подъ покровомъ сельской простоты, также скрывала въ себѣ драгоцѣнные предметы, между которыми находились фаянсовыя вазы, рисованныя Рафаэлемъ и его учениками. Входъ въ *Хижину Пустынника*, помѣщенную на горѣ, на которую съ трудомъ можно было взойти, представлялъ собою дикое мѣсто, соотвѣтствовавшее жилищу отшельника; возлѣ былъ *гротъ*, весь испещренный минералами и сталактитами, въ которомъ можно было во всякое время наслаждаться прохладой; далѣе низвергался каскадомъ ручей съ вершины скалистой массы, едва прикрытой нѣсколькими ничтожными кустиками, и разносилъ свѣжесть и прохладу во всѣ части сада; его тихія прозрачныя воды протекали сначала по *зеленымъ коврамъ*, испещреннымъ множествомъ различныхъ цвѣтовъ, потомъ поднимались водянымъ снопомъ, чтобы затѣмъ разсыпаться бездной мелкихъ кристалловъ; *Китайскіе мостики*, разбросанные тамъ-и-сямъ, позволяли переходить этотъ ручей со спокойной увѣренностію. Многочисленныя *бесѣдки* изъ розъ, жасмина и жимолости предлагали свою гостепріимную сѣнь и

располагали къ покою и сладкимъ мечтаніямъ; здѣсь *рощица* въ какомъ-либо глухомъ углу скрывала остатки древней *тріумфальной арки* Коринѳскаго ордена, образованной изъ обломковъ колоннъ и капителей, добытыхъ въ развалинахъ древняго Мондера; въ другой рощицѣ возвышалась *колонна*, посвященная *отсутствующимъ*: инициалы ихъ были вытѣснены на прицѣпленной полоскѣ, окружавшей колонну; невдалекѣ отъ нея видѣли *могилу*, осѣненную плакучими ивами и украшенную надписью, которую герцогиня Виртембергская посвятила памяти своей подруги. Два большихъ *птичника* заключали въ себѣ нѣсколько видовъ иноземныхъ птицъ (изъ нихъ золотой фазанъ былъ особенно замѣчателенъ по своимъ перьямъ); обширная *оранжерея*, которую въ случаѣ нужды превращали въ залу для спектакля, и нѣсколько теплицъ предназначены были для храненія въ зимнее время экзотическихъ растеній, которыя въ другое время года наполняли воздухъ нѣжнымъ и разнообразнымъ запахомъ» [78]). Такой садъ, казалось, долженъ былъ удовлетворять самымъ изысканнымъ потребностямъ сентиментальной души, затрогивая всѣ нѣжныя струны ея сердца; но для матери принцессы Софіи-Доротеи и онъ оказался, кажется, не вполнѣ отвѣчающимъ цѣли: по крайней мѣрѣ, она выстроила себѣ близъ Этюпа еще другой сельскій домъ, назвавъ его «Rêveries» (Грезы), и его особенно любила. Самый домъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, былъ такъ малъ, что состоялъ только изъ салона (гостинной) и двухъ покоевъ для отдыха, отдѣланныхъ изящно и просто. Изъ салона выходили въ рощицу, украшенную вазами и статуями, которую пресѣкали извилистыя тропинки, удвоивавшія удовольствіе и продолжительность прогулки; вездѣ распространялся сладкій запахъ цвѣтовъ, которыми рощица была усѣяна. Съ Сѣвера огибала ее прозрачная вода канала; съ противуположной стороны высокіе тополи бросали свою тѣнь чрезъ ограду на дорогу, которая вела къ Этюпу [79]). Эти и нѣкоторыя другія постройки въ окрестностяхъ Монбельяра, соединявшія въ себѣ, по отзыву Маріи Ѳеодоровны, пріятное съ полезнымъ, въ теченіе 20 слѣдующихъ затѣмъ лѣтъ постепенно расширяясь и украшаясь, сообразно съ улучшеніемъ средствъ своихъ владѣльцевъ, поглотили на-

---

[78]) Ephém. du comté de Montbeliard, p. 482--483.—См. также *Oberkirch*, въ разныхъ мѣстахъ.

[79]) Тамъ же, p. 483; *Oberkirch*, 1, 113.

конецъ огромную сумму въ милліонъ слишкомъ флориновъ. Принцесса-мать положила на нихъ все свое наслѣдство, полученное ею отъ отца [80]).

При всемъ сочувствіи, которое не можетъ не возбуждать въ здоровомъ человѣкѣ природа и развитіе подъ ея вліяніемъ нравственной жизни въ человѣкѣ, трудно, конечно, вполнѣ понять въ настоящее время крайности сентиментальности. Но было бы несправедливо забывать, что нѣжная чувствительность того времени была естественнымъ воздѣйствіемъ противъ господства черствой, холодной разсудочности, и что это воздѣйствіе послужило источникомъ для развитія въ обществѣ трезваго, чуждаго крайностей взгляда на жизнь и природу. Если даже теперь строгое равновѣсіе между сердцемъ и разсудкомъ составляетъ идеалъ воспитанія, то можно ли было требовать его въ ту эпоху, когда между обоими умственными направленіями шла упорная борьба? Для этой эпохи сентиментальное воспитаніе было протестомъ противъ макіавелизма и іезуитизма въ политическихъ и частныхъ отношеніяхъ, развращенности нравовъ высшаго общества вообще и женщины въ частности, деистическихъ и атеистическихъ воззрѣній, подрывавшихъ религіозныя начала нравственности и вмѣсто нихъ развивавшихъ эпикурейскій, матеріалистическій взглядъ на жизнь. «Вольтеріанство» и въ Россіи, и въ Западной Европѣ могло быть ослаблено только «религіей чувства», правда принимавшей иногда уродливыя, исключительныя формы, но умѣвшей одухотворить природу, обогатить внутренній міръ человѣка и пробудить въ немъ болѣе христіанскія чувства сначала въ сферѣ семейныхъ, а затѣмъ и общественныхъ отношеній. Измѣнился тогда и характеръ лирической поэзіи, выражающей состояніе душевной жизни человѣка: вмѣсто холодной, напыщенной оды явилась глубоко-трогательная, унылая элегія.

Этихъ мыслей нельзя не имѣть въ виду при чтеніи подробностей о новомъ жилищѣ принцессы Софіи-Доротеи въ Этюпѣ. Если сентиментальное воспитаніе уже проявилось въ маленькой дѣвочкѣ еще въ Трептовѣ, то оно должно было подѣйствовать на нее еще сильнѣе въ Этюпѣ, гдѣ самая обстановка располагала къ развитію чувствительности и мечтательности. Уже въ Треп-

---

[80]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Affaires de Wirtemberg; см. указанную выше записку Маріи Θеодоровны.

товѣ, какъ мы видѣли, принцесса могла чистосердечно писать матери слѣдующія удивительныя на первый взглядъ строки: «Г-жа Боркъ была такъ добра, что писала мнѣ прелестныя наставленія, въ которыхъ она часто касается и моихъ недостатковъ, а я принуждена переводить эти наставленія на Французскій языкъ. Я почти всегда раскаиваюсь въ своихъ недостаткахъ и надѣюсь, что это поможетъ мнѣ исправиться. Переводя наставленія г-жи Боркъ по-французски, я переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ» [81]). Въ Этюпѣ этотъ наивный ребенокъ, такъ простосердечно и чутко относившійся къ нравственнымъ сентенціямъ своей гувернантки, развивался подъ живымъ вліяніемъ прекрасной природы, въ тихой, семейной обстановкѣ, среди кружка любящихъ лицъ, жизнь которыхъ проникнута была строгой нравственностью.

Чистыя, сладкія впечатлѣнія, воспринимавшіяся принцессою въ Этюпѣ, навсегда сдѣлали ей дорогимъ это имя, и вотъ почему всегда предъ воспоминаніемъ о немъ тускнѣла въ глазахъ ея вся роскошь императорскихъ лѣтнихъ помѣщеній. Впослѣдствіи, забывая, конечно, про обманчивость дѣтскихъ впечатлѣній, она говаривала, что ни на минуту не поколебалась бы въ выборѣ между блестящимъ своимъ положеніемъ въ Россіи и радостью жить скромно въ Этюпѣ, въ обществѣ своихъ родныхъ, лишь бы съ ней былъ горячо любимый мужъ (Павелъ Петровичъ) [82]). «Милый Этюпъ!» восклицаетъ съ своей стороны въ воспоминаніяхъ своихъ новая подруга дѣтства Софіи-Доротеи и повѣренная ея думъ и мечтаній: «ты—лучшее изъ моихъ воспоминаній; какимъ ты мнѣ кажешься пустымъ безъ моей дорогой принцессы, и сколько было въ тебѣ очарованій!» [83]).

Къ сожалѣнію, эта новая подруга принцессы Софіи-Доротеи, графиня Генріетта Вальднеръ, впослѣдствіи вышедшая замужъ за барона Оберкирха, боясь нескромности, мало раскрываетъ предъ нами внутренній міръ принцессы, ограничиваясь обычными похвалами ея красотѣ, уму и необыкновенной добротѣ. Эта благородная сдержанность, свойственная многимъ составительницамъ мемуаровъ XVIII в. и заставляющая ихъ ограни-

---

[81]) См. выше, стр. 39.
[82]) *Oberkirch*, стр. 35.
[83]) Тамъ же, I, 26.

чиваться только пересказомъ событій (не всегда, впрочемъ, полнымъ по той же причинѣ), не мѣшаетъ баронессѣ Оберкирхъ нѣсколькими интересными чертами освѣтить личность своей высокой подруги и ея семьи. О выдающемся физическомъ и умственномъ развитіи десятилѣтней Софіи-Доротеи свидѣтельствуетъ уже то, что ея задушевной подругѣ было въ это время 15 лѣтъ, а между тѣмъ не видно, чтобы эта значительная разница въ возрастѣ отражалась на взаимной искренности въ отношеніяхъ между подругами; напротивъ, дружба между ними завязалась при первой же встрѣчѣ. Отецъ Генріетты, графъ Вальднеръ, служившій прежде въ Виртембергскомъ полку, жилъ всего въ девяти миляхъ отъ Монбельяра, въ зáмкѣ своемъ Швейгаузенѣ. По пріѣздѣ Фридриха-Евгенія въ Монбельяръ, онъ счелъ долгомъ ему представиться, и при этомъ герцогиня пожелала видѣть у себя его дочь. Дворъ въ Монбельярѣ не придерживался этикета; напротивъ, въ немъ господствовали простота и непринужденность [84]). Поэтому пріемъ, сдѣланный графинѣ Генріеттѣ при этомъ дворѣ, нисколько не походилъ на обычные пріемы Нѣмецкихъ князей, ревнивыхъ ко всякимъ мелочамъ представительности. Ободривъ нѣсколькими словами смущенную Генріетту, герцогиня призвала принцессу Софію-Доротею и, представивъ ей графиню, сказала: «Дитя мое, вотъ молодая особа, которую я даю тебѣ въ подруги; будь также умна и также прилежна, какъ она, и постарайся доказать ей, какъ мы рады ея посѣщенію, чтобы она чаще бывала у насъ». «Вмѣсто отвѣта, разсказываетъ г-жа Оберкирхъ, принцесса бросилась мнѣ на шею, не соблюдая этикета, чтò смутило моего отца. Ихъ высочества разсмѣялись: «Мы не въ Версали, баронъ, сказалъ принцъ; ваша дочь можетъ смѣло обнимать мою, а я не нахожу въ этомъ ничего предосудительнаго» [85]). «Принцесса Доротея, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г-жа Оберкирхъ, была такъ же высока ростомъ, какъ и я, хотя ей едва исполнилось тогда десять лѣтъ, и я была высокаго роста. Въ ней уже замѣтно было то, чтó проявилось вполнѣ впослѣдствіи: прекрасный нравъ, сердечная доброта и чудная красота. Хотя она была близорука, но глаза ея были прекрасны, и ихъ прелестное выраженіе казалось вы-

[84]) Ephémérides du comté de Montbéliard, p. 483: «La cour était aimable, spirituelle, accesible; la vie sans étiquette et propre au bonheur».

[85]) *Oberkirch*, I, 23.

раженіемъ ея души» [86]). Дружба, завязавшаяся при такихъ условіяхъ, не могла не быть прочною. Съ этого времени графиня Генріетта стала своею въ семьѣ Фридриха-Евгенія, а молодая принцесса осыпала ее всѣми нѣжными изъявленіями расположенія и довѣрія. Подруги разлучались лишь на время, и даже послѣ ихъ замужества между ними поддерживалась самая дружеская переписка, которая прекратилась лишь со смертію Генріетты [87]).

Обѣ дѣвушки, къ которымъ присоединялась еще Трептовская подруга Софіи-Доротеи, дѣвица Шиллингъ, очень любили идиллическую обстановку Этюпа, сдѣлавшагося ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ «Тамъ было свободно и привольно, какъ въ домѣ богатаго частнаго лица, желающаго, чтобы у него въ домѣ всѣ чувствовали себя хорошо». Хижина Угольщика была однимъ изъ любимыхъ мѣстъ принцессы; ей разъ пришла даже фантазія переночевать въ ней. «Изъ этого милаго домика, говоритъ далѣе г-жа Оберкирхъ, мы отправлялись въ храмъ Флоры, любовались статуей, несли ей вѣнки и убирали ее гирляндами маргаритокъ. На «зеленыхъ коврахъ» мы играли въ мячъ и шары, къ отчаянію садовниковъ. Цѣлыми часами стояли мы у птичниковъ, гдѣ насъ знали всѣ птицы, которыхъ мы кормили хлѣбнымъ мякишемъ, пирожнымъ и свѣжей травой; попугаевъ учили говорить» [88]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ невольно изучали природу и садоводство, сдѣлавшееся скоро страстью Софіи-Доротеи. Не могли миновать ихъ и хозяйственныя занятія; ферма, на которой доили коровъ, также постоянно привлекала ихъ къ себѣ [89]). Прогулки молодыхъ, но часто въ своемъ увлеченіи неосторожныхъ любительницъ при-

[86]) Тамъ же, 20. Около этого же времени Екатерина такъ передавала Ассебургу впечатлѣніе, произведенное на него портретомъ принцессы Софіи: «Скажу вамъ, что находимъ ее для ея лѣтъ очень развитою, а болѣе этого ничего сказать не можемъ; ибо это дитя, о которомъ ожидаемъ отъ васъ подробнаго описанія; но мнѣ кажется, судя по ея чертамъ, что доброта будетъ единственнымъ ея достоинствомъ». «Русская Старина», т. XIX, стр. 342.

[87]) Мы слышали, что письма Маріи Ѳеодоровны къ баронессѣ Оберкирхъ сохранились въ цѣломъ составѣ до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, отыскать ихъ мы не могли. Между тѣмъ, переписка эта, поднесенная императору Николаю графомъ де-Монбризономъ (внукомъ г-жи Оберкирхъ), находится, безъ сомнѣнія, въ Россіи.

[88]) *Oberkirch*, I, 43—44.

[89]) Тамъ же, I, 45.

4

роды не всегда оканчивались счастливо: однажды, когда старшіе заняты были хлопотами въ день крестинъ новорожденнаго брата принцессы, въ Іюлѣ 1772 года, Софія-Доротея долго гуляла по саду съ своей подругой подъ проливнымъ дождемъ. и обѣ онѣ насквозь промочили себѣ обувь. Послѣдствіемъ этого была болѣзнь, въ теченіе которой онѣ находились въ одной комнатѣ и, занимаясь, въ заперти, разговорами о Россіи и о ея пріобрѣтеніяхъ во время перваго раздѣла Польши.

Идиллическому настроенію молодой принцессы соотвѣтствовали отчасти и учебныя ея занятія въ это время, направленныя къ изученію природы и воспроизведенію ея въ искусствѣ. Изъ учебныхъ тетрадей Софіи-Доротеи, сохранившихся до настоящаго времени, видно, что въ этотъ періодъ ея жизни (до 1773 г.) къ прежнимъ предметамъ преподаванія: Закону Божію, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, Исторіи, Географіи и Геометріи, прибавлена была Миѳологія, преподававшаяся довольно подробно въ теченіе 1771—1774 гг. [90]). Сопоставляя содержаніе учебныхъ тетрадей принцессы Софіи-Доротеи съ разсказами г-жи Оберкирхъ, можно съ увѣренностью предположить, что занятія по научнымъ предметамъ велись почти исключительно въ зимнее время и оставляли широкій просторъ для изученія изящныхъ искусствъ, особенно полюбившихся принцессѣ: музыки, рисованія и рѣзьбы на деревѣ и кости. Изученіе общеобразовательныхъ предметовъ: Исторіи и Географіи велось, впрочемъ, какъ и прежде, безъ ясно опредѣленной системы, въ сухой, схоластической формѣ. Въ видѣ примѣра, мы укажемъ на изученіе принцессой исторіи графовъ и герцоговъ Виртемберскихъ, начатое ею въ Апрѣлѣ 1773 г. Оно заключается въ двухъ тетрадахъ, собственноручно написанныхъ принцессой, и представляетъ собою почти голый хронологическій перечень событій съ 496 г. по 1748 г., сопровождаемый подробной генеалогической таблицей. Тетради эти представляютъ собою два экземпляра одного и того же очерка, изъ которыхъ одинъ написанъ на Французскомъ языкѣ, а другой, очевидно для упражненія въ языкѣ, на Нѣмецкомъ [91]). Разумѣется, такое преподаваніе не могло заинтересовать живую, впечатлительную принцессу; напротивъ, его естественнымъ послѣдствіемъ должны были

[90]) Архивъ Павловскаго дворца: Études de S. M. I., № 2, тетрадь 9-я.
[91]) Тамъ же, Études de S. M. I., № 1.

явиться утомленіе и вялость ученицы при всемъ ея прилежаніи. Желаніемъ ободрить дочь въ этихъ тяжелыхъ для нея занятіяхъ и можно, пожалуй, объяснить то обстоятельство, что принцесса-мать, забывая великую разницу въ возрастѣ, ставила прилежаніе Генріетты Вальднеръ въ примѣръ дочери [92]). Кого винить въ такой неправильной постановкѣ образованія принцессы Софіи-Доротеи за это время, рѣшить весьма трудно. Вѣроятнѣе всего, отвѣтственность должна пасть на г-жу Боркъ; ибо Моклеръ, воспитатель принцевъ, лишь въ 1772 г. окончательно покинулъ съ ними Лозанну и возвратился въ Монбельяръ, а Голландъ поселился въ семействѣ герцога въ Монбельярѣ въ 1773 г. [93]).

Дѣйствительной образовательной щколой для ума Софіи-Доротеи было общество ея кроткой и нѣжной матери. Принцесса-мать обыкновенно любила слушать чтеніе избранныхъ литературныхъ произведеній, при которомъ присутствовали и ея домашніе. Читались авторы и Французскіе, и Нѣмецкіе, хотя, конечно, преимущественно обращалось вниманіе на Французскую литературу. Во время чтенія занимались, по обычаю, рукодѣліемъ, въ которомъ принцесса-мать обнаруживала большое искусство. По поводу прочитанныхъ книгъ шла дружеская, откровенная бесѣда между слушателями, и этими бесѣдами молодой умъ развивался постепенно, но прочно. Чтенія и бесѣды эти особенно часто бывали въ 1770—1772 гг., когда принцесса подарила своему супругу еще трехъ сыновей: Карла, Александра и Генриха. Семья герцога состояла теперь изъ восьми сыновей и трехъ дочерей. По возвращеніи старшихъ сыновей изъ Лозанны, кружокъ домашнихъ людей княжеской семьи, кромѣ супруговъ Боркъ, подругъ Софіи-Доротеи: Генріеты Вальднеръ и дѣвицы Шиллингъ, состоялъ еще изъ Моклера и Голланда. Это общество, связанное между собою узами дружбы, увеличивалось постоянно пріѣздомъ многихъ замѣчательныхъ лицъ того времени; въ числѣ ихъ былъ, жившій обыкновенно въ Базелѣ, знаменитый Бернульи, домашній врачъ Монбельярской семьи, князь Ратзамгаузенъ, аббатъ изъ Мурбаха, пользовавшійся ореоломъ святости, и много лицъ изъ высшаго, свѣтскаго общества,

---

[92]) Oberkirch, I, 22, 40.
[93]) Stark, 16, 26.

во главѣ которыхъ былъ самъ владѣтельный герцогъ Виртембергскій, Карлъ-Евгеній. Въ это время Карлъ уже измѣнилъ къ лучшему расточительный и тиранническій характеръ своего правленія, поддавшись вліянію графини Гогенгеймъ. Онъ являлся въ Монбельяръ всегда неожиданно, причемъ разыгрывалъ иногда пасторальныя сцены во вкусѣ обитателей Этюпа. Такъ однажды онъ, пріѣхавъ тайно въ Этюпъ, незамѣтно пробрался въ Хижину Пустынника и, призвавъ къ себѣ неожидавшихъ сюрприза племянницу, принцессу Софію-Доротею, и Генріетту Вальднеръ, дѣлалъ имъ прорицанія о будущей судьбѣ ихъ. Въ честь пріѣзда Карла и другихъ почетныхъ гостей, а также по случаю семейныхъ торжествъ, въ Этюпѣ давались праздники и театральныя представленія. Такъ, въ честь Карла давали въ Этюпскомъ театрѣ извѣстный тогда балетъ «Медею» и для этого выписали даже актеровъ изъ Вѣны, хотя для избалованнаго Штутгартомъ Карла онъ не представлялъ ничего особеннаго. Одинъ изъ маскарадовъ послужилъ поводомъ къ тому, что принцесса Софія стала называть Генріетту Вальднеръ именемъ Ланель, подобно тому, какъ другая ея подруга, дѣвица Юліана Шиллингъ, называлась въ семейномъ кругу просто Тилли [94]).

Добрыя, мягкія свойства княжеской семьи сказались и на отношеніяхъ къ ней Монбельярскаго населенія. Мы уже видѣли, какъ сочувственно отнеслось оно къ Фридриху-Евгенію по его пріѣздѣ туда и какія добрыя воспоминанія остались о его управленіи. Тоже свидѣтельствуетъ и г-жа Оберкирхъ [95]). Разумѣется, что теплыя отношенія принца и его супруги къ населенію Монбельяра не остались безъ вліянія и на ихъ дѣтей, въ особенности на Софію-Доротею, доброта которой была выдающимся ея свойствомъ. Монбельярскій историкъ, упоминая объ отъѣздѣ принцессы Софіи-Доротеи изъ Монбельяра, въ свою очередь восхваляетъ ея доброту. «Она, говоритъ онъ, не переставала до своей смерти осыпать благодѣяніями нуждающійся классъ города, гдѣ ея присутствіе, во время ея ранней молодости, оставило воспоминанія, еще до сихъ поръ (1830 г.)

---

[94]) Oberkirch, I, 38. См. также составленную извѣстнымъ Шнитцлеромъ преимущественно на основаніи разсказовъ г-жи Оберкирхъ брошюру: «La jeunesse de l'Impératrice Marie jusqu'à son mariage». Colmar, 1864.

[95]) Oberkirch въ разныхъ мѣстахъ.

не ослабѣвшія»[96]). Можно предполагать, что посредницей принцессы въ сношеніяхъ съ бѣдняками была главная экономка Монбельярскаго двора, извѣстная своими странностями, но въ то же время и добротою, г-жа Гендель, знавшая чуть ли не поголовно всѣхъ Монбельярцевъ и сообщавшая о нихъ свои свѣдѣнія и принцессѣ Доротеѣ [97]). Доброта и преданность г-жи Гендель привлекали къ ней сочувствіе принцессы, которая и на чужбинѣ, уже великой княгиней, шутя писала о ней г-жѣ Оберкирхъ: «цѣлую прахъ съ башмаковъ г-жи Гендель» [98]).

Честность и трудолюбіе жителей, въ числѣ которыхъ было много Гернгутеровъ, а также Гугенотовъ (изгнанныхъ изъ Франціи Людовикомъ XIV) создали въ небольшомъ, заброшенномъ среди горъ краѣ множество промышленныхъ и цвѣтущихъ селеній. Главный городъ графства, Монбельяръ, пріобрѣлъ въ XVIII в. торговое значеніе и былъ образовательнымъ центромъ для всей окрестной страны. Кромѣ гимназіи и публичной библіотеки, Монбельяръ былъ извѣстенъ своимъ ботаническимъ садомъ, однимъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовавшимъ насажденію и расширенію Этюпскихъ садовъ. Просвѣщенный духъ жителей выразился въ стремленіи многихъ изъ нихъ къ ученымъ и литературнымъ работамъ. Существовавшій въ Монбельярѣ ботаническій садъ изощрялъ вкусы преимущественно къ изученію естественной исторіи. Вотъ почему ученые Монбельяра сдѣлались извѣстными именно въ этой области знанія и, что особенно замѣчательно, самые знаменитые изъ нихъ воспитывались въ Монбельярѣ одновременно съ принцессой Софіей-Доротеей: быть можетъ, и они не были чужды вліянію роскошной Этюпской природы. Въ 1767 г. родился въ Монбельярѣ знаменитый физикъ Парротъ, а два года спустя еще болѣе славный Кювье. Еще ранѣе извѣстны стали въ естествознаніи Монбельярскіе уроженцы: Дювернуа, Гено и др. Изъ лицъ, занимавшихся другими отраслями зна-

---

[96]) Ephémérides du comté de Montbéliard, p. 401.

[97]) *Oberkirch*, 1, 402: «Madame le comtesse du Nord (имя, которое приняла Марія Θеодоровна во время поѣздки своей за границу въ 1781 г.) fit beaucoup de bien par son entremise; car, malgré ses ridicules et sa quasi-folie, madame Hendel était une excellente femme, demandant toujours pour les pauvres et dévouée à ses maitres jusqu'à la mort».

[98]) Oberkirch, 1, 88.

нія, нужно указать на извѣстнаго Массона, который родился въ Бламонѣ, близъ Монбельяра, въ 1761 г., и въ Монбельярѣ получилъ первоначальное воспитаніе. Онъ также любилъ заниматься естествознаніемъ: кромѣ пресловутыхъ своихъ «Mémoires secrets sur la Russie», онъ написалъ во время пребыванія своего въ Россіи «Cours mémorial de Géographie» и перевелъ съ русскаго «Les jardins de Sambourskу». Развитіе промышленной и общественной жизни въ Монбельярѣ отразилось также основаніемъ въ немъ двухъ ткацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикъ и сиротскаго дома для 12 бѣдныхъ дѣвочекъ, открытаго въ 1770 г., на средства богатаго жителя Монбельяра, Петра Бернье [99]). Учрежденія эти пользовались покровительствомъ герцога и его супруги; въ особенности сиротскій домъ долженъ былъ привлекать ея вниманіе, какъ учрежденіе, наиболѣе близкое ея сердцу. Было бы странно предположить, что оно осталось чуждымъ и принцессѣ Софіи-Доротеѣ, которая обыкновенно повсюду слѣдовала за матерью. Все это не должно упускать изъ виду, чтобы объяснить себѣ, почему принцесса, прожившая всю свою молодость въ небольшомъ городкѣ, тѣмъ не менѣе обнаруживала потомъ замѣчательныя, всестороннія познанія. Ея пытливый умъ и врожденная любознательность и въ Монбельярѣ находили себѣ достаточную и здоровую пищу, чѣмъ она къ своей выгодѣ отличалась отъ многихъ современныхъ ей принцессъ, которыя выростали въ четырехъ стѣнахъ, среди большаго двора, наполненнаго низкопоклонными лицемѣрами, и воспитывали въ себѣ, въ отдаленіи отъ дѣйствительной жизни, лишь любовь къ придворнымъ торжествамъ, сопровождаемую разными предразсудками.

Пока, однако, принцесса Софія-Доротея развивалась и совершенствовалась въ Монбельярскомъ и Этюпскомъ уединеніи,— политика дѣлала свое дѣло, и личность принцессы уже служила при Европейскихъ дворахъ предметомъ тщательнаго вниманія, возбуждая къ себѣ симпатіи и антипатіи заинтересованныхъ въ ея судьбѣ государей и ихъ совѣтниковъ. Знала ли принцесса или, по крайней мѣрѣ, ея родители, что сама Екатерина, эта славная и великая повелительница могущественной Имперіи, еще съ 1768 г. лелѣяла мысль о бракѣ съ принцессой своего единственнаго сына и наслѣдника Павла Петровича? Отвѣчать

---

[99]) Ephémérides du comté de Montbéliard.—Goguel: «Hommes connus dans le monde savant, nés ou élevés à Montbéliard». Paris, 1864.

прямо на этотъ вопросъ очень трудно; но мы можемъ съ увѣренностію сказать, что такой бракъ дѣйствительно былъ одно время предметомъ мечтаній Монбельярскаго семейства. Братъ принцессы Монбельярской, принцъ Фердинандъ Прусскій, писалъ ей 11 Мая 1776 года: «Вы желали этого брака три года тому назадъ» [100]). Разговоры о Россіи, которые охотно вела молодая принцесса и съ подругой своей Вальднеръ, и съ воспитателемъ братьевъ, Моклеромъ, не доказываютъ ничего опредѣленнаго: съ одной стороны, послѣ совершенія какого-либо событія легко увидѣть намеки на него тамъ, гдѣ ихъ не было никогда; а съ другой, что могло быть естественнѣе бесѣдъ о еще мало извѣстной, но грозной Имперіи для принцессы, дѣтскія впечатлѣнія которой связаны были съ именемъ Россіи и Русскихъ? Быть можетъ, невѣдѣніе объ ожидавшей ее судьбѣ оказалось благопріятнымъ для принцессы, не подѣйствовавъ дурно на простоту ея дѣтской обстановки и на развитіе ея нравственныхъ свойствъ среди любящей семьи, въ тихомъ и мирномъ уединеніи: можно съ увѣренностію сказать, что тогда воспитаніе принцессы получило бы нѣсколько иное направленіе. Но родители принцессы не могли разсчитывать, что ихъ дочь займетъ величайшій тронъ въ Европѣ. Герцогъ Карлъ, дѣлавшій своей прелестной племянницѣ въ Хижинѣ Пустынника прорицанія, говорилъ ей шутя, что ее выдадутъ замужъ за какого нибудь стараго курфюрста, кривоглазаго и хромаго [101]). Въ сущности эта шутка не лишена была основанія, ибо замужество съ курфюрстомъ для мелкой Германской принцессы представлялось блестящей партіей. Сама Екатерина, обративъ вниманіе на принцессу Софію-Доротею, хотѣла предложить ея родителямъ, чтобы они отдали ей свою дочь на воспитаніе [102]). Это предположеніе, если бы оно осуществилось на самомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, могло бы имѣть большое вліяніе на характеръ воспитанія принцессы Софіи: въ Петербургѣ, подъ руководствомъ Русской по духу Екатерины, Софія-Доротея съ дѣтства привыкла бы считать себя Русскою по чувствамъ, отрѣшившись отъ Нѣмецкихъ, съ Прусскимъ оттѣнкомъ, симпатій своихъ родителей; кругозоръ принцессы сдѣлался бы шире, а умъ ея, освобожден-

---

[100]) Сб. Русскаго Историческаго Общества, IX, 17.
[101]) *Oberkirch*, 1, 46.
[102]) Сборникъ, XIII, 92—93.

ный отъ мелочей будничной обстановки Монбельярскаго двора и направляемый Екатериной, поставленъ бы былъ въ болѣе благопріятныя условія для своего развитія. Но зато воспитаніе въ Петербургѣ лишило бы принцессу Софію-Доротею извѣстныхъ намъ поэтическихъ, мягкихъ сторонъ ея характера, оторвавъ ее отъ семьи и поставивъ въ среду одного изъ блистательнѣйшихъ дворовъ Европы. Было, однакожъ, время, когда молоденькая принцесса близка была къ переѣзду изъ скромнаго, поэтическаго Этюпа въ шумный холодный Петербургъ.

Въ 1768 г., озабочиваясь прісканіемъ невѣсты для Павла Петровича, Екатерина поручила извѣстному ей Датскому дипломату Ассебургу объѣздить маленькіе Германскіе дворы, гдѣ находились принцессы, возрастомъ своимъ подходившія къ возрасту Павла Петровича. Ассебургъ былъ однимъ изъ тѣхъ многихъ дипломатовъ XVIII в., Нѣмецкаго происхожденія, которые, служа поочередно разнымъ государствамъ, въ сущности служили своимъ выгодамъ и продавали ввѣренные имъ интересы Прусскому королю. Это былъ образованный и талантливый проходимецъ, одна изъ тѣхъ иноземныхъ змѣй, по выраженію одного изыскателя [103]), которыхъ въ XVIII и началѣ XIX вѣковъ отогрѣвала на своей груди Россія. Родившись въ подвластномъ Пруссіи Гальберштадтѣ, онъ воспитывался въ Іенѣ, служилъ сначала Касселю, затѣмъ Даніи, а потомъ Россіи, но всегда былъ больше преданъ интересамъ короля Прусскаго, чѣмъ интересамъ двора, которому служилъ. «Онъ не скрывалъ того и говорилъ публично, что интересы короля Прусскаго были для него выше всего прочаго; такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать (въ Петербургѣ) сообразно съ своимъ характеромъ Датскаго уполномоченнаго, онъ запутывалъ Польскія дѣла, надѣясь доставить какую-нибудь выгоду королю Прусскому» [104]). Выгоды Фридриха II онъ имѣлъ въ виду и при выполненіи порученія Екатерины II. Проѣзжая чрезъ Трептовъ и отдавъ должное достоинствамъ принцессы Софіи-Доротеи, внучатной племянницы Фридриха II [105]), Ассебургъ вскорѣ замѣтилъ, что эта принцесса остановила на себѣ, какъ мы имѣли уже случай

---

[103]) Архивъ Кн. Воронцова, XXIX, 176.

[104]) *Шлоссеръ*: «Исторія XVIII в. и начала XIX в.» СПБ. 1858, II, стр. 78—79.

[105]) *Assebourg*: Denkwürdigkeiten, 243.

упоминать [106]), предпочтительное вниманіе Императрицы, не смотря на крайнюю свою молодость. «Признаюсь вамъ, писала она Ассебургу 23 Января 1771 г., я съ сожалѣніемъ отказываюсь отъ выбора принцессы Виртембергской; но разумъ побуждаетъ страсть: она слишкомъ молода» [107]). Однако, три мѣсяца спустя, она не только опять занята мыслію о Софіи-Доротеѣ, но и рѣшилась даже пригласить ее въ Россію. «Я возвращаюсь, пишетъ она Ассебургу 14 Мая, къ своей любимицѣ, принцессѣ Виртембергской, которой минетъ двѣнадцать лѣтъ въ будущемъ Октябрѣ. Мнѣніе ея врача о ея здоровомъ и крѣпкомъ сложеніи влечетъ меня къ ней. Она тоже имѣетъ недостатокъ, именно тотъ, что у нея одиннадцать братьевъ и сестеръ; но они всѣ малолѣтны». Затѣмъ Екатерина предлагаетъ Ассебургу разузнать, согласятся ли Фридрихъ-Евгеній и его супруга поручить ей воспитаніе Софіи-Доротеи, предлагая даже взять къ себѣ еще нѣсколько человѣкъ ихъ дѣтей, лишь бы только имѣть возлѣ себя ихъ старшую дочь. «Если бы принцесса-мать захотѣла сама привезти дочерей своихъ, прибавляетъ Екатерина, то она можетъ быть увѣрена въ самомъ почетномъ пріемѣ... Прошу васъ, м. г., сообщить мнѣ вашъ взглядъ на это предложеніе, и полагаете ли вы такое дѣло возможнымъ, зная мѣстныя условія. И если вы увидите надежду на успѣхъ, то обяжете меня, не упустивъ удобной къ тому минуты» [108]).

Между тѣмъ Фридрихъ II-й указалъ уже Ассебургу, что интересамъ Пруссіи всего болѣе соотвѣтствовалъ бы бракъ Павла Петровича съ одной изъ Гессенъ-Дармштадтскихъ принцессъ (сестра которыхъ была замужемъ за наслѣдникомъ Прусскаго престола, принцемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ) и тѣмъ пробудилъ его патріотическое усердіе [109]). Вслѣдствіе этого Ассебургъ отвѣчалъ сначала уклончиво [110]), а затѣмъ и прямо враждебно намѣренію Екатерины, стараясь обратить ея вниманіе на принцессъ Дармштадтскихъ. Переписка Екатерины съ Ассебургомъ продолжалась по этому поводу довольно долго—до Октября 1772 года, когда Софіи-Доротеѣ уже исполнилось 13 лѣтъ. Похвалы короля Прусскаго Гессенской принцессѣ

[106]) См. выше, начало II-й главы нашего труда.
[107]) Сборникъ, XIII, 66.
[108]) Тамъ же, 92—93.
[109]) *Кобеко*: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 82, изд. 3-е.
[110]) Сборникъ, XIII, 109.

также не могли оказать вліяніе на Екатерину. «Я знаю, писала она, какъ онъ ихъ выбираетъ, и какія ему нужны; то́, что́ ему нравится, едва ли бы насъ удовлетворило; для него чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше» [111]). Неудивительно поэтому, что Ассебургъ не остановился предъ средствами исполнить желаніе Фридриха II и, кажется, прибѣгнулъ, наконецъ, къ сплетнѣ. По крайней мѣрѣ, обнародованными и извѣстными намъ рукописными свѣдѣніями мы не можемъ объяснить себѣ ту причину, которая помѣшала Екатеринѣ призвать Софію-Доротею въ Петербургъ. «Виртембергскую принцессу я отчаялась увидѣть, пишетъ она въ Октябрѣ 1772 г., потому что невозможно было бы показать здѣсь отца и мать въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ихъ въ своемъ донесеніи г. Ассебургъ: это значило бы съ самаго начала поставить дѣвочку въ смѣшное положеніе, которое не позабудется; ей всего 13 лѣтъ, да и то минуло только недѣлю тому назадъ» [112]). Къ сожалѣнію, намъ рѣшительно неизвѣстно, въ чемъ именно заключалось глухое, но, какъ видно, чрезвычайно рѣзкое и серьезное обвиненіе, выставленное Ассебургомъ противъ родителей Софіи-Доротеи, среди другихъ Германскихъ князей того времени выдѣлявшихся, какъ мы уже видѣли, своимъ скромнымъ и нравственнымъ образомъ жизни. Поэтому мы склонны думать, что Ассебургъ умышленно сообщилъ Екатеринѣ какую-либо сплетню, ходившую, быть можетъ, среди «роскошныхъ» Нѣмецкихъ князей о «мѣщанскихъ привычкахъ и вкусахъ» обитателей Монбельяра [113]).

Во всякомъ случаѣ, своимъ донесеніемъ Ассебургъ достигъ цѣли: отъ Екатерины скрыли, что принцесса Дармштадтская

---

[111]) Тамъ же, 311.

[112]) Сборникъ, XIII, 310—311 «... Il serait impossible de produire ici le père et la mère dans l'état où ils sont d'après le rapport de monsieur d'Assebourg: ce serait faire débuter par un ridicule qui ne s'effacerait point la petite fille qui, au bout du compte, *n'a que 13 ans, et cela depuis huit jours seulement*». Изъ словъ Екатерины, напечатанныхъ курсивомъ, видно, что это ея письмо писано въ Октябрѣ 1772 г.

[113]) Самъ Ассебургъ въ своихъ «Denkwürdigkeiten» ни однимъ словомъ не проговаривается объ этомъ своемъ донесеніи Екатеринѣ II, указывая лишь на молодость принцессы, мѣшавшую осуществленію предположеннаго брака. Важно то, что это донесеніе отправлено было Ассебургомъ Екатеринѣ немедленно послѣ выраженной имъ въ Августѣ готовности дѣйствовать въ пользу Пруссіи. См. «Denkwürdigkeiten», стр. 280, письмо Ассебурга графу Финкенштейну.

Вильгельмина страдала искривленіемъ позвоночнаго столба, и въ Сентябрѣ 1773 г. она сдѣлалась супругой Павла Петровича подъ именемъ Наталіи Алексѣевны. Въ этомъ содѣйствовалъ Ассебургу убѣжденный сторонникъ союза Россіи съ Пруссіей, графъ Н. П. Панинъ, совѣтами котораго Екатерина пользовалась (и который, между прочимъ, исходатайствовалъ у Екатерины помилованіе того генерала Тотлебена, который, состоя на Русской службѣ во время Семилѣтней войны, измѣннически дѣйствовалъ на пользу Пруссіи) [114]).

Въ это время, вдали отъ вышеописанныхъ интригъ, вращавшихся около ея личности,—вступала Софія-Доротея въ свой юношескій возрастъ и довершала свое образованіе. Главное вниманіе обращено было при этомъ на историческія и нравственныя науки, причемъ характеръ преподаванія, сухаго прежде, теперь видимо измѣняется. Надо думать, что съ этой поры оно перешло въ другія, болѣе умѣлыя и опытныя руки. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности указать точно преподавателей принцессы Софіи; можемъ только предполагать, что ими были Моклеръ и Голландъ, прибывшіе въ 1772—1773 гг. изъ Лозанны въ Монбельяръ. Принцесса изучала исторію Германіи и Франціи, писала небольшіе историческіе отрывки: «О семи чудесахъ свѣта», «Портреты знаменитыхъ мужей» и «Очеркъ жизни Датской принцессы Доротеи, супруги маркграфа Альберта Брандебургскаго» [115]). Ей преподаны были также главныя начала Логики и Психологіи и важнѣйшія свѣдѣнія изъ естествознанія (Examen abrégé des oeuvres de la création) [116]). Сохранились также писанныя собственноручно принцессой, извлеченныя ею изъ разныхъ авторовъ, «Des Pensées» и «Réflexions sur différents sujets de morale». Многія изъ нихъ очень интересны, характеризуя ту нравственную пищу, которая предлагалась принцессѣ, и опредѣляя ея нравственный складъ; въ особенности замѣчательны статьи: «De la destination de l'homme», «De la vérité», «De la science» и «De la récompense» [117]). Къ изученію языковъ Французскаго и Нѣмецкаго у принцессы Софіи присоединилось еще изученіе Итальянскаго,

[114]) Сборникъ, X, 340—341.

[115]) Архивъ Павловскаго дворца: «Études de S. M. I., пачка № 2: №№ 7, 8, 17. «De ce qu'on appelle les sept merveilles du monde» въ пачкѣ № 1.

[116]) Тамъ же, пачка № 2, №№ 10, 11.

[117]) Тамъ же, № 16 и 12.

начатое въ 1773 г., которое также шло практическимъ путемъ [118]). Наконецъ, образованіе принцессы было завершено изученіемъ Геральдики—предмета, знаніе котораго для лицъ изъ высшаго класса общества считалось тогда обязательнымъ [119]). Одно перечисленіе этихъ предметовъ свидѣтельствуетъ, что принцесса получила по своему возможно-полное, всестороннее образованіе, которое рѣдко получали въ то время женщины. При всѣхъ недостаткахъ этого образованія для будущей Русской государыни, его педантизмѣ и дидактическомъ направленіи въ изложеніи нѣкоторыхъ отраслей знаній, оно однако, дало принцессѣ тотъ образовательный остовъ, который постоянно пополнялся чтеніемъ литературныхъ произведеній и живою бесѣдою съ умными людьми. Эта живая струя знаній оживляла умственный міръ принцессы и не давала ей остановиться на сухомъ запасѣ знаній, вынесенномъ ею изъ учебныхъ своихъ занятій. Мы не должны поэтому забывать, что умственный міръ принцессы Софіи-Доротеи не ограничивался знаніями, сообщенными ей въ юности; внимательное, серьезное чтеніе было постоянною потребностью принцессы и сдѣлало ее одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. Но нравственное съ сентиментальнымъ оттѣнкомъ воспитаніе сказалось и на характерѣ этого образованія: знакомясь съ различными проявленіями литературной жизни того времени, принцесса не могла сочувствовать ни легкимъ, фривольнымъ литературнымъ произведеніямъ, ни сухому, матеріалистическому взгляду энциклопедистовъ; ее плѣняло, напротивъ, все строго религіозное, возвышенное или трогательное въ области духа и точное практическое знаніе въ области любимой ею природы.

Въ 1775 г. принцессѣ Софіи-Доротеѣ исполнилось 16 лѣтъ, возрастъ, когда она уже сдѣлалась предметомъ искательствъ со стороны жениховъ. Правда, за принцессой не было и не могло быть приданнаго въ виду ограниченности средствъ ея родителей и многочисленности ихъ семейства; но красота принцессы была такъ поразительна, что едва успѣла она выйти изъ отроческихъ лѣтъ, какъ ей представилась вполнѣ приличная, по взгляду родителей, партія: къ ней сталъ свататься наслѣдный принцъ Гессенъ-Дармштадтскій Людвигъ, родной братъ супруги Павла Петровича. Послѣ свадьбы сестры гер-

[118]) Тамъ же, пачка № 1.
[119]) Тамъ же, пачка № 2.

цогъ Людвигъ началъ служить въ Русской арміи; но его разгульное поведеніе, вмѣстѣ съ невоздержностью языка, погубило его во мнѣніи Императрицы. Въ 1775 г., во время пребыванія своего въ Москвѣ, въ свитѣ Екатерины, онъ въ особенности проявилъ эти свойства, проводя время въ дурномъ обществѣ и едва не вступивъ въ неравный бракъ [120]). «C'est une misérable pécore qui s'enivre tous les jours et qui finira par quelque mauvais esclandre», писала о немъ Екатерина г-жѣ Бьелке [121]). Этотъ-то принцъ видѣлъ Софію-Доротею и сталъ добиваться ея руки. «Принцесса Доротея, пишетъ г-жа Оберкирхъ, въ то время была хороша какъ Божій день; высокаго роста, стройная, она соединяла съ тонкими, правильными чертами лица благородный и величественный видъ. Она рождена была для короны» [122]). «Къ принцу Дармштадтскому, говоритъ г-жа Оберкирхъ въ другомъ мѣстѣ, она относилась равнодушно (assez d'indifférence), но она была тронута его вниманіемъ и, послѣ многихъ колебаній, изъявила, наконецъ, свое согласіе. Между обоими дворами дѣло было тогда рѣшено» [123]).

Но едва принцесса Софія-Доротея сдѣлалась, почти противъ воли, невѣстой Гессенъ-Дармштадтскаго принца, какъ на Сѣверѣ произошло событіе, давшее новый, неожиданный поворотъ ея судьбѣ: 15 Апрѣля 1776 г. скончалась отъ несчастныхъ родовъ первая супруга Павла Петровича, великая княгиня Наталія Алексѣевна [124]). Екатерина, крайне недовольная тѣмъ, что ея любимица выходитъ замужъ за принца Людвига, въ тотъ же день рѣшила женить на ней своего овдовѣвшаго сына и, принявъ нужныя мѣры, писала 18 Апрѣля г-жѣ Бьелке: «Я сомнѣваюсь, чтобы онъ (принцъ Людвигъ) женился на принцессѣ Виртембергской, не смотря на то, что они уже помолвлены; онъ совсѣмъ не стоитъ ея. Его высочество, это—такая...... (pécore), какихъ никогда не бывало» [125]).

Дѣйствительно, черезъ четыре мѣсяца принцесса Софія была уже въ Россіи.

---

[120]) *Кобеко:* Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 100.

[121]) Сборникъ, XXVII, 67.

[122]) *Oberkirch*, 1, 73.

[123]) Тамъ же, 1, 67—68.

[124]) На смертномъ одрѣ она призналась своей свекрови, что въ дѣтствѣ ее возили тайкомъ въ Парижъ лѣчить искривленный позвоночный столбъ. Фридрихъ Великій и его клевретъ Ассебургъ могли знать о томъ. Характеръ Павла Петровича опредѣлился первымъ его бракомъ. Р. Арх. 1889, III, 59.

[125]) Сборникъ, XXVII, 81.

III.

Брачные союзы Русскихъ государей.—Фридрихъ II и его политика по отношенію къ Россіи.—Избраніе принцессы Софіи-Доротеи въ супруги великому князю Павлу Петровичу.—Переговоры по этому поводу между Петербургомъ, Берлиномъ и Монбельяромъ.—Заботливость Фридриха объ участи Софіи-Доротеи и пріѣздъ ея въ Берлинъ.—Свиданіе съ Павломъ Петровичемъ и его отношеніе къ невѣстѣ и ея семьѣ.—Симпатіи Павла къ Пруссіи и причины ихъ.—Политическое значеніе его поѣздки въ Пруссію.—Отъѣздъ Павла и Софіи-Доротеи въ Петербургъ.—Впечатлѣніе, произведенное невѣстою въ Петербургѣ, и ея бракосочетаніе съ великимъ княземъ. — Первоначальная обстановка.

Избраніе принцессы Виртембергской Софіи-Доротеи въ супруги наслѣднику Русскаго престола великому князю Павлу Петровичу совершилось при условіяхъ, заслуживающихъ особаго вниманія: ими во многомъ объясняется не только дальнѣйшая судьба новобрачной, но и нѣкоторыя историческія событія, тѣсно связанныя съ государственною жизнію Россіи того времени.

Извѣстно, что до начала XVIII вѣка Россія, вообще уклоняясь въ своей жизни отъ Европейскаго вліянія, держалась въ сторонѣ отъ него и при заключеніи браковъ своихъ государей: супруги для нихъ избирались не изъ иностранныхъ принцессъ, а изъ среды Русскихъ подданныхъ. Но эти браки Русскихъ самодержцевъ имѣли свою неудобную для государства сторону: съ новой царицей обыкновенно поднимался и весь ея родъ, члены котораго постепенно занимали первыя мѣста въ государствѣ и при дворѣ царя-родственника. Отсюда—цѣлый рядъ дворцовыхъ каверзъ, постоянно сопровождавшихъ выборъ царской невѣсты, и народныя жалобы на злоупотребленія и безнаказанность новыхъ царскихъ родственниковъ, которые въ

родствѣ съ царемъ видѣли безопасный и богатый источникъ для наживы. Нестроенія эти разростались иногда до размѣровъ государственныхъ смутъ; такъ, все дѣтство Петра Великаго протекло среди кровавой и безпрерывной борьбы Нарышкиныхъ съ Милославскими, завершившейся ужасными стрѣлецкими казнями. Безъ сомнѣнія, желаніе избѣжать внутреннихъ неурядицъ руководило отчасти Петромъ, когда онъ, заботясь о сближеніи Россіи съ Европой, женилъ наслѣдника своего Алексѣя Петровича на Брауншвейгской принцессѣ Софіи-Шарлоттѣ, сестрѣ Германской императрицы. Дальнѣйшія событія Русской исторіи въ малолѣтство Петра II, когда вопросъ о бракѣ молодаго царя связанъ былъ съ преобладающимъ значеніемъ Меньшикова и Долгорукихъ, только подтверждали вѣрность мысли о необходимости выбирать супругу для будущаго Русскаго государя изъ среды иностранныхъ принцессъ. И дѣйствительно, даже такая чисто-русская по своимъ чувствамъ государыня, какъ императрица Елисавета Петровна, послѣдовала примѣру своего отца и выбрала въ супруги великому князю Петру Өеодоровичу Германскую принцессу изъ мелкаго княжескаго дома—Ангальтъ-Сербскую.

Но въ чужихъ земляхъ подыскать невѣсту для наслѣдника Русскаго престола было нелегко. Православныхъ династій, кромѣ Русской, въ Европѣ не существовало, а, между тѣмъ, будущая Русская государыня должна была исповѣдывать православную вѣру; поэтому замужество иновѣрной принцессы съ Русскимъ великимъ княземъ по необходимости соединялось съ принятіемъ ею православія. Но протестантскія принцессы считали не совсѣмъ удобнымъ и приличнымъ перемѣнять свое вѣроисповѣданіе послѣ совершенія конфирмаціи, которая обыкновенно происходила на 16-мъ или 17-мъ году ихъ возраста; католическія принцессы же вообще не пользовались симпатіями Русскаго двора и исключались изъ списка кандидатокъ въ супруги Русскому великому князю: ибо католичество, по Русскому взгляду, сложившемуся историческимъ путемъ, казалось болѣе враждебнымъ православію, чѣмъ протестантство, и въ католической принцессѣ, даже принявшей православіе, масса народа легко могла видѣть скрытую папистку [1]). Притомъ,

[1]) Вотъ условія, которыми, между прочимъ, руководилась Екатерина II при выборѣ невѣсты Павлу Петровичу: «Во-1-хъ, правило, чтобы принцесса, вступающая въ замужество съ великимъ княземъ, была дочерью протестант-

протестантскихъ невѣстъ, соглашавшихся на перемѣну вѣроисповѣданія, можно было искать только среди княжескихъ дворовъ Германіи; но и здѣсь, въ половинѣ XVIII вѣка, выборъ не могъ быть вполнѣ свободенъ: этимъ выборомъ, изъ политическихъ разсчетовъ, старался руководить король Прусскій Фридрихъ II, который прикидывался другомъ Россіи и котораго трудно было обойти въ этомъ дѣлѣ, потому что онъ считался какъ бы главою протестантской Германіи. Такимъ образомъ выяснилась невыгодная сторона браковъ съ иностранными принцессами, открывавшая возможность вліянія на Русскую политику взглядовъ, чуждыхъ выгодамъ Россіи. При соперничествѣ Фридриха съ католической Австріей въ Германіи, протестантскія принцессы, выдаваемыя съ его помощію замужъ въ Россію, должны были, по его мнѣнію, упрочивать за нимъ союзъ этой могущественной державы. Извѣстно, что вся жизнь Фридриха посвящена была усиленію Пруссіи и что для достиженія этой цѣли онъ не брезгалъ никакими средствами, подчиняя ей всѣ свои нравственныя чувства. Ложь, обманъ, безцеремонное нарушеніе договоровъ (un assemblage de mots sans âme, какъ называлъ онъ ихъ) все считалъ онъ дозволительнымъ для себя, если только того требовали Прусскія выгоды. «Ce n'est pas tromper cela, говорилъ онъ, c'est se tirer d'affaire». Рыцарство въ политикѣ онъ презиралъ, предпочитая ему свое правило, сдѣлавшееся потомъ девизомъ Пруссіи: erst nehmen und dann unterhandeln [1]). Дважды спасенный Россіей отъ совершеннаго пораженія, боясь ея, по выраженію одного иностраннаго дипломата, болѣе нежели Бога [2]), Фридрихъ въ то же

скихъ родителей должно быть признано непреложнымъ, и, слѣдовательно, католическія принцессы ipso facto совершенно устраняются. Во-2-хъ, графини самыхъ знаменитыхъ домовъ могутъ быть предложены только въ случаѣ совершеннаго недостатка принцессъ царствующихъ домовъ; но дома Линанжъ, Штольбергъ и Изембургъ, извѣстные наслѣдственными недостатками въ семействахъ своихъ, не могутъ входить въ это число. Въ 3-хъ, требуемый для принцессъ возрастъ не долженъ превышать лѣтъ великаго князя». Письмо графа Н. И. Панина барону Ассебургу 10 Мая 1771 г. С. Р. И. О. XIII, 85.

[1]) См. статью: «Сношенія Россіи съ Германіей» В. А. Бильбасова. Ист. Вѣстн. 1889 года, т. I.

[2]) Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, статья проф. Иконникова, стр. 132. Здѣсь же приведенъ отзывъ другаго иностранца, маркиза Валори, который выражался, что «руссофобія наслѣдственна въ Берлинѣ, и Русскихъ трепещутъ здѣсь какъ лѣшаго».

время глубоко презиралъ ее за ея сентиментальность въ политикѣ, тупую иногда покорность и точность въ исполненіи, даже въ ущербъ себѣ, своихъ международныхъ обязательствъ. Неразборчивому на средства королю Россія представлялась грубой, стихійной силой, которою онъ долженъ пользоваться для выгодъ Пруссіи. Ради этого король-философъ не скупился на подкупы, запугиванія ложными страхами, предавалъ на погибель собственныхъ родственниковъ («родственники только тѣ, кто друзья мнѣ», говорилъ онъ) и рекомендовалъ своему посланнику, въ крайнемъ случаѣ, подумать, какъ бы произвести въ Россіи переворотъ «въ пользу того, для кого онъ можетъ быть устроенъ» [4]). Мало того, не переносившаго цѣпей медвѣдя Фридрихъ думалъ перевязать розовыми лентами и, дѣйствительно, добился того, что въ теченіе всей своей жизни онъ былъ, такъ-сказать, постояннымъ сватомъ Русскаго двора и старался принимать дѣятельное участіе въ выборѣ трехъ супругъ для наслѣдниковъ Русскаго престола: Екатерины II, Наталіи Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны. Практическій геній коварнаго Пруссака сказался и при этомъ случаѣ: устраивая бракъ будущаго государя могущественной имперіи, король-философъ думалъ не о томъ, чтобы пристроить ближайшихъ къ себѣ членовъ своей семьи, а о томъ, чтобы какъ можно крѣпче привязать къ себѣ Россію, съ своей стороны не поступаясь ей ничѣмъ. Фридриху хотѣлось, чтобы будущая Русская государыня была по возможности всѣмъ обязана Пруссіи, платила бы ей свой долгъ благодарности, но отнюдь не связывала бы ей рукъ ни въ какомъ отношеніи [5]). Но Ангальтъ-Сербская принцесса, возвышенію которой онъ содѣйствовалъ, обманула ожиданія своего покровителя: сдѣлавшись великой княгиней, она послѣ перваго кровопусканія, сдѣланнаго ей во время болѣзни, вос-

---

[4]) Тамъ же.

[5]) «Alle Discurse von Mariages zu esquiren und zu evitiren», писалъ онъ своему посланнику въ Петербургѣ, Мардефельду, узнавъ, что при обсужденіи вопроса о невѣстахъ для великаго князя Петра Ѳеодоровича была упомянута сестра короля, принцесса Амалія. (Бильбасовъ: Исторія Екатерины Второй, т. I, 444). Баронъ Бюлеръ вполнѣ правъ, не довѣряя Фридриху, который причину отказа объяснялъ своимъ нежеланіемъ дозволить сестрѣ перемѣну вѣроисповѣданія. «Такой отвѣтъ, говоритъ онъ, короля-философа, хвалившагося вѣротерпимостію и любившаго повторять, что въ его государствѣ каждый по своему долженъ заботиться о спасеніи души, былъ только пустымъ предлогомъ». «Два эпизода» и проч. Русскій Вѣстникъ 1870 г., IX, 94.

протестантскихъ невѣстъ, соглашавшихся на перемѣну вѣроисповѣданія, можно было искать только среди княжескихъ дворовъ Германіи; но и здѣсь, въ половинѣ XVIII вѣка, выборъ не могъ быть вполнѣ свободенъ: этимъ выборомъ, изъ политическихъ разсчетовъ, старался руководить король Прусскій Фридрихъ II, который прикидывался другомъ Россіи и котораго трудно было обойти въ этомъ дѣлѣ, потому что онъ считался какъ бы главою протестантской Германіи. Такимъ образомъ выяснилась невыгодная сторона браковъ съ иностранными принцессами, открывавшая возможность вліянія на Русскую политику взглядовъ, чуждыхъ выгодамъ Россіи. При соперничествѣ Фридриха съ католической Австріей въ Германіи, протестантскія принцессы, выдаваемыя съ его помощію замужъ въ Россію, должны были, по его мнѣнію, упрочивать за нимъ союзъ этой могущественной державы. Извѣстно, что вся жизнь Фридриха посвящена была усиленію Пруссіи и что для достиженія этой цѣли онъ не брезгалъ никакими средствами, подчиняя ей всѣ свои нравственныя чувства. Ложь, обманъ, безцеремонное нарушеніе договоровъ (un assemblage de mots sans âme, какъ называлъ онъ ихъ) все считалъ онъ дозволительнымъ для себя, если только того требовали Прусскія выгоды. «Ce n'est pas tromper cela, говорилъ онъ, c'est se tirer d'affaire». Рыцарство въ политикѣ онъ презиралъ, предпочитая ему свое правило, сдѣлавшееся потомъ девизомъ Пруссіи: erst nehmen und dann unterhandeln [1]). Дважды спасенный Россіей отъ совершеннаго пораженія, боясь ея, по выраженію одного иностраннаго дипломата, болѣе нежели Бога [2]), Фридрихъ въ то же

скихъ родителей должно быть признано непреложнымъ, и, слѣдовательно, католическія принцессы ipso facto совершенно устраняются. Во-2-хъ, графини самыхъ знаменитыхъ домовъ могутъ быть предложены только въ случаѣ совершеннаго недостатка принцессъ царствующихъ домовъ; но дома Линанжъ, Штольбергъ и Изембургъ, извѣстные наслѣдственными недостатками въ семействахъ своихъ, не могутъ входить въ это число. Въ 3-хъ, требуемый для принцессъ возрастъ не долженъ превышать лѣтъ великаго князя». Письмо графа Н. И. Панина барону Ассебургу 10 Мая 1771 г. С. Р. И. О. XIII, 85.

[1]) См. статью: «Сношенія Россіи съ Германіей» В. А. Бильбасова. Ист. Вѣстн. 1889 года, т. I.

[2]) Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, статья проф. Иконникова, стр. 132. Здѣсь же приведенъ отзывъ другаго иностранца, маркиза Валори, который выражался, что «руссофобія наслѣдственна въ Берлинѣ, и Русскихъ трепещутъ здѣсь какъ лѣшаго».

время глубоко презиралъ ее за ея сентиментальность въ политикѣ, тупую иногда покорность и точность въ исполненіи, даже въ ущербъ себѣ, своихъ международныхъ обязательствъ. Неразборчивому на средства королю Россія представлялась грубой, стихійной силой, которою онъ долженъ пользоваться для выгодъ Пруссіи. Ради этого король-философъ не скупился на подкупы, запугиванія ложными страхами, предавалъ на погибель собственныхъ родственниковъ («родственники только тѣ, кто друзья мнѣ», говорилъ онъ) и рекомендовалъ своему посланнику, въ крайнемъ случаѣ, подумать, какъ бы произвести въ Россіи переворотъ «въ пользу того, для кого онъ можетъ быть устроенъ» [4]). Мало того, не переносившаго цѣпей медвѣдя Фридрихъ думалъ перевязать розовыми лентами и, дѣйствительно, добился того, что въ теченіе всей своей жизни онъ былъ, такъ-сказать, постояннымъ сватомъ Русскаго двора и старался принимать дѣятельное участіе въ выборѣ трехъ супругъ для наслѣдниковъ Русскаго престола: Екатерины II, Наталіи Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны. Практическій геній коварнаго Пруссака сказался и при этомъ случаѣ: устраивая бракъ будущаго государя могущественной имперіи, король-философъ думалъ не о томъ, чтобы пристроить ближайшихъ къ себѣ членовъ своей семьи, а о томъ, чтобы какъ можно крѣпче привязать къ себѣ Россію, съ своей стороны не поступаясь ей ничѣмъ. Фридриху хотѣлось, чтобы будущая Русская государыня была по возможности всѣмъ обязана Пруссіи, платила бы ей свой долгъ благодарности, но отнюдь не связывала бы ей рукъ ни въ какомъ отношеніи [5]). Но Ангальтъ-Сербская принцесса, возвышенію которой онъ содѣйствовалъ, обманула ожиданія своего покровителя: сдѣлавшись великой княгиней, она послѣ перваго кровопусканія, сдѣланнаго ей во время болѣзни, вос-

[4]) Тамъ же.

[5]) «Alle Discurse von Mariages zu esquiren und zu evitiren», писалъ онъ своему посланнику въ Петербургѣ, Мардефельду, узнавъ, что при обсужденіи вопроса о невѣстахъ для великаго князя Петра Ѳеодоровича была упомянута сестра короля, принцесса Амалія. (Бильбасовъ: Исторія Екатерины Второй, т. I, 444). Баронъ Бюлеръ вполнѣ правъ, не довѣряя Фридриху, который причину отказа объяснялъ своимъ нежеланіемъ дозволить сестрѣ перемѣну вѣроисповѣданія. «Такой отвѣтъ, говоритъ онъ, короля-философа, хвалившагося вѣротерпимостію и любившаго повторять, что въ его государствѣ каждый по своему долженъ заботиться о спасеніи души, былъ только пустымъ предлогомъ». «Два эпизода» и проч. Русскій Вѣстникъ 1870 г., IX, 94.

пользовалась случаемъ, чтобы шутя выразить по этому поводу свою радость, говоря, что ей выпустили послѣднюю Нѣмецкую кровь, остававшуюся въ ея жилахъ. Сдѣлавшись самодержавной государыней, Екатерина хотя и заключила союзъ съ Пруссіей, но держалась его лишь поскольку онъ соотвѣтствовалъ Русскимъ выгодамъ: замѣтивъ двуличіе Фридриха и нуждаясь для достиженія своихъ цѣлей относительно Турціи въ содѣйствіи Австріи, Екатерина не задумалась прервать дружественныя связи съ этимъ «Иродомъ», какъ она стала называть Фридриха [6]), и вступила въ союзъ съ его врагомъ, Австріей. Но такая перемѣна въ Русской политикѣ произошла значительно позже, въ 1781 году. До того же времени, Фридрихъ, успѣвъ въ 1772 г., съ помощью Россіи, округлить свои владѣнія по первому раздѣлу Польши, съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде, хлопоталъ, чтобы и бракъ сына Екатерины, Павла, устроился сообразно его желаніямъ. На этотъ разъ онъ предложилъ въ невѣсты принцессу Гессенъ-Дармштадтскую Вильгельмину, сестра которой была замужемъ за его наслѣдникомъ, принцемъ Прусскимъ. Весь ходъ этого сватовства онъ самъ подробно изложилъ въ своихъ Запискахъ. Послѣ перваго раздѣла Польши Фридрихъ былъ очень обезпокоенъ враждою князя Г. Г. Орлова, любимца Екатерины, къ графу Н. И. Панину (который, по воспитанію своему и привычкѣ къ Нѣмцамъ, поддерживалъ при Русскомъ дворѣ союзъ съ Пруссіей). «Чтобы имѣть вліяніе въ Россіи, пишетъ Фридрихъ, нужно было помѣстить тамъ лицъ, которыя тянули бы къ Пруссіи... Было бы все выиграно, если бы одна изъ этихъ принцессъ (Дармштадтскихъ) сдѣлалась великой княгиней, ибо узы родства въ связи съ узами союза повели бы къ тому, что единеніе Пруссіи съ Россіей было бы прочнѣе, чѣмъ когда либо... Такого рода мѣры, конечно, не достигаютъ своей цѣли; но ими не слѣдуетъ пренебрегать... И только путемъ происковъ и каверзъ король (Фридрихъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ) достигъ того, что Императрица остановила свой выборъ на принцессѣ Дармштадтской, родной сестрѣ принцессы Прусской» [7]).

Какъ мы уже видѣли, орудіемъ этихъ происковъ Прусскаго короля былъ Ассебургъ, а жертвой ихъ—внучатная племянница самого Фридриха, принцесса Виртембергская Софія-Доротея. И

[6]) Въ письмахъ своихъ къ Гримму. Сборникъ, XXIII.

[7]) Frédéric, Oeuvres, t. VI, 57, 119.

дѣйствительно, уклониться отъ вліянія Фридриха на выборъ невѣсты не могла даже Екатерина, отзывъ которой намъ уже извѣстенъ: «я знаю, какъ онъ выбираетъ и какія ему нужны... для него чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше». Но принцесса Вильгельмина Дармштадтская, сдѣлавшись великой княгиней Наталіей Алексѣевной, пожила недолго и умерла отъ несчастныхъ родовъ. Кончина великой княгини была неизбѣжной при ея физическомъ недостаткѣ, который былъ тщательно скрываемъ ея честолюбивой матерью (извѣстнымъ другомъ короля-философа), ландграфиней Каролиной; но она поразила своею неожиданностію какъ Екатерину, такъ и молодаго супруга. Исторія едва ли можетъ съ достовѣрностію рѣшить вопросъ, были ли эти несчастные роды такою же неожиданностію и для Фридриха, или, быть можетъ, подобно самой ландграфинѣ Каролинѣ, онъ только не предполагалъ всей важности физическаго недостатка принцессы, на которую имъ возлагалось такъ много надеждъ [8]). Смерть Натали Алексѣевны, 15-го Апрѣля 1776 г., не дала, однако, Фридриху возможности на этотъ разъ руководить выборомъ супруги Павлу Петровичу: выборъ Екатерины тотчасъ палъ на ея давнюю любимицу, принцессу Виртембергскую Софію-Доротею. Но обстоятельства, въ которыхъ находилась тогда Пруссія, были таковы, что печальное событіе въ Русской императорской семьѣ было какъ нельзя болѣе на руку Фридриху, и ему оставалось только радоваться, что вновь избранная принцесса и все ея семейство были издавна привязаны къ нему чувствами родства, уваженія, благодарности, и хлопотать, чтобы предположенный брачный союзъ совершился безпрепятственно и на пользу Пруссіи. Дѣло въ томъ, что «захватчивый» король былъ въ это время озабоченъ неудовольствіемъ Екатерины на его образъ дѣйствій, такъ какъ онъ, во-первыхъ, отрѣзалъ себѣ отъ Польши больше земли, чѣмъ это ему слѣдовало по первому раздѣлу, и, во-вторыхъ, сталъ заниматься фабрикаціей фальшивой монеты, которую приказывалъ распространять въ Польшѣ [9]). Между тѣмъ

[8]) Эти надежды, впрочемъ, и на этотъ разъ могли оказаться обманчивыми: Наталія Алексѣевна, подъ вліяніемъ друга своего, графа Андрея Разумовскаго (который сошелся съ нею еще на кораблѣ, когда ее везли въ Россію), наклонна была въ пользу Франціи и Испаніи, во вредъ союзу Россіи съ Пруссіей. Кратковременность жизни великой княгини въ Россіи не позволяетъ, однако, дѣлать опредѣленныхъ заключеній о ея политическихъ симпатіяхъ.

[9]) Этотъ поступокъ Фридриха, хорошо характеризующій его нравственность въ политикѣ, вызвалъ нѣкоторыя противодѣйствующія мѣры со сто-

Россія, возвратившая себѣ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ свободу дѣйствій, являлась въ сущности единственной державой, которая могла рѣшить споръ Австріи и Пруссіи за преобладаніе въ Германіи. Неудовольствіе Екатерины могло имѣть для Фридриха тѣмъ болѣе опасныя послѣдствія, что въ 1777 г. истекалъ срокъ союзнаго договора между Россіей и Пруссіей, а Австрія въ свою очередь заискивала въ Петербургѣ, надѣясь перетянуть Россію на свою сторону. Подобно Пруссіи, и Австріи захватила у Польши участки земли, не вошедшіе въ трактатъ раздѣла; но, при первомъ извѣстіи о неудовольствіи Екатерины, Австрійскій дворъ поспѣшилъ возратить ихъ Польшѣ, въ увѣренности, что этимъ своимъ шагомъ онъ поссоритъ Екатерину съ Фридрихомъ. Фридриху, дѣйствительно, ничего не осталось дѣлать, какъ послать въ Петербургъ, въ Мартѣ 1776 г., брата своего, принца Генриха, въ надеждѣ, что этотъ ловкій дипломатъ, уже ѣздившій къ Петербургскому двору въ 1770 г. и заслужившій уваженіе Екатерины, поможетъ ему разсѣять ея неудовольствіе и отклонитъ ее отъ союза съ Австріей. Тѣмъ пріятнѣе было для короля извѣстіе, что представляется счастливый случай не только устранить недоразумѣнія, возникшая между союзниками къ выгодѣ Австріи, но и сдѣлать узы дружбы между Россіей и Пруссіей еще болѣе тѣсными [10]).

Съ иными чувствами и надеждами ожидала этого брака Екатерина. Въ первой своей невѣстѣ она скоро разочаровалась; честолюбивый и энергическій нравъ Наталіи Алексѣевны давалъ даже поводъ современникамъ думать, что, проживи она долѣе, между нею и ея державной свекровью началась бы борьба за власть: подчинивъ своему вліянію молодаго супруга, Наталія Алексѣевна мечтала о возведеніи его на престолъ. Не отъ нея также, какъ оказалось, могла Императрица ожидать себѣ внука, съ рожденіемъ котораго былъ бы упроченъ въ Россіи порядокъ престолонаслѣдія. Поэтому издавна замѣченныя Екатериной въ принцессѣ Виртембергской здоровье и сердечная доброта должны были въ особенности привлекать ее къ ней: эти качества молодой принцессы могли, по мнѣнію Екатерины, обезпечить и

роны Екатерины (Русская Старина, XXIII, 491 и слѣд.). Наполеонъ, явившійся въ Россію въ 1812 г. съ большимъ запасомъ Русскихъ фальшивыхъ ассигнацій, въ сущности слѣдовалъ, значитъ, примѣру Фридриха (Тьеръ старается извинить его этимъ примѣромъ!).

[10]) Frédéric, Oeuvres, VI, 122.

домашній миръ Русской императорской семьи, и будущность Россіи. Помолвка принцессы Софіи-Доротеи съ принцемъ Гессенъ-Дармштадскимъ заставила Екатерину не терять времени для достиженія своей цѣли. Наталія Алексѣевна скончалась 15 Апрѣля 1776 г., въ 5 часовъ пополудни, и уже въ этотъ день Екатерина письменно начертала себѣ планъ дѣйствія для новаго брачнаго союза своего сына [11]). Содѣйствіе Фридриха этому плану облегчено было присутствіемъ принца Генриха, который уже двѣ недѣли какъ жилъ въ Петербургѣ, выполняя порученіе брата [12]). Какой успѣхъ имѣло бы посольство принца Генриха въ другое время, сказать трудно; но теперь принцу оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами. На слѣдующій же день по кончинѣ Наталіи Алексѣевны, 16 Апрѣля, Екатерина обратилась къ принцу съ просьбой устроить бракъ Павла Петровича съ принцессой Виртембергской. Нечего и говорить, съ какимъ удовольствіемъ принцъ принялъ на себя хлопоты по этому дѣлу. Чтобы ускорить сватовство, Императрица рѣшилась даже на важный шагъ—отправить сына вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ въ Берлинъ, куда съ своей стороны, по плану Екатерины, должна была пріѣхать принцесса Виртембергская-мать со старшею дочерью для свиданія съ августѣйшимъ женихомъ; тамъ же принцъ Генрихъ долженъ былъ передать родителямъ принцессы заранѣе приготовленныя письма Екатерины съ формальнымъ предложеніемъ о бракѣ, а затѣмъ прямо изъ Берлина принцесса должна была ѣхать въ Россію. Затрудненія, которыя могли возникнуть со стороны уже объявленнаго жениха принцессы Софіи, принца Людвига Дармштадт-

---

[11]) Сборникъ, XXVII, 78, 79. Замѣчательно, что она имѣла силу тотчасъ же заняться этимъ дѣломъ, не смотря на страшное потрясеніе, которое испытывала, будучи свидѣтельницей предсмертныхъ страданій великой княгини. «Были минуты, писала Екатерина Гримму 18 Апрѣля, когда при видѣ мученій мнѣ казалось, будто и мои внутренности разрывались... Въ Пятницу (день смерти Наталіи Алексѣевны) я стала точно каменная и до сихъ поръ еще не опомнилась. Иногда я чувствую себя крѣпкою, иногда нападаетъ слабость; происходитъ это отъ перемежающейся лихорадки, но ее скорѣе можно назвать нравственною, нежели физическою». Сборникъ, XIII, 46. И впослѣдствіи Екатерина присутствовала при всѣхъ родахъ своей невѣстки. Одинъ великій князь Михаилъ Павловичъ родился, когда ея уже не было на свѣтѣ.

[12]) Совпаденіе пріѣзда принца Генриха со временемъ приближенія родовъ великой княгини могло быть не случайнымъ. Къ сожалѣнію, провѣрить справедливость этой догадки едва ли возможно.

скаго, поручено было устранить Фридриху II. Быстрота дѣйствій и тайна, съ которой велось все это дѣло, вызывались, безъ сомнѣнія, самою щекотливостью обстоятельствъ, при которыхъ должно было совершиться предполагаемое сватовство. Со стороны Павла Петровича, сначала очень грустившаго о потерѣ своей супруги, не было противодѣйствія такъ быстро возникшей мысли о новомъ брачномъ союзѣ; потому что, по словамъ гр. Н. И. Панина, открывшійся смертью Натальи Алексѣевны ея внутренній образъ жизни перемѣнилъ чувства супруга и подалъ утѣшеніе всему двору о сей потерѣ [13]). Великій князь, которому еще не исполнилось и 22-хъ лѣтъ, тѣмъ менѣе могъ уклоняться отъ вступленія въ новый бракъ, что ясно сознавалъ его государственную необходимость. Уже 5-го Мая, озабочиваясь доставленіемъ чина исповѣданія православной вѣры новой своей невѣстѣ, Павелъ писалъ митрополиту Платону: «При семъ случаѣ за долгъ свой почитаю вамъ сказать (прося оставить сіе подъ глубокимъ секретомъ), что въ сіи горестныя минуты не забылъ помыслить о долгѣ въ разсужденіи отечества своего [14]), полагаясь и въ семъ, какъ въ выборѣ, такъ и въ прочемъ, на волю Божію» [15]).

Сама Екатерина такъ передавала Гримму эти событія. «Увидѣвъ, что корабль накренился на одинъ бокъ, я не теряла времени, наклонила его другимъ бокомъ, ковала желѣзо, пока оно было горячо, чтобы возмѣстить утрату, и такимъ образомъ мнѣ удалось разсѣять глубокую печаль, которая насъ удручала. Сначала я предложила попутешествовать, съѣздить кое-куда и провѣтриться, а потомъ сказала: «Мертвыхъ не воскресить, надо помышлять о живыхъ. Были убѣждены въ своемъ благополучіи, утратили это убѣжденіе. Но зачѣмъ же отчаяваться обрѣсти его вновь? Поищемъ этого новаго».—«Да въ комъ же?»—«О, у меня есть наготовѣ».—«Какъ, уже?»—«Да, да, и какая игрушечка!» Такимъ образомъ затронуто любопытство. «Кто же? Да какъ же? Черноволоса, бѣлокура, высока, маленькая?»—«Нѣжная, прекрасная, восхитительная игрушечка».

[13]) Кобеко, 133. Рѣчь идетъ о привязанности Наталіи Алексѣевны къ графу Андрею Разумовскому, въ которой Павелъ долженъ былъ убѣдиться изъ бумагъ своей супруги, ему предъявленныхъ.

[14]) Т.-е. о вступленіи въ бракъ и сохраненіи династіи, коей онъ былъ единственнымъ представителемъ.

[15]) Русскій Архивъ, 1887 г., II, 10.

Про игрушечку весело слышать. Начались улыбки. Слово за словомъ, призывается въ свидѣтели нѣкій расторопный путешественникъ (принцъ Генрихъ), недавно пріѣхавшій нарочно, чтобъ утѣшать и развлекать. И вотъ онъ взялся посредничать и вести переговоры. Посланъ курьеръ, возвратился курьеръ, назначено путешествіе, приготовлено свиданіе, все это съ неслыханной быстротой. И вотъ сжатое сердце начинаетъ расширяться. Мы горюемъ, но по необходимости заняты приготовленіемъ къ поѣздкѣ, которая неизбѣжна для здоровья и должна послужить къ развлеченію. «Такъ дайте намъ покамѣстъ портретъ, отъ этого еще ничего не станется».—«Портретъ? Да немногіе портреты нравятся. Живопись не производитъ впечатлѣнія». Портретъ пришелъ съ первымъ курьеромъ. «На что онъ? Ну какъ не понравится? Лучше не вынимать его изъ ящика». И вотъ портретъ цѣлую недѣлю лежитъ завернутый тамъ, гдѣ его положили, когда онъ былъ привезенъ, на столѣ, рядомъ съ моею чернильницей. «Что тамъ такое?»—«Вкусы разные, а на мой взглядъ черты прекрасныя». Наконецъ портретъ вскрытъ, немедленно положенъ въ карманъ и потомъ опять вынутъ, и напослѣдокъ на него не насмотрятся и торопятъ приготовленіями къ отъѣзду, и вотъ путешествіе предпринято» [16]).

Въ сущности дѣло было окончательно рѣшено только чрезъ шесть недѣль послѣ смерти Наталіи Алексѣевны: ранѣе этого срока, вслѣдствіе разстоянія, отдѣляющаго Берлинъ отъ Петербурга, не могъ придти отвѣтъ Фридриха на письмо принца Генриха. Король, обрадованный новымъ сватовствомъ, подоспѣвшимъ для него какъ нельзя болѣе кстати, писалъ, что онъ уже получилъ отъ принца Гессенъ-Дармштадтскаго (случайно находившагося въ ту пору въ Потсдамѣ) согласіе уступить свою невѣсту; что же касается до позволенія родителей принцессы Виртембергской и другихъ различныхъ распоряженій, которыя возникали по поводу брака, то все это Фридрихъ бралъ на себя [17]). Въ то же время шла дѣятельная переписка между Монбельярской принцессой-матерью и ея Прусскими родственниками, свидѣтельствующая о томъ волненіи, которое

[16]) Сборникъ, XXIII, 49—50. Для передачи этого образнаго, живаго письма Екатерины съ Французскаго подлинника мы воспользовались переводомъ его, помѣщеннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1878 г., III, 30—31.

[17]) Древняя и Новая Россія. 1880 г., II, 527.

возбудили Петербургскія вѣсти въ вѣчно-интриговавшемъ Берлинѣ и мирно-дремавшемъ Монбельярѣ, гдѣ исподоволь готовились къ браку принцессы Софіи-Доротеи съ принцемъ Дармштадтскимъ. Переписка эта носитъ на себѣ отпечатокъ той же поспѣшности, съ какой велось все дѣло сватовства, и, быть можетъ, поэтому, отличается искренностію чувствъ и непосредственностію въ ихъ выраженіи.

Одновременно съ письмомъ своимъ королю Фридриху, принцъ Генрихъ сообщилъ о желаніяхъ Екатерины какъ принцессѣ Монбельярской, такъ и брату своему Фердинанду, женатому на ея родной сестрѣ, уговаривая его съ своей стороны дѣйствовать на Монбельярскій дворъ въ смыслѣ принятія имъ предложеній Русскаго двора. Убѣжденные въ необходимости устроить для пользы Пруссіи бракъ Софіи-Доротеи съ Русскимъ великимъ княземъ, оба брата не сомнѣвались, что при обычныхъ обстоятельствахъ и родители принцессы не отказали бы въ своемъ согласіи на этотъ лестный для нихъ брачный союзъ; но оба они, вѣроятно, не знали, какъ отнесутся Монбельярскіе супруги-идеалисты къ необходимости разрыва съ первымъ женихомъ и къ перемѣнѣ ихъ дочерью вѣроисповѣданія. Сначала принцъ Генрихъ писалъ Фердинанду, чтобы сами родители невѣсты убѣдили принца Дармштадтскаго отступиться отъ нея. «Если остается у него, говорилъ Генрихъ, хотя малѣйшая доля чести, то онъ не захочетъ возмущать благосостояніе двухъ государствъ, союзъ которыхъ можетъ быть столь полезенъ для спокойствія всей Европы [18]), и не пожелаетъ, если у него остается чувство, препятствовать счастію семейства, которое, по великодушію императрицы и великаго князя, будетъ находиться въ цвѣтущемъ положеніи сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ оно теперь находится». Но затѣмъ, боясь, вѣроятно, какихъ-либо осложненій и не считая нужнымъ спрашивать согласія Монбельярской четы, онъ самъ написалъ принцу Дармштадтскому, отъ имени императрицы и великаго князя, объявляя ему, что если онъ не откажется отъ своей невѣсты, то Русскій дворъ, уже и прежде имъ недовольный, совершенно его оставитъ. Объ этомъ своемъ письмѣ онъ извѣстилъ и принцессу Монбельярскую, сообщивъ ей же че-

---

[18]) Сборникъ, IX, 5—6. Нѣмцы были напуганы тогдашнимъ торжествомъ Россіи.

резъ принца Фердинанда, что, лишаясь принца Дармштадтскаго, принцесса Софія-Доротея теряетъ только негодяя по признанію покойной великой княгини, великаго князя и императрицы [19]). Что касается до перемѣны вѣры, то принцъ Генрихъ убѣждалъ свою племянницу не страшиться этого: «въ этомъ, писалъ онъ, такъ мало затрудненій, что все почти дѣло здѣсь въ названіи» [20]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ принцессѣ-матери «избрать просвѣщеннаго лютеранскаго священника, чтобъ онъ объяснилъ, если нужно, молодой принцессѣ, что, будучи въ состояніи устроить счастіе своего семейства и союзъ Пруссіи съ Россіей, однимъ словомъ, благоденствіе столь многихъ народовъ и содѣйствовать благосостоянію стольких частныхъ лицъ, она можетъ быть увѣрена, что подчиняться для сего обрядамъ значитъ служить Богу; внутреннія же убѣжденія и чувство принадлежатъ ей». «Здѣсь вовсе не строги, прибавилъ онъ; епископъ Платонъ, бывшій духовникомъ покойной великой княгини, человѣкъ умный и умѣренный, такъ что она не должна питать никакого предразсудка къ перемѣнѣ, требуемой отъ нея, и я увѣряю васъ, что въ этомъ состоитъ вся форма отступленія въ томъ видѣ, какъ я ее вамъ посылаю и какъ нашелъ ее между бумагами великой княгини, которыя у меня для просмотра» [21]).

Съ своей стороны и принцъ Фердинандъ дѣлалъ не менѣе усердныя увѣщанія принцессѣ-матери, впадая даже въ патетическій тонъ. «Въ вашихъ рукахъ, писалъ онъ ей, осчастливить свое многочисленное семейство, давъ согласіе на этотъ союзъ. Отъ васъ зависитъ укрѣпить болѣе чѣмъ когда-либо тѣсный союзъ, существующій между двумя дворами; за вами преимущество оказать существеннѣйшую услугу странѣ, давшей вамъ бытіе; вы можете предупредить кровопролитія. Ну, въ состояніи ли вы отказаться дать свое согласіе на этотъ бракъ? Нѣтъ, любезная сестра, я считаю васъ на это совершенно неспособной; сердце говоритъ мнѣ, что вы примете сдѣланныя предло-

---

[19]) Тамъ же, 20, 13.

[20]) Тамъ же, стр. 6.

[21]) «Переводъ съ Чина Исповѣданія нашелся между бумагами жены моей и съ переводомъ Нѣмецкимъ», писалъ Павелъ Платону 5 Мая 1776 г. (Р. Арх., 1887 г., II, 9). Это исповѣданіе вѣры и напечатано было потомъ на Нѣмецкомъ языкѣ безъ означенія мѣста и года подъ заглавіемъ: «Glaubens-Bekentniss I. K. H. der Grossfürstin Maria Feodorowna».

женія и будете такимъ образомъ содѣйствовать счастію своего отечества, семейства и дочери, вами обожаемой. Вамъ тѣмъ пріятнѣе дать свое согласіе, что по тѣсному союзу, въ который это поставитъ васъ съ Русскимъ дворомъ, вы никогда ни въ чемъ не будете терпѣть ни малѣйшаго недостатка». Къ этимъ убѣжденіямъ принцъ Фердинандъ счелъ, однако, нелишнимъ присоединить и угрозы, на случай, если бы увѣщанія не подѣйствовали. «Съ принцемъ Дармштадтскимъ, продолжалъ онъ, вы можете разстаться вѣжливо, давая ему понять, что такова была воля короля. Если у него есть разумъ, то онъ уступитъ, чтобы не нажить себѣ врага въ лицѣ столь могущественнаго государя, который могъ бы заставить его раскаяться въ дѣлаемыхъ имъ затрудненіяхъ... Я былъ бы неутѣшенъ, если бы послѣдовалъ отказъ съ вашей стороны. Посудите сами, какова была бы судьба двухъ сыновей вашихъ, находящихся на службѣ короля [22]): имъ нанесли бы всякихъ оскорбленій, тогда какъ, опираясь на титулъ тещи великаго князя, вы можете просить для нихъ высшихъ мѣстъ. Вы обратитесь къ содѣйствію зятя, и нѣтъ сомнѣнія, что доставите имъ чины, должности и титулы, которыхъ они достигли бы развѣ черезъ 12 лѣтъ службы» [23]).

Эти убѣжденія и угрозы въ сущности были напрасны: родители принцессы Софіи-Доротеи и сами прекрасно понимали всѣ выгоды блестящей будущности, открывавшейся предъ ихъ дочерью, и никогда бы ихъ не отвергли. «Участь младшихъ дѣтей младшихъ принцевъ (писала принцесса Доротея дочери уже послѣ выхода ея замужъ, 11 Января 1779 г.) очень несчастна. Я говорю это по собственному опыту, потому что если бы Богъ не сдѣлалъ чудесъ въ нашу пользу, что стали бы мы дѣлать съ одиннадцатью дѣтьми?» Притомъ она никогда бы не посмѣла противиться волѣ своего родственника и покровителя, Фридриха II, который смотрѣлъ на это дѣло, какъ на свое собственное. Мы уже видѣли, какъ онъ отвѣчалъ принцу Генриху, принимая устройство брака на себя и лично потребовавъ отъ принца Дармштадтскаго отказа отъ невѣсты. Несчастный принцъ, въ одно время лишившійся и сестры, и невѣсты, долженъ былъ закрѣпить свой отказъ отъ принцессы Софіи-Доротеи письмами

---

[22]) Принцевъ Фридриха и Людвига, поступившихъ въ Прусскую военную службу по окончаніи образованія въ Лозаннѣ.

[23]) Сборникъ, IX, 16—18.

на имя короля и принцессы Монбельярской. Тогда только Фридрихъ написалъ своей племянницѣ о совершившемся отказѣ принца отъ руки ея дочери и потребовалъ отвѣта на Русскія предложенія. Любопытно, что король тутъ же сообщалъ принцессѣ, что принцъ Дармштадтскій, взамѣнъ руки старшей ея дочери, проситъ руки третьй, самой младшей, Елисаветы, которой было тогда всего 9 лѣтъ [24]). Надобно думать, что это новое предложеніе принцъ сдѣлалъ по требованію Фридриха же, желавшаго, быть можетъ, сгладить въ глазахъ принцессы-матери дурное впечатлѣніе, которое могли произвести его самовольныя распоряженія. Но и этотъ брачный замыселъ не удался принцу Дармштадтскому. «Вашъ большой и глупый верзила (flandrin), писала Екатерина отъ 29 Іюня 1776 года его бывшему наставнику Гримму, отправился пасти гусей съ пенсіей въ 10,000 р., но съ условіемъ, чтобы я больше никогда его не видѣла и никогда о немъ не слышала» [25]). Родители принцессы Софіи-Доротеи, впрочемъ, могли только радоваться, что король взялъ на себя щекотливое дѣло объясненія съ принцемъ Дармштадтскимъ. Необычайная обстановка Русскаго сватовства однако до того стѣсняла принцессу-мать, что она не знала даже, какъ приличнѣе возвратить бывшему жениху своей дочери присланное имъ невѣстѣ послѣ помолвки кольцо, и спрашивала по этому поводу совѣта у Фридриха; но король, презиравшій всякую сентиментальность въ дѣлахъ, сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ чувствъ принцессы, и отвѣчалъ ей довольно грубо: «что же касается до кольца, то его нужно отослать принцу, такъ какъ у вашей дочери и безъ того будетъ довольно драгоцѣнныхъ украшеній» [26]).

Вопросъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія не возбудилъ затрудненій. «Я счастлива, писала принцесса-мать принцу Генриху, что предугадала ваши намѣренія, обратившись къ лицу весьма достойному, лютеранскому богослову, чтобы разсѣять сомнѣнія моей дочери и успокоить мою тревогу. Его разсужденія и совѣты, данные имъ моей дочери, доказываютъ, что если бы религія не была такъ часто искажаема или ложнымъ энтузіазмомъ,

---

[24]) Тамъ же, 8.

[25]) Сборникъ, XXIII, 50. Онъ женился на двоюродной сестрѣ своей Луизѣ Гессенъ Дармштадтской, наслѣдовалъ въ 1790 г. ландграфство свое, а отъ Наполеона получилъ титулъ великаго герцога Гессенскаго.

[26]) Сборникъ, IX, 31.

или нетерпимостію, то встрѣчалось бы болѣе истинныхъ христіанъ и личностей, менѣе предубѣжденныхъ противъ основнаго характера религіи. Дочь моя занимается выучиваніемъ наизусть символа вѣры, что̀, мнѣ кажется, необходимо на всякій случай» [27]). Принцесса была тѣмъ болѣе спокойна въ этомъ отношеніи, что дочь ея, къ счастію, еще не была конфирмована и не произносила торжественнаго обѣта [28]). Что касается надеждъ Монбельярской четы получить денежныя выгоды для своего семейства, то Фридрихъ и въ этомъ отношеніи совершенно ее успокоилъ. «По вопросу о пенсіи и тому подобныхъ вещахъ», извѣщалъ онъ принцессу въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ, «я черезъ брата Генриха постараюсь выговорить все, что можетъ быть выгоднѣйшаго для васъ и вашего супруга. Я чувствую положеніе вашей семьи не хуже васъ самихъ, а потому приложу всѣ старанія смягчить его, на сколько это будетъ возможно». Нѣсколько позже онъ писалъ племянницѣ: «Всѣ дочери ваши получать себѣ приданое отъ Императрицы, а вы и герцогъ выиграете во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего, приданое, которое обязано вамъ дать герцогство Виртембергское, вы положите себѣ въ карманъ; наконецъ, имѣйте въ виду множество прекрасныхъ вещей, которыя будутъ вамъ теперь кстати болѣе, чѣмъ когда-нибудь» [29]).

Заботливость Фридриха не ограничилась этимъ. На издержки по путешествію въ Берлинъ Екатерина назначила Монбельярской четѣ 40,000 р.; но такъ какъ эти деньги не могли быть доставлены тотчасъ же, то Фридрихъ, при всей своей скупости, прислалъ и отъ себя племянницѣ на гардеробъ невѣстѣ 10,000 талеровъ [30]), чтобы ускорить отъѣздъ ея въ Берлинъ. «Вамъ

---

[27]) Тамъ же, 21.

[28]) Тамъ же, 5. По толкованію нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ богослововъ, крещеніе еще ни къ чему не обязываетъ въ дѣлѣ вѣроисповѣданія, и только послѣ конфирмаціи лицо становится принадлежащимъ къ такъ называемому Евангелическому исповѣданію; до того-же времени воленъ ему выборъ вѣры.

[29]) Тамъ же, 24, 32.

[30]) Тамъ же, 8. Разсчетливость Фридриха не покинула его и здѣсь. «Любезная племянница, писалъ онъ, посылаю вамъ вексель въ 10,000 талеровъ на гардеробъ вашей дочери; этого будетъ достаточно, ибо она много получитъ по пріѣздѣ въ Россію. Въ скоромъ времени я пришлю вамъ и вексель въ 40,000 на ваше путешествіе, но вамъ не слѣдуетъ много изъ нихъ тратить». Въ другомъ письмѣ онъ совѣтовалъ сдѣлать невѣстѣ всего два или три платья. Тамъ же, 30, 7.

лучше, писалъ онъ ей, пріѣхать двумя недѣлями раньше великаго князя, чтобы я могъ передать вамъ множество вещей, которыя вамъ необходимо знать главнымъ образомъ относительно вашей дочери» [31]). Желая такимъ образомъ хотя нѣсколько подготовить молодую невѣсту къ той политической роли, которая выпадала ей на долю, король-философъ не упускалъ изъ виду даже мелочныхъ, повидимому, обстоятельствъ, касавшихся будущей Русской великой княгини. «Постарайтесь, совѣтовалъ онъ принцессѣ-матери, пріискать какую-нибудь горничную (femme de chambre) поумнѣе, которая могла бы сопровождать вашу дочь и нѣкоторымъ образомъ служить ей совѣтомъ своимъ; ибо за Мемелемъ дадутъ ей только Русскихъ, казаковъ, Грузинъ и Богъ знаетъ какое племя. Вы поймете, я думаю, важность этого совѣта и сколько онъ можетъ въ будущемъ содѣйствовать счастію вашей дочери. Вотъ, любезная племянница, вещи самыя важныя, остальное въ сравненіи съ ними пустяки» [32]). Кромѣ отысканія хорошей горничной, которая, какъ ни странно звучитъ это, должна была, по взгляду короля-философа, быть нѣкоторымъ образомъ даже совѣтницей Русской великой княгини, важною вещью считалъ онъ также строгое соблюденіе тайны о предполагаемомъ бракѣ, пока о немъ не объявили въ Петербургѣ. «У насъ много завистниковъ, объяснялъ онъ, которые, пожалуй, испортятъ намъ наши прекрасные замыслы, если бы они открылись» [33]). Очевидно, боясь нескромности со стороны племянницы, король напоминалъ ей о томъ чуть ли не въ каждомъ письмѣ.

Такая прямо-родственная, повидимому, заботливость Фридриха о благосостояніи Монбельярской семьи, проявлявшаяся даже въ мелочахъ, приводила въ восторгъ обожавшую своего великаго дядю принцессу-мать. «Съ полнѣйшимъ упованіемъ, писала она ему, мы основываемъ на столь великодушномъ покровительствѣ вашего величества самую пріятную надежду будущаго нашего благосостоянія. Ваше величество благоволите принимать въ немъ участіе; вы такъ добры, что обращаете вниманіе на всѣ мелочи, которыя, даруя несомнѣнно счастіе моей дочери, будутъ источникомъ и нашего. Всѣмъ послѣ Бога обязана я вашему величеству. Вы доставляете намъ вто-

[31]) Тамъ же, 24.
[32]) Тамъ же, 25.
[33]) Тамъ же, 5.

рое существованіе родительскимъ покровительствомъ, которое оказываете нашимъ дѣтямъ. Благодѣтельная рука ваша распространяетъ пріятнѣйшую отраду на остатокъ дней моихъ, которые до сей минуты были не безъ тревогъ»... «Осмѣливаюсь, прибавляла она, всепокорнѣйше просить быть увѣреннымъ въ самомъ строгомъ молчаніи объ этомъ важномъ дѣлѣ: собственныя сердца наши влекутъ насъ совершать невозможное, если дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать нашу нижайшую покорность вашему величеству» [34]). Чтó сказала бы Монбельярская принцесса, если бы узнала, что этотъ благодѣтельный дядя, всего три года тому назадъ, противодѣйствовалъ браку своей внучатной племянницы съ Русскимъ великимъ княземъ! Самъ обманывая другихъ, Фридрихъ и съ своей стороны ни къ кому не питалъ довѣрія. Принцесса, отправивъ королю приведенное выше благодарственное письмо, съ тѣмъ же курьеромъ послала письмо и двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ, находившимся въ то время въ рядахъ Прусской арміи, въ новопріобрѣтенныхъ Польскихъ областяхъ. Что же дѣлаетъ Фридрихъ? «Узнавъ, къ счастію, писалъ онъ принцессѣ, отъ фельдъегеря, съ которымъ я самъ говорилъ, что ему поручены два письма къ сыновьямъ вашимъ, и подозрѣвая, что ваше высочество легко могли говорить въ нихъ о бракосочетаніи вашей дочери (которое между тѣмъ слѣдуетъ держать въ тайнѣ, пока о немъ не заговорятъ въ Петербургѣ), прошу извинить меня за то, что я велѣлъ передать ихъ себѣ, съ тѣмъ, чтобы вручить ихъ запечатанными, когда ваши сыновья будутъ у меня въ Пруссіи и когда дѣло навѣрно не будетъ уже тайною въ Петербургѣ» [35]). Неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ приняла принцесса этотъ новый знакъ вниманія со стороны своего благодѣтельнаго родственника. «Ваше величество, отвѣчала она ему, окажете мнѣ особую милость, если убѣдитесь, что письма, написанныя мною къ сыновьямъ, не содержатъ ничего о важномъ дѣлѣ, которое ваше величество мнѣ довѣрили. Руководимая чувствомъ глубочайшаго уваженія, я никогда не отступлю ни отъ обязанностей, имъ на меня возложенныхъ, ни отъ неизмѣнной и покорнѣйшей привязанности» [36]). Завѣреніямъ принцессы тѣмъ легче можно повѣрить, что, говоря такъ, она

[34]) Тамъ же, 26—27.

[35]) Тамъ же, 29.

[36]) Тамъ же, 30.

знала, конечно, что эти письма будутъ въ Берлинѣ, по обычаю того времени, «перлюстрированы».

Какъ ни утомительны сами по себѣ эти подробности сношеній, происходившихъ между Берлиномъ и Монбельяромъ, но онѣ ясно доказываютъ всю силу вліянія, пріобрѣтеннаго Фридрихомъ въ семействѣ будущей супруги наслѣдника Русскаго престола. Интересно также и то, что о чувствахъ самой невѣсты, принцессы Софіи-Доротеи, никто не считалъ нужнымъ справляться: браки принцессъ, въ великомъ большинствѣ случаевъ, вызывались исключительно политическими соображеніями, такъ что самыя жертвы этихъ политическихъ браковъ смотрѣли на нихъ, какъ на естественныя послѣдствія своего общественнаго положенія. Было большимъ счастіемъ для высокихъ супруговъ, если холодный политическій разсчетъ, соединявшій ихъ судьбу, случайно совпадалъ съ ихъ чувствами и наклонностями. Изъ разсказа баронессы Оберкирхъ, подруги принцессы Софіи-Доротеи, видно, однако, что разрывъ съ принцемъ Дармштадтскимъ и сватовство Русскаго великаго князя не только не огорчили молодой принцессы, равнодушно относившейся къ своему первому жениху, но и чрезвычайно польстили ея самолюбію. «Когда я пріѣхала въ Этюпъ, говоритъ г-жа Оберкирхъ, принцесса готовилась къ отъѣзду вмѣстѣ съ августѣйшимъ отцомъ. Она была очень счастлива. Какъ только она меня увидѣла, то бросилась мнѣ на шею и обняла меня нѣсколько разъ.—«Ланель, повторяла она, мнѣ очень грустно разставаться со всѣми вами, но тѣмъ не менѣе я—счастливѣйшая изъ принцессъ во всей вселенной! Вы, вѣдь, пріѣдете ко мнѣ?» Я плакала, и принцесса-мать плакала со мною. Блескъ ожидавшагося брака не скрывалъ отъ нея разстоянія, которое должно было лечь между нею и дочерью. «И кромѣ того», говорила принцесса-мать, «съ Русскими государями часто случаются несчастія, и кто знаетъ, какая участь готовится моей дочери!..» [37]). Дни и вечера проводили мы, составляя различные планы и предпо-

[37]) Трагическія событія въ Русскомъ царствующемъ домѣ завершились за 12 лѣтъ до того времени ужасною смертію Іоанна Антоновича, который, происходя изъ Брауншвейгской фамиліи, связанъ былъ родствомъ и съ Прусскимъ королевскимъ домомъ. Уроженецъ Монбельяра Фалло напечаталъ, въ 1765 г., стихотвореніе, посвященное памяти убитаго, подъ заглавіемъ: «Innocence opprimée, ou la mort d'Iwan, empereur de Russie». Ephémérides du comté de Montbéliard, p. 403.

ложенія. Мы совсѣмъ не спали, и принцесса Доротея упражнялась въ придворныхъ пріемахъ, что заставляло насъ невольно смѣяться. Она раскланивалась передъ пустыми креслами, стараясь быть граціознѣе, но и не терять приличнаго ея сану достоинства. Иногда она прерывала эту игру и говорила мнѣ: «Я очень боюсь Екатерины, я буду смущаться при ней и навѣрно покажусь ей глупенькой. Лишь бы только мнѣ понравиться ей и великому князю!» Вообще, продолжаетъ г-жа Оберкирхъ, она обнаруживала дѣтскую радость по поводу предстоявшаго ей брака. Но въ послѣдніе дни предъ отъѣздомъ глубокая горесть овладѣла принцессой, когда она увидѣла, что ей надо разстаться съ своею матерью, со страною, гдѣ она выросла, съ этимъ замкомъ, въ которомъ она была такъ счастлива, съ братьями, со мною, съ другими окружавшими ее лицами; она жалѣла всѣхъ и все. Она была безъ чувствъ, когда ее вырвали изъ нашихъ объятій и отнесли въ карету» [38]). Отъѣздомъ въ Берлинъ, по требованію Фридриха, очень спѣшили, и такъ какъ принцесса-мать не могла выѣхать въ одно время съ дочерью, то Софію-Доротею сопровождалъ отецъ ея, Фридрихъ-Евгеній, и двѣ дамы. Путь ихъ лежалъ чрезъ Кассель, гдѣ молодую принцессу встрѣтила и обласкала младшая сестра ея матери, Филиппина, бывшая замужемъ за герцогомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Остановка здѣсь была, впрочемъ, непродолжительна, и, согласно желанію Прусскаго короля, герцогъ Фридрихъ-Евгеній съ дочерью прибылъ къ нему въ Потсдамъ 1-го Іюля, за десять дней до пріѣзда великаго князя.

Въ Постдамѣ принцессу Софію-Доротею ожидалъ самый ласковый пріемъ со стороны членовъ Прусскаго королевскаго дома; здѣсь же увидѣлась она съ братьями своими: Фридрихомъ, Людвигомъ и Евгеніемъ, изъ которыхъ два первые уже были офицерами Прусской службы, а послѣдній, довершавшій свое образованіе, только что получилъ отъ короля патентъ на чинъ поручика. Но для молодой принцессы миновала пора дѣтскихъ, исключительно-семейныхъ радостей; на нее смотрѣли уже какъ на политическую силу, и самъ прославленный король, кумиръ ея семейства и всей протестантской Германіи, спѣшилъ преподать ей первые уроки политической мудрости. Еще изъ Этюпа, наставляемая, конечно, своими родителями, Софія-Доротея выра-

[38]) Oberkirch, I, 72—73.

жала Фридриху, въ письмѣ отъ 15-го Мая, полную свою готовность направлять всѣ свои дѣйствія согласно его совѣтамъ [39]). Безъ сомнѣнія, Фридрихъ старался познакомить принцессу, на сколько позволяли ея возрастъ и развитіе, съ Россіей и Русскимъ дворомъ и указывалъ ей образъ дѣйствій и правила поведенія, которыхъ она должна была держаться на ожидавшемъ ее высокомъ поприщѣ. Совѣты великаго короля были тѣмъ драгоцѣннѣе для дѣвушки, едва вышедшей изъ дѣтства, что, подчиняясь требованію Русской государыни, она не могла никого взять съ собой въ Россію и такимъ образомъ должна была очутиться на чужбинѣ совершенно одна, среди незнакомыхъ ей лицъ и совершенно чуждыхъ отношеній; даже горничную, о которой такъ хлопоталъ Фридрихъ, Софія-Доротея могла взять съ собою въ Петербургъ только на три мѣсяца, и это оказалось возможнымъ лишь благодаря любезности Павла Петровича, испросившаго на то особое разрѣшеніе матери [40]). Требованіе Екатерины вызывалось опасеніемъ Прусскихъ происковъ и надеждой, что, при этомъ условіи, будущая Русская великая княгиня легче перенесетъ ту операцію кровопусканія для удаленія изъ своихъ жилъ Нѣмецкой крови, которую съ удовольствіемъ вынесла когда-то сама Екатерина. Притомъ императрица ставила недостаткомъ Софіи-Доротеи большое количество у нея братьевъ и сестеръ; а ея родители, не говоря уже о ходившихъ о нихъ сплетняхъ, не внушали, кажется, Екатеринѣ особаго къ себѣ уваженія по своему образу мыслей. Узнавъ, что Гриммъ пользуется ихъ расположеніемъ, она писала ему: «Клянусь вамъ, что за эту благосклонность я не дала бы и гривенника... Все это такой сентиментальный народъ, у котораго разсудокъ разведенъ въ цѣлой лужѣ гиперболъ, и въ нихъ трудно понять

[39]) *Stark*, 51. Sire, comme je viens d'être instruite des gracieuses intentions de Votre Majesté, il est de mon devoir de Lui en témoigner ma plus respectueuse reconnoissance avec le vif sentiment de la plus entière déférence à ses volontés, persuadée que je ne puis mieux faire et me rendre plus digne de la tendresse de mes chers parents, qu'en remettant entièrement à Votre Majesté le destin de mes jours. Ils ne seront heureux qu'autant que je pourrai les employer à Vous marquer, Sire, mon éternel attachement et ma respectueuse reconnoissance et en dirigeant toutes mes démarches d'aprés les gracieux conseils de Votre Majesté.

[40]) *Сборникъ*, XXVII, 103—107.

что-нибудь» [41]). Екатерина дорожила лишь Софіей-Доротеей, ее одну желала видѣть въ Россіи, и тѣмъ тяжелѣе представлялось будущее положеніе молодой принцессы въ Россіи такому опытному дѣльцу, какъ Фридрихъ II; тѣмъ труднѣе была взятая имъ на себя роль наставника. «Она молода и воспитана въ величайшей простотѣ», писалъ Фридрихъ Екатеринѣ; «ей незнакомы ни интриги большаго свѣта, ни ложныя увертки, которыя употребляются придворными, чтобы обманывать молодыхъ, неопытныхъ особъ. Отдавая ее совершенно подъ покровительство вашего императорскаго величества, мы полагаемъ, что самымъ вѣрнымъ средствомъ избѣжать ошибокъ, происходящихъ отъ молодости и недостатка опытности, въ которыя могла бы впасть эта особа, было бы то, чтобы ваше императорское величество были такъ добры приставить къ ней довѣренную особу, которая бдительно слѣдила бы за ея дѣйствіями до того времени, когда зрѣлый разсудокъ позволитъ предоставить ей дѣйствовать самой»... «Эта молодая особа, писалъ затѣмъ Фридрихъ, обѣщала мнѣ приложить всѣ старанія, чтобы угождать вашему императорскому величеству и своему будущему августѣйшему супругу» [42]).

Съ своей стороны и Софія-Доротея на всю жизнь сохранила чувства благодарности къ своему покровителю и всегда помнила его совѣты. Спустя 42 года, прибывъ въ Берлинъ во время путешествія своего по Европѣ уже вдовствующей императрицей, она, по свидѣтельству очевидицы, простерлась предъ гробницей Фридриха, какъ простираются только предъ мощами (comme on le fait devant les reliques); а въ комнатѣ, гдѣ Фридрихъ показалъ ей въ первый разъ портретъ Павла Петровича и гдѣ велъ съ нею бесѣду по поводу предстоявшаго брачнаго союза, императрица вспомнила самыя мелочныя подробности (jusqu'aux plus petits détails) этого свиданія и разговора [43]).

---

[41]) *Сборникъ*, XXIII, 429. Правда, что этотъ отзывъ Екатерины сдѣланъ былъ ею спустя 11 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, въ 1787 г.; но онъ ясно показываетъ, какъ мало вообще сочувствовала Екатерина міровоззрѣнію Монбельярской четы.

[42]) *Сборникъ*, XX, 354, 358.

[43]) *Journal tenu par la princesse Barbe Tourkestanow*, p. 106. «Cette démonstration», говоритъ умная княжна, не понимая чувствъ императрицы, «produisit, dit-on, une très grande sensation. Pour moi je vois la chose tout différement, et je crois qu'il ne faut jamais révérer un homme comme on révère un saint, et particulièrement Frédéric II, qui n'a été rien moins que digne de révérence».

Между тѣмъ Павелъ Петровичъ приближался къ Прусской столицѣ, по-царски встрѣчаемый на всемъ пути своемъ отъ Мемеля. Его сопровождали фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, Н. И. Салтыковъ, камергеръ Нарышкинъ, камеръ-юнкеръ князь Куракинъ, секретарь Николаи и хирургъ Бекъ. Вечеромъ 10 Іюля достигъ Павелъ Берлина, гдѣ, неизбалованный особымъ вниманіемъ на родинѣ, онъ, по собственнымъ словамъ, «принятъ былъ съ такими почестями, съ какими, какъ сказываютъ, ни одинъ изъ коронованныхъ главъ не былъ принятъ» [44]). Для сына Екатерины, для будущаго Русскаго государя, Прусскій король забылъ свою скупость и окружилъ его такимъ великолѣпіемъ и такими почестями, которыя должны были навсегда оставить въ великомъ князѣ самыя пріятныя воспоминанія о Берлинѣ. Мы не считаемъ здѣсь нужнымъ останавливаться на описаніи торжествъ и праздниковъ, которыми Фридрихъ чествовалъ своего высокаго гостя [45]). Звуки музыки, громъ пушекъ, льстивыя придворныя рѣчи, которыми обмѣнивались Русскіе и Пруссаки,—все это было лишь ничтожными подробностями въ картинѣ отношеній, завязавшихся между Павломъ Петровичемъ и принцессой Софіей-Доротеей, этимъ прекраснымъ и любящимъ отпрыскомъ Прусскаго королевскаго и Виртембергскаго герцогскаго домовъ.

Первая встрѣча между молодыми людьми произошла въ день пріѣзда цесаревича за ужиномъ у королевы Прусской Елисаветы-Христины. Не смотря на болѣзненное сложеніе (которое Екатерина приписывала слишкомъ заботливому уходу за нимъ еще при Елисаветѣ), на здоровье, не вполнѣ окрѣпшее, благодаря тяжелымъ недугамъ, вынесеннымъ до вступленія въ зрѣлые годы, нашъ великій князь своею внѣшностію производилъ тогда, по отзывамъ современниковъ, самое благопріятное впечатлѣніе [46]). Хотя онъ былъ невысокаго роста, но строенъ и весьма правильно сложенъ: умное, серьезное выраженіе лица его смягчалось добрыми, прекрасными глазами; не портила Павла Петровича и форма его носа, слегка приподнятаго, которымъ онъ напоминалъ дѣда своего по матери, принца Ангальтъ-Сербскаго Христіана-Августа. «Въ великаго князя (писалъ незадолго до этого времени графъ Сольмсъ барону Ассебургу) легко влюбиться любой дѣвицѣ... Онъ очень красивъ

[44]) *Сборникъ*, XXVII, 98.

[45]) *Кобеко*: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 140—144.

[46]) *Бюлеръ*: «Два эпизода». Р. В. 1871 г., № 3, 279, 281, № 9, 193—194.

лицомъ, разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Подъ этой прекрасной оболочкой скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны и вообще свѣдуща о дурномъ лишь настолько, насколько это нужно для того, чтобы вооружиться рѣшимостію избѣгать его самому и не одобрять его въ другихъ. Словомъ, невозможно сказать довольно въ похвалу великому князю» [47]). Слабыя стороны въ характерѣ Павла Петровича: его нервная впечатлительность, рѣзкость и раздражительность, развиваясь съ годами, тогда были еще почти незамѣтны для постороннихъ и проявлялись лишь при особыхъ обстоятельствахъ. Не мудрено, что высокій женихъ, даже независимо отъ своего сана, могъ съ самаго начала понравиться Софіи-Доротеѣ и, въ свою очередь, отдалъ дань ея достоинствамъ. «Я нашелъ свою невѣсту», писалъ Павелъ Екатеринѣ на другой день, 11 Іюля, «такову, какову только желать мысленно себѣ могъ: недурна собою, велика, стройна, незастѣнчива, отвѣчаетъ умно и расторопно, и уже извѣстенъ я, что если она сдѣлала дѣйство въ сердцѣ моемъ, что не безъ чувствъ и она съ своей стороны осталась» [48]). Дальнѣйшее знакомство только укрѣпило это настроеніе цесаревича. 12 Іюля принцъ Генрихъ, по его просьбѣ, передалъ королю Фридриху и родителямъ принцессы привезенныя имъ письма Екатерины, заключавшія въ себѣ формальное предложеніе о бракѣ, и въ этотъ же день былъ сговоръ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ писалъ Екатеринѣ: «Мой выборъ сдѣланъ... Препоручаю невѣсту свою въ милость вашу и прошу о сохраненіи ея ко мнѣ. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выборомъ своимъ не остыжу васъ; мнѣ о семъ дурно теперь говорить, ибо, можетъ быть, я пристрастенъ, но сіе гласъ общій. Что же касается до сердца ея, то имѣетъ она его весьма чувствительное и нѣжное, что я видѣлъ изъ разныхъ сценъ между роднею и ею. Умъ солидный ея примѣтилъ и король самъ въ ней, ибо имѣлъ съ ней о должностяхъ ея разговоръ, послѣ котораго мнѣ о семъ отзывался; не пропускаетъ она ни одного случая, чтобы не говорить о должности ея къ вашему вели-

[47]) Тамъ же.

[48]) *Сборникъ*, XXVII, 98.

честву. Знанія наполненна, и что меня вчера весьма удивило, такъ разговоръ ея со мною о геометріи, отзываясь, что сія наука потребна, чтобы пріучиться разсуждать основательно. Весьма проста въ обращеніи, любитъ быть дома и упражняться чтеніемъ или музыкою, жадничаетъ учиться по-русски, зная, сколь сіе нужно и помня примѣръ предмѣстницы ея» [49]). Въ слѣдующемъ письмѣ, 20 Іюля, онъ извѣщалъ: «Невѣста моя ежечасно спрашиваетъ у меня, чѣмъ заслужить можетъ милость вашу къ себѣ, навѣдывается о всемъ касательно до будущаго своего состоянія и показываетъ отмѣнную жадность къ Русскому языку даже до того, что знаетъ уже азбуку наизусть. Примѣръ покойницы и доброе ея сердце весьма сильно дѣйствуютъ въ ней при семъ случаѣ». «Не могу, говорилъ онъ наконецъ, описать ни невѣсты своей, ни удовольствія своего» [50]).— Не менѣе счастлива была и Софія-Доротея. «Дорогой мой другъ», писала отъ 15 Іюля г-жѣ Оберкирхъ, «я довольна, даже болѣе чѣмъ довольна; я никогда не могла бы быть довольнѣе; великій князь чрезвычайно милъ и обладаетъ всѣми качествами. Льщу себя надеждой, что очень любима своимъ женихомъ; это дѣлаетъ меня очень и очень счастливой» [51]).

Замѣтивъ нѣжную привязанность Софіи-Доротеи къ ея семьѣ и будучи очарованъ невѣстой, Павелъ показывалъ много вниманія ея отцу, братьямъ и матери, прибывшей со второй своей дочерью къ пріѣзду великаго князя въ Берлинъ. «Отецъ и мать не таковы снаружи, увѣдомлялъ онъ Екатерину, каковыми ихъ описывали: первый не хромаетъ, а другая сохраняетъ еще остатки пріятства и пригожства» [52]). Рыцарскій. впечатлительный цесаревичъ не могъ оставаться холоднымъ при видѣ относительной бѣдности новыхъ своихъ родственниковъ, а также нѣжныхъ сценъ между ними и его невѣстой, вызываемыхъ мыслію о скорой и долгой разлукѣ: онъ плакалъ съ ея отцомъ, просилъ Екатерину о лучшихъ по возможности подаркахъ для матери и скорбѣлъ о незавидныхъ матеріальныхъ средствахъ будущихъ своихъ шурьевъ. Извѣщая императрицу о всей своей радости и удовольствіи, сопряженныхъ съ его поѣздкой, Павелъ Петро-

[49]) Великая княгиня Наталія Алексѣевна очень лѣниво училась Русскому языку , вызывая этимъ неудовольствіе Екатерины.

[50]) *Сборникъ*, 105—106, 109.

[51]) *Oberkirch*, 1,74.

[52]) *Сборникъ*, XXVII, 98.

вичъ, самъ иногда нуждавшійся въ деньгахъ, прибавляетъ: «Одно у меня на сердцѣ; позвольте мнѣ отдѣлить, съ тѣмъ, что я опять самъ внесу въ вашу казну, что-нибудь шурьямъ двумъ своимъ, которые въ крайней бѣдности» [53]). Разумѣется, Екатерина не отказала сыну въ этой его просьбѣ.

Счастливому настроенію духа Павла Петровича много содѣйствовалъ, кромѣ личныхъ привязанностей, и его политическій образъ мыслей. Цесаревичъ горячо любилъ Россію, гордился честью быть правнукомъ Петра Великаго; но, къ сожалѣнію, при его воспитаніи, по удаленіи С. А. Порошина, столь симпатичнаго и по своему характеру, и образу своихъ мыслей, — не обращалось болѣе надлежащаго вниманія на разумное знакомство цесаревича съ народомъ Русскимъ и его исторіей. Возобладали Остервальдъ, Эпинусъ и почти ежедневный блюдолизъ Сальдернъ. Уже давно было замѣчено, что лица, окружавшія царственнаго мальчика, и во главѣ ихъ графъ Н. И. Панинъ, смотрѣли на Россію, какъ на страну варварскую, старались втоптать въ грязь величайшихъ людей Россіи и односторонне выставляли предъ своимъ питомцемъ лишь грубость Русскаго народа и недостатки нашего общества, не менѣе односторонне прославляя иностранцевъ, въ особенности Нѣмцевъ [54]). Самобытныя, чисто-русскія черты геніальной дѣятельности Петра Великаго неправильно истолковывались лишь въ смыслѣ желанія его водворить въ Россіи нѣметчину, а надъ личностью его смѣялись. Ломоносовъ, врагъ Нѣмцевъ, считался дуракомъ; добродушіе и страдательное терпѣніе Русскаго народа выставляли глупостью, увѣряя, что notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit. Это качество ставилось, впрочемъ, въ заслугу Русскому народу, и десятилѣтній Павелъ въ сущности выражалъ лишь мнѣніе большинства Русскаго образованнаго общества, говоря: «А что-жъ? Развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ онъ былъ? Въ этомъ, мнѣ кажется, худа бы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобы тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ» [55]). Это наивное отрицаніе девятисотлѣтней исторической

---

[53]) Тамъ же, 106.

[54]) *Лебедевъ:* Графы Никита и Петръ Панины, 74—75. Склонность Панина ...мъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что дѣтство свое ...ъ Остзейскомъ краѣ, среди Нѣмцевъ, и первоначальное воспи...ъ нѣмецкомъ духѣ.

жизни Русскаго народа, эта слѣпая вѣра во всемогущество палки, которою можно передѣлывать народную жизнь по своему произволу, долгое время составляли одно изъ завѣтнѣйшихъ убѣжденій многихъ и Русскихъ, и иностранцевъ въ XVIII в. и даже XIX в., въ теченіи всего крѣпостническаго періода Русской исторіи. Русскую партію при мальчикѣ-Павлѣ составлялъ, если не считать законоучителя Платона, одинъ только Порошинъ, борьба котораго съ Нѣмцами, въ связи съ «бабьими интрижками», направленными противъ личности молодаго воспитателя, неосторожно полюбившаго сдѣлавшуюся потомъ невѣстою Панина гр. А. Шереметеву, — завершилась, наконецъ, его удаленіемъ отъ двора. Остальные «объевропеенные» Русскіе люди во взглядахъ на Русскую народность въ сущности мало чѣмъ отличались отъ Остервальда, Эпинуса, Левека, Лафермьера, Сальдерна и другихъ иностранцевъ, окружавшихъ Цесаревича во время его воспитанія; всѣ они, признавая фактъ существованія Русской имперіи и считая Русскую народность безличною, понимали лишь политическій Русскій патріотизмъ: осязали тѣло Россіи и не признавали въ немъ души. «Недовѣріе къ способностямъ и достоинствамъ его будущихъ подданныхъ, говоритъ г. Лебедевъ, росло съ лѣтами и изъ первыхъ впечатлѣній дѣтства перешло потомъ въ убѣжденіе о превосходствѣ иностранцевъ, въ особенности Нѣмцевъ, надъ Русскими. Обстоятельства и окружающая среда еще болѣе усиливали это настроеніе. Впослѣдствіи въ дѣлѣ ума приняло участіе сердце. Павлу разсказывали исторію его отца, какъ человѣка, желавшаго добра Россіи и ею непонятаго и неоцѣненнаго, и въ юношѣ, на первыхъ порахъ его самостоятельной дѣятельности, явилось желаніе подражать во всемъ отцу и быть продолжателемъ начатыхъ имъ и прерванныхъ въ самомъ началѣ преобразованій» [56]). Пристрастіе цесаревича къ Пруссіи, бывшее слѣдствіемъ этого настроенія, усиливалось еще любовью его къ мелкостямъ военной службы и убѣжденіемъ въ пользѣ для Россіи Прусскаго союза, поддерживаемое въ Павлѣ его воспитателемъ, творцомъ «сѣвернаго аккорда», графомъ Панинымъ. Что касается до «мелкостей» военнаго дѣла, то онѣ вообще привлекательны для мальчиковъ извѣстнаго возраста: игра въ солдаты чуть ли не самая распространенная изъ дѣтскихъ игръ. Но иное значеніе возымѣли

---

[56]) Тамъ же, 85. Ср. *Кобеко*, 46—48.

эти мелкости для царственнаго мальчика, когда ему внушали, напр., что его «славный прадѣдъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ, ни протоколистомъ ни одной коллегіи, ниже Сената» и что «какую бы помощь, напримѣръ, получила Грецiя при Маратонѣ отъ всей премудрости философовъ своихъ, вольныхъ и другихъ наукъ и художествъ, если бы не было въ ней Мильтiада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ? И не долженъ ли всякій признаться, что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію либо подлыхъ пѣсенъ для смягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя трофеевъ?» [57]). Такія и подобныя имъ рѣчи въ сущности понятны для того времени и для государства, которое развивало въ себѣ, вслѣдствіе постоянной борьбы съ внѣшними врагами, по преимуществу военную дѣятельность и котораго первенствующее сословіе благородной службою государству считало только службу съ мечемъ въ рукѣ, а военнаго—годнымъ для занятія всякой должности въ государствѣ, какихъ бы способностей или спеціальныхъ знаній она ни требовала. Еще болѣе станетъ понятнымъ увлеченіе Павла Петровича военнымъ дѣломъ, если вспомнимъ его убѣжденіе, что внутренняя жизнь Россіи и ея внѣшнее достоинство зависятъ не отъ нравственныхъ силъ Русскаго народа, а отъ качества внѣшней силы, управляющей его судьбами. Этимъ только объясняется то удивительное обстоятельство, что, подобно Петру III, Павелъ, по возвращеніи изъ Берлина въ 1776 г., уже проектировалъ имѣть на Русской службѣ наемныя Нѣмецкія войска, для облегченія Русскаго народа отъ тягостей военной службы [58]), и такимъ образомъ нравственныя силы народныхъ армій ставилъ ни во что въ сравненіи съ мелочными требованіями военнаго устава и строгимъ соблюденіемъ военной дисциплины. Такимъ софизмомъ оправдывались для Павла Петровича страсть къ экзерцицмейстерству и стремленіе къ изученію «мелкостей» военныхъ. Для удовлетворенія этого стремленія Павлу Петровичу опять приходилось обращаться къ Пруссіи, военнымъ уставамъ которой рабски подражали во всей Европѣ, и къ ея прославившемуся

---

[57]) *Иконниковъ:* «Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова», стр. 119.

[58]) *Лебедевъ*, 222—223.

побѣдами королю-полководцу; возлѣ него не было Суворова, говорившаго: «Русскіе Прусскихъ всегда били; что-жъ тутъ перенять?» Румянцовъ же, Панинъ, Репнинъ и Салтыковъ были горячими поклонниками Фридриха и его учрежденій [59]).

Сочувствіе Цесаревича къ Пруссіи подогрѣвалось постоянно событіями, имѣвшими большое значеніе въ его личной жизни: пріѣздами въ Петербургъ принца Генриха, бракомъ съ Натаблаг Алексѣевной и, наконецъ, поѣздкой въ Берлинъ для свиданія съ Софіей-Доротеей. Теперь Павелъ Петровичъ могъ собственными глазами видѣть и страну, казавшуюся ему идеаломъ возможнаго тогда для Россіи совершенства, и ея великаго короля-полководца и философа. Сначала, однако, Прусскія войска не поддержали въ глазахъ Павла своей Европейской славы. «Въ Кенигсбергѣ, писалъ онъ матери, видѣлъ я полки Прусскіе и нашелъ, что дѣйствительно славны бубны за горами»; но зато чѣмъ далѣе онъ ѣхалъ по Пруссіи, тѣмъ приходилъ все въ большій восторгъ. «Видно, писалъ онъ, что имѣютъ во всемъ предъ нами вѣка два преимущества» [60]). Нѣмецкая мелочность, аккуратность и необыкновенная выдержанность во всѣхъ частяхъ правительственной машины въ особенности пріятно поражали Павла. «Въ Пруссіи, говоритъ Лебедевъ, все шло какъ бы волшебствомъ, съ математическою точностью: король изъ своего Санъ-Суси командовалъ государствомъ и арміею, и всѣ второстепенные исполнители были не болѣе, какъ лица придаточныя. Стройность, порядокъ, единообразіе, строгая подчиненность, производили какое-то обаятельное дѣйствіе на всѣхъ, кто не вглядывался пристальнѣе въ дѣло, и если вся Европа считала себя счастливою, подражая до послѣднихъ мелочей всѣмъ Прусскимъ учрежденіямъ, то можно ли обвинять Павла Петровича за то, что онъ сдѣлался самымъ восторженнымъ поклонникомъ Фридриха II и приписывалъ только ненормальному положенію Россіи (гдѣ на тронѣ была женщина), что мы вели дѣла путемъ своеобразнымъ, не только не слѣдуя за общимъ потокомъ подражательности Пруссакамъ, но даже съ презрѣніемъ смотрѣли на обезьянство всей Европы?» [61]). Личныя отношенія короля, не скупившагося на лесть Павлу

---

[59]) *Иконниковъ*, 118; *Лебедевъ*, 118, 119.
[60]) *Сборникъ*, XXVII, 99.
[61]) *Лебедевъ*, 216—217.

и окружавшимъ его Русскимъ, въ свою очередь ласкали самолюбіе цесаревича и вызывали въ немъ чувство благодарности. «Король (увѣдомлялъ онъ 13 Іюля свою вѣнценосную мать, видимо тронутый словами Фридриха) столь чувствуетъ дружбу вашу къ нему, что говорилъ, что онъ бы кровію и жизнію хотѣлъ вамъ заплатить, и со слезами о семъ говоритъ» [62]). 20 Іюля онъ писалъ: «Здѣсь приняты всѣ тѣ, которые имя Русскаго носятъ, съ таковою отличностію, зачиная съ меня, каковой изъяснить невозможно. Король со мной говоритъ восьмой день о разномъ и щупалъ меня со всѣхъ сторонъ и при всякомъ случаѣ изъяснялся, со слезами почти говоря о вашемъ величествѣ и о привязанности его къ вамъ. Подарилъ онъ мнѣ перстень отмѣнной величины съ портретомъ своимъ и восемь лошадей... Имя ваше здѣсь въ такомъ почтеніи, и радость въ сію минуту по причинѣ того, что изволили меня сюда отправить, неописанна, и вы не изволите повѣрить всему тому, что̀ я вамъ о семъ изустно донесу» [63]).

Дѣйствительно, Фридриху было чему радоваться: онъ не только успѣлъ, благодаря пріѣзду Павла въ Берлинъ, укрѣпить союзъ свой съ Россіей и отдалить отъ нея Австрію, но и пріобрѣталъ себѣ навсегда могущественнаго союзника въ самой Россіи въ лицѣ наслѣдника Екатерины. Безъ сомнѣнія, Фридрихъ надѣялся въ Павлѣ видѣть по отношенію къ Пруссіи Петра III. Молодой цесаревичъ не могъ прозрѣть въ прославленномъ королѣ, этомъ идолѣ своего вѣка, коварнаго интригана, для котораго всѣ средства были хороши, лишь бы вели къ цѣли. Павелъ Петровичъ обладалъ рыцарскимъ, прямымъ, благороднымъ характеромъ; какъ было ему не вѣрить словамъ и слезамъ стараго, опытнаго сердцевѣдца? Безъ сомнѣнія, въ принцессѣ Софіи-Доротеѣ Павелъ Петровичъ съ неменьшимъ удовольствіемъ, какъ и Фридрихъ II, видѣлъ живую связь, долженствующую съ этого времени соединять Россію и Пруссію. Правда, въ качествѣ наслѣдника престола, не всегда допускаемый матерью къ дѣламъ управленія, Павелъ не могъ вполнѣ отвѣчать ожиданіямъ новаго своего родственника; но мы увидимъ впослѣдствіи, что даже одна увѣренность въ дружескихъ чувствахъ будущаго Русскаго государя къ Пруссіи производила сильное вліяніе на политику Европейскихъ дер-

---

[62]) Сборникъ, XXVII, 106.
[63]) Тамъ же, 108.

жавъ и мѣшала отчасти дѣйствіямъ самой Екатерины, когда она разорвала союзъ свой съ «Иродомъ» [64]).

Создавъ для себя въ Берлинѣ политическій символъ вѣры, освященный родственными узами, Цесаревичъ въ Берлинѣ же и въ Прусскомъ духѣ закрѣпилъ въ себѣ любовь и къ «мелкостямъ» военной службы. Когда онъ сдѣлался императоромъ, любовь эта удивляла современниковъ. «Какъ ни пагубно, пишетъ одинъ изъ нихъ, подѣйствовали вліянія высоко-аристократическихъ идей и вкусовъ на чуткую, легко воспламеняемую душу Павла Петровича, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который произвели въ Берлинѣ Прусская дисциплина, выправка, мундиры, кивера и т. д., словомъ, все, что̀ напоминало о Фридрихѣ Великомъ. Павелъ Петровичъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ преслѣдовали его, какъ кошмаръ. Къ счастью Павла Петровича и его родины, онъ не заразился бездушной философіей и упорнымъ безбожіемъ Фридриха. Но этого Павелъ Петроовичъ не могъ терпѣть, и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, но доброе сѣмя удержалось» [65]).

Весьма замѣчательно, что Екатерина, хорошо знавшая и сына, и Фридриха, какъ бы не предвидѣла и не понимала всего значенія, которое могла имѣть для Россіи поѣздка Павла въ Берлинъ. Въ письмахъ ея за это время къ Павлу Петровичу нигдѣ не проскальзываетъ ни малѣйшей тревоги по поводу той опасно для довѣрчиваго Цесаревича близости его къ Прусскому королю, которая видна была изъ его же писемъ. Напротивъ, Екатерина была очень тронута вниманіемъ, которымъ окружали великаго князя въ Берлинѣ. «Съ крайнимъ удовольствіемъ, отвѣчала она ему, усмотрѣла я, что вы благополучно пріѣхали въ Берлинъ и что пріемъ вамъ былъ учи-

---

[64]) Во время пребыванія Павла въ Берлинѣ, враги Пруссіи могли выражать свое неудовольствіе на новый, неожиданный для нихъ успѣхъ Фридриха только сплетнями, о которыхъ самъ же Павелъ наивно извѣщалъ Екатерину: «Министры Французскій и Австрійскій дуются и распустили про насъ слухъ, не будучи въ состояніи про меня иного сказать, какъ что я горбатъ; но думаю, что теперь перестали о семъ говорить. Таковой же поклепъ о меньшой принцессѣ Виртембергской весьма ложенъ, ибо, нося еще дѣтское платье, виднѣе бы было, но такъ пряма, какъ только можетъ быть». *Сборникъ*, XXVII, 109.

[65]) *Изъ Записокъ Н. А. Саблукова. Р. Арх.*, 1869, столб. 1878.

ненъ столь отличный, сколь и дружественный, о чемъ, какъ вамъ извѣстно, я сомнѣнія не имѣла, знавъ долговременно расположеніе короля, всего его дома и подданныхъ его; вполнѣ радуюсь, что вамъ доставила случай тѣмъ пользоваться въ полной мѣрѣ... Богъ да благословитъ къ вѣчному нашему спокойствію сей новый нашъ союзъ, съ которымъ васъ поздравляю; признаюсь, что радостныхъ движеній до такой степени при первомъ вашемъ бракѣ не чувствовала, нынѣшнія же почитаю не токмо какъ благопредсказаніе сердца моего, но еще какъ произведенныя отъ исполненія давнишняго моего желанія, имѣвъ отъ 1767 года сію принцессу всегда въ умѣ и предметѣ. Таковое мое вамъ извѣстное къ невѣстѣ вашей расположеніе не можетъ инако какъ умножено быть ея драгими качествами, кои вы столь живо мнѣ описываете, и отовсюду слуху моему подтверждаются. Наидружественнѣйшіе сентименты короля и всей фамиліи соотвѣтствуютъ совершенно моему желанію и ожиданію взаимности. Признаюсь чистосердечно, самолюбію моему льститъ безмѣрно честь неупадающаго въ свѣтѣ Русскаго имени» [66]). Мало того, Екатерина не считала даже нужнымъ и своевременнымъ оспаривать восторженныхъ мнѣній его о Пруссіи. «Разсужденіе ваше о полкахъ, людяхъ и земляхъ, писала она Павлу, кои вы въ проѣздъ вашъ видѣли, нахожу основательнымъ» [67]). Это спокойствіе Екатерины и ея удовольствіе поѣздкой Павла можно объяснить развѣ только тѣмъ обстоятельствомъ, что поражающая быстрота событій, происшедшихъ послѣ смерти Наталіи Алексѣевны, не давала Императрицѣ времени опомниться. Желая какъ можно скорѣе женить сына на принцессѣ Софіи-Доротеѣ, Екатерина думала только о лучшемъ средствѣ достигнуть своей цѣли, и кто знаетъ, не самъ ли принцъ Генрихъ подсказалъ Екатеринѣ поѣздку въ Берлинъ великаго князя? Ею ускорялось задуманное сватовство, а все остальное, при тревожномъ состояніи духа Императрицы въ то время, казалось ей неважнымъ.

Но, не придавая особаго значенія поѣздкѣ Цесаревича въ Берлинъ, Екатерина не ошибалась въ истинныхъ намѣреніяхъ Фридриха и брала свои мѣры. Мы уже видѣли, что она не желала дозволить Софіи-Доротеѣ привезти съ собою въ Россію

---

[66]) *Сборникъ*, XXVII, 97—99, 105—106, 108.
[67]) Тамъ же, 99.

кого-либо изъ близкихъ ей лицъ, въ той, конечно, надеждѣ, что молодая великая княгиня, при этомъ условіи, скорѣе и легче обрусѣетъ. Эту свою надежду она выражала въ письмахъ своихъ къ принцессѣ Софіи-Доротеѣ и ея матери, жалуя имъ обѣимъ, послѣ сговора, знаки ордена Св. Екатерины и примѣняя къ нимъ девизъ этого ордена: «за любовь и отечество». «Получивъ знаки ордена Св. Екатерины», писала Императрица Софіи-Доротеѣ, «вы будете носить знаки *любви и отечества*. Вотъ что говоритъ вамъ чрезъ меня Россія, простирающая къ вамъ свои руки. Отъ вашей душевной красоты и отъ доброты вашего сердца она ожидаетъ, что вы, мѣняя отечество, будете относиться съ чувствами самой живой и глубокой привязанности къ новому отечеству, которое васъ принимаетъ, давъ вамъ выборомъ предпочтеніе» [68]). «Ваши услуги, писала она принцессѣ-матери, вполнѣ соотвѣтствуютъ девизу этого ордена: ваша дочь есть подарокъ, который вы дѣлаете отечеству» [69]).

На встрѣчу Софіи-Доротеи Екатерина отправила въ Мемель статсъ-даму графиню Румянцову, супругу фельдмаршала, фрейлинъ Алымову и Молчанову, бывшихъ воспитанницъ Смольнаго института, и состоявшаго въ кабинетѣ Императрицы у принятія челобитень, ст. сов. Пастухова. Пастуховъ отправленъ былъ исключительно затѣмъ, чтобы дорогою до Петербурга обучать принцессу Русскому языку [70]).

25-го Іюля 1776 года цесаревичъ оставилъ, наконецъ, Берлинъ. Наканунѣ, сопровождаемая своими родителями, выѣхала изъ Берлина въ Мемель и невѣста, чтобы вновь встрѣтить

---

[68]) Тамъ же, 84.

[69]) *Арх. Кн. Воронцова*, XXXIV, 383. Издатель дѣлаетъ вопросъ, о какомъ отечествѣ тутъ говорится? Безъ сомнѣнія, Екатерина подразумѣвала подъ нимъ Россію, хотя сама принцесса-мать и Фридрихъ II считали замужество Софіи-Доротеи подаркомъ и для своего отечества—Пруссіи. Тогда же и отецъ Софіи-Доротеи, принцъ Фридрихъ-Евгеній, пожалованъ былъ Андреевскимъ орденомъ. Рескриптъ ему Екатерины см. тамъ же, 382.

[70]) *Сборникъ*, XXIII, 54. «Я не знаю, писала Екатерина Гримму, сколько времени понадобится принцессѣ, чтобы толково и правильно прочесть по-русски свое исповѣданіе вѣры, но чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, хотя на скорую руку, тѣмъ будетъ лучше. Съ цѣлью ускорять все это, г. Пастуховъ отправленъ въ Мемель, чтобы дорогою учить принцессу азбукѣ и исповѣданію вѣры. Убѣжденіе придетъ послѣ. Вы видите отсюда, что мы осторожны и предусмотрительны и что обращеніе и исповѣданіе вѣры слѣдуютъ по почтѣ».

своего жениха въ замкѣ Рейнсбергѣ, въ которомъ привѣтствовалъ высокихъ путешественниковъ хозяинъ его, принцъ Генрихъ. Только въ Рейнсбергѣ Павелъ окончательно простился съ Софiей-Доротеей и 28 Iюля отправился обратно въ Россiю чрезъ родной его невѣстѣ Шведтъ, гдѣ познакомился съ дядей его матери, Фридрихомъ - Генрихомъ, послѣднимъ маркграфомъ Бранденбургъ - Шведтскимъ. 14 Августа Павелъ Петровичъ былъ уже въ Царскомъ Селѣ. Въ это время принцесса Софiя-Доротея, прогостивъ въ Рейнсбергѣ и Шведтѣ, подвигалась къ Мемелю, гдѣ она должна была проститься съ сопровождавшими ее родителями и покинуть свою родину.

Смутно было на душѣ молодой принцессы. Если послѣ сговора она восторгалась тѣмъ, что она по своему положенiю сдѣлалась выше всѣхъ Германскихъ принцессъ [71]), то самая мысль объ ожидавшемъ ее величiи не могла не пугать ея, ибо она соединилась съ мыслiю о трудностяхъ ея будущаго положенiя среди Русскаго двора, въ полной отчужденности отъ всего, что̀ до сихъ поръ ей было дорого. Честолюбiе не подавило въ душѣ Софiи-Доротеи другихъ ея чувствъ, и на пути къ Мемелю она плакала, вспоминая объ Этюпѣ и его невинныхъ развлеченiяхъ [72]). Въ Мемелѣ, куда принцесса прiѣхала 13 Августа и горесть ея достигла высшихъ своихъ предѣловъ. Здѣсь, быть можетъ вслѣдствiе слезъ, возбуждаемыхъ мыслiю о разлукѣ, принцесса захворала простудой, что вынудило ея статсъ-даму, графиню Е. М. Румянцову, продолжить пребыванiе въ Мемелѣ до 19 Августа, т. е. 3 днями позже срока, назначеннаго Екатериной, желавшей видѣть Софiю-Доротею въ Петербургѣ не позже 29 Августа [73]). Чтобы избѣжать тяжелой сцены прощанiя съ нѣжно-любимой дочерью, родители принцессы выѣхали изъ Мемеля въ обратный путь чрезъ нѣсколько дней, рано утромъ, когда дочь ихъ почивала крѣпкимъ сномъ. При Софiи-Доротеѣ оставлена была лишь ея горничная, нѣкто Преторiусъ.

Русская свита, которая окружила въ Мемелѣ принцессу Софiю-Доротею, была уже отчасти знакома ей по свѣдѣнiямъ,

---

[71]) J'ai eu le pas sur toutes les princesses et altesses impériales, писала она 15 Iюля изъ Берлина баронессѣ Оберкирхъ. *Oberkirch*: Mémoires, 1, 74.

[72]) *Oberkirch*: Mémoires, 1. 81.

[73]) Донесенiе *гр. Румянцовой* императрицѣ Екатеринѣ изъ Руцау, 19 Августа 1776 года, *Государственный Архивъ*, № 106. Ср. «*Письма гр. Е. М. Румянцовой къ ея мужу, гр. Румянцову*». 207.

сообщеннымъ ей Павломъ Петровичемъ. «Въ Мемелѣ», говоритъ одна изъ встрѣтившихъ ее фрейлинъ, любимица первой супруги Павла Петровича, г-жа Алымова, «насъ представили будущей великой княгинѣ. Меня поразили ея красота, молодость и простота въ обращеніи. Когда дошла до меня очередь, она, съ улыбкой обращаясь ко мнѣ, сказала, что великій князь особенно бранилъ меня. Во всю дорогу она оказывала мнѣ предпочтеніе; какъ казалось, она была предубѣждена противъ супруги фельдмаршала Румянцова и почти не обращала на нее вниманія» [74]). Это извѣстіе, впрочемъ, не можетъ быть принято безъ оговорокъ. Графиня Екатерина Михайловна Румянцова, выбранная въ статсъ-дамы къ новой великой княгинѣ, была одной изъ симпатичнѣйшихъ Русскихъ женщинъ XVIII в. и могла возбуждать къ себѣ со стороны всѣхъ честныхъ людей того времени лишь глубокое уваженіе. Фельдмаршалъ Румянцовъ не отличался семейными добродѣтелями, былъ плохимъ отцомъ и невѣрнымъ мужемъ; на женѣ его лежали всѣ заботы о воспитаніи трехъ сыновей и по управленію имѣніями, и она, живя врозь съ мужемъ, не смотря на то, глубоко его уважала и свято исполняла обязанности матери и хозяйки [75]). Быть можетъ, этотъ семейный разладъ, о которомъ Софія-Доротея должна была, къ невыгодѣ Румянцовой, услышать отъ Павла (бывшаго горячимъ поклонникомъ фельдмаршала) и поселилъ въ принцессѣ недовѣріе къ ея статсъ-дамѣ. Впрочемъ, самой графинѣ Румянцовой принцесса не дала ничего замѣтить. «Будущая наша великая княгиня, писала гр. Румянцова мужу, обошлась очень ласково со мной и повидимому любезна очень» [76]). Предубѣжденіе противъ графини Румянцовой, если только довѣрять разсказу Алымовой, вообще склонной къ самохваленію, должно было, однако, скоро разсѣяться при ближайшемъ знакомствѣ принцессы съ графиней. По крайней мѣрѣ, мать принцессы Софіи-Доротеи, видѣвшая графиню Румянцову въ теченіе

---

[74]) *Памятныя записки Глафиры Ивановны Ржевской. Р. Архивъ* 1871, 36.

[75]) Вѣчнымъ памятникомъ этой добродѣтельной женщины останется книга, изданная *гр. Д. А. Толстымъ*: «*Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцову Задунайскому*. 1762—1779». Спб. 1888. Къ сожалѣнію, въ книгѣ этой большой пробѣлъ: нѣтъ писемъ за промежутокъ времени отъ 16 Сентября 1776 г. по Январь 1779 г., именно за то время, когда гр. Румянцова была статсъ-дамой при великой княгинѣ.

[76]) «*Письма графини Е. М. Румянцовой*», 207.

«Великій князь, прибавляетъ онъ, чувствуетъ къ ней, какъ кажется, такую нѣжность, что принцесса, вѣроятно, будетъ имѣть власть надъ сердцемъ мужа, подобно своей предшественницѣ, но, благодаря превосходству своего ума, принцесса Виртембергская сдѣлаетъ изъ этого безспорно лучшее употребленіе» [83]). И принцесса спѣшила оправдать лестное о себѣ мнѣніе. Чрезъ день по пріѣздѣ, 2 Сентября, не успѣвъ еще отдохнуть съ дороги, она занималась уже изученіемъ православной вѣры подъ руководствомъ архіепископа Московскаго Платона, объяснявшагося съ своей царственной ученицей по-французски; а 14-го совершился переходъ Софіи-Доротеи въ православіе, при чемъ она наречена была Маріей Ѳеодоровной [84]). На слѣдующей день торжественно было отпраздновано обрученіе новой великой княгини съ Павломъ Петровичемъ, а 26 Сентября совершено ихъ бракосочетаніе. Оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ придворныхъ торжествъ и народныхъ увеселеній.

Жизнь великой княгини Маріи Ѳеодоровны въ новомъ ея отечествѣ начиналась, повидимому, подъ самыми благопріятными предзнаменованіями. Любимая свекровью, мужемъ и всѣми окружающими, будучи надеждой Россіи, ожидавшей отъ нея продолженія династіи, великая княгиня съ своей стороны старалась сдѣлать все возможное, чтобы упрочить за собою это счастливое положеніе. Достоинства ея, казалось, служили ручательствомъ того, что она достигнетъ своей цѣли. Марія Ѳеодоровно страстно полюбила своего мужа [85]), а по отношенію къ

[83]) *La Cour de Russie il y a cent ans*, 295—296. Должно замѣтить, что самый распространенный въ нашей печати портретъ Маріи Ѳеодоровны въ молодые ея годы вовсе не говоритъ намъ о прославленной въ свое время красавицѣ и вызываетъ одно лишь недоумѣніе. Таковъ именно гравированный портретъ Маріи Ѳеодоровны 1782 г., приложенный къ труду *Кобеко* («Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», 160) и *Брикнера* («Исторія Екатерины Великой», V, 763). И дѣйствительно, онъ не имѣетъ ничего общаго съ прекрасными портретами Маріи Ѳеодоровны, работы кавалера Росселена, и знаменитаго Ламии, находящимися въ Павловскомъ дворцѣ Великаго Князя Константина Николаевича.

[84]) По обычаю того времени, Державинъ, неизвѣстный еще въ то время піитъ, написалъ тогда оставшуюся впрочемъ неизданною оду на ея обрученіе, которая начиналась словами: «Марія, образъ твой подобенъ небесамъ!»... См. *Грота*: Сочиненія Державина, 1, 64.

[85]) Le grand-duc, qui est le plus adorable des maris, vous fait des compliments, писала Марія Ѳеодоровна г-жѣ Oberkirch 16 Декабря. Je suis très aise, que vous ne le connaissiez point, car vous ne pourriez vous empêcher de

Екатеринѣ была нѣжной, послушной невѣсткой. «Великая княгиня, писалъ Оаксъ 15 Октября, продолжаетъ побѣждать всѣхъ вѣжливостію и пріятностію. Въ императорской семьѣ теперь, кажется, царствуетъ большее согласіе, чѣмъ когда либо» [86]). Сохранились относящіяся къ осени 1776 года записочки Екатерины къ Павлу, въ которыхъ она проявляла самыя нѣжныя чувства къ молодой четѣ по случаю нездоровья своей невѣстки. Перемѣна климата не прошла безслѣдно для здоровья Маріи Ѳеодоровны, послѣ теплаго Этюпскаго лѣта сразу испытавшей вліяніе холодной и сырой Петербургской осени: она страдала лихорадкою. «Здѣсь безъ васъ пусто», писала Екатерина Павлу по пріѣздѣ въ Царское Село: «лучшаго удовольствія мнѣ, а Царскому Селу украшенія недостаетъ, когда васъ въ ономъ нѣтъ. Письмо ваше, сего утра писанное, я сейчасъ получила и сожалѣю, что великая княгиня паки одержима была лихорадкой. Я мню, что сіе приключилось отъ того, что транспирація, которая послѣ пароксизма бываетъ, какъ ни на есть прервана, и для того желательно, чтобы тепло держалось. Удовольствительное ваше состояніе да продлитъ Всевышній, чего отъ сердца желаю». «Сегодняшнее ваше письмо, писала она спустя нѣсколько дней, принесло мнѣ двойное удовольствіе: первое, что великая княгиня освободилась отъ лихорадки, а вы здоровы; второе, что завтра обѣщаетесь быть ко мнѣ, во ожиданіи чего сдержите слово. Обнимаю васъ мысленно и посылаю вамъ обоимъ двухъ тетеревей сегодняшней моей охоты» [87]).

Одно лишь воспоминаніе объ Этюпѣ и родной семьѣ заставляло задумываться и скорбѣть Марію Ѳеодоровну, тѣмъ болѣе, что она не надѣялась на скорое свиданіе съ нею. «Я не жду этого счастья, писала она своей подругѣ, и всякій разъ, когда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову, я дѣлаюсь печальна и задумчива на весь остатокъ дня» [88]).

Однако, при всѣхъ этихъ видимо-благопріятныхъ обстоятельствахъ, скромной Этюпской принцессѣ, перенесенной неожиданно къ пышному Петербургскому двору, вмѣсто тихихъ удовольствій семейной жизни, пришлось скоро испытывать горькое чувство

---

l'adorer et de l'aimer, et moi j'en deviendrais jalouse. Ce cher mari est un ange. Je l'aime à la folie». *Oberkirch*, 1, 21.

[86]) «*La Cour de Russie il y a cent ans*», 296.

[87]) *Сборникъ*, XXVII, 116—117.

[88]) *Oberkirch*, 1, 80.

разочарованія и, въ то же время, увидѣть поруганными лучшія свои привязанности и убѣжденія: августѣйшая свекровь, столь любившая сначала Марію Ѳеодоровну, стала казаться своей невѣсткѣ существомъ почти враждебнымъ и сама начала относиться къ ней холодно и подозрительно. Могучее вліяніе обаятельной личности Екатерины на Марію Ѳеодоровну, къ сожалѣнію, не могло сгладить обнаруживавшейся постепенно разницы въ характерѣ и міровоззрѣніи ихъ. Отчужденіе, возникшее между ними, постоянно обострялось обстоятельствами, коренившимися и въ семейныхъ отношеніяхъ Русской императорской семьи, и въ политической жизни Россіи того времени.

IV.

(1776—1777).

Свойства Маріи Θеодоровны, какъ великой княгини.—Отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу.—Личность Павла.—Вліяніе на него Маріи Θеодоровны.—Вліяніе на молодой дворъ принцессы Доротеи и графа Н. И. Панина.—Домашній кружокъ великокняжеской четы.—Характеристика положенія Маріи Θеодоровны, какъ великой княгини.—Отношеніе ея къ землякамъ и роднымъ.—Зима и лѣто 1777-го года.—Павловскъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ Густава III.—Рожденіе великаго князя Александра Павловича.

Еще при вступленіи Павла Петровича въ первый бракъ Екатерина сочла необходимымъ выразить свой взглядъ на обязанности своей невѣстки, преподавъ ей правила ея поведенія въ особомъ «Наставленіи великимъ княгинямъ Россійскимъ» [1]: устраняя супругу наслѣдника престола отъ всякаго, даже косвеннаго, вліянія на дѣла политическія, Императрица ограничивала кругъ дѣятельности великой княгини ея семьею и строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формъ, которыя сопряжены съ ея высокимъ званіемъ. Быть можетъ, не было личности, болѣе способной и болѣе готовой выполнить эти требованія Екатерины, какъ Марія Θеодоровна: она обладала всѣми семейными добродѣтелями, привыкла къ скромному, тихому образу жизни, и, разумѣется, не въ Монбельярѣ могла пріобрѣсти себѣ склонность къ занятіямъ политикою; напротивъ, молодой великой княгинѣ не доставало именно политическаго образованія, знанія свѣта и людей. Опытные государственные люди того времени справедливо замѣчали, что Марія Θеодоровна всегда была и останется женщиной, и ничѣмъ болѣе [2]). Въ этомъ заключалась ея силь-

---

[1]) *Сборникъ*, XIII, 332—336.

[2]) *La Cour de Russie*, 324, донесеніе *Корберона* 1778 г.: «Son esprit et son caractère, говоритъ онъ, ne sont pas de nature à se développer dans la place

ная, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабая сторона. Честолюбивая, рѣшительная невѣстка императрицы, подобно первой супругѣ цесаревича, не могла бы удержаться отъ стремленія играть политическую роль, а это повело бы ее къ столкновеніямъ съ Екатериной, къ явной борьбѣ Павла съ матерью. Семейныя добродѣтели Маріи Ѳеодоровны, напротивъ, смягчали отношенія, обострявшіяся между матерью и сыномъ, и давали надежду, что Павелъ Петровичъ найдетъ себѣ въ семейномъ кругу отраду и утѣшеніе среди невзгодъ своего политическаго положенія.

Но, съ другой стороны, блестящая личность Екатерины, ея роскошный дворъ, отражавшій на себѣ всѣ достоинства и недостатки современной образованности, сложные вопросы внутренней и внѣшней политики Россіи,—все это не могло найти въ новой великой княгинѣ безпристрастной и просвѣщенной оцѣнки. Умъ ея, изощренный наблюденіями мелкихъ, домашнихъ подробностей маленькаго Этюпскаго двора, не могъ обнять всей открывшейся предъ нимъ величественной политической панорамы, и Марія Ѳеодоровна оказалась вынужденною смотрѣть на отдѣльныя явленія ея съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній и ходячей, обыкновенной морали. Легко понять, къ какимъ недоразумѣніямъ эта особенность міросозерцанія Маріи Ѳеодоровны привела ее съ самаго начала среди блестящаго двора, окружавшаго вѣнценосную поклонницу Вольтера и энциклопедистовъ. Къ сожалѣнію, дневникъ, веденный молодой великой княгинею со времени пріѣзда ея въ Россію, былъ сожженъ, такъ что мы лишены возможности отъ нея самой слышать о ея новыхъ впечатлѣніяхъ [3]). Но въ письмахъ Екатерины къ

---

qu'elle occupe. Un cercle étroit d'idées et de connaissances la retiendra toujours dans la médiocrité, et rien ne décèle de sa part ce que des observateurs plus fins auraient voulu prendre pour l'adresse de la politique. Princesse de Wurtemberg, grande-duchesse, impératrice, elle sera toujours femme, et jamais plus».

[3]) «*Павловскъ*. Очеркъ исторіи и описаніе», 236. «Положительно извѣстно, что покойная государыня, съ первыхъ лѣтъ супружества, вела дневникъ о событіяхъ собственной жизни и двора. Предъ кончиною она выразила желаніе, чтобы дневникъ этотъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тетрадей, былъ уничтоженъ. Желаніе свое Марія Ѳеодоровна объяснила тѣмъ, что чтеніе этого дневника, въ которомъ она съ совершенною откровенностію отзывалась о нѣкоторыхъ лицахъ, занимавшихъ важныя правительственныя или придворныя должности, могло повліять на мнѣніе о нихъ императора Николая Павловича. Государь исполнилъ завѣтъ своей родительницы, и Записки Маріи Ѳеодоровны были сожжены. Великій князь Михаилъ Пав-

Гримму есть, однако, указаніе, что великая княгиня, даже годъ спустя по пріѣздѣ своемъ въ Россію, не вполнѣ понимала общество, окружавшее Екатерину, а потому и образъ ея дѣйствій не всегда былъ достаточно зрѣло обдуманъ [4]). Не имѣя еще возможности оцѣнить свою августѣйшую свекровь, какъ государыню, Марія Өеодоровна уже осудила ее какъ женщину и мать. Съ этихъ сторонъ Екатерина была доступнѣе для наблюденія, и эти именно ея стороны болѣе всего отзывались на положеніи и самой великой княгини. Ничего не зная въ скромномъ домѣ своихъ родителей о крайней развращенности, господствовавшей въ то время при Европейскихъ дворахъ, не исключая и Берлинскаго, и тщательно оберегаемая своею матерью отъ вліянія энциклопедистовъ, которые проповѣдывали чувственное наслажденіе жизнію, Марія Өеодоровна испытывала ужасъ, видя фаворитизмъ въ Россіи, какъ постоянное, всѣмъ извѣстное учрежденіе. Она, какъ и многіе другіе ея современники, не могла понять, что при самыхъ слабостяхъ своихъ Екатерина оставалась великой женщиной [5]), что ея фавориты были въ то же время ближайшими, довѣренными слугами ея по управленію огромной имперіей и что только тѣ изъ нихъ пользовались прочнымъ вліяніемъ, кто, подобно Г. Г. Орлову и Потемкину, неустанною государственною дѣятельностію оправдывали довѣріе къ себѣ Государыни (прочіе или были удалены отъ двора, какъ Васильчиковъ и Зоричъ, или сами бѣжали отъ него, какъ

ловичъ, бывшій вмѣстѣ съ императоромъ исполнителемъ ея воли, говорилъ: «когда я сожигалъ эти бумаги, мнѣ казалось, что я вторично хоронилъ безцѣнную мою матушку».

[4]) Гриммъ, извѣстный агентъ Екатерины, пріѣзжалъ въ Петербургъ на бракосочетаніе Маріи Өеодоровны съ Павломъ Петровичемъ и тамъ нѣкоторое время послѣ того прожилъ. Въ первомъ же письмѣ къ нему послѣ его отъѣзда, Екатерина спокойно, какъ бы говоря о случаѣ, никого не удивившемъ, пишетъ ему 24 Августа 1777 года: «Euler nous prédit la fin du monde pour le mois de juillet de l'année qui vient; il fait venir tout exprès pour cela deux comètes, qui feront je ne sais quoi à Saturne, qui à son tour viendra nous détruire; or, la grande-duchesse m'a dit de n'en rien croire, parce que les prophéties de l'Evangile et de l'Apocalypse ne sont point encore remplies, et nommément l'Antichrist n'est pas venu, ni toutes croyances réunies. Moi, à tout cela je réponds comme le Barbier de Seville. Je dis à l'un: Dieu vous bénisse, et à l'autre: va te coucher, et je vais mon train. Qu'en pensez vous?» *Сборникъ*, XXIII, 62.

[5]) Еще Пушкинъ, въ 1822 году, замѣтилъ, что «самое сластолюбіе хитрой женщины утверждало ея владычество». *Соч. Пушкина*, изд. фонда, V, 11—12.

Мамоновъ). Маріи Θеодоровнѣ фаворитизмъ былъ тѣмъ болѣе ненавистенъ, что, на ряду съ нимъ, отношенія Екатерины къ сыну своему, какъ извѣстно, не отличались, въ большинствѣ случаевъ, искренностію и теплотою. Для великой княгини, обожавшей мужа и видѣвшей въ родной семьѣ лишь проявленія теплыхъ чувствъ родителей къ дѣтямъ, эта холодность матери къ сыну также не могла не казаться чудовищной. Мы увидимъ далѣе, что великій князь, эта кажущаяся жертва заблужденій своей матери, терпѣливо и благородно переносившій свое несчастіе, пріобрѣталъ въ глазахъ своей доброй и мягкой супруги ореолъ мученика.

Разумѣется, эта исключительно-семейная, такъ сказать, сердечная оцѣнка положенія Павла Петровича по отношенію къ Екатеринѣ не могла не быть односторонней: въ семейную жизнь Русскихъ государей всегда вторгались вліянія политическаго свойства. Безспорно, Екатерина никогда не была нѣжной матерью [6]). Голова всегда брала у нея перевѣсъ надъ сердцемъ; даже въ ея личныхъ привязанностяхъ чувство всегда сдерживалось разсудкомъ. Императрицѣ казались жалки и смѣшны всякія чувства, носившія характеръ сентиментальности; въ этомъ отношеніи она также была въ противорѣчіи со своей невѣсткой. Однажды, уже въ старости, она серьезно просила Марію Θеодоровну «не разстраивать своихъ нервъ избыткомъ чувствительности» [7]). Какъ мать, Екатерина всегда питала къ Павлу спокойное и доброжелательное чувство съ полнымъ сознаніемъ своихъ родительскихъ правъ и обязанностей. Холодность сердца у Екатерины, ея разсудочность, не допускаютъ, кажется, справедливости мнѣнія, будто нелюбовь къ отцу перешла у Екатерины и на ея сына [8]); у нея незамѣтно преемственности чувствъ [9]). Вѣрнѣе было бы предположеніе, что

---

[6]) Находясь въ положеніи исключительномъ, Екатерина и въ этомъ отношеніи руководилась соображеніями государственными. Брата своего (котораго пережила всего тремя годами) она ни разу не допустила въ Россію. *Р. Арх.* 1889. III.

[7]) *Р. Стар.*, 1887, VIII, 884. Ср. въ главѣ III нашего труда отзывъ Екатерины о матери Маріи Θеодоровны, 81—82.

[8]) Это мнѣніе высказано у *Кобеко*, 64, и у *Иконникова* Ср. *Бильбасова*: Исторія Екатерины II, Т. I, 277—278.

[9]) Холодность къ Павлу не мѣшала ей по своему горячо любить сына его Александра, какъ и другихъ дѣтей его; любовь къ Г. Г. Орлову не отозвалась на ея вообще довольно-равнодушномъ отношеніи къ Бобринскому.

она боялась по отношенію къ сыну преемственности умопомѣшательства въ Голштинскомъ-Ольденбургскомъ домѣ [10]). «Замѣтьте, пожалуйста», писала Екатерина г-жѣ Бьельке 20 Января 1776 г., по поводу слабоумія принца Петра Голштинскаго: «въ продолженіе 15-ти лѣтъ вотъ уже третій случай умопомѣшательства въ августѣйшемъ Ольденбургскомъ домѣ. Молю Бога предохранить его отъ этого на будущее время» [11]). Дурныя къ себѣ чувства Павелъ возбуждалъ въ Екатеринѣ исключительно какъ враждебная ей политическая сила: въ сынѣ императрица видѣла соперника себѣ во власти. Во время переворота 1762 года была цѣлая партія, во главѣ которой стоялъ Н. И. Панинъ, желавшая возведенія на престолъ восьмилѣтняго Павла съ тѣмъ, чтобы Екатерина правила государствомъ до его совершеннолѣтія. Вступивъ, однако, на престолъ самодержавной императрицей и объявивъ Павла, манифестомъ 6 Іюля 1762 г., «природнымъ наслѣдникомъ престола Россійскаго», Екатерина, изъ опасенія возбудить противъ себя неудовольствіе, не только не рѣшалась отставить Панина отъ должности воспитателя при великомъ князѣ, а, напротивъ, совсѣмъ отдавала ему на руки сына. «Мнѣ не было воли сначала, говорила въ послѣдствіи Императрица, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина; всѣ думали, что ежели не у Панина, онъ пропалъ» [12]). Но, не смотря на это, правà Павла на престолъ выставлялись врагами Екатерины при каждомъ удобномъ случаѣ [13]). Ходили темные слухи, неизвѣстно кѣмъ распущенные, что Екатерина откажется отъ престола ко времени совершеннолѣтія Павла Петровича [14]); а когда они не оправдались, то

---

[10]) А. Г. Бобринскій, какъ извѣстно, также отличался своимъ страннымъ, неуравновѣшеннымъ характеромъ.

[11]) *Сборникъ*, XXVII, 67. Масонъ, ненавистникъ Павла, даже прямо высказывалъ надежду, что «le beau sang qu'elle (Марія Θеодоровна) a transmis dans la branche de Holstein, adoucira peut-être la barbarie, que lui avoient donnée les restes de celle de Romanow». *Mémoires secrets*, I, 260. Нечего и говорить, на сколько пристрастно это мнѣніе Монбельярскаго уроженца.

[12]) *Записки Храповицкаго*, 434.

[13]) *Иконниковъ*, 125—126.

[14]) Этимъ слухамъ вполнѣ довѣряли иностранные дипломаты, жившіе при Петербургскомъ дворѣ. *Сборникъ*, XII, 431—432. *Иконниковъ*, 125. Покойный князь *П. А. Вяземскій* передавалъ *П. И. Бартеневу*, что графомъ Н. И. Панинымъ составлена была и подана Екатеринѣ особая о томъ записка. *Р. Арх.*, 1889, III, 183.

начались попытки склонить великаго князя къ явной борьбѣ съ матерью. Первая супруга Павла также дѣйствовала въ этомъ направленіи, въ чемъ, безъ сомнѣнія, помогалъ ей Н. И. Панинъ, пользовавшійся сильнымъ вліяніемъ на своего воспитанника и надѣявшійся, вѣроятно, править его именемъ. Естественно было императрицѣ, послѣ всего этого, холодно относиться ко всякому дѣйствію, которое могло бы приблизить ея сына ко власти, и по возможности отстранять его отъ участія въ управленіи, на что цесаревичъ, по достиженіи совершеннолѣтія, имѣлъ полное основаніе и право надѣяться. Конечно, только сознавая свои обязанности, какъ мать и государыня, Екатерина еженедѣльно призывала Павла для слушанія государственныхъ дѣлъ, чтобы онъ знакомился и съ ея правительственными началами, и съ ходомъ управленія; но изъ этихъ еженедѣльныхъ занятій она могла только вынести убѣжденіе, что ея политическіе взгляды совершенно противоположны взглядамъ ея сына, образовавшимся подъ вліяніемъ полуиноземнаго воспитанія и внушеній Панина. Мы уже знаемъ, что Павелъ былъ убѣжденъ въ безличіи Русскаго народа и въ необходимости для него Нѣмецкой указки, поддерживаемой строго и мелочно дисциплинированной военной силой, хотя бы то иноземнаго происхожденія; по его мнѣнію, народная дѣятельность должна была быть подвергнута строгой централизаціи, а сохраненіе мира и бережливость въ расходахъ—цѣлью правительства. Почти всѣ эти мысли Павелъ выразилъ въ своемъ «Разсужденіи о государствѣ вообще» и представилъ ихъ Екатеринѣ въ 1774 году. Послѣдствія, которыя могли бы имѣть для страны мѣры, указанныя Павломъ, не могли укрыться отъ прозорливаго государственнаго ума Екатерины, горячо любившей Россію, вѣрившей въ здравый смыслъ своего народа и дававшей широкій просторъ самодѣятельности своихъ подданныхъ. «Необыкновенное развитіе бюрократіи и формалистики, говоритъ по этому поводу Лебедевъ, довольствованіе наружностію, не проникая во внутрь вещей и дѣлъ, а главное, тяжелый уровень, наложенный на всякую мысль или желаніе, выходящее изъ принятаго порядка,—вотъ что было бы послѣдствіемъ централизаціи, при столь обширной территоріи, какъ Русская. Мысль должна была бы остановиться, развитіе дѣлалось неумѣстнымъ, частныя улучшенія оказывались невозможными: ихъ замѣняла закаменѣлая буква устава или инструкціи, а всякая попытка замѣнить

недостаточность устава или инструкціи, называлась «умничаньемъ»,—словомъ, получившимъ право гражданства въ концѣ прошлаго столѣтія и, къ сожалѣнію, долго тяготѣвшимъ надъ Русскою землею и Русской арміею. Всякая способность утрачивала цѣну, если о человѣкѣ прибавляли, что онъ «умничаетъ» [15]) Неизвѣстно, пыталась ли Екатерина выяснить сыну его заблужденіе; но Павелъ Петровичъ остался до конца своей жизни вѣренъ этимъ своимъ началамъ, надѣясь проведеніемъ ихъ въ жизнь устранить всѣ мнимые или дѣйствительные недостатки, обнаружившіеся въ Екатерининское царствованіе. Тѣмъ болѣе страдалъ онъ, видя несочувствіе матери къ его идеямъ и чувствуя свое безсиліе. Даже въ частныхъ случаяхъ обнаруживалось несогласіе взглядовъ Павла и Екатерины. Великій князь, строгій ревнитель законностей и порядка, всегда предлагалъ своей матери, снисходительно относившейся къ людскимъ порокамъ и слабостямъ, суровыя мѣры взысканія съ виновныхъ въ нарушеніи закона. «Велѣла я ему со Стрекаловымъ, писала Екатерина Потемкину послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта, прочесть всю сію пакотилью (свертокъ бумагъ), и онъ сказалъ Степану Ѳедоровичу, прочтя прощеніе бунта, что это рано, и всѣ его мысли клонились къ строгости» [16]). Точно также строгаго наказанія виновныхъ ждалъ онъ отъ Екатерины по случаю замѣченныхъ имъ во время путешествія въ Берлинъ безпорядковъ по военному вѣдомству въ Ригѣ [17]). Единственная область, гдѣ сходились до извѣстной степени взгляды Екатерины и ея наслѣдника, была въ описываемое время область внѣшней политики: союзъ Россіи съ Пруссіей былъ снова подтвержденъ въ 1777 г., послѣ брака Павла съ Маріей Ѳеодоровной. Но Прусскія симпатіи Павла не могли нравиться Екатеринѣ, которая связь Россіи съ Пруссіей считала временной и готова была измѣнить свою политику, если бы только представился другой, лучшій способъ для обезпеченія выгодъ и положенія имперіи. Послѣ одной бесѣды съ Павломъ Петровичемъ по этому поводу Екатерина съ горестью замѣтила: «Вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти! Изъ насъ сдѣлаютъ провинцію, зависящую отъ воли Пруссіи». «Мнѣ больно было бы, говорила она, если бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елисаветы, послужила знакомъ измѣненія всей

---

[15]) *Лебедевъ*, 199. [16]) Тамъ же, 175. [17]) *Сборникъ*, XX, 412.

системы Русской политики»[18]). Неудивительно, поэтому, что при полномъ несходствѣ своихъ мыслей съ мыслями Павла, Екатерина, давъ ему почетный санъ генералъ-адмирала, въ теченіе всего своего царствованія старалась держать его вдали отъ дѣлъ[19]).

При такихъ обстоятельствахъ холодность Екатерины къ сыну естественно высказалась всюду, гдѣ онъ являлся какъ лицо политическое, и наоборотъ, чувство матери замѣтно было въ императрицѣ, когда дѣло шло о событіяхъ чисто-семейнаго характера. Какъ частный человѣкъ, цесаревичъ возбуждалъ къ себѣ полное участіе и уваженіе. Это была натура горячая, нервная и воспріимчивая. Его веселость, остроуміе, утонченная вѣжливость, невольно привлекали къ себѣ каждаго; а рыцарскій, благородный образъ мыслей, чистѣйшая нравственность, постоянное стремленіе къ правдѣ,—выгодно выдѣляютъ его изъ среды пресыщеннаго чувственностію и руководимаго эгоизмомъ общества второй половины XVIII в. Къ сожалѣнію, дурныя черты его характера не были сглажены воспитаніемъ. Рѣзкость, раздражительность и упорство, замѣченныя въ немъ еще съ дѣтства, съ лѣтами еще болѣе развивались. «Съ лучшими намѣреніями въ мірѣ вы все-таки заставите себя ненавидѣть», говорилъ Павлу его другъ и наставникъ Порошинъ, указывая ему на эти его недостатки. Его впечатлительность соединялась съ крайнею неустойчивостію впечатлѣній; фантазія развивалась въ ущербъ разудку. Быстро схватывая мелочныя подробности предмета, великій князь упускалъ изъ виду его сущность, чтó въ связи съ напряженностію воображенія и мнительностію, созидало въ немъ совершенно превратное мнѣніе о предметѣ. Оттого въ характерѣ Павла былъ цѣлый рядъ противо-

[18]) *Иконниковъ*, 142—143.

[19]) Павелъ въ послѣдствіи просилъ Екатерину о допущеніи его въ Совѣтъ, но получилъ отказъ. *Сборникъ*, XLII, 355. По поводу письма великаго князя къ президенту Адмиралтействъ-Коллегіи, гр. И. Г. Чернышову, отъ 15 Декабря 1775 г., справедливо замѣчено: «Обыкновенно утверждаютъ, будто Екатерина не допускала Павла Петровича до прямаго участія въ дѣ[illegible]ъ даже и его вѣдомства. Вышеприведенное письмо служитъ доказатель[illegible]ь, что въ началѣ этого не было. Лишь въ послѣдствіи, когда Павелъ [illegible]вичъ не только обнаружилъ неспособность къ веденію дѣлъ, но даже, [illegible]вліяніемъ изъ Берлина, очутился въ настроеніи враждебномъ, приш[illegible]поневолѣ устранять его отъ правительственной дѣятельности». *Р. Ар*[illegible], 1886, I, 305.

рѣчій. Добрый отъ природы, Павелъ проявлялъ иногда жестокость, которой самъ потомъ стыдился; мягкость, податливость на чужія внушенія уживались въ немъ съ недовѣрчивостію и подозрительностію; будучи слабъ характеромъ, онъ проявлялъ иногда непоколебимую твердость тамъ, гдѣ менѣе всего ея ожидали. Но нравственный міръ цесаревича самъ по себѣ былъ дѣйствительно прекрасенъ. Искреннее стремленіе къ законности соединялось у Павла Петровича съ возвышеннымъ религіознымъ чувствомъ: строгое наблюденіе установленнаго порядка считалъ онъ условіемъ существованія каждаго благоустроеннаго государства, а въ области вѣры искалъ опоры въ невзгодахъ политической своей жизни. Это спасало его отъ искушенія соперничать съ матерью во власти [20]), и онъ терпѣливо выносилъ свободные нравы Екатерининскаго двора. Свято почитая родственныя узы и оказывая Екатеринѣ всѣ знаки сыновняго уваженія, Павелъ Петровичъ считалъ своею обязанностію, въ качествѣ наслѣдника престола, подавать собою примѣръ для подданныхъ своимъ безусловнымъ повиновеніемъ и государынѣ. Постороннія вліянія: Наталіи Алексѣевны, Панина и другихъ лицъ дѣйствуя на умъ и самолюбіе Павла, возстановляли его противъ Императрицы и собирали вокругъ него враждебную ей политическую партію; но самъ цесаревичъ былъ всегда чуждъ этимъ проискамъ, полагая свою награду въ покорности волѣ Провидѣнія и сознанія исполненнаго долга. Личные интересы стояли для него на второмъ планѣ, и многіе изъ его современниковъ сильно ошибались, приписывая повиновеніе Павла Екатеринѣ—боязливости, а его неудовольствіе по поводу замѣчаемыхъ имъ непорядковъ—сварливости его характера и оскорбленному самолюбію. Цесаревичъ былъ глубоко искрененъ, когда писалъ Сакену: «Если бы мнѣ надобно было образовать себѣ политическую партію, я могъ бы умолчать о безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но будучи тѣмъ, что я есмь, для меня не существуетъ ни партій, ни интересовъ государства; а при моемъ характерѣ мнѣ тяжело видѣть, какъ дѣла идутъ вкривь и вкось, и что причиной тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое [21]).

[20]) «Я знаю, писалъ *Гаррисъ* 1 Мая 1778 г., что нѣтъ недостатка въ дурныхъ совѣтникахъ, готовыхъ склонить его къ этому». «Лордъ Мальмсбюри о Россіи», *Русскій Арх.*, 1874, I, 1491.

[21]) *Сборникъ*, XX, 412.

Эти высоконравственныя черты Павла Петровича дѣлали его особенно дорогимъ для его молодой, добродѣтельной супруги. Сама нуждаясь въ опорѣ среди столь тяжкихъ и новыхъ для себя обстоятельствъ, Марія Өеодоровна находила, однако, въ себѣ силы поддерживать бодрость духа въ великомъ князѣ. «Нѣжность и любовь между великимъ княземъ и его супругой были совершенны», говоритъ князь Ө. Н. Голицынъ, находившійся при ихъ дворѣ съ 1777 г. «Невозможно, кажется, пребывать въ сожитіи согласнѣе, какъ они долгое время пребывали. Мы не могли на столь счастливое супружество довольно нарадоваться, и сіе имѣло великое вліяніе надъ Петербургской публикой и усугубило во всѣхъ усердіе и любовь къ ихъ будущему государю» [22]). Иностранные дипломаты, также свидѣтельствуя о полномъ согласіи между супругами, отмѣчали, вмѣстѣ съ тѣмъ, выгодную перемѣну, происшедшую въ Павлѣ Петровичѣ послѣ брака съ Маріей Өеодоровной. «Первая супруга великаго князя, писалъ Гаррисъ, съумѣла отыскать искусство управлять имъ до такой степени, что онъ распустилъ немногихъ товарищей, повидимому выбранныхъ имъ самимъ; и съ тѣхъ поръ его общество, его развлеченія, даже самыя чувства,—все вполнѣ подчинилось его женѣ. Она едва позволяла ему развивать умственныя способности, вслѣдствіе чего нравъ его изъ живаго и быстраго сдѣлался тяжелымъ, грустнымъ и апатичнымъ... Такъ какъ характеръ настоящей великой княгини совершенно противоположенъ нраву прежней, то и самъ великій князь является теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Она кротка, привѣтлива и глубоко проникнута понятіемъ о супружескихъ обязанностяхъ; онъ сдѣлался разговорчивъ, веселъ и чаще проявляетъ свою личную волю. Она постоянной услужливостью и вниманіемъ вполнѣ заслуживаетъ его привязанность, и онъ очень ее любитъ. Въ настоящую минуту они совершенно счастливы другъ другомъ; но я опасаюсь, что счастье ихъ не можетъ быть продолжительно посреди двора, столь безнравственнаго и такъ странно составленнаго. Онъ всегда выказываетъ благосклонность, которая иногда кажется лестной той дамѣ, къ которой бываетъ отнесена [23]); а великая княгиня должна обладать необыкновен-

---

[22]) *Записки князя Ө. Н. Голицына. Р. Арх.*, 1874, столб. 1283.

[23]) Это замѣчаніе Гарриса оправдывается извѣстіемъ, которое сообщаетъ же знакомая намъ г-жа Алымова о томъ, будто великая княгиня ревновала къ ней мужа вскорѣ послѣ свадьбы. (*Памятныя Записки Г. И. Ржевской*, ·*хивъ*, 1871, 37—38).

нымъ запасомъ твердости и добродѣтели, чтобы обойти многочисленныя искушенія, которыя встрѣтятся ей на пути и которымъ поддались всѣ, безъ исключенія императрицы этой страны» [24]). Въ трудномъ положеніи Марія Федоровна имѣла при себѣ сначала одно лицо, которое могло бы хотя отчасти сочувствовать и помогать ей своими совѣтами, это—свою статсъ-даму графиню Е. М. Румянцову. Эта добродѣтельная женщина полюбила свою юную, неопытную повелительницу и, безъ сомнѣнія, отчасти руководила ею; даже удаленіе ея отъ должности, скоро послѣдовавшее, мать Маріи Θеодоровны, принцесса Доротея, объясняла тѣмъ, что преданность Румянцовой къ великой княгинѣ не нравилась императрицѣ [25]). Но мало-по малу Марія Θеодоровна осмотрѣлась, привыкла къ новой своей жизни и успѣла даже въ началѣ 1778 г. завязать секретную переписку съ своей матерью, пользуясь случаями поѣздки въ Монбельяръ и обратно довѣренныхъ себѣ лицъ (до этого времени мать и дочь не имѣли, вѣроятно, возможности свободно писать другъ другу, ибо письма, довѣряемыя почтѣ или курьерамъ, могли быть перлюстрированы). Само собою разумѣется, откровенная переписка съ нѣжно-любимою матерью была для Маріи Θеодоровны нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ разлукѣ съ семьей и вмѣстѣ съ тѣмъ помогала ей легче переносить тягости своего положенія. Къ сожалѣнію, изъ переписки этой извѣстны лишь письма принцессы Доротеи, за небольшой сравнительно періодъ (1778—1784), и только нѣсколько черновыхъ набросковъ самой Маріи Θеодоровны; но и въ нихъ есть указанія, которыя позволяютъ намъ отчасти судить о внутреннемъ мірѣ великой княгини по пріѣздѣ ея въ Россію [26]). Нѣкоторыя выдержки изъ писемъ

---

[24]) *«Лордъ Мальмсбюри о Россіи». Р. А.* 1874, I, 1503—1504.—*Корберонъ* сообщалъ въ 1778 г. о Маріи Θеодоровнѣ: Elle «plaît à son mari par les charmes de la jeunesse, de la fraîcheur et peut-être la supériorité qu'il a sur elle».—*La Cour de Russie*, 324.

[25]) «Je suis sûre, писала *принцесса Доротея* дочери, que son grand défaut aux yeux de certaines personnes a été celui de vous être trop attachée». Письмо отъ 21 Іюля 1778 года. Послѣ удаленія гр. Е. М. Румянцовой отъ двора въ Москву Марія Θеодоровна поддерживала съ ней переписку до самой ея кончины въ 1779 г.—*Письма гр. Е. М. Румянцовой*, 224.

[26]) При письмахъ этихъ, хранящихся въ Павловскомъ дворцѣ, находятся опись ихъ, составленная самой Маріей Θеодоровной, подъ заглавіемъ: «Lettres de ma mère» и съ собственноручною ея надписью: «Brûler avant tout en cas d'accident». Очевидно, надпись эта сдѣлана была ею еще при жизни Екате-

принцессы-матери дадутъ намъ возможность легче достигнуть этой цѣли, рисуя вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ отношеній между матерью и дочерью. Вотъ отрывокъ перваго письма принцессы Софіи-Доротеи, отъ 27 Іюля 1778 года, изъ Этюпа:

«Ma bien tendre, chère, bonne, excellente et bien chérissime enfant, que je chéris avec toute la tendresse dont jamais coeur de mère est possible d'éprouver [27]). Вы не можете, дорогое дитя, и представить себѣ того удовлетворенія и счастія, которое испытывало мое сердце при чтеніи вашихъ дорогихъ писемъ. Нѣжное участіе, которое я принимаю въ васъ, основаніе быть такъ увѣренною въ вашемъ счастіи, которое доставляетъ вамъ несравненный великій князь,—вотъ предметы, почти всегда меня занимающіе; увѣренность же въ вашемъ счастьи не можетъ для меня возобновляться достаточно часто. Я ясно вижу руку Промысла, дѣйствующаго на васъ, и благословляю Его за милость, которую оказалъ Онъ, сохранивъ сердце ваше непорочнымъ среди свѣтскихъ соблазновъ и дурныхъ примѣровъ, которыми вы окружены. Къ несчастью, въ наши дни религія уважается такъ мало, что даже люди благочестивые часто бываютъ вынуждены молчать о ней, и это не вслѣдствіе угожденія людскимъ слабостямъ, а вслѣдствіе той мудрой осторожности, которая предписываетъ намъ говорить только въ случаѣ необходимости или въ увѣренности, что можно сдѣлать добро. Вы вполнѣ правы, дорогое дитя, жалуясь на испорченность (égarement) императрицы. Въ природѣ нѣтъ ничего болѣе жесткаго, какъ сердце, которое предалось своимъ страстямъ и въ этомъ самозабвеніи не видитъ ничего кругомъ себя. Я понимаю страданія, которыя вы должны испытывать, присутствуя при всѣхъ возмутительныхъ сценахъ [28]). Ради Бога, дорогое дитя мое, про-

---

рины, изъ боязни, чтобы письма не попали въ чужія руки. По той же причинѣ, конечно, нѣкоторыя изъ писемъ писаны были молокомъ и лимономъ, что̀, не оставляя видимыхъ слѣдовъ на бумагѣ, давало, однако, возможность, при нагрѣваніи ея, прочесть написанное. Письма принцессы Доротеи писались въ нѣсколько пріемовъ, иногда въ теченіе ряда мѣсяцевъ, ибо принцесса всегда ожидала вѣрнаго случая для отсылки ихъ. Поэтому нѣкоторыя изъ этихъ писемъ представляютъ собою родъ дневниковъ.

[27]) Принцесса Доротея всегда давала дочери самыя нѣжныя названія, иногда трудно поддающіяся переводу.

[28]) Хотя, по замѣчанію *П. И. Бартенева*, принцесса не могла не знать, что въ дорогомъ ей Берлинѣ происходили сцены, много возмутительнѣе Петербургскихъ. *Р. Арх.*, 1889, III, 189.

должайте такъ, какъ вы начали, и никогда не позволяйте себѣ ничего такого, что имѣло бы даже видъ порицанія; пусть священный санъ матери нашего великаго князя побудитъ васъ терпѣливо переносить то стѣсненіе, которое вы испытываете. Я узнала объ огорченіяхъ, вынесенныхъ вами въ началѣ вашего замужества. Объ этомъ увѣдомилъ меня король (Фридрихъ II). Богъ свидѣтель, какъ я была опечалена ими и какъ я благословляла Его, когда за ними послѣдовало ваше полное счастіе [29]). Пренебреженіе къ нашимъ обязанностямъ есть единственное дѣйствительное несчастіе, которое можетъ постигнуть насъ, и примѣръ, который вы видите предъ своими глазами, можетъ только увѣрить васъ въ этой истинѣ: нѣтъ ничего болѣе тяжкаго и ужаснаго, какъ общественное презрѣніе... Какъ мнѣ это ни прискорбно, но болѣе, чѣмъ кто-либо я убѣждена въ томъ, что при жизни императрицы я лишена буду счастія увидѣться съ вами. Этотъ срокъ ужасаетъ меня; я такъ нѣжно люблю васъ, что, несмотря на очевидную невозможность, надежда на противное не покидаетъ меня... Я знаю, что императрица вынуждена будетъ стѣсняться ради иностранки и что не любятъ выказывать своихъ слабостей предъ людьми... Я думаю, какъ и вы, что въ основѣ своей характеръ императрицы не такъ дуренъ: ея благосклонность (galanterie) находится въ связи съ потребностію пользоваться людьми. Я глубоко сожалѣю, что она не вкусила того счастія, которое возможно только при существованіи материнскаго чувства, и не воспользовалась тѣмъ вашимъ довѣріемъ и тою дружбою которую вы сохранили для меня» [30]).

Эти строки горячо любимой матери, безъ сомнѣнія, могли только укрѣпить въ Маріи Θеодоровнѣ ея нравственную стойкость и внести духъ примиренія во взглядѣ на Екатерину. Но еще бо́льшее значеніе должны были имѣть для нея по-

---

[29]) Эти неизвѣстныя намъ огорченія въ супружеской жизни Маріи Θеодоровны, быть можетъ, объясняются упомянутымъ выше разсказомъ Г. И. Алымовой.

[30]) Въ то же время принцесса подавала надежду на улучшеніе положенія дѣлъ. «Je crois, mon cher enfant, писала она 30 Декабря 1778 г., que le sort se remettra quand une certaine période sera passée: l'âge de l'Impératrice amène ordinairement cette espèce de révolution dans le tempérament»

хвалы принцессы Павлу Петровичу. «Вы не повѣрите, писала принцесса, какъ я почитаю, люблю нашего великаго князя и восхищаюсь имъ за его превосходный образъ дѣйствій. Добродѣтель часто имѣетъ свои шипы, и вотъ чѣмъ цѣнно выполненіе обязанностей. Таково положеніе и этого достойнаго принца, который до сихъ поръ находитъ вознагражденіе лишь въ самомъ себѣ и въ удовольствіи дѣлать добро изъ любви къ добру. Онъ по справедливости заслуживаетъ всей нашей нѣжности и всего вашего вниманія, чтобы усладить тѣ скорби, которымъ онъ подверженъ» [32]). «Участь великихъ князей и великихъ княгинь, говорила принцесса въ другомъ письмѣ, никогда не была счастлива; это горькая правда. Но должно для Бога дѣлать то, чего невозможно дѣлать иначе: только исполняя свои обязанности, можно пользоваться тѣмъ внутреннимъ миромъ, котораго не въ состояніи нарушить всѣ даже взятыя вмѣстѣ людскія несправедливости. Ради Бога, ободряйте вашего дорогаго и достойнаго великаго князя собственнымъ примѣромъ, чтобы онъ не впалъ въ уныніе. Его положеніе трудное и щекотливое. Пусть Богъ подастъ ему навсегда то благоразуміе въ поведеніи и ту спокойную мудрость, которая является плодомъ размышленія и которая дѣлаетъ его образцомъ добраго сына и самаго добродѣтельнаго и уважаемаго человѣка» [33]).

Впрочемъ, стремясь поддержать миръ и согласіе въ императорской семьѣ, принцесса Доротея отчасти сама содѣйствовала отчужденію Павла отъ Екатерины, укрѣпляя въ великокняжеской четѣ чувства преданности Пруссіи и Фридриху. «Я убѣждена, писала она дочери, что король истинно васъ любитъ

---

[32]) Письмо отъ 21 Іюля 1778 г.

[33]) Письмо отъ 16 Іюня 1779 г —Il ne se donne pas», доносилъ о Павлѣ *Гаррисъ* 31 Декабря 1778 г., «la peine de cacher sa mauvaise humeur, et il y donne un libre cours lorsqu'il l'ose, et dans les termes les plus violents... La grande duchesse se conduit remarquablement bien, et elle évite avec beaucoup de soin de déplaire, soit aux favoris de l'imperatrice, soit à son mari et à sa cour». 9 Февраля 1779 г. онъ писалъ: «Le prince Potemkin et sa clique traitent le grand duc et la grande duchesse comme des personnes sans conséquence. Le grand duc est blessé de ce mépris, et il le laisse voir dans sa conversation, mais cest lá tout ce qu'il ose. La grande duchesse se conduit avec plus de prudence et de circonspection». *La Cour de Russie*, 321—322.

и уважаетъ. Онъ нѣжно привязанъ къ великому князю, близко къ сердцу принимаетъ ваше благосостояніе и при каждомъ случаѣ даетъ замѣтить, что онъ много думаетъ о васъ и чрезвычайно доволенъ вашими дѣйствіями. Излишне было бы мнѣ говорить вамъ, мой ангелъ, о томъ удовольствіи, которое вы доставляете мнѣ своими чувствами по отношенію къ этому великому человѣку. Свою любовь ко мнѣ вы доказываете нѣжною привязанностію къ нашему семейству и къ странѣ, которая такъ сильно меня интересуетъ; впрочемъ, любовь къ отечеству есть чувство до того естественное, что его нельзя разсматривать какъ заслугу» [34]). «Какъ можно чаще, дорогое дитя мое, говорите великому князю, что я люблю его и что близко къ сердцу принимаю я ту привязанность, которую онъ сохранилъ къ королю, къ семейству и моему отечеству. Мнѣ такъ утѣшительно говорить себѣ съ увѣренностію, что онъ постоянно будетъ ихъ другомъ и покровителемъ, и что онъ будетъ полагать истинную свою славу въ счастіи народовъ его обширной имперіи» [35]).

Эти внушенія принцессы поддерживались бывшимъ воспитателемъ Павла Петровича, графомъ Н. И. Панинымъ, имѣвшимъ на цесаревича сильное вліяніе. Еще въ 1769 году, уже послѣ изгнанія Порошина, говорили, и не безъ основанія, что «отецъ и сынъ не могутъ питать другъ къ другу болѣе сильной и нѣжной привязанности, чѣмъ та, которая существуетъ между главнымъ наставникомъ и его воспитанникомъ» [36]); чувства эти съ годами дѣлались болѣе сознательными, основываясь на общности мнѣній и интересовъ. Къ сожалѣнію, личность графа Н. И. Панина до сихъ поръ не получила должнаго освѣщенія, и этотъ двуликій вельможа Екатерининскаго царствованія какъ при жизни своей, такъ и теперь возбуждаетъ о себѣ противорѣчивые отзывы [37]). Несомнѣнно, однако, что Панинъ не былъ другомъ Екатерины и медленно, но успѣшно поселялъ въ Цесаревичѣ недовѣріе къ матери. Политическое міросозерцаніе Павла созидалось, безъ

[34]) Письмо отъ 29 Іюля 1779 г.

[35]) Письмо отъ 25 Іюля. Дружба къ Пруссіи и «счастіе народовъ (sic) Русской имперіи», какъ видно, казались и принцессѣ нераздѣльными; это было неудивительно при ея горячемъ Нѣмецкомъ патріотизмѣ.

[36]) *Сборникъ*, XXII, 432.—*Иконниковъ*, 123.

[37]) См. указанные выше труды *Лебедева*, *Иконникова* и *Кобеко*.

сомнѣнія, исключительно подъ его вліяніемъ. Для честолюбиваго вельможи, потерявшаго довѣріе императрицы послѣ переворота 1762 г., и, по должности вице-канцлера, постоянно вынужденнаго считаться съ вліяніемъ любимцевъ, конечно, было выгодно имѣть опору въ великомъ князѣ и поддерживать разладъ его съ императрицей. Разумѣется, внушенія графа Панина о важности для Россіи союза съ Пруссіей, о вредѣ фаворитизма для Россіи, могли быть искренни: но трудно допустить въ опытномъ государственномъ дѣльцѣ ту односторонность взглядовъ, которую онъ проявлялъ въ бесѣдахъ своихъ съ великимъ княземъ и которая можетъ быть объяснена лишь задними мыслями. Очевидецъ царствованія Петра III и даже участникъ въ его сверженіи съ престола, онъ не разъяснялъ своему питомцу истиннаго смысла событій того времени, приведшихъ къ восшествію на престолъ Екатерины, и Павелъ съ полнымъ убѣжденіемъ писалъ въ 1778 г. брату его, графу П. И. Панину: «Вступилъ покойный мой отецъ на престолъ и принялся заводить порядокъ, но стремительное его желаніе завести новое помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный, прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ, и отъ нея дѣлалъ многія вещи, наводящія *дурныя импрессіи*, *которыя*, *соединившись съ интригами противъ персоны его*, *а не самой вещи*, *погубили его*, и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ?» [38]) Умалчивая о томъ, что на его обязанности лежало выяснить своему воспитаннику [39]), Панинъ, самъ не отличавшійся добродѣтелью, распространялся предъ Павломъ и Маріей Ѳеодоровной на тему о вредномъ вліяніи безнравственности двора на общество, своими разсужденіями съ одной стороны удовлетворяя самолюбію молодыхъ супруговъ, а съ другой—прозрачно намекая на дурныя стороны царствованія Екатерины [40]). Мы не встрѣчаемъ нигдѣ ни одного указанія, чтобы этотъ выдающійся сотрудникъ императрицы по управ-

---

[38]) *Лебедевъ*, 235—236.

[39]) *Арх. Князя Воронцова*, XXI, 94.

[40]) «Tout ce que vous me dites, писала принцесса Доротея Маріи Ѳеодоровнѣ, de l'excellent comte de Panin m'enchante véritablement. Il a raison en vous assurant que l'exemple des grands, leurs vertus, leur probité, leur équité amène un changement totale dans l'esprit». Письмо отъ 30 Декабря 1778 г.

ленію обширной имперіей, лучше чѣмъ кто-либо знакомый съ многосторонней дѣятельностію Екатерины, хотя однимъ словомъ обмолвился предъ царственнымъ своимъ воспитанникомъ въ пользу его матери. Эта система умолчанія съ одной стороны и подчеркиванія съ другой, во всякомъ случаѣ, заставляетъ видѣть въ графѣ Н. И. Панинѣ ловкаго и хитраго честолюбца, стремившагося держать Павла Петровича подъ исключительнымъ своимъ вліяніемъ. Самая искренность желанія Панина во что бы то ни стало поддерживать союзъ съ Пруссіей можетъ быть заподозрѣна. Признавая въ Панинѣ высокій политическій умъ и великую политическую опытность, мы отказываемся примирить съ этими несомнѣнными его качествами видимое непониманіе истинныхъ цѣлей Фридриха II, часто шедшихъ въ разрѣзъ съ Русскими выгодами: Панинъ, завѣдывавшій въ первую половину царствованія Екатерины нашими внѣшними сношеніями, не могъ не знать, что Фридрихъ, обязанный по союзному договору съ Россіей поддерживать ее во время первой Турецкой войны денежными субсидіями, а въ случаѣ надобности и оружіемъ, въ сущности добивался только раздѣла Польши съ цѣлію округленія своихъ владѣній; а когда въ 1777 году Австрія безъ войны отрѣзала себѣ отъ Турціи Буковину, то, въ отвѣтъ на требованіе Россіи произвести совмѣстное давленіе на Австрію, чтобы побудить ее отказаться отъ этого захвата, Фридрихъ далъ замѣтить Петербургскому кабинету, что Пруссія не можетъ считать важнымъ для себя дѣла, столь далекаго отъ ея границъ. Даже оффиціальный историкъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, проф. Мартенсъ, и онъ не нашелъ данныхъ для объясненія странныхъ симпатій графа Панина къ союзу съ Пруссіей. «Доктринерство графа Панина, желавшаго привести этотъ союзъ въ какіе-то шаблоны, говоритъ онъ, было для императрицы совершенно недоступно» [41]). Между тѣмъ, само собою понятно, что, заботясь о поддержаніи своего вліянія на Павла Петровича, Панинъ въ супругѣ его, тѣсно связанной съ Пруссіей, желалъ видѣть не врага, а благосклоннаго союзника. И дѣйствительно, онъ скоро успѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе Маріи Ѳеодоровны; даже ея родители, какъ мы увидимъ далѣе, въ затруднительныхъ случаяхъ дѣйствовали сообразно его указаніямъ.

---

[41]) *Вѣстникъ Европы*, 1882, III, 238—*Иконниковъ*, 134.

Полнаго нравственнаго подчиненія себѣ великокняжеской четы Панину было тѣмъ легче достигнуть, что замѣнившій его въ завѣдываніи дворомъ великаго князя (еще до перваго брака Павла) Н. И. Салтыковъ не сумѣлъ въ первое время по своимъ качествамъ пріобрѣсти довѣрія ни Павла, ни Маріи Θеодоровны. Это былъ ловкій, но ограниченный царедворецъ, искусно пробиравшійся между подводными камнями, которыми усѣяна была дорога между большимъ и малымъ дворами, умѣвшій выйти въ люди именно благодаря своему безличію и искусству казаться, а не быть. Вѣроятно, однако, что за эти свои качества онъ долгое время находился на дурномъ счету у великняжеской четы: раздѣляя общее мнѣніе, она считала его шпіономъ Екатерины, обязаннымъ доносить ей о дѣйствіяхъ великаго князя и его супруги [42]). Прочія лица, находившіяся при маломъ дворѣ, въ политическомъ смыслѣ были совершенно незначительны: то были или товарищи дѣтства Павла, изъ которыхъ особенно близокъ къ нему былъ родственникъ Панина, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, или только-что начинавшіе свое служебное поприще молодые люди (графы Михаилъ, Николай и Сергѣй Румянцовы, сыновья фельдмаршала и статсъ-дамы Маріи Θеодоровны), или наконецъ, лица, составлявшія придворный штатъ. Изъ числа послѣднихъ особенно выдавались иностранцы, бывшіе ранѣе преподавателями Цесаревича: библіотекарь Генрихъ-Людвигъ Николаи, родомъ изъ Страсбурга, и родственникъ его, чистокровный Французъ по происхожденію и характеру, Францъ-Германъ Лафермьеръ. Иностранцы эти, благодаря своимъ трудамъ, пользовались нѣкоторою извѣстностію: Николаи въ Нѣмецкой, а Лафермьеръ во Французской литературѣ, и составляли литературное общество Павла Петровича и его супруги [43]).

---

[42]) «...Vous voyez, mon très cher enfant», писала 25 Іюля 1778 г. принцесса Доротея Маріи Θеодоровнѣ, que je n'ai que trop bien jugé de m-r de Salticoff. La voix du peuple est la voix de Dieu. Les ladreries à Berlin (во время пребыванія тамъ Павла) et puis le bassesse d'être l'espion de vos actions et de celles de cher grand-duc sont les actions bien méprisables». Судя по тому, что мнѣніе о Салтыковѣ, какъ о соглядатаѣ, держалось довольно долго, можно предположить, что оно находило, вѣроятно, нѣкоторое оправданіе въ его дѣйствіяхъ.

[43]) Генриху Николаи принадлежитъ нѣсколько томовъ басенъ, разсказовъ, посланій и т. п. Лафермьеръ, также издалъ сборникъ басенъ. *Кобеко*, 55—56. О Николаи см. «*Замѣтку барона А. П. Николаи (въ память о его дѣдѣ)*». Р Арх., 1891 г., I, 334—336.

Изъ фрейлинъ, вновь назначенныхъ къ великой княгинѣ въ 1777 г., умомъ своимъ обращала на себя вниманіе Е. И. Нелидова, подобно Алымовой опредѣленная ко двору тотчасъ по выпускѣ своемъ изъ Смольнаго монастыря. Почти въ одно время съ Нелидовой появились при маломъ дворѣ лейтенантъ С. И. Плещеевъ, назначенный состоять при цесаревичѣ по его званію генералъ-адмирала, и камеръ-юнкеръ Ѳ. Ѳ. Вадковскій. Вліяніе этихъ трехъ лицъ на молодую чету сказалось уже гораздо позднѣе.

При такихъ условіяхъ начался новый періодъ жизни Маріи Ѳеодоровны, который мы назвали бы семейно-политическимъ, такъ какъ, во все время пребыванія своего въ санѣ великой княгини, Марія Ѳеодоровна въ семейной сферѣ своей дѣятельности постоянно должна была сообразоваться съ условіями и общаго политическаго положенія. Въ это именно время молодая великая княгиня прошла тяжелую политическую школу и сама, такимъ образомъ, довершила свое воспитаніе Къ сожалѣнію, обстоятельства ей не благопріятствовали. Не подготовленная къ политической дѣятельности ни домашнимъ воспитаніемъ, ни ролью посторонняго наблюдателя, Марія Ѳеодоровна сразу очутилась въ положеніи подсудимаго, который, изъ чувства самосохраненія, долженъ довѣрить свою защиту людямъ опытнымъ и ловкимъ. За неимѣніемъ выбора, Марія Ѳеодоровна волей-неволей должна была идти по колеѣ, указываемой ей обстоятельствами и семейными симпатіями, и прикрывать наружнымъ спокойствіемъ и повиновеніемъ своей державной свекрови внутреннія страданія, которыя она должна была постоянно испытывать, видя и слыша то, чего она не хотѣла бы видѣть и слышать.

Безъ сомнѣнія, въ этомъ тяжеломъ подвигѣ самовоспитанія закалился характеръ Маріи Ѳеодоровны и окончательно сложился тотъ ея нравственный обликъ, съ которымъ она впослѣдствіи, уже какъ императрица, выступила на поприще самостоятельной общественной дѣятельности. Разумѣется, что дѣло не обошлось при этомъ и безъ ошибокъ съ ея стороны, безъ сомнѣнія, довольно крупныхъ; но онѣ, объясняясь вполнѣ обстановкой, среди которой находилась Марія Ѳеодоровна и какъ Германская принцесса, и какъ Русская великая княгиня, служатъ въ то же время выраженіемъ свѣтлыхъ сторонъ ея личности: внутренній разладъ съ Екатериной возникъ на почвѣ

нравственной и религіозной, а любовь къ Германіи и въ частности къ Пруссіи, основываясь на жизнерадостныхъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ и семейныхъ привязанностяхъ, глубоко укоренившихся въ мягкомъ сердцѣ Маріи Ѳеодоровны, поддерживалась ложной, конечно, увѣренностью, раздѣляемой и главнымъ изъ Русскихъ дипломатовъ того времени, что страна эта можетъ быть только другомъ ея новаго отечества, Россіи. Въ области исторіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, понять заблужденіе значитъ простить его.

Было еще одно обстоятельство, которое будучи плодомъ недоразумѣнія, тѣмъ не менѣе, непріятно ложилось на сердце великой княгини; мы говоримъ о чрезмѣрныхъ ожиданіяхъ, которыя за границей многія частныя лица связывали, въ личныхъ своихъ интересахъ, съ пріѣздомъ Маріи Ѳеодоровны въ Россію. Преувеличивали богатство нашего отечества, не имѣли точныхъ свѣдѣній о правительственномъ значеніи великаго князя, о его денежныхъ средствахъ и добивались, считая все возможнымъ и надѣясь на доброту великой княгини, различныхъ матеріальныхъ выгодъ. Такъ, Монбельярскіе фабриканты обращались къ Маріи Ѳеодоровнѣ, чрезъ отца ея, съ просьбою о дарованіи имъ монополіи на право торговли въ Россіи ситцемъ; уже одна возможность подобнаго ходатайства ясно показываетъ, какими глазами смотрѣли на Россію въ Западной Европѣ. Нечего и говорить, что ходатайство это было отвергнуто [44]). Но зато къ Маріи Ѳеодоровнѣ стали обращаться многіе за денежными пособіями, не думая, конечно, что Русская великая княгиня часто сама нуждается въ деньгахъ. Екатерина мало обращала вниманія на финансовое положеніе своего сына, и молодые супруги не всегда могли удѣлять часть своихъ доходовъ на дѣла благотворенія, столь приличествующія ихъ

---

[44]) Павелъ Петровичъ увѣдомилъ объ этомъ принца Фридриха-Евгенія письмомъ изъ Царскаго Села отъ 16 Апрѣля 1777 г. «...La commission dont votre altesse avait chargé ma femme par rapport à l'importation des indiennes n'a pas réussi au gré de vos désirs; des principes de commerce y ont mis un empêchement. On ne donne point de privelège exclusif chez nous afin de ne point occasionner les monopoles et gêner le commerce, ce qui le détruit entièrement. D'ailleurs, nous avons chez nous déjà des fabriques pareilles en quantité, de manière que nous n'avons presque plus besoin d'indiennes étrangères. Voila, votre altesse, le résultat de cet affaire. Je suis au désespoir qu'elle n'ait pas pu réussir». *Госуд. Арх.*, IV, 205.

высокому сану. Между тѣмъ, къ Маріи Ѳеодоровнѣ обращались за помощью лица, надѣявшіяся на полное обезпеченіе своей судьбы и отчасти имѣвшія на то право, какъ, напримѣръ, воспитатель ея братьевъ Моклеръ [45]). Его примѣру слѣдовали и другіе жители Монбельяра; есть извѣстіе, что бракъ Павла съ Маріей Ѳеодоровной привлекъ въ Россію многихъ Монбельярцевъ [46]). Не имѣя возможности удовлетворять просьбамъ своихъ соотечественниковъ, часто совершенно безосновательнымъ, Марія Ѳеодоровна, естественно, должна была возбуждать противъ себя упреки въ скупости. Между тѣмъ, сами родители ея, надѣявшіеся облегчить свое стѣсненное финансовое положеніе послѣ брака своей дочери [47]), получили отъ Екатерины ежегодную пенсію спустя лишь полтора года, уже по рожденіи старшаго сына Маріи Ѳеодоровны, Александра Павловича [48]). Зная, по собственному опыту, недостатокъ средствъ своихъ родителей, Марія Ѳеодоровна просила Фридриха II позаботиться о ея братьяхъ, находившихся на Прусской службѣ [49]).

Зиму 1776—1777 года молодые супруги прожили въ Зимнемъ дворцѣ, принимая участіе во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ и разнаго рода торжествахъ; они присутствовали также и на торжествѣ 50-лѣтняго юбилея Академіи Наукъ, праздновавшемся 29 Декабря 1776 года [50]). Но шумная жизнь среди пышнаго двора Екатерины, необходимость быть постоянно на людяхъ, подвергаясь наблюденіямъ тысячи нескромныхъ глазъ, не могла не стѣснять Маріи Ѳеодоровны, привыкшей совсѣмъ

---

[45]) *Маріинскій Арх.*: Бумаги Императрицы Маріи Ѳеодоровны, св. 275, 62.

[46]) *Р. Арх.*, 1869 г., 1797, 2090.

[47]) «Les cadets des cadets sont des bien malheureux princes. J'en parle par ma propre expérience; car si Dieu n'avait fait de miracles en notre faveur, que serions-nous devenu avec onze enfans?» Письмо матери императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 11 Янв. 1779 г. Ср главу III нашего труда.

[48]) 25 Декабря 1777 г. Марія Ѳеодоровна писала Фридриху II: «La naissance de mon fils est une époque doublement heureuse pour moi, puisqu'elle a servi d'occasion à la bonté que l'Impératrice vient d'avoir d'assigner une pension annuelle à mes chers parents; voici donc un des voeux principaux de mon coeur accompli». *Stark*, 52.

[49]) *Stark*, 51. Письмо Маріи Ѳеодоровны королю Фридриху отъ 6 (14) Марта 1777 г.

[50]) Объ этомъ въ прекрасныхъ словахъ напомнилъ, въ присутствіи Маріи Ѳеодоровны, академикъ Шторхъ при празднованіи 100-лѣтняго юбилея Академіи. *Сочиненія Плетнева*, изд. *Грота*, III, 183—184.

къ другому образу быта. Великая княгиня чувствовала себя дома только въ небольшомъ избранномъ кружкѣ близкихъ лицъ, собиравшихся у великокняжеской четы по вечерамъ для литературныхъ чтеній, легкой непринужденной бесѣды и веселыхъ игръ. Душой этихъ собраній былъ живой, словоохотливый Лафермьеръ. Его заразительная веселость, чистота души, при открытомъ характерѣ и мягкихъ манерахъ, невольно привлекали къ себѣ каждаго; для Маріи же Θеодоровны Лафермьеръ былъ притомъ еще землякъ: подобно задушевному ея другу, г-жѣ Оберкирхъ, онъ, вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Николаи, былъ родомъ изъ Эльзаса, къ югу котораго прилегаетъ Монбельяръ, а на чужбинѣ, при нравственномъ одиночествѣ Маріи Θеодоровны, это значило уже много. Болѣе свободной, независимой жизнію Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна могли жить лишь лѣтомъ, сначала на Каменномъ острову [51]), а потомъ въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ, куда они постоянно слѣдовали за Екатериной, вѣроятно по ея приглашенію. Близость давно ожидаемаго счастливаго семейнаго событія были причиной особенно радостнаго настроенія молодыхъ супруговъ въ это время. Еще 3 Іюня Павелъ писалъ Платону: «Сообщу вамъ хорошую вѣсть. Услышалъ Господь въ день печали, послалъ помощь отъ Святого и отъ Сіона заступилъ; я имѣю большую надежду о беременности жены моей. Зная ваши сентименты ко мнѣ и патріотическія ваши расположенія, сообщаю вамъ сіе, дабы вы вмѣстѣ со мною о семъ порадовались» [52]). Надежда эта должна была чрезвычайно обрадовать и Екатерину, страстно желавшую имѣть внука. Быть можетъ, именно тотчасъ по полученіи этого извѣстія императрица, въ знакъ искренняго своего удовольствія, подарила молодой четѣ въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села 362 десятины земли съ деревеньками: Линна и Кузнецы [53]). Здѣсь Марія Θеодоровна задумала основать лѣтнее

---

[51]) Екатерина подарила его Павлу въ 1763 году. Здѣсь у цесаревича былъ небольшой дворецъ, при которомъ онъ основалъ Инвалидный домъ для нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства.

[52]) *Р. Арх.* 1887, II, стр. 11.

[53]) Шторхъ въ своемъ «*Beschreibung des Gartens zu Pawlowsk*» (S.-Petersburg, 1802, 59—60) указываетъ, что подарокъ свой Екатерина сдѣлала по случаю рожденія Александра Павловича. Г. Каратыгинъ («*Супружество императора Александра I*». *Русскій Вѣстникъ*, 1886 г. № 11, 227—228) сомнѣвается въ вѣрности этого указанія, справедливо доказывая, что

свое пребываніе, которое могло бы устройствомъ своимъ напоминать ей Этюпъ, столь далекій теперь отъ нея и вмѣстѣ съ тѣмъ столь близкій ея сердцу; на первое же время, лѣтомъ 1777 года, выстроены были для Павла охотничьи домики: «Крикъ» и «Кракъ», получившіе эти названія въ подражаніе Нѣмецкимъ стариннымъ садовымъ зданіямъ и охотничьимъ павильонамъ. Вѣроятно, Павелъ отказался отъ своей части подарка въ пользу своей супруги, такъ какъ позднѣе, распредѣляя свое имущество въ духовномъ завѣщаніи 1788 г., онъ вовсе не упоминалъ объ этомъ дарѣ Екатерины названномъ въ честь его селомъ Павловскимъ или просто Павловскомъ [54]).

Но это сравнительно - спокойное и счастливое для Маріи Ѳеодоровны время отравлено было для нея политическими заботами, вызванными пріѣздомъ 5 Іюня въ Петербургъ Шведскаго короля Густава III (чрезъ два дня послѣ извѣстнаго намъ письма Павла Платону). Утвердивъ въ Швеціи монархическую власть низверженіемъ олигархіи, Густавъ мечталъ объ усиленіи и политическаго значенія своей страны: ему хотѣлось пріобрѣсти отъ Даніи Норвегію и обезпечить Шведскую Померанію, охваченную Прусскими владѣніями, отъ возможныхъ покушеній на нее Фридриха II. Того и другаго надѣялся онъ достигнуть съ содѣйствіемъ Россіи; при свиданіи съ Екатериной и ея наслѣдникомъ онъ надѣялся также сгладить недоразумѣнія, существовавшія между Россіей и Швеціей [55]). Будучи роднымъ племянникомъ Фридриха II по матери, Густавъ, однако, не обманывался на счетъ истинныхъ намѣреній своего захватчиваго дяди и надѣялся передать свои чувства къ нему и Павлу Петровичу. Тѣмъ сильнѣе было удивленіе Густава, когда онъ изъ устъ Павла услышалъ рѣчи, приличныя лишь страстному

если бы мѣсто, на которомъ выстроенъ Павловскъ, было подарено родителямъ Александра Павловича даже въ самый день его рожденія, т. е. 12 Декабря 1777 г., то построеніе Павловска ни въ какомъ случаѣ не могло начаться тотчасъ же, а между тѣмъ на обелискѣ въ память его основанія показанъ именно 1777 г. Поэтому онъ относитъ подарокъ Екатерины ко дню ангела цесаревича, 29 Іюня того же года. Однако Каратыгинъ упускаетъ изъ виду, что Шторхъ, находясь въ числѣ лицъ, окружавшихъ Марію Ѳеодоровну, зналъ о времени основанія Павловска, быть можетъ, даже отъ нея самой и во всякомъ случаѣ пользовался самыми точными свѣдѣніями. Наше предположеніе, кажется, примиряетъ оба мнѣнія, повидимому противорѣчивыя.

[54]) «*Павловскъ*» и проч., 11—13.

[55]) См. *Я. К. Грота*: «*Екатерина II и Густавъ III*». Спб. 1877.

Пруссаку. И когда король попробовалъ выяснить себѣ основанія столь неожиданной для себя привязанности цесаревича къ Пруссіи, то цесаревичъ сослался на родственныя чувства къ Фридриху. Естественно, что ни Густавъ, ни Павелъ не могли понять другъ друга: одинъ изъ царственныхъ собесѣдниковъ преслѣдовалъ цѣли, предписываемыя ему здравой національной политикой, считая, подобно Фридриху II, родственниками только тѣхъ, кто могъ бы быть ему полезенъ при достиженіи этихъ цѣлей, тогда какъ другой придерживался мечтательнаго, сентиментальнаго взгляда на международныя отношенія, воображая, будто народные интересы могутъ быть обезпечиваемы родственными связями государей. Павелъ не хотѣлъ понять, что въ этомъ случаѣ у государей имѣются обязанности повыше родственныхъ. Разговоромъ своимъ со Шведскимъ королемъ Павелъ Петровичъ остался видимо недоволенъ; но увѣренность въ правотѣ своихъ взглядовъ звучитъ въ каждомъ словѣ письма его къ Н. И. Панину, которому онъ поспѣшилъ сообщить разговоръ свой съ королемъ.

«Король, писалъ цесаревичъ, сталъ мнѣ говорить про родство и связь съ нами, говоря, что онъ знаетъ, кто его хотѣлъ съ Россіею поссорить и кто его непріятель первый. Попрося его, чтобы онъ мнѣ открылся, онъ мнѣ сказалъ, что то король Прусскій и что онъ завѣрно знаетъ, что иного не ищеть, какъ чтобъ отхватить Шведскую Померанію. Я ему на сіе отвѣтствовалъ, что если и предполагать оному королю намѣреніе большихъ пріобрѣтеній, то конечно не съ сей стороны, по малости и дурнотѣ земли въ сравненіи другихъ земель, его окружающихъ. Онъ, замолчавъ, мнѣ сказалъ, что онъ знаетъ хитрыя намѣренія сего государя и сколько онъ ненавидитъ его и что если бы до войны дошло, то онъ, конечно, оную схватитъ. Здѣсь я ему примѣтилъ, что сіе будетъ со всякимъ и что если бы онъ, король, съ нами воевалъ, то бы отнялъ у насъ Финляндію, еслибы удалось, а мы у него остатокъ оной. Сказалъ я ему, что можетъ быть не ненависть, а нѣкоторая недовѣрка къ нему, ибо, какъ-де вы и сами отозвались, вы были въ конекціи съ Франціей.—Нѣтъ-де, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, а онъ свои замыслы имѣетъ. На сіе я ему отвѣтствовалъ, что, не отнимая отъ него замысловъ его, я увѣренъ, что онъ злаго съ умысла не сдѣлаетъ и что можетъ быть я ошибаюсь по личной привязанности къ его дому и благодарности къ нему персональной, къ дому, какъ натуральному

нашему союзнику, а къ персонѣ по одолженіямъ, которыя я ему имѣю. Тутъ онъ съ жаромъ мнѣ сказалъ и покраснѣвъ: «Какой можетъ быть натуральный сей союзъ, puisque sa puissance est factice et qu'au bout du compte il n'est issu que de margrave de Brandenbourg?»—Je lui répondis à cela: «Et vous, sire, n'êtes-vous pas issu d'une famille particulière de Vasa» [56])?—Тутъ онъ замолчалъ, но спросилъ: Mais quelles sont ces obligations personnelles que j'avais, sinon l'accueil qu'il m'a fait?—Sire, lui répondis-je, l'intérêt particulier que le roi a toujours pris à moi et surtout lors de mes deux mariages. Les souverains et les princes sont hommes, sire. Malheur à ceux qui oublient les liaisons de sang et de reconnaissance qui les lient entre eux. Au bout de compte c'est mon parent, lui dis-je.—Et mon oncle, me dit-il, et je ne l'ai pas oublié» [57]). Тутъ разговоръ, упавъ на другое, кончился. Я раз-

---

[56]) «Его сила покоится на искусственномъ основаніи, и въ сущности онъ произошелъ только отъ маркграфа Бранденбургскаго».—Я отвѣчалъ ему на это: «Не произошли ли вы и сами, государь, изъ частнаго семейства Ваза?»

[57]) Но что это за личныя одолженія, сдѣланныя имъ вамъ, за исключеніемъ встрѣчи въ Берлинѣ? Государь, отвѣчалъ я, они заключаются въ томъ особенномъ участіи, которое принялъ онъ при заключеніи обоихъ моихъ супружествъ. Государи и принцы суть тѣ же люди. Горе тѣмъ изъ нихъ, кто забываетъ узы крови и благодарности, существующія между ними. Въ концѣ концовъ это мой родственникъ», говорю я ему.—«А мой дядя, сказалъ онъ, и я этого не забылъ».—Хуже всего было то, что Павелъ поспѣшилъ сообщить весь разговоръ этотъ самому Фридриху II чрезъ посланника его Гольца. Можно представить себѣ насмѣшливый восторгъ стараго короля! «On ne saurait être plus sensible», отвѣчалъ онъ Гольцу, «que je l'ai été à cette marque convainquante d'attachement et d'amitié qu il a plu au Grand Duc de me donner par la communication confidente de son entretien avec le roi de Suede. J'avoue que je ne me serais jamais attendu à voir pousser l'acharnement jusqu'au point ou ce Prince, mon propre neveu, se l'est permis. Mais j'ai tort de m'en etonner, puisque je connais son caractère; je sais de quoi il est capable et dans le fond je ne suis pas faché qu'il l'ait developpé dans cette scene et qu'il se soit donné à connaitre pour ce qu'il est. Ses rodomontances d'ailleurs ne m'assertent point, je les regarde avec la dernière indifference. Mais je ne saurais assez admirer l'esprit et la sagesse que S. A. I. a mis dans ses reponses et je suis surtout extrêmement touché de la bonté de son coeur qui l'engagé à combattre d'une maniére si victorieuse les calomnies de mon neveu. Comme je ne suis pas dans une correspondance reglée immediate avec ce dernier, il peut être assuré que je lui garderai ce secret le plus absolu et que mon frére Henri est le seul à qui sous la même condition je l'ai confié. Si l'occassion se présente de donner à S. A. I-le le Grand Duc et à M-me la Grande Duchesse son Epouse ces assurances; vous ne négligerez pas d'en profiter et d'ajouter

суждаю о семъ такъ, что хотѣлъ онъ меня пощупать и сентименты мои; но жаръ завелъ его далѣе, нежели онъ и самъ хотѣлъ, что̀ показываетъ великую étourderie. А можетъ быть, не хотѣлъ ли и понаговорить и чрезъ то меня отъ сего союза отклонить? Но какъ бы оно ни было, все сіе чести гостю не дѣлаетъ, даже и авантюрируясь въ такомъ разговорѣ; ибо онъ все зачиналъ и заставлялъ меня непріятные вынужденные отвѣты себѣ давать» [58]).

Разумѣется, что отпоръ, данный Павломъ Петровичемъ Шведскому королю, встрѣтилъ полное сочувствіе и со стороны его супруги, тѣмъ болѣе, что она предполагала въ Густавѣ намѣренія, враждебныя интересамъ ея семьи. Именно въ это время Марія Θеодоровна занята была мыслію женить молодого принца Петра Голштинскаго, находившагося подъ опекой Екатерины, на сестрѣ своей Фредерикѣ; молодой принцъ Петръ, считавшійся наслѣдникомъ дяди своего, герцога Ольденбургскаго, казался для Маріи Θеодоровны желаннымъ женихомъ для ея сестры и по нравственнымъ своимъ качествамъ, такъ какъ онъ воспитанъ былъ въ строгихъ Нѣмецкихъ правилахъ, въ духѣ Монбельярскаго семейства. Для успѣха задуманнаго сватовства нужно было, однако, заручиться согласіемъ Императрицы, что́, при вниманіи, которое оказывала невѣсткѣ Екатерина, и при содѣйствіи Панина, казалось нетруднымъ. Пріѣздъ Густава грозилъ разрушить эти планы, въ виду слуховъ, что король желалъ пристроить за принца Голштинскаго свою сестру. «Ради всего на свѣтѣ умоляю васъ, дорогой графъ», писала Марія Θеодоровна послѣ пріѣзда Густава Н. И. Панину, «устройте дѣла такъ, чтобы надежда моя могла возродиться. Этимъ вы безконечно и навсегда меня обяжете» [59]). Кажется, однако, что эти опасенія великой княгини не имѣли основанія, и по отъѣздѣ Шведскаго короля ей оставалось только радоваться, что его намѣреніе возстановить Павла Петровича противъ Пруссіи не увѣнчалось успѣхомъ. «Думаете ли вы, писала

---

que de mon coté je n'oublierai jamais cette nouvelle preuve signalée et frappante de leur amitié et de leur tendre attachement et que je saisirai avec empessement toutes les occasions qui se présenteront pour leur rendre la pareille et leur en marquer ma juste et parfaite reconnaissance». *Госуд. Арх.*, XV, 242.

[58]) *Р. Арх.*, 1882 г., I, стр. 384—385.

[59]) Тамъ же, 398.

она Панину, что король Шведскій имѣлъ только въ виду поссорить нашъ дворъ съ дворомъ Прусскимъ? Нужно признаться, что это намѣреніе короля не доставило мнѣ большаго удовольствія; но я надѣюсь, что его совѣты не будутъ имѣть большаго вліянія» [60]).

Эта переписка великаго князя и его супруги съ графомъ Н. И. Панинымъ ясно показываетъ, какое полное единомысліе и взаимное довѣріе царствовало среди этого политическаго тріумвирата, и Марія Ѳеодоровна впервые явилась оберегательницей при дворѣ Екатерины интересовъ родной своей семьи и Пруссіи.

Въ началѣ Сентября молодой дворъ долженъ былъ переѣхать изъ Царскаго Села обратно въ Петербургъ. Переѣздъ этотъ возбуждалъ, однако, тревогу въ молодыхъ супругахъ и какое-то смутное опасеніе за будущее. «Признаюсь вамъ», писала Марія Ѳеодоровна въ деньсвоего отъѣзда, 9-го Сентября, графу Панину: «я покидаю Царское Село съ живѣйшимъ чувствомъ сожалѣнія. Воздухъ свободы, которымъ дышатъ тамъ, принесъ мнѣ благо, котораго я не сумѣю выразить; онъ былъ также полезенъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи и для великаго князя. И мы бросаемъ все это, чтобы на восемь мѣсяцевъ заключиться въ городѣ! Вы знаете, любезный графъ, какъ мы тамъ стѣснены: предоставляемъ вамъ самимъ судить, безпокоитъ ли насъ перспектива стѣсненія въ теченіе восьми мѣсяцевъ, послѣ того какъ мы наслаждались достаточной долей свободы цѣлыхъ четыре мѣсяца. Конечно, я чрезвычайно люблю нашъ добрый, хорошій Петербургъ, и я такъ же охотно жила бы въ немъ, какъ и здѣсь, если бы мы могли жить тамъ немножко свободнѣе, но, увы, вы знаете лучше меня, что̀ происходитъ на самомъ дѣлѣ. Въ особенности, любезный графъ, пожалѣйте обо мнѣ: вы знаете, что ожидаетъ меня въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Не знаю отчего, но я крайне боюсь этого времени, хотя затрудняюсь объяснить это. Вы меня спросите, боюсь ли я

---

[60]) Тамъ же, 388—389. «La politique du grand duc», доносилъ *Гаррисъ* 1 Октября 1778 г., «est présentement prussienne comme elle était autrefois (при Наталіи Алексѣевнѣ) française; et, à moins qu'il ne change, il se rendra aussi ridicule par sa prédilection pour le roi de Prusse qui l'etait son père (Pierre III). Son voyage à Berlin, les leçons du comte Panin et la partialité de la grande duchesse pour sa propre famille l'entretiennent dans cette manière de voir». *La Cour de Russie il y a cent ans*, 320.

умереть? Нѣтъ, потому что я хорошо сложена, крѣпка и совершенно здорова; эти три условія внушаютъ мнѣ надежду на самые счастливые роды. Стало-быть, это не боязнь, но что-жъ это? Шесть мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, вся обстановка (ensemble), наконецъ, заставляютъ меня трепетать. Побраните меня, любезный графъ, я этого заслуживаю; я чувствую, что я смѣшна; но я всегда предъ вами такова, какова на самомъ дѣлѣ. Увы, съ полнымъ довѣріемъ я могу относиться только къ великому князю и къ вамъ; такимъ образомъ, я вполнѣ отдаюсь на вашъ судъ. Ахъ, пусть вы будете бранить меня, но я умираю отъ страха за будущее. Великій князь боится зимы такъ же, какъ и я. Это еще болѣе усиливаетъ мою скорбь, и когда онъ высказываетъ мнѣ свое опасенія, я пытаюсь рисовать ему все въ розовыхъ краскахъ» [61]). Отсюда видно, что главной причиною тревожнаго настроенія молодыхъ супруговъ было состояніе здоровья великой княгини, нуждавшейся въ это время въ особомъ вниманіи и попеченіи со стороны близкихъ ей лицъ; живо представлялись также воображенію молодой четы всѣ неудобства, соединенныя съ безпокойнымъ для нихъ жительствомъ въ Зимнемъ дворцѣ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина на этотъ разъ готова была сдѣлать все возможное, чтобы успокоить и ободрить свою невѣстку. Притомъ осень 1777 года была даже для Петербурга бурна и ненастна; въ ночь съ 9 на 10 Сентября, чрезъ нѣсколько часовъ по прибытіи въ столицу молодой четы изъ Царскаго Села, Петербургъ постигло страшное наводненіе, стоившее жизни многимъ жителямъ столицы.

Почти не принимая, благодаря своему положенію, обычнаго участія въ жизни двора, Марія Θеодоровна раздѣляла заботы своего супруга о воспитаніи будущаго ихъ ребенка; въ разговорахъ о томъ проходило, вѣроятно, все свободное время супруговъ, такъ какъ во всѣхъ письмахъ своихъ за это время къ Платону Павелъ только и говорилъ о «новыхъ, возложенныхъ на него отъ Бога должностяхъ» [62]). «Стараться буду», писалъ онъ ему, «вяще заслужить ваше доброе о себѣ мнѣніе, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ чрезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякій въ

[61]) Тамъ же, 399—400.

[62]) *Русск. Арх.* 1887, II, 12.

ономъ долженъ, а особливо каждый въ моемъ мѣстѣ находящійся. Помолитесь о мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ»[63]). «Признаюсь», писалъ онъ въ то же время своему тестю, «я часто бываю въ тревогѣ, какъ только подумаю о первомъ времени дѣтства своего будущаго ребенка, будучи совершенно лишенъ опытности въ этомъ отношеніи. Вопросъ, хотя и отдаленный, о его воспитаніи затрудняетъ меня не менѣе, при моей молодости и ничтожной подготовкѣ. Впрочемъ, и въ этомъ я всецѣло полагаюсь на волю Провидѣнія. Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ изъ людей, если бы не сдѣлалъ этого, въ особенности послѣ того, какъ съ самаго младенчества и до сихъ поръ я былъ очевидно руководимъ Имъ»[64]). Такъ серьезно смотрѣлъ Павелъ на будущія свои родительскія обязанности. Будучи отстраняемъ отъ управленія государствомъ, являясь при дворѣ только на парадныя торжества, изнывая въ тоскѣ и бездѣйствіи, цесаревичъ разсчитывалъ весь жаръ своего сердца, всѣ скованныя бездѣйствіемъ способности ума своего отдать семьѣ и въ дѣтяхъ найти себѣ утѣшеніе; о томъ же мечтала и Марія Ѳеодоровна, счастливая тѣмъ, что въ мысляхъ мужа видѣла отголосокъ своихъ собственныхъ думъ и чувствъ. Но судьба и здѣсь готовила супругамъ жестокій ударъ: по мысли Екатерины, дѣти ихъ (какъ и справедливо) принадлежали не имъ, а государству. Будучи увѣрена въ томъ, что ея сынъ и невѣстка неспособны воспитать будущаго *Русскаго* государя, она считала своимъ правомъ и обязанностью взять его воспитаніе на себя, вовсе не стѣсняясь тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ на родителей это лишеніе ихъ естественныхъ правъ. Изъ писемъ Павла Петровича видно, однако, что ни онъ, ни его супруга даже и не предполагали возможности подобной мѣры со стороны императрицы, которая, въ свою очередь, до поры до времени не считала удобнымъ высказываться.

Приближеніе родовъ Марія Ѳеодоровна почувствовала въ Понедѣльникъ, 11 Декабря, въ семь часовъ утра; а на другой день, 12 Декабря, въ одиннадцать часовъ утра, послѣ получасовыхъ страданій, у нея родился сынъ, будущій императоръ

---

[63]) Тамъ же.

[64]) Письмо Павла Петровича принцу Фридриху-Евгенію отъ 10 (21) Октября 1777 г. *Государственный Архивъ*, IV, 205.

Александръ Павловичъ Имя дано ему въ честь Александра Невскаго, святаго, народнаго для Россіи и для Петербурга въ особенности [65]). Обрадованная рожденіемъ внука, императрица тогда же подарила Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ по 100 тысячъ рублей и исполнила давнее желаніе родильницы назначеніемъ ея отцу ежегодной пенсіи. «Вы, писалъ ему 13 Декабря Павелъ Петровичъ, виновникъ радости всей Россіи въ виду того участія, которое весь народъ принимаетъ въ совершившемся событіи, отъ котораго нѣкоторымъ образомъ зависитъ и его благосостояніе» [66]).

О рожденіи великаго князя дано было знать Петербургу 201 пушечнымъ выстрѣломъ, а вечеромъ 12-го же Декабря всѣ «знатныя и придворныя особы» приносили державной бабушкѣ поздравленія. Крещеніе Александра Павловича совершено было съ обычною пышностію 20 Декабря; воспріемниками царственнаго младенца были заочно императоръ Германскій Іосифъ II и король Прусскій Фридрихъ II. Императрица и ея роскошные вельможи чествовали счастливое для Россіи событіе цѣлымъ рядомъ великолѣпныхъ праздниковъ и народныхъ увеселеній: рожденіемъ Александра Павловича обезпечивалось престолонаслѣдіе.

Пока шли эти придворныя и народныя торжества, Марія Θеодоровна испытывала крайнюю слабость и въ теченіе двухъ недѣль не могла оставить постели [67]).

---

[65]) Въ письмахъ своихъ къ Гримму Екатерина, любившая занятія по Русской Исторіи, часто старалась выяснить ему высокую личность и заслуги для Россіи этого древняго Русскаго князя. *Сборникъ*, XXIII, по указателю.

[66]) Письмо отъ 13 (24) Декабря. *Госуд. Арх.*, IV, 205.—О денежномъ подаркѣ Екатерины великокняжеской четѣ см. «*Письма гр. Румянцовой*», 233. Замѣчательно, что Павелъ Петровичъ счелъ нужнымъ, увѣдомляя принца объ обѣщаніи Екатерины относительно пенсіи, прибавить съ своей стороны: «C'était le moins que nous Vous désirons. Je pris Votre Altesse de ne pas en faire mention ici jusqu'à cela ne soit publié en aucune facon, parce que cela pourrait me compromettre». Ср. стр. 121 нашего труда, примѣчаніе 48.

[67]) Письмо Маріи Θеодоровны Вольцогену 30 Сентября 1805 г. *Маріинскій Арх.*, бумаги импер. Маріи Θеодоровны, св. № 294.

V.

Заботы Екатерины II о физическомъ воспитаніи Александра Павловича и результаты этого воспитанія — Заботы Маріи Θеодоровны о ея Монбельярской семьѣ.—Бракъ принца Петра Ольденбургскаго съ принцессой Фредерикой.— Разладъ въ Монбельярской семьѣ и примирительная роль Маріи Θеодоровны.— Рожденіе великаго князя Константина Павловича.—Созиданіе Павловска.— Принцъ Фридрихъ Виртембергскій.—Г-жа Бенкендорфъ и Клингеръ.—Поворотъ во внѣшней политикѣ Екатерины.—Пріѣздъ въ Петербургъ Іосифа II и его сношенія съ Маріей Θеодоровной.—Дѣйствія Фридриха II.—Мысль о поѣздкѣ великокняжеской четы за границу.

Послѣ рожденія великаго князя Александра Павловича духовная связь Маріи Θеодоровны съ новымъ ея отечествомъ окончательно окрѣпла. Молодая мать будущаго Русскаго императора съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія видѣла вокругъ себя всеобщій восторгъ, вызванный счастливымъ событіемъ въ ея семейной жизни, и не могла не сознавать всей важности этого событія для Россіи: имъ обезпечивался порядокъ престолонаслѣдія, будущность династіи. «Я очень счастлива», писала она 24 Января 1778 г. Московскому первосвятителю Платону, «что, по волѣ Всевышняго, исполнились чрезъ меня чаянія дражайшаго нашего отечества. Такое благодѣяніе Божіе признаю я съ благодарностію и чувствую не менѣе радости, въ которой вы столь искренно участвуете» [1]).

Полное выздоровленіе великой княгини, чрезъ сорокъ дней послѣ разрѣшенія отъ бремени [2]), вновь дало поводъ къ цѣлому ряду затѣйливыхъ и великолѣпныхъ придворныхъ и народныхъ празднествъ, данныхъ державной бабушкой новорожденнаго и ея вельможами. «До поста осталось какихъ-нибудь двѣ недѣли», писала Екатерина Гримму 2 Февраля 1778 г., «а

---

[1]) *Р. Арх.* 1887, II, 279.

[2]) *Камеръ-фурьерскій журналъ 1778 г.*

между тѣмъ у насъ будетъ одиннадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена» [3]). Участвуя во всѣхъ этихъ празднествахъ, счастливая супруга и мать еще не знала, безъ сомнѣнія, что ей не дано будетъ возможности окружить своими материнскими попеченіями колыбель своего первенца: Екатерина, принявъ на себя первоначальныя заботы о давно желанномъ внукѣ, выразила намѣреніе взять и дальнѣйшее его воспитаніе исключительно въ свои руки. Неодобрительно отзываясь о физическомъ и нравственномъ воспитаніи Павла Петровича, Екатерина желала сама руководить воспитаніемъ Александра Павловича, въ надеждѣ видѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Вліяніе на Александра Павловича его родителей могло только, по взгляду Екатерины, мѣшать этой цѣли, и поэтому она уже въ Мартѣ 1778 г. высказывала мысль, что Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна являются препятствіемъ въ исполненіи задуманнаго ею воспитательнаго плана [4]).

Если бы не существовало этого намѣренія Императрицы совершенно лишить сына и невѣстку ихъ естественнаго права имѣть надзоръ за воспитаніемъ сына, то Марія Өеодоровна, равно какъ и супругъ ея, при сознаніи своей неподготовленности въ воспитательномъ отношеніи, могли бы только радоваться, разумѣется на первое время, заботамъ просвѣщенной государыни о ихъ первенцѣ: Екатерина приступила къ дѣлу физическаго воспитанія своего внука во всеоружіи и научныхъ знаній, и опытности. Будучи горячей поклонницей просвѣтительнаго движенія, охватившаго тогда западную Европу, и въ совершенствѣ знакомая съ современными теоріями воспитанія, императрица, слѣдуя Локку и Руссо, желала прежде всего закалить здоровье своего внука и пріучить его къ перенесенію разнаго рода невзгодъ. Болѣзненное сложеніе Павла Петро-

---

[3]) *Сборникъ*, XXIII, 77 «Toutes nos têtes, писала Екатерина Гримму въ послѣдній день масляницы, 18 Февраля: «sont renversées par la multitude des fêtes, des bals, des mascarades, des comédies, opéras, sérieux et bouffons, en un mot, nos cervelles sont renversées, je le répète». Тамъ же, 81. Подробности этихъ празднествъ можно найти въ *Камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1778 г.*, въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* того же времени, а также въ письмахъ Екатерины къ Гримму, въ *Р. Архивѣ* 1878, III, 43—46.

[4]) *Сборникъ*, XXIII, 83.—*Р. Арх.*, 1878, III, 46, примѣчаніе издателя.

вича, его нервную чуткость и раздражительность, Екатерина не безъ основанія приписывала разслабляющему дѣйствію нѣжнаго, тепличнаго ухода за нимъ нянюшекъ и старушекъ подъ руководствомъ императрицы Елисаветы Петровны. «Какъ только господинъ Александръ родился», писала Екатерина въ 1778 г. Густаву III-му, «я взяла его на руки и послѣ того, какъ его вымыли, унесла въ другую комнату, гдѣ и положила его на большую подушку. Его обвернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, какъ посылаемая при семъ кукла. Когда это было сдѣлано, то господина Александра положили въ корзину (гдѣ кукла), чтобы женщины не имѣли никакого искушенія его укачивать; эту корзину я поставила за ширмами, на канапе. Устроенный такимъ образомъ господинъ Александръ былъ переданъ генеральшѣ Бенкендорфъ [5]); въ кормилицы ему была поставлена жена садовника изъ Царскаго Села. Послѣ крещенія своего онъ былъ перенесенъ на половину его матери, въ назначенную для него комнату. Это обширная комната, посреди которой расположенъ на четырехъ столбахъ и прикрѣпленъ къ потолку балдахинъ, и занавѣски, подъ которыми поставлена кровать господина Александра, окружены баллюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы—за спинкой балдахина. Комната обширна для того, чтобы воздухъ могъ обращаться свободнѣе вокругъ балдахина и занавѣсокъ. Баллюстрада препятствуетъ приближаться къ постели ребенка многимъ особамъ за-разъ; скопленіе народа въ комнатѣ избѣгается, и не зажигается болѣе двухъ свѣчей, чтобы воздухъ вокругъ него не былъ слишкомъ душенъ; маленькая кровать господина Александра (такъ какъ онъ не знаетъ ни люльки, ни укачиванія) желѣзная, безъ полога; онъ спитъ на кожаномъ матрасѣ, покрытомъ простынею, у него есть подушечка и легкое Англійское одѣяло; всякія оглушительныя заигрыванія съ нимъ избѣгаются, но въ комнатѣ всегда говорятъ громко, даже во время его сна. Тщательно слѣдятъ, чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался никогда свыше 14 и 15 градусовъ тепла. Каждый день, когда выметаютъ въ его комнатѣ, ребенка выносятъ въ другую, а въ спальнѣ его открываютъ окна для возобновленія воздуха; когда комната согрѣется,

[5]) Софьѣ Ивановнѣ, урожденной Левенштернъ, вдовѣ Ревельскаго коменданта, бабкѣ графа А. Х. Бенкендорфа.

господина Александра снова приносятъ въ его комнату. Съ самаго рожденія его пріучили къ ежедневному обмыванію въ ваннѣ, если онъ здоровъ»... [6]).

Изъ этихъ строкъ Екатерины видно, съ какой любовію она съ самаго начала входила во всѣ подробности физическаго воспитанія своего старшаго внука. Примѣняя основанія разумной философской педагогики XVIII в. къ мѣстнымъ условіямъ Петербургскаго климата, державная бабушка спѣшила освоить съ ними своего питомца. «Какъ только воздухъ весною сдѣлался сноснымъ», разсказываетъ она далѣе, «то сняли чепчикъ съ головы Александра и вынесли его на воздухъ. Мало по-малу пріучили его сидѣть на травѣ и на землѣ безразлично, и даже спать тутъ нѣсколько часовъ въ тѣни въ хорошую погоду; тогда кладутъ его на подушку, и онъ отлично отдыхаетъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ и не терпитъ на ножкахъ чулокъ, и на него не надѣваютъ ничего такого, чтò могло бы малѣйше стѣснить его въ какой-нибудь части тѣла... Любимое платьице его, это—очень хорошенькая рубашечка и маленькій, вязаный, очень широкій жилетикъ; когда его выносятъ гулять, то сверхъ этого надѣваютъ на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Онъ не знаетъ простуды; онъ толстъ, великъ и веселъ» [7]).

Повидимому, воспитаніе Александра Павловича въ первые годы его младенчества не оставляло желать ничего лучшаго, тѣмъ болѣе, что выполненіе предначертаній Екатерины попало въ надежныя руки г-жи Бенкендорфъ. Въ особенности удаченъ былъ выборъ няни. Это была жена камердинера великаго князя, Прасковья Ивановна Гесслеръ, родомъ Англичанка. Лагарпъ, которому впослѣдствіи поручено было принять Александра какъ бы изъ ея рукъ, отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ. «Прасковья Ивановна», писалъ онъ въ 1796 г., «женщина рѣдкихъ достоинствъ: будучи приставлена въ качествѣ няни, она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомцу, который вполнѣ цѣнитъ это и питаетъ къ ней благоговѣйное уваженіе, дѣлающее честь имъ обоимъ» [8]). Безъ со-

---

[6]) *Сборникъ*, XXVII, 148—149. Екатерина сообщила эти подробности Густаву послѣ того, какъ у него родился сынъ (Густавъ IV-й).

[7]) Тамъ же, 149—150.—[8]) *М. И. Сухомлиновъ*: «Изслѣдованія и статьи по Русской литературѣ и просвѣщенію», II, 64.

мнѣнія, именно г-жѣ Гесслеръ Александръ обязанъ былъ въ значительной степени своими привычками къ порядку, простотѣ и опрятности.

При всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ, первоначальное воспитаніе Александра Павловича не было вполнѣ безупречно: желаніе Екатерины пріучить ребенка къ пушечнымъ выстрѣламъ отозвалось на неокрѣпшемъ еще слуховомъ нервѣ маленькаго великаго князя, который остался навсегда глухъ на правое ухо; дѣтскимъ языкомъ будущаго Русскаго государя, ввѣреннаго попеченіямъ няни-Англичанки, сдѣлался языкъ Англійскій, а не отечественный, на которомъ Александръ Павловичъ и впослѣдствіи затруднялся долго вести серьезную бесѣду. Но эти недостатки воспитанія царственнаго мальчика не обращали на себя вниманія современниковъ, и Екатерина впослѣдствіи хвалила воспитаніе, которое получилъ ея внукъ въ годы младенчества. «Если у него родится сынъ», говорилъ Екатерина, «и тою же Англичанкою воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола Россійскаго утверждено на сто лѣтъ. Какая разница между воспитаніемъ его и отцовскимъ!» [9]). Въ этомъ отзывѣ императрицы слышится также удовлетворенная гордость женщины, съ любовью и необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдившей изо дня въ день за физическимъ и нравственнымъ развитіемъ своего старшаго внука [10]).

Устраняемая отъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ заботъ по воспитанію своего первенца, Марія Ѳеодоровна всѣ досуги свои употребляла на пополненіе своего образованія. Занимаясь со страстью музыкой, рисованіемъ и рѣзьбой по кости и дереву, молодая великая княгиня сочла также необходимымъ расширить, подъ наблюденіемъ извѣстнаго Эпинуса, кругъ своихъ познаній по математикѣ и физикѣ и, кромѣ того, продолжала брать уроки Русскаго языка у Пастухова; къ этому присоедини-

---

[9]) *Дневникъ Храповицкаго*, 434.

[10]) Это подтверждается письмами Екатерины къ Гримму, гдѣ находится множество мелкихъ, но очень важныхъ для біографіи Александра свѣдѣній. *Сборникъ*, т. XXIII. Разумѣется, что и ребенокъ, находившійся болѣе въ обществѣ бабушки, чѣмъ отца и матери, привыкъ къ ней гораздо болѣе, чѣмъ къ родителямъ. «Я не видала Александра четыре дня», писала Екатерина Гримму 5 Іюля 1779 г.: «и мнѣ было его испорти[illegible] лено къ полнѣйшему удовольствію папеньки и мамень[illegible] которые не знали, какъ съ нимъ справиться». Та[illegible]

лось еще изученіе географіи Россіи, руководимое С. И. Плещеевымъ, составившимъ для великой княгини напечатанное впослѣдствіи «Обозрѣніе Россійской Имперіи» [11]). Къ сожалѣнію, занятія Маріи Θеодоровны Русскимъ языкомъ, который вообще нелегко усваивается иностранцами, не могли быть особенно успѣшны при господствѣ въ нашемъ высшемъ обществѣ Французскаго языка и презрѣніи къ употребленію отечественнаго, не представлявшаго тогда интереса и въ образовательномъ отношеніи, при скудости Русской литературы того времени. Притомъ по духу своему и по связямъ съ Германіею, Марія Θеодоровна вообще, не могла обрусѣть въ такой степени, какъ Екатерина II-я, привезенная въ Россію 14 лѣтъ отъ роду и вслѣдъ затѣмъ порвавшая всякія личныя отношенія свои къ Нѣмецкимъ родственникамъ и Нѣмецкому отечеству. Панегиристъ Маріи Θеодоровны и землякъ ея, Массонъ, знавшій ее даже императрицею, писалъ о ней: «Марія Θеодоровна не льстила Русскимъ, какъ Екатерина, усвоеніемъ ихъ нравовъ, языка и предразсудковъ. Она не хотѣла снискивать уваженія этого народа, показывая презрѣніе къ своему отечеству и краснѣя за свое происхожденіе; но она внушила къ себѣ любовь своею добротою и уваженіе своими добродѣтелями» [12]). Ложная точка зрѣнія, съ которой часто смотрѣлъ на вещи довольно правдивый въ изложеніи фактовъ Массонъ, конечно, не требуетъ опроверженія; важнѣе для насъ его свидѣтельство какъ современника, близко знавшаго Марію Θеодоровну, что ея отчужденіе отъ окружавшей ее Русской жизни поддерживалось постоянными сношеніями съ горячо-любимой Германской семьей. «У Маріи Θеодоровны, говоритъ Массонъ, всегда лежитъ на сердцѣ память о ея многочисленныхъ родственникахъ. Переписка съ ними заставляетъ ее переживать самые счастливые часы въ ея жизни; раздѣлять свое счастье съ тѣми, кого она любитъ, значитъ для нея удваивать его» [13]). Этимъ замѣчаніемъ Массона объ особенности внутренной жизни Маріи Θеодоровны въ позднѣйшій періодъ ея жизни легко измѣрить значеніе для нея переписки съ Германскими своими

---

[11]) *Кобеко*, 165.

[12]) *Masson*: Mémoires secrets, I, 267.

[13]) Тамъ же. «Bien loin d'oublier sa patrie et ses parens», прибавляетъ Массонъ, l'éclat qui l'environne, l'espace qui l'en separe, ne servent qu'à rendre plus vifs encore son amour et sos souvenirs.

родственниками въ первые годы пребыванія въ Россіи, когда молодая великая княгиня лишена была какой бы то ни было возможности проявить особую дѣятельность не только на поприщѣ общественномъ, но даже въ кругу своихъ дѣтей. Переселеніе въ Россію при той обстановкѣ, въ какой поставлена была первоначально жизнь Маріи Θеодоровны, не могло дать ни новой пищи для ея умственной жизни, ни новаго направленія ея чувствамъ, создавъ новыя и ослабивъ старыя привязанности. Неудивительно, поэтому, что, при вынужденномъ бездѣйствіи въ новомъ своемъ отечествѣ, молодая великая княгиня продолжала жить одною жизнію съ Монбельярскимъ семействомъ, какъ было это во время пребыванія ея въ Этюпѣ и Монбельярѣ, и стремилась воскресить для себя дорогія воспоминанія недалекаго прошлаго. Вотъ почему, говоря о дѣятельности Маріи Θеодоровны въ первые годы по пріѣздѣ ея въ Россію, мы почти исключительно будемъ имѣть дѣло съ событіями, имѣвшими прямое или косвенное отношеніе къ Германскому семейству Русской великой княгини. Но понятно, что внутренняя жизнь Маріи Θеодоровны была совершенно закрыта для посторонняго наблюдателя, тайныя сношенія ея съ родиной производились съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, и державная свекровь, обманутая наружнымъ спокойствіемъ и бездѣятельностію великой княгини, повидимому имѣла полное основаніе слѣдующимъ образомъ характеризовать ее въ письмѣ къ Гримму отъ 8 Іюня 1778 г.: «Она держитъ себя прямо, заботится о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣстъ за четверыхъ, благоразумно выбираетъ книги для чтенія; изъ такихъ, какъ она, выходятъ въ концѣ концовъ отличныя гражданки для какой хочешь страны» [14]).

Увѣренная въ чистотѣ намѣреній и покорности своей невѣстки, Екатерина измѣнила даже свой образъ дѣйствій по отношенію къ ней, дозволивъ, уже въ 1778 г., многимъ иностранцамъ пріѣзжать въ Россію по ея рекомендаціи. Этимъ правомъ пользовались иногда родители и друзья Маріи Θеодоровны, поручая ея вниманію разнаго рода лицъ, искавшихъ

[14]) *Сборникъ*, XXIII, 92. Наружное спокойствіе Маріи Θеодоровны въ это время свидѣтельствуетъ о пріобрѣтенномъ ею уже самообладаніи, такъ какъ именно въ теченіе 1778 г. при Петербургскомъ дворѣ происходилъ цѣлый рядъ интригъ и сценъ, возмущавшихъ нравственное чувство молодой великой княгини. *La Cour de Russie*, 325—338.

счастія въ Россіи [15]). Изъ иностранцевъ, прибывшихъ ко двору Павла Петровича и Маріи Өеодоровны въ 1778 г., особенное вниманіе великой княгини обращалъ на себя, безъ сомнѣнія, нѣкто Шацъ. Онъ, по извѣстію современника, былъ побочнымъ сыномъ герцога Фридриха-Евгенія [16]) и, по его просьбѣ [17]), принятъ былъ Павломъ Петровичемъ въ кирасирскій полкъ цесаревича.

Первые годы по пріѣздѣ своемъ въ Россію Марія Өеодоровна въ особенности занята была положеніемъ многочисленной семьи своей, оставшейся на родинѣ. Изъ восьми братьевъ ея трое: Фридрихъ, Людвигъ и Евгеній, находились на Прусской военной службѣ, пользуясь при этомъ протекціей своей Русской сестры; но оставалось еще позаботиться о меньшихъ 5 братьяхъ: Вильгельмѣ, Фердинандѣ, Карлѣ, Александрѣ и Генрихѣ. Всѣ они, приходя постепенно въ возрастъ, нуждались въ предстательствѣ великой княгини для возможно-лучшаго помѣщенія ихъ на службу въ томъ или другомъ государствѣ. Но особеннаго вниманія Маріи Өеодоровны требовала будущая участь двухъ младшихъ сестеръ ея: Фредерики и Елисаветы, изъ которыхъ старшей въ 1778 г. исполнилось 13 лѣтъ, а младшей 11. Правда, бѣдность Монбельярскаго принца извѣстна была всѣмъ въ то время; но Монбельярская семья, по связямъ своимъ съ Россіей, уже пріобрѣла политическое значеніе, и брака съ сестрами Русской великой княгини стали домогаться представители важнѣйшихъ цар-

---

[15]) *Oberkirch*, I, 88, 107—108. Письма Павла Петровича и Маріи Өеодоровны къ Фридриху-Евгенію. *Госуд. Арх.*, IV, 205.

[16]) *Кн. И. М. Долгорукій*: Капище моего сердца, Изданіе *Бартенева*, 9.— Долгорукій называетъ его своднымъ братомъ МаріиӨеодоровны.

[17]) Письмо герцога Фридриха-Евгенія Павлу Петровичу. *Госуд. Арх.*, IV, 205. Къ сожалѣнію, объ этомъ родственникѣ Маріи Өеодоровны, случайно занесенномъ судьбою въ Россію, сохранилось мало точныхъ свѣдѣній. Вступивъ нѣсколько лѣтъ спустя по прибытіи своемъ въ Россію въ бракъ съ фрейленой своей сводной сестры Аксаковой (*Долгорукій*, см. выше), Шацъ, бывшій тогда уже ротмистромъ кирасирскаго полка его высочества, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, не игралъ никогда замѣтной роли при дворѣ. Но при вступленіи своемъ на престолъ Павелъ I жалуетъ полковнику Өеодору (Фридриху?) Шацу свыше 500 душъ въ Петербургской губерніи (*Сенатскій Архивъ*. I. Именные указы императора Павла, 11, 23), а 16 Марта 1799 г. жалуетъ капитана отъ замка коллежскаго совѣтника Шаца въ статскіе совѣтники (тамъ же, 507). Марія Өеодоровна постоянно оказывала свое благоволеніе Шацу и его семейству и часто, даже будучи императрицей, посѣщала его запросто.

ствующихъ домовъ Европы. Впрочемъ, служить предметомъ соискательствъ, быть жертвою многолѣтнихъ и разнообразныхъ политическихъ интригъ и комбинацій, довелось лишь малолѣтней принцессѣ Елисаветѣ. Мы уже видѣли, что 13-лѣтнюю Фредерику Марія Өеодоровна еще въ 1777 году предназначила въ супруги принцу Петру Голштинскому и готовилась противодѣйствовать королю Шведскому Густаву III, которому молва не безъ основанія приписывала желаніе женить принца на своей сестрѣ. Этотъ выборъ Маріи Өеодоровны оправдывался какъ личными качествами принца Петра, такъ и его положеніемъ въ качествѣ коадъютора Любскаго: герцогъ Петръ долженъ былъ наслѣдовать дядѣ своему, владѣтельному герцогу Фридриху Ольденбургскому [18]).

Сынъ двоюроднаго брата Екатерины, герцога Голштинскаго († 1763 г.), воспитанный подъ ея руководствомъ и находившійся въ сущности въ полной отъ нея зависимости, принцъ Петръ (р. 1755 г.), принадлежа къ младшей линіи Голштинскаго дома, не могъ не сообразоваться съ желаніями и Павла Петровича, бывшаго главою этого царственнаго дома. Въ вопросѣ о бракѣ принцу Голштинскому приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Къ счастію его, Императрица, будучи хорошаго мнѣнія о характерѣ и умѣ его [19]), и не думала стѣснять его выбора, хотя и желала въ душѣ, чтобы супругой его сдѣлалась дочь принца Фердинанда Брауншвейгскаго, принцесса Августа, которую въ письмахъ своихъ къ Гримму она называетъ Зельмирой. Во время путешествія принца по Германіи въ 1778 г. Екатерина писала Гримму 25 Декабря: «Коадъюторъ имѣетъ теперь видъ самаго важнаго лица въ Германіи. Всѣ принцессы на возрастѣ, а также ихъ родители, смотрятъ на него, какъ на завиднаго жениха; при всей своей спеси, они имѣютъ хорошее чутье. Король Шведскій ищетъ его для своей сестры, великая княгиня для своей, вы также говорите о немъ (Гриммъ предлагалъ въ невѣсты принцессу Зельмиру). Скажу вамъ откровенно, что ваши предложенія нравятся мнѣ болѣе всего, потому что я чрезвычайно уважаю наслѣднаго принца Брауншвейгскаго (отца Зельмиры). Но я никогда не стану стѣснять выбора

---

[18]) Свѣдѣнія о жизни принца Петра до вступленія въ бракъ собраны у *Кобеко*, 244—246.

[19]) *Сборникъ*, XXIII, 104, 113, и XIII, 21, 93.

принца-коадъютора, который, я думаю, уже сдѣлалъ, по наущенію глупыхъ стариковъ (les perruques), нѣкоторый родъ предложенія принцессѣ Виртембергской» [20]).

Императрица не ошиблась. Свободный съ одной стороны принцъ Петръ не могъ не пойти на встрѣчу желанію великой княгини и тѣмъ тѣснѣе закрѣпить выгодную для себя связь съ Россіей и ея будущимъ государемъ, главою Ольденбургскаго дома; роль «глупаго старичка» по отзыву Екатерины, игралъ въ этомъ дѣлѣ завѣдывавшій одно время воспитаніемъ принца Петра графъ Н. И. Панинъ, которому Марія Ѳеодоровна довѣрила свое намѣреніе еще годъ тому назадъ. Сближеніе принца Петра съ Монбельярскимъ семействомъ началось лѣтомъ 1778 года. Обѣ стороны произвели другъ на друга наилучшее впечатлѣніе; при ближайшемъ знакомствѣ принцъ Петръ пріобрѣлъ уваженіе принцессы Доротеи, возбудилъ къ себѣ привязанность будущей своей невѣсты и, въ свою очередь, не остался равнодушенъ къ ея развивавшейся красотѣ. «Я скажу вамъ», писала принцесса-мать Маріи Ѳеодоровнѣ въ Іюлѣ 1778 года, «все, что̀ могу сказать по этому предмету. Я нашла этого молодого человѣка серьезнымъ, разсудительнымъ, просвѣщеннымъ и исполненнымъ желанія пріобрѣсти еще болѣе широкій кругъ знаній. Что̀ мнѣ доставляетъ особое удовольствіе, это—его основательный образъ мыслей и деликатность, которую онъ проявляетъ въ своемъ поведеніи по отношенію къ своему дядѣ, котораго онъ горячо любитъ. Я не буду говорить о привязанности его къ великому князю, котораго онъ почитаетъ и любитъ необыкновенно... Мнѣ показалось, что онъ въ дѣтствѣ не пользовался удовольствіями общества. Онъ вовсе не любитъ танцевъ, не играетъ ни въ какую игру и предпочитаетъ всему сидячую жизнь. Я подшучивала надъ нимъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ съ умомъ и очень любезно»... «Я думаю, продолжаетъ принцесса, что онъ станетъ управлять будущей женой, а это будетъ очень полезно для госпожи Фредерики, легкомысліе которой вынуждаетъ постоянно слѣдить за нею и наставлять ее. Насколько мнѣ кажется, принцъ хорошенько займется своей женой, что̀ для нея будетъ очень важно и даже необходимо для ея благосостоянія, такъ какъ она невыразимо

---

[20]) *Сборникъ*, XXIII, 23.

вѣтрена» [21]). Какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ принцессы-матери, эта разница въ характерѣ и направленіи молодыхъ людей не помѣшала имъ сблизиться другъ съ другомъ, и 11 Апрѣля 1779 г. Екатерина писала Гримму: «Я очень сердита, что выборъ Телемака не падетъ на Зельмиру. Вы увидите, кого подобрали ему въ пару старые болваны (les grandes perruques)... Это вина брата Густава, который всегда приходитъ слишкомъ поздно; если бы, когда онъ задумалъ это дѣло, онъ только заикнулся о немъ (il eût soufflé), дѣло было бы сдѣлано [22]); въ настоящее же время это слишкомъ поздно. Я имѣла честь увѣдомить его объ этомъ отъ вашего имени, такъ какъ Телемакъ теперь въ рукахъ добродѣтельныхъ гражданъ, которые даютъ ему добродѣтельную гражданку, отъ которой у него будутъ добродѣтельные граждане, большіе, здоровые и толстые,—чѣмъ дѣло и кончится. Это жаль, потому что портретъ Зельмиры восхитителенъ» [23]).

Неудовольствіе Екатерины, вызванное предпочтеніемъ, которое принцъ Петръ отдалъ принцессѣ Фредерикѣ передъ Зельмирой, выразилось бы, безъ сомнѣнія, еще сильнѣе, если бы ей стало извѣстно, что въ 1779 г. у принцессы Фредерики проявились симптомы болѣзни стана. Открытіе это какъ гро-

[21]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Письмо принцессы Доротеи отъ 25 Іюля 1778 г.

[22]) Изъ этихъ словъ Екатерины можно заключить, что Марія Θеодоровна недаромъ опасалась въ 1777 г. намѣренія Густава женить принца Петра на своей сестрѣ, и что дѣло не состоялось вслѣдствіе нерѣшительности Густава. Но не надо забывать, что Густавъ былъ тогда стѣсненъ въ выраженіи своихъ желаній, встрѣтивъ холодный пріемъ со стороны цесаревича и его супруги, и что императрица, вообще сдержанная съ Густавомъ, не считала тогда нужнымъ поощрить его желанія, быть можетъ, вслѣдствіе просьбъ Маріи Θеодоровны. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ же просьбъ, почти два года спустя, Екатерина, при видимомъ своемъ нежеланіи, вынуждена была дать свое согласіе на бракъ принца Петра съ принцессой Фредерикой. Намекъ на это, намъ кажется, находится въ письмѣ Екатерины къ Гриму отъ 20 Марта 1779 г.: «Le futur époux de Zélie (принцессы Фредерики) est un des plus gros lourdauds que j'ai jamais vus, et son ci-devant précépteur (графъ Панинъ)... Souvenez vous de la *frayeur mortelle* que j'avais du comte de Gothland (Густавъ III); *me voila dans la même situation*. Aber, mein Gott, das wäre am Besten, wenn sie sollten zu Hause sitzen und die Leute nicht so viel schwietzen machen». *Сборникъ*, XXIII, 128. Припомнимъ, что Екатерина писала это за мѣсяцъ до рожденія Константина Павловича и что ей извѣстна была чувствительность Маріи Θеодоровны и ея любовь къ роднымъ.

[23]) *Сборникъ*, XXIII, 132.

момъ поразило принцессу Доротею, поспѣшившую, подъ условіемъ самой строгой тайны, сообщить о такомъ несчастіи своей старшей дочери. Еще свѣжо было впечатлѣніе страшной смерти великой княгини Наталіи Алексѣевны, и нѣжная мать заранѣе трепетала при одной мысли о возможности печальнаго конца и для принцессы Фредерики въ случаѣ брака ея съ принцемъ Петромъ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе своей матери Марія Ѳеодоровна, сама потрясенная извѣстіемъ о болѣзни сестры, утѣшала мать, но совѣтовала тотчасъ же сообщить объ этомъ жениху, принцу Петру, и обратиться къ извѣстному тогда врачу Гопфенгартнеру для точнаго опредѣленія болѣзни молодой принцессы [24]). Врачъ этотъ не замедлилъ успокоить испуганныхъ членовъ Монбельярскаго семейства и далъ имъ самыя положительныя увѣренія на счетъ состоянія здоровья принцессы по выходѣ ея замужъ [25]). Дѣйствительно, вышедъ за принца Петра въ 1781 году, по достиженіи 16-лѣтняго возраста, принцесса Фредерика подарила его двумя сыновьями: Августомъ (1783 — 1853), впослѣдствіи великимъ герцогомъ Ольденбургскимъ, и Георгомъ (1784—1812), который былъ въ супружествѣ съ двоюродной сестрой своей, великой княжной Екатериной Павловной, и сдѣлался родоначальникомъ Русской линіи принцевъ Ольденбургскихъ.

Одновременно съ заботами Маріи Ѳеодоровны объ устроеніи судьбы сестры своей Фредерики, ей пришлось употребить всѣ свои усилія, чтобы поддержать внутренній миръ среди Монбельярской семьи и устранить причины разлада, который обнаружился въ ней въ это время. Хотя причины этого разлада не вполнѣ уясняются сохранившейся перепиской великой княгини съ ея заграничными родственниками [26]); но, тѣмъ не ме-

---

[24]) Письмо Маріи Ѳеодоровны (черновое) 1780 г., безъ числа, какъ и многія другія письма ея матери, относящіяся къ тому же году.

[25]) Принцесса Софія-Доротея—Маріи Ѳеодоровнѣ 25 Ноября 1780 года. Въ письмѣ этомъ принцесса увѣдомляетъ также о полномъ выздоровленіи дочери. Бракомъ не спѣшили и по другой причинѣ. Принцъ Петръ, писала мать Маріи Ѳеодоровнѣ 6 Апрѣля 1789 г., «pense trop bien pour regarde une [...]e comme un simple amusement. Il faut donc de toute nécessite que le [...]ère de Frédérique se forme premiérement avant que de la marier pour [...]ut tromper le prince et remplir les devoirs de bons parents envers notre [...]. Vous trouverez ce raisonnement juste, ma chère Dorthelle».

[26]) Документы эти хранятся при описи, составленной Маріей Ѳеодоровной, въ архивѣ Павловскаго дворца, но нѣтъ сомнѣнія, что въ опись [Ѳе]одоровны вошли далеко не всѣ полученныя ею отъ матери письма.

нѣе, ею ярко характеризуется примирительная роль Маріи Θеодоровны, которая изъ далекой чужбины съ живымъ участіемъ вникала во всѣ подробности семейныхъ отношеній и даже руководила отца и мать своими совѣтами. Насколько можно понять изъ отрывочныхъ извѣстій, принцъ Фридрихъ-Евгеній возбудилъ противъ себя неудовольствіе своей семьи покупкою въ 1779 г. помѣстья Гохберга. Будучи страстнымъ любителемъ охоты, принцъ пріобрѣлъ себѣ это помѣстье, воспользовавшись улучшеніемъ своихъ финансовыхъ дѣлъ послѣ брака старшей дочери своей съ Русскимъ великимъ княземъ. Но покупка эта не только поглотила наличный капиталъ принца, но и вовлекла его въ большіе долги, которые могли быть уплачены лишь съ чрезмѣрными усиліями и соблюденіемъ строжайшей и мелочной экономіи въ жизни Монбельярской семьи; притомъ оказалось, что самая покупка Гохберга совершена была на невыгодныхъ для принца условіяхъ. Между тѣмъ, не говоря уже о трехъ взрослыхъ сыновьяхъ, находившихся на Прусской службѣ, и прочія дѣти Монбельярской четы, приходя въ возрастъ, требовали со стороны родителей все бòльшихъ попеченій и издержекъ, такъ что о сбереженіяхъ, необходимыхъ для уплаты долговъ, не могло быть и рѣчи. Въ особенности недоволенъ былъ покупкою Гохберга старшій сынъ Фридриха-Евгенія, принцъ Фридрихъ, съ дѣтства проявлявшій неукротимость нрава, одичавшій еще болѣе подъ вліяніемъ жизни въ Прусскихъ казармахъ и среди Прусскаго солдатства. Объясненія такого сына съ отцомъ не отличались, конечно, мягкостію и едва не привели было къ полному разрыву между ними. Принцесса Доротея также подверглась гнѣву мужа, который не могъ не видѣть общаго несочувствія своему образу дѣйствій. Впрочемъ, Монбельярское семейство вину финансовой операціи, поставившей его въ затруднительное положеніе, возлагало не столько на самого принца Фридриха Евгенія, сколько на его совѣтника, бывшаго генерала Прусской и Виртембергской службы Горси. Этотъ, какъ видно, опытный въ интригахъ другъ Фридриха-Евгенія возбудилъ противъ себя подозрѣнія всей семьи не только въ томъ, что побуждалъ герцога къ покупкѣ Гохберга изъ своекорыстныхъ денежныхъ разсчетовъ, но и въ систематическомъ возбужденіи его недовѣрія къ принцессѣ Доротеѣ и дѣтямъ. Бѣдная принцесса-мать, по собственнымъ ея словамъ, испытывала въ первый разъ послѣ 26-лѣтней супру-

жеской жизни разладъ съ горячо-любимымъ мужемъ; она съ горечью распространялась о томъ въ письмахъ къ Маріи Θеодоровнѣ и просила ея содѣйствія для возстановленія домашняго мира [27]). О томъ же писалъ ей и отецъ. Но въ этомъ случаѣ молодая великая княгиня не могла оправдать образъ дѣйствій увлекшагося отца; мало того, она находила, что покупкою Гохберга онъ можетъ повредить и ей самой въ глазахъ императрицы Екатерины и Русскаго общества. «Осмѣливаюсь, писала она отцу, «отвѣчать по содержанію вашего письма, въ которомъ вы говорите по поводу покупки Гохберга слѣдующее: «люди мало знакомые съ дѣломъ осмѣлились совершенно превратно истолковать это мое дѣйствіе и громогласно ставить мнѣ это въ вину». Осмѣливаюсь, дорогой папа, съ самымъ почтительнымъ довѣріемъ, которое питаю къ вамъ, отвѣчать вамъ, что пріобрѣтеніе Гохберга мнѣ самой причинила самыя жестокія страданія, такъ какъ общественное мнѣніе (tout le public) обвиняетъ меня въ вывозѣ изъ страны огромныхъ суммъ. Я говорила, что вы деньги заняли; но этому не даютъ вѣры, и эта покупка чрезвычайно уронила меня во мнѣніи общества, что̀ крайне меня огорчаетъ. Я увѣрена, что этотъ слухъ дойдетъ до императрицы, и предоставляю вамъ, дорогой папа̀, самимъ судить, къ какимъ жестокимъ страданіямъ это меня приведетъ. Чувства, которыя возбуждаются этимъ пріобрѣтеніемъ, раздѣляютъ даже люди свѣдущіе, которымъ извѣстно, что вы, дорогой папа̀, были принуждены для этой цѣли занять огромную сумму; но они говорятъ, что долгъ этотъ такъ значителенъ, что вы сами никогда не сможете погасить его. Ихъ разсужденія сводятся къ

---

[27]) Письма принцессы 6 Апрѣля, 16 Іюня и 16 Августа 1779 г. Что дѣло шло не только о покупкѣ Гохберга, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ принцессы Доротеи въ письмѣ отъ 16 Августа, въ которомъ она просила Марію Θеодоровну ходатайствовать за нее предъ отцомъ: «Ajoutez à cela... que vous regardiez le général comme le motif de tout ceci et de bien d'autres choses, sur lesquelles le respect vous impose silence». Г-жа Оберкирхъ, по своему обыкновенію, воздерживается говорить о недоразумѣніяхъ, возникавшихъ въ Монбельярской семьѣ, хотя была повѣренной думъ Маріи Θеодоровны и ея матери. «Je plains ma pauvre, ma bonne maman», писала ей однажды великая княгиня. «Au nom de Dieu, chère Lane, au nom de notre amitié, soyez souvent avec elle, engagez-y votre mari; vous savez que vous êtes regardée chez nous comme l'enfant de la maison». «Ce n'est pas ici», прибавляетъ къ этому письму г-жа Оберкирхъ, «le lieu de raconter le sujet des inquiétudes de le grande-duchesse».—*Oberkirch*, I, 125—126.

тому, что покупка Гохберга вынудитъ васъ къ чрезвычайной разсчетливости въ издержкахъ, неприличной для тестя великаго князя, въ особенности въ виду прибавки къ доходу 15,000 рублей [28]). Другіе взваливаютъ всю вину на меня, что я выслала вамъ соотвѣтствующее количество денегъ и что я такимъ образомъ способствую обѣдненію страны. Тѣ и другія разсужденія разрываютъ мнѣ, дорогой папà, сердце. Осмѣливаюсь откровеннно сказать вамъ, что довѣріе, которымъ вы меня удостоиваете, вынуждаетъ меня на колѣняхъ и во имя дружбы, которою вы меня удостоиваете, умолять васъ отказаться отъ этого пріобрѣтенія, которое, обременяя васъ долгами, не можетъ быть для васъ полезно, и которое навлекаетъ на меня нареканія въ странѣ, гдѣ мнѣ суждено провести всю свою жизнь и гдѣ, слѣдовательно, я должна дорожить сочувствіемъ и добрымъ мнѣніемъ о себѣ общества» [29]). Изъ другаго черноваго письма Маріи Ѳеодоровны видно, что и она виновниками домашнихъ смутъ, нарушавшихъ покой ея семьи, также считала генерала Горси и двухъ его агентовъ: Клотша и Виртембергера. Чтобы удалить Горси изъ дома отца, Марія Ѳеодоровна прибѣгла, съ согласія великаго князя Павла Петровича, къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она написала отъ себя лично грозное и негодующее письмо генералу, предложивъ ему на выборъ: или удалиться навсегда изъ Монбельяра съ годовой пенсіей въ 2,000 рублей, назначаемой ему въ этомъ случаѣ Павломъ Петровичемъ, или, въ случаѣ отказа, подвергнуться гнѣву великаго князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ она писала отцу: «Благоволите, дорогой папà, возвратить свою нѣжность моей обожаемой матери: она такъ страдала и съ такой покорностію! Прибавьте къ этому, что она васъ любитъ и уважаетъ глубоко и что дружба ваша для нея дороже жизни. Судите сами о счастіи, которымъ она будетъ наслаждаться, когда увидитъ, что возвращается то благополучіе, которымъ она пользовалась въ те-

---

[28]) Прибавка эта сдѣлана была Екатериной по поводу рожденія великаго князя Константина Павловича.

[29]) Въ архивѣ Павловскаго дворца находятся два брульона этого письма. Приведенный нами составляетъ лишь часть втораго, болѣе разнообразнаго по содержанію, который, очевидно, послужилъ матеріаломъ для нѣсколькихъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ ея отцу; быть можетъ, щадя чувства своего отца, Марія Ѳеодоровна не сочла удобнымъ поднимать одновременно нѣсколько щекотливыхъ вопросовъ.

ченіе 26 лѣтъ непрерывно. Умоляю васъ на колѣняхъ, возвратите, дорогой папà, свою нѣжность, потому что нѣжность ваша къ нашей матери неразрывно связана съ нѣжностію къ намъ. Удостойте убѣдиться въ томъ, что никакой супругъ, никакой отецъ не бывалъ такъ любимъ и такъ дорогъ, какъ вы для нашей доброй, дорогой матери и для насъ».

Эти письма Марія Ѳеодоровна сопровождала посылкою банковаго билета неизвѣстной для насъ цѣнности, который она нѣжно и убѣдительно просила свою мать принять на приведеніе въ порядокъ пришедшаго въ разстройство домашняго обихода; послано было также нѣсколько богатыхъ платьевъ для матери и сестеръ. Все это отправлено за границу съ подполковникомъ Христофоромъ Бенкендорфомъ, сыномъ воспитательницы великаго князя Александра Павловича.

Вмѣшательство въ домашнія дѣла любимой и любящей старшей дочери, бывшей при томъ надеждой и опорой семьи, должно было произвести, по мнѣнію принцессы-матери, самыя благопріятныя послѣдствія. «Если кто либо въ цѣломъ мірѣ, писала она дочери, можетъ оказать могущественное дѣйствіе на умъ отца, то это вы, мое дорогое, милое дитя, потому что онъ питаетъ къ вамъ невыразимую нѣжность и относится со слѣпымъ довѣріемъ ко всему тому, что̀ вы ему скажете, благодаря высокому мнѣнію, которое онъ составилъ себѣ о вашемъ характерѣ. Я буду обязана вамъ, дорогое дитя, счастіемъ всей жизни, если вы изгладите въ умѣ дорогого папà тѣ неблагопріятныя обо мнѣ представленія, которыя внушены ему презрѣнными людьми и которыя заставляютъ его относиться ко мнѣ съ недовѣріемъ» [20]).

Высокая, но трудная и щекотливая роль, возложенная матерью на Марію Ѳеодоровну, удалась ей, однако, вполнѣ. Принцъ Фридрихъ Евгеній примирился и съ супругой, и съ сыномъ, хотя и впослѣдствіи грубый нравъ старшаго сына, Фрица, какъ называли его въ семьѣ, не разъ выводилъ отца изъ терпѣнія [21]).

---

[20]) Письмо отъ 16 Августа 1779 г.

[21]) Принцесса Доротея также не одобряла поведенія сына. «Je sais, que Fritz m'aime tendrement, mais je vous avoue néanmoins, cher coeur, puisque je vous dis tout, que je ne puis étouffer en moi le déplaisir d'avoir tenu des mauvais propos contre son père; je crois qu'il a parlé dans un moment de vivacité, entrainé peut-être par un excès de tendresse pour moi, mais il n'en a pas moins tort pour cela». Письмо отъ 20 Ноября 1780 г.

Продать немедленно Гохбергъ было невозможно, но принцъ принялъ для этого нужныя мѣры. Наконецъ, Горси, получивъ отъ великаго князя пенсію и будучи побуждаемъ къ отъѣзду Бенкендорфомъ, оставилъ Монбельярскую семью навсегда, тѣмъ болѣе, что этого же потребовалъ отъ него (вѣроятно, по просьбѣ Маріи Θеодоровны) и Карлъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій. Разумѣется, авторитетъ принца Фридриха-Евгенія былъ все-таки подорванъ въ его семью этими событіями. Полное успокоеніе вмѣстѣ съ забвеніемъ прошлаго наступило вдругъ; но и этого возвращенія къ старымъ основамъ жизни принцесса Доротея, глубоко скорбѣвшая о семейномъ разладѣ, могла достигнуть лишь благодаря любящему содѣйствію и чуткой, не останавливавшейся предъ пожертвованіями нѣжности своей «возлюбленной Dorthelle» какъ называла она въ письмахъ Маріи Θеодоровну.

Среди этихъ тяжелыхъ заботъ Маріи Θеодоровны у нея родился 27 Апрѣля 1779 г. второй сынъ Константинъ. Сравнительно съ первыми роды эти были гораздо легче. «Жена моя мучилась только $1^3/_4$ часа», извѣщалъ Павелъ Петровичъ Платона» [32]). «Этотъ чудакъ», писала съ своей стороны Екатерина Гримму, «заставлялъ ожидать себя съ половины Марта и, двинувшись наконецъ въ путь, упалъ на насъ какъ градъ въ полтора часа... Но этотъ послабѣе брата, и при малѣйшемъ холодѣ прячетъ носъ въ пеленки» [33]). Чтобы понять радость императрицы по поводу рожденія втораго внука, стоитъ припомнить, что писала она тому же Гримму годомъ ранѣе: «Мнѣ все равно, будутъ ли у Александра сестры; но ему нуженъ младшій братъ, коего исторію я напишу, разумѣется, если онъ будетъ одаренъ ловкостью Цезаря и способностями Александра. Если же это будетъ плохой господинъ, я воскликну: давайте мнѣ третьяго, и такъ далѣе» [34]). Въ это время уже былъ задуманъ Потемкинымъ знаменитый Греческій проектъ, и въ новомъ внукѣ своемъ Екатерина провидѣла будущаго Греческаго императора: при крещеніи дано ему имя Константинъ. «У меня спросили», писала Екатерина, «кому быть воспріемникомъ. Всего бы лучше любезнѣйшему другу моему Абдулъ-Гамиду», отвѣчала я; «но такъ какъ Турку нельзя крестить христіанина, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлаемъ ему честь и назовемъ младенца

[32]) *Р. Арх.* 1887 г., II, 16.
[33]) *Сборникъ*, XXIII, 136.
[34]) Тамъ же, 91.

Константиномъ. И вотъ всѣ кричатъ: Константинъ! И вотъ я справа съ Александромъ, а слѣва съ Константиномъ»[25]. Павлу Петровичу и Марiи Θеодоровнѣ пожалованы были въ подарокъ по 60 тысячъ рублей «на родины»[26], а Марiи Θеодоровны увеличена была пенсiя[27].

Разумѣется, что и Константинъ поступилъ на ближайшее попеченiе бабушки, и что къ нему примѣняли тотъ же методъ физическаго воспитанiя, какъ и къ Александру, невѣстка же по прежнему осталась на второмъ планѣ. «Я предвидѣла, мой ангелъ», утѣшала дочь свою принцесса Доротея, «что императрица будетъ любить вашихъ дѣтей въ качествѣ бабушки. Но пусть это не безпокоитъ васъ: на вашу долю остается также немало. Удвоенныя и неослабныя заботы загладятъ часы той излишней снисходительности, съ какою императрица относится къ вашему дорогому ребенку. Эта нѣжность въ сущности даже благопрiятна, потому что рано или поздно отзовется на виновникахъ ихъ появленiя на свѣтъ»[28]. Изъ этихъ словъ принцессы видно, что Екатерина не даромъ боялась противодѣйствiя своей системѣ воспитанiя Александра Павловича со стороны его родителей; ясно, что Марiя Θеодоровна недовольна была той близостью, въ которую Екатерина поставила ребенка по отношенiю къ себѣ, предполагая, конечно, что ребенокъ будетъ избалованъ. Но это, съ другой стороны, объясняетъ намъ то неудовольствiе, съ которымъ Екатерина отпускала иногда своихъ внуковъ погостить къ отцу ихъ и матери. Павелъ Петровичъ и Марiя Θеодоровна, по ея взгляду, выраженному въ указанномъ нами выше письмѣ къ Гримму, только «портили» дѣтей, стараясь въ это время, излишнимъ, быть можетъ, пуризмомъ въ дѣлѣ воспитанiя, загладить для дѣтей часы

[25]) Тамъ же, 136.—«У великаго князя Константина Павловича», писала гр. Румянцова мужу, «кормилица гречанка, которую зовутъ Еленою, и сказываютъ, что государыня чрезвычайно весела и, какъ родился, сказала, что она у Бога ланфанъ-гате (sic!), что чего пожелаетъ, то все сдѣлается. Ничего такъ не хотѣла, чтобы сынъ родился у великаго князя, такъ и то сдѣлалось, имя ему это наречь». *Письма гр. Румянцовой*, 226—227.

[26]) *Письма гр. П. М. Румянцовой*. 233.

[27]) См. выше, стр. 145 нашего труда, примѣчанiе 28.

[28]) Письмо отъ 27 Февраля 1780 г.—«Mes enfants et leur père font ma [illegible]té», сообщала Марiя Θеодоровна г-жѣ Оберкирхъ 14 Ноября 1780 года, [illegible] s'est aussi la seule que je trouve dans ce tourbillon du grand monde». [illegible]kirch, I, 126.

баловливой снисходительности, которые они проводили въ обществѣ бабушки. Противорѣчивыя требованія, которыя встрѣчали со стороны родителей и бабушки великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, начиная съ раннихъ годовъ дѣтства, разумѣется, не могли потомъ, при развивающемся сознаніи, не отразиться кореннымъ образомъ на ихъ характерѣ и міровоззрѣніи, сообразно съ личными особенностями каждаго. Этой порчи, происходившей отъ двойственности дѣйствовавшихъ на ея внуковъ вліяній, не могла не видѣть и не устранять по возможности зоркая и любящая Екатерина.

Натянутыя, неискреннія отношенія къ свекрови, въ связи съ отсутствіемъ удовлетворенія естественныхъ потребностей материнскаго чувства, и постоянныя думы и тревоги по поводу событій, совершавшихся въ кругу Монбельярскаго семейства, дѣйствуя на нервы Маріи Ѳеодоровны, развивали въ ней воображеніе и чувствительность еще въ большей степени, чѣмъ были онѣ у нея прежде. Говоря о любви своей къ родителямъ, Марія Ѳеодоровна писала имъ однажды: «Въ отдаленіи человѣку легко представляются всякаго рода ужасы, и иногда, думая о васъ, испытываю трепетъ; кромѣ того, я замѣтила, что чѣмъ болѣе кого любишь, тѣмъ болѣе работаетъ воображеніе, которое мельчайшимъ обстоятельствамъ придаетъ необычную важность. Я преклоняюсь предъ изумительными стоиками, которые ко всему оставались равнодушны; но за всѣ сокровища въ мірѣ я не пожелала бы уподобиться имъ, потому что чѣмъ болѣе прихожу я въ возрастъ, тѣмъ болѣе укрѣпляюсь въ сознаніи, что способность чувствовать питаетъ нашу душу: безъ нея люди дичаютъ и перестаютъ быть людьми» [39]).

Эта потребность Маріи Ѳеодоровны давать пищу своему чувству, вмѣстѣ съ ея любовью къ природѣ и желаніемъ воскресить дорогія воспоминанія прошлой жизни, побудила ее заниматься устройствомъ лѣтней резиденціи, на подобіе Этюпской, въ пожалованномъ Екатериной въ 1777 г. селѣ Павловскомъ, по теченію рѣки Славянки. Мѣстность эта была въ то время въ дикомъ, первобытномъ видѣ; густые лѣса, перерѣзанные въ разныхъ направленіяхъ болотами, манили къ себѣ лишь охотниковъ; небольшая пятиверстная грунтовая дорога, соединявшая Павловскъ съ Царскимъ Селомъ, была въ очень плохомъ состояніи,

---

[39]) Письмо 30 Сентября (11 Октября) 1780 г. *Госуд. Арх.*, IV, 205.

[illegible] весною часто оставалась непроѣздна. Въ этомъ-то [illegible] уголку, подъ угрюмымъ сѣвернымъ небомъ, [illegible] скудной почвѣ, задумала Марія Ѳеодоровна воскре[illegible] впечатлѣнія красотъ южной, Этюпской природы. [illegible] сентиментальности, воспринятой ею съ дѣтства, [illegible] желала, чтобы въ новомъ ея помѣстьѣ, вмѣстѣ [illegible] красотою природы, неразрывно были связаны [illegible] воспоминанія о минувшихъ горестяхъ и радостяхъ, [illegible] болѣе или менѣе важномъ для нея событіи [illegible] въ Павловскихъ садахъ напоминаніе въ видѣ [illegible] другаго художественнаго сооруженія. Оттого Павловскъ [illegible] памятникъ сердца Маріи Ѳеодоровны, исторія ея внутренней [illegible], начертанная на лонѣ природы. Если еще возможно [illegible] личность Маріи Ѳеодоровны, не прибѣгая къ тщатель[illegible] изученію подробностей любимаго ея мѣстопребыванія, то [illegible] Павловскъ, въ особенности въ настоящее время, пред[illegible] для посторонняго наблюдателя загадкой, разрѣшить [illegible] можетъ только ближайшее знакомство съ духовной [illegible] его основательницы и хозяйки.

[illegible] дѣло, задуманное Маріей Ѳеодоровной по устрой[illegible] Павловска, ограничилось постройкою въ немъ въ теченіе [illegible]—1779 гг. двухъ небольшихъ дачъ, носившихъ имена авгу[illegible] владѣльцевъ: Паульлустъ (Павлова Утѣха) и Маріен[illegible] (Маріина Долина). Послѣдняя изъ этихъ дачъ представляла [illegible] небольшое двухъ-этажное зданіе, увѣнчанное небольшимъ [illegible]. Кругомъ него раскинутъ былъ небольшой цвѣтникъ, [illegible] клумбъ котораго, какъ видно изъ писемъ матери [illegible] Ѳеодоровны, напоминало цвѣтники Этюпа. Что касается до [illegible], то это былъ небольшой деревянный домикъ, рас[illegible] въ лѣсу близъ нынѣшняго Большаго дворца; един[illegible] наружнымъ украшеніемъ этого домика, бывшаго [illegible] мѣстопребываніемъ цесаревича, служилъ куполъ, под[illegible] колоннами, а на немъ открытый бельведеръ подъ [illegible] зонтикомъ. Но зато съ самаго же начала устроены [illegible] садовыя сооруженія, съ которыми мы уже знакомы по [illegible] садамъ. Противъ дворца, на берегу рѣки Славянки, [illegible] Китайская бесѣдка. На холму, возлѣ существую[illegible] каменной лѣстницы, находилась Руина, представляв[illegible] полукруглую, какъ бы разрушившуюся стѣну. Отъ [illegible] извилистой тропинкѣ можно было пройти къ Храму

Дружбы и къ Швейцарскому домику (Шале); недалеко отъ него выростала изъ земли Хижина Пустынника (Эрмитажъ). Въ это же время положено было основаніе Молочному домику при деревнѣ Кузнецы; первоначально туда приведено было, по приказанію Екатерины, 22 головы крупнаго и мелкаго скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ шли дѣятельныя работы по очищенію лѣса для устройства въ немъ парка; для этой цѣли употреблены были крестьяне деревни Линна и Кузнецы, освобожденные взамѣнъ того, по повелѣнію императрицы, отъ уплаты оброка. Нужно замѣтить, что въ первое четырехлѣтіе со времени основанія Павловска всѣ издержки по его устройству и содержанію производились изъ особо назначенной для этого императрицей суммы и съ особаго каждый разъ ея разрѣшенія, такъ что Марія Ѳеодоровна въ первое время не имѣла полной возможности устраивать Павловскъ по собственному плану. Разумѣется, Екатерина придавала Павловску значеніе лишь временной, лѣтней резиденціи великокняжеской четы, вовсе, конечно, не сочувствуя идиллически-сентиментальному значенію, съ какимъ Павловскъ являлся въ мечтахъ ея невѣстки. Позднѣе Екатерина сдала его окончательно въ вѣдѣніе его августѣйшей хозяйки, и только тогда Павловскъ, сдѣлавшись однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ лѣтнихъ дворцовъ въ Европѣ, сталъ постепенно принимать тотъ своеобразный, идиллическій отпечатокъ, который онъ сохраняетъ отчасти даже до сихъ поръ.

Въ Сентябрѣ 1779 г. Марія Ѳеодоровна обрадована была пріѣздомъ въ Петербургъ старшаго брата своего, принца Фридриха. Мы уже видѣли, какую роль игралъ онъ въ это время при несогласіяхъ, обнаружившихся въ Монбельярскомъ семействѣ, и надо думать, что самый пріѣздъ его въ Петербургъ былъ въ связи съ этими домашними смутами: Марія Ѳеодоровна, заботившаяся о поддержаніи мира въ семействѣ, желала лично переговорить съ единственнымъ членомъ семейства, возбуждавшимъ своимъ поведеніемъ дурныя чувства въ горячо-любимомъ отцѣ. Фридрихъ приглашенъ былъ Павломъ Петровичемъ еще въ Іюнѣ, съ соизволенія императрицы [40]), пріѣхалъ же въ Петербургъ 16 Сентября, въ сопровожденіи бывшаго воспитателя своего Голланда, и пробылъ въ немъ почти полгода. Будущій король Виртембергскій «отличался необыкновенною грузностію и былъ до безобразія ту-

---

[40]) *Госуд. Арх.*, IV, 205.

...мъ. Впослѣдствіи онъ не могъ кушать иначе, какъ за особымъ столомъ, въ которомъ сдѣланъ былъ выемъ для его живота. Толстяки нерѣдко одарены тонкимъ умомъ; таковъ былъ и этотъ принцъ. Но умъ его направлялся къ цѣлямъ своекорыстнымъ» [41]). При дворѣ Екатерины, какъ впослѣдствіи при дворѣ Наполеона, Фридрихъ умѣлъ, когда нужно было, сдерживать грубость своего нрава и не произвелъ невыгоднаго впечатлѣнія на Екатерину [42]), которая даже пожаловала ему андреевскій орденъ. Принцъ Фридрихъ въ это время, по семейнымъ и служебнымъ разсчетамъ, долженъ былъ думать о женитьбѣ. Безъ сомнѣнія, именно въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ похвалъ императрицы, у него созрѣла мысль жениться на принцессѣ Августѣ Брауншвейгской, которую Екатерина прозывала Зельмирой. Этотъ брачный проектъ былъ окончательно рѣшенъ въ 1780 г., но при самыхъ грустныхъ для Зельмиры обстоятельствахъ. «Фрицъ», писала принцесса Доротея Маріи Θеодоровнѣ передъ отъѣздомъ сына въ Петербургъ, «питаетъ, къ сожалѣнію, такую сильную страсть въ своемъ сердцѣ (къ одной женщинѣ, стоящей ниже его по общественному положенію). Поэтому онъ думаетъ, что онъ никогда не въ состояніи будетъ полюбить свою жену, что онъ станетъ только уважать ее, если она будетъ заслуживать уваженія, что будетъ ей вѣренъ и оказывать ей полное вниманіе, но что невозможно требовать отъ него бо̀льшаго, что остальное не зависитъ отъ него и что ничто въ мірѣ не огорчило бы его болѣе, какъ если бы жена любила его, тогда какъ онъ не въ состояніи платить ей взаимностію. Эти разсужденія прерываются цѣлымъ потокомъ слезъ. Я испытала всѣ способы, но все было безполезно... Богъ пусть направитъ его выборъ, къ которому онъ относится довольно равнодушно, и дастъ ему въ супруги женщину съ умомъ, способную своимъ характеромъ и нѣжностію сдѣлать его счастливымъ. Увѣдомляю васъ объ этомъ,

---

41) *Р. Архивъ* 1888 г., I, 11.

42) *Сборникъ*, XXIII, 249. «Это—масса, пишетъ о Фридрихѣ Екатерина, и больше ничего». Отзывъ относится къ 1782 г., но здѣсь же Екатерина свидѣтельствуетъ, что Фридрихъ два раза, на ея глазахъ, ссорился изъ-за пустяковъ съ Павломъ Петровичемъ и въ то же время упрекалъ сестру за то, что она ...етъ своихъ женщинъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, на что способенъ былъ ...ъ сострадательный человѣкъ! Быть можетъ даже, что самыя размолвки ...съ зятемъ и сестрою онъ устраивалъ на глазахъ императрицы не безъ ...аго разсчета.

дорогое дитя, чтобы вы могли своими добрыми совѣтами привести его къ образу мыслей, болѣе соотвѣтствующему тому состоянію, въ которое онъ готовится вступить, и вылѣчить его отъ несчастной страсти» [43]).

Но, разумѣется, просьба матери не могла быть исполнена Маріей Θеодоровной. Скорѣе можно предположить, что принцъ Фридрихъ долженъ былъ еще болѣе ожесточиться, встрѣчая повсюду оскорбленія единственному сильному и нѣжному чувству, къ которому онъ оказался способенъ, и сознавая свое безсиліе имъ противодѣйствовать. Личное знакомство съ братомъ, котораго Марія Θеодоровна знала еще дѣвочкой, по всей вѣроятности, возбудило въ ней горькія впечатлѣнія: къ сестрѣ, которая была въ сущности виновницей его благополучія, онъ относился, кажется, такъ же грубо, какъ и къ отцу. Это видно изъ письма къ Маріи Θеодоровнѣ отъ 27 Февраля 1780 г. ея матери, которая, очевидно, любила своего первенца и старалась смягчить его грубыя выходки. «Я признаюсь, мой ангелъ, что вѣрю тому, что Фрицъ васъ огорчилъ. Я это предвидѣла. Всѣ мои письма доказывали, что я боялась этого. Неумѣренныя выраженія, которыя онъ позволялъ себѣ въ моемъ присутствіи, равно какъ и тѣ, которыя онъ допускалъ по отношенію къ другимъ лицамъ, не позволяютъ мнѣ усумниться въ этомъ. Но я думаю, что слишкомъ хорошо знаю ваше сердце, чтобы не быть увѣренной, что мое дорогое дитя спокойно поразмыслитъ о томъ, что скажетъ ей сердце нѣжной матери» и т. д.

При такомъ характерѣ принца Фридриха и скорбныхъ обстоятельствахъ его личной жизни неудивительно, что бракъ его съ Зельмирой, заключенный 27 Октября 1780 года, не обѣщалъ въ будущемъ ничего хорошаго для молодой супруги.

Къ 1781 году относится прибытіе въ Россію подруги дѣтства Маріи Θеодоровны, дѣвицы Анны-Юліаны Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, вышедшей замужъ за подполковника Христофора Бенкендорфа, котораго Павелъ Петровичъ посылалъ въ 1779 г. за границу по извѣстному уже намъ дѣлу генерала Горси. Г-жа Бенкендорфъ, считавшаяся какъ бы членомъ Монбельярскаго семейства подъ именемъ Тилль, была женщиной, какъ надобно думать, съ сильнымъ умомъ и, по пріѣздѣ своемъ съ мужемъ въ Россію, возъимѣла большое вліяніе на свою царственную

[43]) Принцесса Доротея—Маріи Θеодоровнѣ отъ 19 Августа 1779 г.

жеской жизни разладъ съ горячо-любимымъ мужемъ; она съ горечью распространялась о томъ въ письмахъ къ Маріи Өеодоровнѣ и просила ея содѣйствія для возстановленія домашняго мира [27]). О томъ же писалъ ей и отецъ. Но въ этомъ случаѣ молодая великая княгиня не могла оправдать образъ дѣйствій увлекшагося отца; мало того, она находила, что покупкою Гохберга онъ можетъ повредить и ей самой въ глазахъ императрицы Екатерины и Русскаго общества. «Осмѣливаюсь, писала она отцу, «отвѣчать по содержанію вашего письма, въ которомъ вы говорите по поводу покупки Гохберга слѣдующее: «люди мало знакомые съ дѣломъ осмѣлились совершенно превратно истолковать это мое дѣйствіе и громогласно ставить мнѣ это въ вину». Осмѣливаюсь, дорогой папа, съ самымъ почтительнымъ довѣріемъ, которое питаю къ вамъ, отвѣчать вамъ, что пріобрѣтеніе Гохберга мнѣ самой причинила самыя жестокія страданія, такъ какъ общественное мнѣніе (tout le public) обвиняетъ меня въ вывозѣ изъ страны огромныхъ суммъ. Я говорила, что вы деньги заняли; но этому не даютъ вѣры, и эта покупка чрезвычайно уронила меня во мнѣніи общества, что̀ крайне меня огорчаетъ. Я увѣрена, что этотъ слухъ дойдетъ до императрицы, и предоставляю вамъ, дорогой папа̀, самимъ судить, къ какимъ жестокимъ страданіямъ это меня приведетъ. Чувства, которыя возбуждаются этимъ пріобрѣтеніемъ, раздѣляютъ даже люди свѣдущіе, которымъ извѣстно, что вы, дорогой папа̀, были принуждены для этой цѣли занять огромную сумму; но они говорятъ, что долгъ этотъ такъ значителенъ, что вы сами никогда не сможете погасить его. Ихъ разсужденія сводятся къ

[27]) Письма принцессы 6 Апрѣля, 16 Іюня и 16 Августа 1779 г. Что дѣло шло не только о покупкѣ Гохберга, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ принцессы Доротеи въ письмѣ отъ 16 Августа, въ которомъ она просила Марію Өеодоровну ходатайствовать за нее предъ отцомъ: «Ajoutez à cela... que vous regardiez le général comme le motif de tout ceci et de bien d'autres choses, sur lesquelles le respect vous impose silence». Г-жа Оберкирхъ, по своему обыкновенію, воздерживается говорить о недоразумѣніяхъ, возникавшихъ въ Монбельярской семьѣ, хотя была повѣренной думъ Маріи Өеодоровны и ея матери. «Je plains ma pauvre, ma bonne maman», писала ей однажды великая княгиня. «Au nom de Dieu, chére Lane, au nom de notre amitié, soyez souvent chez elle, engagez-y votre mari; vous savez que vous êtes regardée chez nous comme l'enfant de la maison». «Ce n'est pas ici», прибавляетъ къ этому письму г-жа Оберкирхъ, «le lieu de raconter le sujet des inquiétudes de le grande-duchesse».—*Oberkirch*, I, 125—126.

тому, что покупка Гохберга вынудитъ васъ къ чрезвычайной разсчетливости въ издержкахъ, неприличной для тестя великаго князя, въ особенности въ виду прибавки къ доходу 15,000 рублей [28]). Другіе взваливаютъ всю вину на меня, что я выслала вамъ соотвѣтствующее количество денегъ и что я такимъ образомъ способствую обѣдненію страны. Тѣ и другія разсужденія разрываютъ мнѣ, дорогой папà, сердце. Осмѣливаюсь откровеннно сказать вамъ, что довѣріе, которымъ вы меня удостоиваете, вынуждаетъ меня на колѣняхъ и во имя дружбы, которою вы меня удостоиваете, умолять васъ отказаться отъ этого пріобрѣтенія, которое, обременяя васъ долгами, не можетъ быть для васъ полезно, и которое навлекаетъ на меня нареканія въ странѣ, гдѣ мнѣ суждено провести всю свою жизнь и гдѣ, слѣдовательно, я должна дорожить сочувствіемъ и добрымъ мнѣніемъ о себѣ общества» [29]). Изъ другаго черноваго письма Маріи Θеодоровны видно, что и она виновниками домашнихъ смутъ, нарушавшихъ покой ея семьи, также считала генерала Горси и двухъ его агентовъ: Клотша и Виртембергера. Чтобы удалить Горси изъ дома отца, Марія Θеодоровна прибѣгла, съ согласія великаго князя Павла Петровича, къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она написала отъ себя лично грозное и негодующее письмо генералу, предложивъ ему на выборъ: или удалиться навсегда изъ Монбельяра съ годовой пенсіей въ 2,000 рублей, назначаемой ему въ этомъ случаѣ Павломъ Петровичемъ, или, въ случаѣ отказа, подвергнуться гнѣву великаго князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ она писала отцу: «Благоволите, дорогой папà, возвратить свою нѣжность моей обожаемой матери: она такъ страдала и съ такой покорностію! Прибавьте къ этому, что она васъ любитъ и уважаетъ глубоко и что дружба ваша для нея дороже жизни. Судите сами о счастіи, которымъ она будетъ наслаждаться, когда увидитъ, что возвращается то благополучіе, которымъ она пользовалась въ те-

[28]) Прибавка эта сдѣлана была Екатериной по поводу рожденія великаго князя Константина Павловича.

[29]) Въ архивѣ Павловскаго дворца находятся два брульона этого письма. Приведенный нами составляетъ лишь часть втораго, болѣе разнообразнаго по содержанію, который, очевидно, послужилъ матеріаломъ для нѣсколькихъ писемъ Маріи Θеодоровны къ ея отцу; быть можетъ, щадя чувства своего отца, Марія Θеодоровна не сочла удобнымъ поднимать одновременно нѣсколько щекотливыхъ вопросовъ.

ченіе 26 лѣтъ непрерывно. Умоляю васъ на колѣняхъ, возвратите, дорогой папà, свою нѣжность, потому что нѣжность ваша къ нашей матери неразрывно связана съ нѣжностію къ намъ. Удостойте убѣдиться въ томъ, что никакой супругъ, никакой отецъ не бывалъ такъ любимъ и такъ дорогъ, какъ вы для нашей доброй, дорогой матери и для насъ».

Эти письма Марія Θеодоровна сопровождала посылкою банковаго билета неизвѣстной для насъ цѣнности, который она нѣжно и убѣдительно просила свою мать принять на приведеніе въ порядокъ пришедшаго въ разстройство домашняго обихода; послано было также нѣсколько богатыхъ платьевъ для матери и сестеръ. Все это отправлено за границу съ подполковникомъ Христофоромъ Бенкендорфомъ, сыномъ воспитательницы великаго князя Александра Павловича.

Вмѣшательство въ домашнія дѣла любимой и любящей старшей дочери, бывшей при томъ надеждой и опорой семьи, должно было произвести, по мнѣнію принцессы-матери, самыя благопріятныя послѣдствія. «Если кто либо въ цѣломъ мірѣ, писала она дочери, можетъ оказать могущественное дѣйствіе на умъ отца, то это вы, мое дорогое, милое дитя, потому что онъ питаетъ къ вамъ невыразимую нѣжность и относится со слѣпымъ довѣріемъ ко всему тому, что̀ вы ему скажете, благодаря высокому мнѣнію, которое онъ составилъ себѣ о вашемъ характерѣ. Я буду обязана вамъ, дорогое дитя, счастіемъ всей жизни, если вы изгладите въ умѣ дорогого папà тѣ неблагопріятныя обо мнѣ представленія, которыя внушены ему презрѣнными людьми и которыя заставляютъ его относиться ко мнѣ съ недовѣріемъ» [30]).

Высокая, но трудная и щекотливая роль, возложенная матерью на Марію Θеодоровну, удалась ей, однако, вполнѣ. Принцъ Фридрихъ Евгеній примирился и съ супругой, и съ сыномъ, хотя и впослѣдствіи грубый нравъ старшаго сына, Фрица, какъ называли его въ семьѣ, не разъ выводилъ отца изъ терпѣнія [31]).

---

[30]) Письмо отъ 16 Августа 1779 г.

[31]) Принцесса Доротея также не одобряла поведенія сына. «Je sais, que Fritz m'aime tendrement, mais je vous avoue néanmoins, cher coeur, puisque je vous dis tout, que je ne puis étouffer en moi le déplaisir d'avoir tenu des mauvais propos contre son père; je crois qu'il a parlé dans un moment de vivacité, entraîné peut-être par un excés de tendresse pour moi, mais il n'en a pas moins tort pour cela». Письмо отъ 20 Ноября 1780 г.

Продать немедленно Гохбергъ было невозможно, но принцъ принялъ для этого нужныя мѣры. Наконецъ, Горси, получивъ отъ великаго князя пенсію и будучи побуждаемъ къ отъѣзду Бенкендорфомъ, оставилъ Монбельярскую семью навсегда, тѣмъ болѣе, что этого же потребовалъ отъ него (вѣроятно, по просьбѣ Маріи Өеодоровны) и Карлъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій. Разумѣется, авторитетъ принца Фридриха-Евгенія былъ все-таки подорванъ въ его семью этими событіями. Полное успокоеніе вмѣстѣ съ забвеніемъ прошлаго наступило вдругъ; но и этого возвращенія къ старымъ основамъ жизни принцесса Доротея, глубоко скорбѣвшая о семейномъ разладѣ, могла достигнуть лишь благодаря любящему содѣйствію и чуткой, не останавливавшейся предъ пожертвованіями нѣжности своей «возлюбленной Dorthelle» какъ называла она въ письмахъ Маріи Өеодоровну.

Среди этихъ тяжелыхъ заботъ Маріи Өеодоровны у нея родился 27 Апрѣля 1779 г. второй сынъ Константинъ. Сравнительно съ первыми роды эти были гораздо легче. «Жена моя мучилась только $1^3/_4$ часа», извѣщалъ Павелъ Петровичъ Платона» [32]). «Этотъ чудакъ», писала съ своей стороны Екатерина Гримму, «заставлялъ ожидать себя съ половины Марта и, двинувшись наконецъ въ путь, упалъ на насъ какъ градъ въ полтора часа... Но этотъ послабѣе брата, и при малѣйшемъ холодѣ прячетъ носъ въ пеленки» [33]). Чтобы понять радость императрицы по поводу рожденія втораго внука, стоитъ припомнить, что писала она тому же Гримму годомъ ранѣе: «Мнѣ все равно, будутъ ли у Александра сестры; но ему нуженъ младшій братъ, коего исторію я напишу, разумѣется, если онъ будетъ одаренъ ловкостью Цезаря и способностями Александра. Если же это будетъ плохой господинъ, я воскликну: давайте мнѣ третьяго, и такъ далѣе» [34]). Въ это время уже былъ задуманъ Потемкинымъ знаменитый Греческій проектъ, и въ новомъ внукѣ своемъ Екатерина провидѣла будущаго Греческаго императора: при крещеніи дано ему имя Константинъ. «У меня спросили», писала Екатерина, «кому быть воспріемникомъ. Всего бы лучше любезнѣйшему другу моему Абдулъ-Гамиду», отвѣчала я; «но такъ какъ Турку нельзя крестить христіанина, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлаемъ ему честь

---

[32]) *Р. Арх.* 1887 г., II, 16.

[33]) *Сборникъ*, XXIII, 136.

[34]) Тамъ же, 91.

Константиномъ. И вотъ всѣ кричатъ: Константинъ!.. И вотъ я справа съ Александромъ, а слѣва съ Константиномъ» [35]). Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ пожаловано было въ подарокъ по 60 тысячъ рублей «на родины» [36]), а отцу Маріи Ѳеодоровны увеличена была пенсія [37]).

Разумѣется, что и Константинъ поступилъ на ближайшее попеченіе бабушки, и что къ нему примѣняли тотъ же методъ физическаго воспитанія, какъ и къ Александру; молодая мать по прежнему осталась на второмъ планѣ. «Я предвидѣла, мой ангелъ», утѣшала дочь свою принцесса Доротея, «что императрица будетъ любить вашихъ дѣтей въ качествѣ бабушки. Но пусть это не безпокоитъ васъ: на вашу долю остается также немало. Удвоенныя и неослабныя заботы загладятъ часы той излишней снисходительности, съ какою императрица относится къ вашему дорогому ребенку. Эта нѣжность въ сущности даже благопріятна, потому что рано или поздно отзовется на виновникахъ ихъ появленія на свѣтъ» [38]). Изъ этихъ словъ принцессы видно, что Екатерина не даромъ боялась противодѣйствія своей системѣ воспитанія Александра Павловича со стостороны его родителей; ясно, что Марія Ѳеодоровна недовольна была той близостью, въ которую Екатерина поставила ребенка по отношенію къ себѣ, предполагая, конечно, что ребенокъ будетъ избалованъ. Но это, съ другой стороны, объясняетъ намъ то неудовольстіе, съ которымъ Екатерина отпускала иногда своихъ внуковъ погостить къ отцу ихъ и матери. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, по ея взгляду, выраженному въ указанномъ нами выше письмѣ къ Гримму, только «портили» дѣтей, стараясь въ это время, излишнимъ, быть можетъ, пуризмомъ въ дѣлѣ воспитавія, загладить для дѣтей часы

---

[35]) Тамъ же, 136.—«У великаго князя Константина Павловича», писала гр. Румянцова мужу, «кормилица гречанка, которую зовутъ Еленою, и сказываютъ, что государыня чрезвычайно весела и, какъ родился, сказала, что она у Бога ланфанъ-гате (sic!), что чего пожелаетъ, то все сдѣлается. Ничего такъ не хотѣла, чтобы сынъ родился у великаго князя, такъ и то сдѣлалось, имя ему это наречь». *Письма гр. Румянцовой*, 226—227.

[36]) *Письма гр. Е. М. Румянцовой*. 233.

[37]) См. выше, стр. 145 нашего труда, примѣчаніе 28.

[38]) Письмо отъ 27 Февраля 1780 г.—«Mes enfants et leur pére font ma felicité», сообщала Марія Ѳеодоровна г-жѣ Оберкирхъ 14 Ноября 1780 года, «mais c'est aussi la seule que je trouve dans ce tourbillon du grand monde». Oberkirch, I, 126.

баловливой снисходительности, которые они проводили въ обществѣ бабушки. Противорѣчивыя требованія, которыя встрѣчали со стороны родителей и бабушки великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, начиная съ раннихъ годовъ дѣтства, разумѣется, не могли потомъ, при развивающемся сознаніи, не отразиться кореннымъ образомъ на ихъ характерѣ и міровоззрѣніи, сообразно съ личными особенностями каждаго. Этой порчи, происходившей отъ двойственности дѣйствовавшихъ на ея внуковъ вліяній, не могла не видѣть и не устранять по возможности зоркая и любящая Екатерина.

Натянутыя, неискреннія отношенія къ свекрови, въ связи съ отсутствіемъ удовлетворенія естественныхъ потребностей материнскаго чувства, и постоянныя думы и тревоги по поводу событій, совершавшихся въ кругу Монбельярскаго семейства, дѣйствуя на нервы Маріи Ѳеодоровны, развивали въ ней воображеніе и чувствительность еще въ большей степени, чѣмъ были онѣ у нея прежде. Говоря о любви своей къ родителямъ, Марія Ѳеодоровна писала имъ однажды: «Въ отдаленіи человѣку легко представляются всякаго рода ужасы, и иногда, думая о васъ, испытываю трепетъ; кромѣ того, я замѣтила, что чѣмъ болѣе кого любишь, тѣмъ болѣе работаетъ воображеніе, которое мельчайшимъ обстоятельствамъ придаетъ необычную важность. Я преклоняюсь предъ изумительными стоиками, которые ко всему оставались равнодушны; но за всѣ сокровища въ мірѣ я не пожелала бы уподобиться имъ, потому что чѣмъ болѣе прихожу я въ возрастъ, тѣмъ болѣе укрѣпляюсь въ сознаніи, что способность чувствовать питаетъ нашу душу: безъ нея люди дичаютъ и перестаютъ быть людьми» [39]).

Эта потребность Маріи Ѳеодоровны давать пищу своему чувству, вмѣстѣ съ ея любовью къ природѣ и желаніемъ воскресить дорогія воспоминанія прошлой жизни, побудила ее заниматься устройствомъ лѣтней резиденціи, на подобіе Этюпской, въ пожалованномъ Екатериной въ 1777 г. селѣ Павловскомъ, по теченію рѣки Славянки. Мѣстность эта была въ то время въ дикомъ, первобытномъ видѣ; густые лѣса, перерѣзанные въ разныхъ направленіяхъ болотами, манили къ себѣ лишь охотниковъ; небольшая пятиверстная грунтовая дорога, соединявшая Павловскъ съ Царскимъ Селомъ, была въ очень плохомъ состоя-

[39]) Письмо 30 Сентября (11 Октября) 1780 г. *Госуд. Арх.*

а осенью и весною часто оставалась непроѣздна. Въ этомъ-то глухомъ, уединенномъ уголку, подъ угрюмымъ сѣвернымъ небомъ, на болотистой скудной почвѣ, задумала Марія Ѳеодоровна воскресить для себя впечатлѣнія красотъ южной, Этюпской природы. Подъ вліяніемъ сентиментальности, воспринятой ею съ дѣтства, Марія Ѳеодоровна желала, чтобы въ новомъ ея помѣстьѣ, вмѣстѣ съ наслажденіемъ красотою природы, неразрывно были связаны для нея воспоминанія о минувшихъ горестяхъ и радостяхъ, чтобы о каждомъ болѣе или менѣе важномъ для нея событіи сохранилось въ Павловскихъ садахъ напоминаніе въ видѣ того или другаго художественнаго сооруженія. Оттого Павловскъ есть памятникъ сердца Маріи Ѳеодоровны, исторія ея внутренней жизни, начертанная на лонѣ природы. Если еще возможно узнать личность Маріи Ѳеодоровны, не прибѣгая къ тщательному изученію подробностей любимаго ея мѣстопребыванія, то самъ Павловскъ, въ особенности въ настоящее время, представляется для посторонняго наблюдателя загадкой, разрѣшить которую можетъ только ближайшее знакомство съ духовной жизнью его основательницы и хозяйки.

Сначала дѣло, задуманное Маріей Ѳеодоровной по устройству Павловска, ограничилось постройкою въ немъ въ теченіе 1778—1779 гг. двухъ небольшихъ дачъ, носившихъ имена августѣйшихъ владѣльцевъ: Паульлустъ (Павлова Утѣха) и Маріенталь (Маріина Долина). Послѣдняя изъ этихъ дачъ представляла собою небольшое двухъ-этажное зданіе, увѣнчанное небольшимъ куполомъ. Кругомъ него раскинутъ былъ небольшой цвѣтникъ, расположеніе клумбъ котораго, какъ видно изъ писемъ матери Маріи Ѳеодоровны, напоминало цвѣтники Этюпа. Что касается до Паульлуста, то это былъ небольшой деревянный домикъ, расположенный въ лѣсу близъ нынѣшняго Большаго дворца; единственнымъ наружнымъ украшеніемъ этого домика, бывшаго лѣтнимъ мѣстопребываніемъ цесаревича, служилъ куполъ, поддерживаемый колоннами, а на немъ открытый бельведеръ подъ желѣзнымъ зонтикомъ. Но зато съ самаго же начала устроены были садовыя сооруженія, съ которыми мы уже знакомы по Этюпскимъ садамъ. Противъ дворца, на берегу рѣки Славянки, возвышалась Китайская бесѣдка. На холму, возлѣ существующей теперь каменной лѣстницы, находилась Руина, представлявшая собою полукруглую, какъ бы разрушившуюся стѣну. Отъ нея по извилистой тропинкѣ можно было пройти къ Храму

Дружбы и къ Швейцарскому домику (Шале); недалеко отъ него выростала изъ земли Хижина Пустынника (Эрмитажъ). Въ это же время положено было основаніе Молочному домику при деревнѣ Кузнецы; первоначально туда приведено было, по приказанію Екатерины, 22 головы крупнаго и мелкаго скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ шли дѣятельныя работы по очищенію лѣса для устройства въ немъ парка; для этой цѣли употреблены были крестьяне деревни Линна и Кузнецы, освобожденные взамѣнъ того, по повелѣнію императрицы, отъ уплаты оброка. Нужно замѣтить, что въ первое четырехлѣтіе со времени основанія Павловска всѣ издержки по его устройству и содержанію производились изъ особо назначенной для этого императрицей суммы и съ особаго каждый разъ ея разрѣшенія, такъ что Марія Θеодоровна въ первое время не имѣла полной возможности устраивать Павловскъ по собственному плану. Разумѣется, Екатерина придавала Павловску значеніе лишь временной, лѣтней резиденціи великокняжеской четы, вовсе, конечно, не сочувствуя идиллически-сентиментальному значенію, съ какимъ Павловскъ являлся въ мечтахъ ея невѣстки. Позднѣе Екатерина сдала его окончательно въ вѣдѣніе его августѣйшей хозяйки, и только тогда Павловскъ, сдѣлавшись однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ лѣтнихъ дворцовъ въ Европѣ, сталъ постепенно принимать тотъ своеобразный, идиллическій отпечатокъ, который онъ сохраняетъ отчасти даже до сихъ поръ.

Въ Сентябрѣ 1779 г. Марія Θеодоровна обрадована была пріѣздомъ въ Петербургъ старшаго брата своего, принца Фридриха, Мы уже видѣли, какую роль игралъ онъ въ это время при несогласіяхъ, обнаружившихся въ Монбельярскомъ семействѣ, и надо думать, что самый пріѣздъ его въ Петербургъ былъ въ связи съ этими домашними смутами: Марія Θеодоровна, заботившаяся о поддержаніи мира въ семействѣ, желала лично переговорить съ единственнымъ членомъ семейства, возбуждавшимъ своимъ поведеніемъ дурныя чувства въ горячо-любимомъ отцѣ. Фридрихъ приглашенъ былъ Павломъ Петровичемъ еще въ Іюнѣ, съ соизволенія императрицы [40]), пріѣхалъ же въ Петербургъ 16 Сентября, въ сопровожденіи бывшаго воспитателя своего Голланда, и пробылъ въ немъ почти полгода. Будущій король Виртембергскій «отличался необыкновенною грузностію и былъ до безобразія ту-

---

[40]) *Госуд. Арх.*, IV, 205.

ченъ. Впослѣдствіи онъ не могъ кушать иначе, какъ за особымъ столомъ, въ которомъ сдѣланъ былъ выемъ для его живота. Толстяки нерѣдко одарены тонкимъ умомъ; таковъ былъ и этотъ принцъ. Но умъ его направлялся къ цѣлямъ своекорыстнымъ» [41]). При дворѣ Екатерины, какъ впослѣдствіи при дворѣ Наполеона, Фридрихъ умѣлъ, когда нужно было, сдерживать грубость своего нрава и не произвелъ невыгоднаго впечатлѣнія на Екатерину [42]), которая даже пожаловала ему Андреевскій орденъ. Принцъ Фридрихъ въ это время, по семейнымъ и служебнымъ разсчетамъ, долженъ былъ думать о женитьбѣ. Безъ сомнѣнія, именно въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ похвалъ императрицы, у него созрѣла мысль жениться на принцессѣ Августѣ Брауншвейгской, которую Екатерина прозывала Зельмирой. Этотъ брачный проектъ былъ окончательно рѣшенъ въ 1779 г., но при самыхъ грустныхъ для Зельмиры обстоятельствахъ. «Фрицъ», писала принцесса Доротея Маріи Θеодоровнѣ передъ отъѣздомъ сына въ Петербургъ, «питаетъ, къ сожалѣнію, самую сильную страсть въ своемъ сердцѣ (къ одной женщинѣ, стоявшей ниже его по общественному положенію). Поэтому онъ думаетъ, что онъ никогда не въ состояніи будетъ полюбить свою жену, что онъ станетъ только уважать ее, если она будетъ заслуживать уваженія, что будетъ ей вѣренъ и оказывать ей полное вниманіе, но что невозможно требовать отъ него бо̀льшаго, что остальное не зависитъ отъ него и что ничто въ мірѣ не погубило бы его болѣе, какъ если бы жена любила его, тогда какъ онъ не въ состояніи платить ей взаимностію. Эти разсужденія прерываются цѣлымъ потокомъ слезъ. Я испытала всѣ способы, но все было безполезно... Богъ пусть направитъ его выборъ, къ которому онъ относится довольно равнодушно, и дастъ ему въ супруги женщину съ умомъ, способную своимъ характеромъ и нѣжностію сдѣлать его счастливымъ. Увѣдомляю васъ объ этомъ,

---

[41]) *Р. Архивъ* 1888 г., I, 11.

[42]) *Сборникъ*, XXIII, 249. «Это—масса, пишетъ о Фридрихѣ Екатерина, и больше ничего». Отзывъ относится къ 1782 г., но здѣсь же Екатерина свидѣтельствуетъ, что Фридрихъ два раза, на ея глазахъ, ссорился изъ-за пустяковъ съ Павломъ Петровичемъ и въ то же время упрекалъ сестру за то, что она бранитъ своихъ женщинъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, на что способенъ былъ этотъ сострадательный человѣкъ! Быть можетъ даже, что самыя размолвки свои съ зятемъ и сестрою онъ устраивалъ на глазахъ императрицы не безъ ѣняго разсчета.

дорогое дитя, чтобы вы могли своими добрыми совѣтами привести его къ образу мыслей, болѣе соотвѣтствующему тому состоянію, въ которое онъ готовится вступить, и вылѣчить его отъ несчастной страсти» [43]).

Но, разумѣется, просьба матери не могла быть исполнена Маріей Ѳеодоровной. Скорѣе можно предположить, что принцъ Фридрихъ долженъ былъ еще болѣе ожесточиться, встрѣчая повсюду оскорбленія единственному сильному и нѣжному чувству, къ которому онъ оказался способенъ, и сознавая свое безсиліе имъ противодѣйствовать. Личное знакомство съ братомъ, котораго Марія Ѳеодоровна знала еще дѣвочкой, по всей вѣроятности, возбудило въ ней горькія впечатлѣнія: къ сестрѣ, которая была въ сущности виновницей его благополучія, онъ относился, кажется, такъ же грубо, какъ и къ отцу. Это видно изъ письма къ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 27 Февраля 1780 г. ея матери, которая, очевидно, любила своего первенца и старалась смягчить его грубыя выходки. «Я признаюсь, мой ангелъ, что вѣрю тому, что Фрицъ васъ огорчилъ. Я это предвидѣла. Всѣ мои письма доказывали, что я боялась этого. Неумѣренныя выраженія, которыя онъ позволялъ себѣ въ моемъ присутствіи, равно какъ и тѣ, которыя онъ допускалъ по отношенію къ другимъ лицамъ, не позволяютъ мнѣ усумниться въ этомъ. Но я думаю, что слишкомъ хорошо знаю ваше сердце, чтобы не быть увѣренной, что мое дорогое дитя спокойно поразмыслитъ о томъ, что скажетъ ей сердце нѣжной матери» и т. д.

При такомъ характерѣ принца Фридриха и скорбныхъ обстоятельствахъ его личной жизни неудивительно, что бракъ его съ Зельмирой, заключенный 27 Октября 1780 года, не обѣщалъ въ будущемъ ничего хорошаго для молодой супруги.

Къ 1781 году относится прибытіе въ Россію подруги дѣтства Маріи Ѳеодоровны, дѣвицы Анны-Юліаны Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, вышедшей замужъ за подполковника Христофора Бенкендорфа, котораго Павелъ Петровичъ посылалъ въ 1779 г. за границу по извѣстному уже намъ дѣлу генерала Горси. Г-жа Бенкендорфъ, считавшаяся какъ бы членомъ Монбельярскаго семейства подъ именемъ Тилль, была женщиной, какъ надобно думать, съ сильнымъ умомъ и, по пріѣздѣ своемъ съ мужемъ въ Россію, возъимѣла большое вліяніе на свою царственную

[43]) Принцесса Доротея—Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 19 Августа 1779 г.

подругу. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны подробности отношеній между ней и Маріей Ѳеодоровной. Извѣстно только, что великая княгиня выслала ей 2,000 рублей на дорогу, отзываясь, что деньги эти поручено ей переслать для Бенкендорфа его матерью, воспитательницею Александра Павловича [44]). Пріѣздъ г-жи Бенкендорфъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ не могъ не оживить симпатій великой княгини къ своей родинѣ, тѣмъ болѣе, что, по старымъ связямъ своимъ съ великой княгинею, Тилль заняла первенствующее мѣсто въ ея домашнемъ обществѣ.

Съ этого времени, отчасти подъ вліяніемъ своей подруги, Марія Ѳеодоровна стала знакомиться съ новой Нѣмецкой поэзіей, пополняя этимъ пробѣлъ въ своемъ образованіи, хотя вообще не любила Нѣмецкихъ стиховъ. Знакомство это было тѣмъ успѣшнѣе, что въ домашнемъ кружкѣ Маріи Ѳеодоровны находился въ это время одинъ изъ извѣстныхъ Германскихъ поэтовъ того времени Клингеръ, котораго комедія: «Sturm und Drang» сообщила свое названіе цѣлому періоду Германской литературы. Находясь въ Германіи въ крайней бѣдности и не видя для себя исхода, онъ просилъ чрезъ бывшаго наставника дѣтей принца Фридриха Евгенія, Шлоссера, рекомендаціи отца Маріи Ѳеодоровны для поступленія на службу въ Россіи. «Мы сдѣлаемъ все на свѣтѣ, отвѣчала отцу Марія Ѳеодоровна 27 Сентября 1780 г., чтобы устроить этого г. Клингера; но Богъ знаетъ, успѣемъ ли мы въ этомъ» [45]). До полученія болѣе выгоднаго мѣста Клингеръ состоялъ чтецомъ при Маріи Ѳеодоровнѣ Нѣмецкихъ сочиненій, тогда какъ Лафермьеръ занимался чтеніемъ Французскихъ. Мечтательный Германскій поэтъ, подобно многимъ другимъ Нѣмецкимъ выходцамъ, успѣлъ, однако, хорошо устроить дѣла свои въ Россіи. Поступивъ въ военную службу и женившись на побочной дочери Г. Г. Орлова, Елисаветѣ Алексѣевой, онъ достигъ чина генералъ-лейтенанта и занималъ послѣдовательно мѣста директора кадетскаго корпуса и попечителя Дерптскаго учебнаго округа († 1831 г.). Нельзя не замѣтить, однако, что, живя въ

[44]) *Oberkirch*, I, 125.—Изъ скудныхъ матеріаловъ, дошедшихъ до насъ о личности этой подруги Маріи Ѳеодоровны, особеннаго вниманія для характеристики отношеній г-жи Бенкендорфъ къ Монбельярскому семейству заслуживаетъ письмо ея къ отцу Маріи Ѳеодоровны отъ 11 Октября 1791 г.: въ письмѣ этомъ, послѣ обычнаго «Monseigneur», рѣшается даже обратиться къ принцу Фридриху-Евгенію со словами: «mon adorable papa». *Schlossberger*, 230—232.

[45]) *Госуд. Арх.*, IV, 205.

Россіи и продолжая обогащать своими произведеніями Нѣмецкую литературу, Клингеръ мало сжился съ «варварской» Россіей и, гдѣ можно было, всячески дѣйствовалъ въ пользу Нѣмецкой народности [46]).

Разсказанныя нами событія частной жизни Маріи Θеодоровны происходили въ періодъ поворота во внѣшней политикѣ Россіи, который сдѣлался новой причиною разлада между великокняжеской четой и императрицей. Мы уже имѣли случай обрисовать характеръ союза, существовавшаго между Россіей и Пруссіей въ первую половину царствованія императрицы Екатерины, и стремленія Фридриха II сдѣлать Россію покорнымъ для себя орудіемъ въ цѣляхъ усиленія Пруссіи. Но Екатерина рано разгадала коварство стараго короля и, дѣйствуя въ духѣ Русскихъ интересовъ, поставила Россію въ чрезвычайно выгодное положеніе. Открывшіяся тогда въ Германіи междоусобія облегчили ей эту задачу. Въ 1778 году Австрія, исконная противница Пруссіи въ Германіи, убѣдила бездѣтнаго курфирста Баварскаго Карла-Теодора уступить ей свои права на Баварію. Такое усиленіе Австріи возбудило со стороны дальняго родственника Карла-Теодора, герцога Цвейбрюкенскаго, протестъ, поддержанный силою Прусскихъ штыковъ. Между Австріей и Пруссіей вспыхнула война за Баварское наслѣдство. Но противники хорошо понимали, что перевѣсъ получитъ лишь тотъ изъ нихъ, кто заручится сочувствіемъ Петербургскаго кабинета. Опираясь на союзъ свой съ Россіей, Фридрихъ надѣялся, что Екатерина поддержитъ его сильной арміей, тогда какъ императоръ Іосифъ II, управлявшій Австріею въ старческіе годы матери своей Маріи-Терезіи, разсчитывалъ на нейтралитетъ Россіи. Екатерина не сдѣлала ни того, ни другаго: желая прочно утвердить Русское вліяніе въ Германіи и доставить себѣ рѣшающій голосъ въ Европейскихъ дѣлахъ,

---

[46]) До какой степени даже выдающіеся Нѣмецкіе историки относятся съ недоброжелательствомъ къ Россіи, видно изъ слѣдующихъ словъ Шерра по поводу гостепріимства, оказаннаго нашимъ отечествомъ Нѣмецкому поэту: «Это была, говоритъ онъ, талантливая натура, съ тонкимъ, нѣжнымъ чувствомъ, вслѣдствіе суровыхъ опытовъ окрѣпшая до стоицизма, никогда не теряя человѣческаго достоинства даже въ своей позднѣйшей обстановкѣ (!), въ которую бросила его судьба» (*Шерръ*: Всеобщая исторія литературы, II, 230). Позднѣйшая его обстановка была такова, что Клингеръ, оставаясь по духу Нѣмцемъ и достигнувъ богатства и почестей, не счелъ нужнымъ возвращаться въ отечество, слѣдуя, вѣроятно, правилу: ubi bene, ibi patria.

императрица дала время противникамъ ослабить другъ друга и затѣмъ въ лицѣ своего посла, князя Репнина, продиктовала имъ условія мира на Тешенскомъ конгрессѣ весною 1779 года. По этому миру Іосифъ отказывался отъ своихъ притязаній на Баварію, но зато и Фридрихъ не могъ усилить свое вліяніе въ Германіи; ибо для всѣхъ было ясно, что рѣшеніе дѣла зависѣло исключительно отъ Екатерины, которая и на будущее время открыла дорогу своему вмѣшательству въ Германскія дѣла, принявъ на себя, какъ ранѣе въ Польшѣ, гарантію Имперской конституціи. Доставивъ Россіи этимъ образомъ дѣйствій первенствующее положеніе въ Европѣ, Императрица достигала и ближайшихъ цѣлей своей политики. Восточный вопросъ всегда былъ главнымъ предметомъ думъ Екатерины. Въ это время, подъ вліяніемъ Потемкина, уже созрѣвалъ знаменитый Греческій проектъ; владѣніе Константинополемъ и установленіе на берегахъ Босфора Греческой имперіи подъ протекторатомъ Россіи—было конечною цѣлью этого проекта, и мы уже видѣли, что самое имя втораго внука Екатерины, родившагося во время Тешенскихъ переговоровъ, было предзнаменованіемъ готовившейся для него будущности. Рѣшеніе восточнаго вопроса, съ которымъ связаны насущные интересы Русскаго народа, долженствовало быть, по вѣрному взгляду Екатерины, главною цѣлью Русской политики; дѣла же Запада Европы, въ глазахъ ея, имѣли до поры до времени второстепенное значеніе и служили ей лишь орудіемъ для достиженія главной ея цѣли. Послѣ Тешенскаго мира, заставившаго Іосифа II искать содѣйствія и союза Русской императрицы для проведенія Германскихъ своихъ плановъ, Екатерина могла уже разсчитывать на помощь въ рѣшеніи восточнаго вопроса даже со стороны Австріи, до сихъ поръ только мѣшавшей осуществленію ея намѣреній. Вотъ почему императрица, хорошо понимавшая все коварство Фридриха II и вѣроломство его политики по отношенію къ Россіи, не задумалась пойти на встрѣчу желаніямъ Іосифа II, изъявлявшаго готовность содѣйствовать видамъ Россіи подъ условіемъ заключенія союза съ нею. Чтобы вѣрнѣе и скорѣе обезпечить себѣ поддержку Россіи и разорвать связь ея съ Пруссіей, Іосифъ рѣшился даже на небывалый еще шагъ: весною 1780 года онъ прибылъ въ Россію, чтобы личнымъ знакомствомъ съ Екатериной и ея наслѣдникомъ положить прочное основаніе будущимъ своимъ надеждамъ.

Какъ же отнеслись къ этому измѣненію политики своей матери Павелъ Петровичъ и его супруга? Подобно многимъ изъ современниковъ Екатерины, ближайшихъ свидѣтелей ея дѣйствій, они не могли обнять всей широты и величія ея государственныхъ предначертаній, выясняющихся лишь въ отдаленіи временъ, въ глазахъ потомства, горькимъ опытомъ извѣдавшаго впослѣдствіи весь вредъ уклоненія отъ пути, начертаннаго для Россіи «премудрой матерью отечества» [47]). Великій князь по прежнему смотрѣлъ на событія лишь съ точки зрѣнія непосредственнаго родственнаго чувства, которое питалъ онъ къ Фридриху, и во время войны за Баварское наслѣдство, съ рыцарскимъ воодушевленіемъ, собирался лично, во главѣ своего полка, идти на театръ военныхъ дѣйствій и тамъ, рядомъ съ своими шурьями, Фридрихомъ, Людвигомъ и Евгеніемъ, сражаться за великаго короля, своего дядю [48]). Тешенскій миръ помѣшалъ этому намѣренію Павла Петровича; но онъ съ напряженнымъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ переговоровъ, кончившихся, повидимому, благопріятно для Пруссіи, и велъ оживленную переписку съ уполномоченнымъ Екатерины кн. Репнинымъ, своимъ приверженцемъ [49]). Тѣмъ неожиданнѣе и поразительнѣе для него было зрѣлище начавшагося сближенія между Россіей и Австріей, тогда какъ казалось, что въ Тешенѣ между ними вырыта была цѣлая пропасть и что Россія надолго пристегнута къ Прусской колесницѣ. Эту перемѣну Русской политики Павлу легко было истолковать такъ же, какъ, по словамъ Гарриса, толковалъ ее самъ Потемкинъ, будто враждебность Екатерины къ Фридриху главнымъ образомъ обусловливалась тѣмъ вниманіемъ, которое Фридрихъ оказывалъ Павлу Петровичу [50]). Нѣтъ сомнѣнія, что такое объясненіе перемѣны отношеній къ себѣ Екатерины давалъ Павлу Петро-

---

[47]) См. диссертацію г. *Трачевскаго*: «Союзъ князей и Нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—1790». Дополненіемъ къ этой книгѣ для оцѣнки дальнѣйшихъ дѣйствій Русской дипломатіи являются извѣстные труды г. *Татищева*.

[48]) Письмо принцессы Доротеи, восхищавшейся этимъ намѣреніемъ зятя, 30 Декабря 1778 года.

[49]) Въ реестрѣ бумагъ Павла Петровича (*Маріинск. Арх.*, св. 103, № 5) подъ № 31 упоминаются: «Письма отъ кн. Репнина во время его посольства въ Тешенъ 1779 года».—Въ 1778 г. Павелъ велъ переписку съ княземъ Долгорукимъ, нашимъ посломъ въ Берлинѣ. *Русскій Архивъ*, 1882 г., I, 388.

[50]) Донесеніе *Гарриса* 15 Февраля 1780 г. *Р. Арх.*, 1874, II, 376.

вичу и Фридрихъ, находившійся съ нимъ и Маріей Θеодоровной въ постоянныхъ сношеніяхъ: ему слишкомъ выгодно было разыграть передъ рыцарскимъ цесаревичемъ роль жертвы своей къ нему привязанности. Поэтому Павелъ Петровичъ не только сочувствовалъ Фридриху, но даже считалъ нравственною своею обязанностью содѣйствовать ему въ его планахъ [51]).

Марія Θеодоровна, питавшая къ Пруссіи тѣ же дружескія чувства, вынуждена была, однако, отнестись къ новому положенію дѣлъ гораздо сдержаннѣе, чѣмъ пылкій ея супругъ: она постоянно связана была мыслію о вліяніи политическихъ дѣлъ на интересы своего Германскаго семейства. Предназначивъ сестру свою Фредерику въ супруги принцу Голштейнъ-Ольденбургскому Петру, Марія Θеодоровна мечтала о выдачѣ замужъ младшей сестры своей Елизаветы (р. 1767) за будущаго наслѣдника Прусской короны, Фридриха-Вильгельма (р. 1770), сына принца Прусскаго [52]). Но молодость принцессы Елизаветы еще мѣшала ей приступить къ осуществленію этого плана, а между тѣмъ Фридрихъ II своими дѣйствіями возбудилъ въ ея родителяхъ нѣкоторое къ себѣ недовѣріе [53]). Поэтому Марія Θеодоровна боялась явнымъ своимъ пруссофильствомъ повредить благу своихъ родныхъ, которые добивались для себя съ помощью дочери различныхъ выгодъ и одно время мечтали даже получить во владѣніе герцогство Курляндское [54]). Благополучіе ея семейства

---

[51]) Въ реестрѣ бумагъ Павла указанъ подъ № 24: «Проектъ покойнаго короля Фридриха II о Германскомъ союзѣ», вѣроятно, своевременно сообщенный имъ цесаревичу. «Проектъ» этотъ находится въ *Госуд. Архивѣ*.

[52]) См. письма принцессы Доротеи.

[53]) Во время Тешенскаго конгресса Монбельярская семья разсчитывала получить себѣ во владѣніе нѣкоторыя земли въ Германіи. Неудачу въ этомъ принцесса Доротея объяснила въ письмѣ 6 Апрѣля 1779 г. недоброжелательствомъ Фридриха. «Je suis bien fâchée des inquiétudes que vous avez pour nous, craignant que nous serons trop sensibles de manque de réussite qu'a eu l'affaire de fiefs. Vous verrez par la lettre, que le cher papa vous communiquera, la bonne volonté de la cour de Vienne à cet égard et que ce n'est que roi seul que nous devons la manque du succès. Ayez la bonté, прибавляла недовольная принцесса, de vous rappeller ce que je vous ai écrit à ce sujet; c'est une maxime de grands, qui ne s'occupent du bien-être des autres qu'autant qu'ils en ont besoin et que leur politique l'exige». Тѣмъ не менѣе жалобу свою неисправимая принцесса заключила словами: «mon attachement pour lui (Фридриха II) sera toujours le même, quoique je sais bien que j'ai à faire à un ingrât».

[54]) Письмо 19 Августа 1779 г. и письмо безъ числа 1780 г.

во многомъ могло зависѣть отъ Германскаго императора, даже болѣе, чѣмъ отъ Прусскаго короля. Вотъ почему она съ интересомъ ожидала появленія въ Петербургѣ Іосифа II, который, свидѣвшись съ Екатериной, подъ именемъ графа Фалькенштейна, въ Могилевѣ, въ Маѣ 1780 г., изъявилъ затѣмъ желаніе посѣтить Петербургъ, чтобы познакомиться съ великимъ княземъ и его супругой.

Іосифъ ѣхалъ въ Петербургъ исключительно съ цѣлью всевозможными средствами уничтожить самый корень пруссофильства въ Россіи и лишить Фридриха вѣрнѣйшихъ его приверженцевъ. Увидавшись съ Павломъ Петровичемъ и Маріею Θеодоровною, Іосифъ замѣтилъ, что великая княгиня имѣетъ сильное вліяніе на мужа, превосходя его умомъ и талантами; не могла укрыться отъ него и ея сильная привязанность къ роднымъ [55]). Поэтому Іосифъ думалъ склонить Марію Θеодоровну на свою сторону, устроивъ бракъ своего племянника и будущаго наслѣдника Австрійской монархіи Франца (бывшаго сыномъ брата его Леопольда, великаго герцога Тосканскаго) съ младшей сестрой Маріи Θеодоровны, принцессой Елизаветой. Марія Θеодоровна произвела на Іосифа самое благопріятное впечатлѣніе. «Чѣмъ болѣе узнаю я ее», писалъ онъ матери своей, Маріи Терезіи, «тѣмъ глубже и выше я уважаю ее (plus j'en fais un cas infini). Это—принцесса съ рѣдкимъ умомъ и характеромъ; къ этому у ней присоединяется очень симпатичная наружность и возвышенный образъ дѣйствій. Если бы десять лѣтъ тому назадъ я могъ найти или вообразить себѣ подобную ей принцессу, я бы женился на ней безъ затрудненія; она вполнѣ отвѣчала бы моему положенію; мнѣ кажется, что сказать болѣе нельзя» [54]). Іосифъ часто проводилъ время у великокняжеской четы, былъ даже въ Павловскѣ, у великой княгини, и присутствовалъ тамъ при закладкѣ Храма Дружбы.

---

[55]) *Arnet*: Joseph II und Leopold II, I, 323—324: «La grande-duchesse a une influence positive, fondée sur les plus forts liens sur la volonté et les désirs du grand duc, son epoux... On la regarde à peu prés, comme la future souveraine de cette vaste .monarchie, puisque le grand-duc, sans être imbécile, est bien éloigné néanmoins de pouvoir se comparer pour l'esprit et et les talens à son épouse... Son attachement pour m-me sa mère, qui l'a seule élevée, et pour toute sa famille est le sentiment le plus dominant dans son âme». Іосифъ Леопольду 19 Февраля 1781 года.

[54]) *Arnet*: Maria Theresia und Joseph II, III Band, 280.

«Онъ заискивалъ въ насъ всевозможными средствами», писала сама Марія Θеодоровна родителямъ $^{19}/_{30}$ Іюля 1780 г.: «онъ чрезвычайно ласкалъ нашего дорогаго графа Панина, такъ что Потемкинъ и его племянницы были даже обижены... Въ одну изъ бесѣдъ нашихъ онъ началъ говорить о счастіи, вытекающемъ изъ такого счастливаго союза, какъ нашъ. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу много любезностей и прибавилъ, что онъ желалъ бы когда-нибудь найти для своего племянника, сына великаго герцога Тосканскаго, супругу, которая походила бы на меня. Затѣмъ онъ спросилъ меня, сколько лѣтъ моей младшей сестрѣ... Я ему отвѣчала, что ей въ Апрѣлѣ исполнилось 13 лѣтъ и что касается до ея личности, то истина заставляетъ меня сказать, что она лучшая изъ всѣхъ насъ, трехъ сестеръ, что она обѣщаетъ быть очень красивой и что вмѣстѣ съ этимъ она соединяетъ въ себѣ лучшія качества ума и сердца. Тогда онъ сказалъ: «Очень жаль, что существуетъ такое большое различіе въ лѣтахъ (эрцгерцогъ былъ на годъ моложе принцессы Елизаветы): иначе, можно было бы подумать о брачномъ союзѣ между ними; но сестра ваша не согласится ждать такъ долго». На это я не могла ничего сказать; но онъ продолжалъ говорить, что хотя, къ несчастію, и трудно ожидать осуществленія этого брачнаго союза, но онъ будетъ въ восхищеніи, если дѣло это устроится». При слѣдующемъ свиданіи Іосифъ снова спрашивалъ великую княгиню, согласится ли ея сестра ждать совершеннолѣтія своего жениха, и тѣмъ вынудилъ ее сказать, что хотя она очень тронута вниманіемъ императора къ ея сестрѣ, но что рука сестры ея зависитъ отъ родителей, къ которымъ ему нужно обратиться. Сообщая объ этомъ разговорѣ родителямъ, Марія Θеодоровна хотя и восхищалась мыслію, что сестра ея можетъ быть впослѣдствіи Германской императрицей, но совѣтовала имъ не обольщаться заранѣе мечтами, такъ какъ дѣло это зависитъ исключительно отъ политическихъ случайностей. Но, подавъ Маріи Θеодоровнѣ надежду на блестящій бракъ ея младшей сестры, Іосифъ не ограничился этимъ. За день до своего отъѣзда, на утренней прогулкѣ, онъ, обратившись къ великой княгинѣ, сказалъ: «Я имѣю большую просьбу къ вашему императорскому высочеству».—Какую просьбу? спросила великая княгиня.—Онъ отвѣчалъ: «Осмѣливаюсь просить васъ, если вы считаете меня способнымъ оказать какую-либо услугу принцу, вашему отцу, или вашему семейству, располагайте мною.

Вы найдете меня всегда готовымъ доказать вамъ, насколько я къ вамъ привязанъ». «Я ему отвѣчала на это слѣдующее», писала родителямъ Марія Θеодоровна: «Я навѣрное ничего бы не сказала вамъ, что относилось бы ко мнѣ; но когда вы дѣлаете мнѣ честь, сами заводя рѣчь объ этомъ, позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы рекомендовать вашей добротѣ моихъ родителей и мое семейство. Вамъ извѣстно, какъ я люблю ихъ». Тогда Іосифъ прервалъ меня словами: «Испытайте меня, и вы увидите, честный ли я человѣкъ» [57]). Безъ сомнѣнія, эта тонкая и предупредительная готовность Іосифа исполнить желанія Маріи Θеодоровны не могла не содѣйствовать въ нѣкоторой степени ослабленію ея симпатій къ Пруссіи.

По отъѣздѣ Іосифа, чтобы загладить благопріятное впечатлѣніе, произведенное пребываніемъ его въ Петербургѣ, Фридрихъ II послалъ туда своего племянника и наслѣдника престола, Фридриха-Вильгельма. Этотъ принцъ ничѣмъ не отличался отъ брата Маріи Θеодоровны Фридриха по грубости манеръ и тяжелому характеру. «Я въ отчаяніи, писала принцесса Доротея дочери, въ виду смѣшной поѣздки принца Прусскаго. Это достойный человѣкъ, который не долженъ быть шпіономъ». Екатерина, называвшая Фридриха-Вильгельма тяжеловѣснымъ и глупцомъ, приняла его сухо и сдержанно и, наконецъ, прямо сократила его пребываніе въ Петербургѣ. Хотя личныя отношенія Фридриха-Вильгельма съ Павломъ Петровичемъ и его супругой продолжали быть дружественны и даже, при посредничествѣ Панина, повели къ новому обмѣну увѣреній въ вѣчной дружбѣ между наслѣдниками Русскаго и Прусскаго престоловъ, но онъ ничего не могъ предложить взамѣнъ лестныхъ для Маріи Θеодоровны обѣщаній Іосифа; мало того, на вопросъ ея, предложенный для того, чтобы извѣдать почву,—возможенъ ли бракъ между его сыномъ и принцессой Луизой Прусской, Вильгельмъ отвѣчалъ, что онъ вовсе не думаетъ о брачныхъ проектахъ для своего сына, которому только что минуло десять лѣтъ. Францу Тосканскому исполнилось тогда двѣнадцать лѣтъ; но Іосифъ не затруднялся этимъ, желая только, чтобы принцесса Елисавета согласилась ждать до совершеннолѣтія своего жениха. Разница эта въ поведеніи представителей Прусскаго и Австрійскаго домовъ бросалась въ глаза сама со-

---

[57]) *Госуд. Арх.*, IV, 205.—Письмо это съ подлинника, находящагося въ Штутгартскомъ королевскомъ архивѣ, напечатано у *Schlossberger'a: Prinz Karl von Würtemberg*, Stuttgart, 1889, 99—104.

бою, а тутъ еще пришли вѣсти отъ матери, что Фридрихъ, раздраженный неудачами, началъ вымещать ихъ на братьяхъ Маріи Θеодоровны. Этимъ объясняется извѣстіе Гарриса, что принцъ Фридрихъ-Вильгелмъѣъ не нашелъ въ великокняжеской четѣ того радушія, какого ожидалъ [58]). Только по возвращеніи Фридриха-Вильгельма изъ Петербурга, старый король узналъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ въ Петербургѣ Іосифомъ; но исправить дѣло было уже трудно.

Родители Маріи Θеодоровны были очень обрадованы блестящею будущностью, открывавшеюся и предъ второю ихъ дочерью. Принцъ Фридрихъ-Евгеній рѣшительно высказывался въ пользу Австрійскихъ предложеній. Фридрихъ II напрасно предлагалъ имъ въ зятья сначала наслѣднаго принца Датскаго [59]), а затѣмъ сына принца Прусскаго, о которомъ думала ранѣе Марія Θеодоровна; напрасно напоминалъ онъ имъ о родственныхъ чувствахъ къ Прусскому королевскому дому [60]): старый король самъ портилъ дѣло, не отказавшись еще отъ привычки деспотически распоряжаться судьбами Монбельярской фамиліи и притѣсняя въ порывѣ гнѣва братьевъ Маріи Θеодоровны. Эти поступки благодѣтельнаго дяди побудили даже принцессу Доротею жаловаться на него Маріи Θеодоровнѣ и просить чрезъ нее покровительства у Екатерины. «Поступки короля» писала она дочери въ началѣ 1781 года, «становятся невыносимы... Это ужасный человѣкъ. Но невозможно допустить, чтобы онъ обращался съ моими сыновьями, какъ съ негодяями (traiter en canaille)». Боясь, чтобы злоба Фридриха и его интриги не повредили дѣлу сватовства и ея семейству, принцесса Доротея прибавляла: «Ахъ, дорогая Дортель, я опасаюсь, что дѣла наши еще не скоро примутъ благопріятный оборотъ. Мы были бы несчастнѣйшими изъ людей безъ покровительства императрицы. Ходатайствуйте за насъ предъ нею».

Итакъ, помимо воли Маріи Θеодоровны и противъ желанія ея и графа Панина, положено было начало родственныхъ

---

[58]) Донесеніе *Гарриса* 11 Сентября 1780 г.

[59]) Это предложеніе поддерживалось Павломъ Петровичемъ и Панинымъ. Письмо Маріи Θеодоровны 20 Сентября 1780 г., *Госуд. Арх.*, IV, 205. См. ниже, стр. 172 нашего труда, примѣчаніе 14.

[60]) Это дѣлалъ онъ чрезъ принца Фердинанда Прусскаго, письмо котораго хранится въ Павловскомъ дворцовомъ архивѣ, и чрезъ принца Фридриха, брата Маріи Θеодоровны (*Stark*, 54).

отношеній великокняжеской четы съ Габсбургскимъ домомъ, что̀ равнялось ея отчужденію отъ Пруссіи.

Екатерина, въ свою очередь, воспользовалась благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ. 2-го Іюня 1781 г. она увѣдомила Іосифа о согласіи родителей принцессы Елисаветы на предположенный бракъ ея съ эрцгерцогомъ Францомъ, а 24-го Іюля, Іосифъ, находившійся тогда въ Брюсселѣ, обратился къ принцу Фридриху-Евгенію съ формальнымъ предложеніемъ. На возвратномъ пути въ Австрію, побывавъ въ Парижѣ у сестры своей, королевы Маріи-Антуанеты, Іосифъ заѣхалъ 10 Августа и въ Монбельяръ, гдѣ онъ провелъ $1^1/_2$ дня. Очаровавъ Монбельярскую семью своею любезностью, Іосифъ кончилъ тѣмъ, что пригласилъ принца Фридриха-Евгенія и его супругу, вмѣстѣ съ 14-лѣтнею Елисаветою, въ Ноябрѣ посѣтить Вѣну, куда онъ, согласно извѣщенію Екатерины отъ 4 Іюля, ждалъ къ тому времени Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну [61]). Объ этомъ путешествіи великокняжеской четы шла рѣчь между Іосифомъ и Екатериной, во время пребыванія Іосифа въ Петербургѣ, и Марія Ѳеодоровна, безъ сомнѣнія, могла только радоваться, этому проекту, желая увидаться съ родителями, которыхъ она отчаялась когда-либо видѣть [62]).

Такимъ образомъ Марія Ѳеодоровна Іосифу была обязана исполненіемъ самыхъ горячихъ своихъ желаній. Но, соглашаясь на поѣздку цесаревича и его супруги изъ политическихъ видовъ, желая доставить Іосифу возможность принять высокихъ супруговъ въ Вѣнѣ и заручиться тамъ ихъ симпатіями, Екатерина, къ удовольствію Іосифа, поставила непремѣннымъ условіемъ заграничнаго путешествія, чтобы великій князь и его супруга не посѣщали Пруссіи и Берлина.

За пятилѣтній промежутокъ времени, истекшій со времени поѣздки Павла въ Берлинъ, Екатерина, очевидно, имѣла полную возможность безошибочно оцѣнить, что̀ такое для нея и для ея семьи Берлинъ.

---

[61]) *Кобеко, Schlossberger, Oberkirch.*

[62]) Донесеніе *Гаррuса* 21 Октября 1781 г. *Р. Арх.* 1874. II, 804.—*Arnet*: Joseph II und Maria Theresia, III, 96. — По отъѣздѣ Іосифа изъ Петербурга Марія Ѳеодоровна писала ему 11 Іюля 1780 г.: «Notre consolation consiste à nous entretenir de l'espérance (à la verité bien éloignée) qne V. M. nous a donnée, de lui présenter de nouveau nos hommages. Nous faisons des voeux pour rien ne s'oppose à ce charmant projet qui me mettra à même de vous répéter, Sire, que vos bontés et votre amitié ont fait la plus impression sur nous». Тамъ же, 239.

*

VI.

1781 — 1782.

Причины, вызвавшія путешествіе великокняжеской четы за границу, и обстоятельства, ему благопріятствовавшія.—Роль графа Панина.—Путешествіе по Россіи и Польшѣ.—Прибытіе въ Вѣну и пребываніе въ ней.—Поѣздка по Италіи.—Жизнь въ Парижѣ.—Изъ Парижа въ Монбельяръ.—Родина.—Швейцарія, южная Германія и Вѣна.—Возвратный путь.—Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ.—Что дало путешествіе.

Со времени пребыванія въ Петербургѣ Іосифа II обстоятельства сложились самымъ благопріятнымъ образомъ для исполненія давняго желанія Маріи Ѳеодоровны увидѣться съ своею Германской семьею. Екатерина, изъ политическихъ разсчетовъ, могла только сочувствовать заграничной поѣздкѣ великокняжеской четы, а Павелъ Петровичъ, вообще склонный дѣлать угодное своей супругѣ, могъ видѣть въ предполагаемой поѣздкѣ удобное средство хотя на время выйти изъ колеи однообразной, бездѣятельной жизни и путемъ личнаго знакомства съ образованными Европейскими странами расширить умственный кругозоръ свой. Молодой мужъ и отецъ, наслѣдникъ огромнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, при своей нервности и впечатлительности, изнывалъ отъ скуки бездѣйствія и отсутствія соотвѣтствующихъ его положенію занятій. По образу своихъ мыслей лишенный матерью возможности принимать участіе въ управленіи государствомъ, Павелъ пріучился отрицательно относиться къ положенію государственныхъ дѣлъ, занялся изложеніемъ собственныхъ взглядовъ по разнымъ частямъ управленія и вступилъ по этому поводу въ переписку съ своими приверженцами: княземъ Н. В. Репнинымъ и графомъ П. И. Панинымъ. Заботы Маріи Ѳеодоровны о хозяйствѣ, о своихъ родныхъ, о созиданіи Павловска, равно какъ и частныя лите-

ратурныя чтенія въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ, занимали цесаревича преимущественно только съ внѣшней стороны. Живя лѣтомъ 1781 г. въ Павловскѣ, Павелъ помогалъ своей супругѣ въ хлопотахъ по устройству ея любимаго мѣстопребыванія (Марія Θеодоровна готовилась въ это время къ постройкѣ большаго Павловскаго дворца); но какъ мало удовлетворяла его эта мирная дѣятельность и каково было его душевное состояніе, видно изъ переписки его съ бывшимъ его наставникомъ, въ то время архіепископомъ Московскимъ, Платономъ. «Вы», писалъ онъ ему 19 Іюня 1781 г. изъ Павловска, «много мнѣ чести дѣлаете, сравнивая мои упражненія съ Кировыми. Они ни славою, ни важностію не могутъ быть съ оными сравнены, но со стороны добрыхъ намѣреній могутъ на Кировы походить когда-нибудь; а теперь стараюся успокоивать духъ свой и занимаю себя невиннымъ здѣшняго мѣста иногда упражненіемъ. Вотъ цѣна здѣшняго мѣста и пребыванія моего въ немъ. Потъ же мой не упражненія, ни трудовъ, а потъ развѣ скуки. Итакъ, изъ сего видите, что и тутъ на Кира не похожъ: ибо онъ проливалъ его въ трудахъ, въ которыхъ отдыхалъ отъ важнѣйшихъ; а я, не имѣя таковаго рода, есть ли отъ чего могу отдыхать, такъ развѣ со стороны духа, и тѣмъ самымъ сіе сельское житіе мое оправдывать или извинять, естьли извиненіе надобно, предъ вами же никогда думаю; ибо, зная меня, отдадите справедливость намѣреніямъ моимъ и дружбѣ къ вамъ». Платонъ, встревоженный скорбной нотой, звучавшей въ устахъ его царственнаго ученика, совѣтовалъ ему беречься унынія и ободриться. Павелъ отвѣчалъ ему 16 Іюля, когда Екатерина дала уже согласіе на его путешествіе: «Все, чтò ваше преосвященство пишете въ послѣднемъ письмѣ своемъ о скукѣ, столь справедливо, что остается мнѣ только напрягать силы свои къ исполненію подаваемыхъ мнѣ вами совѣтовъ. Всеконечно ослабляетъ она духъ, отымая силы, и нѣтъ лучшаго средства оборониться отъ нея, какъ занимая себя предметами, сходными съ состояніемъ каждаго. Тогда, хотя бы и оставалось праздное время, будетъ то утѣшеніе, что употреблено хотя протчее въ пользу, и отъ сего самаго должно и спокойствіе духа проистекать. Но властны ли мы всегда такимъ образомъ располагать временемъ своимъ? Сей вопросъ стòитъ нѣкотораго вниманія. Конечно властны, поелику другихъ препятствій не настоитъ; но когда съ самою лутчею волею къ тому отымаются средства

Между тѣмъ отъ братьевъ Марія Ѳеодоровна не видѣла ничего, кромѣ горя: не говоря уже о принцѣ Фридрихѣ, поведеніе котораго было причиною постоянныхъ семейныхъ тревогъ, гнѣвъ отца возбудилъ противъ себя легкомысленнымъ поведеніемъ и принцъ Людвигъ. Кажется, можно сказать безошибочно, что старшіе братья Маріи Ѳеодоровны, находясь въ качествѣ служилыхъ принцевъ въ рядахъ Прусской арміи и домогаясь богатства и почестей, смотрѣли на Русскую сестру свою главнымъ образомъ какъ на средство къ своему возвышенію и обвиняли ее въ равнодушіи каждый разъ, когда надежды ихъ не осуществлялись съ желаемой скоростью, предполагая, конечно, что для Русской великой княгини нѣтъ ничего невозможнаго [8]). Эти прискорбныя недоразумѣнія съ отцомъ и братьями Марія Ѳеодоровна могла надѣяться уничтожить лишь при личномъ свиданіи съ ними: неблагодарность близкихъ къ ней людей не отталкивала отъ нихъ Маріи Ѳеодоровны, а только побуждала представить имъ новыя доказательства своей горячей любви къ нимъ. Недостатка въ поводахъ къ этому не могло быть: положеніе дѣлъ въ Монбельярской семьѣ, всегда довольно шаткое, именно въ это время требовало особенной поддержки Русской великой княгини и ея супруга и даже ихъ личнаго пребыванія за границей.

6-го Апрѣля 1780 г. скончалась первая супруга Карла, владѣтельнаго герцога Виртембергскаго, не оставивъ дѣтей послѣ себя, и для Монбельярской семьи возникъ грозный призракъ втораго брака Карла. Этимъ въ самомъ корнѣ уничтожались надежды отца Маріи Ѳеодоровны рано или поздно вступить во владѣніе герцогствомъ (ибо дѣти втораго брата Карла, принца Людвига, женатаго, какъ намъ извѣстно, морганатическимъ бракомъ, не имѣли, по семейному договору, права наслѣдованія). Надеждой же когда-либо владѣть Виртембергомъ, по смерти братьевъ, принцъ Фридрихъ-Евгеній очень дорожилъ, разсчитывая этимъ обезпечить будущность своихъ дѣтей. Изъ писемъ принцессы

---

[8]) Принцесса Доротея, передавая дочери жалобы братьевъ, тѣмъ не менѣе не раздѣляла ихъ пылкихъ надеждъ и понимала щекотливость положенія великой княгини. «Il est sûr, mon cher enfant, que dans le grand rang, où vous vous trouvez, vous devez user d'autant plus de circonspection: tous les yeux étant fixés sur vous pour observer et pour deviner, pour ainsi dire, vos pensées. Tout ceci me chipotte beaucoup, ne désirant rien tant que la tranquillité d'esprit». Письмо 18 Октября 1780 г.

Доротеи видно, что въ 1779 г. онъ долго не рѣшался дать согласіе на присвоеніе дочерямъ принца Людвига титула принцессъ и сдѣлалъ это лишь по совѣту Маріи Ѳеодоровны и графа Панина: принцъ Фридрихъ-Евгеній боялся, что у брата можетъ родиться сынъ, котораго тоже пришлось бы признать принцемъ, съ правами наслѣдованія. Теперь, со смертію супруги герцога Карла, мечтамъ Монбельярской семьи грозила серьезная опасность: Прусскіе вѣстовщики разглашали, что герцогъ, по наущенію Іосифа II, хочетъ вступить во второй бракъ въ надеждѣ имѣть наслѣдника сына. Всегда чуткая къ интересамъ своихъ родныхъ, Марія Ѳеодоровна еще лѣтомъ 1780 г., по пріѣздѣ въ Петербургъ Іосифа II, заговорила съ нимъ по этому поводу, и Іосифъ тогда же увѣрилъ ее своею честью, «что онъ никогда не думалъ объ этомъ, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ и понимаетъ весь вредъ, который нанесенъ бы былъ ея семьѣ бракомъ герцога Карла, и что, по совѣсти, онъ не вѣритъ тому, чтобы Карлъ могъ жениться вновь» [9]). Это заявленіе императора было тѣмъ пріятнѣе для Маріи Ѳеодоровны, что ходили слухи о намѣреніи Карла вступить въ бракъ съ давней его фавориткой, графиней Гогенгеймъ, и отъ воли императора зависѣло признать этотъ бракъ законнымъ. Но расположеніе Іосифа содѣйствовать видамъ Монбельярской семьи вынуждало и ее, съ своей стороны, выполнять его желанія. Между тѣмъ, точное опредѣленіе условій предположеннаго брака племянника Іосифа, эрцгерцога Франца Тосканскаго, съ принцессой Елисаветой вызвало не мало затрудненій. Принцесса Елисавета, какъ и всѣ дѣти Фридриха-Евгенія, воспитана была въ протестантствѣ, а бракъ ея съ будущимъ Австрійскимъ государемъ былъ возможенъ лишь подъ условіемъ перехода ея въ католичество. Въ этомъ всѣ были согласны; но дѣло значительно осложнялось тѣмъ, что бракъ могъ быть совершенъ не ранѣе пяти-шести лѣтъ, лишь по достиженіи женихомъ совершеннолѣтія; а это ставило невѣсту въ неопредѣленное положеніе, тѣмъ болѣе, что Іосифъ имѣлъ право требовать, чтобы

---

[9]) *Госуд. Арх.*, IV, 205. *Schlossberger*, 103. См. также *Arnet*: Joseph II und Leopold, 1, 325. Передавая брату своему Леопольду подробности своихъ отношеній къ Маріи Ѳеодоровнѣ, Іосифъ не ошибался въ источникѣ неблагопріятныхъ для него свѣдѣній, безпокоившихъ Марію Ѳеодоровну: «Le roi de Prusse», говоритъ онъ, «remue ciel et terre pour la captiver et pour me faire perdre dans son esprit». Тамъ же.

принцесса немедленно переселилась въ Вѣну и тамъ готовилась къ перемѣнѣ вѣры. Кромѣ того, до великой княгини доходили слухи (оказавшіеся впослѣдствіи ложными), что родители жениха: Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій, и его супруга, вовсе не сочувствовали этому браку [10]).

Все это побуждало Марію Θеодоровну желать заграничной поѣздки, чтобы собственными глазами убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ и оказать своимъ роднымъ существенную поддержку. Желаніе это оказалось теперь вполнѣ осуществимымъ благодаря могущественному содѣйствію Іосифа II и измѣненію политической системы Россіи.

Какъ ни больно было великокняжеской четѣ разставаться съ дѣтьми, но рѣшимость ея при такихъ условіяхъ ѣхать за границу была совершенно естественна, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ въ согласіи императрицы сомнѣваться было нельзя. Даже приверженецъ великаго князя, князь Н. В. Репнинъ, находившійся въ то время при дворѣ, совѣтовалъ ему ознакомиться съ Европейскими странами для пріобрѣтенія познаній и опытности. Такова, однако, была общая увѣренность въ противоположности взглядовъ и интересовъ Екатерины и Павла, что многіе современники не могли допустить мысли, чтобы какое-либо событіе совершилось съ общаго согласія матери и сына, и поэтому видѣли въ путешествіи Павла Петровича слѣдствіе затаенныхъ намѣреній Екатерины. Такъ, Гаррисъ разсказываетъ, будто Екатерина, желая побудить сына къ путешествію въ Австрію, обратилась къ князю Репнину съ просьбой навести какъ-нибудь Павла Петровича на мысль о путешествіи, внушая какъ ему, такъ и великой княгинѣ, что для лицъ, столь высокопоставленныхъ, не только хорошо, но даже необходимо посмотрѣть на характеры разныхъ странъ и познакомиться съ разными способами правленія. Въ заключеніе императрица будто бы обѣщала князю Репнину, въ случаѣ удачи его въ этомъ дѣлѣ, наградить его какимъ-нибудь особымъ знакомъ своей милости [11]), Это подозрѣніе современниковъ по поводу неожиданнаго согласія, обнаружившагося между большимъ и малымъ дворами, не оправдывается ни характеромъ князя Репнина, ни содержаніемъ писемъ Екатерины къ своимъ дѣтямъ послѣ ихъ отъѣзда.

---

[10]) *Arnet*: Joseph II und Leopold, 1, 115.

[11]) Донесеніе *Гарриса* 21 Октября 1781 г. *Р. Арх.*, 1874, II, 804—805.

Уже въ первомъ письмѣ къ Павлу Петровичу и Маріи Өеодоровнѣ, когда они еще не успѣли далеко отъѣхать отъ Петербурга, Екатерина писала: «Любовь матери говоритъ вамъ и повторяетъ опять—возвратиться, какъ только будетъ возможно, будь это изъ Пскова, Полоцка, Могилева, Кіева или изъ Вѣны; ибо мы безъ всякой, наконецъ, уважительной причины переносимъ печаль такой разлуки. Итакъ, спросивши свое сердце и умъ, я прихожу къ заключенію, что вамъ, если не находите никакого удовольствія продолжать путь, сію же минуту слѣдуетъ рѣшиться пріѣхать назадъ, подъ предлогомъ, что я вызвала васъ» [12]). Самъ графъ Н. И. Панинъ, по словамъ того же Гарриса, не могъ ничего, возражать противъ этого путешествія, съ затаенной, конечно, надеждой, что великому князю придется побывать и въ Берлинѣ; притомъ графъ Панинъ лучше чѣмъ ктолибо при Русскомъ дворѣ зналъ сокровенные помыслы Маріи Өеодоровны, и не ему было возможно прямо и открыто противодѣйствовать ея давнимъ желаніямъ. Онъ все время старался только подъ рукою дѣйствовать противъ Австріи и укрѣплять въ великокняжеской четѣ Прусскія симпатіи. «До тѣхъ поръ», пишетъ Гаррисъ, «пока графъ Панинъ оставался здѣсь, настроеніе и расположеніе ихъ императорскихъ высочествъ были подвержены постояннымъ перемѣнамъ. Всякій разъ, какъ курьеръ изъ Вѣны привозилъ имъ письма отъ императора, они были на сторонѣ Австріи и восхищались мыслью о своемъ путешествіи; но послѣ свиданія съ графомъ Панинымъ, который преподавалъ имъ правила, предписанныя ему изъ Потсдама, чувства ихъ измѣнялись: они едва говорили съ графомъ Кобенцелемъ (Австрійскимъ посланникомъ) и, казалось, чрезвычайно сожалѣли, что имъ предстояло уѣхать изъ Петербурга. По отъѣздѣ графа Панина зрѣлище перемѣнилось: великій князь и великая княгиня стали расположены очевидно и постоянно въ пользу Австріи, не разговаривали ни съ кѣмъ, кромѣ графа Кобенцеля и его жены, были вполнѣ заняты мыслію объ императорѣ и о Вѣнѣ. Еще никогда до тѣхъ поръ не находились они въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ императрицей, какъ въ это время; они были вѣжливы даже по отношенію къ князю Потемкину... Это послѣдовательное и пріятное для императрицы обращеніе дѣйствительно приблизило ихъ къ ней и было причиной

---

[12]) *Сборникъ*, IX, 65.

того, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ они съ ней были въ отношеніяхъ дружбы и искренности, не извѣстныхъ до того времени» [13]).

Пѣсенка опруссаченнаго Русскаго дипломата была, впрочемъ, уже спѣта. Графъ Н. И. Панинъ не могъ не видѣть, что самая основа его политическихъ разсчетовъ оказалась непрочною: Марія Θеодоровна, изъ любви къ роднымъ, готовилась вступить въ дружественныя связи со врагомъ Гогенцолернскаго дома—Габсбургами [14]). Въ то же время сближеніе Россіи, съ Австріей и охлажденіе къ Пруссіи, вмѣстѣ съ возвышеніемъ Потемкина, дѣлало неизбѣжнымъ удаленіе отъ дѣлъ самого графа Панина, творца «сѣвернаго аккорда». Наконецъ, Екате-

[13]) *Р. Арх.*, 1874, II, 806—807.

[14]) По отъѣздѣ изъ Петербурга Іосифа II графъ Панинъ дѣлалъ, однако, все возможное, чтобы подорвать въ Маріи Θеодоровнѣ вѣру въ его обѣщанія, хотя, безъ сомнѣнія, не могъ не сознавать, что Іосифъ, добивавшійся союза съ Россіею, былъ вполнѣ искрененъ. «Je sçai de licence certaine», писала Марія Θеодоровна къ матери: «qu'il (Іосифъ) a voulu engager le duc à se remarier; même on a envoyé une personne à Stoudtgardt pour la proposition que les engagements du duc et de la comtesse étaient de nature à ne point être rompus. Le procedé de l'Empereur n'est nullement beau et est d'une fausseté de la politique autrichienne. Ni le g.-d., ni le c-te Panin, ni moi ne croyons, mon adorable maman, que jamais le cas n'existera d'une proposition de mariage pour ma soeur Elisabeth pour le fils aîné de g.-d. de Toscane. C'était un propos fixé en l'air, mais j'espère toujours que ma soeur sera un jour reine de Dannemarck. Il n'y a qu'encore la moindre proposition de faite, mais le c-te Panin croit que la Dannemarck sera charmé de s'allier avec nous; c'est un beau parti. Je ne vois pas, me chère maman, que l'Empereur demande aucun de mes frères à son service, et au cas même qu'il en demande un, des grands ne lui en accorderont pas; ce qui peut facilement se faire si vous placez Ferdinand vite, alors on peut protester l'extrême jeunesse». Черновое письмо 1780 г., безъ числа, въ *Архивѣ Павловскаго дворца*.—Гаррисъ приводитъ рѣзкій отказъ Екатерины Датской королевѣ на просьбу о рукѣ принцессы Елисаветы для ея сына. *Р. Арх.* 1874, II, 774.—Въ другомъ письмѣ того же времени Марія Θеодоровна убѣждаетъ родителей, слѣдуя совѣтамъ Панина, продать Гохбергъ Виртембергскому герцогу или земству, «Mais продолжаетъ она, le g.-d. et moi nous vous conjurons au nom de Dieu d'engager le cher papà de ne point offrir ces terres à l'Empereur: ce serait brouiller le cher papà pour toujours avec le roi et faire une *peine affreuse aux Russes* (!). J'ai fait de sonder le c-te Panin sur la possibilité de cette chose. Il a rejetté la chose en me suppliant de n'y jamais penser que cela donnerait un mécontentement général. Je vous écris toutes ces choses, chére et bonne maman, avec la plus grande confiance» *(Архивъ Павловскаго дворца)*. Изъ писемъ этихъ ясно видно, какъ, дѣйствуя въ Прусскихъ интересахъ, графъ Панинъ запугивалъ Павла и Марію Θеодоровну.

рина должна была испытывать личное неудовольствіе противъ человѣка, который шелъ противъ ея воли, противодѣйствуя браку принцессы Елисавиты съ эрцгерцогомъ Францомъ: отъ нея не укрылись происки графа Панина въ пользу брака принцессы съ принцемъ Датскимъ или принцемъ Прусскимъ. Объ этой опалѣ графа Панина, какъ видно изъ писемъ принцессы Доротеи, ходили слухи еще въ началѣ 1781 года [15]), а 13 Мая онъ долженъ былъ уже взять отпускъ и уѣхалъ въ пожалованное ему село Дугино [16]). Старый дѣлецъ не хотѣлъ, однако, сдаться безъ бою, и когда путешествіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны было окончательно рѣшено, графъ Панинъ въ началѣ Сентября возвратился въ Петербургъ, чтобы хотя на время отсрочить его.

Сохранился первоначальный набросокъ плана поѣздки, собственноручно начертанный Екатериной [17]). Екатерина желала, чтобы Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, совершая путе-

---

[15]) Письмо 1781 г. безъ числа, писанное, какъ и многія другія, лимоннымъ сокомъ.—Но къ этому ли времени относится слѣдующая записка Екатерины къ Панину, напечатанная въ *Сборникѣ* (XXVII, 237), безъ означенія года и числа. «Графъ Никита Ивановичъ, какъ почти весь городъ подъ вашимъ именемъ сбирается сдѣлать контрбандъ, хотя вы о томъ совершенно и не знаете, и во всѣхъ компаніяхъ другъ друга потчиваютъ, не изволитъ ли кто пользоваться дозволеніемъ, даннымъ Никитѣ Ивановичу. безпошлинно привозить или выписывать мебели и проч.: то для избѣжанія злоупотребленій и непріятныхъ послѣдствій, пожалуй велите сказать въ таможнѣ, что̀ вы, услыша такія враки, объявляете, что вы будете платить пошлину всю, на что̀ я вамъ приказала отпустить отъ Елагина десять тысячъ рублевъ; ибо вы мнѣ сказали, что вамъ на столько франшизу надобно. Я совершенно знаю, что вы, входя въ сіи обстоятельства, конечно, не захотите, чтобы ваше имя служило покрышкой преступленія законовъ, и для того сіе къ вамъ пишу. Екатерина».

[16]) *Гаррисъ* доносилъ своему правительству 25 Іюля: «Il n'est pas probable que le comte Panin reprenne jamais la direction der affaires. Il parle de revenir ici pour l'inoculation des jeunes princes. Cette idée déplait à l'impératrice qui a dit avec colère, qu'elle ne voyait pas ce que le comte Panin avait à faire en cette occasion; qu'il se conduisait toujours comme s'il était un des membres de la famille, et comme si ses enfants et ses petits—enfants lui appartenaient autant qu'à elle. Mais, a-t-elle ajouté, s'il croit qu'il sera jamais rétabli dans les fonctions de premier ministre, il se trompe grandement. *Il ne sera jamais à ma cour autre chose que garde-malade*» (курсивъ въ подлинникѣ).—*La Cour de Russie*, 358.

[17]) *Госуд. Арх.*, IV, 106. Записка эта, очевидно, писана была Екатериной для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, такъ какъ IX пунктъ записки изложенъ въ формѣ обращенія къ нимъ: «буде попа хотите, то Самбурскаго».

шествіе инкогнито, «колико можно избѣгали пиршествъ и кромѣ государей или кому покажется прилично нигдѣ не кушали» и «писали по почтѣ единожды или два раза въ недѣлю одинъ или оба, какъ хотятъ»; на издержки Екатерина предположила сумму въ 300,000 р. Сопровождать великаго князя и его супругу назначены были: ихъ гофмейстеръ Н. И. Салтыковъ съ женою, извѣстный знатокъ искусства князь Н. Б. Юсуповъ, и подполковникъ X. А. Бенкендорфъ съ женой; путь въ Русскихъ предѣлахъ былъ опредѣленъ тотъ же, которому годъ тому назадъ слѣдовала сама Екатерина при свиданіи съ Іосифомъ въ Могилевѣ. Но въ наброскѣ этомъ статьи: «Le temps du départ» и «Marcheroute» оставлены безъ отмѣтки: Екатерина, очевидно, желала предварительно уговориться по этимъ вопросамъ съ сыномъ и невѣсткою. И дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ кругъ путешествія былъ расширенъ, такъ какъ Павелъ Петровичъ, кромѣ Австріи и Италіи, пожелалъ посѣтить и Францію. 12 Іюля 1781 года онъ писалъ Сакену: «Рѣшено, что я отправляюсь путешествовать, какъ только моимъ дѣтямъ привьютъ оспу. Сначала я ѣду въ Вѣну, проѣду по всей Италіи и на возвратномъ пути увижу Швейцарію и Нидерланды. Чтó касается Франціи, то я еще ничего не могу сказать; но, мнѣ кажется, было бы стыдно, проѣзжая мимо нея, оставить ее безъ вниманія. На возвратномъ пути я проѣду чрезъ самое сердце Германіи» [18]). Дозволивъ сыну побывать во Франціи, императрица, однако, рѣшительно и гнѣвно отказала Маріи Өеодоровнѣ, когда она выразила желаніе посѣтить Берлинъ [19]). Надо думать, что Екатерина не позволила ѣхать великокняжеской четѣ черезъ Москву, лишивъ такимъ образомъ Марію Өедоровну возможности познакомиться съ первопрестольной столицей [20]): безъ сомнѣнія, императрица хорошо помнила пребываніе въ Москвѣ Павла и его первой супруги въ 1775 г., когда онъ вызывалъ къ себѣ всеобщее сочувствіе москвичей. За то другія просьбы Павла Петро-

---

[18]) *Сборникъ*, XX, 429. 10-го Іюля, сообщая Гримму о предположенномъ путешествіи великокняжеской четы, Екатерина ни словомъ не упоминала о Франціи и Нидерландахъ, называя лишь Вѣну, Италію, Монбельяръ и Дрезденъ. *Сборникъ*, XXIII, 214.

[19]) *Гаррисъ*, донесеніе 21 Октября 1781 г. *Р. Арх.*, 1874, II, 806.

[20]) Павелъ писалъ 5 Августа Платону: «Проѣздъ мой чрезъ Москву пріятенъ бы былъ, но не отъ меня зависитъ, и такъ творю волю пославшаго мя». *Р. Арх.*, 1887, II, 24.

вича и его супруги были исполнены. Дозволено ѣхать съ ними лицамъ, которыя составляли ихъ домашній кружокъ: князю А. Б. Куракину, камеръ-юнкеру Ѳ. Ѳ Вадковскому, капитанъ-лейтенанту С. И. Плещееву, чтецамъ: Николаи, Лафермьеру и Клингеру, а также фрейлинамъ: Е. И. Нелидовой и Н. С. Борщовой. Разумѣется, съ этимъ измѣненіемъ прибавлено было и денегъ на расходы по путешествію. Наконецъ, Екатерина не препятствовала желанію Павла Петровича ускорить отъѣздъ: рѣшено было, что великій князь и великая княгиня выѣдутъ въ Сентябрѣ. «Какое вы время года выбрали для путешествія!» писала имъ въ Октябрѣ Екатерина. «Объ этомъ я никогда не думаю безъ ужаса» [21]). 1-го Сентября 1781 г., прививъ дѣтямъ оспу, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна написали «послѣднее письмо свое» предъ отъѣздомъ Платону. «Симъ письмомъ прощаюсь съ вами», писалъ Павелъ, «прося, чтобы вы обратили молитвы свои не только на путешествующихъ, но и на драгоцѣнные залоги, которые здѣсь оставляю: отечество—первой, а дѣти—другой». Говоря о второмъ драгоцѣнномъ залогѣ, Марія Ѳеодоровна прибавляла: «Дѣти, слава Богу, еще здоровы; дай Богъ, чтобы это всегда было и чтобы это страшное время прошло поскорѣе. Безпокойствіе души моей я не могу вамъ описать» [22]). Желаніе «видѣть дѣтей перешедшими опасность и ѣхать съ покойнымъ духомъ» [23]) вынудило, однако, цесаревича отложить отъѣздъ, и 10-го Сентября онъ вновь писалъ Платону, извѣщая его о ходѣ болѣзни дѣтей: «Прививаніе оспы, слава Богу, идетъ благополучно. Оспа налилась и хотя на большомъ и отмѣнно велика, но ничего дурнаго нѣтъ, и надѣюсь, что отпою предъ отъѣздомъ молебенъ о ихъ выздоровленіи совершенномъ». Путешествіе началось, наконецъ, 19-го Сентября 1781 года, наканунѣ дня рожденія великаго князя, когда Павлу исполнилось 27 лѣтъ.

Мелочныя обстоятельства, сопровождавшія отъѣздъ высокихъ путешественниковъ, пріобрѣтаютъ большое значеніе, если сопоставить ихъ съ разсказомъ очевидца событій, Гарриса. 1-го Сентября Павелъ пишетъ Платону «послѣднее» свое письмо; но въ первыхъ же числахъ Сентября возвращается въ столицу графъ Панинъ, хорошо понимавшій, что предположенное путешествіе будетъ и новымъ доказательствомъ силы Австрійскаго вліянія

[21]) *Сборникъ*, IX, 69.
[22]) *Р. Арх.*, 1887, II, 25—26.
[23]) Письмо Павла Платону 29 Августа. Тамъ же.

и Потемкина, и новымъ оскорбленіемъ Фридриху II и ему, графу Панину. Если вѣрить Гаррису, то король Прусскій, видя безуспѣшными свои попытки измѣнить путешествіе, уговаривалъ графа Панина «почти умоляющимъ образомъ» (l'a presque supplié) вернуться изъ деревни въ столицу и называлъ его единственнымъ человѣкомъ, способнымъ поднять его утраченное значеніе [24]). Но, прибывъ въ Петербургъ, графъ Панинъ долженъ былъ убѣдиться, что настроеніе духа Павла Петровича и въ особенности Маріи Ѳеодоровны, жаждавшей свиданія съ родными, не благопріятствуетъ его намѣреніямъ. Однако онъ рѣшился сдѣлать что можно, хотя бы и навлекая на себя гнѣвъ Екатерины. «Votre maître veut que je me sacrifie», сказалъ онъ, по словамъ Гарриса, Прусскому посланнику, графу Герцу, черезъ нѣсколько дней по своемъ пріѣздѣ: «eh bien, je le ferai» [25]). И онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ все, что могъ. «Графъ Панинъ, разсказываетъ Гаррисъ, началъ возбуждать въ умѣ великой княгини сильнѣйшія опасенія на счетъ вредныхъ послѣдствій, сопровождающихъ иногда прививку оспы. А такъ какъ она отличается особенной материнской нѣжностью и вообще полнѣйшею преданностью семейнымъ обязанностямъ, то мысль о томъ, что ея дѣти находятся въ опасности, подняла въ ея умѣ самую трудную борьбу. Это отравило всякое удовольствіе ожидаемаго путешествія, и возможность нездоровья дѣтей возбудила въ ней сильнѣйшее желаніе отсрочить поѣздку. Ихъ докторъ Крузе, преданный графу Панину, своими неопредѣленными выраженіями только усиливалъ ея безпокойство, и торжественныя увѣренія со стороны барона Димсдаля и доктора Рожерсона не могли ее успокоить. Великій князь вполнѣ раздѣлялъ эти чувства... Опасенія были такъ сильны, что великій князь и великая княгиня объявили твердое намѣреніе не уѣзжать до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣти не выздоровѣютъ совершенно. Они твердо стояли на этомъ рѣшеніи; ихъ даже невозможно было уговорить назначить день, до котораго они желали отложить свой отъѣздъ, и государыня не могла никоимъ образомъ добиться отъ нихъ дальнѣйшихъ объясненій» [26]). Марія Ѳеодоровна, безъ

---

[24]) Донесеніе *Гарриса* 21 Октября 1781 г.—*La Cour de Russie*, 367.

[25]) Тамъ же.

[26]) Тамъ же. Екатерина 31 Августа писала Гримму, что великій князь и великая княгиня выѣдутъ 16 или 17 Сентября (*Сборникъ*, XXIII, 219); на самомъ же дѣлѣ они выѣхали 19-го. Задержка противъ предположеннаго измѣряется, значитъ, всего двумя или тремя днями.

сомнѣнія, припоминала себѣ въ это время печальные мѣсяцы, которые она сама маленькой дѣвочкой въ отсутствіе родителей проводила въ 1768 году въ Трептовѣ среди братьевъ своихъ, заболѣвшихъ оспою; но теперь ей не было основательныхъ поводовъ безпокоиться за исходъ болѣзни своихъ дѣтей: прививка, предохранявшая ихъ отъ этой страшной болѣзни, введена была въ Россіи еще съ 1768 г. и, будучи испытана прежде всего на самой Екатеринѣ и Павлѣ Петровичѣ, постоянно съ того времени удавалась [27]). Кромѣ того, графъ Панинъ внушалъ великому князю опасенія за положеніе дѣлъ въ Россіи во время его отсутствія и побудилъ Марію Ѳеодоровну еще разъ, хотя и безуспѣшно, просить государыню о дозволеніи заѣхать въ Берлинъ на обратномъ пути. Возбуждая въ Маріи Ѳеодоровнѣ и ранѣе недовѣріе къ Австріи, Панинъ и теперь продолжалъ увѣрять, что Іосифъ никогда не имѣлъ искренняго намѣренія женить своего племянника на сестрѣ великой княгини и что, какъ скоро она прибудетъ въ Вѣну, онъ можетъ распорядиться ею какъ захочетъ; при этомъ графъ Панинъ говорилъ такія вещи, что Гаррисъ считалъ невозможнымъ передать ихъ даже шифромъ. Но усилія графа Панина не могли достигнуть своей цѣли: императрица говорила съ великимъ княземъ и великой княгиней такъ ласково и искренно, что слова ея значительно ихъ успокоили. Не зная точно причинъ, вызвавшихъ путешествіе цесаревича и его супруги за границу, Гаррисъ однако впалъ въ ошибку, донося своему правительству, будто августѣйшая чета уѣхала лишь по приказанію императрицы: сообщая чрезъ Потемкина императрицѣ о проискахъ Панина, Гаррисъ увлекся своею ролью и могъ думать, что постигшая ихъ неудача былъ слѣдствіемъ именно его внушеній. Какъ бы то ни было, но на Панина немилость императрицы и отъѣздъ великокняжеской четы, разрушавшій всѣ его планы, произвели самое ужасное дѣйствіе: его постигъ апоплексическій ударъ, отъ послѣдствій котораго онъ уже не могъ оправиться [28]).

Успокоенная правильнымъ теченіемъ болѣзни дѣтей, Марія Ѳеодоровна, тѣмъ не менѣе, не могла не тревожиться за нихъ во время путешествія, которое должно было, по приблизитель-

[27]) *Баронъ Бюлеръ*: «Два Эпизода» и проч. *Р. Вѣстникъ* 1870 г.

[28]) Донесеніе *Гарриса* отъ 21 Октября.—Ср. донесеніе *Верака*. *La Cour de Russie*, 362.

ному разсчету, продолжаться около года: разлука съ горячо-любимыми дѣтьми такъ тяжела была для нѣжной матери, что, прощаясь съ ними 19 Сентября, она лишилась чувствъ. «Если бы я могла предвидѣть», писала Екатерина два дня спустя сыну и невѣсткѣ, «что при отъѣздѣ моя дорогая дочь три раза упадетъ въ обморокъ и что ее подъ руки отведутъ въ карету, то уже одна мысль о томъ, что ея здоровье придется подвергнуть такимъ жестокимъ испытаніямъ, помѣшала бы мнѣ согласиться на это путешествіе» [29]). Спустя пять лѣтъ, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна писали Екатеринѣ: «Картина страданій нашихъ легко представится глазамъ вашего величества, если вы вспомните состояніе, въ которомъ мы находились въ минуту нашего отъѣзда за границу. Минута была такова, что воспоминаніе о прощаніи съ вами и дѣтьми нашими, тогда еще младенцами, и теперь еще вызываетъ въ насъ сильнѣйшее волненіе и что, по истинѣ, мы чувствуемъ себя не въ силахъ перенести подобную минуту» [30]).

«Въ Воскресенье вечеромъ, 19 Сентября, около половины шестаго» (съ своей стороны разсказываетъ Гаррисъ) «ихъ императорскія высочества, великій князь и великая княгиня, выѣхали изъ Царскаго Села... Я поручилъ одному преданному мнѣ человѣку наблюдать за всѣмъ происходившимъ до минуты отъѣзда. Невозможно описать волненія великой княгини. Прощаясь съ дѣтьми, она упала въ обморокъ и была отнесена въ карету въ безчувственномъ состояніи. Она хотѣла сказать что-то; но голосъ у ней оборвался, и вообще ея видъ и движенія больше напоминали положеніе особы, осужденной на изгнаніе, чѣмъ готовящейся къ пріятному и поучительному путешествію. Великій князь находился почти въ такомъ же состояніи. Войдя въ карету, онъ опустилъ шторы и велѣлъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе. Князь Орловъ, князь Потемкинъ, графъ Панинъ и большая часть главныхъ и придворныхъ чиновъ провожали ихъ до кареты. Послѣдній изъ нихъ стоялъ ближе всѣхъ къ великому князю, когда онъ входилъ въ карету, и въ эту минуту прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ, на которыя не получилъ отвѣта. Императрица, проводившая ихъ до прихожей своихъ покоевъ, была сильно разстроена и, простившись съ ними, тот-

[29]) *Сборникъ*, IX, 65.
[30]) *Сборникъ*, XV. 38.

часъ же отправилась къ своимъ внукамъ». Вѣрный, однако, своей подозрительности и, очевидно, не понимая глубины родительскихъ чувствъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, Англійскій дипломатъ объяснялъ ихъ волненіе и политическими причинами. «Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что необыкновенная чувствительность ихъ императорскихъ высочествъ вызвана не одной только разлукой съ дѣтьми. Графъ Панинъ наполнилъ ихъ умы опасеніями, и они уѣхали подъ сильнымъ впечатлѣніемъ ужаса» [31]). Но цесаревича и его супругу должно было утѣшить отчасти то проявленіе любви къ нимъ народа, которое выразилось на пути изъ Царскаго Села въ Красное. По словамъ Французскаго посланника Верака, народъ толпами бѣжалъ на встрѣчу августѣйшимъ путешественникамъ, привѣтствовалъ ихъ и едва не бросался подъ колеса ихъ экипажа [32]). Глубоко взволнованная только что происходившимъ прощаніемъ и тронутая изъявленіемъ народной любви, Марія Ѳеодоровна, по пріѣздѣ въ Красное Село, такъ выразила свои чувства въ своей записной книжкѣ: «Душа моя была сильно потрясена въ это Воскресенье, 19 Сентября. Скорбь при разлукѣ съ дѣтьми, отечествомъ, друзьями, угнетаетъ и убиваетъ меня; но зато какъ утѣшительно для меня, при видѣ всеобщей скорби, думать, что насъ любятъ и что къ нашему отъѣзду неравнодушны! Сможемъ ли мы своимъ образомъ дѣйствій сдѣлаться достойными тѣхъ чувствъ, которыя выражены по отношенію къ намъ? Моя скорбь прекратится лишь съ моимъ возвращеніемъ» [33]). Дѣйствительно, такія тяжелыя минуты, какія она переживала въ это время, не забываются, и именно въ такія минуты крѣпнетъ нравственная связь между народомъ и его государями; немудрено, что въ отвѣтъ на выраженіе народной любви, еще не заслуженной по мнѣнію Маріи Ѳеодоровны, первымъ движеніемъ ея чуткой души было стремленіе, рано или поздно, отплатить народу заботами о его благѣ и счастіи. Сама не зная

[31]) Донесеніе *Гарриса* отъ 21 Сентября 1781 г.

[32]) *La Cour de Russie il y a cent ans*, 362. Веракъ выражаетъ при этомъ свое мнѣніе, что императрица была очень недовольна этимъ выраженіемъ народной привязанности къ ихъ высочествамъ. Тамъ же, 363.

[33]) Route de différents pays de l'Europe pour le voyage de madame la comtesse du Nord 1781, рукопись, принадлежавшая академику А. А. Кунику и переданная имъ въ Эрмитажъ. Маршруты писаны посторонней рукою, но между ними находится нѣсколько собственноручныхъ отмѣтокъ Маріи Ѳеодоровны.

того, Марія Θеодоровна сошлась въ этомъ чувствѣ съ своей великой свекровью.

Уѣзжая изъ Россіи, высокіе путешественники не лишились, однако, возможности получить изъ отечества достовѣрныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ при дворѣ и въ обществѣ. Обязавъ дѣтей писать ей каждую недѣлю, Екатерина сама аккуратно отвѣчала на ихъ письма; кромѣ того, съ Павломъ Петровичемъ находились въ перепискѣ графъ Панинъ и князь Репнинъ [34]), а съ княземъ А. Б. Куракинымъ, сопровождавшимъ цесаревича, флигель-адъютантъ Бибиковъ и французъ Пикаръ [35]).

Чтобы избѣжать пышности и мелочнаго соблюденія требованій этикета, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна, по желанію Екатерины, приняли титутъ графа и графини Сѣверныхъ. Число ихъ спутниковъ увеличилось присоединеніемъ доктора Крузе и священника Самбурскаго. Обыкновенно Плещеевъ ѣхалъ впереди, выбирая помѣщенія и остановки, а позади ѣхалъ Салтыковъ съ женою. Путь ихъ высочествъ лежалъ чрезъ Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ въ Кіевъ, а оттуда чрезъ южную часть Польши въ Австрію; одинъ только Лафермьеръ, вѣроятно задержанный чѣмъ-либо въ Петербургѣ, направился въ Вѣну кратчайшимъ путемъ, чрезъ Ригу и Краковъ [36]).

Путешествіе Русскаго великаго князя произвело сильное впечатлѣніе на иностранные дворы. Россія уже пользовалась въ Европѣ такимъ значеніемъ, что каждая изъ европейскихъ державъ считала нужнымъ выразить наслѣднику Екатерины какъ можно болѣе вниманія, въ особенности Австрія, Пруссія и Польша. Мы уже знаемъ о стараніяхъ Фридриха II, вызванныхъ желаніемъ его видѣть Павла Петровича и Марію Θеодоровну въ Берлинѣ; но его усилія остались безуспѣшными въ виду союза, заключеннаго Россіей съ Австріей, и явной холодности, которую Екатерина стала обнаруживать по отношенію къ старому, но коварному другу. Тѣмъ бо̀льшую радость высказалъ императоръ Іосифъ. Его восторгъ былъ такъ великъ, что онъ имѣлъ даже намѣреніе оказать неслыханную почесть высокимъ гостямъ своимъ — выѣхать къ нимъ на встрѣчу и

[34]) *Arnet*: Joseph II, I, 118.

[35]) *Сборникъ*, XV, 145. Письма Пикара напечатаны въ Р. Ст., т. I и XXII.

[36]) *Архивъ князя Воронцова*, XXIX, 212.

принять ихъ на самой границѣ своихъ владѣній; для пріема же ихъ и Монбельярскихъ родныхъ великой княгини онъ дѣлалъ пышныя приготовленія [37]). Не менѣе озабоченъ былъ путешествіемъ великаго князя и Польскій король Станиславъ-Августъ. Узнавъ, что великій князь не будетъ въ Варшавѣ, Станиславъ, чрезъ Русскаго посланника, Штакельберга, ходатайствовалъ по крайней мѣрѣ объ измѣненіи пути, предлагая направиться чрезъ Бѣлостокъ и Люблинъ; просьбу свою Станиславъ объяснялъ желаніемъ выѣхать на встрѣчу Павлу Петровичу, указывая, что Бѣлостокъ находится близко отъ Варшавы. Но Штакельбергу велѣно было отвѣчать, что маршрутъ Великаго Князя составленъ съ цѣлью дать ему возможности познакомиться съ значительною частью имперіи и что въ виду сдѣланныхъ уже распоряженій измѣненіе пути представляется невозможнымъ; взамѣнъ того, императрица предлагала королю увидѣться съ ея сыномъ и невѣсткой на возвратномъ пути ихъ, когда они, согласно желанію короля, будутъ проѣзжать чрезъ Бѣлостокъ. Получивъ такой отвѣтъ, король, здоровье котораго, по словамъ Штакельберга, было въ то время чрезвычайно разстроено и внушало даже опасенія за его жизнь, не отказался отъ своего намѣренія лично привѣтствовать высокихъ гостей въ предѣлахъ своего государства и, несмотря на дурныя въ осеннее время дороги, отправился съ этою цѣлью въ замокъ Вишневецъ за 100 верстъ отъ Варшавы [38]).

Мы не будемъ подробно излагать внѣшнюю сторону путешествія Павла Петровича и Маріи Θеодоровны и описывать тѣ обычныя празднества, которыми чествовали высокихъ путешественниковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей: описаніе это въ сущности ничего не прибавитъ къ раскрытію тѣхъ впечатлѣній, которыя производило на цесаревича и его супругу знакомство съ новыми странами, и тѣхъ личныхъ свойствъ великокняжеской четы, къ проявленію которыхъ это знакомство подавало поводъ,—словомъ, того, что мы назвали бы внутренней исторіей путешествія. Къ сожалѣнію, она не можетъ быть возстановлена съ надлежащей ясностью по скудости матеріаловъ, тогда какъ внѣшняя, казовая сторона можетъ быть описана чрезвычайно

[37]) Письмо Іосифа къ Екатеринѣ 9 Октября 1781 г.—*Р. Арх.*, 1880, 1, 202.

[38]) *Московскій Главный Архивъ М. И. Дѣлъ*: Донесеніе *Штакельберга* Остерману отъ 1 Августа.—Депеша *Остермана* къ Штакельбергу 13 Августа. Донесеніе *Штакельберга* 27 Сентября.

подробно почти день за днемъ [39]). Правда, и Павелъ Петровичъ, и Марія Өеодоровна вели дневники, занося въ нихъ все, показавшееся для нихъ важнымъ и знаменательнымъ; но, къ сожалѣнію, одинъ изъ этихъ драгоцѣнныхъ дневниковъ погибъ безвозвратно, а судьба другаго неизвѣстна [40]). Пробѣлъ этотъ, конечно, не можетъ быть пополненъ письмами Маріи Өеодоровны къ Екатеринѣ, въ которыхъ сентиментальная и скромная невѣстка не считала возможнымъ разъяснить свекрови особенности личной своей жизни: міросозерцаніе и интересы обѣихъ царственныхъ женщинъ во многомъ были совершенно противоположны [41]). Между тѣмъ одно существованіе этихъ дневниковъ доказываетъ, съ какимъ вниманіемъ относилась молодая чета ко всему тому, что она видѣла и слышала; ясно, что, отдавая себѣ ежедневно, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна высоко ставили образовательное значеніе своего путешествія. Конечно, царственныя лица, стѣсняемыя условіями внѣшнихъ пріемовъ и жизнью на показъ, находятся въ этомъ отношеніи не въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ частныя; тѣмъ болѣе важны для насъ даже отрывочныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей и впечатлѣніяхъ высокихъ путешественниковъ.

---

[39]) Кромѣ данныхъ, сообщенныхъ по этому предмету въ извѣстной книгѣ *Д. Ө. Кобеко*: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», богатый матеріалъ для этого находится въ современныхъ донесеніяхъ Русскихъ дипломатовъ. Донесенія эти хранятся въ *Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Дѣлъ*.

[40]) Участь, постигшая дневникъ Маріи Өеодоровны, разсказана нами въ главѣ IV нашего труда (см. выше, 102—103, примѣчаніе 3). Существованіе дневника Павла Петровича подтверждается реестромъ его бумагъ, составленныхъ уже въ царствованіе Александра Павловича (*Маріинск. Арх.*, св. 103, № 5): въ числѣ бумагъ, хранившихся въ кабинетѣ Павла Петровича въ дубовомъ ящикѣ, значится подъ № 1: «Собственноручный журналъ путешествія по Европѣ въ 1781 и 1782 годахъ». Дневники велись чрезвычайно подробно и представляли, по словамъ Леопольда, брата Іосифа II, слышавшаго извлеченія изъ нихъ, множество точныхъ и чрезвычайно интересныхъ свѣдѣній. *Arnet*: Joseph II, I, 119—120. Тоже сообщаетъ и графиня Хотекъ, которой также удалось слышать отрывки изъ дневника Павла Петровича изъ собственныхъ его устъ. *Русскій Архивъ*, 1873, II, 1969.

[41]) Письма эти хранятся въ *Госуд. Арх.*, IV, 118. Къ сожалѣнію, и они сохранились далеко не всѣ; писемъ, относящихся къ первой половинѣ путешествія, нѣтъ вовсе, и о содержаніи ихъ можно судить лишь по отвѣтамъ Екатерины, напечатаннымъ въ *Сборникѣ*, IX.

Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна мало знали Россію и ея бытъ. Откуда было имъ узнать ихъ? Этому не благопріятствовало ихъ постоянное пребываніе въ Петербургѣ, населеніе котораго состояло частью изъ иностранцевъ, частью изъ объевропеенныхъ Русскихъ, уже подвергшихся вліянію всего легче воспринятыхъ дурныхъ сторонъ Европейскаго быта. Къ тому же Петербургъ былъ городомъ по преимуществу правительственнымъ, гдѣ о народѣ Русскомъ можно было составить себѣ понятіе либо по представителямъ Русскаго барства, жившимъ въ сферѣ придворныхъ отношеній, либо по чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ. Въ XVIII вѣкѣ, при неудобныхъ и медлительныхъ путяхъ сообщенія, Петербургъ былъ гораздо дальше отъ коренной Россіи, чѣмъ въ настоящее время, и оттого жизнь Русскаго народа, при ничтожествѣ общественной литературы, отражалась въ Русской столицѣ главнымъ образомъ или въ одностороннихъ устныхъ сообщеніяхъ, или въ разнаго рода меморіяхъ и доношеніяхъ. Далеко не всѣмъ дано было такъ геніально угадывать ее, какъ Екатеринѣ. Даже въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ преимущественно проводила лѣтнее свое время великокняжеская чета, русское населеніе большею частію перемѣшивалось съ не вполнѣ еще обрусѣвшими Финнами. Путешествіе въ Русскихъ предѣлахъ должно было бы послужить къ лучшему знакомству съ Россіей Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, какъ ни мало удачно было въ этомъ отношеніи избранное Екатериной направленіе пути на Полоцкъ, Могилевъ и Кіевъ. И дѣйствительно, впечатлѣнія путешествія не соотвѣтствовали Петербургскимъ. Уже изъ Полоцка искренній, правдивый цесаревичъ извѣщалъ мать свою, что новое устройство губерній показалось ему гораздо лучшимъ, чѣмъ прежде; но положеніе церковныхъ дѣлъ онъ нашелъ неудовлетворительнымъ, что̀ вызвало отвѣтъ Екатерины: «посѣщеніе епархій (diocestères) показало вамъ дѣтство вещей; но кто идетъ медленно, идетъ безопасно» [42]). Въ мѣстечкѣ Чечерскѣ, гдѣ Бѣлорусскій губернаторъ, графъ З. Г. Чернышевъ, великолѣпно угощалъ великаго князя и его супругу, Павелъ Петровичъ неожиданно выразилъ свое мнѣніе о развращенности нравовъ Петербургскаго общества того времени. Въ Чечѐрскѣ «былъ благородный театръ», разсказываетъ Л. Н. Энгельгардтъ; «была дана опера: «Новое

---

[42]) *Сборникъ*, IX, 69—70.

Семейство» (сюжетъ которой взятъ изъ Русской простонародной жизни), потомъ Французская комедія: «Anglomanie». Я (Л. Н. Энгельгардту было въ то время 15 лѣтъ) и старшая сестра моя играли въ оперѣ. По окончаніи театра актеры были представлены ихъ высочествамъ. Великій князь спросилъ отца моего, записанъ ли я въ службу. Какъ онъ отвѣчалъ, что записанъ въ Преображенскомъ полку сержантомъ, Великій князь сказалъ: «Пожалуйста, не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился» [43]). Отдыхая отъ стѣснительныхъ условій Петербугской придворной жизни, великокняжеская чета восхищалась благодатной природой Малороссіи, мягкій климатъ которой невольно вызывалъ сожалѣніе о дурномъ климатѣ Петербурга. Красоты Кіева особенно поразили путешественниковъ. «Что̀ вы говорите мнѣ о мѣстоположеніи Кіева, писала имъ Екатерина, напомнило мнѣ о томъ, что я видѣла тамъ, и я охотно соглашаюсь съ вами, что въ древности недурно выбирали мѣста для своего жилища. Это напоминаетъ мнѣ слова Ивана Михайловича Головина, сказавшаго Петру: «Ты человѣкъ умный, только усадьбу заложить не умѣешь...». Жалко, любезный сынъ, что одной доброй воли недостаточно для пересылки и перенесенія хорошаго климата и мѣстоположенія; иначе Царское Село почувствовало бы ваше расположеніе» [44]).

Кіевъ, сохранившій еще въ то время свой казацкій отпечатокъ, принялъ Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну особенно торжественно. Ихъ высочества прибыли въ Кіевъ 11 Октября и встрѣчены были у городской черты Малорусскимъ генералъ-губернаторомъ, фельдмаршаломъ Румянцовымъ, давнимъ приверженцемъ великаго князя. Поклонившись св. мощамъ въ Лаврской церкви, ихъ высочества отправились во дворецъ, гдѣ графъ Румянцовъ представлялъ имъ мѣстныхъ чиновниковъ, а вечеромъ Маріи Ѳеодоровнѣ представлялись знатныя дамы города. Слѣдующій день былъ посвященъ поклоненію Кіевской святынѣ, а вечеромъ великокняжеская чета приняла ужинъ въ магистратѣ, предъ которымъ устроена была иллюминація. 13 Октября цесаревичъ и его супруга посѣтили

---

[43]) «*Записки Л. Н. Энгельгардта*». Изданіе «Русскаго Архива». М. 1868, 25–26.

[44]) *Сборникъ*, IX, 75—77.

Братскій монастырь съ его академіею, причемъ академисты говорили рѣчи на разныхъ языкахъ; а 14 Октября, въ день рожденія Маріи Θеодоровны и наканунѣ своего отъѣзда изъ Кіева, царственные путешественники слушали обѣдню въ Софійскомъ монастырѣ; вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и сожженъ фейерверкъ.

Кіевъ въ то время расположенъ былъ недалеко отъ Польской границы; поэтому туда явился, для привѣтствованія великаго князя отъ имени короля Станислава-Августа, генералъ Комаржевскій, которому поручено было сопровождать въ Польскихъ предѣлахъ высокихъ путешественниковъ и заботиться о ихъ удобствахъ. Комаржевскій съ такою точностію исполнялъ это порученіе короля, что, зная любовь Маріи Θеодоровны къ музыкѣ, на каждой продолжительной остановкѣ приготовилъ для нея фортепьяно. Іосифъ II также прислалъ въ Кіевъ для встрѣчи великокняжеской четы генерала Ганнаха. Въ сопровожденіи этихъ лицъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна 15 Октября покинули Кіевъ и затѣмъ въ Васильковѣ надолго простились съ Россіей.

Въ Вишневцѣ Павла Петровича и Марію Θеодоровну ожидалъ самъ Станиславъ-Августъ и знатнѣйшіе Польскіе магнаты. Здѣсь король, посаженный на престолъ Екатериной, чествовалъ ея дѣтей цѣлымъ рядомъ торжествъ. Съ своей стороны, цесаревичъ и его супруга обходились съ королемъ и Поляками съ такою любезностію, что вскружили имъ голову; въ особенности король и его окружающіе остались довольны тѣмъ, что августѣйшіе путешественники отложили отъѣздъ изъ Вишневца, назначенный на 23 Октября, выразивъ желаніе праздновать вмѣстѣ съ королемъ день 24 Октября, годовщину извѣстнаго избавленія Станислава-Августа изъ рукъ похитившихъ его конфедератовъ. Король Польскій возвратился въ Варшаву, по словамъ Штакельберга, въ такомъ радостномъ настроеніи, въ какомъ онъ не былъ еще до тѣхъ поръ со временъ перваго раздѣла Польши. «Онъ совершенно убѣжденъ, прибавлялъ Штакельбергъ, что для того, чтобы быть добрымъ патріотомъ, нужно быть добрымъ Русскимъ» [45]).

---

[45]) Донесеніе *Штакельберга* (*Московскій Главный Архивъ М. И. Д.*) отъ 27 Октября (7 Ноября) и 28 Октября (8 Ноября). «Il est bien persuadé actuellement que pour être bon patriote, il faut être bon Russe». — Бумаги о празднествахъ въ Вишневцѣ хранятся въ *Архивѣ Павловскаго дворца*.

Въ Бродахъ графъ и графиня Сѣверные вступили въ Австрійскія владѣнія, гдѣ встрѣтила ихъ Австрійская свита, и на пути въ Вѣну они посѣтили извѣстныя соляныя копи Велички; при этомъ Марія Θеодоровна вмѣстѣ съ супругомъ спускались въ самую глубь копей и затѣмъ подробно описали ихъ въ письмѣ къ Екатеринѣ [46]). Въ Троппау, за 200 верстъ отъ Вѣны, ожидали путешественниковъ самъ Іосифъ II и Русскій посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, князь Д. М. Голицынъ. «Съ какою чувствительною радостію и съ какимъ ея изъявленіемъ принялъ императоръ ихъ высочества, тому», доносилъ князь Голицынъ Екатеринѣ, «я самъ, всемилостивѣйшая государыня, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, имѣя счастіе тамъ же отдать ихъ высочествамъ первые поклоны. А по всеподданнѣйшей моей должности не могу я предъ вашимъ императорскимъ величествомъ умолчать и о томъ: его величество императоръ изъяснялся со мною въ помянутомъ городѣ о томъ величайшемъ удовольствіи, съ которымъ онъ, въ предѣлахъ земель своихъ, видитъ толь отличныхъ, толь знаменитыхъ гостей и толикаго почтенія и любви достойныхъ дѣтей такой монархини, къ которой никто изъ Европейскихъ государей (таковы были слова его величества) не можетъ имѣть подобнаго тому высокопочитанія, какимъ онъ къ ней преисполненъ, какъ въ разсужденіи наивысочайшихъ и несравненныхъ душевныхъ ея качествъ и достоинствъ, такъ и въ разсужденіи великихъ извѣстныхъ ея дѣлъ и которой онъ, посвятя совершеннѣйшую свою преданность, ненарушимо сохранитъ оную до конца своей жизни» [47]). Въ день прибытія въ Троппау, послѣ вечерняго стола, для ихъ высочествъ былъ данъ спектакль и балъ, а на другой день графъ и графиня Сѣверные, въ одной каретѣ съ императоромъ, отправились въ дальнѣйшій путь, при чемъ на главныхъ остановкахъ въ честь путешественниковъ также давались спектакли и балы.

10-го Ноября 1781 года, въ полдень, графъ и графиня Сѣверные прибыли, наконецъ, въ Вѣну, гдѣ Марію Θеодоровну уже ждали ея родители, явившіеся туда подъ именемъ графа

---

[46]) *Сборникъ*, IX, 95—96. Проѣзжая Галиціей, Павелъ Петровичъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что эта страна, доставшаяся Австріи по первому раздѣлу Польши, гораздо богаче Бѣлоруссіи, присоединенной по тому же раздѣлу къ Россіи. *Arnet*: Joseph II, I, 117.

[47]) Донесеніе *князя Голицына* отъ 10 Ноября.

и графини Гренингенскихъ, въ сопровожденіи дочери, принцессы Елисаветы, и сына Фердинанда. Еще не въѣзжая въ Вѣну, Марія Ѳеодоровна увидѣлась съ дорогими ея сердцу особами въ загородномъ императорскомъ дворцѣ, близъ дворцоваго сада, извѣстнаго подъ именемъ Аугартенъ (гдѣ собравшимся царственнымъ гостямъ предложенъ былъ завтракъ). Затѣмъ великокняжеская чета совершила въѣздъ свой въ Вѣну и остановилась въ императорскомъ дворцѣ Амаліенгофѣ. Послѣ семейнаго обѣда, на которомъ присутствовалъ и главный виновникъ состоявшагося свиданія, Іосифъ II, августѣйшіе путешественники въ сопровожденіи императора отправились въ національный театръ. «Коль скоро показалась великая княгиня въ ложѣ», доносилъ Голицынъ, «то вся многочисленная публика, которая, весьма благовременно тамъ собравшися, съ нетерпѣніемъ ожидала толь знаменитыхъ гостей, проявила совершенное свое о благополучномъ ихъ пребываніи въ здѣшнюю столицу удовольствіе радостными восклицаніями и плесканіями ручными, кои по окончаніи спектакля троекратно повторены были» [48]). 11 Ноября Вѣнская знать и иностранные министры явились съ визитами къ графу и графинѣ Сѣвернымъ, и въ тотъ же день вечеромъ при дворѣ данъ былъ большой балъ, на которомъ императоръ и князь Голицынъ представили Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ знатнѣйшихъ особъ и дипломатическихъ агентовъ разныхъ державъ. Вслѣдъ затѣмъ потянулся цѣлый рядъ торжествъ въ честь августѣйшей четы, въ теченіе которыхъ великій князь и его супруга знакомились съ Вѣною, ея обществомъ и учрежденіями. Въ то же время Марія Ѳеодоровна вела съ Іосифомъ II переговоры по вопросу объ устроеніи судьбы сестры своей, принцессы Елисаветы. Самъ императоръ тщательно изучалъ гостей своихъ и, извѣщая брата своего, Леопольда Тосканскаго, объ отъѣздѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны изъ Вѣны, охарактеризовалъ ихъ слѣдующимъ отзывомъ:

[48]) Донесеніе *князя Голицына* отъ 13 Ноября.—У барона Ѳ. А. Бюлера мы видѣли фотографическій снимокъ съ большой современной картины, изображающей Іосифа II-го, графа и графиню Сѣверныхъ съ ихъ свитою, Монбельярское семейство и кн. Кауница на одномъ изъ дворцовыхъ пріемовъ. Картина эта, находящаяся въ Вѣнѣ, съ величайшей точностью воспроизводитъ какъ наружность всѣхъ перечисленныхъ лицъ, такъ и окружавшую ихъ обстановку.

«Великій князь и великая княгиня съ несовсѣмъ обычными дарованіями соединяютъ довольно обширныя познанія, а также большое желаніе обозрѣвать, поучаться и въ то же время имѣть успѣхъ и нравиться всей Европѣ. На ихъ честность и скромность можно положиться, и поэтому ничѣмъ нельзя болѣе обязать ихъ, какъ доставляя имъ возможность осматриватъ все безъ подготовки и прикрасъ, говорить съ ними съ полною откровенностію, не скрывать отъ нихъ недостатковъ, которые и безъ того не ускользнули бы отъ ихъ проницательности, и обращать ихъ вниманіе на добрыя намѣренія, которыми вы одушевлены, хотя бы они еще и не выразились на дѣлѣ. Въ виду ихъ недовѣрчивости, зависящей, впрочемъ, не столько отъ ихъ характера, сколько отъ обстоятельствъ, въ которыя они поставлены, нужно избѣгать всего, что могло бы имѣть видъ уловки или притворства» (de comédie).

«Непродолжительное время, которое они проведутъ съ вами, не слѣдуетъ тратить на представленія и обычные комплименты, но должно тотчасъ же предварить ихъ, что, получивъ отъ меня свѣдѣнія о ихъ образѣ мыслей, вы желаете съ первой же минуты говорить и обходиться съ ними съ полнымъ довѣріемъ и дружбой, какъ съ давними знакомыми, чтобы употребить съ пользою тѣ немногія минуты, которыя вы проведете съ ними, ознакомивъ ихъ съ собою и доставивъ себѣ полное удовольствіе ихъ знакомствомъ и ихъ любезнымъ обществомъ».

«Вы можете говорить съ ними о чемъ хотите; но, будучи очень нѣжными и заботливыми родителями, они, безъ сомнѣнія, пожелаютъ вникнуть во всѣ подробности вопроса о воспитаніи вашихъ дѣтей, къ которому, сколько я знаю, вы сами относились съ нѣжною заботливостію».

«Они ведутъ правильный образъ жизни, и такъ какъ, притомъ, здоровье великаго князя не отличается, къ сожалѣнію, особенною крѣпостію, то должно заботливо избѣгать продолжительныхъ вечеровъ и слишкомъ частаго утомленія. Желательно было бы устроить все такъ, чтобы они не были поставлены въ необходимость выѣзжать ранѣе 9 или 10 часовъ утра, а въ особенности, чтобы они могли къ 10 или 11 часамъ вечера удаляться къ себѣ, такъ какъ значительную часть утра и даже вечера они удѣляютъ на занятія и переписку».

«Всѣ предметы, дѣйствительно замѣчательные по своей древности, рѣдкости, размѣру или великолѣпію сооруженія,

чрезвычайно ихъ занимаютъ; поэтому не слѣдуетъ утомлять ихъ вниманіе обозрѣніемъ нѣсколькихъ предметовъ въ одинъ день, а напротивъ, нужно дать имъ возможность осмотрѣть въ подробности все любопытное и замѣчательное».

«Общественныя учрежденія, какъ благотворительныя, такъ учебныя, осмотрѣны были ими съ особеннымъ вниманіемъ, и такъ какъ они желаютъ, чтобы это обозрѣніе послужило къ ихъ пользѣ, то не только не слѣдуетъ отказывать имъ въ сообщеніи письменныхъ свѣдѣній, со всею подробностію, которой они могутъ потребовать, но, напротивъ, предлагать имъ эти свѣдѣнія, потому что и безъ того всѣ эти учрежденія устроены не для того, чтобы оставаться въ тайнѣ; а такіе знаки довѣрія и предупредительности будутъ имъ очень пріятны, доказывая ваше желаніе содѣйствовать пользѣ и удовольствію, которыя они надѣются получить въ своемъ путешествіи».

«Знакомство съ людьми наиболѣе просвѣщенными и извѣстными составляетъ главный предметъ ихъ любознательности, и такъ какъ они желаютъ видѣть избранное, исключительное общество и пользоваться имъ, то необходимо устраивать обѣды и бесѣды, во время которыхъ ихъ высочества будутъ имѣть удовольствіе перезнакомиться со всѣми, кто, будутъ ли то мужчины или женщины, выдвигается изъ ряду не только по рожденію, но и по уму своему или знаніямъ. При этомъ ихъ высочества будутъ также имѣть удовольствіе выказать себя своими бесѣдами, любезностію и образованіемъ предъ лицами, которыя наиболѣе способны судить объ этомъ и которыя, отдавъ имъ справедливость, привлекутъ на ихъ сторону общественное мнѣніе» [49]).

Эта лестная характеристика великокняжеской четы, сдѣланная такимъ тонкимъ наблюдателемъ, какъ Іосифъ II, живо знакомитъ насъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производили въ Европѣ царственные супруги на людей самыхъ безпристрастныхъ и просвѣщенныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше всякихъ подробныхъ офиціальныхъ донесеній свидѣтельствуетъ, чѣмъ интересовались и чего стремились достигнуть Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна во время своего путешествія. Донесенія нашихъ посланниковъ при тѣхъ дворахъ, которые посѣщены были великокняжескою четою, представляютъ собою по боль-

[49]) *Arnet*: Joseph II, I, 332—335.

шей части самый утомительный перечень ея времепрепровожденія, сопровождаемый иногда извлеченіями изъ газетъ, посвящавшихъ свои столбцы описанію поѣздки царственныхъ путешественниковъ. Тѣмъ болѣе любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя Іосифомъ, замѣчавшимъ даже привычки и наклонности Цесаревича и его супруги.

«Великій князь, писалъ онъ, не танцуетъ; великая княгиня принимаетъ участіе въ танцахъ, но безъ увлеченія... Хорошая музыка и хорошій спектакль, въ особенности, если они не продолжительны и не затягиваются до поздняго вечера, доставляютъ имъ, какъ кажется, удовольствіе. Военное и морское дѣло, конечно, составляютъ одинъ изъ любимѣйшихъ предметовъ ихъ занятій, равно какъ торговля, промышленность и мануфактуры... По отношенію къ столу они вовсе не прихотливы; они предпочитаютъ простыя, но хорошія блюда и компоты изъ фруктовъ; пьютъ только воду, а великая княгиня въ особенности любитъ пить зельтерскую воду... Ужинаютъ они чѣмъ Богъ пошлетъ (quelque chose) и не любятъ обѣдать позже двухъ часовъ. Ни къ какимъ играмъ они не чувствуютъ влеченія. Великая княгиня прекрасно играетъ на фортепіано; можно позаботиться, чтобъ у нея въ комнатѣ былъ хорошій инструментъ... Великая княгиня очень любитъ цвѣты; постарайтесь, чтобы у нея каждое утро былъ свѣжій букетъ» [50]).

Изображая Павла Петровича и Марію Θеодоровну, эти свѣдѣнія о нихъ, сообщенныя Іосифомъ Леопольду, доказываютъ, какимъ внимательнымъ, предупредительнымъ и радушнымъ хозяиномъ явился самъ Іосифъ по отношенію къ своимъ гостямъ. Издержки, сдѣланныя имъ для ихъ пріема, были громадны [51]); парады, балы, маскарады, спектакли, маленькія собранія слѣдовали одинъ за другимъ всякій разъ, когда заботливый императоръ, предоставляя гостямъ своимъ полную свободу, надѣялся доставить имъ удовольствіе. «Ихъ высочества», доносилъ въ тоже время князь Голицынъ Екатеринѣ, «не пропускаютъ ни одного дня, который бы не употребили на нѣкоторое любопытству своему удовлетвореніе осматриваніемъ различныхъ здѣшнихъ заведеній и примѣчанія достойныхъ мѣстъ и заведеній, между коими изволили уже ихъ высочества видѣть собраніе

[50]) Тамъ же, 335—338.
[51]) *Сборникъ*, IX, 56.

придворныхъ картинъ, находящихся въ загородномъ императорскомъ домѣ, именуемомъ Бельведеръ, императорскій Терезіанскій корпусъ, въ которомъ благородные молодые люди разнымъ наукамъ обучаются за нѣкоторую денежную плату; сиротскій домъ, въ коемъ немалое число бѣдныхъ и приносныхъ дѣтей воспитывается подъ управленіемъ одного изъ бывшихъ іезуитовъ, аббата Пергамера; больницу, учрежденную при одномъ монастырѣ для лѣченія бѣдныхъ и состоящую подъ надзираніемъ и попеченіемъ принадлежащихъ до того монастыря монаховъ Бармхерцигскаго ордена; состоящую въ городѣ главную нормальную школу и находящуюся въ церкви Капуцинскаго монастыря императорскую гробницу. Между тѣмъ государь цесаревичъ почтилъ посѣщеніемъ своимъ славнаго сочинителя музыки Глука, который съ нѣкотораго времени, за болѣзненнымъ его состояніемъ, не выходитъ изъ дому; также и престарѣлаго аббата Метастазіо, который государынѣ великой княгинѣ, по желанію ея императорскаго высочества, представленъ былъ». Изъ числа другихъ осмотрѣнныхъ Маріею Ѳеодоровною учрежденій, особенное ея вниманіе обратило на себя училище глухонѣмыхъ [52]).

Немало времени, конечно, посвящено было Маріей Ѳеодоровной задушевной бесѣдѣ съ родителями, сестрой и братомъ послѣ продолжительной разлуки; но радость свиданія омрачалась опасеніями за будущее любимой сестры и братьевъ, зависѣвшее отъ случайностей политическаго положенія. Оставался еще нерѣшеннымъ важный вопросъ, волновавшій родителей Маріи Ѳеодоровны, какъ относится эрцгерцогъ Леопольдъ и его супруга къ предположенному браку ихъ сына Франца съ принцессой Елисаветой и каково будетъ ея положеніе до совершеннолѣтія ея жениха. Даже во время пребыванія въ Вѣнѣ великокняжеской четы, Фридрихъ II дѣлалъ послѣднія усилія помѣшать браку и, посредствомъ принца Генриха, принца Фердинанда и двухъ ея Берлинскихъ тетокъ, увѣрялъ Марію Ѳеодоровну, будто бы Леопольдъ и жена его были совершенно противъ брака ихъ сына

[52]) *Сборникъ*, IX, 105. «Судя потому, что говоритъ мнѣ милая дочь», писала ей Екатерина, «объ обученіи глухонѣмыхъ сего города, я должна думать, что это учрежденіе удивительно усовершенствовалось, такъ какъ о томъ, которое было заводили лѣтъ 15 тому назадъ во Франціи, я слышала, говорили, что въ немъ гораздо болѣе мучили несчастныхъ, чѣмъ дѣйствительно давали познаній».

съ сестрой великой княгини и уступили, повинуясь только силѣ [33]). Изъ Берлина, конечно, шли также увѣренія и въ томъ, что императоръ намѣревался заключить принцессу въ монастырь на шесть лѣтъ съ тѣмъ, чтобы держать ее тамъ такой долгій промежутокъ времени [34]). На самомъ же дѣлѣ Берлинскія извѣстія были совершенно лживы. Леопольдъ, извѣстный по трезвому своему уму и рѣдкимъ для того времени строгимъ нравственнымъ правиламъ, сочувственно относился къ выбору принцессы Елисаветы въ невѣсты его сыну. Судя по личности Маріи Ѳеодоровны, онъ былъ высокаго мнѣнія о воспитаніи, данномъ своимъ дочерямъ принцессой Доротеей; вполнѣ доволенъ онъ былъ и внѣшними качествами принцессы Елисаветы, хотя она, по описанію Іосифа, не обладала красивою наружностію. Въ желаніи устранить всѣ препятствія къ совершенію задуманнаго брака, эрцгерцогъ шелъ даже далѣе своего брата, императора. Іосифъ, очевидно, имѣлъ первоначально въ виду какъ можно скорѣе уединить будущую Австрійскую императрицу отъ протестантскихъ и Прусскихъ вліяній, и поэтому выражалъ желаніе, чтобы принцесса немедленно переселилась въ Вѣну и, окруженная здѣсь исключительно Австрійцами, занялась бы изученіемъ католической вѣры: живя въ кругу Австрійцевъ, 14-лѣтняя принцесса мало-по-малу привыкла бы считать своими Австрійскій домъ и государство. Леопольдъ горячо возражалъ брату, указывая на возможность сопротивленія его желанію родителей принцессы, привыкшихъ видѣть дочь свою возлѣ себя и прилагавшихъ всѣ старанія къ ея воспитанію, еще не вполнѣ законченному [35]). Іосифъ, однако, по пріѣздѣ принцессы въ Вѣну, еще сильнѣе настаивалъ на своемъ намѣреніи, изъявляя въ то же время готовность сдѣлать все возможное для того, чтобы положеніе принцессы въ Вѣнѣ было для нея почетнымъ и пріятнымъ. И дѣйствительно, переговоры, которые онъ велъ для достиженія своей цѣли съ Маріей Ѳеодоровной и ея родителями во время пребыванія ихъ въ Вѣнѣ, скоро увѣнчались успѣхомъ. «Отъ родителей ея императорскаго высочества, а особливо отъ ея высочества», доносилъ кн. Голицынъ 23 Декабря, «узналъ я, всемилостивѣйшая государыня,

---

33) *Arneth*: Joseph II, I, 115.

34) *Сборникъ*, IX, 100.

35) *Arneth*: Joseph II, I, 14, 52—53. О наружности ея см. отзывъ Іосифа такъ же 38, 40.

что дѣло бракосочетанія принцессы съ Тосканскимъ принцемъ, по прибытіи сюда родителей ея свѣтлости, расположено уже къ общему участвующихъ въ немъ удовольствію и что государыня великая княгиня Ноября 27 числа по старому стилю подала вашему императорскому величеству обстоятельное о томъ увѣдомленіе, на которое ссылаясь изволила ея императорское высочество объявить мнѣ, что принцесса Елисавета, по отъѣздѣ ихъ императорскихъ высочествъ, обратно съ родителями своими отправится отсюда въ Монбельяръ, что туда же послана будетъ отъ здѣшняго двора духовная особа для наставленія ея свѣтлости въ Римскомъ законѣ, что она останется тамъ до прибытія туда государя великаго князя и государыни великой княгини; что оттуда возвратится она сюда купно съ ихъ высочествами и съ находящеюся при родителяхъ ея баронессой Боркъ (бывшей гувернанткой и Маріи Θеодоровны), которая здѣсь при ней нѣсколько времени останется; что она будетъ имѣть свое пребываніе въ находящемся въ близости отъ женскаго Салезіанскаго монастыря императорскомъ домѣ, въ коемъ императрица Елисавета, бабка нынѣ владѣющаго императора, во время вдовства своего имѣла жительство и который какъ ихъ императорскія высочества, такъ и родители государыни великой княгини нашли пристойнымъ и по положенію его совершенно выгоднымъ; и что государыня великая княгиня и ея родители, будучи довольны такимъ расположеніемъ императора, совершенно полагаются на материнское вашего императорскаго величества попеченіе о принцессѣ Елисаветѣ и притомъ ласкаютъ себя надеждою, что все въ пользу ея поставленное на мѣстѣ удостоится высочайшей вашего императорскаго величества апробаціи, безъ которой все дѣло (таковы суть точныя слова государыни великой княгини и ея родителей) ни утверждено, ни совершено быть не можетъ». Но вслѣдъ затѣмъ князь Голицынъ получилъ отъ Маріи Θеодоровны порученіе объясниться по этому поводу съ княземъ Кауницемъ. Кауницъ объяснилъ князю Голицыну дальнѣйшіе виды императора относительно принцессы Елисаветы: по возвращеніи въ Вѣну она должна была быть объявлена эрцгерцогиней Австрійской и вслѣдствіе этого получить особый штатъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и императоръ намѣревался утвердить все дѣло такимъ же брачнымъ договоромъ, на какомъ основанъ былъ первый бракъ его съ принцессой Пармской.

Быстрымъ рѣшеніемъ вопроса о пребываніи принцессы Ели-

саветы до свадьбы въ Вѣнѣ, не смотря на первоначальный отказъ отца и матери невѣсты и горячія убѣжденія брата своего Леопольда, Іосифъ обязанъ былъ, какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда—Маріи Ѳеодоровнѣ: она не могла не сочувствовать его намѣреніямъ, клонившимся въ сущности лишь ко благу принцессы Елисаветы. Руководствуясь сначала въ своемъ желаніи почти исключительно политическими побужденіями, Іосифъ, видѣвшій принцессу въ Монбельярѣ лишь мелькомъ, по пріѣздѣ ея въ Вѣну, познакомившись съ нею ближе, нашелъ характеръ ея воспитанія не вполнѣ соотвѣтствующимъ достоинству будущей Австрійской императрицы. Не пригожая съ лица принцесса Елисавета, живя до сихъ поръ въ Монбельярскомъ уединеніи, не отличалась и знаніемъ свѣта. Іосифъ находилъ, что она по своимъ привычкамъ и манерамъ предназначена скорѣе къ частной жизни, чѣмъ къ придворной [56]). Даже на внѣшность принцессы, по мнѣнію Іосифа, не было обращено въ Монбельярѣ должнаго вниманія, и вотъ императоръ, для устраненія замѣченныхъ имъ въ этомъ отношеніи недостатковъ, самъ входитъ въ такія подробности, которыя дѣйствительно вызываютъ удивленіе [57]). Марія Ѳеодоровна такимъ образомъ сдѣлалась личной свидѣтельницей этой, такъ сказать, женской заботливости императора и не могла не оцѣнить ея высоко. Въ то же время Марія Ѳеодоровна, извѣдавшая по собственному опыту недостатки Менбельярскаго воспитанія для высокаго положенія, въ которое поставила ее судьба, лучше, чѣмъ ея родители, сознавала важность для счастія своей сестры плана Іосифа о довершеніи ея воспитанія въ Вѣнѣ, при императорскомъ дворѣ. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что только подъ вліяніемъ ея убѣжденій принцъ Фридрихъ-Евгеній и принцесса Доротея, мало знакомые съ жизнью большихъ дворовъ,

[56]) *Arnet*: Joseph II, I, 339—343. «Ueberhaupt scheint es, заключаетъ свое описаніе принцессы Іосифъ, dass sie eine gute bürgerliche Frau zu machen alle Anlage habe, zur Annehmlichkeit des Umganges aber und zur Representation in ihrer Lage noch Vieles, ja fast Alles abgehe». Но Лафермьеръ даетъ о ней другой отзывъ: M-me la grande d-sse m'a présenté à la princesse sa soeur que je n'ai vue qu'un moment, assez cependant pour la trouver charmante, et pour lui accorder volontiers, sur sa figure, ses manières et le peu de mots qu'elle m'a dit, tout l'esprit que j'entends dire partout qu'elle a». *Арх. кн. Воронцова*, XXIX, 214, письмо отъ 17 Декабря.

[57]) Тамъ же, 63. «J'ai eu soin», пишетъ Іосифъ чрезъ недѣлю по пріѣздѣ Маріи Ѳеодоровны о принцессѣ Елисаветѣ: «de lui faire nettoyer et arranger les dents, dont elle avait besoin, et par là ils seront plus que passables».

не только не упорствовали въ своемъ первоначальномъ отказѣ, но даже сами вмѣстѣ съ великокняжескою четою поспѣшили выразить свое согласіе, оцѣнивъ по достоинству нѣжную заботливость Іосифа о ихъ дочери [58]). Гувернантка принцессы г-жа Боркъ, также ставшая въ этомъ дѣлѣ на сторону Іосифа, должна была остаться при принцессѣ на нѣкоторое время для того только, чтобы сдѣлать для нея менѣе чувствительнымъ переходъ въ новую жизнь при совершенно чуждой обстановкѣ.

Когда дѣло было устроено, молодая невѣста получила великолѣпные подарки отъ Іосифа и Екатерины, а ея братъ, принцъ Фердинандъ, вмѣстѣ съ нею пріѣхавшій въ Вѣну, принятъ въ Австрійскую службу подполковникомъ.

Но, сближаясь съ Австріей, Монбельярское семейство создавало себѣ тѣмъ самымъ врага въ Пруссіи. Мстительный Фридрихъ II, узнавъ о полномъ неуспѣхѣ своихъ интригъ и желая дать почувствовать свое негодованіе, уволилъ изъ Прусской службы старшаго брата Маріи Ѳеодоровны, супруга Зельмиры, принца Фридриха. Моментъ этого увольненія, грубость формы, съ которою оно приведено было въ исполненіе, не позволяютъ сомнѣваться, что служебные нелады принца и дурное обращеніе съ женой были скорѣе поводомъ, чѣмъ дѣйствительною причиною обрушившагося на него удара, хотя нѣтъ сомнѣнія, что при тяжеломъ, неуживчивомъ характерѣ принца, Фридрихъ II радъ былъ отъ него избавиться. Вынужденный уѣзжать изъ Любена (въ Силезіи), гдѣ онъ командовалъ полкомъ, принцъ Фридрихъ обратился къ сестрѣ и зятю съ жалобой на короля, выставляя себя невинной жертвой политическихъ разсчетовъ своего семейства и прося защиты. Положеніе его было тѣмъ плачевнѣе, что онъ не зналъ даже, куда ему ѣхать: въ Вѣну онъ не рѣшался направиться изъ боязни дурнаго пріема отца, продолжавшаго на него гнѣваться, въ Виртембергъ—вслѣдствіе дурныхъ отношеній съ герцогомъ Карломъ. Наконецъ, онъ получилъ приглашеніе великокняжеской четы сопровождать ее въ путешествіи по Италіи и встрѣтить ее въ Венеціи. Въ этомъ городѣ и ждалъ принцъ Фридрихъ своихъ Русскихъ сестру и зятя, мучимый въ ожиданіи ихъ «de l'humeur noire», въ сознаніи унизительной безвыходности своего положенія [59]).

[58]) Тамъ же, 341.

[59]) См. переписку съ нимъ Голланда, бывшаго въ это время въ Вѣнѣ. *Stark*, 88.

Оскорбленіе, нанесенное Прусскимъ королемъ ихъ ближайшему родственнику, отравило послѣдніе дни пребыванія въ Вѣнѣ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны. Великій князь принялъ это дѣло, какъ позже писалъ о томъ Леопольдъ брату, близко къ сердцу и очень свысока (très haut). Онъ далъ совѣтъ и другимъ двумъ братьямъ Маріи Θеодоровны, бывшимъ на службѣ у Фридриха, Людвигу и Евгенію, также оставить Прусскую службу; когда же принцы не послушались его, то онъ объявилъ, что болѣе не намѣренъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Слѣдствіемъ этого была, уже по выѣздѣ его изъ Вѣны, непріятная переписка Павла съ братьями Фридриха II: принцами Генрихомъ и Фердинандомъ, и женою послѣдняго, теткою Маріи Θеодоровны; переписка эта закончилась тѣмъ, что Павелъ Петровичъ рѣшительно объявилъ, что болѣе не будетъ писать старому своему свату, принцу Генриху [60]). Не менѣе огорчена была, конечно, и великая княгиня; но когда она, послѣ свиданія съ изгнаннымъ отовсюду братомъ, обратилась къ Екатеринѣ съ просьбою принять его на Русскую службу, къ ней, на встрѣчу ея просьбѣ, уже шло письмо императрицы, также разгнѣванной поступкомъ Фридриха и предлагавшей жертвѣ стараго Ирода мѣсто генералъ-губернатора Финляндіи. Этимъ новымъ знакомъ вниманія Екатерины Монбельярское семейство обязано было, конечно, также Маріи Θеодоровнѣ, заслужившей ея одобреніе своимъ поведеніемъ въ Вѣнѣ; притомъ честь императрицы обязывала ее помочь человѣку, въ лицѣ котораго, по ея мнѣнію, Фридрихъ недостойнымъ образомъ мстилъ ей, ея дѣтямъ и Россіи [61]). Подобно сыну, и Екатерина неодобрительно отнеслась къ желанію его шурьевъ остаться на Прусской службѣ, хотя старый король, увидѣвшій, что своимъ опрометчивымъ поступкомъ онъ окончательно разрушаетъ связь свою съ когда-то преданнымъ ему молодымъ Русскимъ дворомъ, сталъ теперь осыпать ласками младшихъ братьевъ Маріи Θеодоровны [62]).

---

[60]) *Arneth*: Joseph II, I, 115—116. По этому же поводу писалъ великому князю и его супругѣ и самъ Фридрихъ, о чемъ они тотчасъ же сообщили Екатеринѣ. *Сборникъ*, IX, 122. Не къ Фридриху ли относится замѣчаніе, сдѣланное въ это время императрицей: «мнѣ пріятно видѣть васъ огорченными поведеніемъ человѣка въ нравственномъ и физическомъ отношеніи... Если люди эти уже не то, чѣмъ были, то вслѣдствіе происшествій, заставившихъ ихъ пасть, не мало, навѣрно, содѣйствовало тому и умственное изнеможеніе». Тамъ же, 121.

[61]) *Сборникъ*, IX, 105—108, 111—112.

[62]) Тамъ же, 107, 125. Еще Лаферьеръ замѣтилъ въ то время. «La façon dont le roi de Prusse en a agi avec la frère ainé de la grande-d-sse, ce

Іосифъ спѣшилъ воспользоваться неудовольствіемъ Павла противъ Пруссіи и показалъ ему письмо Екатерины, свидѣтельствовавшее о тайномъ союзѣ, заключенномъ между Австріей и Россіей въ Маѣ 1781 г. Этимъ выраженіемъ своего безграничнаго довѣрія къ рыцарскому цесаревичу императоръ думалъ окончательно заполонить его сердце. Сомнительно, однако, чтобы неожиданное, повидимому, сообщеніе Іосифа было новостію для великаго князя: въ заключеніи этого союза принималъ участіе графъ Панинъ [63]), и было бы неестественно, если бы онъ умолчалъ о томъ предъ своимъ воспитанникомъ и давнимъ политическимъ единомышленникомъ. Узнавъ отъ Павла о довѣріи, оказанномъ ему Іосифомъ, Екатерина попробовала выяснить ему свой взглядъ на значеніе этого союза для Россіи. «Письмо отъ Мая мѣсяца, которое мой сынъ имѣлъ случай читать въ Вѣнѣ, сдѣлало ваши зимнія квартиры болѣе пріятными. Это утренняя заря прекраснаго дня. Когда мракъ ночи исчезаетъ, тогда является утренняя звѣзда» [64]). Это не помѣшало ей, однако, недовѣрчиво отнестись къ Павлу и писать Іосифу 3 Января 1782 г.: «Смѣю думать, что сынъ мой, въ силу даннаго имъ обѣщанія, сохранить все это въ самой строгой тайнѣ, сдержитъ свое слово, согласно съ желаніями вашего величества, какъ ни мало, впрочемъ, его юные годы обезпечиваютъ его со стороны людей, дѣлающихъ своимъ промысломъ вывѣдываніе подобныхъ тайнъ» [65]). И Екатерина была права, не довѣряя сочувствію сына своимъ планамъ. Даже независимо отъ своихъ Прусскихъ симпатій, Павелъ, какъ мы имѣли случай видѣть, вовсе не одобрялъ завоевательной политики своей матери, считая Россію и безъ того слишкомъ обширною. Очевидно, онъ не имѣлъ понятія объ историческихъ задачахъ своего народа, отрицаніе которыхъ равнялось бы умерщвленію народной жизни. Находя нужнымъ сосредоточиться на внутреннихъ дѣлахъ, Павелъ упускалъ изъ виду связь ихъ съ внѣшней политикой государства. И это думалъ онъ, когда Екатерина готовилась присоединить къ Россіи Крымъ и весь сѣверный берегъ Чер-

---

qui ne peut manquer de tour au profit de l'empereur, qui finira par être adoré de toute la famille». *Архивъ кн. Воронцова*, XXIX, 215, письмо отъ 17 Декабря 1781 г.

[63]) *Трачевскій*: Союзъ князей, 505.

[64]) *Сборникъ*, IX, 109.

[65]) *Р. Арх.*, 1880, I, 268.

наго моря! Свои мысли по этому поводу онъ высказалъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, брату Іосифа, Леопольду, а тотъ, не понимая того, что онѣ вытекаютъ изъ самаго міросозерцанія Павла, приписалъ ихъ исключительно вліянію принца Генриха и наслѣднаго принца Прусскаго, къ которымъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна были искренно привязаны [66]).

Не сочувствуя цѣлямъ союза съ Іосифомъ и не видя пользы для себя въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Вѣнѣ, великій князь порывался уѣхать изъ Вѣны, въ то время, какъ его супруга еще не могла довольно нарадоваться, видя себя въ кругу родныхъ. Цѣль пребыванія въ Вѣнѣ могла считаться достигнутою даже независимо отъ устройства семейныхъ дѣлъ. «Могу тебя увѣрить», писалъ Леопольдъ Іосифу 5 Іюня 1782 г., «что великій князь и его супруга поразили и удивили меня своими свѣдѣніями о Вѣнѣ, о всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чинахъ, о семейныхъ отношеніяхъ, объ отдѣльныхъ личностяхъ и проч.; о дѣлахъ они имѣютъ также очень хорошія свѣдѣнія [67]). Удерживаемый долгое время въ Вѣнѣ то матерью, то своею супругою, Павелъ Петровичъ съ удовольствіемъ выѣхалъ, наконецъ, изъ Австрійской столицы 24-го Декабря, въ сопровожденіи Іосифа, его брата Максимиліана и принцевъ Фридриха-Евгенія и Фердинанда Виртембергскихъ, которые провожали его до перваго ночлега въ Винеришъ-Нейштадтѣ. Но отъѣздъ изъ Вѣны совершился при неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ Вѣнѣ, какъ и по всей Европѣ, распространена была тогда эпидемія, по всѣмъ признакамъ, инфлуэнца, свирѣпствовавшая тогда и въ Россіи [68]). Ею заболѣла предъ самымъ отъѣздомъ дочери принцесса Доротея, а въ Нейштадтѣ, на ночлегѣ, и сама Марія Θеодоровна [69]). Болѣзнь великой княгини продолжалась два дня, мѣшая дальнѣйшему путешествію. Императоръ оставался все время съ своими высокими гостями, стараясь сдѣлать для нихъ эту остановку по возможности пріятной. Сопровождавшая Марію Θеодоровну отъ Вѣны до Венеціи Австрійская графиня Хотекъ, говоря, вѣроятно, о

[66]) *Arnet*: Joseph II, I, 117.

[67]) Тамъ же, 118.

[68]) *Сборникъ*, IX, 113 и слѣд.

[69]) Донесеніе *кн. Голицына* отъ 27 Декабря. Объ эпидеміи въ Вѣнѣ см. письма Голланда. *Stark*, 88.

пребываніи въ Нейштадтѣ, сообщаетъ, что однажды послѣ обѣда, когда заговорили о музыкѣ, императоръ и великій князь пропѣли въ качествѣ диллетантовъ арію изъ оперы: «Орфей и и Альцеста» [70]). Изъ Нейштадта же Марія Ѳеодоровна написала прощальное письмо родителямъ, выражая надежду на новое скорое свиданіе [71]). 26 Декабря Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна съ своею свитою двинулись въ дальнѣйшій путь, слѣдуя маршруту, составленному Іосифомъ, на Тріестъ и Венецію.

9 Января 1782 г. покинули Вѣну и родители Маріи Ѳеодоровны, отправившіеся, въ сопровожденіи принцессы Елисаветы и принца Фердинанда, обратно въ Монбельяръ приготовлять все для встрѣчи дорогихъ гостей.

Сопровождавшая великокняжескую чету на пути изъ Вѣны въ Венецію графиня Хотекъ въ своихъ запискахъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ говоритъ о Павлѣ Петровичѣ и особенно о Маріи Ѳеодоровнѣ. «Не помню названія того мѣстечка, гдѣ мы обѣдали», говоритъ, между прочимъ, графиня, «но очень помню замѣчательный разговоръ нашъ съ великой княгиней. Я была удивлена довѣренностію, съ которой она обращалась ко мнѣ послѣ осьмидневнаго знакомства. Довѣренность эта никогда не будетъ обманута: слышанное мною въ этотъ день никогда не выйдетъ изъ моей памяти и никому другому извѣстно не будетъ». На остановкахъ и ночлегахъ время посвящено было живой бесѣдѣ и чтенію. «Великій князь, говоритъ графиня, благоволилъ прочесть намъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника своего, замѣчательно хорошо написаннаго. Великая княгиня прервала однажды по счастію чтеніе газетъ и разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что десяти лѣтъ она знала геометрію. Передъ ужиномъ великая княгиня читала намъ вслухъ нѣкоторыя мѣста Похвальнаго слова Плинія Траяну. Выборъ отрывковъ и выразительность, съ которою она читала, равно говорили въ пользу ея ума и сердца» [72]). Наблюдательная гра-

---

[70]) *Р. Арх.*, 1873. II, 1970.

[71]) *Госуд. Арх.* IV, 205. Письмо это, хранящееся въ копіи, доставленной изъ Штутгартскаго кор[illegible] архива, помѣчено неправильно 1776-мъ годомъ, вѣроятно по ош[illegible]пви.

[72]) *Русск.* [illegible] 70.

финя замѣтила также, что Маріи Ѳеодоровнѣ всегда былъ непріятенъ пріѣздъ части ея свиты, отправлявшейся днемъ позже и состоявшей изъ Салтыкова, Куракина, Юсупова и Вадковскаго, потому, безъ сомнѣнія, что въ обществѣ Салтыкова она не могла не чувствовать себя стѣсненною въ противоположность обычной своей откровенности; иногда даже она предпочитала не садиться за ужинъ вмѣстѣ съ ними, а удалялась въ свою комнату, приказывая подать себѣ что-нибудь туда. Фрейлины: Нелидова и Борщова также не пользовались благосклонностью великой княгини, которая всегда хотѣла быть только съ одной г-жей Бенкендорфъ, подругой ея дѣтства, считавшейся какъ бы членомъ Монбельярскаго семейства [73]).

Оставивъ въ Тріестѣ владѣнія свободомыслящаго императора, бывшаго однимъ изъ представителей такъ-называемаго «просвѣщеннаго деспотизма» въ XVIII в., графъ и графиня Сѣверные прибыли наконецъ 7 Января 1782 г. въ Венецію, эту столицу аристократической республики, доживавшей въ то время послѣдніе свои дни, но сохранявшей въ мертвенной неподвижности, при всеобщемъ тогда въ Европѣ стремленіи къ обновленію, всѣ особенности мрачнаго, средневѣковаго своего быта. Въ Венеціи Марія Ѳеодоровна встрѣчена была братомъ своимъ Фридрихомъ. Недѣля, которую провела великокняжеская чета въ этомъ городѣ, вся протекла въ блестящихъ празднествахъ, которыми республика угощала высокихъ путешественниковъ, и въ осмотрѣ знаменитаго, поэтическаго города. Съ Венеціи началось для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны знакомство съ прославленной Италіей, въ которой, среди дивныхъ красотъ южной природы, путешественники, подавляемые воспоминаніями славнаго историческаго прошлаго, на каждомъ шагу знакомятся съ чудными произведеніями искусства и остатками былой могучей жизни, былаго величія. Чувство истинно-прекраснаго и высокаго, свойственное душѣ Маріи Ѳеодоровны и развивавшееся въ ней въ постоянныхъ занятіяхъ изящными искусствами, должно было найти себѣ здѣсь полное удовлетвореніе, чему, конечно, способствовало и знаніе ею Италіанскаго языка, хотя она и затруднялась объясняться на немъ. Впрочемъ, впослѣдствіи Марія Ѳеодоровна выражала мнѣніе, что поѣздка по Италіи не принесла ей той

[73]) Тамъ же.

пользы, какую она могла бы ожидать отъ нея, и причину этого она справедливо видѣла въ условіяхъ показно́й жизни, которую по необходимости вела она [74]). Вотъ почему высокіе путешественники иногда были не властны въ выборѣ предметовъ для наблюденія, а иногда составляли себѣ о нихъ ошибочныя представленія. Такъ, Венеція, этотъ декораціонный городъ по преимуществу, блисталъ предъ великокняжеской четой своими театральными представленіями, на которыя республика не щадила издержекъ, даваемыми не только въ зданіи театра, но и на городскихъ каналахъ и знаменитой площади Св. Марка; и Павла Петровича, за внѣшней красотой государственнаго зданія не видѣвшаго гніенія его внутренности, пріятно поразилъ наружный порядокъ, царствовавшій въ мелочахъ администраціи, но въ то же время мѣшавшій проявленію народной самодѣятельности [75]). Тѣмъ не менѣе, при дальнѣйшемъ слѣдованіи по Италіи истина не могла укрыться отъ путешественниковъ, искавшихъ въ своей поѣздкѣ лишь пользы и поученія. «Путешествуя по Италіи», писала позже Марія Θеодоровна, «испытываешь чувство крайняго сожалѣнія, когда видишь такъ мало гармоніи между большею частію жителей и красотами природы. Природа величественна, живительна, производительна вездѣ, гдѣ хотѣли ее сдѣлать таковою: въ Ломбардіи, въ Тосканѣ; но она унижена, зловредна въ папскихъ владѣніяхъ и частію въ Неаполитанско́мъ королевствѣ, вслѣдствіе недостатка попеченій и надзора правительства. Отсутствіе личной безопасности страшно для жителей и постыдно для вѣка, который, будучи во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ, долженъ бы бороться со всѣмъ, что̀ порождаетъ разстройство и тьму» [76]). Положеніе самихъ памятниковъ древности было плачевное: во многихъ мѣстахъ они завалены были мусоромъ, а часто подвергались разрушенію, вслѣдствіе равнодушія и недостатка надзора со стороны правительства или алчности населенія. «Я совсѣмъ не узнаю Рима», писала Марія Θеодоровна въ 1819 г. Лагарпу, сопровождавшему ея сына Михаила въ его Итальянской поѣздкѣ; «все, что̀ я видѣла въ немъ прекраснаго и великаго,

---

[74]) Письмо Маріи Θеодоровны къ Лагарпу 26 Февраля 1819 г. *Сборникъ*, V, 103.

[75]) Письмо Екатерины Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ 14 Февраля 1782 г. *Сборникъ*, IX, 121.

[76]) *Сборникъ*, IX, 111.

должно было измѣнить свой характеръ, сдѣлавшійся еще болѣе величественнымъ послѣ предпринятыхъ Французами очистокъ. Жаль, что настоящее правительство не имѣетъ средствъ продолжать ихъ; желательно бы, чтобы національные порывы пришли ему на помощь; но, чтобы возбудить порывы, нужно счастіе и... я не договариваю, потому что въ размышленіяхъ этихъ нельзя распространяться и нельзя ихъ ввѣрять почтѣ» [77]). Съ своей стороны Павелъ Петровичъ писалъ Платону, путешествуя по Италіи: «Мы протекаемъ разныя земли и правленія, но въ сихъ странахъ кромѣ картинъ и тому подобнаго нечего смотрѣть, развѣ плакать надъ развалинами древнихъ, показывающими, что̀ человѣкъ можетъ, когда хорошо управляемъ, и сколь онъ отъ того удаляется, когда управляемъ, какъ теперь, не взирая на безгрѣшность папы» [78]).

Римъ, куда Павелъ Петровичъ и его супруга проѣхали отчасти по каналамъ и рѣкамъ на пути въ Неаполь, до такой степени интересовалъ высокихъ путешественниковъ своими древностями и чудными произведеніями искусства, что они тотчасъ по пріѣздѣ, 25 Января, не останавливаясь въ приготовленномъ для нихъ помѣщеніи, отправились въ дорожныхъ каретахъ прямо къ храму Св. Петра. Онъ произвелъ на обоихъ супруговъ неизгладимое впечатлѣніе [79]). Но Пантеонъ глубже подѣйствовалъ на душу великой княгини. «Признаюсь», писала она, «ежедневно любуясь съ восторгомъ храмомъ Св. Петра, я всякій разъ, какъ бывала въ Пантеонѣ, испытывала еще болѣе особенное чувство; этотъ открытый сводъ, это прекрасное голубое небо придавало душѣ моей порывы, которые, при видѣ закрытаго свода храма Св. Петра, казались менѣе ощутительными» [80]). Остановившись послѣ осмотра въ

---

[77]) Тамъ же, 107.

[78]) *Р. Арх.*, 1887, II, 28.

[79]) *Сборникъ*, IX, 122—123. Павелъ писалъ Платону изъ Рима: «Остатки трудовъ великихъ людей видѣли съ восхищеніемъ и съ чувствомъ поощренія къ уподобленію себя происходящими отъ этого заключеніями, что и мы такіе же люди, то для чего же и другимъ таковымъ не быть? Церковь Св. Петра такова, что желательно бы было, чтобы другъ мой архіепископъ Московскій въ таковой въ Москвѣ служилъ». Плодомъ этого желанія Павла была постройка Казанскаго собора по плану храма Св. Петра, хотя не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ.

[80]) *Сборникъ*, V, 107 — 108. Замѣчательно, однако, что въ письмѣ своемъ изъ Рима Марія Θеодоровна отозвалась о Пантеонѣ лишь словами:

приготовленномъ для нихъ помѣщеніи въ гостинницѣ, путешественники вечеромъ были въ театрѣ, въ сопровожденіи Римскаго губернатора, а на другой день, 26 Января, снова посѣтили храмъ Св. Петра, а затѣмъ осматривали Капитолій, Колизей и другіе памятники древности. Отобѣдавъ у себя въ гостинницѣ и отклонивъ отъ себя всѣ оффиціальные пріемы, великій князь и великая княгиня въ третій разъ отправились въ храмъ Св. Петра, гдѣ въ то время совершалъ молитву самъ папа Пій VII. «Дождавшись», говоритъ современное извѣстіе, «пока онъ окончилъ, въ мимохожденіе его на моленіе предъ мѣстомъ исповѣди, подошли они къ его святѣйшеству и благодарили на Французскомъ языкѣ за всѣ благопріятія, которыя имъ оказаны были въ Церковной области и особенно за извѣстныя лошади, кои нашли повсюду. Недовольны будучи симъ, соизволили дождаться, пока онъ совершилъ моленіе и, когда его святѣйшество сбирался ѣхать изъ церкви, предстали ему паки съ великимъ униженіемъ и почтительностію и потомъ во всякомъ удовольствіи осматривали ложи, расписанныя Рафаэлемъ, библіотеку и Піо-Климентинскую кунсткамеру, откуда, наконецъ, изволили идти на площадь передъ домомъ Спада, гдѣ публичное гульбище, и смотрѣли тамъ маскарадъ и гулянье» [81]). Удовольствіями Итальянской масляницы (карнавала) графъ и графиня Сѣверные воспользовались, однако, не въ Римѣ, а въ Неаполѣ, куда они прибыли вечеромъ 27 Января, отказавшись остановиться на ночлегѣ вблизи города, хотя это было имъ предложено для того, чтобъ они на другой день могли торжественно вступить въ столицу. Король Фердинандъ III и королева Марія Каролина, въ

«и онъ очень хорошъ», что̀ вызвало возраженіе Екатерины: «этотъ Пантеонъ предметъ болѣе величественный, чѣмъ самый соборъ Св. Петра». Очевидно, Марія Ѳеодоровна уже скрывала предъ свекровью, избѣгая ея насмѣшекъ, свои порывы къ чувствительности. *Сборникъ*, IX, 123.

[81]) *Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ*: Газетныя извѣстія изъ Римскихъ газетъ въ Русскомъ переводѣ (приложеніе
къ современнымъ донесеніямъ Русскихъ дипломатовъ
писала по этому поводу великокняжеской четѣ: «П
съ двумя папскими поцѣлуями въ обѣ щеки; о
владѣетъ рѣдкостью, которую рѣдкій католи
вернетесь, вы увидите значительную часть
изъ видѣнныхъ вами въ Римѣ статуй
Сборникъ, IX, 123. Уже въ это врем
нынѣшняго драгоцѣннаго Эрмитаж

то время бывшая въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, едва успѣли встрѣтить августѣйшихъ гостей, въ трехъ миляхъ отъ Неаполя, и провезли ихъ въ своей каретѣ прямо въ придворный театръ, который былъ по этому случаю иллюминованъ. Прослушавъ оперу и поужинавъ въ театрѣ же, частнымъ образомъ, съ королемъ и королевой, Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна отправились затѣмъ въ помѣщеніе, приготовленное для нихъ Русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ, бывшимъ другомъ Павла Петровича и Наталіи Алексѣевны, графомъ А. К. Разумовскимъ, отказавшись отъ помѣщенія, предложеннаго имъ королевскимъ дворомъ.

Болѣе двухъ недѣль Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна пробыли въ Неаполѣ, радушно угощаемые королемъ и королевою и принимая участіе въ увеселеніяхъ карнавала. Но, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Италіи, и въ Неаполѣ великокняжескую чету интересовали не столько люди, сколько природа, памятники древности и произведенія искусствъ. Личныя качества правителей Неаполя не внушали сочувствія великому князю и его супругѣ: король Фердинандъ III-й занимался болѣе охотой, чѣмъ дѣлами правленія, а королева Марія-Каролина должна была возбуждать въ добродѣтельной Маріи Өеодоровнѣ чувство презрѣнія вслѣдствіе легкомысленнаго своего поведенія и всѣмъ извѣстной въ то время связи своей съ графомъ Разумовскимъ. И этотъ старый другъ Павла Петровича, жестоко обманувшій его довѣріе, не могъ, конечно, пользоваться благосклоннымъ вниманіемъ великокняжеской четы. Въ теченіе пребыванія своего въ Неаполѣ Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна осматривали Помпею и Геркуланумъ, древности въ Байи и Пуццолѣ, всходили на Везувій и посѣтили Козерту. Какъ высоко цѣнили они эти образовательныя свои прогулки и какъ мало въ то же время общество самого короля Фердинанда III-го, видно изъ слѣдующаго донесенія графа Разумовскаго Екатеринѣ отъ 6-го Февраля: «Въ прошедшую Среду его величество король нарочно отбылъ въ Персану, разстояніемъ отсюда въ 70 миляхъ, для учрежденія тамъ кабаньей охоты для ихъ высочествъ. Разстояніе мѣста, дурная погода, особливо краткость времени, воспрепятствовали ихъ высочествамъ удовлетворить сему королевскому желанію не возмогши согласить въ одно короткое время двѣ разнообразныя вещи, а потому и изволили предпочесть охотѣ любопытныя древности. Извѣстясь же о семъ, его вели-

чество король, по изготовленіи уже всего потребнаго къ охотѣ, не могъ воспротивиться страсти своей, чтобы не воспользоваться симъ случаемъ, откуда возвратился въ Среду же для препровожденія ихъ высочествъ въ Козерту. Въ отсутствіе же его, ея величество королева оказываетъ съ своей стороны всевозможную аттенцію ихъ высочествамъ, поелику дозволяетъ ей настоящее ея беременное состояніе. Впрочемъ, приказано оберъ-гофмаршалу князю Бельмонте повсюду слѣдовать за ихъ высочествами и всячески стараться угощать, предупреждая ихъ волю» [82]). Получивъ это донесеніе графа Разумовскаго о дѣйствіяхъ цесаревича и его супруги въ Неаполѣ, Екатерина писала имъ: «Я знаю, что вы предпочли мѣстности достопримѣчательныя и поучительныя охотѣ на дикаго кабана, которою хотѣлъ угостить васъ Сицилійскій король, и хорошо сдѣлали». Въ другомъ письмѣ она такъ характеризовала ихъ образъ жизни: «Мнѣ кажется, что вижу, какъ вы бѣгаете съ утра до ночи и возвращаетесь домой усталые и измученные, какъ говорятъ, безъ рукъ и безъ ногъ. Не думаю, чтобы при возвращеніи мы нашли васъ пополнѣвшими отъ утомляющаго образа жизни, который вы ведете» [83]). Изъ праздниковъ, предложенныхъ частными лицами, великокняжеская чета посѣтила лишь балъ, данный Французскимъ посланникомъ по случаю рожденія дофина. Удивляя Неаполитанцевъ скромностію своихъ привычекъ и серьезностію своихъ стремленій, великій князь и его супруга поражали ихъ и рѣдкой въ то время въ высшемъ обществѣ супружескою привязанностію. Самъ Павелъ Петровичъ со смѣхомъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ онъ приводилъ въ смущеніе чопорнаго Англійскаго посланника въ Неаполѣ Гамильтона, цѣлуя при немъ Марію Өеодоровну [84]).

12-го Февраля августѣйшіе путешественники оставили Неаполь и вновь посѣтили Римъ, гдѣ на этотъ разъ они пробыли цѣлыхъ три недѣли (съ 12 Февраля по 3 Марта), которыя они посвятили почти исключительно на подробное обозрѣніе памятниковъ древности и художественныхъ сокровищъ. «Образъ жизни, который вы ведете и который вы мнѣ описываете», писала имъ по этому поводу Екатерина, «очень свойственъ

---

[82]) *Московскій Главный Архивъ М. И. Д.*: донесенія гр. [illegible]скаго 1782 г.

[83]) *Сборникъ*, IX, 126, 128.

[84]) *Oberkirch*, I, 325—326.

Оскорбленіе, нанесенное Прусскимъ королемъ ихъ ближайшему родственнику, отравило послѣдніе дни пребыванія въ Вѣнѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Великій князь принялъ это дѣло, какъ позже писалъ о томъ Леопольдъ брату, близко къ сердцу и очень свысока (très haut). Онъ далъ совѣтъ и другимъ двумъ братьямъ Маріи Ѳеодоровны, бывшимъ на службѣ у Фридриха, Людвигу и Евгенію, также оставить Прусскую службу; когда же принцы не послушались его, то онъ объявилъ, что болѣе не намѣренъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Слѣдствіемъ этого была, уже по выѣздѣ его изъ Вѣны, непріятная переписка Павла съ братьями Фридриха II: принцами Генрихомъ и Фердинандомъ, и женою послѣдняго, теткою Маріи Ѳеодоровны; переписка эта закончилась тѣмъ, что Павелъ Петровичъ рѣшительно объявилъ, что болѣе не будетъ писать старому своему свату, принцу Генриху [60]). Не менѣе огорчена была, конечно, и великая княгиня; но когда она, послѣ свиданія съ изгнаннымъ отовсюду братомъ, обратилась къ Екатеринѣ съ просьбою принять его на Русскую службу, къ ней, на встрѣчу ея просьбѣ, уже шло письмо императрицы, также разгнѣванной поступкомъ Фридриха и предлагавшей жертвѣ стараго Ирода мѣсто генералъ-губернатора Финляндіи. Этимъ новымъ знакомъ вниманія Екатерины Монбельярское семейство обязано было, конечно, также Маріи Ѳеодоровнѣ, заслужившей ея одобреніе своимъ поведеніемъ въ Вѣнѣ; притомъ честь императрицы обязывала ее помочь человѣку, въ лицѣ котораго, по ея мнѣнію, Фридрихъ недостойнымъ образомъ мстилъ ей, ея дѣтямъ и Россіи [61]). Подобно сыну, и Екатерина неодобрительно отнеслась къ желанію его шурьевъ остаться на Прусской службѣ, хотя старый король, увидѣвшій, что своимъ опрометчивымъ поступкомъ онъ окончательно разрушаетъ связь свою съ когда-то преданнымъ ему молодымъ Русскимъ дворомъ, сталъ теперь осыпать ласками младшихъ братьевъ Маріи Ѳеодоровны [62]).

---

[60]) *Arnet*: Joseph II, I, 115—116. По этому же поводу писалъ великому князю и его супругѣ и самъ Фридрихъ, о чемъ они тотчасъ же сообщили Екатеринѣ. *Сборникъ*, IX, 122. Не къ Фридриху ли относится замѣчаніе, сдѣланное въ это время императрицей: «мнѣ пріятно видѣть васъ огорченными поведеніемъ человѣка въ нравственномъ и физическомъ отношеніи... Если люди эти уже не то, чѣмъ были, то вслѣдствіе происшествій, заставившихъ ихъ пасть, не мало, навѣрно, содѣйствовало тому и умственное изнеможеніе». Тамъ же, 121.

[61]) *Сборникъ*, IX, 105—108, 111—112.

[62]) Тамъ же, 107, 125. Еще Лафермьеръ замѣтилъ въ то время. «La façon dont le roi de Prusse en a agi avec la frère aîné de la grande-d-sse, ce

Іосифъ спѣшилъ воспользоваться неудовольствіемъ Павла противъ Пруссіи и показалъ ему письмо Екатерины, свидѣтельствовавшее о тайномъ союзѣ, заключенномъ между Австріей и Россіей въ Маѣ 1781 г. Этимъ выраженіемъ своего безграничнаго довѣрія къ рыцарскому цесаревичу императоръ думалъ окончательно заполонить его сердце. Сомнительно, однако, чтобы неожиданное, повидимому, сообщеніе Іосифа было новостію для великаго князя: въ заключеніи этого союза принималъ участіе графъ Панинъ [63]), и было бы неестественно, если бы онъ умолчалъ о томъ предъ своимъ воспитанникомъ и давнимъ политическимъ единомышленникомъ. Узнавъ отъ Павла о довѣріи, оказанномъ ему Іосифомъ, Екатерина попробовала выяснить ему свой взглядъ на значеніе этого союза для Россіи. «Письмо отъ Мая мѣсяца, которое мой сынъ имѣлъ случай читать въ Вѣнѣ, сдѣлало ваши зимнія квартиры болѣе пріятными. Это утренняя заря прекраснаго дня. Когда мракъ ночи исчезаетъ, тогда является утренняя звѣзда» [64]). Это не помѣшало ей, однако, недовѣрчиво отнестись къ Павлу и писать Іосифу 3 Января 1782 г.: «Смѣю думать, что сынъ мой, въ силу даннаго имъ обѣщанія, сохранить все это въ самой строгой тайнѣ, сдержитъ свое слово, согласно съ желаніями вашего величества, какъ ни мало, впрочемъ, его юные годы обезпечиваютъ его со стороны людей, дѣлающихъ своимъ промысломъ вывѣдываніе подобныхъ тайнъ» [65]). И Екатерина была права, не довѣряя сочувствію сына своимъ планамъ. Даже независимо отъ своихъ Прусскихъ симпатій, Павелъ, какъ мы имѣли случай видѣть, вовсе не одобрялъ завоевательной политики своей матери, считая Россію и безъ того слишкомъ обширною. Очевидно, онъ не имѣлъ понятія объ историческихъ задачахъ своего народа, отрицаніе которыхъ равнялось бы умерщвленію народной жизни. Находя нужнымъ сосредоточиться на внутреннихъ дѣлахъ, Павелъ упускалъ изъ виду связь ихъ съ внѣшней политикой государства. И это думалъ онъ, когда Екатерина готовилась присоединить къ Россіи Крымъ и весь сѣверный берегъ Чер-

---

qui ne peut manquer de tour au profit de l'empereur, qui finira par être adoré de toute la famille». *Архивъ кн. Воронцова*, XXIX, 215, письмо отъ 17 Декабря 1781 г.

[63]) *Трачевскій*: Союзъ князей, 505.

[64]) *Сборникъ*, IX, 109.

[65]) *Р. Арх.*, 1880, I, 268.

наго моря! Свои мысли по этому поводу онъ высказалъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, брату Іосифа, Леопольду, а тотъ, не понимая того, что онѣ вытекаютъ изъ самаго міросозерцанія Павла, приписалъ ихъ исключительно вліянію принца Генриха и наслѣднаго принца Прусскаго, къ которымъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна были искренно привязаны [66]).

Не сочувствуя цѣлямъ союза съ Іосифомъ и не видя пользы для себя въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Вѣнѣ, великій князь порывался уѣхать изъ Вѣны, въ то время, какъ его супруга еще не могла довольно нарадоваться, видя себя въ кругу родныхъ. Цѣль пребыванія въ Вѣнѣ могла считаться достигнутою даже независимо отъ устройства семейныхъ дѣлъ. «Могу тебя увѣрить», писалъ Леопольдъ Іосифу 5 Іюня 1782 г., «что великій князь и его супруга поразили и удивили меня своими свѣдѣніями о Вѣнѣ, о всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чинахъ, о семейныхъ отношеніяхъ, объ отдѣльныхъ личностяхъ и проч.; о дѣлахъ они имѣютъ также очень хорошія свѣдѣнія [67]). Удерживаемый долгое время въ Вѣнѣ то матерью, то своею супругою, Павелъ Петровичъ съ удовольствіемъ выѣхалъ, наконецъ, изъ Австрійской столицы 24-го Декабря, въ сопровожденіи Іосифа, его брата Максимиліана и принцевъ Фридриха-Евгенія и Фердинанда Виртембергскихъ, которые провожали его до перваго ночлега въ Винеришъ-Нейштадтѣ. Но отъѣздъ изъ Вѣны совершился при неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ Вѣнѣ, какъ и по всей Европѣ, распространена была тогда эпидемія, по всѣмъ признакамъ, инфлуэнца, свирѣпствовавшая тогда и въ Россіи [68]). Ею заболѣла предъ самымъ отъѣздомъ дочери принцесса Доротея, а въ Нейштадтѣ, на ночлегѣ, и сама Марія Θеодоровна [69]). Болѣзнь великой княгини продолжалась два дня, мѣшая дальнѣйшему путешествію. Императоръ оставался все время съ своими высокими гостями, стараясь сдѣлать для нихъ эту остановку по возможности пріятной. Сопровождавшая Марію Θеодоровну отъ Вѣны до Венеціи Австрійская графиня Хотекъ, говоря, вѣроятно, о

---

[66]) *Arnet*: Joseph II, I, 117.

[67]) Тамъ же, 118.

[68]) *Сборникъ*, IX, 113 и слѣд.

[69]) Донесеніе *кн. Голицына* отъ 27 Декабря. Объ эпидеміи въ Вѣнѣ см. письма Голланда. *Stark*, 88.

пребываніи въ Нейштадтѣ, сообщаетъ, что однажды послѣ обѣда, когда заговорили о музыкѣ, императоръ и великій князь пропѣли въ качествѣ диллетантовъ арію изъ оперы: «Орфей и и Альцеста» [70]). Изъ Нейштадта же Марія Ѳеодоровна написала прощальное письмо родителямъ, выражая надежду на новое скорое свиданіе [71]). 26 Декабря Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна съ своею свитою двинулись въ дальнѣйшій путь, слѣдуя маршруту, составленному Іосифомъ, на Тріестъ и Венецію.

9 Января 1782 г. покинули Вѣну и родители Маріи Ѳеодоровны, отправившіеся, въ сопровожденіи принцессы Елисаветы и принца Фердинанда, обратно въ Монбельяръ приготовлять все для встрѣчи дорогихъ гостей.

Сопровождавшая великокняжескую чету на пути изъ Вѣны въ Венецію графиня Хотекъ въ своихъ запискахъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ говоритъ о Павлѣ Петровичѣ и особенно о Маріи Ѳеодоровнѣ. «Не помню названія того мѣстечка, гдѣ мы обѣдали», говоритъ, между прочимъ, графиня, «но очень помню замѣчательный разговоръ нашъ съ великой княгиней. Я была удивлена довѣренностію, съ которой она обращалась ко мнѣ послѣ осьмидневнаго знакомства. Довѣренность эта никогда не будетъ обманута: слышанное мною въ этотъ день никогда не выйдетъ изъ моей памяти и никому другому извѣстно не будетъ». На остановкахъ и ночлегахъ время посвящено было живой бесѣдѣ и чтенію. «Великій князь, говоритъ графиня, благоволилъ прочесть намъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника своего, замѣчательно хорошо написаннаго. Великая княгиня прервала однажды по счастію чтеніе газетъ и разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что десяти лѣтъ она знала геометрію. Передъ ужиномъ великая княгиня читала намъ вслухъ нѣкоторыя мѣста Похвальнаго слова Плинія Траяну. Выборъ отрывковъ и выразительность, съ которою она читала, равно говорили въ пользу ея ума и сердца» [72]). Наблюдательная гра-

---

[70]) *Р. Арх.*, 1873. II, 1970.

[71]) *Госуд. Арх.* IV, 205. Письмо это, хранящееся въ копіи, доставленной изъ Штутгартскаго королевскаго архива, помѣчено неправильно 1776-мъ годомъ, вѣроятно по ошибкѣ переписчика.

[72]) *Русск. Арх.*, 1873, II, 1969—1970.

его сама королева Марія-Антуанетта, сестра Іосифа II, которая, правда, лично не возбуждала упрековъ въ безнравственности, отличалась добрыми свойствами души, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно любила роскошный образъ жизни и своимъ легкомысліемъ часто вредила достоинству королевскаго сана. «Да благословитъ Господь», писала Екатерина великому князю и его супругѣ, «христіаннѣйшую королеву, ея уборы, балы, спектакли, ея румяны и хорошо или дурно прилаженныя украшенія» [93])

Армида молодая,
Къ веселью, роскоши, знакъ первый подавая,
Не вѣдая чему судьбой обречена,
Рѣзвилась вѣтренымъ дворомъ окружена.

Высшее Французское дворянство въ своемъ образѣ жизни слѣдовало за королевой и, не чувствуя пропасти, разверзавшейся подъ его ногами, политическую свою дѣятельность ограничивало упорнымъ отстаиваніемъ своихъ средневѣковыхъ привиллегій. Добрый, но слабый король Людовикъ XVI-й, подчинявшійся своей супругѣ, неспособенъ былъ противиться общему теченію при истощенности государственной казны и печальномъ положеніи низшихъ классовъ населенія, грозившемъ гибелью старой Французской монархіи.

Узнавъ о приближеніи къ предѣламъ Франціи графа и графини Сѣверныхъ, король и Марія-Антуанетта выразили Русскому посланнику въ Парижѣ, князю Барятинскому, чрезвычайное свое удовольствіе видѣть ихъ у себя въ Парижѣ. «Ея величество королева», доносилъ Екатеринѣ Барятинскій, «какъ я заподлинно знаю, весьма ласкательнымъ себѣ ставить изволитъ, что сведетъ знакомство съ ихъ императорскими высочествами и потому располагаетъ сдѣлать такой ихъ высочествамъ пріемъ, которымъ бы они удостовѣрились о истинности таковыхъ ея сантиментовъ, и изволитъ изъясняться сами словами: «Je me mettrai jusqu'aux oreilles pour leur rendre le séjour d'ici agréable». Врачи находили, однако, что королевѣ, недавно разрѣшившейся отъ бремени дофиномъ, невозможно еще было ранѣе 9 Мая, безъ вреда для здоровья, предаться всѣмъ заботамъ по пріему царственныхъ гостей; поэтому королева просила князя Барятинскаго устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы великій князь и его супруга прибыли въ Парижъ не ранѣе назначеннаго ей врачами срока, чтобы она имѣла возможность достойнымъ образомъ

93) *Сборникъ*, IX, 156.

принять ихъ. Это желаніе королевы Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ было тѣмъ легче исполнить, что сами обстоятельства ихъ путешествія во Французскихъ предѣлахъ задерживали ихъ движеніе къ Парижу. Дороги во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, были тогда очень плохи, такъ что въ Ліонъ высокіе путешественники прибыли лишь 26 Апрѣля. Въ Ліонѣ Марія Θеодоровна утѣшена была свиданіемъ (бывшимъ для нея, кажется, пріятной неожиданностію) съ отцомъ и матерью, пріѣхавшими нарочно изъ Монбельяра съ младшими дѣтьми своими, чтобы провести здѣсь нѣсколько лишнихъ дней въ обществѣ горячо любимой дочери. Жители Ліона встрѣтили Павла Петровича и Марію Θеодоровну очень радушно; съ своей стороны великокняжеская чета умѣла возбудить къ себѣ уваженіе Французовъ, оцѣнившихъ благородные порывы и чувства царственныхъ своихъ гостей. Современники, напр., разсказываютъ, что, посѣщая различныя городскія учрежденія, Павелъ Петровичъ и его супруга пожелали быть, не смотря на дѣлаемыя имъ возраженія, и въ городскомъ госпиталѣ. Госпиталь этотъ, наполненный больными, производилъ ужасное впечатлѣніе; и когда купеческій старшина, сопровождавшій великаго князя и великую княгиню, выразилъ свое сожалѣніе, что они подвергаютъ себя ужасному зрѣлищу человѣческихъ бѣдствій, Павелъ Петровичъ и его супруга отвѣчали ему: «чѣмъ болѣе царственныя лица удалены, по своему положенію, отъ созерцанія бѣдствій человѣческихъ, тѣмъ болѣе они должны наблюдать ихъ, чтобы имѣть возможность понимать ихъ и облегчать» [94]). Какъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ Ліонѣ сдѣланы были высокими посѣтителями пожертвованія благотворительчымъ учрежденіямъ. Не ускользнулъ отъ вниманія Павла Петровича и оружейный заводъ въ С.-Этьенѣ, гдѣ въ то время было въ готовности для надобностей Французской арміи до 80 тысячъ ружей. Великій Князь былъ очень удивленъ этимъ богатствомъ оружія, а Великая Княгиня поспѣшила прибавить: «Что́ касается меня, то я искренно надѣюсь, что эти храбрые и любезные Французы никогда не направятъ этого оружія противъ моихъ дорогихъ Русскихъ; для тѣхъ и другихъ лучше быть друзьями» [95]). Марія Θеодоро

[94]) *Coudray:* «Le Comte et la Comtesse du Nord».
Paris, 1782, 31, 114.—*Oberkirch*, 1, 323.

[95]) *Oberkirch*, I, 323.

[96]) Тамъ же, 192.

нечно, не могла предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ ея супругу и сыну, отчасти благодаря ея же вліянію, придется вести борьбу почти исключительно съ Франціей. Въ Ліонѣ же Павелъ Петровичъ былъ чрезвычайно обрадованъ, узнавъ, что среди солдатъ Французскаго караула находился одинъ Русскій, бѣжавшій по стеченію неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ изъ Россіи и изъ-за куска хлѣба поступившій въ ряды Французскихъ войскъ. Позаботившись объ увольненіи его изъ Французской службы, Павелъ Петровичъ доставилъ ему средства возвратиться въ Россію и обѣщалъ позаботиться о его будущемъ.

Пробывъ въ Ліонѣ почти цѣлую недѣлю и простившись въ Дижонѣ съ родными, возвращавшимися въ Монбельяръ, графъ и графиня Сѣверные прибыли въ Парижъ 7 Мая и остановились въ домѣ Русскаго посланника князя Барятинскаго, соблюдая строгое инкогнито и отклонивъ торжественныя приготовленія, сдѣланныя для ихъ встрѣчи Французскимъ дворомъ. Въ Фонтенбло, послѣдней станціи предъ Парижемъ, Марію Ѳеодоровну встрѣтила подруга ея дѣтства, г-жа Оберкирхъ. Радость обѣихъ была неописанна; и съ этого времени до возвращенія великокняжеской четы въ Россію г-жа Оберкирхъ сопровождала ее во всѣхъ ея путешествіяхъ, оставивъ намъ въ своихъ запискахъ очень подробное, но преимущественно внѣшнее ихъ описаніе. «Когда мы прибыли въ Парижъ», разсказываетъ г-жа Оберкирхъ, «я сопровождала ихъ высочества въ ихъ отель. Тамъ я нашла свою возлюбленную принцессу Доротею такою же, какою она была въ Монбельярѣ: она была такою же, какъ и тамъ, простою, доброю и довѣрчивой». Обращаясь къ Павлу Петровичу, Марія Ѳеодоровна просила его, ради его любви къ ней, полюбить и ея подругу, и тронутый ея нѣжностью супругъ поцѣловалъ руку г-жи Оберкирхъ. Вслѣдъ затѣмъ Марія Ѳеодоровна выразила дорогой своей Ланель скорбь свою о разлукѣ съ дѣтьми. «Хотя я получаю о нихъ», говорила она, «подробныя свѣдѣнія, но разлука съ ними кажется мнѣ очень продолжительной. Вдали отъ нихъ мое сердце разрывается на части. Это обычная участь тѣхъ, кто предназначенъ къ трону: намъ никогда нельзя соединить разомъ вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кого мы любимъ». Предаваясь затѣмъ вмѣстѣ съ подругой воспоминаніямъ о времени счастливаго дѣтства, Марія Ѳеодоровна сообщила ей много подробностей и объ Екатеринѣ, но ихъ г-жа Оберкирхъ не сочла нужнымъ передать въ своихъ запискахъ.

Первые дни своего пребыванія въ Парижѣ графъ и графиня Сѣверные посвятили отдохновенію; тѣмъ не менѣе, огромныя толпы народа стояли предъ домомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ оглашая воздухъ криками въ честь высокихъ путешественниковъ. 8 Мая, однако, Павелъ Петровичъ не удержался отправиться, какъ частное лицо, въ Версаль, чтобъ присутствовать тамъ при процессіи кавалеровъ ордена Св. Духа. Великолѣпіе Версальскаго двора поразило даже Павла Петровича, привыкшаго къ пышности двора своей матери.

9 Мая графъ и графиня Сѣверные были представлены королю и королевѣ, и съ этого времени снова втянуты были въ кругъ уже прискучившихъ имъ празднествъ, которыми королева исполнила свое обѣщаніе, придумывая развлеченія для своихъ гостей; а за придворными праздниками, блиставшими великолѣпіемъ и вычурнымъ изяществомъ, свойственнымъ той эпохѣ, послѣдовали не менѣе блестящіе пріемы, которые дѣлали великокняжеской четѣ братья короля: графъ Прованскій и графъ д'Артуа, принцъ Конде и герцогъ Орлеанскій. Но въ теченіе этихъ оффиціальныхъ торжествъ завязались и укрѣпились связи Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны съ членами Бурбонскаго дома. При застѣнчивости короля, не обладавшаго показною любезностію, и смущеніи Маріи-Антуанеты, которая не знала какъ держать себя съ высокими путешественниками, первая встрѣча не могла не быть натянутою; разсказываютъ, что Марія-Антуанетта, прежде чѣмъ войти въ комнату, гдѣ она должна была обѣдать съ своими гостями, попросила стаканъ воды, признаваясь, что гораздо труднѣе исполнять роль королевы въ присутствіи другихъ государей, чѣмъ простыхъ придворныхъ [97]). Но затѣмъ натянутость исчезла и, благодаря личнымъ свойствамъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, смѣнилась непринужденными, дружескими отношеніями. Павелъ Петровичъ съ самаго начала выразилъ свои теплыя чувства къ Франціи и ея королевскому дому. Представившись королю, онъ прошелъ затѣмъ въ комнаты дофина, которому было тогда всего три мѣсяца, и сказалъ его гувернанткѣ: «Напоминайте почаще дофину о посѣщеніи, которое я ему сдѣлалъ; напоминайте о привязанности, которую я чувствую къ нему съ его младенчества; пусть она послужитъ къ союзу и вѣчной связи

[97]) *Кобеко*, 228—229.

между нашими государствами». Эти слова цесаревича повторялись всѣми, а король и королева были очень тронуты ими [98]). Съ своей стороны королева осыпала Марію Θеодоровну любезностями; желая сдѣлать угодное ей, она приказала, нарушая условія этикета, пригласить на семейныя дворцовыя собранія всѣхъ Русскихъ дамъ, находившихся въ Парижѣ, и даже г-жу Оберкирхъ, сказавъ ея царственной подругѣ: «Мнѣ было бы неловко лишить васъ вашего друга; напротивъ того, мнѣ хотѣлось бы собрать вокругъ васъ все, что можетъ вамъ понравиться» [99]). Марія Θеодоровна также не могла не оцѣнить вниманія къ себѣ королевы и добрыхъ свойствъ ея души, не заглушенныхъ окружавшей ее обстановкой, хотя Марія-Антуанетта и не совсѣмъ довольна была отношеніемъ къ ней великой княгини, видя въ ней нѣкоторую холодную сдержанность и желаніе выказывать при удобномъ случаѣ свои познанія [100]); но понятно, что Марія Θеодоровна и не могла по своему образу мыслей сочувствовать многимъ легкомысленнымъ поступкамъ королевы, а въ живой бесѣдѣ, не дорожа салоннымъ остроуміемъ, искала прежде всего пищи для ума и сердца. Въ этомъ отношеніи ее гораздо болѣе удовлетворяла сестра короля, принцесса Елисавета, отличавшаяся высокими нравственными качествами, и дочь принца Конде, которая столь же нравилась великой княгинѣ, сколько самъ принцъ Конде, образованный и честный воинъ, Павлу Петровичу. Марія Θеодоровна признавалась даже, что именно принцессу Конде она желала бы имѣть своей подругой. Двухдневное пребываніе Павла Петровича и Маріи Θеодоровны въ замкѣ Шантильи, принадлежавшемъ принцу Конде, сопровождаемое рядомъ празднествъ, оставило въ нихъ самыя пріятныя впечатлѣнія. Принцъ и принцесса съ своей стороны привязались къ высокимъ гостямъ, такъ что, при разставаніи, принцъ Конде, къ удовольствію Павла Петровича, выразилъ желаніе рано или поздно отдать ихъ высочествамъ визитъ въ Петербургѣ. Маріи Θеодоровнѣ, при отъѣздѣ ея изъ Шантильи, малолѣтній внукъ принца Конде, герцогъ Ангіенскій, поднесъ

---

[98]) *Oberkirch*, I, 197.—«Ils sont», говорилъ про цесаревича и его супругу Людовикъ XVI князю Барятинскому, «très aimables. Je suis charmé d'avoir fait leur connaissance et je les aime beaucoup». Донесеніе *кн. Барятинскаго* 29 Мая 1782 г. *Московскій Главный Архивъ.*

[99]) *Oberkirch*, I, 201. [100]) *Кобеко*, 236—337.

прекрасный букетъ [101]). Дѣйствительно, принцъ Конде съ этимъ своимъ внукомъ явился въ царствованіе Павла въ Петербургъ, но изгнанниками, ища пріюта. Личное знакомство Павла Петровича и Маріи Θеодоровны съ членами дома Конде послужило потомъ поводомъ къ особенному участію, которое Русскій Императорскій Домъ проявлялъ къ судьбѣ ихъ въ революціонную эпоху. Зато герцогъ Орлеанскій и герцогъ Шартрскій, знаменитый впослѣдствіи Филиппъ Эгалитè, содѣйствовавшій казни несчастнаго короля и самъ потомъ казненный революціонерами,—своимъ неуваженіемъ къ слабому королю и грубыми мѣщанскими манерами и привычками уже въ это время возбуждали крайнее неудовольствіе Павла Петровича; узнавъ объ одной оскорбительной выходкѣ герцога Шартрскаго по отношенію къ королю, великій князь, воспитавшій въ себѣ чувство строгой законности, пророчески воскликнулъ: «Король Франціи очень терпѣливъ. Если бы моя мать имѣла подобнаго двоюроднаго брата, онъ недолго бы пожилъ въ Россіи. Послѣдствія подобныхъ низкихъ интригъ въ царственномъ семействѣ всегда болѣе важны, чѣмъ думаютъ» [102]). Но Марія Θеодоровна не могла не отдать справедливости прекраснымъ душевнымъ свойствамъ герцогини Шартрской, матери будущаго короля Лудовика-Филиппа, относясь къ ней съ полнымъ вниманіемъ.

Знакомясь съ членами Бурбонскаго дома, великокняжеская чета не забывала и образовательной цѣли своего путешествія. Парижъ въ то время былъ умственнымъ центромъ всей Европы. Не сочувствуя общему направленію ученія энциклопедистовъ, подрывавшаго основы религіи и способствовавшаго развращенности нравовъ въ обществѣ, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна еще въ Петербургѣ съ живымъ интересомъ слѣдили за умственною жизнью Парижа по обстоятельнымъ періодическимъ отчетамъ двухъ Парижскихъ своихъ корреспондентовъ: Жана-Франсуа-Лагарпа и Бленъ-де-Сенъ-Мора [103]),

---

[101]) *Oberkirch*, I, 283—294. Донесенія *князя Барятинскаго*. «Словомъ заключить», писалъ онъ 2 Іюня, «всѣ сіи празднества въ Шантильи были сдѣланы съ совершеннымъ вкусомъ и равнымъ великолѣпіемъ, и сей принцъ (Конде) оказалъ ихъ высочествамъ столько учтивости и ласки, что не токмо они, взаимно прощаясь, но и многіе предстоящіе были тронуты до чувствительности». «Ce fut avec un véritable chagrin», говоритъ Оберкирхъ (293).

[102]) *Oberkirch*, I, 254.

[103]) Бюллетени ихъ (перваго, съ 1774 по 1791 годъ въ пяти томахъ, а втораго, съ 1778 по 1801-й, въ тридцати двухъ томахъ) сохраняются

такъ что весьма много они уже знали, къ многому были уже достаточно подготовлены, и въ то же время многое вызвало въ нихъ чувство разочарованія. Это послѣднее проявилось особенно при знакомствѣ съ произведеніями Французскаго искусства, которыми Марія Ѳеодоровна вездѣ особенно интересовалась. «Очень замѣтно, что вы ѣдете изъ Италіи», писала Екатерина, «такъ какъ вы не удивляетесь ни картинамъ, ни колоколамъ Парижскаго собора. Смѣхъ, который Французская музыка чуть не вызвала въ моей милой дочери, также есть Итальянская ересь, которую Италія подкрѣпила... Какимъ же однако образомъ весь Парижъ, до безумія любящій театральныя представленія, не имѣетъ лучше сыгранныхъ пьесъ, чѣмъ наши? Я хорошо знаю почему: это потому, что всякій оставляетъ хорошее представленіе для дурнаго, что вмѣсто трагедіи даютъ имъ только безсмысленное, что комедія вмѣсто смѣха вызываетъ только слезы, что ни одна вещь уже не на своемъ мѣстѣ, что даже цвѣтà имѣютъ лишь названія презрительныя и недостойныя» [104]). Высокіе путешественники посѣщали также мастерскія художниковъ, музеи, библіотеки и ученыя учрежденія. Французская Академія Наукъ устроила въ честь ихъ торжественное засѣданіе, на которомъ ихъ литературный корреспондентъ Лагарпъ читалъ свое стихотворное посланіе къ великому князю. Часы досуга, остававшіеся у великокняжеской четы отъ праздниковъ и посѣщеній разнаго рода, посвящались бесѣдѣ съ учеными писателями и художниками. Бомарше самъ прочелъ имъ въ это время свою извѣстную «Свадьбу Фигаро», бывшую еще въ рукописи. Вниманіе это, оказанное выдающимся представителямъ умственнаго движенія вѣка дѣтьми вѣнценосной покровительницы энциклопедистовъ, высоко под-

---

кописи въ библіотекѣ Павловскаго дворца. Изъ нихъ напечатаны только бюллетени Лагарпа, и то лишь частію, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ они рисуютъ живую картину умственной жизни Парижа въ революціонную эпоху. «Павловскъ», 437—438.

[104]) *Сборникъ*, IX, 156. Замѣчательно, что Марія Ѳеодоровна, посѣтивъ Notre Dame de Paris, признавалась г-жѣ Оберкирхъ, что хотя храмъ Св. Петра въ Римѣ и Парижскій соборъ глубоко дѣйствуютъ на религіозное чувство, но что въ этомъ отношеніи она отдаетъ предпочтеніе православнымъ церквамъ. Оберкирхъ отличалась приверженностью къ лютеранству. «Къ счастію для себя», прибавляетъ она, «великая княгиня ревностная православная христіанка и вовсе не скорбитъ, что покинула религію своего дѣтства». *Oberkirch*, I, 217.

няло Павла Петровича и Марію Θеодоровну въ глазахъ Французскаго общества, вызывая единодушное одобреніе всѣхъ образованныхъ людей. Между прочимъ, Павелъ Петровичъ посѣтилъ знаменитаго тогда Неккера, бывшаго въ немилости у двора, и д'Аламбера, котораго когда-то Екатерина приглашала въ наставники къ цесаревичу. Парижане удивлялись разностороннимъ знаніямъ Маріи Θеодоровны, въ особенности въ области искусствъ и ремеслъ, не предполагая, конечно, что супруга наслѣдника Русскаго престола съ дѣтства съ любовію занималась ими [105]).

Парижскія благотворительныя учрежденія и тюрьмы также видѣли въ стѣнахъ своихъ Великаго Князя и его супругу, каждый разъ оставлявшихъ на память о своемъ посѣщеніи значительныя пожертвованія. Современники сохранили намъ много свидѣтельствъ, что въ этихъ случаяхъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна проявили необыкновенную чувствительность и желаніе помочь страждущимъ [106]). Такъ, 2 Іюня они, осматривая судебныя учрежденія, пожелали посѣтить и находившіяся при нихъ тюрьмы, которыя во Франціи, какъ и во всей Европѣ, находились тогда въ ужасномъ состояніи. Во время этого посѣщенія они потрясены были до глубины души несчастнымъ положеніемъ заключенныхъ, тронуты были такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ и всѣ арестованные. Нѣсколькими днями ранѣе Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна подобнымъ же образомъ посѣтили Консьержери и тюрьму Аббатства, гдѣ они оставили въ пользу заключенныхъ болѣе 12,000 франковъ. Были они и въ тюрьмѣ, гдѣ содержались неисправные должники, причемъ за многихъ изъ нихъ заплатили болѣе 10,000 франковъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ великій князь и великая княгиня входили во всѣ мелочи управленія и содержанія заключенныхъ, ужасаясь, вѣроятно, всему видѣнному. Также подробно осмотрѣны были больницы, воспитательный домъ и разные пріюты для сиротъ и другихъ несчастныхъ. Эти учрежденія поставлены были, кажется, въ лучшія условія, чѣмъ тюрьмы. «Радуюсь за человѣчество», отвѣчала Екатерина невѣсткѣ въ отвѣтъ на ея описаніе состоянія Парижскихъ больницъ, «что больницы, которыя вы посѣтили, не такъ скверны какъ были тому назадъ нѣсколько лѣтъ, когда

---

105) *Coudray*, 34. *Кобеко*, 233--234. — 106) *Обе князя Барятинскаго.*

настоящими помойными ямами» [107]). При обзорѣ благотворительныхъ учрежденій обхожденіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны внушало всѣмъ восторженныя чувства, такъ какъ и здѣсь наши путешественники входили во всѣ подробности состоянія учрежденій, ласкали страждущихъ и не затруднялись даже обходить въ больницахъ палаты страдавшихъ заразительными болѣзнями. Какъ и въ Ліонѣ, Павелъ Петровичъ отвѣчалъ на представленія объ опасности такого обхода, что эти посѣщенія онъ считаетъ обязанностію, налагаемою на него и супругу ихъ высокихъ саномъ. «Существуетъ большая разница, говорилъ онъ, между частными лицами и тѣми, кто предназначенъ къ трону Провидѣніемъ: для послѣднихъ необходимо знать всѣ виды человѣческихъ бѣдствій, чтобы умѣть облегчать ихъ» [108]). Посѣтивъ одну изъ лучшихъ Парижскихъ больницъ Hôtel-de-Dieu, они бросили въ кружку банковый билетъ въ 600 ливровъ [109]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробностей о посѣщеніи великокняжеской четою другихъ благотворительныхъ учрежденій, къ обзору которыхъ еще въ Вѣнѣ Марія Ѳеодоровна показала особую склонность. Между тѣмъ, одно изъ самыхъ крупныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ Павломъ Петровичемъ и Маріей Ѳеодоровной въ Парижѣ, было пожертвованіе на воспитательный домъ [110]); безъ сомнѣнія, участь обреченныхъ на гибель младенцевъ глубоко тронула нѣжное сердце великой княгини. Нѣсколько несчастныхъ случаевъ съ людьми на Парижскихъ улицахъ на глазахъ Маріи Ѳеодоровны также послужили поводомъ къ тому, чтобы немедленно помочь пострадавшимъ и позаботиться объ ихъ участи [111]). По словамъ г-жи Оберкирхъ, Павелъ Петровичъ очень любилъ видѣть въ своей супругѣ заботливость о несчастныхъ и тѣмъ еще болѣе возбуждалъ ея благотворительную дѣятельность [112]).

Но онъ же, можетъ быть, побудилъ Марію Ѳеодоровну на необыкновенный по правиламъ этикета поступокъ, вызванный, очевидно, воинскими наклонностями великаго князя. Послѣ смотра полка Французской гвардіи, которою командовалъ мар-

---

[107]) *Сборникъ*, IX, 160.—[108]) *Coudray*, 29.—[109]) Тамъ же, 28.—[110]) Денежная вѣдомость *Салтыкова* отъ 10 Іюля 1782 г. *Госуд. Арх.* [111]) *Coudray*, 20—21, 95.—*Oberkirch*., I, 204.—[112]) *Oberkirch*, I, 204. Г-жа Оберкирхъ сопровождала свою царственную подругу повсюду и въ Парижѣ, и во время дальнѣйшаго путешествія по Европѣ, замѣняя собою г-жу Бенкендорфъ, которая, находясь въ состояніи беременности, уѣхала изъ Парижа въ Монбельяръ.

шалъ Биронъ, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна, чрезвычайно довольные произведеннымъ ученіемъ, посѣтивъ лазаретъ полка, роздали при этомъ больнымъ солдатамъ денежное пособіе, а затѣмъ приняли отъ маршала завтракъ, на которомъ присутствовали и офицеры полка. Но этимъ дѣло не кончилось. «По возвращеніи домой, доносилъ Екатеринѣ кн. Барятинскій, ея высочество отъ своего имени прислать изволила при письмѣ къ маршалу Бирону пятьсотъ лундоровъ» («pour boire aux soldats des gardes françaises», объясняетъ г-жа Оберкирхъ) [113]). Маршалъ принялъ эти деньги, съ позволенія короля; но, «прибавляетъ князь Барятинскій, сіе сдѣлано изъ единаго угожденія ея высочеству, яко къ дамѣ; ибо до сего времени полкъ Французской гвардіи ни отъ кого ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ» [114]). Обиды никто не почувствовалъ, такъ какъ гвардейцы съумѣли оцѣнить чувства, вызвавшія этотъ странный подарокъ, и были въ восторгѣ отъ великой княгини. Маршалъ Биронъ съ своей стороны прислалъ Павлу Петровичу лошадь, на которой онъ дѣлалъ смотръ полку, на память объ этомъ смотрѣ. Павелъ Петровичъ, принявъ лошадь, велѣлъ вручить приведшему ее солдату сумму денегъ, равную стоимости лошади.

Французы лучше, чѣмъ хладнокровно-разсчетливые Нѣмцы и вѣчно-интриговавшіе Итальянцы, оцѣнили рыцарскій характеръ Павла Петровича и женственный умъ, доброту и грацію Маріи Θеодоровны. Парижъ и Версаль были въ восторгѣ отъ своихъ гостей: каждый шагъ ихъ, каждое мѣткое слово, сказанное публично, дѣлались извѣстны всему городу, возбуждая всюду самыя сочувственныя толкованія всѣхъ классовъ общества, начиная отъ королевскаго двора до массы простаго народа. Особенное впечатлѣніе на Парижанъ произвело хорошо характеризующее самого Павла Петровича сочувствіе его къ памяти добраго короля, Генриха IV. Присутствуя однажды въ театрѣ на представленіи пьесы: «Chasse de Henri Quatre», Павелъ Петровичъ былъ до того растроганъ, что плакалъ при воспоминаніи о Генрихѣ IV, а затѣмъ просилъ повторить для него эту пьесу.

По обычаю того времени, чувства, возбужденныя пребываніемъ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны въ Парижѣ, выразились во множествѣ современныхъ, часто весьма удачн

---

[113]) Тамъ же, 283. [114]) Донесеніе *кн. Барятинскаго* отъ

по мысли и формѣ стихотвореній; въ одномъ изъ нихъ поклоненіе Павла памяти Генриха IV подало поводъ къ пророчеству, что самъ Павелъ уподобится Генриху. Почести, воздаваемыя великокняжеской четѣ, были тѣмъ искреннѣе и цѣннѣе, что къ нимъ не примѣшивалось своекорыстныхъ политическихъ разсчетовъ, какъ это было въ Пруссіи и потомъ въ Австріи. Съ каждымъ днемъ графъ и графиня Сѣверные пользовались все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ расположеніемъ Французовъ, которое проявлялось при всякомъ удобномъ случаѣ. 15 Мая, напр., въ «Comédie Française» публика устроила цесаревичу и его супругѣ оваціи, продолжавшіяся въ теченіе всего спектакля. По окончаніи его Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна провожаемы были толпою зрителей, восторженно ихъ привѣтствовавшихъ. Каждая любезность двора по отношенію къ великокняжеской четѣ встрѣчаема была обществомъ съ удовольствіемъ. «3 Іюня», доносилъ князь Барятинскій, «ихъ высочества ѣздили въ оперу въ Версали, куда уже королева прибыла раньше ихъ высочествъ. Какъ только они подъѣхали къ тому дому, то шталмейстеръ королевы встрѣтилъ ихъ и просилъ ихъ идти къ ней въ ложу. Только что ихъ высочества показались, публика не могла утерпѣть изъявить свое удовольствіе плесканіемъ въ ладоши, и всѣ зрители встали съ своихъ мѣстъ. По нѣкоторомъ времени королева встала съ своего мѣста, дабы оное уступить ея высочеству. Государыня великая княгиня всячески отъ онаго изволила уклоняться; но королева, почти можно сказать силою, ее къ тому принудила. Какъ скоро мѣстами перемѣнились, публика съ великимъ же восхищеніемъ паки плескала въ ладоши». Въ донесеніи отъ 8 Іюня, говоря объ отъѣздѣ великокняжеской четы, князь Барятинскій прибавлялъ: «Ихъ высочества всѣми принимаемы были съ великою радостью, съ восхищеніемъ и съ должнымъ почтеніемъ и уваженіемъ. И всѣ генерально говорятъ сими словами: «Ils emportent de notre amour et nos regrets». Узнавъ 4 Іюня о желаніи великокняжеской четы отправиться въ дальнѣйшій путь, король и королева выразили по этому поводу искреннее сожалѣніе и убѣдили Павла Петровича и Марію Θеодоровну направить путь изъ Парижа чрезъ Шоази, куда они хотѣли пріѣхать изъ Версаля, своей обычной резиденціи, чтобы еще разъ проститься съ своими гостями. Говоря по этому поводу съ Барятинскимъ, Людовикъ XVI сказалъ, между прочимъ:

«Je ne puis m'empêcher de ne pas me procurer le plaisir de les voir avant leur départ. Je vous avoue franchement que je suis fort enchanté d'avoir fait leur connaissance. Je vous prie de faire savoir mes sentiments à S. M. l'Impératrice, de l'assurer de mon attachement et de lui dire, que je regarde comme une véritable preuve de son amitié pour moi qu'elle ait bien voulu donner la permission au Grand-Duc de venir en France. Je me rappelerai avec une vraie satisfaction de tous les moments que j'ai passé avec leurs altesses impériales» [115]). «Весь этотъ день», продолжаетъ князь Барятинскій, «ихъ высочества пробыли съ королемъ, королевою и королевскою фамиліей и, можно сказать, какъ бы однофамильные, въ обхожденіи самомъ простомъ и дружескомъ». 5 Іюня Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна возвратились изъ Версаля въ Парижъ и здѣсь привели въ порядокъ свои дѣла, готовясь къ отъѣзду. Между прочимъ, окончены были покупки разнаго рода вещей и распоряженія по отсылкѣ ихъ въ Петербургъ [116]). 7 Іюня Павелъ Петровичъ и

---

[115]) «Я не могу отказать себѣ въ желаніи имѣть удовольствіе увидѣться съ ними предъ ихъ отъѣздомъ. Признаюсь вамъ откровенно, что я въ восхищеніи отъ знакомства съ ними. Я прошу васъ выразить мои чувства предъ Е. В. Императрицей, увѣрить ее въ моей привязанности къ ней и сказать ей, что я считаю истиннымъ доказательствомъ ея дружбы ко мнѣ данное ею Великому Князю позволеніе посѣтить Францію. Я вспоминаю съ истиннымъ удовлетвореніемъ всѣ часы, которые я провелъ въ обществѣ ихъ императорскихъ высочествъ».—«Признаюсь», писала 9 Іюня Екатерина Гримму, «что извѣстія объ успѣхахъ графа и графини Сѣверныхъ превзошли мои ожиданія. Благодарю за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете и которыя доставляютъ мнѣ великое удовольствіе». *Сборникъ*, XXIII, 241.

[116]) Иностранцы вообще сильно преувеличивали количество денегъ, издержанныхъ великокняжеской четой во Франціи. Такъ, г-жа Оберкирхъ говоритъ, что сумма, розданная во Франціи на дѣла благотворенія и награды разнымъ лицамъ, превосходила два милліона (323); а *Кудре* (34) цѣнность покупокъ, сдѣланныхъ во Франціи, опредѣляетъ въ три милліона. Допуская даже, что милліоны эти считаются на ливры, мы все-таки видимъ, что суммы эти не соотвѣтствуютъ истиннымъ цифрамъ расходовъ, приведеннымъ въ подлинныхъ денежныхъ отчетахъ Салтыкова. По его счету, со времени выѣзда изъ Италіи до отъѣзда изъ Парижа, вышло въ расходъ всего 516,801 голл. гульденъ (изъ нихъ на надобности ихъ высочествъ и покупку мебели 194,350, а остальное на пожертвованія и разныя выдачи). Получивъ этотъ отчетъ Салтыкова, Екатерина послала его къ Безбородко при слѣдующей запискѣ (*Госуд. Арх.*, IV, 160): «Прочтите сіи письма генерала Салтыкова съ кн. Вяземскимъ и посмотрите, не будетъ ли нужда въ деньгахъ тамо. Наипаче подъ конецъ. Измотались, кажется». Изъ этой записки видно, что Екатерина не стѣсняла Павла Петровича и Марію Өеодоровну въ расходахъ по путешествію.

Марія Θеодоровна выѣхали изъ Парижа и, увидѣвшись еще разъ съ королевской фамиліей въ Шоази, отправились въ дальнѣйшій путь въ Нидерланды чрезъ Бретань.

Всѣ современники, описывавшіе пребываніе великокняжеской четы въ Парижѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что извѣстіе о предположенномъ отъѣздѣ ея встрѣчено было всеобщимъ сожалѣніемъ, которое кавалеръ Дю-Кудре выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Par votre agréable présence
Vous avez comblé nos souhaits;
Par votre départ, votre absence,
Princes, vous excitez nos sensibles regrets.
Tels sont en ce moment les adieux de la France.
Il fallait y rester, ou n'y venir jamais [117]).

Графъ и графиня Сѣверные оставляли Парижъ довольные сдѣланнымъ имъ пріемомъ, но подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отдаленныхъ пока раскатовъ грозы изъ Россіи. Въ половинѣ Мая они получили письмо Екатерины, въ которомъ она извѣщала дѣтей, что въ перехваченномъ письмѣ флигель-адъютанта Бибикова къ сопровождавшему ихъ князю А. Б. Куракину оказались дерзкія выраженія, какъ оказалось потомъ, относительно князя Потемкина и самой императрицы [118]). Можно представить себѣ, какъ Павелъ Петровичъ былъ встревоженъ не только за кн. Куракина, являвшагося единомышленникомъ Бибикова, но и за себя лично, такъ какъ дружескія отношенія Павла къ Куракину были всѣмъ извѣстны. Замѣчательно, что, находясь въ Парижѣ, царственные супруги, если вѣрить современникамъ, дали объ Екатеринѣ совершенно различные отзывы при обстоятельствахъ, исключающихъ возможность неискренности. Однажды, на вопросъ короля, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого бы онъ могъ положиться, Павелъ Петровичъ, безъ сомнѣнія съ часу на часъ ожидавшій отзыва князя Куракина изъ Парижа, раздраженный этимъ, отвѣчалъ: «Ахъ, я былъ бы очень недоволенъ, если бы возлѣ меня, въ моей свитѣ, находился

[117]) *Coudray*, 104.—Марія-Клотильда писала изъ Турина Павлу Петровичу 28 Іюня: «Je suis enchantée de voir que vous avez été content de votre séjour en France. Je puis vous assurer que vous avez bien captivé les coeurs, surtout par les argens immenses que vous avez repandu sur tous les malheureux, et votre départ a causé bien de regrets». *Государственный Архивъ*, IV, 200.

[118]) *Сборникъ*, IX, 145. Письмо 25 Апрѣля.

самый маленькій пудель, ко мнѣ привязанный, то моя мать велѣла бы бросить его въ воду, прежде чѣмъ мы оставили бы Парижъ» [119]). О Маріи Ѳеодоровнѣ существуетъ иное свидѣтельство. Въ отвѣтъ на слова священника церкви Св. Сульпиція, цѣлью которыхъ было восхваленіе Екатерины, Марія Ѳеодоровна серьезно сказала: «Да, вы правы. Императрица есть мать своихъ подданныхъ; она въ одно и то же время и лучшая голова, и лучшее сердце во всей Европѣ». «Я», прибавляетъ, передавая это, г-жа Оберкирхъ, «никогда не слышала, чтобы графиня Сѣверная говорила инымъ языкомъ; тѣ, которые приписывали ей другое мнѣніе, ошибаются» [120]). Нѣтъ основаній не довѣрять въ этомъ случаѣ задушевной подругѣ Маріи Ѳеодоровны, и такимъ образомъ становится ясно, что невѣстка стала относиться къ императрицѣ, послѣ пятилѣтняго пребыванія своего въ Россіи, гораздо безпристрастнѣе и справедливѣе, чѣмъ самъ Павелъ Петровичъ. Очевидно, Марія Ѳеодоровна успѣла уже приглядѣться ко многому, чего ранѣе не видѣла, и многое получило въ ея глазахъ иной оттѣнокъ. Екатерина-женщина въ глазахъ Маріи Ѳеодоровны потеряла свое значеніе сравнительно съ Екатериной-государыней и Екатериной-бабушкой, замѣнявшей дѣтямъ Маріи Ѳеодоровны мать во время всего путешествія. Письма Екатерины за это время дышатъ нѣжною заботливостью о своихъ внукахъ, съ которыми она проводила свои досуги и о развитіи которыхъ она приложила всѣ старанія, сама составляя для ихъ первоначальнаго чтенія небольшія статьи. Не менѣе благодарна была великая княгиня державной своей свекрови и за участіе ея къ судьбѣ ея родныхъ: сестра Маріи Ѳеодоровны, благодаря вліянію Екатерины, готовилась быть Австрійской императрицей, братъ, принцъ Фридрихъ, ѣхалъ въ Россію Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, а ея родителямъ Екатерина изъявляла готовность помочь въ ихъ финансовыхъ затрудненіяхъ [121]). Марія Ѳеодоровна имѣла въ сущности менѣе причинъ быть предубѣжденной противъ императрицы, чѣмъ Павелъ Петровичъ, воспитанный Панинымъ. Послѣ видимаго сближенія молодаго двора съ Австріей, Екатерина надѣялась на перемѣну взглядовъ своего сына и писала ему и Маріи Ѳеодоровнѣ искреннія, ласковыя, истинно-материнскія письма. Самый эпизодъ съ письмомъ Бибикова къ князю Куракину,

---

[119]) *Кобеко*, 273.—[120]) *Oberkirch*, I. 262—263. [121]) *Сборникъ*, IX, 170.

глубоко оскорбившій Екатерину, не нарушилъ дружественныхъ отношеній ея къ сыну, которому она подробно объясняла въ своихъ письмахъ эту исторію, какъ бы оправдываясь въ принятыхъ ею по этому поводу мѣрахъ [122]). Мы склонны даже думать (хотя и не имѣемъ на то прямыхъ указаній), что первое прямое недоразумѣніе, возникшее въ супружеской жизни Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, развивалось отчасти изъ различія взглядовъ царственныхъ супруговъ на Екатерину послѣ 1781 г.

Чрезъ Брестъ и Лилль Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна проѣхали въ Австрійскіе Нидерланды. Здѣсь, по приказанію Іосифа II, его сестра Марія-Христина и ея супругъ, штатгальтеръ, принцъ Альбрехтъ Саксенъ-Тешенскій, приняли высокихъ гостей у самой почти границы и вмѣстѣ сопровождали ихъ по всей странѣ. Въ Брюсселѣ въ честь ихъ происходило торжественное засѣданіе Академіи Наукъ. По желанію Маріи Θеодоровны, изъ представленныхъ мемуаровъ прочитанъ былъ мемуаръ: «О новѣйшихъ успѣхахъ наукъ и того, что̀ еще остается сдѣлать для ихъ полнаго совершенства» [123]). Въ Голландіи Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна посѣтили, между прочимъ, Саардамъ, гдѣ осмотрѣли домъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій, работая въ качествѣ простаго плотника, а въ Лейденѣ—университетъ, гдѣ Павелъ Петровичъ сказалъ профессорамъ, что онъ имъ обязанъ тѣмъ, что, благодаря ихъ трудамъ, многіе изъ его соотечественниковъ сдѣлались способными служить съ пользою своей родинѣ. Уже Марковъ, Русскій посланникъ въ Гагѣ, дурно принятый цесаревичемъ, обратилъ вниманіе на то, что̀ слова эти относились къ бывшему слушателю Лейденскаго университета, князю Куракину, находившемуся въ свитѣ Павла и замѣшанному въ дѣло Бибикова [124]). Понятно поэтому, что отзывъ этотъ былъ неумѣстенъ въ устахъ Павла Петровича и могъ навлечь на него неудовольствіе Екатерины [125]).

---

[122]) Тамъ же, 157—159.—[123]) *Русск. Арх.*, 1876, II, 50. Статья *Гашара*, сообщенная *Л. Н. Майковымъ*.—[124]) *Архивъ князя Воронцова*, IV, 214.

[125]) Подробности пребыванія Павла Петровича въ Голландіи Екатерина прочла въ «Голландскомъ Публицистѣ» уже 28 Іюля. Замѣчательно, что письмо ея отъ этого числа къ Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ состоитъ почти исключительно изъ сообщенія имъ этого факта и является самымъ сухимъ и короткимъ изъ писемъ Екатерины за все время путешествія. *Сборникъ*, IX, 172. Быть можетъ, именно этимъ способомъ Екатерина выразила цесаревичу свое неудовольствіе.

Путешествуя въ Бельгіи и Голландіи по рѣкамъ и каналамъ, мало стѣсняемые условіями этикета, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна отдохнули нѣсколько отъ суеты Парижской жизни; но, приближаясь къ предѣламъ Германіи, они уже въ Спа встрѣчены были множествомъ Германскихъ фюрстовъ, которые, въ сопровожденіи женъ и дочерей, спѣшили на встрѣчу Русской великокняжеской четѣ. Вслѣдствіе этого Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна должны были провести два дня въ этомъ городѣ, посѣщая празднества, даваемыя эрцгерцогиней Маріей-Христиной и принцемъ Альбрехтомъ. Но всѣмъ стѣснительнымъ условіямъ этикета и разнымъ церемоніямъ высокіе путешественники должны были подвергнуться во Франкфуртѣ, гдѣ въ огромномъ количествѣ собрались фюрсты, всѣ почти считавшіе себя близкими или дальними родственниками великокняжеской четы и крайче ревнивые къ соблюденію всѣхъ мелочей этикета, которыми думали блюсти свое достоинство. Среди нихъ находился и бывшій женихъ Маріи Θеодоровны, принцъ Людвигъ Дармштадтскій. «Сейчасъ», писала Екатерина Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ, «мнѣ принесли ваши письма, содержащія подробности о знаменитыхъ и пріятныхъ знакомствахъ, сдѣланныхъ вами во Франкфуртѣ. Сдержанность обоихъ васъ въ выраженіяхъ и классификація, дѣлаемая имъ вами, не оставляютъ въ мысляхъ моихъ никакого сомнѣнія. Не правда ли, что если бы заслуга не пришла на помощь именамъ, то было бы вещью трудною для памяти помнить ихъ? Мнѣ кажется, что отсюда вижу досаду и смущеніе любезной дочери оттого, что она упустила своего бывшаго нареченнаго». Франкфуртскіе церемоніальные пріемы тѣмъ болѣе тяжелы были Маріи Θеодоровнѣ, что она мыслію жила уже въ Этюпѣ, куда вмѣстѣ съ супругомъ своимъ прибыла только 21 Іюля.

Въ Монбельярѣ собралась для встрѣчи путешественниковъ вся многочисленная Германская семья Маріи Θеодоровны. 2 Августа для привѣтствованія великаго князя и его супруги прибылъ и герцогъ Карлъ Виртембергскій. Въ этомъ тѣсномъ семейномъ кругу, котораго она была добрымъ геніемъ, среди приходившихъ въ восторгъ Монбельярцевъ, Марія Θеодоровна провела, вѣроятно, самыя счастливыя минуты за все время своего путешествія, переживая сладкія впечатлѣнія дѣтства. И здѣсь были неизбѣжныя празднества, но они носили уже чисто-семейный или народный характеръ. Чрезъ г-жу Гендель, старую

экономку Монбельярскаго семейства, великая княгиня узнавала о нуждавшихся своихъ соотечественникахъ и широкою рукою помогала имъ. Не забыла она и благотворительныхъ учрежденій маленькой своей родины [126]). Даже Павелъ Петровичъ подчинился идиллическому настроенію своей супруги и забылъ на время о политическихъ своихъ невзгодахъ. «Мы уже восемь дней какъ живемъ въ семейномъ своемъ кругу», писалъ онъ графу Н. П. Румянцову; «это совсѣмъ новое для меня чувство, чувство тѣмъ болѣе для меня сладкое, что имѣетъ своимъ источникомъ сердце, а не умъ» [127]). По собственному признанію, Павелъ Петровичъ «наслаждался здѣсь спокойствіемъ духа и тѣла» [128]). Но даже въ Монбельярѣ Павелъ Петровичъ не забывалъ, что онъ, прежде всего, наслѣдникъ Русскаго престола и ревниво относился ко всему тому, что̀, при скромной сравнительно обстановкѣ родителей Маріи Ѳеодоровны, казалось ему ниже его сана: такъ, онъ грубо обошелся съ однимъ Виртембергскимъ офицеромъ, заподозривъ его въ фамильарности [129]). Можно, впрочемъ, предположить, что въ кругу членовъ Монбельярскаго семейства предметомъ бесѣдъ не разъ бывали и политическія дѣла, съ которыми связаны были всѣ ихъ интересы, тѣмъ болѣе, что братья Маріи Ѳеодоровны находились на службѣ враждовавшихъ между собою Австріи и Пруссіи. Есть извѣстіе, что принцесса Доротея, подобно дочери своей, склонялась на сторону Австріи и убѣждала Павла Петровича освободиться отъ внушеній графа Н. И. Панина и такимъ образомъ сблизиться съ Екатериной [130]).

Въ концѣ Августа Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна оставили Этюпъ и отправились въ Швейцарію [131]); вслѣдъ за

---

[126]) *Oberkirch*, I, 402, 404.—*Ephémérides de Montbeliard*, 312.—[127]) *Госуд. Арх.*, V, 183.—[128]) Письмо къ Платону изъ Этюпа 1 Августа. *Русскій Архивъ*, 1887, II, 28. — [129]) *Masson*, I, 241. Любопытно съ другой стороны письмо перваго Русскаго санскритолога, Герасима *Лебедева*, гр. С. Р. Воронцову изъ Калькутты: «Я съ неизъяснимою благодарностію свѣту свидѣтельствую собою за милость и отеческое благопріятство, какое я имѣлъ счастіе получить отъ Е. И. В. Государя Павла Петровича, отъ его супруги и отъ путешествующихъ съ ними господъ въ Парижѣ и Момбильярѣ. Славить соразмѣрно милостямъ желаю занять витійства. Но кто устроитъ мой языкъ въ чужой дальней восточной сторонѣ?» *Архивъ кн. Воронцова*, XXIV, 176—177.—[130]) *Русск. Арх.*, 1874, I, 1284.

[131]) Принцесса Доротея по отъѣздѣ дорогихъ гостей, удовлетворяя сентиментальной своей потребности, поспѣшила на память о ихъ пребываніи

ними выѣхалъ прямо въ Петербургъ и принцъ Фридрихъ съ супругою своей, принцессой Августой. Впечатлѣнія дикой Швейцарской природы соединились у Павла Петровича съ впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ посѣщенія Европейскихъ дворовъ. «И страшныхъ горъ видъ», писалъ онъ изъ Берна Платону, «становится пріятнымъ здѣсь зрѣлищемъ, ибо онѣ какъ будто защита отъ порчи нравовъ» [132]). Въ Швейцаріи Марія Ѳеодоровна познакомилась съ Лафатеромъ, съ которымъ впослѣдствіи вступила въ переписку. Соединившись затѣмъ въ Страсбургѣ съ родителями своими, съ принцемъ Фердинандомъ и принцессой Елисаветой, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна отправились въ обратный путь въ Россію чрезъ Баденъ, гдѣ познакомились съ семействомъ маркграфа, и черезъ Штутгартъ, гдѣ герцогъ Карлъ съ свойственной ему страстью къ роскошнымъ празднествамъ радушно принималъ, вмѣстѣ съ своей, фавориткой, графиней Гогенгеймъ, игравшей роль хозяйки, какъ родныхъ своихъ, такъ и съѣхавшихся въ Штуттгартъ по случаю ихъ пріѣзда Нѣмецкихъ фюрстовъ (во время этихъ праздниковъ успѣлъ бѣжать отъ своенравнаго и жестокаго герцога Шиллеръ). Въ Штутгартѣ въ это время находились Русскіе молодые люди, бывшіе ученики духовныхъ семинарій, слушавшіе курсъ въ Штутгартскомъ университетѣ, въ силу состоявшагося еще въ 1765 г. повелѣнія Екатерины о посылкѣ за границу лучшихъ учениковъ семинарій. Великій князь и его супруга обласкали своихъ соотечественниковъ, заброшенныхъ на чужбину, присутствовали на экзаменахъ, имъ произведенныхъ, и нѣкоторымъ, если не всѣмъ, помогли и деньгами. При этомъ случаѣ сказалось и благочестіе великокняжеской четы, о которомъ съ восторгомъ узнали родители Русскихъ студентовъ, находившихся въ Штутгартѣ. Узнавъ, что студенты эти, вслѣдствіе отсут-

---

поставить въ Этюпскомъ саду монументъ съ слѣдующей надписью, составленной кавалеромъ Флоріаномъ (*Oberkirch*, I, 406):

Ici la plus heureuse et la plus tendre mère
Réunit seize enfants, idoles de son coeur,
Et voulut consacrer cette époque si chère
De son amour, de son bonheur.
Passant, repose-toi sous cet épais ombrage,
Et si tu chéris les enfants,
Respire ici quelques instants,—
Tu les aimeras davantage.

[132]) *Русскій Архивъ*, 1887, II, 29.

ствія въ Штутгартѣ православной церкви, долгое время не исполняли своихъ религіозныхъ обязанностей, Павелъ Петровичъ приказалъ имъ говѣть въ своей походной церкви. Вслѣдъ затѣмъ самъ Павелъ и Марія Ѳеодоровна присутствовали при принятіи студентами Св. Таинъ и потомъ лично ихъ поздравляли [133]). Вообще великокняжеская чета, наскучивъ долговременнымъ путешествіемъ, съ удовольствіемъ думала о возвращеніи на родину, и притомъ, какъ ни старался герцогъ Карлъ блеснуть предъ высокими гостями великолѣпіемъ своихъ празднествъ, Марія Ѳеодоровна, однако, грустно проводила время, готовясь къ разлукѣ съ родителями. «Въ вихрѣ празднествъ», писала она Екатеринѣ 7 Сентября, «я и сестра моя остаемся печальны: ожиданіе скорой разлуки съ дорогой моей семьей отравляетъ всѣ удовольствія. Но въ то же время надежда въ скоромъ времени увидѣть себя у вашихъ ногъ, смѣю даже сказать въ вашихъ объятіяхъ, заставляетъ мое сердце забывать свои скорби и думать лишь о счастіи, возможномъ для него только въ Россіи, этой счастливой для меня странѣ, въ которой вы удостоили меня избрать своею дочерью и гдѣ я вкусила блаженство быть матерью. Я считаю дни и часы; каждый изъ нихъ только усиливаетъ мое нетерпѣніе. Ахъ, если бы тѣ минуты, которыя отдѣляютъ насъ отъ васъ, дорогая матушка, могли протечь съ быстротою вѣтра! Я не говорю ни о чемъ болѣе, какъ о счастіи увидѣть ваше императорское величество; въ этотъ радостный день вы увидите привязанность и нѣжность, которыя мы питаемъ къ вамъ, и скажете себѣ, что никогда не было дѣтей болѣе нѣжныхъ, чѣмъ мы» [134]).

Екатерина въ свою очередь часто выражала желаніе скорѣйшаго возвращенія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Россію. О томъ же еще 10 Августа, по порученію императрицы, писалъ Салтыкову Безбородко. «Что̀ принадлежитъ», отвѣчалъ тотъ 4 Сентября изъ Страсбурга, «до сокращенія дороги, то, конечно, ничего для ихъ высочествъ пріятнѣе быть не можетъ, какъ сократить оную, сколько можно; потому что нетерпѣніе ихъ высочествъ свидѣться съ государынею, также и дѣтей своихъ увидѣть, безмѣрно уже велико» [135]). Поэтому Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна отказались послѣдовать приглашенію курфирстовъ Баварскаго и Саксонскаго посѣтить ихъ

[133]) *Р. Арх.*, 1882, II, 71—72. Письмо цесаревичу Павлу протоіерея Алексѣева. — [134]) *Госуд. Арх.*, IV, 118. — [135]) Тамъ же, V, 106. — Подробности о празднествахъ въ Штутгартѣ у *Oberkirch*, I, 40—422.

столицы и, простившись въ Штутгартѣ съ принцемъ Фридрихомъ-Евгеніемъ и принцессой Доротеей, спѣшили съ принцессой Елисаветой и принцемъ Фердинандомъ въ Вѣну, гдѣ Маріи Ѳеодоровнѣ предстояло устроить окончательно судьбу сестры и брата. То и другое вполнѣ удалось Маріи Ѳеодоровнѣ въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія въ Австрійской столицѣ. Іосифъ исполнилъ и давнее желаніе Маріи Ѳеодоровны, чтобы при принцессѣ Елисаветѣ осталась временно гувернантка ея, г-жа Боркъ. Вообще дѣйствія Іосифа, во время вторичнаго пребыванія въ Вѣнѣ великокняжеской четы, по прежнему отличались крайнею предупредительностію, а при отъѣздѣ онъ вызвался даже провожать ее до сѣверной границы своего государства. Екатерина, всегда поддерживавшая предъ Іосифомъ II хлопоты Маріи Ѳеодоровны о принцессѣ Елисаветѣ, которую она называла «своей принцессой», писала Маріи Ѳеодоровнѣ 14 Октября: «Пріемъ, сдѣланный императоромъ принцессѣ, кажется, такой, какого слѣдовало ожидать, и я не сомнѣваюсь, что онъ сдержитъ свое обѣщаніе содѣйствовать счастію принцессы, насколько оно можетъ зависѣть отъ него. Я только могу одобрить, что вы, во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, устроили принцессу въ ея жилищѣ, и смотрю, какъ на хорошее предзнаменованіе, на увѣренность моей дочери о будущемъ счастіи ея сестры. Признаюсь, для меня будетъ большимъ удовольствіемъ мысль, что я тому содѣйствовала, о чемъ прошу передать моей принцессѣ, письма которой мнѣ всегда будутъ пріятны, ибо судьба ея крайне меня занимаетъ» [136]).

Выѣхавъ изъ Вѣны 7 Октября, въ сопровожденіи Іосифа, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна остановились въ Брюнѣ на два дня вслѣдствіе нездоровья великой княгини. Затѣмъ великокняжеская чета направились въ Россію, постоянно задерживаемые дурными дорогами въ осеннее время, чрезъ Пруссію, Силезію, Краковъ, Бѣлостокъ и Ригу. 20 Ноября высокіе путешественники увидѣли, наконецъ, Екатерину и малолѣтнихъ великихъ князей послѣ разлуки, продолжавшейся годъ и два мѣсяца. Велика была радость свиданія съ дѣтьми нѣжной матери. «Я нашла дѣтей моихъ», писала она Платону, «что они очень выросли, такъ что я бы почти ихъ не узнала, если бы

[136]) *Сборникъ*, IX, 186. Записка Екатерины безъ обозначенія года и числа о дѣлѣ принцессы Елисаветы, помѣщенная въ XXVII т. *Сборника* (228), относится, какъ это видно изъ ея содержанія, ко времени перваго пребыванія Маріи Ѳеодоровны въ Вѣнѣ.

сердце мое мнѣ не сказало, что то они. Вы можете себѣ представить мое удовольствіе, которое умножается ежедневно, видя, что дѣти столь успѣли, благодаря государынѣ, которая ихъ берегла, какъ прелюбезная мать» [137]).

Марія Θеодоровна была совершенно счастлива, и надо думать, что никогда еще не относилась она къ своей свекрови съ такимъ искреннимъ и теплымъ чувствомъ, какъ въ первое время по возвращеніи въ Петербургъ. Быть можетъ, подчиняясь желанію своей супруги, и Павелъ Петровичъ повидимому измѣнилъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ Екатеринѣ: по крайней мѣрѣ, онъ, посѣтивъ вмѣстѣ съ Маріей Θеодоровной на другой день послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ графа Н. И. Панина, не заглядывалъ къ нему потомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Казалось, что исполнилось предсказаніе Іосифа II-го, писавшаго Екатеринѣ при отъѣздѣ великаго князя и великой княгини изъ Вѣны: «Думаю, что не ошибусь, если возьму смѣлость увѣрить ваше императорское величество, что они возвратятся къ вамъ въ гораздо болѣе благопріятномъ настроеніи, и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ разнымъ мелочнымъ средствамъ исчезнутъ у нихъ, насколько то допустятъ прежнія привычки и окружающія ихъ лица, которыя, вѣроятно, одни только и вселяли эти чувства и наклонности. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляются мнѣ существенно-необходимыми для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннюю привязанность» [138]). И дѣйствительно, не прошло и недѣли послѣ возвращенія Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, какъ главный виновникъ разлада между матерью и сыномъ, графъ Н. И. Панинъ, впалъ въ немилость у молодаго двора и лежалъ въ предсмерт-

[137]) *Р. Арх.*, 1887, II, 281.—Екатерина, боясь вреднаго вліянія на дѣтей излишней чувствительности со стороны Маріи Θеодоровны въ первыя минуты свиданія, заранѣе предостерегала свою невѣстку. «Не испугайте мнѣ ихъ слишкомъ большимъ восторгомъ», писала она. «Пусть любезная дочь обниметъ ихъ съ умѣренностью, а главное, пусть не падаетъ въ обморокъ, ибо въ этомъ мы ничего не понимаемъ, и это внушитъ намъ страхъ и боязнь, которые, особенно послѣ такой долгой разлуки, лишатъ насъ той непринужденности, которою вы будете рады наслаждаться съ первой же минуты... Это я говорю со знаніемъ причинъ и личностей... Если бы вы сомнѣвались, милая дочь, въ этихъ моихъ доводахъ, то я сошлюсь на судъ вашей матери, съ которою можете посовѣтоваться и которая касательно дѣтей должна имѣть самую большую опытность». *Сборникъ*, IX, 149—150.

[138]) *Р. Арх.*, 1880, I, 293—294.

ной болѣзни. Бибиковъ сосланъ былъ въ Астрахань, а князь А. Б. Куракинъ удаленъ на жительство въ деревню. Казалось, что въ отношеніяхъ императорской семьи наступитъ періодъ успокоенія, и сбывались на дѣлѣ надежды Екатерины, которыя она высказывала Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ въ своихъ письмахъ къ нимъ за границу: «Путешествуйте, путешествуйте! А затѣмъ воротитесь въ Россію. Вы посмотрите на нее съ освѣженной головою. Молю Бога, чтобы Онъ благословилъ здоровье моего сына, подкрѣплялъ все болѣе его душу и тѣло и чтобы возвратилъ намъ васъ здоровыми и невредимыми къ радости моей и другихъ, чтобы я, какъ и мои подданные, могли радоваться тому, что доставленъ вамъ случай поучиться, видя людей и вещи собственными глазами,—выгода, которою пользуются не всѣ вамъ равные и изъ которой, надѣюсь, вы сдѣлаете такое приложеніе, что она послужитъ въ пользу всѣхъ и каждаго и что ни люди, ни вещи не будутъ имѣть повода пожаловаться на это» [139]).

Дѣйствительно, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна во время своего путешествія могли во многомъ измѣнить свой взглядъ на вещи и прежде всего касательно чрезвычайнаго превосходства Европейской жизни сравнительно съ Русской. «Славны бубны за горами», писала имъ Екатерина во время ихъ путешествія; «хотя я никогда не была въ странахъ, которыя вы посѣтили, однако всегда была того мнѣнія, что съ маленькимъ стараніемъ мы пошли бы наравнѣ со многими другими; а то, что вы говорите мнѣ въ сравненіяхъ и скобкахъ, показываетъ мнѣ, что и вы недалеки отъ этого мнѣнія» [140]). Самъ Павелъ признавалъ для себя пользу путешествія въ этомъ отношеніи. «Не въ обыкновенномъ теченіи вещей», объяснялъ онъ Платону, «качества душевныя показываются, какъ и бодрость духа (одно изъ первѣйшихъ), а при трудностяхъ, гдѣ они испытываются. и тутъ прямое ихъ достоинство и цѣна узнаются... Если чему обучило меня путешествіе то тому, чтобы въ терпѣніи искать отраду во всѣхъ случаяхъ; ибо соединяетъ оно три удостовѣренія, безъ которыхъ и быть не можетъ: удостовѣреніе о милости Божіей, поелику ея стоимъ, о истинномъ и единомъ добрѣ въ отправленіи должностей и затѣмъ въ спокойномъ взираніи на тѣ вещи, которыхъ мы собою исправить не можемъ, а имѣющихъ свое начало въ слабостяхъ человѣчества, повсюду и во всѣхъ земляхъ, разн-

[139]) *Сборникъ*, IX, 155, 162.—[140]) Тамъ же, 149.

ствуя модусами, существующихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Послѣ сего можемъ мы имѣть совѣсть спокойную, а сія на всякомъ мѣстѣ и владычествѣ» [141]). Павелъ Петровичъ такимъ образомъ смотрѣлъ на вещи преимущественно съ нравственной точки зрѣнія, тогда какъ его державная мать оцѣнивала ихъ и въ общественно-политическомъ отношеніи. Наклонность цесаревича создавать себѣ теоріи на основаніи единичныхъ фактовъ и вѣра въ необходимость строгаго и мелочнаго контроля надъ теченіемъ народной жизни также получили себѣ новую пищу, какъ прежде путешествіе его въ Берлинъ повело къ оправданію его страсти къ мелочамъ военнаго дѣла. «Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ», говоритъ близко знавшій цесаревича Саблуковъ, «Павелъ Петровичъ пропитался тѣми высоко-аристократическими идеями и чувствами, впослѣдствіи столь мало согласными съ духомъ времени, которыя довели его до большихъ крайностей въ его усиліяхъ поддержать нравы и обычаи стараго порядка, въ то время, какъ Французская революція стирала все съ лица Европы» [142]). Это замѣчаніе Саблукова о Павлѣ Петровичѣ, вполнѣ справедливое и по отношенію къ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ значительной степени оправдывается послѣдующими отношеніями царственныхъ супруговъ къ Французскимъ эмигрантамъ, а также тѣсною ихъ связью съ представителями домовъ Габсбурговъ и Бурбоновъ.

Каковы бы, впрочемъ, ни были измѣненія въ міросозерцаніи Павла Петровича, Екатерина согласилась на его путешествіе не изъ однихъ только отдаленныхъ надеждъ на перемѣну его къ лучшему. Въ то время, какъ новый союзникъ Екатерины, Іосифъ II-й, занятъ былъ брачнымъ проектомъ и чествованіемъ великокняжеской четы въ Австрійскихъ предѣлахъ, на Востокѣ постепенно совершалось, при его косвенномъ содѣйствіи, руководимое твердой рукой великой государыни, счастливое для Россіи событіе: въ Августѣ 1782 г. Русскія войска вступили въ Крымъ, а въ началѣ 1783 г. онъ безъ войны присоединенъ къ Русскимъ владѣніямъ [143]).

Вотъ чѣмъ кончился прекрасный день, утренней зарей котораго, по выраженію Екатерины, былъ союзъ 1781 года! [144])

---

[141]) *Р. Арх.*, 1887, II, 30.—[142]) *Р. Арх*, 1869, 1868.

[143]) Ходъ переговоровъ по этому дѣлу, искусно веденныхъ Екатериною, изложенъ у *Трачевскаго:*: «Союзъ князей», 94—109.

[144]) *Сборникъ.*, IX, 109.

VII.

1783 — 1785.

Слухи о немилости императрицы къ великокняжеской четѣ.—Дѣло Бибикова.—Стремленія партіи Панина.—Масонство Павла Петровича.—Разгромъ Панинской партіи и смерть Панина.—Замѣна Салтыкова гр. Мусинымъ-Пушкинымъ.—Заботы Маріи Ѳеодоровны о Павловскѣ.—Рожденіе Александры Павловны.—Гатчина.—Отношенія Екатерины ко внукамъ и внучкѣ, заботы ея о ихъ воспитаніи.—Семейныя невзгоды Маріи Ѳеодоровны: ея братья Людвигъ и Фридрихъ.

Съ возвращеніемъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны изъ-за границы и съ происшедшимъ за это время видимымъ улучшеніемъ ихъ отношеній къ Екатеринѣ, для молодой великокняжеской четы должна была наступить новая жизнь: императрица, казалось, желала сблизиться съ сыномъ. Мѣшавшіе этому сближенію старые друзья его удалены были отъ двора, самъ Павелъ Петровичъ, во время путешествія своего по Европѣ, получилъ возможность лучше оцѣнить политику Екатерины и то значеніе, которое, благодаря ей, пріобрѣла Россія въ Европѣ; даже Марія Ѳеодоровна, подъ вліяніемъ состоявшагося сближенія Монбельярскаго семейства съ Іосифомъ, не могла не содѣйствовать своей свекрови въ дѣлѣ смягченія Прусскихъ симпатій цесаревича. Всѣ эти причины не измѣнили, однако, вполнѣ ни образа мыслей цесаревича, ни характера его склонностей: уроки Панина, его постоянныя внушенія слишкомъ глубоко запечатлѣлись въ воспріимчивой головѣ его царственнаго ученика, а въ родственникахъ и друзьяхъ Панина рыцарскій цесаревичъ слишкомъ привыкъ видѣть своихъ друзей, чтобъ равнодушно относиться къ ихъ участи. Мало того, видя въ партіи Панина свою партію, Павелъ Петровичъ не могъ не думать, что члены ея подвергались преслѣдованію

именно за преданность его особѣ. Такъ думали и его современники, которые паденіе Панина и удаленіе отъ двора Бибикова и князя Александра Куракина объясняли себѣ гнѣвомъ Екатерины на сына и невѣстку. По возвращеніи ихъ въ Петербургъ, говорили, что императрица желаетъ устранить сына отъ наслѣдованія престола, что изданіе указовъ противъ роскоши, совпавшее съ возвращеніемъ великокняжеской четы въ Петербургъ, имѣетъ цѣлью оскорбить Марію Θеодоровну, которая, будто бы, привезла съ собой 200 сундуковъ съ газомъ, лентами и др. принадлежностями дамскаго туалета, и что ближайшею причиною гнѣва императрицы являются холодныя отношенія Павла Петровича и Маріи Θеодоровны къ Іосифу II, а также значительныя издержки, которыхъ стоило ихъ путешествіе [1]). Любопытно, что всѣ эти слухи ходили по Петербургу въ то именно время, когда отношенія матери къ сыну становились лучше, чѣмъ когда-либо: до такой степени всѣ привыкли соединять имя Панина и друзей его съ именемъ Павла Петровича. Нечего и говорить, до какой степени вздорны были всѣ эти измышленія: устранить Павла отъ наслѣдованія Екатерина не могла тогда по малолѣтству внуковъ своихъ; издавая указъ противъ роскоши, она тѣмъ менѣе думала оскорбить Марію Θеодоровну (скромныя привычки которой ей хорошо были извѣстны), что въ то же время императрица старалась сдѣлать ей пріятное, устраивая судьбу ея братьевъ и сестеръ [2]); что̀ касается до издержекъ

---

[1]) *Гаррисъ* (донесеніе его отъ 25 Ноября 1782 г.) сообщаетъ при этомъ что августѣйшіе путешественники, не довольствуясь суммами, предоставленными въ ихъ распоряженіе Екатериной, сдѣлали, кромѣ того, во время пребыванія своего за границей, весьма значительный долгъ, который, прибавляетъ Гаррисъ, они не въ состояніи будутъ скрыть предъ императрицей. Трудно что-либо возражать противъ этого извѣстія, сообщаемаго такъ положительно; ибо до сихъ поръ, къ сожалѣнію, о финансовыхъ дѣлахъ великокняжеской четы можно было добыть сравнительно весьма мало вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Если, впрочемъ, свѣдѣнія Англійскаго дипломата были вѣрны на этотъ разъ, то въ виду значительности суммъ, безъ отказа дававшихся Екатериной на издержки по путешествію и пріобрѣтенію разныхъ вещей, остается предположить, что заемъ сдѣланъ былъ для удовлетворенія нуждъ Монбельярскаго семейства и что онъ имѣетъ тѣсную связь съ займомъ, объ уплатѣ котораго Марія Θеодоровна хлопотала въ 1784 году. См. ниже, VII главу нашего труда, примѣчаніе 57-е.

[2]) Указы противъ роскоши, изданные Екатериной (*Полное Собраніе Законовъ*, XXI 15556—7, 15559, *Р. Вѣстникъ*, 1889, V, 359—361) имѣли общее значеніе, касаясь не однихъ лишь придворныхъ дамъ, но и другихъ лицъ женскаго

по путешествію, то, какъ мы видѣли, Екатерина не стѣсняла въ нихъ сына и невѣстку, хотя и нашла, что они «измотались» [3]). Современники не могли понять, что Екатерина прозрѣла конечныя цѣли графа Панина и его партіи, желавшихъ сдѣлать изъ цесаревича орудіе своихъ честолюбивыхъ плановъ, и захотѣла вырвать сына изъ-подъ вліянія «вралей» и «персональныхъ своихъ оскорбителей», удаливъ ихъ отъ двора. Чѣмъ суровѣе относилась она къ Панину и его друзьямъ, тѣмъ ласковѣе нужно было ей, для достиженія своей цѣли, относиться къ сыну и невѣсткѣ.

Дѣло Бибикова, разсмотрѣнное императрицей во время ихъ пребыванія въ Парижѣ, въ связи съ другими данными, уясняетъ отчасти стремленія и образъ дѣйствій Панинской партіи и поэтому представляетъ особый интересъ.

Флигель-адъютантъ П. А. Бибиковъ, сынъ даровитаго генерала, усмирявшаго конфедератовъ и Пугачева, былъ единомышленникомъ графа Панина и находился въ дружбѣ съ его внучатнымъ племянникомъ, княземъ А. Б. Куракинымъ, сопровождавшимъ Павла въ его путешествіи по Европѣ. Что̀ привело Бибикова въ лагерь противниковъ императрицы, удостоивавшей его своего вниманія, ради заслугъ его отца, сказать трудно; но по всему видно, что честолюбивый Бибиковъ, подобно Панину, ненавидѣлъ Петемкина, вліяніе котораго на дѣла въ то время чрезвычайно усилилось. Пользуясь желаніемъ капитана своего полка, Фридриха Гогеля, уроженца Монбельяра, побывать на родинѣ, Бибиковъ выхлопоталъ ему назначеніе отправиться курьеромъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ великому князю за границу и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему передать Кура-

---

пола дворянскаго происхожденія. Маріи Ѳеодоровнѣ, конечно, предстояло только подавать другимъ примѣръ въ точномъ исполненіи предписанія императрицы: но ей, разумѣется, это не было такъ трудно, какъ многимъ избалованнымъ дамамъ роскошнаго Екатерининскаго двора. Бывшая фрейлина Екатерины разсказываетъ (*Р. А.*, 1877, III, 337—338), что Маріи Ѳеодоровнѣ было особенно чувствительно лишь распоряженіе о томъ, чтобы дамы не носили прическъ выше одной четверти: «Марія Ѳеодоровна (въ то время молодая 23-лѣтняя женщина), огромные волосы которой въ то время славились, должна была подстричь ихъ, что̀, разумѣется, было ей очень горько, и она даже плакала». Во всякомъ случаѣ странно объяснять распоряженіе Екатерины, имѣвшее общее, государственное значеніе, побужденіями личными и мелочными.

[3]) См. VI главу нашего труда, примѣчаніе 116-е.

кину свое письмо, въ которомъ изливалъ жалобы на свое положеніе. Съ Гогелемъ рѣшился отправить свои письма (въ томъ числѣ и великокняжеской четѣ), и графъ Панинъ, которому Бибиковъ рекомендовалъ Гогеля, какъ честнаго и вполнѣ надежнаго человѣка [4]). Но хлопоты Бибикова у А. А. Безбородко, завѣдывавшаго въ то время иностранными дѣлами, объ отправленіи Гогеля курьеромъ за границу къ великому князю, возбудили подозрѣнія, и поэтому Екатерина поручила Рижскому генералъ - губернатору Броуну задержать Гогеля подъ благовиднымъ предлогомъ въ Ригѣ и тайнымъ образомъ снять копіи со всѣхъ писемъ, которыя везъ онъ съ собою. Броунъ исполнилъ приказаніе императрицы, но письма Панина не подверглись вскрытію вмѣстѣ съ другими письмами, потому что Броунъ не зналъ о ихъ существованіи, а Гогель, очевидно, хранилъ ихъ особенно тщательно. Но и письмо Бибикова къ кн. А. Б. Куракину показалось Екатеринѣ чрезвычайно важнымъ и подозрительнымъ. Содержаніе письма, писаннаго по-французски, было слѣдующее:

«Князь! Прошу васъ принять подъ свое покровительство вручителя сего письма, моего искренняго друга, капитана моего полка, Гогеля, родомъ изъ Монбельяра. Я думаю, что онъ будетъ просить васъ, чтобы вы употребили свое вліяніе у великаго князя, выхлопотавъ ему дозволеніе побывать въ его отечествѣ. Онъ 18 лѣтъ не видѣлъ своихъ родственниковъ. Я ручаюсь за друга моего честью и головою, что вы можете слѣпо ввѣрить ему всѣ ваши письма; я ручаюсь за его правоту и привязанность къ великому князю. Я не жалуюсь на молчаніе ваше, полагая, что, безъ сомнѣнія, ваши занятія лишаютъ меня удовольствія имѣть отъ васъ извѣстія. Что же касается до интересныхъ обстоятельствъ, здѣсь происходящихъ, то я увѣренъ, что другъ мой привезетъ вамъ письма, которыя лучше меня изъяснятъ вамъ это; все, что̀ могу сказать, это то, что кругомъ насъ совершаются дурныя дѣла (nous sommes dans des jolis draps), и кто бы могъ быть такимъ безчувственнымъ, чтобы смотрѣть хладнокровно, какъ отечество страдаетъ (en souffre). Это было бы очень смѣшно; но, къ несчастію, разрывается сердце, и

---

[4]) Дѣло Бибикова въ *Государственномъ Архивѣ*, VII, 2607. Мы извлекаемъ изъ него лишь самыя существенныя данныя.—Гогелей было два брата; второй изъ нихъ, Генрихъ, въ это время служилъ при Опекунскомъ Совѣтѣ и достигъ впослѣдствіи званія опекуна.

ясно во всей своей чернотѣ (noirceur) грустное положеніе всѣхъ, сколько насъ ни есть, добромыслящихъ (qui pensons bien) и имѣющихъ еще нѣкоторую энергію. Дорогой князь, какъ вы счастливы, что находитесь въ отсутствіи и можете видѣть всѣ эти вещи не иначе, какъ издалека! Признаюсь вамъ, какъ человѣку, которому всегда открывалъ свое сердце, что мнѣ нужна вся моя философія, чтобы не бросить все къ чорту и не ѣхать домой садить капусту. Меня поддерживаютъ только надежда на будущее и мысль, что все приметъ свой естественный порядокъ. На случай, если вы полюбопытствуете знать о моемъ по малости недѣлимомъ (indivisible) состояніи, скажу вамъ, что кривой, по превосходству надъ другими, дѣлаетъ мнѣ каверзы и непріятности, а я... (je m'en f...). Простите мнѣ это слово; оно свойственно моему костюму: я не даромъ драгунъ. Прощайте, любезный князь, повергните меня къ стопамъ ихъ императорскихъ высочествъ и удостовѣрьте ихъ, что я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ на землѣ, если бы могъ найти случай не словами, а дѣломъ доказать имъ свою привязанность и преданность къ ихъ особамъ. Я боюсь наскучить вамъ своею болтовнею, но считайте ее исходящей изъ моего сердца: думаю себя облегчить, имѣя возможность сообщить вамъ свои печали и привыкнувъ дѣлать это всегда. Прощайте еще разъ, веселитесь, любите меня, какъ я люблю васъ, пріѣзжайте скорѣе къ намъ, и я докажу вамъ, что во всѣхъ случаяхъ своей жизни я буду, князь, всегда вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою. П. Бибиковъ».

С.-Петербургъ. 1 Апрѣля ст. ст. 1782 г.

Легко себѣ представить впечатлѣніе, которое должно было произвести на Екатерину чтеніе этого письма. Письмо Бибикова не было для нея лишь пустымъ, незначащимъ, хотя и неосторожнымъ выраженіемъ мнѣній частнаго человѣка о ея правленіи. Очевидно было, что за Бибиковымъ и его повѣреннымъ, Куракинымъ, стояло много другихъ «добромыслящихъ», которые, не будучи въ состояніи хладнокровно думать о страданіяхъ отечества, не затруднялись обмѣниваться мыслями по этому поводу даже въ заграничной перепискѣ. Екатерина узнала также, что письма, въ которыхъ подробно говорилось о страданіяхъ отечества, были письмами не кого другаго, какъ самого Панина. Ободрявшая «добромыслящихъ» надежда на будущее

кину свое письмо, въ которомъ изливалъ жалобы на свое положеніе. Съ Гогелемъ рѣшился отправить свои письма (въ томъ числѣ и великокняжеской четѣ), и графъ Панинъ, которому Бибиковъ рекомендовалъ Гогеля, какъ честнаго и вполнѣ надежнаго человѣка [4]). Но хлопоты Бибикова у А. А. Безбородко, завѣдывавшаго въ то время иностранными дѣлами, объ отправленіи Гогеля курьеромъ за границу къ великому князю, возбудили подозрѣнія, и поэтому Екатерина поручила Рижскому генералъ - губернатору Броуну задержать Гогеля подъ благовиднымъ предлогомъ въ Ригѣ и тайнымъ образомъ снять копіи со всѣхъ писемъ, которыя везъ онъ съ собою. Броунъ исполнилъ приказаніе императрицы, но письма Панина не подверглись вскрытію вмѣстѣ съ другими письмами, потому что Броунъ не зналъ о ихъ существованіи, а Гогель, очевидно, хранилъ ихъ особенно тщательно. Но и письмо Бибикова къ кн. А. Б. Куракину показалось Екатеринѣ чрезвычайно важнымъ и подозрительнымъ. Содержаніе письма, писаннаго по-французски, было слѣдующее:

«Князь! Прошу васъ принять подъ свое покровительство вручителя сего письма, моего искренняго друга, капитана моего полка, Гогеля, родомъ изъ Монбельяра. Я думаю, что онъ будетъ просить васъ, чтобы вы употребили свое вліяніе у великаго князя, выхлопотавъ ему дозволеніе побывать въ его отечествѣ. Онъ 18 лѣтъ не видѣлъ своихъ родственниковъ. Я ручаюсь за друга моего честью и головою, что вы можете слѣпо ввѣрить ему всѣ ваши письма; я ручаюсь за его правоту и привязанность къ великому князю. Я не жалуюсь на молчаніе ваше, полагая, что, безъ сомнѣнія, ваши занятія лишаютъ меня удовольствія имѣть отъ васъ извѣстія. Что же касается до интересныхъ обстоятельствъ, здѣсь происходящихъ, то я увѣренъ, что другъ мой привезетъ вамъ письма, которыя лучше меня изъяснятъ вамъ это; все, что могу сказать, это то, что кругомъ насъ совершаются дурныя дѣла (nous sommes dans des jolis draps), и кто бы могъ быть такимъ безчувственнымъ, чтобы смотрѣть хладнокровно, какъ отечество страдаетъ (en souffre). Это было бы очень смѣшно; но, къ несчастію, разрывается сердце, и

[4]) Дѣло Бибикова въ *Государственномъ Архивѣ*, VII, 2607. Мы извлекаемъ изъ него лишь самыя существенныя данныя.—Гогелей было два брата; второй изъ нихъ, Генрихъ, въ это время служилъ при Опекунскомъ Совѣтѣ и достигъ впослѣдствіи званія опекуна.

ясно во всей своей чернотѣ (noirceur) грустное положеніе всѣхъ, сколько насъ ни есть, добромыслящихъ (qui pensons bien) и имѣющихъ еще нѣкоторую энергію. Дорогой князь, какъ вы счастливы, что находитесь въ отсутствіи и можете видѣть всѣ эти вещи не иначе, какъ издалека! Признаюсь вамъ, какъ человѣку, которому всегда открывалъ свое сердце, что мнѣ нужна вся моя философія, чтобы не бросить все къ чорту и не ѣхать домой садить капусту. Меня поддерживаютъ только надежда на будущее и мысль, что все приметъ свой естественный порядокъ. На случай, если вы полюбопытствуете знать о моемъ по малости недѣлимомъ (indivisible) состояніи, скажу вамъ, что кривой, по превосходству надъ другими, дѣлаетъ мнѣ каверзы и непріятности, а я... (je m'en f...). Простите мнѣ это слово; оно свойственно моему костюму: я не даромъ драгунъ. Прощайте, любезный князь, повергните меня къ стопамъ ихъ императорскихъ высочествъ и удостовѣрьте ихъ, что я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ на землѣ, если бы могъ найти случай не словами, а дѣломъ доказать имъ свою привязанность и преданность къ ихъ особамъ. Я боюсь наскучить вамъ своею болтовнею, но считайте ее исходящей изъ моего сердца: думаю себя облегчить, имѣя возможность сообщить вамъ свои печали и привыкнувъ дѣлать это всегда. Прощайте еще разъ, веселитесь, любите меня, какъ я люблю васъ, пріѣзжайте скорѣе къ намъ, и я докажу вамъ, что во всѣхъ случаяхъ своей жизни я буду, князь, всегда вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою. П. Бибиковъ».

С.-Петербургъ. 1 Апрѣля ст. ст. 1782 г.

Легко себѣ представить впечатлѣніе, которое должно было произвести на Екатерину чтеніе этого письма. Письмо Бибикова не было для нея лишь пустымъ, незначащимъ, хотя и неосторожнымъ выраженіемъ мнѣній частнаго человѣка о ея правленіи. Очевидно было, что за Бибиковымъ и его повѣреннымъ, Куракинымъ, стояло много другихъ «добромыслящихъ», которые, не будучи въ состояніи хладнокровно думать о страданіяхъ отечества, не затруднялись обмѣниваться мыслями по этому поводу даже въ заграничной перепискѣ. Екатерина узнала также, что письма, въ которыхъ подробно говорилось о страданіяхъ отечества, были письмами не кого другаго, какъ самого Панина. Ободрявшая «добромыслящихъ» надежда на будущее

и мысль ихъ, что все приметъ въ концѣ концовъ свой «естественный порядокъ», на ряду съ заявленнымъ желаніемъ не словами, а дѣломъ выразить преданность ихъ императорскимъ высочествамъ, дѣлали очень прозрачными конечныя желанія добромыслящихъ панинцевъ. Сама по себѣ неосторожная болтовня Бибикова не стоила вниманія; но, читая ее, императрица могла теперь ясно опредѣлить ту атмосферу, которою дышалъ ея сынъ, и сильно безпокоилась послѣдствіями того возможнаго перехода отъ словъ къ дѣлу, котораго такъ желалъ Бибиковъ. Увѣренная въ любви къ себѣ народа и сыновнемъ уваженіи цесаревича, Екатерина, однако, хорошо знала исторію дворцовыхъ и военныхъ «дѣйствъ» въ Россіи XVIII вѣка, изъ которыхъ одному она сама обязана была вступленіемъ своимъ на престолъ, и должна бы допустить, по крайней мѣрѣ, возможность попытки къ новому «дѣйству» въ пользу ея сына. Естественно было предположить также, что постоянные толки «добромыслящихъ» о страданіи отечества имѣли своею цѣлью вынудить рыцарскаго и стремившагося къ строгой законности цесаревича рѣшиться на тяжелый выборъ между обязанностями его къ матери и счастіемъ Россіи: исторія доказала, что при этомъ выборѣ сыновнія чувства отступали иногда на второй планъ. Важенъ былъ не Бибиковъ, а признанный глава «добромыслящихъ» старый, опытный дѣлецъ, графъ Панинъ, пользовавшійся великимъ вліяніемъ на умъ Павла Петровича и долгое время стоявшій у кормила правленія; важенъ былъ не командиръ драгунскаго полка, правда, носившій громкое и популярное имя, а извѣстный боевой генералъ и искусный дипломатъ, слывшій приверженцемъ великаго князя, другъ и родственникъ Панина, кн. Н .В. Репнинъ; важенъ былъ другой Панинъ—Петръ, славный въ то время покоритель Бендеръ и «усмиритель Пугачевщины»; важенъ былъ, наконецъ, по своимъ сочувствіямъ къ Павлу Петровичу и самъ Задунайскій герой, графъ П. А. Румянцевъ. Всѣ эти лица сходились между собою и въ другомъ чувствѣ, чувствѣ ненависти къ «кривому», т.-е. къ князю Потемкину, который былъ возвышенъ самой Екатериной, былъ ея твореніемъ и, успѣвъ выдѣлиться изъ ряда другихъ любимцевъ необыкновенными государственными способностями и особою преданностію императрицѣ, сдѣлался на всю жизнь ближайшимъ ея совѣтникомъ и помощникомъ въ управленіи государствомъ. Екатерина хорошо понимала, что ненависть «добромыслящихъ» къ Потемки-

ну была главнымъ образомъ ненавистью къ даровитому и счастливому ея помощнику, кто бы онъ ни былъ. Немудрено, что при всѣхъ этихъ условіяхъ Екатерина рѣшилась воспользоваться письмомъ Бибикова, чтобы выяснить себѣ истинное положеніе дѣлъ и затѣмъ освободить сына отъ вліянія «добромыслящихъ», уславъ ихъ «садить капусту», чего они не рѣшались сдѣлать по доброй волѣ.

Тотчасъ по отъѣздѣ Гогеля, Бибиковъ былъ арестованъ, и затѣмъ, по содержанію задержаннаго письма его, ему предложено было послѣдовательно 47 вопросныхъ пунктовъ, собственноручно написанныхъ Екатериной.

Отвѣчая на нихъ, Бибиковъ объяснялъ, что, кромѣ его письма, Гогель повезъ еще письмо отъ князя Алексѣя Куракина и отъ графа Панина. «Ибо, какъ онъ, Бибиковъ, у Александра Андреевича Безбородко выпросилъ, чтобъ онъ Гогеля къ великому князю послалъ курьеромъ и когда онъ туда отправленъ былъ, то онъ, Бибиковъ, привозя его съ собою къ графу Панину, спрашивалъ, не изволитъ ли онъ писать съ онымъ Гогелемъ. Посему гр. Панинъ, въ тотъ же день написавъ письмо къ кн. Куракину, Гогелю отдалъ; кромѣ же того, писалъ ли онъ къ кому [5]) и что въ томъ письмѣ графъ Панинъ писалъ, того ему не сказывалъ, и онъ не знаетъ, такъ равно и о томъ, что онъ, Бибиковъ, отъ себя Куракину писалъ, съ нимъ не говорилъ и никакихъ своихъ мыслей не сообщалъ».

Фразу свою о «страданіяхъ отечества» Бибиковъ довольно неудачно объяснялъ служебными неудовольствіями на князя Потемкина по переводу своего полка изъ Новороссіи въ Воронежъ; вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на личное нерасположеніе къ себѣ князя. Также уклончиво отвѣчалъ онъ на вопросъ: «что̀ разумѣлъ онъ подъ словами: «надежда будущаго и естественный порядокъ». На вопросы: «имѣлъ ли какое намѣреніе, гдѣ, когда и что, имѣлъ ли сообщеніе и говорилъ ли о своемъ или о своихъ намѣреніяхъ»,—Бибиковъ отвѣчалъ полнымъ отрицаніемъ. Но яснѣе всего главная мысль Екатерины при допросѣ сказалась въ 34-мъ его пунктѣ: «Онъ упоминаетъ, что готовъ не токмо словами, но и дѣломъ доказать свою привязанность къ

---

[5]) Павелъ Петровичъ еще во время пребыванія во Флоренціи безпокоился по поводу долгаго неполученія писемъ отъ графа Н. И. Панина. *Arnet:* Joseph II, I, 118.

особамъ ихъ высочествъ, то требуется знать, какимъ дѣломъ и до какой степени та привязанность распространяется и распространилась. Тутъ ему сдѣлать сильное увѣщеваніе въ исповѣданіи истины, напоминать ему столь много учиненныхъ имъ присягъ въ вѣрности, кои обращаются въ ложь, буде ложь покажетъ; дверь же милосердія открыта показаніемъ истины». Отвѣтъ Бибикова былъ такой: «Привязанность свою къ особамъ ихъ высочествъ имѣлъ онъ такую, какъ къ наслѣднику престола, а посему его высочество и изволилъ принимать его милостиво; но по пріѣздѣ его изъ полку примѣтилъ онъ, что великій князь не такъ его изволилъ принять какъ прежде, то потому онъ и пересталъ къ нему ходить. Напослѣдокъ же его высочество, призвавъ его, Бибикова, къ себѣ въ комнату въ Царскомъ Селѣ предъ тѣмъ временемъ, какъ ихъ высочествамъ прививали оспу, сказалъ: «ну, братъ, мнѣ на тебя налгали» и послѣ, пожаловавъ ему руку, изволилъ сказать: «теперь помиримся». Онъ, Бибиковъ, поцѣловавъ у его высочества руку, пошелъ, и съ того времени его высочество уже не видалъ. Въ письмѣ же своемъ написалъ, что онъ готовъ не только словами, но и самимъ дѣломъ доказать свою привязанность,—по одной только Французской экспрессіи, ибо привязанность разумѣлъ онъ самое слово, а не дѣло».

Разумѣется, эти уклончивые отвѣты Бибикова, мало соотвѣтствовавшіе духу и содержанію его письма, не могли удовлетворить императрицу; но и на новые ея наводящіе вопросы Бибиковъ отвѣчалъ попрежнему полнымъ отрицаніемъ. Это было для него тѣмъ легче, что слова «добромыслящихъ» не перешли еще въ дѣло.

Допросъ Бибикову производилъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, совмѣстно съ знаменитымъ Шешковскимъ; но, какъ видно изъ дѣла, допросъ этотъ производимъ былъ безъ всякаго «пристрастія», и слѣдователи ограничивались лишь словесными увѣщаніями. На возраженія слѣдователей, что невозможно объяснить выраженія о «страданіяхъ отечества» частными распоряженіями Потемкина, касавшимися главнымъ образомъ лишь самого Бибикова, перепуганный полковникъ, ясно увидѣвшій ту бездну, въ которую его завлекла неосторожная болтовня, отвѣчалъ, что, говоря о страданіяхъ отечества, «не инако что изъяснялъ, какъ только свою досаду и огорченіе на кн. Потемкина. А нынѣ онъ чувствуетъ и признается, что онъ рѣчи писалъ какъ безумный,

ибо подлиннаго страданія отечества онъ самъ не зналъ, ниже отъ какихъ-либо зломыслящихъ людей и ни отъ кого не слыхалъ». Въ то же время Бибиковъ предлагалъ заключить себя въ каменный столбъ и затѣмъ казнить смертію, если бы открылось какое-либо злоумышленіе противъ императрицы. Сообщая императрицѣ о такихъ отвѣтахъ Бибикова, кн. Вяземскій въ письмѣ къ ней отъ 13 Апрѣля ясно указываетъ цѣль, съ какою велось слѣдствіе. «Желательно бы было, писалъ онъ, чтобы бывшія у Гогеля письма Панина и Куракина отысканы были; не нашлось ли бы въ оныхъ чего-либо такого, которое послужить бы могло къ уличенію Бибикова въ каковомъ-либо согласіи, какъ-то, напримѣръ, ссылки на письмо Бибикова или другаго чего, доказующаго между ими сношенія».

Уликъ этихъ, однако, не было, и допросы продолжались. «Надобно думать», замѣчали Бибикову слѣдователи, «что вы повсемѣстно болтали съ подобными вамъ молодыми людьми и о правленіи, и о выходящихъ законахъ». «На сіе онъ говорилъ, что онъ о законахъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, да и говорить не могъ, потому что онъ никакихъ законовъ не только новыхъ, но и старыхъ не читывалъ, а только онъ читалъ одно Учрежденіе [6]), а кромѣ по самой истинѣ другаго ничего съ подобными себѣ не говорилъ, какъ то, что оно сдѣлано для собственнаго нашего благополучія; ибо всемилостивѣйшая государыня сдѣлать изволила то, чтобы всякаго состоянія человѣкъ судимъ былъ равнаго ему состоянія людьми, и сіе инаково онъ не судилъ, какъ самое божественное правило. Что касается до военной службы, то онъ иногда о князѣ Потемкинѣ съ неудовольствіемъ можно сказать и болталъ, въ чемъ онъ самъ теперь раскаивается, да поздно; а все это происходило, прямо сказать, оттого, что онъ воспитанъ въ своевольствѣ, и ни отъ кого такихъ нужныхъ правилъ по отношенію такихъ заслуженныхъ людей должнаго почтенія и уваженія преподаваемо ему не было, а отъ сего и вышло теперешнее его бѣдствіе, ибо онъ располагалъ, что князь Потемкинъ ему равной, а не больше». И потомъ, схватя Шешковскаго за плечи, со слезами говорилъ: «Бога ради, внушайте вы своему сыну, чтобы онъ позналъ сіи правила; я вотъ ему могу своею дерзостію и высокомѣріемъ о себѣ служить примѣромъ. Я столь

[6]) Т.-е. вышедшее въ 1775 году «Учрежденіе о губерніяхъ».

былъ несчастливъ, что, отъ отца моего и ни отъ кого въ ономъ направляемъ не былъ».

Замѣчательно, что, въ отвѣтъ на требованіе указать на злоупотребленія кн. Потемкина, Бибиковъ не могъ привести ни одного заслуживающаго вниманія случая,—потому ли, что онъ не зналъ ихъ, или, быть можетъ, изъ опасенія еще болѣе вооружить противъ себя всесильнаго вельможу; по крайней мѣрѣ Потемкину ничего не стоило, въ особо представленномъ имъ Екатеринѣ докладѣ, опровергнуть всѣ обвиненія Бибикова. Въ концѣ слѣдствія Бибиковъ даже признавалъ заслуги Петемкина въ облегченіи солдатской службы. Съ своей стороны Потемкинъ, отчасти изъ великодушія къ окончательно погубившей себя во мнѣніи Екатерины Панинской партіи, отчасти, быть можетъ, изъ желанія сдѣлать пріятное цесаревичу, ходатайствовалъ предъ императрицей объ облегченіи участи Бибикова [7]).

Убѣдившись, что, кромѣ попытокъ возбудить раздоръ въ ея семьѣ, приверженцы Панина не предпринимали ничего болѣе серьезнаго, Екатерина рѣшилась прекратить дѣло. Она послала кн. Вяземскому собственноручную записку: «Спросить у Бибикова, какимъ судомъ хочетъ быть судимъ: военнымъ или тайной сенатской экспедиціи. При семъ объявить ему, что въ первомъ случаѣ дѣло его закрыто не останется, и что онъ самъ знаетъ, что̀, за поношеніе и клеветы командира, по военнымъ артикуламъ послѣдуетъ, умалчивая о томъ, что̀ за злословіе правленія или, лучше сказать, за бунтовщичій слогъ, послѣдовать можетъ. Который же судъ выберетъ, по тому же и повести дѣло». Бибиковъ, «въ разсужденіи изъясняемыхъ въ письмѣ его вредныхъ намѣреній и клонящихся къ умыслу словъ», ожи-

[7]) Потемкинъ писалъ Екатеринѣ 15 Апрѣля: «Всемилостивѣйшая Государыня! Если добродѣтель и производитъ завистниковъ, то что̀ сіе въ сравненіи тѣхъ благъ, какими она услаждаетъ своихъ исполнителей? Она мой ходатай предъ вами, она обнадеживаетъ теперь и Бибикова моимъ же ходатайствомъ у источника ея. Просить недолго тамъ, гдѣ милость всегда на пути. Вы уже помиловали вѣрно. Онъ потщится, исправя развратныя склонности, учинить себя достойнымъ вашего величества подданнымъ. А и я сію милость причту ко многимъ на меня излiяннымъ, пребывая по смерть непоколебимо вашего императорскаго величества наивѣрнѣйшимъ и всеподданнѣйшимъ рабомъ. Князь Потемкинъ». См. дѣло Бибикова въ *Госуд. Арх.*, VII, 2607.—«Донесеніе графа *Броуна* съ приложеніемъ копій писемъ, секретно списанныхъ у курьера Гогеля, который былъ отправленъ къ Н. И. Салтыкову»—тамъ же, VII, 2613 bis.

давшій смертной казни, положился во всемъ на волю государыни, но при этомъ объявилъ Вяземскому: «одно меня только угрызаетъ, что князь Потемкинъ не оставитъ меня безъ своего мщенія». Когда же кн. Вяземскій увѣрилъ его въ противномъ, Бибиковъ расплакался и сталъ просить какъ «высочайшей милости», чтобы ему было дозволено публично испросить у князя Потемкина прощенія, въ чемъ, однако, было ему отказано [8]).

Преданный суду особой коммиссіи при тайной сенатской экспедиціи, Бибиковъ, по приговору ея 28 Апрѣля, конфирмованному императрицей, сосланъ былъ въ Астрахань [9]). «Уличенный въ неблагодарности и во лжи», писала о немъ Екатерина 7 Іюня 1782 года Павлу Петровичу и Маріи Өеодоровнѣ, находившимся въ то время въ Парижѣ, «онъ рѣшился на единственный, остававшійся ему исходъ; онъ раскаялся, просилъ прощенія и выказалъ умъ и душевную силу ребенка, заслужившаго розгу... Мои принципы вытащили этого юношу изъ пропасти, въ которую онъ погрузился; потому что тонъ мой не такъ трагиченъ, какъ тонъ моихъ предшественниковъ. Говорю

---

[8]) «Моего мщенія», писалъ по этому поводу Потемкинъ императрицѣ, «напрасно онъ страшится, ибо между способностями, которыя мнѣ Богъ далъ, сей склонности меня вовсе лишилъ. Я и того торжества не желаю, чтобы онъ и прощенія у меня публично просилъ. Пусть онъ удовлетворитъ правосудіе познаніемъ нашей милости, сравнивая судъ вашъ съ судомъ бывшихъ государей и чтобы сердце его, наполненное до сего времени развратными склонностями, впредь было занято чувствіями вѣрности къ особѣ вашей и святымъ почитаніемъ высочайшихъ узаконеній. Онъ ничего со всѣмъ бѣшенствомъ не нашелъ на меня выдумать, и что̀ ни сказалъ, во всемъ отъ меня опроверженъ. Равно не найдетъ онъ примѣра, что въ жизнь мою кому мстилъ».

[9]) Въ приговорѣ коммиссіи любопытно, во-первыхъ, ея мнѣніе, что «развращенность» Бибикова была слѣдствіемъ чтенія Французскихъ философовъ и, во-вторыхъ, ясное указаніе, что Шешковскій, въ это время, не могъ, по выраженію Потемкина, «кнутобойничать». «Къ испытанію отъ Бибикова самой истины», говоритъ коммиссія, «кажется другаго средства не остается, какъ чрезъ истязаніе; но и сіе послѣднее средство, по силѣ состоявшихся высочайшихъ законовъ о нечиненіи подсудимымъ не только пытокъ, но и пристрастныхъ распросовъ, мы, нижеподписавшіеся, почли неудобнымъ, несвойственнымъ и невозможнымъ къ открытію истины, тѣмъ паче, что и высочайшаго Наказа, даннаго коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія главы 9-й во 133-мъ параграфѣ точно сими словами предписано: «Употребленіе пытокъ противно здравому, естественному разсужденію. Само человѣчество вопіетъ противъ онаго и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена».— Павелъ Александровичъ Бибиковъ † въ 1784 г. бездѣтнымъ.

это вамъ, милыя дѣти, потому, что, по нѣжности моей къ вамъ, желаю, чтобы вы извлекли изъ этого пользу для настоящаго и будущаго» [10]).

Въ этомъ желаніи собственно и заключался весь смыслъ процесса Бибикова, такъ какъ, строго говоря, судили его не за дѣла, а за мысли, изложенныя, притомъ, въ частномъ письмѣ къ другу: въ лицѣ Бибикова осуждена была вся партія гр. Н. И. Панина, вооружавшая наслѣдника престола противъ его матери. Послѣ этого Павелъ Петровичъ долженъ былъ увидѣть всю невозможность, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, поддерживать дальнѣйшія отношенія со старыми своими друзьями, замѣшанными въ этомъ процессѣ: съ гр. Паниными и ихъ внучатнымъ племянникомъ, княземъ Куракинымъ, сопровождавшимъ великокняжескую чету въ ея путешествіи. Виновность гр. Панина, этого главнаго совѣтника великаго князя, въ глазахъ Екатерины не могла подлежать сомнѣнію; что же касается до князя Куракина, то достаточнымъ поводомъ немилости къ нему императрицы служила близость его къ опальному дядѣ и обнаружившееся единомысліе его съ Бибиковымъ. Отвѣтное письмо князя Куракина къ Бибикову, отъ 10 Мая, также было перехвачено въ Петербургѣ, и хотя въ немъ суетный и легкомысленный князь говорилъ болѣе про восхитившую его въ Неаполѣ и Туринѣ танцовщицу Басси, о приглашеніи которой въ Петербургъ просилъ онъ Бибикова похлопотать, но въ немъ же выражалось и сочувствіе къ образу мыслей Бибикова, «рѣдкому между современниками и способному пріобрѣсти ему почтеніе отъ всѣхъ честныхъ людей». Неудивительно, поэтому, что Екатерина не придала никакого значенія всеподданнѣйшему письму къ ней кн. Куракина, отъ 17 Мая, изъ Парижа, въ которомъ князь, узнавъ отъ Павла Петровича о несчастіи, постигшемъ Бибикова, спѣшилъ отказаться отъ всякаго съ нимъ единомыслія, и онъ увѣрялъ императрицу въ своихъ вѣрноподданническихъ къ ней чувствахъ [11]). Можно также предполагать, что отъ императрицы не скрылось особое значеніе и довѣріе, которымъ пользовался кн. Куракинъ при молодомъ дворѣ благодаря своему дядѣ: чрезъ его именно руки шла пе-

[10]) *Сборникъ*, IX, 157.

[11]) Письмо это находится въ *Государственномъ Архивѣ*, въ дѣлѣ Бибикова.

реписка Павла Петровича съ Прусскими посланниками при Петербургскомъ дворѣ, гр. Сольмсомъ, Брюлемъ и Герцомъ, въ теченіе 1776—1780 годовъ [12]). Наконецъ, князь Куракинъ могъ быть на примѣтѣ у императрицы, какъ человѣкъ, поддерживавшій сношенія по масонскимъ дѣламъ даже съ иностранными дипломатами [13]).

Екатерина рано познакомилась съ масонскимъ ученіемъ, «перечитавъ», по собственному сознанію», въ печати и рукописяхъ, всѣ скучныя нелѣпости, которыми занимаются масоны, и съ отвращеніемъ убѣдилась, что, какъ ни смѣйся надъ людьми, они не становятся отъ того ни образованнѣе, ни благоразумнѣе» [14]). Подобно сентиментализму, масонство развилось въ XVIII вѣкѣ какъ противодѣйствіе сухой, матеріалистической философіи того времени, съ тою лишь разницею, что сентиментализмъ имѣлъ своимъ источникомъ потребности сердечной жизни человѣка, тогда какъ масонство стремилось удовлетворить запросамъ его разума. «Вольтеріанецъ» и «масонъ», это были двѣ противоположности въ умственной жизни Русскаго общества того времени. «Нелѣпости», въ формѣ которыхъ, по выраженію Екатерины, проявлялось масонство, «соединеніе религіозныхъ обрядовъ съ ребяческими играми», «обѣты, чудачества, странныя и нелѣпыя одѣянія», все это было лишь внѣшнимъ выраженіемъ стремленія указать важность и законность духовныхъ стремленій человѣка, связать нравственный и религіозный его міръ съ данными опытной науки, съ міромъ внѣшнимъ, чувственнымъ; оттого на почвѣ масонства одинаково процвѣтали: чистая наука наряду съ алхиміей, возвышенныя религіозныя начала—со спиритизмомъ, а стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, къ благотворительной и

---

[12]) *Госуд. Арх.*, XV, 193. «Письма и записки графа Сольмса, Брюля и Герца о состояніи здоровья короля Прусскаго, о фамиліи королевской и о происшествіяхъ въ Пруссіи». Всѣ эти письма и записки адресовались на имя Куракина, очевидно для предосторожности, ибо онѣ предназначались для великокняжеской четы. Очевидно отсюда, что болѣе важные документы, касавшіеся сношеній молодаго двора съ Берлиномъ, передавались великому князю также кн. Куракинымъ, если не самимъ гр. Панинымъ, завѣдовавшимъ тогда сношеніями Россіи съ Западными дворами.

[13]) Въ *Госуд. Арх.* сохранилось письма къ кн. Куракину кн. Кауница Ритберга по масонскимъ дѣламъ 1777 года.

[14]) *Сборникъ*, XXIII, 167, см. также 168—169.

просвѣтительной дѣятельности—съ фанатическими и кровавыми планами иллюминатовъ. Поэтому масонство не было и никогда не могло быть сложившимся, опредѣленнымъ ученіемъ, выработавшимъ себѣ систему и вылившимся въ окончательную форму: въ немъ каждый могъ найти себѣ удовлетвореніе сообразно своему нравственному и умственному развитію; всѣ масоны сходились между собой лишь въ отрицаніи разумности началъ матеріализма. Сама Екатерина свидѣтельствуетъ, что при дворѣ ея было много членовъ масонскихъ братствъ, надѣявшихся совратить ее на свою сторону; само собою разумѣется, что этотъ трудъ оказался неблагодарнымъ [15]). Но тѣмъ легче было имъ подѣйствовать на живой, воспріимчивый умъ великаго князя: его нравственныя и религіозныя воззрѣнія служили залогомъ его отчужденія отъ матеріалистическаго направленія вѣка, а нервный темпераментъ, въ связи съ болѣзненно-развитою фантазіей и наклонностію придавать особое значеніе соблюденію обрядовыхъ мелочей, сближалъ его съ «нелѣпостями» масоновъ, такъ что для него непонятнымъ казался вопросъ Екатерины: «Кто дѣлаетъ добро для добра, какая ему нужда въ обѣтахъ, чудачествахъ, въ одѣяніяхъ нелѣпыхъ и странныхъ?» [16])

Когда именно вступилъ Павелъ Петровичъ въ общество масоновъ, съ точностію сказать трудно, но, во всякомъ случаѣ, не позже 1782 года. Виновникомъ присоединенія великаго князя къ масонскому обществу Екатерина впослѣдствіи считала Куракина, но сами современники-масоны были увѣрены въ томъ, что Павелъ Петровичъ сблизился съ ними благодаря главнымъ образомъ вліянію гр. Панина [17]). Кромѣ Панина и Куракина къ масонамъ

---

[15]) Тамъ же, 168.—Сообщая Гримму, 11 Января 1780, трехстишіе, направленное противъ масоновъ, Екатерина прибавляетъ: «Voici ma réponse, *sauf à vous envoyer une autre fois ce que cela a produit de plus*». Не относятся ли эти слова, напечатанныя курсивомъ, къ «Тайнѣ противонелѣпаго общества, составленной въ 1780 г. самой императрицей для осмѣянія масоновъ? Изучивъ въ концѣ 1779 года всѣ масонскія книги и рукописи, Екатерина, по свойственной ей потребности, поспѣшила облечь письменно въ сатирическую форму то впечатлѣніе, которое она вынесла изъ ихъ чтенія. Доказательства въ пользу принадлежности «Тайны» Екатеринѣ см. *Р. Арх.* 1890, II, статью г. *Остроглазова*. Замѣтимъ, что публикація объ изданіи «Тайны» на Французскомъ языкѣ появилась въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 24 Января 1780 г.

[16]) Тамъ же, 169.

[17]) Въ одной запискѣ безъ даты въ дѣлѣ Новикова 1792 г. (*Госуд. Арх.* VIII, 218) говорится слѣдующее: «Письмо герцога Гессенъ-Кассельскаго, въ

принадлежалъ и кн. Н. В. Репнинъ [18]). Когда для императрицы сдѣлались ясны цѣли Панинской партіи, она и къ масонскимъ ея связямъ не могла не отнестись серьезнѣе, чѣмъ прежде: къ этому ее вынуждала и таинственность, окружавшая масонское общество, и связи Русскихъ масоновъ съ Прусскими, во главѣ которыхъ, какъ говоритъ о томъ сама Екатерина, былъ въ то время дядя Маріи Ѳеодоровны, принцъ Фердинандъ Прусскій. Этимъ и объясняется, почему, вслѣдъ за опалой Панина и его клевретовъ, Екатерина въ 1783—1784 гг. стала подозрительно относиться къ масонамъ и стремилась точнѣе уяснить себѣ характеръ и цѣль ихъ общества. И масоны того времени были правы, считая главною причиною подозрительныхъ отношеній къ себѣ императрицы связь свою съ Павломъ Петровичемъ и членами Панинской партіи [19]).

оригиналѣ писанное Шварцу въ 1782 году, доказываетъ ихъ братскую переписку. Изъ него видѣть можно, что кн. Куракинъ употребленъ былъ инструментомъ по приведенію великаго князя въ братство». См. также уже часто цитованную нами статью *г. Иконникова* (153), гдѣ авторъ тщательно собралъ печатныя данныя объ отношеніяхъ Павла къ масонству. Извѣстный И. В. Лопухинъ въ пѣснѣ (1784 года) такъ выхвалялъ графа Панина за его услуги масонству:

«О старецъ, братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль *славно, Панинъ, ты успѣлъ*:
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ...
Грядущій за твоимъ примѣромъ,
Блаженъ стократно онъ масонъ...
Предвозвѣщая вѣкъ златой».

См. *Архивъ истор. и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*»1860—61, кн. I, 24—25.—Екатерина хорошо знала отношенія Панина къ масонству. «Представьте», писала она Гримму 20 Сентября 1783 г., «что онъ (нѣкто Гюльзенъ) бросался въ ноги покойному графу Панину, умоляя его открыть ему тайну масонскиго всецѣлебнаго лѣкарства; онъ думалъ, что Панинъ владѣлъ этой тайною». *Сборникъ*, XXIII, 283.

[18]) Объ отношеніяхъ кн. Репнина къ масонству см. *Р. Ст.*, 1880, II, 132—133.—Какъ смотрѣли на него современники, видно изъ отзыва Массона: «Il obcurcit, dans ses vieux jours, le premier éclat de son caractère, par les sottises mystiques du martinisme et des illuminés; et l'on ne sait si c'est l'humilité d'un dévot, la bassesse d'un courtisane, ou stoicisme d'un héros patriote, qui lui fit supporter les heuteurs humiliantes de Potemkin et la haine de Catherine qui accabloit d'affronts, tout en se servant de ses talens militaires. Il s'étoit attiré cette haine, en se prononçant en faveur de Paul et lui conseillant de réclamer ses droits sur un trône dont sa mère n'avoit été proclamée que tutrice et régente». *Masson*: Mémoires, I, 293—294.

[19]) *Записки И. В. Лопухина* (*Р. Арх.*, 1884, I, 18—19). *Записки* (*Вѣстникъ Европы*, 1868, VI, 581—582).

Всѣ эти обстоятельства могутъ пояснить причины, вслѣдствіе которыхъ, по возвращеніи Павла Петровича изъ-за границы, Панинская партія подверглась явной опалѣ: Куракинъ сосланъ былъ на жительство въ деревню, а Репнинъ потерялъ прежнее свое значеніе [20]); если самъ Панинъ оставался еще въ Петербургѣ, вѣроятно вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія, то возможность вреднаго дѣйствія его на молодую чету устранялась тѣмъ, что Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна, очевидно находясь подъ вліяніемъ настроенія духа Екатерины, посѣщали его очень рѣдко, и на самое короткое время.

Безъ сомнѣнія, Павелъ Петровичъ долженъ былъ глубоко страдать, видя печальную участь, постигшую его друзей, между тѣмъ какъ необходимость подчиняться непреклонной волѣ императрицы вынуждала его, хотя по наружности, сживаться съ новой своей обстановкой, вращаясь въ обществѣ матери и поддерживая дружескія отношенія съ врагомъ Панина, Потемкинымъ. Зимою 1782—1783 года, по разсказу современника, великій князь и великая княгиня, живя на своей половинѣ въ Зимнемъ дворцѣ, присутствовали на всѣхъ придворныхъ собраніяхъ и торжествахъ; кромѣ того, каждый понедѣльникъ великокняжеская чета давала отъ себя балъ, а по субботамъ приглашала съ себѣ высшее общество и офицеровъ, по два отъ каждаго полка гвардіи, на Каменный островъ. На всѣхъ этихъ собраніяхъ у великаго князя бывалъ постоянно и кн. Потемкинъ, не пропустивъ ни одного изъ нихъ [21]). На этихъ собраніяхъ Марія Θеодоровна, готовившаяся въ то время подарить своему супругу третьяго ребенка, знакомила съ Петербургскимъ обществомъ брата своего, принца Фридриха, и его супругу, принцессу Августу (Зельмиру). Но эти внѣшнія условія жизни не только не способствовали нравственной перемѣнѣ великаго князя, но, заставляя его сдерживаться, насиловать свою пылкую, искреннюю натуру, могли только портить его характеръ и развивать въ немъ мрачный, унылый взглядъ на жизнь и на свое личное и политическое положеніе. Въ письмахъ его за это время къ Русскому посланнику во Франкфуртѣ, графу Н. П. Румянцову (который, будучи личнымъ другомъ Павла, не былъ, однако, его

[20]) Въ Мартѣ 1783 г. князь Репнинъ посланъ въ армію, назначенную противъ Турокъ (война съ ними казалась тогда вѣроятною вслѣдствіе присоединенія Крыма къ Россіи) для командованія резервнымъ корпусомъ.

[21]) *Энгельгардтъ*: Записки, изд. «*Р. Архива*», 41—50.

политическимъ единомышленникомъ), постоянно встрѣчаются осторожные, но ясные намеки на его тяжелое нравственное состояніе, которые пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что иногда все письмо состоитъ изъ однихъ только этихъ намековъ [22]).

И, между тѣмъ, въ эту же зиму Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна потеряли человѣка, котораго они считали до сихъ поръ единственнымъ своимъ другомъ и совѣтникомъ при дворѣ Екатерины. Событіями 1781—1782 г. здоровье Панина было подорвано окончательно: паденіе Сѣвернаго аккорда, немилость императрицы, причастность къ дѣлу Бибикова, опала Куракина и, наконецъ вольное и невольное отчужденіе отъ него самой великокняжеской четы по возвращеніи ея изъ-за границы,— все это способствовало смертельному исходу его болѣзни. Въ особенности удивляло и оскорбляло Панина и всѣхъ родныхъ его, по словамъ современника [23]), кажущееся невниманіе къ нему Павла Петровича и Маріи Θеодоровны: по крайней мѣрѣ около мѣсяца они не только не ѣздили къ нему, но и не присылали узнать о его здоровьѣ. Но это невниманіе къ старому другу было, очевидно, лишь вынужденное: 29 Марта молодые супруги, по разсказу самаго Павла, разговаривая о Панинѣ, «пришли въ несказанную чувствительность и положили ѣхать къ нему въ тотъ вечеръ»; «онъ веселъ и свѣжъ былъ такъ», прибавлялъ Павелъ, «какъ я его уже года три не видывалъ» [24]). Объясненіе веселости Панина находимъ въ извѣстіи современника, что во время этого свиданія «было объясненіе о всемъ предыдущемъ» [25]). Радость Панина, однако, истощила послѣд-

---

[22]) Яснѣе всего мысль Павла Петровича выразилась въ одномъ изъ послѣдних его писемъ, отъ 22 Мая 1783 года: «On ne saurait jamais être quitté ou solder des comptes avec ceux, à qui nous devons la vie moralle (Панинъ) ou physique (Екатерина). C'est une dette dont les intérêts doivent courir toute notre vie et dans nos actions, mon cher ami, et en fait d'erreur du calcul. J'aime mieux qu'il y en ait vis-à-vis de moi que s'il y en avait de mon côté; quoique le premier parait plus lucratif à bien des gens, je suis du nombre des seconds et je crois le dernier plus lucratif par ses suites si non autrement. Vous savez au reste que la traine de la cour est toujours se dépêcher et tout se dépêchant on a le temps de ne rien faire, pas même courir comme il faut». *Госуд. Архивъ*, V, 183.

[23]) *Записки кн. Θ. Н. Голицына.* Р. Архивъ 1874, 1, 1284.

[24]) Письмо Павла Салтыкову. *Р. Арх.* 1864, 943.

[25]) *Записки кн. Θ. Н. Голицына.* Р. Арх., 1874, I, 12[illegible]

нія его силы. Черезъ два дня, 31 Марта 1783 года, онъ умеръ на рукахъ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, прибывшихъ къ нему при первомъ извѣстіи, что ему стало хуже. По словамъ Павла Петровича, чрезвычайно горевавшаго о кончинѣ Панина, «онъ оставилъ по себѣ общее сожалѣніе, заставляющее молчать и непріятелей его, стыдящихся не одного мнѣнія быть съ публикой, чему доказательствомъ былъ день похоронъ его, гдѣ, будучи на выносѣ, наѣхало такихъ, которыхъ съ роду у него не видалъ» [26]. Горесть Павла была велика, и онъ выражалъ ее со свойственною ему пылкостію при каждомъ удобномъ случаѣ. Даже недавній другъ великокняжеской четы, принцесса Марія-Клотильда Савойская, въ отвѣтъ на письмо Павла, по этому поводу, сочла нужнымъ выразить ему сочувствіе большимъ письмомъ, посвященнымъ почти исключительно памяти Панина [27]. Смерть Панина была чувствительна и для Маріи Θеодоровны; она до самой смерти своей хранила при себѣ золотое кольцо, съ волосами покойнаго графа, съ его вензелемъ и обозначеніемъ дня его смерти [28].

[26]) Письмо Павла Салтыкову. *Р. Арх.*, 1864, 943.

[27]) 23 Мая 1783 г. «Je ne trouve point de termes, mon cher frère, pour vous exprimer toute la vive et sincère part que je prends à vos justes regrets sur la perte que vous venez de faire. Je sens tout ce qu'il doit vous en couter en quittant un si respectable et ancien ami d'autant que ce jour de ces partes irréparables. Je vous assure, que j'en suis vivement pénétrée. Votre chère lettre que j'ai reçue hier, m'a fait le plus sensible plaisir, en me rassurant sur votre santé et celle de votre chère et adorable femme, dont j'étais bien en peine après telle affliction. J'espère que le temps calmera votre douleur, et je vous conjure d'y travailler de votre mieux afin de conserver votre santé si précieuse à tous ceux qui ont eu le bonheur de vous conaître et particulièrement à moi, qui vous suis bien sincèrement attachée. Le nom du c-te Panin sera célèbre dans toutes les histoires par l'éducation d'un prince qui lui fait autant d'honneur, mais les marques de reconnaissance et d'attachement que vous lui avez toujours données jusqu'aux derniers instans de sa vie, ne vous fait pas moins d'honneur, mon cher frère, et c'est pour moi un véritable plaisir de rendre cette justice à la bonté de votre coeur et à la noblesse de vos sentimens». *Государственный Архивъ*, IV. 200.—Письмо это любопытно, какъ образчикъ мнѣній, которыя поселяли о Панинѣ въ преданныхъ себѣ людяхъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна. Припомнимъ, что принцесса Марія-Клотильда сдѣлалась искреннимъ другомъ великой княгини во время посѣщенія великокняжеской четою Турина. Но увѣковѣчить свою признательность и свое уваженіе къ Панину Павелъ Петровичъ могъ лишь послѣ смерти Екатерины: вступивъ на престолъ, Павелъ въ 1797 году приказалъ воздвигнуть своему воспитателю памятникъ въ церкви Св. Маріи Магдалины въ Павловскѣ.

[28]) См. *духовное завѣщаніе Маріи Θеодоровны*, § 30. Кольцо это она завѣщала родственнику Панина, Ю. А. Нелединскому-Мелецкому.

Лишившись старыхъ друзей, великокняжеская чета близко приняла къ сердцу намѣреніе Екатерины удалить отъ нихъ даже безличнаго Салтыкова, котораго молодые супруги считали первоначально за шпіона, приставленнаго къ нимъ Екатериной, но который «весьма твердо зналъ придворную науку» и умѣлъ пріобрѣсти съ теченіемъ времени ихъ расположеніе, тщательно избѣгая поводовъ навлечь на молодой дворъ неудовольствіе императрицы. Такой человѣкъ былъ вдвойнѣ дорогъ для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ это критическое переживаемое ими время. Немудрено поэтому, что, получивъ извѣщеніе о новой своей утратѣ, Павелъ писалъ Салтыкову 5 Апрѣля: «Теперь узналъ я, что я прямо тебя люблю, ибо первыя двѣ о семъ экспликаціи, да и дни, не безъ слезъ прошли; ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть» [29]). Но, быть можетъ, именно уклончивость и осторожность Салтыкова и не нравились теперь Екатеринѣ, которая, ближе познакомившись съ дѣятельностію Панинской партіи, нашла, вѣроятно, что онъ недостаточно хорошо исполнялъ роль соглядатая. Впрочемъ, если это обстоятельство и было дѣйствительной причиной удаленія Салтыкова отъ молодаго двора, то императрица никому не дала понять этого, такъ какъ, увольняя Салтыкова отъ должности гофмейстера при великокняжеской четѣ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, дала ему высшее назначеніе—имѣть главный надзоръ за воспитаніемъ Александра и Константина Павловичей. Салтыковъ могъ быть, по взгляду Екатерины, полезенъ въ новой своей должности какъ лицо, пользовавшееся и ея довѣріемъ, и довѣріемъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны; но воспитательнымъ качествамъ Салтыкова она, безъ сомнѣнія, не придавала значенія, предположивъ, какъ и было потомъ на самомъ дѣлѣ, лично входить во всѣ подробности воспитанія своихъ внуковъ, въ которыхъ она, какъ и слѣдовало, видѣла «дѣтей Россіи», продолжателей новой династіи.

«За нѣсколько дней до смерти графа Панина (писалъ Павелъ Салтыкову 5 апрѣля), будучи поутру у государыни, съ большою похвалою о тебѣ, любезный другъ, сказала мнѣ о намѣреніи своемъ васъ приставить къ дѣтямъ. Вы сами можете сказать себѣ, что я на то отвѣчалъ; послѣ чего стала говорить о наполненіи вашего мѣста и вдругъ назвала графа Ва...

[29]) *Р. Арх.*, 1864, 944.

Платоновича (Мусина-Пушкина); признаюсь, что я сего не ожидалъ. Я съ удивленіемъ, которое она во мнѣ примѣтила, сказалъ, что я его не знаю никакъ, а слышалъ всегда какъ о честномъ человѣкѣ. Признаюсь, что мнѣ разставаться съ тобою трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ былъ отзывомъ, что сіе не разлука и что всегда въ сношеніи съ нами останешься, но не меньше другой, а не ты у насъ. Чрезъ четыре дня присланъ былъ Пушкинъ къ намъ при запискѣ, на которую я тотчасъ отвѣчалъ, что я отъ нея все принимаю по увѣренію о ея милости, но что примѣчу на то, что если ты о семъ не будешь увѣдомленъ, то будетъ тебѣ прискорбно, какъ и мнѣ. Въ семъ получилъ успокоеніе, что къ тебѣ будетъ писано, а Пушкинъ ad intérim. Онъ принялъ домъ нашъ и ведетъ себя къ удовольствію нашему: что Богъ дастъ впередъ!» [30]).

Къ этому вопросу Павелъ, при тяжелыхъ тогдашнихъ отношеніяхъ своихъ къ матери, не могъ не относиться съ нѣкоторою тревогою за будущее. Удаленіе Салтыкова и замѣна его Мусинымъ-Пушкинымъ совпали съ отъѣздомъ изъ Петербурга кн. Потемкина [31]), бывшаго, безъ сомнѣнія, главнымъ совѣтникомъ Екатерины при разгромѣ Панинской партіи и ѣхавшаго теперь на Югъ для окончательнаго присоединенія Крыма къ Россіи. Вслѣдъ за его отъѣздомъ Екатерина, въ сопровожденіи Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, переѣхала, въ половинѣ Апрѣля, на жительство въ Царское Село. Отсюда Марія Ѳеодоровна проводила 11 Мая брата своего, принца Фридриха, отправившагося въ южную армію подъ начальство Потемкина [32]). Замѣчательно, что на другой же день по его отъ-

[30]) Тамъ же.

[31]) *Д. Ѳ. Кобеко* (275) справедливо приписываетъ назначеніе Мусина-Пушкина рекомендаціи Потемкина. Изъ письма, на которое онъ ссылается (*Сборникъ*, XLII, 418) видно, кромѣ того, что Екатерина переговорила съ Мусинымъ-Пушкинымъ о новомъ его назначеніи ранѣе разговора своего съ Павломъ Петровичемъ.

[32]) Съ нимъ Марія Ѳеодоровна писала Потемкину по-русски: «Братецъ мой вамъ вручитъ сіе письмо, и я увѣрена, что вы, князь Григорій Александровичъ, ему будете давать случай себя показать и исполните желаніе его сдѣлаться достойнымъ милости государыни. Я знаю, сколько много вы можете ему въ семъ случаѣ быть полезнымъ и его вамъ рекомендую, сказавъ вамъ, сколько я его искренно люблю. Благодарность моя вамъ будетъ доказательствомъ, какъ истинно и завсегда буду ваша благосклонная Марія». *Госуд. Арх.*, V, 182.

ѣздѣ Екатерина впервые вступила въ подробное объясненіе съ Павломъ Петровичемъ по текущимъ политическимъ дѣламъ, выясняла ему свои предположенія относительно Крыма и Польши и, очевидно, желала вызвать его на обмѣнъ мнѣній. Цесаревичъ былъ чрезвычайно пораженъ такимъ неслыханнымъ дотолѣ обращеніемъ къ себѣ матери и, записавъ этотъ разговоръ свой съ нею, замѣтилъ при этомъ: «довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительная» [33]). Продолжались-ли бесѣды, многоцѣнныя и удивительныя для Павла Петровича, неизвѣстно; но не въ характерѣ великаго князя было скрывать свой политическій образъ мыслей, рѣзко противорѣчившій образу мыслей его матери, и поэтому легко предположить, что эта «первая» бесѣда на то время была и послѣднею. Въ концѣ Іюня императрица отправилась въ Фридрихсгамъ на свиданіе съ Шведскимъ королемъ Густавомъ III, но вела въ это время съ Павломъ и Маріей Ѳеодоровной частую переписку [34]).

Живя въ Царскомъ Селѣ въ ожиданіи приближающихся родовъ, Марія Ѳеодоровна неусыпно слѣдила за работами по постройкѣ и украшенію Павловска и новаго дворца въ немъ. Работы эти производились еще во время заграничнаго путешествія Маріи Ѳеодоровны и ея супруга подъ наблюденіемъ управлявшаго Павловскомъ К. И. Кюхельбекера. Ими руководили извѣстные архитекторы: Камеронъ и Гваренги; но великая княгиня даже изъ-за границы входила во всѣ мелочи хозяйственныхъ заботъ [35]), и при этомъ, слѣдя за ходомъ постройки, требовала отъ Кюхельбекера подробнаго увѣдомленія о бытѣ рабочихъ и жителей Павловска, о состояніи ихъ здоровья и о ихъ нуждахъ. Заботливость проявлялась одинаково и по отношенію къ художникамъ, и по отношенію къ простымъ рабочимъ. Постройки шли, однако, не совсѣмъ гладко. Многіе изъ художниковъ, во время отсутствія Маріи Ѳеодоровны, относились къ Кюхельбекеру свысока и довольно небрежно вели свои работы. Но въ этихъ случаяхъ Марія Ѳеодоровна, вмѣсто вы-

---

[33]) *Р. Старина*, 1873, VIII, 652—653.

[34]) Письма Екатерины см. *Сборникъ*, XV, а также *Р. Старину*, 1873, VIII, 653—659, отвѣтныя письма Маріи Ѳеодоровны въ *Госуд. Архивъ*, IV, 118.

[35]) «Увѣряю васъ», писала она Кюхельбекеру 14 Апрѣля 1782 г., «что Италія не только не отвратила меня отъ Павловскаго, но заставляетъ еще болѣе цѣнить». *Павловскъ*, 520. Этотъ Кюхельбекеръ—отецъ будущаго Декабриста.

говоровъ и упрековъ для виноватыхъ художниковъ, присылала обыкновенно Кюхельбекеру письма, въ которыхъ, успокаивая своего управляющаго, старалась оправдывать виновныхъ какими-либо уважительными, придуманными ею причинами: она предпочитала уже въ то время дѣйствовать на людей нравственными средствами, возбуждая ихъ совѣсть и усердіе предупредительнымъ вниманіемъ и участіемъ къ ихъ нуждамъ [36]).

Къ пріѣзду великой княгини Павловскъ значительно измѣнилъ видъ свой: кромѣ большаго дворца, вчернѣ совершенно готоваго, окончены были постройкой Колоннада, Храмъ дружбы и Молочня, а также чрезвычайно расширены и обогащены были садъ и оранжереи Павловска, для которыхъ сѣмена и растенія доставляемы были не только изъ Россіи, но даже изъ-за границы или по заказамъ великой княгини, или въ видѣ подарка отъ разныхъ частныхъ лицъ, желавшихъ сдѣлать пріятное Маріи Ѳеодоровнѣ; въ числѣ послѣднихъ былъ графъ П. А. Румянцовъ, приславшій 20 Марта 1782 г. въ Павловскъ изъ Малороссіи цѣлый обозъ съ фруктовыми деревьями (до 200 штукъ). Къ пріѣзду великокняжеской четы Екатерина приказала устроить шоссе отъ Павловска до Царскаго Села, которое, впрочемъ, окончено было постройкою лишь въ 1783 г. Вниманіе свое къ невѣсткѣ Екатерина выразила и въ томъ, что въ Маѣ 1782 г., во время производства слѣдствія надъ Бибиковымъ, сама посѣтила Павловскъ и, подробно описавъ это посѣщеніе въ письмѣ къ Павлу Петровичу и Марія Ѳеодоровнѣ, заключила его словами: «жалко, что нѣтъ хозяевъ; они заставили бы насъ побольше побѣгать и показали бы намъ вещи въ болѣе пріятномъ видѣ, а теперь, какъ ихъ нѣтъ, все глядитъ такъ печально и пусто, что у меня сердце сжалось». Зная, что большія закупки за границей мебели и разнаго рода художественныхъ предметовъ всѣ сдѣланы были Павломъ Петровичемъ и Маріей Ѳеодоровной съ вѣдома императрицы, мы въ правѣ предположить, что самая постройка Пав-

---

[36]) «Кромѣ Камерона, въ окончательной художественной отдѣлкѣ дворца принимали участіе: Бренна, Скотти, Руффини, Ламени, Віолле, Русскіе художники: Даниловъ, Козловъ и нѣсколько учениковъ Академіи Художествъ, присланныхъ Бецкимъ. Русскіе художники были скромные, послушные, исправные, чего нельзя сказать объ иностранныхъ мастерахъ. Деликатность великой княгини и терпѣніе Кюхельбекера были безсильны для обузданія заносчивыхъ Итальянцевъ и черезчуръ самолюбивыхъ Французовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что великая княгиня предпочла бы имъ художниковъ Русскихъ, но таковыхъ было мало». «*Павловскъ*» и проч., 45.

ловска производилась также на суммы, отпускавшіяся императрицей, такъ такъ расходы на этотъ предметъ были такъ велики, что ихъ невозможно было, при всей бережливости строителей, покрывать суммами изъ ежегоднаго бюджета великокняжеской четы, тѣмъ болѣе, что всѣ капитальныя работы по Павловску, требовавшія огромныхъ денегъ, происходили главнымъ образомъ всего лишь въ теченіе трехъ лѣтъ, 1781—1784 гг. Безъ сомнѣнія, и созданіемъ Павловска, какъ исполненіемъ другихъ своихъ желаній за это время, Марія Θеодоровна обязана была исключительно Екатеринѣ [37]).

Близость Павловска къ Царскому Селу дозволяла Маріи Θеодоровнѣ самой руководить теперь внутренней отдѣлкой, меблировкой и убранствомъ дворца и садовыхъ зданій. Въ это именно время, въ Маѣ 1783 г., доставлена была изъ-за границы значительная часть предметовъ, пріобрѣтенныхъ великокняжеской четой: изъ Италіи—статуи и разныя мраморныя вещи, изъ Голландіи—зеркала, изъ Франціи—фарфоровая посуда и издѣлія знаменитой Севрской мануфактуры. Тогда же принимались мѣры для водоснабженія Павловска, такъ какъ вода изъ рѣки Славянки не годилась для питья: устраивали водопроводъ, рыли колодцы. Садъ украшаемъ былъ бесѣдками и павильонами, стѣны которыхъ, по вкусу великой княгини, состояли изъ плетеныхъ зеленыхъ дранокъ (трельяжи); между ними выдавался по своимъ размѣрамъ существующій и донынѣ трельяжъ, сквозной павильонъ у лѣстницы, которая ведетъ къ берегу Славянки. Вообще Павловскъ изъ небольшаго охотничьяго поселка въ короткое время быстро превратился въ одну изъ богатѣйшихъ и изящнѣйшихъ лѣтнихъ резиденцій въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и его населеніе, которое достигло въ 1783 г. цифры 600 слишкомъ человѣкъ: придворныхъ служителей, солдатъ, мастеровыхъ и крестьянъ. Это внушило владѣтелямъ Павловска мысль основать для нихъ благотворительныя учрежденія. «Нахожу въ Павловскомъ удовольствіе свое», писалъ Павелъ Платону 29 Мая; «сіе удовольствіе ни съ кѣмъ мы не дѣлимъ, сіе

---

[37]) Для насъ неизвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ утверждаютъ, что «отстроивъ на собственный счетъ Паульлустъ и Маріенталь, Екатерина II предоставила владѣтелямъ Павловскаго при дальнѣйшихъ застройкахъ обходиться ихъ собственными средствами» («*Павловскъ*», 15). Приводимая затѣмъ авторомъ этой книги просьба великокняжеской четы къ Екатеринѣ о деньгахъ относится къ позднѣйшему времени.

удовольствіе ничѣмъ мы не пріобрѣли; итакъ заведемъ что-нибудь при семъ мѣстѣ, чѣмъ интересовали бы иныхъ, кромѣ себя, и чѣмъ дѣлили бы удовольствіе и спокойствіе съ другими. Вотъ наша мысль» [38]) Плодомъ этой мысли была закладка, при строившейся тогда же въ Павловскѣ церкви во имя св. Маріи Магдалины (ангела Маріи Θеодоровны), зданія такъ называемаго «Церковнаго Инвалида», т. е. богадѣльни для старыхъ и увѣчныхъ, и школы для дѣтей. Учрежденія эти открыты были въ слѣдующемъ 1784 году; въ этомъ году произошло и освященіе церкви [39]).

29 Іюля, по возвращеніи Екатерины изъ поѣздки, предпринятой ею для свиданія съ королемъ Шведскимъ, послѣдовало долго ожидавшееся разрѣшеніе Маріи Θеодоровны отъ бремени. Родилась дочь, нареченная, въ честь старшаго брата, Александрой. Императрица желала имѣть третьяго внука, и рожденіе внучки не особенно ее радовало. «По правдѣ сказать», писала она, сообщая Гримму объ этомъ событіи, «я несравненно больше люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ» [40]). Это предпочтеніе императрица шутливо объясняла слѣдующимъ образомъ: «Дочери всѣ будутъ плохо выданы замужъ, потому что ничего можетъ быть несчастнѣе Россійской великой княжны. Онѣ не сумѣютъ ни къ чему примѣниться, все имъ будетъ казаться мелочно. Это выйдутъ существа рѣзкія, крикуньи, охулительницы, красивыя, непослѣдовательныя, выше предразсудковъ и личной любви. Конечно, у нихъ будутъ искатели, но это поведетъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ, и хуже всѣхъ придется той, которая будетъ называться Екатериной: самое имя доставитъ ей больше непріятностей, сравнительно съ сестрами. При всемъ томъ можетъ случиться, что жениховъ не оберешься» [41]). Тѣмъ дороже могъ показаться для великаго князя и его супруги новый знакъ вниманія къ нимъ Екатерины: въ самый день подписанія манифеста о рожденіи великой княжны Александры Павловны, 6 Августа 1783, изданъ былъ слѣдующій указъ императрицы: «Изъ купленныхъ нами у графовъ Орловыхъ деревень, состоя-

[38]) *Рус. Арх.*, 1887, II, 34.

[39]) «Въ прошлый понедѣльникъ», писалъ Павелъ Платону 13 Сентября 1784 г., «освятили мы въ Павловскомъ церковь, при которой содержитъ жена моя инвалидовъ, а притомъ и школу нормальную». Тамъ же, 39.

[40]) *Сборникъ*, XXIII, 281.

[41]) Тамъ же, 91—92: письмо къ Гримму отъ 8 Іюня 1778 года.

щихъ въ вѣдомствѣ нашего флигель-адъютанта Буксгевдена, повелѣваемъ отдать во владѣніе нашему любезному сыну, великому князю, мызу Гатчино съ тамошнимъ домомъ, со всѣми находящимися мебелями, мраморными вещами, оружейною, оранжереею и матеріалами, съ 20-ю принадлежащими къ мызѣ деревнями, мызу Новую Скворицную, и мызу Старую Скворицную съ приписанными къ нимъ деревнями, пустошами и землями» [42]). Великолѣпная Гатчина, принадлежавшая ранѣе князю Г. Г. Орлову (умершему въ этомъ году), должна была быть собственно лѣтней резиденціей Павла Петровича, подобно тому, какъ Павловскъ, тоже подарокъ Екатерины, былъ собственностію Маріи Ѳеодоровны; поэтому съ теченіемъ времени Гатчина пріобрѣла отпечатокъ личнаго вкуса и наклонностей великаго князя въ такой же степени, въ какой Павловскъ былъ отраженіемъ внутренней жизни Маріи Ѳеодоровны: если Павловскъ призывалъ къ идиллическому наслажденію природой, къ тихой, мирной жизни въ настоящемъ и въ дорогихъ для сердца воспоминаніяхъ прошлаго, то преобразованная Павломъ Петровичемъ Гатчина напоминала собою Потсдамъ и Прусское солдатство.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта новая милость Екатерины къ сыну и невѣсткѣ въ сущности нисколько не смягчала внутренняго разлада между ней и ими: перевоспитать сына было и для нея невозможною задачей. Неудивительно, поэтому, что Екатерина всю свою привязанность, на которую только она была способна, сосредоточила на старшемъ внукѣ своемъ, Александрѣ Павловичѣ, въ которомъ она хотѣла видѣть преемника своей славы и стремленій на пользу Россіи. Въ особенности привязалась она къ нему во время заграничнаго путешествія его родителей: маленькій великій князь, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Константиномъ, почти ежедневно проводилъ время въ обществѣ своей августѣйшей бабушки, которая съ восторгомъ слѣдила за малѣйшимъ проявленіемъ его умственнаго и нравственнаго развитія, и сама заботилась о надлежащей умственной пищѣ для ребенка, составляя ему книжки для чтенія и «Азбуку»; мало того, всѣ дальнѣйшія педагогическія сочиненія императрицы вызваны были исключительно ея желаніемъ быть полезной внуку. Въ

---

[42]) *П. С. З.*, XXI, № 15808.—*Кобеко*, 284—285.—«Мѣсто само со пріятно, а милость сама по себѣ дорога», писалъ Павелъ Плат *Рус. Арх.*, 1887, II, 35.

письмахъ Екатерины къ Гримму постоянно встрѣчаются нѣжныя похвалы «господину Александру», который, въ свою очередь, въ бабушкѣ привыкъ видѣть мать. Уже по возвращеніи Павла Петровича и Маріи Θеодоровны изъ-за границы, Екатерина съ восторгомъ извѣщала Гримма о слѣдующемъ доказательствѣ любви къ ней Александра: «Нынѣшней зимою мы открыли въ Александрѣ странное желаніе. Однажды онъ задержалъ въ углу одну изъ моихъ женщинъ, съ которою онъ любитъ возиться, и настойчиво просилъ ее сказать, на кого онъ похожъ. Она отвѣчала, что, повидимому, у него черты матери. «Это не то», сказалъ онъ, «о чемъ я спрашиваю: нравомъ и обращеніемъ на кого я похожъ?» Женщина сказала ему: «этимъ вы, мнѣ кажется, походите скорѣе на бабушку, чѣмъ на кого другаго».—«Ахъ, вотъ это мнѣ и хотѣлось узнать!» сказалъ онъ, бросился къ ней на плечи и сталъ цѣловать за то, что она ему сказала» [43]). Это горячее чувство къ бабушкѣ и видимое равнодушіе къ матери объясняются въ ребенкѣ долгой разлукой его съ родителями, послѣдствія которой поддерживались тѣмъ обстоятельствомъ, что Екатерина пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы держать дѣтей при себѣ, вдали отъ отца ихъ и матери; должно прибавить еще, что Екатерина давала своимъ внукамъ большую свободу дѣйствій, ласкала и баловала ихъ [44]), тогда какъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна склонны были къ болѣе суровой системѣ воспитанія и дѣлали, вѣроятно, все возможное, чтобы, по выраженію принцессы Софіи-Доротеи Монбельярской, «изгладить въ дѣтяхъ часы той излишней снисходительности, которою они пользовались въ обществѣ бабушки» [45]). Что̀ могло быть естественнѣе чувства скуки, которое

---

[43]) *Сборникъ*, XXIII, 274.

[44]) Такъ, она писала 16 Августа 1783 г.: «Les miens (garçons) sont parfaitement bienportants, courant, sautant, adroits, lestes, résolus, ramant sur des nacelles et les conduisant à merveille sur des canaux où il y a un pied d'eau, et Dieu sait tout ce qu'ils font: ils lisent, écrivent, dessinent, dansent. Le tout de leur propre volonté. Ces jours-ci je les ai pris avec moi à Peterhof, où nous avons logé à Mon-Plaisir, où en verité je les ai vus, partout où ils pouvaient atteindre de la main, poser les pieds; aussi entraient et sortaient-ils également par les fenêtres, comme par les portes. Ja, das ist ein Leben: wenn sie dass sehen sollten, wie viel halsbrechende Arbeiten wir mit dem kaltesten Blute fürnehmen, und dennoch fallen wir sehr selten oder fast gar nicht». *Сборникъ*, XXIII, 281–282.

[45]) См. главу V настоящаго труда, 148.

избалованныя дѣти испытывали въ обществѣ отца и матери, чувства недоумѣнія и недовѣрія, которое появлялось въ нихъ по отношенію къ родителямъ, неодобрительно относившимся къ тому, что̀ одобрялось и даже поощрялось бабушкой? Оттого, когда Екатерина въ Іюнѣ уѣхала въ Фридрихсгамъ, Маріи Θеодоровнѣ самой пришлось писать ей: «мои дѣти говорятъ: очень скучно безъ васъ» [46]). Горькія чувства, возбуждавшіяся этимъ въ молодой матери, не подлежатъ сомнѣнію; ей оставалось только скрывать ихъ, чтобы не возбуждать неудовольствія императрицы, и надѣяться, что любовь къ сыну такъ или иначе отразится и на терпѣливой матери. «Сходство, которое король Шведскій нашелъ между моимъ старшимъ сыномъ и мною», писала тогда же Марія Θеодоровна Екатеринѣ, «доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Я того мнѣнія, что это сходство сдѣлаетъ меня еще болѣе дорогой вашему императорскому величеству, и я желала бы достигнуть этого всѣми возможными средствами» [47]).

Съ своей стороны Екатерина щадила по возможности родительскія чувства Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, и, безъ сомнѣнія, этому способствовало назначеніе номинальнымъ воспитателемъ великихъ князей Салтыкова, бывшаго въ милости у великокняжеской четы. Въ сущности это назначеніе нисколько не мѣняло положенія великихъ князей по отношенію къ Екатеринѣ, остававшейся по прежнему ихъ главной воспитательницей: Салтыковъ, даже въ глазахъ императрицы, конечно, не годился для выполненія оффиціально присвоенной ему роли: это была лишь ширма, за которой скрывалась вѣнценосная бабушка; это былъ усердный, вѣрный и ловкій исполнитель ея предначертаній, касавшихся лишь внѣшнихъ сторонъ жизни великихъ князей, долженствовавшій дѣлиться съ ними своею придворною и житейскою опытностію. По грубому выраженію одного изъ сотрудниковъ Салтыкова, «его главнымъ дѣломъ при великихъ князьяхъ было предохранять ихъ отъ сквознаго вѣтра и засоренія желудка» [48]). Помощниками Салтыкова были

---

[46]) *Госуд. Арх.*, V, 183. Письмо отъ 21 Іюня 1783 г., изъ Царскаго Села.

[47]) Тамъ же.—Нельзя не замѣтить, что, говоря такимъ образомъ, Марія Θеодоровна почти буквально повторяла слова своей матери. См. V главу нашего труда, 148.

[48]) *Masson:* Mémoires secrets, II, 163. Замѣчательно, что Массонъ, во мнс гомъ обязанный Салтыкову, дѣтей котораго онъ воспитывалъ, не счı себя въ правѣ, вѣроятно изъ чувства благодарности, говорить дурно о

назначены: А. Я. Протасовъ — при Александрѣ Павловичѣ и К. И. Сакенъ—при Константинѣ Павловичѣ. Кромѣ того, при Александрѣ Павловичѣ состояли: полковники Кушелевъ и Будбергъ и поручикъ Хрущовъ, а при Константинѣ—полковникъ Ламсдорфъ, капитанъ Кошелевъ и поручикъ Балдани (Грекъ) [48]). Впрочемъ, всѣ эти лица должны были уступить, по своему вліянію на царственныхъ своихъ воспитанниковъ, честному и искреннему «свободныхъ мыслей коноводу», Швейцарцу Фридриху-Цезарю Лагарпу. Онъ сдѣлался извѣстенъ императрицѣ по рекомендаціи ея корреспондента Гримма и въ началѣ 1783 года прибылъ въ Петербургъ, сопровождая брата любимца Екатерины, А. Д. Ланскаго, Якова, который ввѣренъ былъ попеченіямъ Лагарпа, во время своего путешествія за границей. Этотъ жаркій послѣдователь энциклопедистовъ, республиканецъ по убѣжденіямъ, избранъ былъ Екатериной, чтобы ввести будущаго Русскаго самодержца въ кругъ Европейскаго просвѣщенія. Выборъ всѣхъ этихъ лицъ, кажется, могъ только, если судить по позднѣйшимъ отзывамъ Маріи Θеодоровны, быть одобренъ родителями великихъ князей [50]), за исключеніемъ выбора Лагарпа, который, по своимъ воззрѣніямъ, былъ прямою противоположностью Павла Петровича, глубоко убѣжденнаго монархиста и религіознаго человѣка. Но мнѣнія Павла Петровича и Маріи Θеодоровны о воспитаніи ихъ сына не имѣли въ глазахъ Екатерины никакой цѣны: поручая Александра Павловича Лагарпу, она выразила убѣжденіе, что изъ него выйдетъ прекрас-

---

тыковѣ, и поэтому, изображая Екатерининскихъ вельможъ, онъ, назвавъ Салтыкова, вмѣсто его характеристики, ставитъ многоточіе на трехъ строчкахъ. I, 283.

[49]) Любопытно, что (если довѣрять словамъ Салтыкова) «Государыня не желала имѣть при внукахъ своихъ фамильныхъ людей». *И. М. Долгорукій* не довѣряетъ этому, говоря: «Дознано было, что онъ (Салтыковъ) не смѣлъ ни объ одномъ ей доложить и принялъ тѣхъ, коихъ доставили фавориты и случайные люди»: между тѣмъ, именно «фамильные люди» могли разсчитывать на протекцію. См. «*Капище моего сердца*», изд. Р. Арх., 304.

[50]) Въ 1798 г., А. Я. Протасовъ, бывшій въ то время почетнымъ опекуномъ, писалъ: «Elle (Марія Θеодоровна) m'ecrit de sa propre main qu'elle retrouve en moi le même hônnete homme qu'elle a vu à Pétersb
князя Воронц., XV, 101, письмо отъ 10 Марта. Полковнику Ла
было впослѣдствіи императрицей Маріей Θеодоровной
князя Николая Павловича.

ная личность, если только родители не помѣшаютъ его успѣхамъ [51]).

Для новорожденной великой княжны Александры Павловны Екатерина назначила въ воспитательницы, также по собственному своему выбору, вдову генералъ-маіора, знаменитую впослѣдствіи, Шарлоту Карловну Ливенъ. Мать шестерыхъ дѣтей, Ливенъ жила въ своемъ имѣніи близъ Риги, гдѣ исключительно заботилась о ихъ воспитаніи. Извѣстный панегиристъ Русскихъ Нѣмцевъ, Блюмъ, передаетъ разсказъ, будто бы Ливенъ отказывалась принять предложеніе Екатерины и что ее почти противъ воли привезли въ Петербургъ [52]). Провѣрить это извѣстіе очень трудно. Во всякомъ случаѣ Ливенъ сама по себѣ была вполнѣ достойна этого выбора: это была женщина съ твердымъ, энергическимъ характеромъ, съ трезвымъ, проницательнымъ умомъ и съ несомнѣнными воспитательными способностями. Помощницей ея назначена была г-жа Вилламова, тоже Нѣмка, дочь умершаго инспектора Петропавловской Нѣмецкой школы въ Петербургѣ. Обѣ эти женщины дѣятельностію своею и своими качествами заслужили расположеніе Маріи Θеодоровны, въ особенности Ливенъ, которая пріобрѣла впослѣдствіи особенное уваженіе и довѣріе великой княгини, воспитывая всѣхъ ея дочерей, и сдѣлалась, поэтому, ближайшимъ другомъ царской семьи. Къ сожалѣнію, Екатерина, какъ и довѣренные ея люди [53]), не могла представить себѣ въ то время, какое значеніе должно было имѣть для Россіи преобладающее вліяніе нерусскаго элемента въ дѣлѣ воспита-

---

[51]) *Сборникъ*, XXIII, 298. «M. Alexandre», писала она Гримму 28 Марта 1784 г., «deviendra, selon moi, un excellentissime personnage, pourvu que la *secondaterie* (т.-е. великокняжеская чета) ne me retarde point ses progrès».

[52]) *Blum*: Ein russischer Staatsmann, II, 458.—Намъ кажется, что, не зная лично Ливенъ, Екатерина и не могла такъ настаивать на ея выборѣ. Малое знакомство Екатерины съ Ливенъ до пріѣзда послѣдней въ Петербургъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа самого Блюма, будто императрица, стоя за ширмой, была свидѣтельницей разговора Ливенъ съ встрѣтившимъ ее во дворцѣ придворнымъ и что разговоръ этотъ произвелъ на императрицу такое впечатлѣніе, что она, вышедши изъ-за ширмы, сказала Ливенъ: «Вы именно такая женщина, какая мнѣ нужна».

[53]) Такъ, напр., Безбородко, говоря о Ливенъ, сдѣлалъ гораздо позже слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ къ гр. Воронцову отъ 11 Октября 1795 г.: «... что генеральша Ливенъ не мужчина; она многихъ бы удобнѣе натывать князей молодыхъ». *Архивъ кн. Воронц.* XIII. 361.

нія царственныхъ дѣтей и, очевидно, допускала его лишь временно, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Эта ошибка великой императрицы, бывшая съ ея стороны данью духу и потребностямъ времени, способствовала впослѣдствіи торжеству тѣхъ началъ сентиментализма во внѣшней и «солдатства» во внутренней политикѣ государства, которыя Екатерина тщательно устраняла въ теченіе всего своего долголѣтняго царствованія.

Пока императрица, не спрашивая согласія родителей, устраивала судьбу своихъ внуковъ, Марія Θеодоровна и Павелъ Петровичъ, на долю которыхъ осталось, главнымъ образомъ, лишь устройство лѣтнихъ своихъ дворцовъ, не могли, конечно, примириться съ отсутствіемъ дѣятельности, столь естественной въ ихъ положеніи, и стремились выйти изъ своей нравственной тюрьмы. Цесаревичъ сдѣлалъ попытку получить дозволеніе отправиться въ армію для принятія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ; но эта попытка оказалась безцѣльною, потому что Турція, какъ ни была возмущена присоединеніемъ къ Россіи Крыма, не отважилась въ то время вновь вступить въ борьбу съ нею [54]); Марія же Θеодоровна по преимуществу погружалась въ заботы о членахъ Монбельярской своей семьи, нужды которой, съ улучшеніемъ ея положенія, казалось, не уменьшались, а еще болѣе возрастали: по прежнему старшіе братья Маріи Θеодоровны дурнымъ своимъ поведеніемъ и казарменными привычками возбуждали негодованіе своихъ родителей и окружающихъ и въ то же время требовали помощи отъ своей августѣйшей сестры. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ великая княгиня готовилась разрѣшиться отъ бремени, второй братъ ея, Людвигъ, находившійся на Прусской службѣ, обратился къ сестрѣ съ просьбой объ уплатѣ его долговъ, которые образовались у него вслѣдствіе безпорядочной и черезчуръ веселой жизни. Встревоженная Марія Θеодоровна обратилась за разъясненіемъ къ матери, которая отвѣчала ей 4 Іюля, пользуясь отъѣздомъ г-жи Бенкендорфъ въ Россію: «Посылаю вамъ счетъ долговъ Людвига, который присланъ мнѣ его повѣреннымъ въ дѣлахъ и который докажетъ вамъ, что сообщенное вамъ мною о положеніи его дѣлъ, къ несчастію, только черезчуръ справедливо.. Я просила добраго Моклера передать извѣстныя подробности нашей милой Тилль, чтобы

[54]) *Р. Старина*, 1873, VIII, 856.

для васъ была вполнѣ ясна вся эта прискорбная исторія, изъ которой я не вижу никакого исхода. Прошу васъ, дорогое дитя, увѣдомить меня, если возможно, что̀ можно тутъ сдѣлать. Я обезпечила уплату Крюгернъ (à la Krügern), но остальное выше моихъ силъ, и я могу сказать, что сердце мое разбито поступками сына, который долженъ бы былъ питать ко мнѣ самую нѣжную признательность. Если вы можете, дорогое дитя, найти средство устроить дѣла Людвига и поставить его въ рѣшительную невозможность дѣлать долги, вы этимъ чрезвычайно обязали бы меня, въ особенности если вы можете пощадить меня отъ подробностей, которыя изобличаютъ въ Людвигѣ такъ мало здраваго смысла, что я испытывала всякій разъ жестокое потрясеніе, а это можетъ только вредно отзываться на моемъ здоровьѣ при настоящихъ обстоятельствахъ. Я думаю, что кредиторы обратятся къ принцу (Фридриху-Евгенію). У меня нѣтъ ни средствъ, ни силъ воспрепятствовать тому. У Людвига 8000 экю дохода. Мнѣ кажется, ему слѣдуетъ жить на половину этого дохода и воздерживаться затѣмъ отъ многихъ расходовъ, которые въ сложности превосходятъ эту сумму; въ этомъ заключается единственное средство привести его дѣла въ порядокъ. Вотъ, дорогое дитя, мои мысли» [55]).

Нѣтъ сомнѣнія, что приведеніе дѣлъ принца Людвига въ порядокъ не обошлось безъ денежнаго участія въ этомъ сестры его, тревога которой была тѣмъ сильнѣе, что извѣстіе о безпорядочной жизни брата могло бы вредно дѣйствовать на состояніе здоровья ея отца, жестоко страдавшаго въ то время отъ послѣдствій своей Кунерсдорфской раны [56]). Разумѣется, эти неожиданные и крупные расходы на членовъ Монбельярской семьи и на пенсіи лицамъ, связаннымъ съ нею, тяжело отзывались на состояніи денежныхъ дѣлъ великокняжеской четы, вообще очень бережливой и скромной въ своемъ образѣ жизни [57]).

Вслѣдъ затѣмъ принцъ Людвигъ нашелъ случай поправить

---

[55]) *Архивъ Павловскаго дворца*, письмо отъ 4 Іюля 1783 г.

[56]) Тамъ же.

[57]) Именно новыми расходами на Монбельярскую семью должны быть объяснены тѣ платежи по «извѣстному» займу, о которыхъ Марія Θеодоровна писала отцу 30 М[illegible]аралась», сообщала она ему, «устроить дѣло сколько в[illegible]ъ тремъ лицамъ... Льщу себя надеждой, что в[illegible]тію». *Сборникъ*, XV, 13.

свои дѣла богатой женитьбой, но тѣмъ едва было не возстановилъ противъ своей семьи императрицы. Влюбившись въ княжну Маріанну Чарторыйскую, отецъ которой, очень богатый магнатъ князь Адамъ, принадлежалъ къ противной королю Станиславу партіи, принцъ Людвигъ обратился въ 1784 г. за разрѣшеніемъ жениться на ней къ своимъ родителямъ, которые, въ свою очередь, чрезъ Марію Θеодоровну, спрашивали мнѣнія о томъ Екатерины. «Я только что получила», писала ей Марія Θеодоровна, «письмо отъ своихъ родителей, которые, повергая себя къ стопамъ вашего императорскаго величества, поручаютъ мнѣ, въ виду довѣрія, внушеннаго имъ вашими благородными дѣйствіями, умолять васъ, дорогая матушка, удостоить ихъ своего совѣта по слѣдующему дѣлу. Мой братъ Людвигъ, имѣя случай познакомиться съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ и съ его дочерью, влюбился въ нее. Испробовавъ почву, онъ нашелъ, что родители молодой княжны очень расположены отдать ее ему въ супружество съ приданымъ въ 36—40 тысячъ экю ежегоднаго дохода. Такъ какъ, съ другой стороны, происхожденіе молодой княжны таково, что даже по самымъ строгимъ Германскимъ законамъ этотъ бракъ не можетъ считаться неравнымъ, то мой братъ тотчасъ написалъ моимъ родителямъ, прося ихъ разрѣшенія. Хотя мои родители находятъ эту партію довольно подходящею какъ по происхожденію молодой княжны, такъ и по имуществу, которое она принесетъ съ собою теперь и котораго можетъ, кромѣ того, ожидать въ будущемъ, но они всецѣло полагаются въ своихъ желаніяхъ на волю вашего императорскаго величества, горячо желая заслужить одобреніе вашего императорскаго величества всѣми своими поступками. Позволяю себѣ просить васъ, дорогая матушка, увѣдомить меня о своемъ рѣшеніи простымъ *да* или *нѣтъ* и видѣть въ этомъ безграничномъ довѣріи самое убѣдительное доказательство моего уваженія и моей привязанности» [58]).

На этотъ бракъ Екатерина не могла, однако, согласиться по политическимъ соображеніямъ. Какъ видно изъ позднѣйшей переписки ея съ Русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ, Штакельбергомъ, она предполагала, что этотъ бракъ принца Людвига, брата супруги наслѣдника Русскаго престола, можетъ повлечь за собою дѣйствія, которыя клонились бы къ тому, чтобы про-

---

[58]) *Госуд. Арх.*, IV, 118. Письмо безъ даты.

ложить дорогу къ Польскому престолу или новобрачному, или его тестю [59]); это она не считала совмѣстнымъ съ Русскими интересами. Это предположеніе императрицы имѣло свою долю вѣроятности: недаромъ Монбельярское семейство лѣтъ шесть тому назадъ мечтало о Курляндскомъ престолѣ. Тѣмъ болѣе раздражена была Екатерина, узнавъ, что принцъ Людвигъ уже женился 28 Октября 1784 года на княжнѣ Чарторыйской, вопреки ея волѣ, переданной его родителямъ чрезъ Марію Θеодоровну; она даже склонна была подозрѣвать, что принцъ поступилъ такимъ образомъ не безъ тайнаго одобренія родителей и своей Русской сестры, и ясно дала понять это Маріи Θеодоровнѣ, напоминая ей о ея обязанностяхъ, какъ Русской великой княгини [60]). Съ своей стороны Монбельярская чета очутилась въ очень трудномъ положеніи: нельзя было не принять новобрачныхъ, но нельзя было и сдѣлать это изъ боязни раздражить могущественную свою покровительницу. И изъ этой бѣды пришлось Маріи Θеодоровнѣ выводить своихъ родныхъ: она писала г-жѣ Оберкирхъ [61]), поручая ей привезти новобрачныхъ въ Этюпъ и склонить принца Фридриха-Евгенія къ прощенію ослушнаго сына и въ то же время употребляла всѣ свои силы и всѣ возможныя средства, чтобы смягчить разгнѣванную императрицу [62]). Нужны были вся мягкость души Маріи Θеодоровны и все ея терпѣніе, чтобы примирить, хотя и не-

---

[59]) *Русская Старина*, III, 324.

[60]) *Сборникъ*, XXVII, 354: «Lorsque vos parents, ma chère fille, et vous m'avez demandé mon avis sur le mariage de votre frère, je vous ai dit mon sentiment avec franchise, comme à ma fille et *à une Grande Duchesse de Russie*; les intrigues qui ont manigancé ce mariage ayant prévalu, et conclusion s'en etant suivi, vous ne pouvez pas empêcher votre belle soeur de l'être, mais comme la conduite de mr. votre frère vis-à-vis de ses parénts m'est tout-à-fait inconnue, je me dispenserai comme de raison d'y prendre part». Это письмо было отвѣтомъ Екатерины на вопросъ Маріи Θеодоровны (*Госуд. Арх.*, IV, 118), можетъ-ли она принять письмо, полученное ею отъ новой своей невѣстки.

[61]) *Oberkirch*, II, 167—168. Г-жа Оберкирхъ вслѣдъ затѣмъ обычнымъ, трогательнымъ тономъ описываетъ сцену примиренія между отцомъ и сыномъ.

[62]) Любопытно, напр., слѣдующее письмо Маріи Θеодоровны къ Екатеринѣ безъ даты: «Votre Majesté Impériale est habituée à recevoir de requets signés d'une personne, mais moi j'ose lui en présenter une signée par six frères, qui demandent grâce pour un septième. La quirielle des nous est un peu longue, mais elle verra du moins dans cette demande que toute une famille compte les bontés, comme sur leur appui le plus assuré. Si vous daign pas être contraire au pardon que mes parents sont portés à

скоро, державную свекровь съ своими родителями. Но это не помѣшало Екатеринѣ принять мѣры на случай возможныхъ политическихъ послѣдствій отъ брака принца Людвига.

Немало хлопотъ доставлялъ Маріи Θеодоровнѣ въ самой Россіи другой ея братъ, принцъ Фридрихъ. тяжелый характеръ котораго сказывался прежде всего на отношеніяхъ его къ женѣ своей, принцессѣ Августѣ-Зельмирѣ. Еще въ Октябрѣ 1782 г., тотчасъ по пріѣздѣ супруговъ въ Россію, Екатерина писала Потемкину: «Виртембергская принцесса пріѣхала въ четвергъ: у ней въ Эрмитажѣ глаза были такъ распухши и расплаканы. что жалко было смотрѣть: они, сказываютъ, живутъ какъ кошка съ собакой» [63]). Сначала Екатерина не считала принца Фридриха виновникомъ этихъ семейныхъ несогласій, основываясь на разсказахъ жены Прусскаго посланника Герца и сохранивъ благопріятное впечатлѣніе о принцѣ со времени перваго его пріѣзда въ Россію; но истина не замедлила выясниться, и Екатерина, не колеблясь, приняла сторону Зельмиры. Къ счастію для принцессы, принцъ Фридрихъ съ Мая 1783 г. болѣе полугода провелъ въ разлукѣ съ нею въ Херсонѣ въ ожиданіи войны съ Турками, въ которой онъ хотѣлъ принять участіе; но уже въ Августѣ онъ писалъ оттуда Маріи Θеодоровнѣ, требуя отъ ней доложить императрицѣ свое желаніе увидѣться съ женою, прося или ее отпустить къ нему въ Херсонъ, или вызвать его въ Петербургъ [64]). На первую просьбу Екатерина не согласилась, тѣмъ болѣе, что въ то время на югѣ свирѣпствовала чума, на вторую тѣмъ охотнѣе дала свое соизволеніе, что принцъ, со свойственной ему беззастѣнчивостью, хвастался въ письмѣ къ тестю, герцогу Брауншвейгскому, что онъ будто бы одну часть Херсона охранилъ отъ язвы, а другую не могъ,

[illegible], un seul oui, qu'elle me permettrait de rendre à mes parents de sa part, rendrait le calme et l'union à toute la famille qui a été demandé à genoux à mes parents par toute la quirielle des frères présents et par des lettres des absents, lors de la mort de ma soeur (принцессы Фредерики) et du jour de [illegible] de ma mère. Mais comme nous voulons devoir toute notre satisfaction [illegible], ce pardon tant désiré ne dépend plus que d'un oui, quelle prononce, qu'elle daigne accorder cette faveur à toute ma famille qui vous est attachée par respect et reconnaissance. Je suis à ses pieds». *Госуд. Арх.* IV, 118.

[63]) [illegible], XXVII, 218.

[64]) *Госуд. Арх.*, IV, 118. Письмо Маріи Θеодоровны къ императрицѣ Ека-

но съ корпусомъ своимъ въ числѣ 28,000 въ цѣлости остался» [65]). Узнавъ объ этомъ изъ перлюстраціи, Екатерина не могла, конечно, остаться довольною такою ложью. Съ возвращеніемъ принца Фридриха въ Петербургъ, несогласія его съ женою возобновились, служа предметомъ всеобщихъ толковъ. Не смотря на это, ради Маріи Θеодоровны, Екатерина продолжала благосклонно относиться къ Виртембергскому принцу и пожаловала въ 1784 г. ему имѣніе въ Финляндіи (извѣстное впослѣдствіи Монрепо близъ Выборга), а принцессѣ—домъ въ Петербургѣ и Екатерининскій орденъ. Но въ Апрѣлѣ 1785 г. между супругами произошла окончательная ссора: принцъ билъ свою жену, таскалъ ее за волосы и, наконецъ, заперъ ее подъ ключъ въ отдѣльную комнату. Это событіе побудило Екатерину отправить принца Фридриха къ мѣсту его служенія, въ Выборгъ, и хотя вслѣдъ затѣмъ между супругами произошло примиреніе, и они снова зажили въ Петербургѣ, но императрица установила за принцемъ надзоръ и стала думать объ устройствѣ будущности Зельмиры [66]).

При такихъ тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ протекли первые два года жизни Маріи Θеодоровны по возвращеніи ея изъ-за границы. Она могла находить себѣ поддержку только въ чистой и глубокой любви къ себѣ мужа. Но въ скоромъ времени судьба лишила ее и этого утѣшенія: въ характерѣ Павла Петровича въ описываемое время наступилъ переломъ, и терпѣніе великой княгини и съ этой стороны подверглось испытанію.

---

[65]) *Сборникъ*, XXVII, 287.

[66]) Извѣстія эти собраны у *Кобеко*, 315—316.

VIII.

(1784—1789 гг.)

Переломъ въ характерѣ Павла Петровича.—Воинскія его упражненія.—Характеръ участія его въ международной политикѣ, его противодѣйствіе планамъ матери. — Судьба сестеръ Маріи Ѳеодоровны: Фредерики Ольденбургской и Елисаветы Австрійской. — Семейныя дѣла ея братьевъ: Фридриха и Людвига.—Неудовольствіе Екатерины на Фридриха и удаленіе его изъ Россіи. — Рожденіе великихъ княженъ: Елены Павловны и Маріи Павловны.—Путешествіе Екатерины въ Новороссію.—Вѣсти изъ Германіи. — Война съ Турціей и братья Маріи Ѳеодоровны: Фридрихъ и Карлъ. — Войнолюбивыя склонности Павла Петровича.—Рожденіе Екатерины Павловны.—Завѣщаніе Павла и его участіе въ войнѣ со Швеціей.

Въ 1784 г. Павлу Петровичу исполнилось 30 лѣтъ. Съ наступленіемъ этого возраста въ характерѣ великаго князя совершается замѣтная перемѣна. Любезность, живость, общительность великаго князя, вызывавшія къ нему сочувствіе еще такъ недавно во время его заграничнаго путешествія, мало-помалу покидаютъ цесаревича, и онъ постепенно превращается въ задумчиваго, угрюмаго, желчно настроеннаго человѣка. Горькое сознаніе безотрадности своего положенія, при отсутствіи сколько-нибудь основательной надежды на улучшеніе его въ будущемъ, угнетающимъ образомъ дѣйствовало на воспріимчивую душу Павла.

«Me voilà à 30 ans sans rien faire», писалъ онъ 10 Іюня 1784 г. во Франкфуртъ графу Н. П. Румянцову. «Je ne m'en plains pourtant pas. Je me soumet à la volonté de Dieu et je me console» [1]. «Ma tranquillité, je vous jure, n'est pas fondé sur le plus ou moins de calme, qui m'environne, mais sur ma consience et sur la conviction qu'ils existent des biens inaltérables par aucune

[1]) *Госуд. Арх.*, V, 183.

puissance temporelle auxquels on peut aspirer. Cela me console de bien des choses et me met au dessus, et c'est ce qui me remplit de patience, que bien de gens prennent pour quelque chose de morne dans mon caractère; mais c'est cette même patience, qui fait que je n'y fais nulle attention» [2]). «Quant à ma conduite, vous savez, que je cherche à la diriger par ma conscience et que je ne puis rien faire si celle-la n'est pas d'accord. Au reste, je ne sais par quoi j'aurais pu mériter particulièrement le moindre éloge. Cette même conscience toujours m'indique de faire mon devoir, et je le fais. Peut-être se sera-t-il rencontré un cas plus saillant qu'un autre, et c'est tout» [3]). Въ этихъ словахъ Павелъ Петровичъ оставался вѣренъ самому себѣ, своимъ давнимъ стремленіямъ къ правдѣ, къ нравственному усовершенствованію: онъ ставилъ для себя на первомъ планѣ обязанности къ матери и отечеству. Но постоянное упражненіе Павла въ терпѣніи, въ сдержанности, должно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыгоднымъ образомъ отозваться на характерѣ его психической дѣятельности, тѣмъ болѣе, что обязанности цесаревича къ отечеству, своеобразно имъ понимаемыя, находились въ полномъ противорѣчіи съ обязанностями его по отношенію къ матери. Искренній цесаревичъ не могъ притворяться, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и онъ, и Екатерина, сходились въ желаніи видѣться другъ съ другомъ какъ можно рѣже [4]). Гатчина и Павловскъ были мѣстами, гдѣ Павелъ Петровичъ могъ укрыться отъ взоровъ матери и двора ея съ сумрачнымъ своимъ видомъ и сумрачными мыслями. Здѣсь только великій князь въ обществѣ своей супруги и небольшаго, сильно порѣдѣвшаго за послѣднее время кружка своихъ друзей, долженъ былъ чувствовать себя дома. Къ сожалѣнію, и въ этомъ домашнемъ кружкѣ Павелъ уже не находилъ того, что́ имѣлъ въ немъ прежде: недоставало ему Панина, твердаго, разумнаго руководителя, совѣты котораго, на ряду съ нѣжной, женской заботливостію Маріи Өеодоровны, давали отчасти возможность великому князю разбираться въ его трудномъ положеніи и поддерживали его душевное равновѣсіе. Потеря Па-

---

[2]) Тамъ же. Письмо отъ 27 Февраля 1784 г.

[3]) Тамъ же. Письмо отъ 2 Апрѣ[illegible]

[4]) Мнѣніе, будто Екатеринѣ [illegible] Павла Петровича въ лѣтнія резиденціи [illegible] изъ писемъ Екатерины къ Г[illegible] дорожила обществомъ сы[illegible]

нина была тѣмъ чувствительнѣе, что онъ былъ единственный человѣкъ, къ голосу котораго Павелъ Петровичъ привыкъ съ самаго дѣтства относиться съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Марія Ѳеодоровна, при всей своей женственности и любви своей къ супругу, не въ состояніи была оказывать большаго вліянія на его рѣзкій, мечтательный умъ. Лишившись опоры въ Панинѣ и мучимый нравственной борьбой, Павелъ всего менѣе могъ искать выхода въ сентиментализмѣ Маріи Ѳеодоровны, въ ея спокойномъ, здоровомъ отношеніи къ дѣйствительности, которое позволяло ей мириться съ обстоятельствами и примѣняться къ нимъ, отдыхая на занятіяхъ искусствами и хозяйственныхъ хлопотахъ по Павловску и Гатчинѣ и развлекаясь театральными представленіями, литературными чтеніями и невинными играми въ домашнемъ кружкѣ Бенкендорфовъ, Николаи, Лафермьера и др. Павелъ, всегда глубоко религіозный, обратился за помощью къ религіи, сталъ читать книги духовно-нравственнаго содержанія, подолгу молился Богу и, наконецъ, по связи своей съ масонами, отдался руководительству С. И. Плещеева, воспринимая его мистическія, нравственныя наставленія.

Упражняясь такимъ образомъ въ терпѣніи, Павелъ Петровичъ продолжалъ, однако, упражняться и въ своихъ обязанностяхъ: по-прежнему внимательно слѣдилъ за внутреннею и внѣшнею политикой Екатерины и по-прежнему работалъ въ тиши своего кабинета, составляя проекты въ духѣ, противоположномъ дѣйствіямъ матери. Въ то же время, помня слова Петра Ивановича Панина, что «ничего нѣтъ свойственнѣе, какъ хозяину мужскаго пола распоряжать собственно самому и управлять всѣмъ тѣмъ, что̀ защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость какъ его собственной особы, такъ и государства» [5]), цесаревичъ, подъ предлогомъ необходимости очистить окрестности Гатчины и Павловска отъ бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, сформировалъ себѣ небольшое войско, которое съ 1787 г. состояло уже изъ трехъ батальоновъ. Въ основу военнаго устава положена была инструкція Фридриха II, войско одѣто было въ Прусскую военную форму, дисциплина введена была строгая до жестокости. Вообще Павелъ постарался возродить въ своихъ батальонахъ тѣ самые «обряды неудобоносимые», которые, по

[5]) *Лебедевъ*, 244.

словамъ Екатерины, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножили, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ». Офицеры были большею частью Нѣмцы, а первымъ командиромъ назначенъ Пруссакъ, баронъ Штейнверъ. Можно также думать, что немалую долю вліянія на устройство Гатчинскихъ войскъ оказалъ и бывшій въ то время въ Россіи братъ Маріи Ѳеодоровны, отставной Прусскій генералъ, принцъ Фридрихъ, который воспринялъ отъ стараго «короля-философа», кажется, одну лишь его склонность къ капральству [6]). Содѣйствіемъ этого опытнаго Прусскаго экзерцирмейстера Павелъ не могъ, разумѣется, не воспользоваться въ видахъ бо́льшаго сходства своихъ батальоновъ съ Прусскими. Любопытно, что нѣтъ нигдѣ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобъ Екатерина противодѣйствовала образованію собственныхъ войскъ у Павла Петровича, между тѣмъ какъ близость ихъ къ Царскому Селу, любимому лѣтнему мѣстопребыванію Екатерины, облегчала возможность какого либо «дѣйства» со стороны устраненнаго отъ дѣлъ цесаревича. Это, намъ кажется, служитъ лучшимъ доказательствомъ увѣренности императрицы въ томъ, что ея сынъ не только не захочетъ, но и не посмѣетъ сдѣлать враждебное ей употребленіе изъ своихъ батальоновъ; она смотрѣла на нихъ только, какъ на забаву для великаго князя и хорошо знала, что въ арміи и въ народѣ они возбуждали къ себѣ однѣ только насмѣшки: до такой степени Гатчинцы Павла напоминали собой Голштинцевъ Петра III!

Иначе смотрѣлъ на свои военныя занятія Павелъ Петровичъ. Увѣренный въ превосходствѣ своихъ военныхъ порядковъ, онъ въ обученіи Гатчинскихъ войскъ видѣлъ средство къ возрожденію Русской арміи, не смотря на славу побѣдъ своихъ въ Екатерининское время стоявшей очень низко въ глазахъ его, а преобразовательную дѣятельность свою въ этомъ отношеніи сравнивалъ... съ дѣятельностью Петра Великаго! О своемъ Прусскомъ капитанѣ Павелъ говорилъ: «этотъ будетъ у меня таковъ, каковъ былъ Лефортъ у Петра I» [7]). Вѣроятно для бо́льшаго

---

[6]) Это вліяніе Фридриха II сознавали сами Виртембергскіе принцы. Графъ *Сухтеленъ* отмѣтилъ въ 1816 г. въ своей записной книжкѣ: «За обѣдомъ говорили о великомъ Фридрихѣ. Принцъ Виртембе[illegible] сказалъ: «Я упрекаю его только въ одномъ: онъ [illegible] ство вкусъ къ капральству». *Русскій Архивъ*, [illegible]

[7]) *Русская Старина*, XVI, 7.

сходства съ Петромъ, заведена была на Гатчинскихъ прудахъ и флотилія, находившаяся подъ командою С. И. Плещеева и Г. Г. Кушелева. Наконецъ, въ Павловскѣ сооружена была «крѣпость» Маріенталь, вооруженная 20 орудіями. Вся эта игра въ солдаты, имѣвшая въ сущности значеніе развлеченія для скучавшаго великаго князя, впослѣдствіи, однако, сообщила свой характеръ и пріемы всей Русской арміи и долго проявляла свою притягательную силу и живучесть, начертывая ихъ на печальныхъ страницахъ Русскаго военнаго быта.

Показывая такимъ образомъ явное неодобреніе военной системѣ, принятой Екатериной, Павелъ въ тайнѣ противодѣйствовалъ въ описываемое время и ея внѣшней политикѣ. Эти происки, конечно, мало вязались съ «обязанностями» вѣрноподданнаго, но, безъ сомнѣнія, извинялись въ глазахъ Павла затруднительностію его положенія и его «обязанностями» къ отечеству. И, разумѣется, Марія Ѳеодоровна и Нѣмцы, окружавшіе великокняжескую чету, своими симпатіями и образомъ мыслей скорѣе должны были содѣйствовать тайнымъ дружественнымъ отношеніямъ Павла съ Пруссаками и ихъ союзниками, чѣмъ благоразумно воздерживать его отъ неосмотрительныхъ шаговъ по этой опасной дорогѣ. Напротивъ, есть даже указаніе, относящееся, правда, къ позднѣйшему времени, что самъ Павелъ Петровичъ, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ горькаго опыта, охладѣвшій къ Пруссіи, не всегда доволенъ былъ Нѣмецкими сочувствіями своей супруги и ея приближенныхъ, въ особенности г-жи Бенкендорфъ [8]), хотя провѣрить справедливость этой жалобы и уяснить себѣ, насколько эти сочувствія Маріи Ѳеодоровны и ея подруги отзывалось на ихъ дѣйствіяхъ, можно, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ по необнародованнымъ еще документамъ Берлинскихъ архивовъ [9]). Тайными посредниками по

---

[8]) Весьма важно было бы уяснить вопросъ какъ о происхожденіи г-жи Бенкендорфъ, женщины умной и твердой, такъ и о характерѣ ея личности, такъ какъ высокія нравственныя качества Бенкендорфъ, безъ сомнѣнія, не только не ослабляли ея чувствъ къ фатерланду, но, напротивъ, должны были укрѣплять ихъ; между тѣмъ, ея образъ мыслей, при ея вліяніи на царственную подругу, оказывалъ дѣйствіе и на Павла. Строго говоря, г-жа Бенкендорфъ была для Маріи Ѳеодоровны постояннымъ, милымъ и дорогимъ напоминаніемъ о родинѣ, и въ этомъ смыслѣ ея пріѣздъ въ Россію имѣлъ очень важное значеніе.

[9]) У Stark'a (51—53) напечатаны лишь нѣкоторыя письма Маріи Ѳеодоровны къ Фридриху II, неважныя въ политическомъ отношеніи.

сношеніямъ Павла Петровича съ Берлиномъ были попрежнему Гёрцъ, Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, и Русскій агентъ въ Берлинѣ Алопеусъ, Финнъ по происхожденію, другъ Гёрца и креатура Панина. На этотъ разъ отъ Павла Петровича Фридрихъ II ожидалъ серьезныхъ услугъ при обстоятельствахъ, грозившихъ лишить Пруссію значенія, которымъ она пользовалась въ Германіи. Іосифъ II, заручившись содѣйствіемъ Екатерины, задумалъ достигнуть завѣтной своей цѣли—присоединенія Баваріи къ Австрійскимъ владѣніямъ посредствомъ обмѣна ея на принадлежавшія ему Нидерланды. Курфирстъ Баварскій, Карлъ-Теодоръ, былъ согласенъ съ планомъ Іосифа, но нужно было и согласіе его наслѣдника, герцога Карла Цвейбрюкенскаго. Усиленіе Австріи Баваріей, въ связи съ другими планами Іосифа, лишало Пруссію ея значенія въ Германіи, и Фридрихъ II старался, съ одной стороны, побудить Карла Цвейбрюкенскаго къ отказу въ своемъ согласіи на предположенный обмѣнъ Баваріи, а съ другой—образовать союзъ Германскихъ князей, направленный противъ Австріи и ея союзницы, Россіи. Этимъ стараніямъ Прусскаго короля Павелъ Петровичъ выразилъ полное свое сочувствіе и даже, насколько могъ, дѣйствовалъ въ пользу ихъ осуществленія. Сообщивъ Павлу Петровичу свой проектъ союза князей [10]), Фридрихъ имѣлъ утѣшеніе получить отъ него черезъ Гёрца отзывъ, что онъ больше всего на свѣтѣ желаетъ соединенія князей, которое кажется ему весьма важнымъ для интересовъ Прусскаго короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ склонялъ Саксонію принять планъ Фридриха [11]). Есть указанія, хотя неясныя, что Павелъ сносился и съ герцогомъ Цвейбрюкенскимъ [12]); мало того, онъ убѣждалъ, правда безуспѣшно, Русскаго посланника въ Германіи, графа Н. П. Румянцова, измѣнить своему долгу и дѣйствовать въ пользу Пруссіи, обѣщая ему за то со временемъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ [13]). Въ концѣ концовъ цесаревичъ не усумнился

---

[10]) Документъ этотъ находится въ *Госуд. Арх.*, XV, 248.

[11]) *Трачевскій:* Союзъ князей, 282.

[12]) Письмо Павла Н. П. Румянцову отъ 21 Сентября (2 Октября) 1784 г., *Госуд. Арх.* V, 183. Замѣчательны въ этомъ же письмѣ слова Павла: «Ne relevez de grâce rien de ma conduite et laissez au temps le soin d'éclaire mes actions. Je n'ai et n'aurai pour but que Dieu dans tout ce que je fais je souffre avec résignation».

[13]) *Трачевскій*, 137.

даже играть роль развѣдчика при дворѣ своей матери, сообщая королю интересныя для него политическія свѣдѣнія. Во всѣхъ этихъ поступкахъ Павла Петровича, столь рѣзко противорѣчившихъ его рыцарскому характеру, легко видѣть развращающее вліяніе неразборчиваго на средства короля-философа, который, сдѣлавъ своимъ орудіемъ наслѣдника Русскаго престола, не гнушался въ это же самое время и съ тою же цѣлью темными путями развращать, возбуждая его противъ матери, и другаго сына Екатерины, А. Г. Бобринскаго, который тогда находился въ Парижѣ и велъ предосудительный образъ жизни. «Не сомнѣвайтесь», писала по этому поводу Гримму Екатерина 21 Апрѣля 1786 года, «что это продѣлки Ирода: доказательства этого у меня подъ рукой... Нужно, чтобъ вы знали, что проклятая шайка Гёрца создала въ головѣ Бобринскаго несуществующій призракъ, который онъ считалъ своимъ врагомъ, хотя этотъ мнимый врагъ (т. е. вѣроятно, Екатерина) никогда ничьимъ врагомъ не былъ» [14]).

Но, конечно объ этихъ дѣйствіяхъ Фридриха Павлу не было извѣстно, и старый король до смерти своей (1786 г.) былъ предметомъ особаго почтенія великаго князя и его супруги. Въ то самое время, какъ Екатерина съ негодованіемъ писала Гримму о каверзахъ Фридриха, Марія Θеодоровна нѣжно выражала ему свою глубокую привязанность въ письмѣ, которое, какъ видно изъ его содержанія, нельзя считать обычнымъ, оффиціальнымъ обмѣномъ любезностей [15]). Послѣдовавшая затѣмъ смерть короля-философа, великаго и въ большихъ, и въ малыхъ дѣлахъ, не

---

[14]) *Сборникъ*, XXIII, 376.

[15]) Sire, mon trés cher Oncle. Je ne saurai faire échapper *l'occasion sûr* qui se présente sans rapeller au souvenir de Votre Majesté une nièce qui Lui est tendrement attachée et qui trouve son bonheur à Vous porter ces sentiments. Que ne puis-je jouir encore une fois de la satisfaction de Vous revoir, mon cher oncle, et de Vous rendre témoin de ma félicité commencée sous Vos yeux et sous Vos auspices. Tous mes voeux tendent à la conservation de Votre Majesté, puisse-t-Elle jouir bien longtemps encore de la santé la plus parfaite. Veuillez songer quelque fois à nous et Vous dire, Sire, que *nos sentimens pour Vous sont à l'abri de tout évenement* et que je Vous chérirai et honorerai aussi longtems qu'un souffle de vie animera celle, qui a l'honneur de se nommer, Sire, mon trés cher Oncle, de Votre Majesté, etc. St. Pétersburg, ce 8 (19) April 1786. *Stark*, 53.—Къ сожалѣнію, только одно это письмо и напечатано изъ всего собранія писемъ Маріи Θеодоровны къ Фридриху за время 1780—1786 г., находящихся въ Берлинскихъ архивахъ.

измѣнила ничего въ отношеніяхъ великокняжеской четы къ Берлину, и Павелъ Петровичъ по прежнему продолжалъ дѣйствовать въ пользу Пруссіи, въ ущербъ намѣреній своей матери [16]). Невозможно допустить, чтобы императрица не имѣла свѣдѣній объ этихъ поступкахъ сына: о его слѣпомъ сочувствіи къ Пруссіи знали даже всѣ иностранные дворы.

Искренность чувствъ Маріи Ѳеодоровны къ Пруссіи болѣе всего измѣряется тѣмъ обстоятельствомъ, что семейныя дѣла Монбельярской семьи требовали тогда особой деликатности по отношенію къ Австріи, такъ какъ до совершенія брака принцессы Елисаветы съ Францемъ Тосканскимъ положеніе принцессы, жившей въ Вѣнѣ на правахъ невѣсты, не могло считаться совершенно прочнымъ: будучи плодомъ политическихъ соображеній Іосифа и Екатерины, предположенный бракъ, въ силу тѣхъ же соображеній, могъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сдѣлаться и нежелательнымъ. Неудивительно поэтому, что Монбельярская семья зорко слѣдила за колебаніями политическаго барометра и била тревогу иногда по поводу и ложныхъ слуховъ, распускавшихся о намѣреніяхъ императора злонамѣренными людьми (вѣроятно, Прусскаго происхожденія). Какъ всегда, и въ этихъ случаяхъ Маріи Ѳеодоровнѣ приходилось быть посредницею между своими родителями и Екатериной, къ которой они, чрезъ посредство дочери, обращались съ своими жалобами и просьбами о совѣтѣ и помощи. Образчикомъ этой посреднической дѣятельности Маріи Ѳеодоровны служитъ переписка ея съ Екатериной и съ принцемъ Фридрихомъ-Евгеніемъ, отцомъ ея, съ 1784 года. На сколько иногда основательны были опасенія родныхъ Маріи Ѳеодоровны, видно изъ письма ея къ отцу отъ 30 Мая этого года: «Послѣ того, что сказала ея величество», писала она, мнѣ ничего не остается прибавить, развѣ только то, что, по совѣсти сказать, я думаю, дорогой отецъ, судьба сестры моей окончательно рѣшена, и ничто въ мірѣ не можетъ помѣшать этому. Императрица устроила этотъ бракъ, она устранила всѣ препятствія: какъ же послѣ этого возможно, чтобы составляли планъ по дѣлу сестры моей, не испросивъ одобренія императрицы послѣ того, какъ она доказала всей Европѣ, что удостоиваетъ Лизу своего покровительст[illegible] же, ради Бога, дорогой отецъ, отъ опасені[illegible]о рисуютъ

[16]) *Трачевскій*, 407—4

ваше отцовское сердце; я осмѣлюсь повторить и говорю это передъ Богомъ, что думаю, что Лиза счастлива и что счастіе ея будетъ постоянно, такъ какъ, кромѣ покровительства императрицы, она, по словамъ всѣхъ, съумѣла заслужить уваженіе императора мягкостію своего характера и замѣчательнымъ прилежаніемъ. Такъ какъ вы дозволили мнѣ, дорогой отецъ, совершеннѣйшую откровенность, то я признаюсь вамъ, что думаю, что были личности злонамѣренныя, а можетъ быть и по невѣдѣнію поселившія безпокойство въ вашемъ сердцѣ, а сердце отца, особенно столь нѣжнаго, милостиваго и добраго, какъ вы, очень легко тронуть, когда дѣло идетъ о столь любимой дочери. Но, обожаемый и дорогой батюшка, во всемъ этомъ дѣлѣ моей сестры положитесь совершенно на императрицу, и въ такомъ случаѣ я убѣждена въ счастіи моей сестры » [17]). Тревожный тонъ этого письма великой княгини объясняется тѣмъ, что принцъ Фридрихъ-Евгеній, не дожидаясь отвѣта отъ дочери, на основаніи однихъ слуховъ, уже писалъ Іосифу, выражая ему свое недовѣріе, и вызвалъ этимъ неудовольствіе и самаго Іосифа, и Екатерины. Между тѣмъ родителямъ Маріи Θеодоровны слѣдовало въ особенности осторожно относиться къ Іосифу, такъ какъ онъ имѣлъ и другія причины быть недовольнымъ Монбельярскимъ семействомъ: когда принцесса Софія-Доротея, мать Маріи Θеодоровны, хотѣла пріѣхать въ Вѣну, то Іосифъ приказалъ Кауницу отклонить это посѣщеніе, потому что, по его предположенію, гостья непремѣнно станетъ выпрашивать денегъ [18]).

Въ концѣ 1785 г. Марію Θеодоровну постигъ сердечный ударъ — кончина второй сестры ея Фредерики († 13 Ноября), бывшей замужемъ за герцогомъ Ольденбургскимъ. Любовь свою къ сестрѣ Марія Θеодоровна перенесла на мололѣтнихъ дѣтей ея—принцевъ: Августа (р. 1783 г.) и Георга (р. 1784 г.). Связанные двойными узами родства съ Русскимъ императорскимъ домомъ, принцы эти, пришедши въ возрастъ, вступили затѣмъ въ Русскую службу; а младшему изъ нихъ, принцу Георгу, благодаря вниманію къ нему Маріи Θеодоровны, удалось въ Россіи же окончательно устроиться.

Забота о сестрахъ, связанная по преимуществу съ ходомъ политическихъ дѣлъ, не доставляла, однако, Маріи Θеодоровнѣ

---

[17]) *Сборникъ*, XV, 12—13.

[18]) *Трачевскій*, 261.

тѣхъ огорченій, какія приходилось ей выносить, по чисто-семейнымъ обстоятельствамъ, отъ братьевъ своихъ: Фридриха и Людвига, славившихся грубостію и жестокостію характера. Оба они крайне дурно обращались съ своими женами, и если поведеніе принца Фридриха можно было бы хотя отчасти объяснить тѣмъ принужденіемъ, съ которымъ онъ вступалъ въ бракъ съ Зельмирой [19]), и даже, пожалуй, его необузданною ревностію [20]): то грубые поступки съ женой принца Людвига, такъ еще недавно женившагося будто бы по страсти, не могутъ не вызывать удивленія. Не прошло и года съ того времени, какъ, благодаря просьбамъ Маріи Ѳеодоровны, принцъ Людвигъ прощенъ былъ своими родителями, признавшими бракъ его съ княжной Чарторыжской, а уже разнеслись слухи, что молодые супруги не живутъ между собою въ согласіи. Въ концѣ 1785 года Екатерина сообщила отцу Зельмиры, герцогу Брауншвейгскому, о поведеніи его зятя, принца Фридриха, въ Петербургѣ, а въ отвѣтъ на это герцогъ Брауншвейгскій прислалъ императрицѣ подобныя же свѣдѣнія о Людвигѣ. «Мнѣ было чрезвычайно пріятно», писала Екатерина Гримму 3 Ноября 1785 г., «узнать изъ письма министра Зельмирина родителя, что страсть къ палочной расправѣ прирожденна въ семействѣ супруга: этимъ подтверждается моя собственная догадка. Дѣло въ томъ, что всѣ они дурно воспитаны; этимъ пристрастіемъ къ палкѣ они желаютъ заявить свои военныя способности, я и считаю ихъ всѣхъ записными капралами. Если братецъ Людвигъ не уймется колотить свою жену, то его Полька, думаю, долго съ нимъ не поживетъ. Польки не отличаются терпѣніемъ, и онъ очутится безъ денегъ и безъ жены, совсѣмъ какъ его Датскій братецъ (четвертый братъ Маріи Ѳеодоровны, Вильгельмъ, находившійся въ Датской службѣ) очутился безъ прислуги послѣ палочной

---

[19]) См. V главу нашего труда.

[20]) Впрочемъ, даже г-жа Оберкирхъ, столь привязанная къ Монбельярскому семейству, не рѣшается оправдывать принца Фридриха. «Принцесса Августа (Зельмира), пишетъ она, позволяла себѣ нѣкоторое кокетство и непослѣдовательность, извинительныя въ ея возрастѣ. Принцъ, пользуясь правомъ и обязанностію мужа охранять честь своей жены, давалъ ей по этому поводу совѣты и дѣл [illegible] Она принимала ихъ дурно, дѣлала ему упреки и тѣмъ [illegible] Принца трудно было вывести изъ терпѣнія; но [illegible] тимъ (c'est avec une grande [illegible]

сходства съ Петромъ, заведена была на Гатчинскихъ прудахъ и флотилія, находившаяся подъ командою С. И. Плещеева и Г. Г. Кушелева. Наконецъ, въ Павловскѣ сооружена была «крѣпость» Маріенталь, вооруженная 20 орудіями. Вся эта игра въ солдаты, имѣвшая въ сущности значеніе развлеченія для скучавшаго великаго князя, впослѣдствіи, однако, сообщила свой характеръ и пріемы всей Русской арміи и долго проявляла свою притягательную силу и живучесть, начертывая ихъ на печальныхъ страницахъ Русскаго военнаго быта.

Показывая такимъ образомъ явное неодобреніе военной системѣ, принятой Екатериной, Павелъ въ тайнѣ противодѣйствовалъ въ описываемое время и ея внѣшней политикѣ. Эти происки, конечно, мало вязались съ «обязанностями» вѣрноподданнаго, но, безъ сомнѣнія, извинялись въ глазахъ Павла затруднительностію его положенія и его «обязанностями» къ отечеству. И, разумѣется, Марія Ѳеодоровна и Нѣмцы, окружавшіе великокняжескую чету, своими симпатіями и образомъ мыслей скорѣе должны были содѣйствовать тайнымъ дружественнымъ отношеніямъ Павла съ Пруссаками и ихъ союзниками, чѣмъ благоразумно воздерживать его отъ неосмотрительныхъ шаговъ по этой опасной дорогѣ. Напротивъ, есть даже указаніе, относящееся, правда, къ позднѣйшему времени, что самъ Павелъ Петровичъ, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ горькаго опыта, охладѣвшій къ Пруссіи, не всегда доволенъ былъ Нѣмецкими сочувствіями своей супруги и ея приближенныхъ, въ особенности г-жи Бенкендорфъ [8]), хотя провѣрить справедливость этой жалобы и уяснить себѣ, насколько эти сочувствія Маріи Ѳеодоровны и ея подруги отзывалось на ихъ дѣйствіяхъ, можно, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ по необнародованнымъ еще документамъ Берлинскихъ архивовъ [9]). Тайными посредниками по

---

[8]) Весьма важно было бы уяснить вопросъ какъ о происхожденіи г-жи Бенкендорфъ, женщины умной и твердой, такъ и о характерѣ ея личности, такъ какъ высокія нравственныя качества Бенкендорфъ, безъ сомнѣнія, не только не ослабляли ея чувствъ къ фатерланду, но, напротивъ, должны были укрѣплять ихъ; между тѣмъ, ея образъ мыслей, при ея вліяніи на царственную подругу, оказывалъ дѣйствіе и на Павла. Строго говоря, г-жа Бенкендорфъ была для Маріи Ѳеодоровны постояннымъ, милымъ и дорогимъ напоминаніемъ о родинѣ, и въ этомъ смыслѣ ея пріѣздъ въ Россію имѣлъ очень важное значеніе.

[9]) У Stark'a (51—53) напечатаны лишь нѣкоторыя письма Маріи Ѳеодоровны къ Фридриху II, неважныя въ политическомъ отношеніи.

сношеніямъ Павла Петровича съ Берлиномъ были попрежнему Гёрцъ, Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, и Русскій агентъ въ Берлинѣ Алопеусъ, Финнъ по происхожденію, другъ Гёрца и креатура Панина. На этотъ разъ отъ Павла Петровича Фридрихъ II ожидалъ серьезныхъ услугъ при обстоятельствахъ, грозившихъ лишить Пруссію значенія, которымъ она пользовалась въ Германіи. Іосифъ II, заручившись содѣйствіемъ Екатерины, задумалъ достигнуть завѣтной своей цѣли—присоединенія Баваріи къ Австрійскимъ владѣніямъ посредствомъ обмѣна ея на принадлежавшія ему Нидерланды. Курфирстъ Баварскій, Карлъ-Теодоръ, былъ согласенъ съ планомъ Іосифа, но нужно было и согласіе его наслѣдника, герцога Карла Цвейбрюкенскаго. Усиленіе Австріи Баваріей, въ связи съ другими планами Іосифа, лишало Пруссію ея значенія въ Германіи, и Фридрихъ II старался, съ одной стороны, побудить Карла Цвейбрюкенскаго къ отказу въ своемъ согласіи на предположенный обмѣнъ Баваріи, а съ другой—образовать союзъ Германскихъ князей, направленный противъ Австріи и ея союзницы, Россіи. Этимъ стараніямъ Прусскаго короля Павелъ Петровичъ выразилъ полное свое сочувствіе и даже, насколько могъ, дѣйствовалъ въ пользу ихъ осуществленія. Сообщивъ Павлу Петровичу свой проектъ союза князей [10]), Фридрихъ имѣлъ утѣшеніе получить отъ него черезъ Гёрца отзывъ, что онъ больше всего на свѣтѣ желаетъ соединенія князей, которое кажется ему весьма важнымъ для интересовъ Прусскаго короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ склонялъ Саксонію принять планъ Фридриха [11]). Есть указанія, хотя неясныя, что Павелъ сносился и съ герцогомъ Цвейбрюкенскимъ [12]); мало того, онъ убѣждалъ, правда безуспѣшно, Русскаго посланника въ Германіи, графа Н. П. Румянцова, измѣнить своему долгу и дѣйствовать въ пользу Пруссіи, обѣщая ему за то со временемъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ [13]). Въ концѣ концовъ цесаревичъ не усумнился

---

[10]) Документъ этотъ находится въ *Госуд. Арх.*, XV, 248.

[11]) *Трачевскій:* Союзъ князей, 282.

[12]) Письмо Павла Н. П. Румянцову отъ 21 Сентября (2 Октября) 1784 г., *Госуд. Арх.* V, 183. Замѣчательны въ этомъ же письмѣ слова Павла: «Ne relevez de grâce rien de ma conduite et laissez au temps le soin d'éclairer mes actions. Je n'ai et n'aurai pour but que Dieu dans tout ce que je fais et je souffre avec résignation».

[13]) *Трачевскій*, 137.

Еще въ Мартѣ 1786 г. императрица предположила совершить путешествіе въ Крымъ и Новороссію, но оно по обстоятельствамъ отложено было до зимы 1787 г. Принцъ Фридрихъ долженъ былъ остаться съ женою во время этого путешествія въ Петербургѣ. Немудрено, что перспектива остаться на долгое время съ своимъ медвѣдемъ безъ защиты показалась Зельмирѣ ужасной, и поэтому, вѣроятно послѣ новой сцены съ мужемъ, она, 17 Декабря 1786 г., послѣ спектакля въ Эрмитажѣ, бросилась императрицѣ въ ноги и умоляла ее о защитѣ отъ мужа [30]). Императрица оставила ее у себя, давъ ей помѣщеніе въ Эрмитажѣ, а принцу письменно приказала немедленно выѣхать за-границу, давъ ему годовой отпускъ и отказавъ ему въ прощальной аудіенціи [31]). «Вотъ уже десять дней, писала она Гримму, 26 Декабря 1786 г., какъ Зельмира убѣжала ко мнѣ... Я воспользовалась удобнымъ случаемъ и сказала этому дьяволу, чтобъ онъ убирался отсюда. Онъ написалъ мнѣ бѣшеное письмо, но все-таки ему пришлось собраться въ дорогу... Общество единодушно высказывается противъ этого негодяя; даже самые близкіе къ нему люди (Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна) не оправдываютъ его. Они жалѣютъ только, зачѣмъ Зельмира не предупредила ихъ; но, говоря по совѣсти, она не могла этого сдѣлать. Думаю, что они и на меня тоже дуются, но какъ себѣ хотятъ: посердятся и перестанутъ».

Эти слова Екатерины довольно вѣрно рисуютъ отношеніе Маріи Θеодоровны и Павла Петровича къ совершившемуся дѣлу; да и не могло быть иначе: императрица въ первый разъ сурово отнеслась къ брату своей невѣстки, и Марія Θеодоровна лучше чѣмъ кто-либо знавшая характеръ брата, не могла не сознавать, что наказаніе было вполнѣ имъ заслужено. Г-жа Оберкирхъ, судившая объ этомъ дѣлѣ по письмамъ своей царственной подруги, прямо говоритъ, что великій князь и Марія Θеодо-

---

[30]) Г-жа Оберкирхъ (*Mémoires*, II, 208) разсказываетъ при этомъ, что будто бы вся эта сцена произошла въ присутствіи всего двора, а также Павла Петровича и Маріи Θеодоровны. На самомъ дѣлѣ въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ о присутствіи принцессы Августы, Павла Петровича и Маріи Θеодоровны на спектаклѣ не упоминается. Гарновскій (*«Рус. Стар.»*, XV, 19) прямо говоритъ, что дѣло происходило послѣ спектакля въ комнатахъ императрицы. Храповицкій свидѣтельствуетъ, что въ началѣ Декабря происходила тайная переписка Зельмиры съ Екатериной.

[31]) *Сборникъ*, XV, 26—27. Здѣсь находится вся переписка по этому предмету.

ровна оскорблены были лишь скрытностью Зельмиры, не давшей имъ возможности предотвратить этотъ неслыханный скандалъ [32]). Кромѣ того, они могли подозрѣвать, что, порвавъ свою связь съ Монбельярскимъ семействомъ и видя въ Екатеринѣ свою единственую покровительницу, Зельмира передастъ ей всѣ секреты Гатчины, Павловска и Монбельяра. Дѣйствительно, ходили слухи, что принцесса Августа много поразсказала всего слышаннаго на вечерахъ у великаго князя, хотя тамъ «большую всегда осторожность въ рѣчахъ употребляли, и Павелъ Петровичъ этого чрезвычайно остерегался», [33]). Съ другой стороны, Екатерина не даромъ указывала на тотъ позоръ и огорченія, которыя Фридрихъ въ теченіе четырехъ лѣтъ наносилъ своей сестрѣ, и на то вліяніе, которое онъ имѣлъ на нее, при чемъ, по замѣчанію императрицы, она, быть можетъ, боялась его болѣе вблизи, чѣмъ въ отдаленіи [34]).

Въ сущности, удаленіе Фридриха изъ Россіи могло только выгодно отозваться на жизни великокняжеской четы. Павелъ не могъ не понимать этого и поэтому сухо отнесся къ своему шурину немедленно по полученіи отъ Екатерины письма съ извѣщеніемъ о происшедшей сценѣ съ Зельмирою. Письмо это, вмѣстѣ съ грознымъ письмомъ Екатерины къ Фридриху, доставлено было на половину ихъ высочествъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ тотъ же вечеръ, 17 числа, предъ самымъ ужиномъ, за которымъ находился и принцъ Фридрихъ; ужинъ не начинался, вѣроятно, лишь въ виду непонятнаго отсутствія Зельмиры. Разсказываютъ, что, прочтя адресованное ему письмо Екатерины, Фридрихъ усиленно просилъ Павла Петровича ознакомить его съ содержаніемъ письма Екатерины къ великняжеской четѣ, и былъ поддержанъ въ этой просьбѣ и Маріей Θеодоровной [35]); но Павелъ Петровичъ сказалъ ему: «Я подданный Россійскій и сынъ императрицы Россійской; что́ между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ни кому другому» [36]). Вслѣдъ затѣмъ онъ пересталъ даже принимать

---

[32]) *Oberkirch*, II, 208.

[33]) «*Русскій Архивъ*», 1874, 13 27. Записки кн. Голицына. Князю Θ. Н. Голицыну не было извѣстно, конечно, что принцесса Августа могла сообщить Екатеринѣ не слова только, но и факты, кото[illegible] [illegible]емени тщательно скрываемы отъ императрицы.

[34]) *Сборникъ*, XXIII. Письмо 1 Апрѣля [illegible]

[35]) Письма эти въ *Сборникѣ*, XV, 2[illegible]

[36]) *Р. Ст.*, XV, 19. Записки Гар[illegible]

принца. Не видно даже, чтобы Павелъ въ это время ходатайствовалъ о смягченіи участи своего шурина. Марія Θеодоровна, вѣрная своей роли представительницы за своихъ родныхъ, попыталась, однако, защищать брата. «Мое смущеніе, писала она Императрицѣ, слишкомъ велико, чтобы я могла выразить все, что̀ чувствую; братъ мой служилъ вашему величеству съ рвеніемъ и преданностію; слѣдовательно не могъ, да и не долженъ былъ ожидать этой строгой мѣры, которая всенародно покрываетъ его позоромъ, приводитъ меня въ отчаяніе и будетъ смертельнымъ ударомъ для тѣхъ, кто далъ мнѣ жизнь». На это письмо Маріи Θеодоровны Екатерина отвѣчала двумя строчками: «Я не покрываю позоромъ принца Виртембергскаго, но напротивъ, стараюсь предать забвенію низости; моя обязанность подавлять тому подобныя вещи» [37]). Изъ многихъ отзывовъ Екатерины замѣтно, что она считала даже слишкомъ мягкою свою мѣру по отношенію къ принцу; такъ, уже по отъѣздѣ принца, она сказала 29 Декабря Храповицкому: «онъ заслужилъ бы кнутъ, ежели бы не закрыли мерзкихъ дѣлъ его» [38]). Одна эта фраза Екатерины въ бесѣдѣ съ довѣреннымъ ея секретаремъ, очевидно хорошо знавшимъ эти «мерзкія дѣла» и ихъ «закрытіе», должна заставить отнестись со вниманіемъ къ слухамъ о государственныхъ преступленіяхъ принца и объясняетъ отсутствіе оффиціальныхъ данныхъ объ этихъ преступленіяхъ, ибо объявлять о нихъ во всеобщее свѣдѣніе значило подрывать народное довѣріе и къ самой Маріи Θеодоровнѣ, и къ другимъ родственникамъ императорской фамиліи.

Чтобы дать время замолкнуть толкамъ объ этой исторіи и уединить Зельмиру отъ непріятныхъ встрѣчъ съ великокняжеской четой въ Петербургѣ, Екатерина, на время своего путешествія въ Новороссію, отправила Зельмиру въ за̀мокъ Лоде близъ Ревеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вела переговоры съ отцемъ ея, герцогомъ Брауншвейгскимъ, о разводѣ Зельмиры съ мужемъ. Принцъ Фридрихъ успѣлъ, однако, очернить свою несчастную жену даже въ глазахъ ея отца и Зельмира оставалась въ Лоде до самой своей смерти, 16 Сентября 1788 года. Въ теченіе всего этого времени Екатерина по прежнему проявляла къ ней дружественные знаки вниманія и попеченія [39]); тѣмъ болѣе она

[37]) *Сборникъ*, XV, 27—28.

[38]) *Дневникъ Храповицкаго*, 21.

[39]) См. «*Русскій Архивъ*», 1888, I, письма Екатерины къ Польману.

была поражена внезапной вѣстью о ея кончинѣ. Обстоятельства этой кончины были до такой степени загадочны, что она послужила предметомъ самыхъ разнообразныхъ слуховъ и догадокъ: говорили, что Зельмира умерла неестественною смертью, а за-границей виновницей ея гибели называли Екатерину, приписывая ей самыя разнообразныя побужденія. Но документальныя свѣдѣнія по этому вопросу ясно показываютъ благородство и нравственную чистоту дѣйствій Екатерины во всемъ этомъ дѣлѣ. Вина насильственной смерти принцессы, если смерть эта въ дѣйствительности имѣла мѣсто, должна пасть на завѣдывавшаго дворомъ Зельмиры егермейстера Польмана, который, какъ говорила молва, вступивъ въ близкія отношенія съ принцессой, полюбившей его, позаботился скрыть отъ свѣта и Екатерины всѣ слѣды своего проступка [40]).

Печальная судьба брата тѣмъ хуже подѣйствовала на Марію Ѳеодоровну, что она была во время постигшей его катастрофы нездорова и всю вторую половину Декабря 1786 года не выходила изъ комнатъ и допускала къ себѣ одну лишь г-жу Бенкендорфъ [41]), а отношенія ея къ Императрицѣ въ это именно время и безъ того были натянуты. Причиной этого былъ деликатный вопросъ о воспитаніи дѣтей Маріи Ѳеодоровны. За описываемый періодъ времени число ихъ увеличилось рожденіемъ еще двухъ дочерей: Елены (р. 13 Декабря 1784 г.) и Маріи (р. 4 Февраля 1786 г.). Оба раза, какъ и при рожденіи Александры Павловны, Марія Ѳеодоровна сильно страдала отъ родовъ [42]), а появленіе на свѣтъ Маріи Павловны повлекло за собой такое ухудшеніе здоровья великой княгини, что она дала обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, сдѣлать пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ [43]). Екатерина, какъ извѣстно, дорожила болѣе вну-

---

[40]) Тамъ же, замѣчанія г. *Бартенева*. Къ этому же выводу приходитъ и проф. *Брикнеръ* въ статьѣ своей о Зельмирѣ. «*Истор. Вѣст.*» 1890, IX, 572.

[41]) Въ *камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1786 г.* обозначено, что Марія Ѳеодоровна не присутствовала на придворныхъ собраніяхъ съ 13 Декабря по день Новаго года.

[42]) *Oberkirch*, II, 164.

[43]) Письмо Маріи Ѳеодоровны Платону 16 Февраля 1786 г.: «Бывши больна, я обѣщалась за выздоровленіе мое, въ знакъ благодарности къ Богу, послать для бѣдныхъ въ Москвѣ, но съ тѣмъ, чтобы они не знали, отъ кого оныя деньги будутъ розданы, и я полагаюсь на ваше преосвященство, что вы исполните въ семъ желаніе мое, довольствуясь дѣлать добро дл[я] самой». «*Русскій Архивъ*», 1887, II, 281. Нѣтъ сомнѣнія, что т[а] была роздана и въ Петербургѣ.

ками, чѣмъ внучками, но и къ послѣднимъ относилась съ любовью; въ особенности полюбила она Елену Павловну. «Прекрасная Елена», писала она Гримму, «достойна этого имени, потому что этотъ ребенокъ въ самомъ дѣлѣ красавица; вотъ почему я назвала ее Еленою... Говорятъ, впрочемъ, что она похожа на меня, и я чувствую къ ней нѣкоторую слабость» [44]). Впрочемъ, занятая болѣе внуками, Екатерина мало обращала вниманія на воспитаніе внучекъ, предоставляя его заботамъ Маріи Θеодоровны и преимущественно г-жи Ливенъ. Тѣмъ ревнивѣе относилась императрица ко всякому вмѣшательству Павла Петровича и Маріи Θеодоровны въ свои отношенія къ внукамъ и дѣйствительно успѣла добиться того, что великокняжеская чета не смѣла и думать о какомъ бы то ни было проявленіи своихъ естественныхъ родительскихъ правъ на сыновей. Императрица распоряжалась ихъ воспитаніемъ, не спрашивая даже изъ приличія Павла Петровича и Марію Θеодоровну о ихъ желаніяхъ. Приготовляясь въ концѣ 1786 г. къ путешествію въ Новороссію, Екатерина задумала взять съ собой обоихъ молодыхъ великихъ князей и, не сообщивъ о томъ ихъ родителямъ, приказала сдѣлать воспитателю великихъ князей Н. И. Салтыкову нужныя для этой цѣли распоряженія; лишь этимъ косвеннымъ путемъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна узнали о предположенной поѣздкѣ сыновей своихъ. Такой поступокъ императрицы, доказывавшій ея полное пренебреженіе къ чувствамъ родителей, не могъ не оскорбить глубоко и цесаревича, и его супругу [45]). Сильно поражена была императрица, когда оскорбленные родители въ длинномъ письмѣ почтительно, но твердо заявили ей свою просьбу оставить дѣтей въ Петербургѣ, ссылаясь на свою скорбь при разлукѣ съ ними, на ихъ еще не окрѣпшее здоровье, не соотвѣтствовавшее трудности предполагаемаго путешествія, и на долгій перерывъ въ ихъ занятіяхъ, неизбѣжный въ виду продолжительности поѣздки. «Вотъ, ваше величество», заключили свое письмо Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна, «вѣрное и искреннее изображеніе состоянія сердецъ нашихъ, и ваше величество слишкомъ справедливы, слишкомъ добры, имѣете сердце слишкомъ нѣжное, чтобы не принять во вниманіе просьбы отца и матери, которые,

[44]) Письмо Гримму 20 Февраля и 5 Марта 1786 г.

[45]) «Jusque là les parents n'eurent que de la reconnaissance à lui témoigner», замѣчаетъ, говоря объ этомъ случаѣ, г-жа Оберкирхъ. (*Mémoires*, II, 207.

послѣ уваженія и привязанности, питаемой къ вамъ, не знаютъ сильнѣйшихъ чувствъ любви, привязывающей насъ къ нашимъ дѣтямъ». Въ отвѣтъ на это письмо Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, называя ихъ опасенія «плодомъ раздраженнаго воображенія», Екатерина писала: «Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, но въ то же время они принадлежатъ и мнѣ, принадлежатъ и государству. Съ самаго ранняго дѣтства ихъ, я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ часто, и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастьемъ для своихъ дѣтей и что не могло случиться для нихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: вдали отъ васъ для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пяти трое (т. е. всѣ дочери) остаются съ вами; неужели одна я, на старости лѣтъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, буду лишена удовольствія имѣть возлѣ себя когонибудь изъ своего семейства?» Это сожалѣніе Екатерины о разлукѣ съ ними подало Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ поводъ обратиться къ ней съ новой просьбой. «Если мысль о разлукѣ и наводитъ на насъ грусть», отвѣчали они ей, «то во власти вашего величества смягчить послѣднюю и замѣнить первую мыслями утѣшительными и пріятными. Мы принадлежимъ вамъ, ваше величество, въ ближайшей степени, чѣмъ дѣти наши, и это драгоцѣнное для насъ счастье. Возьмите насъ съ собой, и мы будемъ при васъ и нашихъ сыновьяхъ. Что̀ касается дочерей нашихъ, то имъ пока нужны только заботы физическія; присутствіе же отца и матери для нихъ въ настоящее время не необходимо. Мы могли бы обходиться безъ всего, путешествовать налегкѣ, лишь бы не быть намъ вдали отъ васъ и сыновей нашихъ». Но и на эту просьбу послѣдовалъ отказъ со стороны императрицы. «Чистосердечно должна вамъ сказать», писала она, «что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меньшія ваши дѣти оставались бы безъ всякаго призрѣнія; однѣ онѣ брошены» [46]). Тогда Марія Ѳеодоровна рѣшилась обратиться къ князю По-

[46]) *Сборникъ*, V, 37—41. Письма эти безъ обозначенія числа и года, но время ихъ написанія—до 17 Декабря (дня опалы принца Фридриха Виртембергскаго) ясно видно изъ послѣдующей переписки великокняжеской четы съ княземъ Потемкинымъ.

ками, чѣмъ внучками, но и къ послѣднимъ относилась съ любовью; въ особенности полюбила она Елену Павловну. «Прекрасная Елена», писала она Гримму, «достойна этого имени, потому что этотъ ребенокъ въ самомъ дѣлѣ красавица; вотъ почему я назвала ее Еленою... Говорятъ, впрочемъ, что она похожа на меня, и я чувствую къ ней нѣкоторую слабость» [44]). Впрочемъ, занятая болѣе внуками, Екатерина мало обращала вниманія на воспитаніе внучекъ, предоставляя его заботамъ Маріи Ѳеодоровны и преимущественно г-жи Ливенъ. Тѣмъ ревнивѣе относилась императрица ко всякому вмѣшательству Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ свои отношенія къ внукамъ и дѣйствительно успѣла добиться того, что великокняжеская чета не смѣла и думать о какомъ бы то ни было проявленіи своихъ естественныхъ родительскихъ правъ на сыновей. Императрица распоряжалась ихъ воспитаніемъ, не спрашивая даже изъ приличія Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну о ихъ желаніяхъ. Приготовляясь въ концѣ 1786 г. къ путешествію въ Новороссію, Екатерина задумала взять съ собой обоихъ молодыхъ великихъ князей и, не сообщивъ о томъ ихъ родителямъ, приказала сдѣлать воспитателю великихъ князей Н. И. Салтыкову нужныя для этой цѣли распоряженія; лишь этимъ косвеннымъ путемъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна узнали о предположенной поѣздкѣ сыновей своихъ. Такой поступокъ императрицы, доказывавшій ея полное пренебреженіе къ чувствамъ родителей, не могъ не оскорбить глубоко и цесаревича, и его супругу [45]). Сильно поражена была императрица, когда оскорбленные родители въ длинномъ письмѣ почтительно, но твердо заявили ей свою просьбу оставить дѣтей въ Петербургѣ, ссылаясь на свою скорбь при разлукѣ съ ними, на ихъ еще не окрѣпшее здоровье, не соотвѣтствовавшее трудности предполагаемаго путешествія, и на долгій перерывъ въ ихъ занятіяхъ, неизбѣжный въ виду продолжительности поѣздки. «Вотъ, ваше величество», заключили свое письмо Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, «вѣрное и искреннее изображеніе состоянія сердецъ нашихъ, и ваше величество слишкомъ справедливы, слишкомъ добры, имѣете сердце слишкомъ нѣжное, чтобы не принять во вниманіе просьбы отца и матери, которые,

---

[44]) Письмо Гримму 20 Февраля и 5 Марта 1786 г.

[45]) «Jusque là les parents n'eurent que de la reconnaissance à lui témoigner», замѣчаетъ, говоря объ этомъ случаѣ, г-жа Оберкирхъ. (*Mémoires*, II, 207.

послѣ уваженія и привязанности, питаемой къ вамъ, не знаютъ сильнѣйшихъ чувствъ любви, привязывающей насъ къ нашимъ дѣтямъ». Въ отвѣтъ на это письмо Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, называя ихъ опасенія «плодомъ раздраженнаго воображенія», Екатерина писала: «Дѣти ваши принадлежатъ вамъ, но въ то же время они принадлежатъ и мнѣ, принадлежатъ и государству. Съ самаго ранняго дѣтства ихъ, я поставила себѣ въ обязанность и удовольствіе окружать ихъ нѣжнѣйшими заботами. Вы говорили мнѣ часто, и устно, и письменно, что мои заботы о нихъ вы считаете настоящимъ счастьемъ для своихъ дѣтей и что не могло случиться для нихъ ничего болѣе счастливаго. Я нѣжно люблю ихъ. Вотъ какъ я разсуждала: вдали отъ васъ для меня будетъ утѣшеніемъ имѣть ихъ при себѣ. Изъ пяти трое (т. е. всѣ дочери) остаются съ вами; неужели одна я, на старости лѣтъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, буду лишена удовольствія имѣть возлѣ себя когонибудь изъ своего семейства?» Это сожалѣніе Екатерины о разлукѣ съ ними подало Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ поводъ обратиться къ ней съ новой просьбой. «Если мысль о разлукѣ и наводитъ на насъ грусть», отвѣчали они ей, «то во власти вашего величества смягчить послѣднюю и замѣнить первую мыслями утѣшительными и пріятными. Мы принадлежимъ вамъ, ваше величество, въ ближайшей степени, чѣмъ дѣти наши, и это драгоцѣнное для насъ счастье. Возьмите насъ съ собой, и мы будемъ при васъ и нашихъ сыновьяхъ. Что̀ касается дочерей нашихъ, то имъ пока нужны только заботы физическія; присутствіе же отца и матери для нихъ въ настоящее время не необходимо. Мы могли бы обходиться безъ всего, путешествовать налегкѣ, лишь бы не быть намъ вдали отъ васъ и сыновей нашихъ». Но и на эту просьбу послѣдовалъ отказъ со стороны императрицы. «Чистосердечно должна вамъ сказать», писала она, «что новое ваше предложеніе есть такого рода, что оно причинило бы во всемъ величайшее разстройство, не упоминая и о томъ, что меньшія ваши дѣти оставались бы безъ всякаго призрѣнія; однѣ онѣ брошены» [46]). Тогда Марія Ѳеодоровна рѣшилась обратиться къ князю По-

---

[46]) *Сборникъ*, V, 37—41. Письма эти безъ обозначенія числа и года, но время ихъ написанія—до 17 Декабря (дня опалы принца Фридриха Виртембергскаго) ясно видно изъ послѣдующей переписки великокняжеской четы съ княземъ Потемкинымъ.

темкину, въ надеждѣ, что этотъ всесильный любимецъ Екатерины съумѣетъ склонить ее къ уступчивости. «Мое материнское сердце», писала она ему 16 Декабря, «не смѣетъ предаваться никакой лестной надеждѣ, и вы, князь, единственный человѣкъ, который можетъ помочь намъ. Поддержите у императрицы наши доводы и нашу просьбу. Я захотѣла все это изложить вамъ, дабы, зная происшедшее, вы могли обсудить, что вамъ можно сдѣлать въ этомъ случаѣ. Мы нѣсколько разъ поручали г. Салтыкову передать ея величеству, что, зная доброту ея, мы несомнѣнно на нее полагаемся и пребываемъ въ справедливой надеждѣ, что она удостоитъ вниманія нашу просьбу, оставивъ сыновей нашихъ здѣсь или позволивъ намъ сопровождать ее. Умоляю васъ, князь, поддержите эту самую просьбу нашу предъ Ея Величествомъ. Въ случаѣ успѣха или даже самою заботою вашею объ успѣхѣ этой просьбы, вы пріобрѣтете вѣчное право на признательность нашу. Эти строки, внушенныя материнскимъ чувствомъ, должны служить для васъ ручательствомъ того, какъ много будемъ мы обязаны вамъ, если удастся это дѣло, столь насъ озабочивающее и столь близкое нашему сердцу» [47]). О томъ же писалъ Потемкину и Павелъ, но Потемкинъ былъ въ то время въ Крыму и могъ отвѣчать лишь въ самый день отъѣзда Екатерины изъ Петербурга, 7 Января 1787 года [48]). Отвѣтъ Потемкина былъ не вполнѣ удовлетворительный: Потемкинъ обѣщалъ сдѣлать, по пріѣздѣ Екатерины въ Кіевъ, все, что будетъ въ его возможности, но съ крайнею осторожностію, чтобы не прогнѣвить Екатерину и не навлечь непріятностей на самого великаго князя. Еще 1 Января 1787 г. отъѣздъ молодыхъ великихъ князей считался рѣшеннымъ [49]); но вслѣдъ затѣмъ они внезапно заболѣли, и Екатерина должна была 7 Января выѣхать изъ Петербурга одна, оставивъ больныхъ дѣтей на попеченіе отца и матери. Екатерина не могла уже откладывать своего отъѣзда: иначе прихо-

---

[47]) «*Русскій Архивъ*», 1879, I, 371.

[48]) *Рус. Ст.*, 1873, VIII, 666, 668.

[49]) Тамъ же.—Е. Р. Полянская писала въ этотъ день брату своему С. Р. Воронцову: «On dit que le grand-duc restera en ville jusqu'à Pâques, et aprés les fêtes ils iront à Gatchina pour y passer tout le temps que l'Impératrice sera absente. Le grande-duchesse a la fièvre; elle n'est pas sortie depuis quinze jours. Je ne sais si elle sortira aujourd'hui. Les petits grandsducs partent aves la souveraine, et les pétites grandes-duchesses restent avec leur mére» (*Арх. кн. Воронцова*, кн. XXI).

дилось измѣнять всѣ сроки въ росписаніи торжественнаго и долгаго пути, заранѣе согласованные съ пріѣздомъ въ Россію Іосифа II-го [50]).

Желаніе Маріи Θеодоровны и Павла Петровича сопутствовать своимъ дѣтямъ и Екатеринѣ въ ея путешествіи въ Малороссію, быть можетъ хотя отчасти, вызвано было именно ожидаемымъ пріѣздомъ Іосифа въ Россію: всегда запутанныя дѣла Монбельярской семьи и въ это время должны были, безъ сомнѣнія, побуждать Марію Θеодоровну искать свиданія съ главою Германской имперіи, чтобы (какъ то было прежде въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ) личными переговорами способствовать осуществленію желаній своихъ Германскихъ родственниковъ. Еще въ бытность свою въ Петербургѣ Іосифъ успокоивалъ Марію Θеодоровну по поводу предполагавшагося брака владѣтельнаго герцога Карла Виртембергскаго съ его метрессой, графинею Гогенгеймъ. Какъ мы имѣли случай замѣтить, этимъ бракомъ, если бы онъ признанъ былъ имперіей, въ корнѣ уничтожались надежды отца Маріи Θеодоровны когда-либо править Виртембергомъ. Іосифъ объявилъ тогда Маріи Θеодоровнѣ, что онъ хорошо сознаетъ, какія тяжелыя послѣдствія можетъ имѣть этотъ бракъ для Монбельярской семьи и потому не будетъ ему сочувствовать. Императоръ сдержалъ свое слово и въ теченіе всего времени противодѣйствовалъ просьбамъ герцога о дарованіи княжескаго титула графинѣ Гогенгеймъ [51]). Тогда герцогъ, въ 1786 г., обвѣнчался съ ней въ присутствіи родителей Маріи Θеодоровны и обманулъ ихъ при этомъ: онъ убѣдилъ ихъ, писалъ гр. Н. П. Румянцовъ 16 Іюня, что «вѣнчается, какъ говорятъ по французски, de la main gauche для успокоенія своей совѣсти, а потомъ вдругъ объявилъ, что сіе супружество должно почитать за настоящій законный бракъ и мнимую супругу называть повелѣлъ герцогинею» [52]). Но Іосифъ отказался признать закон-

---

[50]) «Въ то время», говоритъ по этому поводу г. Бартеневъ (*Русскій Архивъ*, 1887, I, 15—16), мало сознавали воспитательную пользу этихъ путешествій. Незадолго, но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, объѣздилъ Россію будущій графъ Бобринскій. То же самое имѣла въ виду Екатерина для своихъ внуковъ... Марія Θеодоровна не пустила дѣтей и тѣмъ нанесла сильный ударъ ихъ образованію». Съ этимъ взглядомъ, впрочемъ, едва ли можно согласиться уже потому, что путешествіе Екатерины было по преимуществу торжественнымъ и декораціоннымъ.

[51]) См. VI главу нашего труда, 168—169.

[52]) *Арх. кн. Воронцова*, XXVII, 137.

ность этого брака, хотя Австрійскіе интересы, въ виду образовавшагося тогда союза князей, побуждали его къ противоположному образу дѣйствій. Этотъ поступокъ Іосифа долженъ былъ въ глазахъ Маріи Ѳеодоровны имѣть тѣмъ большую цѣну, что симпатичный для нея Прусскій дворъ, дѣйствуя всегда и исключительно въ собственныхъ своихъ выгодахъ и желая привлечь Виртембергъ на свою сторону, не поколебался дозволить своему посланнику въ Штутгартѣ величать графиню герцогиней. Для всѣхъ было ясно, что Іосифъ желалъ сохранить право наслѣдства въ Виртембергѣ за младшей линіей Виртембергскаго дома, чѣмъ, безъ сомнѣнія, желалъ онъ угодить Маріи Ѳеодоровнѣ и ея сестрѣ, принцессѣ Елисаветѣ. Даже Румянцовъ, другъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, дѣйствовавшій въ Германіи по инструкціямъ Екатерины, находилъ, что Іосифъ вредитъ себѣ, поступая такимъ образомъ, и дѣлалъ Кауницу серьезныя внушенія уступить Карлу въ этихъ пустякахъ (suptilité futile) [53]. Карлъ догадывался, конечно, объ источникѣ враждебныхъ себѣ дѣйствій Іосифа и обратился съ просьбой о содѣйствіи къ матери Маріи Ѳеодоровны; но та отвѣчала, что все зависитъ не отъ нея, будто бы, а отъ императрицы Екатерины [54]). При такихъ отношеніяхъ важно было ускорить бракъ принцессы Елисаветы съ эрцгерцогомъ Францемъ, чтобы закрѣпить за Монбельярской семьей сочувствіе императора и покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ принцессы. Бракъ этотъ состоялся въ Вѣнѣ уже по возвращеніи Іосифа изъ Новороссіи, 6 Января 1788 года. До того времени Монбельярская семья не могла быть спокойна за будущее, а пріѣздъ принца Фридриха изъ Петербурга въ Монбельяръ, куда привезъ онъ своихъ дѣтей на воспитаніе, естественно не могъ послужить къ ея успокоенію. Въ

[53]) *Трачевскій*, 343—346.

[54]) Тамъ же, 344—346, примѣчаніе. Нельзя не замѣтить, что принцесса Софія-Доротея да и вся Монбельярская семья противодѣйствовали браку Карла съ графиней Гогенгеймъ исключительно изъ политическихъ разсчетовъ, такъ какъ сама графиня по нравственнымъ своимъ качествамъ и по благодѣтельному вліянію, которое она оказывала на жестокаго и часто сумасброднаго Карла, заслужила себѣ всеобщее уваженіе, не исключая даже Монбельярской семьи. По крайней мѣрѣ, повѣренная тайнъ принцессы Софіи-Доротеи и Маріи Ѳеодоровны, г-жа Оберкирхъ, говоря о бракѣ Карла съ графиней Гогенгеймъ, прибавляетъ при этомъ: «Madame Hohenheim méritait ce bonheur par les excellentes qualités de son âme et la hauteur de son esprit». (*Oberkirch*, II, 240). Ср. *Oberkirch*, I, 416—417.

донесеніи графа Румянцова вице-канцлеру графу Остерману отъ 12 Марта 1787 г. изъ Франкфурта описано тогдашнее положеніе Германской семьи Маріи Θеодоровны. «Пріѣздъ принца Фрицриха Виртембергскаго въ Монпельгардъ (Монбельяръ), гдѣ онъ пробудетъ еще малое время и отправится потомъ въ Швейцарію, будучи причиною огорченій для родителей его, сталъ виною и болѣзненнаго обоихъ припадка. Принцесса совершенно уже здорова, но принцъ понынѣ хранитъ постелю, одержимъ подагрою и, получивъ отъ владѣтельнаго герцога письмо, въ которомъ онъ ему хитро далъ знать, что Французскій дворъ призналъ графиню Гогенгеймъ герцогинею Виртембергскою, приложилъ онъ стараніе довѣдаться, въ чемъ состояло сіе признаніе... Получивъ сіе непріятное свѣдѣніе, родитель ея императорскаго высочества повелѣлъ супругѣ своей о томъ меня увѣдомить, яко о происшествіи для нихъ весьма опасномъ. Ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ приложеннаго здѣсь списка моего къ ея свѣтлости отвѣта, какими я доводами старался умалить, и изъ объясненія и извиненія предъ вами сказаннаго мною при концѣ моего письма, за долгъ почитаю учинить здѣсь выписку тѣхъ словъ принцессы Виртембергской, которыя меня писать сіе понудили: «Il nous semble que c'est bien favoriser les prétentions du duc et que la cour de France justifie pour ainsi dire les vues du duc d'une manière, qui ne peut que nous être infiniment désavantageuse, surtout si aucune protection puissante ne marque l'intérêt qu'elle prend à nous, nommement Votre Auguste Souveraine; mais dans les circonstances fâcheuses où nous trouvons, l'espoir flatteux qui nous avait ri jusqu'ici vient de souffrir un si cruel échec, que toutes nos espérances sont évanouies et que nos coeurs sont dans l'abattement et la tristesse». Окончательно почитаю за долгъ вашему сіятельству сказать, что при всякомъ случаѣ невозможно себя вести благопристойнѣе въ разсужденіи двора нашего и оказывать болѣе благоговѣнія къ ея императорскому величеству, яко творятъ сіе принцъ и принцесса Виртембергскіе, отнюдь нимало не поддаваясь на хитрость постороннихъ дворовъ внушеній» [55]). Замѣчательно, что нигдѣ нѣтъ указанія

---

[55]) Въ бумагахъ Маріи Θеодоровны (*Мар. Арх.*, 198, 4) сохранилась современная копія съ этого донесенія. Это наводитъ на предположеніе сообщалъ-ли графъ Румянцовъ великой княгинѣ копіи съ тѣхъ сн... сеній, которыя касались ея родителей.

на жалобы за это время Монбельярской семьи и самой Маріи Өеодоровны на враждебныя имъ дѣйствія только что умершаго идола ихъ, Фридриха II [56]), и его преемника Фридриха-Вильгельма II, тогда какъ Франція въ сущности слѣдовала только въ этомъ отношеніи примѣру, подаваемому Пруссіей. Какія чары обольщенія передъ Маріей Өеодоровной и ея родственниками употреблены были съ этою цѣлью Берлиномъ, умѣвшимъ всегда стойко преслѣдовать свои государственные интересы, и какими объясненіями съумѣлъ онъ вполнѣ извинить свой образъ дѣйствій, судить невозможно за отсутствіемъ данныхъ. Но, не поступаясь предъ Маріей Өеодоровной и Павломъ Петровичемъ выгодами государственными, Берлинскій дворъ въ то же время старался быть для нихъ полезенъ мелкими, такъ сказать, личными услугами: имѣется ясное указаніе, что въ 1787 и 1788-мъ годахъ Павелъ Петровичъ велъ съ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ и бывшимъ Прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, графомъ Брюлемъ, переписку о займѣ денегъ [57]). Мы не можемъ сказать съ достовѣрностію, какая была цѣль этихъ займовъ, но постоянныя просьбы Монбельярской семьи о деньгахъ, обращенныя къ Маріи Өеодоровнѣ, даютъ поводъ къ предположенію, что, по крайней мѣрѣ въ значительной своей части, суммы, занятыя въ Берлинѣ, употреблены были на удовлетвореніе нуждъ Германской семьи Маріи Өеодоровны.

Безъ сомнѣнія, Марія Өеодоровна не могла не чувствовать крайней тягости и затруднительности своего положенія среди противорѣчій, въ которыя ставили ее семейныя и политическія дѣла: Екатерина и Австрія съ одной стороны, Пруссія и интересы Монбельярской семьи съ другой—всѣ предъявляли къ великой княгинѣ свои до извѣстной степени основательныя, но мало согласимыя требованія. Менѣе всего могла Марія Өеодоровна подумать о себѣ и своихъ дѣтяхъ. Правда, во все время

---

[56]) Фридрихъ II оставилъ по своему завѣщанію матери Маріи Өеодоровны 20,000 экю, а отцу—перстень. *Oberkirch*, (изд. 1869 года), II, 308.

[57]) Въ реестрѣ бумагъ Павла Петровича (*Мар. Арх.*, бумаги Маріи Өеодоровны, св. 103, № 5) упоминаются подъ № 22: «Письма отъ покойнаго короля Фридриха-Вильгельма и графа Карла Брюля 1787 г. о займѣ и отвѣтъ къ послѣднему», и въ реестрѣ № 8 подъ № 29: «Переписка съ королемъ Прусскимъ Фредерикомъ Вильгельмомъ и графомъ Брюлемъ о займѣ 1788 года».

путешествія Екатерины великокняжеская чета, живя сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Царскомъ Селѣ, имѣла возможность видѣть вокругъ себя всѣхъ своихъ дѣтей въ теченіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ; но даже при этихъ благопріятныхъ условіяхъ Маріи Ѳеодоровнѣ пришлось не столько наслаждаться семейными радостями, сколько дрожать за здоровье и жизнь дѣтей своихъ. «У Александра и у красавицы Елены, писала Екатерина Гримму 1 Апрѣля 1787 г., была въ мое отсутствіе корь и притомъ непосредственно за летучей оспой, и такъ какъ можно опасаться, чтобы къ дѣвочкамъ не пристала настоящая оспа (мальчикамъ она привита), то красавица Елена и ея сестры будутъ безотлагательно подвергнуты привитію». Письма Маріи Ѳеодоровны и Лафермьера, относящіяся къ этому времени [58]), ясно рисуютъ положеніе великокняжеской семьи: больныя дѣти были отдѣлены одно отъ другаго, и Марія Ѳеодоровна не отходила отъ ихъ постели, допуская къ себѣ одну лишь г-жу Бенкендорфъ. Въ особенности возбуждало опасеніе привитіе оспы Маріи Павловнѣ, такъ какъ врачъ Галидей объявилъ, что онъ не можетъ ручаться за успѣшный исходъ болѣзни великой княжны вслѣдствіе ея младенчества [59]). Притомъ и въ отдаленіи Екатерина продолжала распоряжаться судьбою дѣтей, въ особенности мальчиковъ, давая совѣты и приказанія по этому поводу Маріи Ѳеодоровнѣ, Салтыкову, Ливенъ, Петербургскому генералъ-губернатору Брюсу, и въ свою очередь постоянно получала отъ нихъ подробныя донесенія [60]). Конечно, этимъ Екатерина давала только новое доказательство любви своей ко внукамъ и внучкамъ, съ которыми она была даже въ перепискѣ [61]); но въ то же время мелочныя заботы бабушки о дѣтяхъ вызы-

---

[58]) *Сборникъ*, XV, 37—125. *Арх. кн. Воронцова*, XXIX, 261—267. Январь и Февраль прошли, впрочемъ, спокойно. «Ихъ высочества», писалъ Страховъ Воронцову 12 Февраля 1787 г. изъ Петербурга, «изволятъ имѣть свое пребываніе здѣсь. До начатія поста у нихъ были по два раза въ недѣлю балы въ городѣ и на Каменномъ островѣ. Въ послѣднее Воскресенье предъ масляницей совершилась свадьба на Каменномъ острову гвардіи офицера кн. Долгорукова (автора «Капища Сердца») съ монастыркою и пансіонеркою ихъ высочествъ Смирновою, у которой отецъ, сказываютъ, виннымъ приставомъ въ Торжкѣ». *Арх. кн. Воронцова*, XIV, 473.

[59]) О сильной оспѣ Маріи Павловны см. «Письма Маріи Ѳеодоровны къ Гольцогену» (*Мар. Арх.*) Марія Павловна такъ и осталась рябая.

[60]) *Кобеко*, 324—326. Донесенія *Ливенъ* и *Брюса* въ *Госуд. Архи*

[61]) *Бычковъ*: «Письма и бумаги Екатерины», 36 и слѣд.

вали, съ одной стороны, невольное соперничество въ любви къ нимъ со стороны матери, а съ другой, при подчиненномъ положеніи къ императрицѣ въ святомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей, возникали щекотливыя объясненія между свекровью и невѣсткой даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось, не могло быть и рѣчи о какомъ-либо недоразумѣніи. Такъ, императрица не одобрила ни выбора дома, въ которомъ привита была оспа великимъ княжнамъ въ Царскомъ Селѣ, ни оставленія Маріи Павловны на время въ Петербургѣ [62]). Не нравились Екатеринѣ иногда даже такія дѣйствія Маріи Ѳеодоровны, которыми кроткая и терпѣливая невѣстка думала только угодить царственной бабушкѣ; когда, напр., малолѣтнія дочери Маріи Ѳеодоровны писали Екатеринѣ рукою матери, императрица отказалась отвѣчать [63]). Не было, конечно, пріятнымъ для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны и распоряженіе Екатерины о томъ, чтобы молодые великіе князья выѣхали къ ней на встрѣчу въ Москву, хотя, конечно, они безпрекословно подчинились волѣ матери. «Слышу», писалъ Завадовскій по этому поводу, «что большіе (Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна) равнодушнѣе сію разлуку пріемлютъ, чѣмъ прежнюю» [64]). Отъѣздъ Александра и Константина Павловичей состоялся 22 Мая [65]).

Заботясь во время своего путешествія о внукахъ и внучкахъ своихъ, Екатерина выражала свое вниманіе и къ ихъ кроткой матери. Зная любовь Маріи Ѳеодоровны къ ея Германскимъ роднымъ, императрица приказала Гримму объяснить принцессѣ Софіи-Доротеѣ дѣло принца Фридриха [66]), а при свиданіи съ Іосифомъ II исполнила просьбу Маріи Ѳеодоровны «препоручить ея сестру милостямъ императора» (рѣчь шла объ ускореніи брака принцессы, чего добивалась Монбельярская семья). «Сестра моя, писала Марія Ѳеодоровна, твердо убѣждена, что одно слово съ

---

[62]) *Русскій Архивъ*, 1864, 966.

[63]) *Сборникъ*, 47. *Храповицкій* 29 Іюня 1787 г. приводитъ слова, сказанныя по этому поводу Екатериной: «Ce sont des commérages великой княгини-заставляетъ ихъ писать то, чего онѣ еще не понимаютъ, и послѣдній разъ пеняли, что не отвѣчаю. О чемъ можно къ такимъ ребятамъ писать?»

[64]) *Арх. кн. Воронцова*, XII, 43.

[65]) Въ этотъ же день Марія Ѳеодоровна писала С. Р. Воронцову въ Лондонъ, прося его выслать Англійскихъ лошадей для Павла Петровича. *Арх. кн. Воронцова*, XXVIII, 334.

[66]) *Сборникъ*, XXIII. Съ этою цѣлію былъ у нея и гр. Румянцовъ въ Іюлѣ 1787 г.

вашей стороны, любезнѣйшая матушка, сдѣлаютъ ее еще дороже императору». Іосифъ отвѣчалъ императрицѣ, что если бы принцесса Елисавета была его дочерью, то онъ не могъ бы любить ее сильнѣе [67]).

Но Екатерина не переставала слѣдить и за своимъ сыномъ. Цесаревичъ переписывался съ графомъ И. Г. Чернышевымъ, находившимся въ свитѣ императрицы, и переписка эта подвергалась перлюстраціи [68]). Подозрительное отношеніе къ Павлу Петровичу должно было усилиться, когда въ Кіевѣ Екатерина узнала, что онъ воспользовался ея отсутствіемъ, чтобы сформировать въ Гатчинѣ три батальона, вооружить въ Павловскѣ крѣпость Маріенталь новыми орудіями и положить начало Гатчинской флотиліи [69]). Наконецъ, самое свиданіе Екатерины съ Іосифомъ едва ли могло пройти безслѣдно для цесаревича: Іосифъ, вѣроятно, воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы устно сообщить Екатеринѣ ходившіе тогда за границей слухи о сношеніяхъ Павла Петровича съ Пруссіей. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ это время Екатерина задумала отстранить Павла Петровича отъ наслѣдованія престола: 11-го Іюля она возвратилась изъ путешествія, а въ Августѣ уже изучала исторически вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи и, въ разговорѣ съ Храповицкимъ, довольно ясно выразила цѣль этого изученія. «Читать изволила мнѣ, говоритъ онъ, пассажъ изъ Правды воли Монаршей. Тутъ или въ манифестѣ Екатерины I-й сказано, что причиною несчастія царевича Алексѣя Петровича было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ» [70]). Между тѣмъ Павелъ Петровичъ весело подсмѣивался надъ путешествіемъ матери, указывая на театральность и искусственность приготовленій для него, сдѣланныхъ

---

[67]) *Сборникъ*, XV, 81, 102.—Судя по позднѣйшимъ событіямъ (см. ниже, X главу нашего труда), эти слова Іосифа не были пустой, любезной фразой, хотя любовь его къ своей воспитанницѣ не была отцовской. Безъ сомнѣнія, это чувство, овладѣвшее императоромъ, было главною причиною того, что онъ всячески отдалялъ срокъ совершенія брака принцессы съ эрцгерцогомъ Францомъ, по своимъ качествамъ вовсе ея не стоившимъ.

[68]) *Дневникъ Храповицкаго*, 20, 28—29. Изъ Херсона Екатерина отослала часть своей свиты прямо въ Москву, въ томъ числѣ и Черны обидѣлся и отправился вмѣстѣ съ дочерью прямо въ Карлсб *Воронцова*, XXVII, 149.

[69]) *Гарновскій* (*Р. Ст.*, 1876, XVI, 3). *Иконник*

[70]) *Храповицкій*, 46.

Потемкинымъ [71]). Вскорѣ затѣмъ между матерью и сыномъ произошелъ явный разладъ.

Тотчасъ по возвращеніи Екатерины въ Петербургъ, Турки объявили Россіи войну, въ которой не замедлила принять участіе, въ качествѣ союзницы Россіи, и Австрія. Манифестъ о второй Турецкой войнѣ вышелъ 9 Сентября 1787 года, а уже 10 и 11 Сентября, два раза кряду, цесаревичъ обращался къ Екатеринѣ съ просьбой о дозволеніи отправиться въ армію волонтеромъ, но на обѣ свои просьбы получилъ отказъ: безъ сомнѣнія, не въ видахъ императрицы было создавать въ арміи популярность сына, успѣвшаго сдѣлаться подозрительнымъ, и его присутствіемъ стѣснять фельдмаршаловъ: Потемкина или Румянцова, въ разгаръ военныхъ дѣйствій [72]). Екатерина даже въ самомъ желаніи Павла Петровича ѣхать въ армію видѣла только стремленіе къ популярности. «Они (писала она Потемкину о Павлѣ Петровичѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ 24 Сентября) были весьма довольны остаться, разславляя только, что хотѣли ѣхать» [73]). На самомъ же дѣлѣ довольна отказомъ Екатерины, и то лишь отчасти, могла быть только Марія Ѳеодоровна, мало въ то время думавшая о популярности, но страшно встревоженная мыслью о предстоящей разлукѣ съ мужемъ. Не смѣя дѣйствовать противъ его желанія получить боевое крещеніе, Марія Ѳеодоровна приходила въ ужасъ при мысли объ опасностяхъ, которымъ цесаревичъ будетъ подвергаться въ арміи не только отъ непріятельскаго оружія, но и отъ заразительныхъ болѣзней, развивавшихся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Поэтому, когда Екатерина дала, наконецъ, свое согласіе на поѣздку Павла Петровича въ армію [74]), Марія Ѳеодоровна, желая раздѣлить съ мужемъ опасности, ему угрожавшія, сочла за лучшее просить Екатерину дозволить ей сопровождать его. «Въ теченіе трехъ сутокъ», писала Екатерина Гримму 29 Ноября, «я страннымъ образомъ осаждена и получаю по два и по три письма

---

[71]) «Vous avez tous bien flatté ma mère, messieurs», говорилъ онъ принцу де-Линю, «en faisant semblant de voir ce qui n'existe pas, des armées, des portes, flottes, des villes point bâtis et des colonies de cent lieues en poste, qui couraient après vous autres».

[72]) *Русская Ст.*, 1873, VIII, 856 и дальн.

[73]) *Сборникъ*, XXVII, 428.

[74]) Г. Кобеко полагаетъ, что согласіе это дано было благодаря ходатайству Потемкина. *Кобеко*, 336. Здѣсь же (335—345) собраны почти всѣ печатныя свѣдѣнія объ участіи Павла Петровича въ военныхъ дѣйствіяхъ.

отъ M-r et M-me Secondat (такъ иногда называла Екатерина Павла Петровича и Марію Θеодоровну), которые, во что бы то ни стало, желаютъ ѣхать въ армію. Ему я позволяю это, но ей—какъ на это согласиться? Это невозможно, а милая женщина, сказать правду, обладаетъ головой, не подчиняющейся разсудку и очень неудобной» [75]). «Я вамъ совѣтовала не думать объ этомъ путешествіи» писала Екатерина въ это время самой Маріи Θеодоровнѣ, «уже сказала это и повторяю; могу только прибавить къ этому, что если вамъ такъ трудно разстаться и быть другъ безъ друга, то, вмѣсто безконечныхъ стенаній, всего лучше вамъ обоимъ остаться въ Петербургѣ, вамъ и моему сыну; тогда исполнятся желанія и ваши, и мои, и имперіи» [76]). Получивъ этотъ отказъ, Маріи Θеодоровна была крайне опечалена. «Недѣля уже», сообщаетъ современникъ, «какъ ея высочество никакой пищи вкушать не изволитъ» [77]). Отъѣздъ Павла Петровича назначенъ былъ на Февраль. «Ты узнаешь отъ дорогой моей матушки», сообщала Марія Θеодоровна г-жѣ Оберкирхъ, «всѣ несчастія, которыя испытываю я теперь и которыя ожидаютъ меня въ будущемъ. Признаюсь, эти несчастія подавляютъ меня... Что только будетъ въ этомъ ужасномъ Февралѣ? Суди сама, дорогая Ланель! Разлука, которая угрожаетъ мнѣ, продолжится девять мѣсяцевъ, такъ что я не могу разсчитывать увидѣть своего дорогаго мужа ранѣе начала Ноября. Я буду удалена отъ него за тысячи верстъ. Онъ будетъ подверженъ всѣмъ опасностямъ войны съ варварами, ужасной болѣзни, съ нею связанной (чумы), и нездороваго климата, который не щадитъ никого. Суди по этому наброску о чувствахъ, которыя должна испытывать моя душа. Признаюсь, я думаю, что несчастный каторжникъ пользуется бо́льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ я въ настоящее время, потому что онъ страдаетъ одинъ и не видитъ никого изъ близкихъ своихъ въ опасности, между тѣмъ какъ я дрожу за жизнь того, ради сохраненія котораго я пожертвовала бы охотно своею... Съ другой стороны, крайнее желаніе моего мужа находиться въ арміи и связанная съ этимъ желаніемъ мысль о долгѣ и славѣ налагаютъ на меня тяжелую обязанность заставить молчать всѣ св[illegible]ывать

[75]) *Сборникъ*, XXIII, 429.
[76]) *Русск. Ст.*, 1873, VIII, 8[illegible]
[77]) *Гарновскій*, *Р. Ст.*, [illegible]

свою скорбь» [78]). Положеніе Маріи Өеодоровны было тѣмъ грустнѣе, что въ это время она вновь почувствовала себя матерью. Это обстоятельство не укрылось отъ взгляда Екатерины, и она имъ воспользовалась, по замѣчанію г-жи Оберкирхъ, какъ средствомъ удержать Павла Петровича отъ предположенной поѣздки [79]). Тщетно Павелъ Петровичъ настаивалъ на своемъ желаніи, тщетно указывалъ онъ на то, что въ Европѣ сдѣлались уже извѣстными его приготовленія къ походу. «Касательно предлагаемаго мнѣ вами вопроса», отвѣчала ему Екатерина, «на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы, отвѣчать вовсе не трудно: вы будете похожи на человѣка, подчинившагося моей волѣ, исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я постоянно васъ просила» [81]).

Своимъ желаніемъ принять участіе въ войнѣ съ Турціей доставилъ Маріи Өеодоровнѣ много хлопотъ и огорченій и принцъ Фридрихъ, еще не покинувшій надежды служить въ Россіи. Но просьба, присланная имъ Екатеринѣ, встрѣтила очень дурной пріемъ съ ея стороны: своимъ поведеніемъ послѣ отъѣзда своего изъ Россіи Фридрихъ возбудилъ противъ себя такой гнѣвъ императрицы, что она въ письмахъ своихъ къ Гримму называла его не иначе, какъ «негодяй», «герой злости» и т. п. Естественно, что у себя на родинѣ, въ Германіи, принцу надобно было объяснить благовиднымъ для себя образомъ причины удаленія своего изъ Россіи; въ особенности важно было для него заручиться съ этою цѣлью сочувствіемъ къ себѣ отца несчастной жены своей. И дѣйствительно, безнравственному и хитрому принцу удалось, клевеща на жену и выгораживая себя, представить дѣло такимъ образомъ, что даже родные Зельмиры отвернулись отъ нея, и самой Екатеринѣ пришлось оправдывать ее передъ роднымъ отцомъ, хотя и безуспѣшно. Храповицкій былъ совершенно правъ, сказавъ императрицѣ по полученіи извѣстія о смерти Зельмиры: «она въ несчастіи своемъ кромѣ вашего

---

[78]) *Oberkirch*, II, 384, 388.

[79]) Быть можетъ, какъ замѣтилъ это еще г. Иконниковъ, Марія Өеодоровна дѣйствовала въ этомъ случаѣ не вполнѣ согласно съ видами своего супруга. У Гарновскаго 9—11 Января 1783 г. (*Р. Ст.*, XV, 689) встрѣчаемъ такое извѣстіе: «великая княгиня поручила гр. В. П. Мус.-Пушкину принести Государынѣ благодарность, что ее съ великимъ княземъ не разлучили», *Иконниковъ*, 149.—*Oberkirch* (II, 386) видитъ въ отказѣ Екатерины лишь слѣдствіе ея подозрительности.

[80]) Письмо 18 Января 1788 года. *Р. Ст.* 1873, VIII, 870.

величества иной защиты не имѣла» [81]). При такихъ обстоятельствахъ дозволить Фридриху возвратиться въ Россію значило косвеннымъ образомъ подтверждать и справедливость его объясненій, и правоту его дѣйствій по отношенію къ женѣ его, тогда какъ Екатерина желала скорѣе еще разъ торжественно выразить Фридриху свое неудовольствіе и тѣмъ осудить его поведеніе. Самъ принцъ подалъ къ тому поводъ. Потерявъ надежду возвратиться въ Россію, Фридрихъ, изъ чувства раздраженія просилъ Екатерину вовсе уволить его изъ Русской службы, и тогда императрица выразила принцу свое презрѣніе, уволивъ его простымъ извѣщеніемъ его объ этомъ отъ имени графа Мусина-Пушкина, а не выдачей указа за собственноручной подписью, какъ это обыкновенно дѣлалось въ такихъ случаяхъ. Разумѣется, Марія Θеодоровна не могла равнодушно отнестись къ позору брата, тѣмъ болѣе, что Екатерина, въ оправданіе своего поступка, ссылалась на не совсѣмъ будто бы почтительный тонъ просьбы принца Фридриха объ отставкѣ, тогда какъ всѣ письма его къ императрицѣ предварительно просматривались Маріей Θеодоровной и лишь въ случаѣ ея одобренія передавались по принадлежности. Сознаваясь въ этомъ предъ Екатериной, Марія Θеодоровна умоляла ее не лишать Фридриха милости, «въ которой, писала она, отказываютъ только преступникамъ». «Ради Бога, ваше величество», писала она Екатеринѣ 11 Ноября 1787 г., «если я имѣю хотя малѣйшее право на ваши милости, скажу даже—на любовь вашу, то не наносите этого позора моему несчастному брату. Вы положили бы въ гробъ почти шестидесятилѣтняго старца, которому мы обязаны жизнію и который не переживетъ этого позора» [82]). Подобными мольбами наполнены были цѣлыхъ три письма, посланныя по этому поводу Маріей Θеодоровной Екатеринѣ; въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ Маріи Θеодоровны сдѣлалъ приписку и Павелъ Петровичъ, присоединяясь къ просьбамъ своей супруги. Не смотря на то, Екатерина осталась тверда въ своемъ рѣшеніи. Желая, однако, показать, что ея гнѣвъ на Фридриха вызванъ исключительно его дурнымъ поведеніемъ и нисколько не измѣняетъ ея обычнаго благоволенія къ Маріи Θеодоровнѣ и ея Германскимъ роднымъ, Екатерина дозволила затѣмъ вступить съ чиномъ генералъ-

---

[81]) *Дневникъ Храповицкаго*, 158.
[82]) *Сборникъ*, XV, 31—33.

маіора въ ряды арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ, одному изъ младшихъ братьевъ Фридриха, 18-лѣтнему принцу Карлу, который былъ крестникомъ императрицы [83]). Карлъ, по общимъ отзывамъ, производилъ другое впечатлѣніе, чѣмъ старшій его братъ, и по пріѣздѣ въ армію съумѣлъ заслужить себѣ расположеніе и уваженіе всѣхъ своихъ сослуживцевъ.

Къ этимъ тревогамъ и огорченіямъ, вызываемымъ въ Маріи Θеодоровнѣ Монбельярской семьей, присоединились еще опасенія за благополучный исходъ приближавшихся родовъ, мысль о которыхъ приводила Марію Θеодоровну въ ужасъ. И дѣйствительно, когда 10 Мая 1788 г. въ Царскомъ Селѣ послѣдовало рожденіе великой княжны Екатерины Павловны, жизнь Маріи Θеодоровны на этотъ разъ висѣла на волоскѣ, и она спасена была лишь благодаря присутствію духа и рѣшительнымъ мѣрамъ Екатерины: она семь часовъ сряду не отходила отъ постели своей невѣстки и своими распоряженіями содѣйствовала правильной подачѣ родильницѣ медицинской помощи со стороны растерявшихся врачей. На другой день Павелъ Петровичъ явился къ матери благодарить за спасеніе жизни Маріи Θеодоровны. «Сказано по сему случаю (записалъ Храповицкій 11 Мая), что жизнь великой княгини висѣла на ниткѣ; я ее спасла; въ 4-мъ часу родила, но мѣсто больше двухъ часовъ оставалось, бабка и блѣднѣла, и краснѣла; я рѣшилась употребить Моренгейма, и онъ кончилъ». — Votre Majesté ne manque jamais de résolution.—«Великая княгиня всегда тяжело родитъ» [84]). Не надо забывать, что Екатерина желала имѣть внука, а не внучку, такъ что появленіе новой дочери не особенно радовало Марію Θеодоровну, и самой Екатеринѣ пришлось успокаивать ее. «Вамъ, я думаю, извѣстно», писала она Гримму 28 Мая, что великая княгиня родила, слава Богу, четвертую дочь, что̀ приводитъ ее въ отчаяніе. Въ утѣшеніе матери я дала новорожденной свое имя» [85]). Екатерина забыла

[83]) *Schlossberger*, 29—32. Здѣсь находится переписка, возникшая по этому поводу между Екатериной и родителями Маріи Θеодоровны въ 1788 году. Карлъ былъ единственнымъ братомъ Маріи Θеодоровны, принимавшимъ участіе во второй Турецкой войнѣ въ рядахъ Русской арміи. См. *Schlossberger*, 181.

[84]) *Храповицкій*, 81.—Годъ спустя по рожденіи Екатерины Павловны, императрица, довольная здоровьемъ новорожденной, писала Маріи Θеодоровнѣ: «Право, сударыня, ты мастерица дѣтей производить. Извините, что не удержалась, но это правда». *Сборникъ*, XV, 166.

[85]) *Сборникъ*, XXIII, 449.

свое предсказаніе, что великой княжнѣ, носящей ея имя, придется всего хуже въ жизни. Разумѣется, великокняжеская чета была проникнута къ Екатеринѣ глубокой благодарностію, и сама Екатерина сообщала Потемкину 27 Мая: «При семъ случаѣ родители оказались противу прежняго ко мнѣ гораздо ласковѣе» [86]). Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна имѣли лишній случай убѣдиться въ добромъ сердцѣ Екатерины, которое выражалось по отношенію къ нимъ всякій разъ, когда Екатерина являлась въ качествѣ матери семейства, не будучи связана обязанностями Русской государыни. Великій князь, по словамъ современника, сдѣлался отмѣнно послушенъ, а Екатерина, какъ бы въ отвѣтъ на это, разрѣшила ему отправиться въ армію [87]). Марія Θеодоровна, полная благодарности къ Богу за сохраненіе жизни, ознаменовала свое выздоровленіе добрымъ дѣломъ [88]). Съ своей стороны и родители Маріи Θеодоровны выражали Екатеринѣ благодарность за спасеніе жизни дочери [89]).

Но Павлу Петровичу не довелось участвовать въ дѣйствіяхъ союзной арміи противъ Турокъ, гдѣ, на ряду съ распущенностію жизни и нерѣшительностію дѣйствій князя Потемкина, блистательно проявлялась суровая простота и военный геній Суворова и гдѣ Русскіе солдаты на поляхъ битвъ при зимнихъ осадахъ крѣпостей, въ форсированныхъ маршахъ, при невозможныхъ условіяхъ, выказывали обычную свою выносливость, стойкость и беззавѣтную храбрость. Шведскій король Густавъ III задумалъ воспользоваться Турецкой войной, чтобы неожиданно напасть на Россію съ сѣвера, угрожать самому Петербургу и возвратить Швеціи области, отнятыя у нея Петромъ I. Тогда Екатерина поручила войска, собранныя у Финляндской границы, гр. Мусину-Пушкину; туда же отправился и Павелъ Петро-

---

[86]) «Понеже», прибавляла Екатерина, «почитаютъ нѣкоторымъ образомъ, что я матери спасла животъ; ибо жизнь ея была два часа съ половиной въ немалой опасности отъ единаго ласкательства и трусости окружающихъ врачей, и, видя сіе, ко времени и кстати удалось мнѣ дать добрый совѣтъ, чѣмъ дѣло благополучно кончилось, и теперь (27 Мая) она здорова». *Сборникъ*, XXVII, 492.

[87]) *Гарновскій*, *Русская Ст.*, 1876, XVI.

[88]) 6 Іюня Марія Θеодоровна писала Платону: «При семъ посылаю вамъ 1.000 руб., которые васъ прошу раздать бѣднымъ. Я знаю и чувствую, что лучшая благодарность, которую мы можемъ пок[illegible]ъ, чтобы бѣднымъ помогать». *Русскій Архивъ*, [illegible]

[89]) *Храповицкій*, 121.

вичъ. Эта перемѣна не могла не имѣть великаго значенія для Цесаревича: войска наши находились въ оборонительномъ положеніи и стояли большею частію безъ дѣла, а графъ Мусинъ-Пушкинъ, «сей мѣшокъ нерѣшимой», по выраженію Екатерины, оказался столько же плохимъ полководцемъ, сколько и слабымъ, неискуснымъ военнымъ администраторомъ. Немудрено, что, не видя войны и замѣчая повсюду вокругъ себя одни лишь безпорядки, Павелъ Петровичъ и не могъ провѣрить на дѣлѣ пригодность своихъ Прусскихъ, экзерцицмейстерскихъ теорій, а напротивъ, въ теченіе всего пребыванія въ Финляндской арміи, убѣждался еще болѣе въ ихъ спасительности для Русской арміи.

Отъѣзжая въ армію, какъ предполагали тогда, на долгое время, Павелъ Петровичъ счелъ необходимымъ составить и вручить Маріи Өеодоровнѣ на случай своей смерти или смерти императрицы Екатерины нѣсколько документовъ, въ которыхъ онъ излагалъ свою послѣднюю волю и мысли объ управленіи государствомъ; тогда же выбранъ былъ шифръ, посредствомъ котораго должна была совершаться тайная переписка между супругами на время разлуки [91]). Изъ документовъ этихъ одинъ былъ написанъ 7 Января 1788 г. за подписью и Павла, и Маріи Өеодоровны; это былъ актъ о престолонаслѣдіи, который отмѣнялъ законъ Петра Великаго, дававшій царствующему государю право выбрать себѣ наслѣдника по своему усмотрѣнію, и устанавливалъ навсегда естественный порядокъ наслѣдованія престола по мужской линіи, отъ отца къ старшему сыну. Въ своемъ завѣщаніи Павелъ Петровичъ торжественно засвидѣтельствовалъ то значеніе, которое имѣла для него Марія Өеодоровна въ теченіе ихъ двѣнадцатилѣтняго супружества. «Долженъ тебѣ отворить сердце мое», писалъ онъ. «Тебѣ самой извѣстно, сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа предъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но и почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты была мнѣ первою отрадою и подавала лучшіе совѣты. Симъ признаніемъ долженъ предъ всѣмъ свѣтомъ о твоемъ благоразуміи. Привязанность къ дѣтямъ—залогомъ привязанности и любви ко мнѣ была. Однимъ словомъ, не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать, равномѣрно и за терпѣніе твое, съ которымъ сносила со-

[91]) «*Вѣстникъ Европы*», 1867, I, 297 и далѣе.—Перечисленіе документовъ, находившихся въ бумагахъ Павла Петровича и относящихся, между прочимъ, къ этому періоду, см. *Мар. Арх.*, бумаги императрицы Маріи, св. 103, № 3.

стояніе свое, ради меня и по человѣчеству случающіяся въ жизни нашей скуки и прискорбія, о которыхъ прошу у тебя прощенія». Совѣтами и терпѣніемъ Маріи Ѳеодоровна, безъ сомнѣнія, не разъ предотвращала неосторожные поступки горячаго и раздражительнаго цесаревича. То же самое случилось и во время пребыванія Павла Петровича въ Финляндской арміи, хотя на этотъ разъ Марія Ѳеодоровна могла дѣйствовать на супруга лишь письменно и посредствомъ близкихъ людей.

Павелъ Петровичъ отправлялся въ армію, повидимому, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Командовалъ арміею гр. Мусинъ - Пушкинъ, пользовавшійся довѣріемъ великокняжеской четы, а сопровождали великаго князя испытанный другъ его и Маріи Ѳеодоровны камергеръ Ѳ. Ѳ. Вадковскій и Пруссакъ Штейнверъ, командовавшій Гатчинскими войсками. Вадковскій, по выраженію современника, первенствовалъ по комнатнымъ дѣламъ великокняжескаго двора, а Штейнверъ по военнымъ [92]). Кромѣ того, его окружали и другія преданныя ему лица: завѣдывавшій Гатчинскою флотиліею капитанъ Кушелевъ и лейбъ-медикъ Блокъ: перваго Марія Ѳеодоровна обязала вести дневникъ пребыванія Павла въ Финляндіи, а второй долженъ былъ доставлять ей подробныя свѣдѣнія о здоровьѣ Павла Петровича [93]). Но уже при самомъ отъѣздѣ между Павломъ Петровичемъ и Екатериною произошло нѣкоторое охлажденіе. Причиною этого были распоряженія Екатерины о Гатчинскихъ войскахъ, отправленныхъ цесаревичемъ противъ Шведовъ. «Баталіонъ морской», разсказываетъ Гарновскій, «велѣно отдать во флотъ; просили, чтобы оный употребленъ былъ въ дѣло на сухомъ пути и чтобы позволено было представить его Государынѣ въ Царскомъ Селѣ, но отказано. Какая досада! Стара-

---

[92]) *Гарновскій*, *Русская Ст.*, XVI, 3.

[93]) *Осмнадцатый Вѣкъ*, III, 412.—Въ Финляндскую армію прибылъ къ Павлу и 18-ти-лѣтній сынъ графа Петра Ивановича Панина, гр. Никита Петровичъ, ради заслугъ отца и дяди ласково принятый цесаревичемъ и съумѣвшій пріобрѣсти его расположеніе. Отправляя сына въ армію, П. И. Панинъ писалъ кн. А. Б. Куракину: «Желалъ бы я единственно, чтобы вы ... доставили свѣдать государынѣ великой княгинѣ, что главная причина моего съ сыномъ преждевременнаго разлученія одна только та, что ... не могъ я терзанія души моей вытерпѣть, чтобы не было въ присутствующемъ его (Павла Петровича) мѣстѣ на употребленіи къ защищенію отечества никого изъ рода Панинызъ». *Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина*, изд. Брикне 1888, ч. I, 14—15.

вали, съ одной стороны, невольное соперничество въ любви къ нимъ со стороны матери, а съ другой, при подчиненномъ положенiи къ императрицѣ въ святомъ дѣлѣ воспитанiя дѣтей, возникали щекотливыя объясненiи между свекровью и невѣсткой даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось, не могло быть и рѣчи о какомъ-либо недоразумѣнiи. Такъ, императрица не одобрила ни выбора дома, въ которомъ привита была оспа великимъ княжнамъ въ Царскомъ Селѣ, ни оставленiя Марiи Павловны на время въ Петербургѣ [62]). Не нравились Екатеринѣ иногда даже такiя дѣйствiя Марiи Θеодоровны, которыми кроткая и терпѣливая невѣстка думала только угодить царственной бабушкѣ; когда, напр., малолѣтнiя дочери Марiи Θеодоровны писали Екатеринѣ рукою матери, императрица отказалась отвѣчать [63]). Не было, конечно, прiятнымъ для Павла Петровича и Марiи Θеодоровны и распоряженiе Екатерины о томъ, чтобы молодые великiе князья выѣхали къ ней на встрѣчу въ Москву, хотя, конечно, они безпрекословно подчинились волѣ матери. «Слышу», писалъ Завадовскiй по этому поводу, «что большiе (Павелъ Петровичъ и Марiя Θеодоровна) равнодушнѣе сiю разлуку прiемлютъ, чѣмъ прежнюю» [64]). Отъѣздъ Александра и Константина Павловичей состоялся 22 Мая [65]).

Заботясь во время своего путешествiя о внукахъ и внучкахъ своихъ, Екатерина выражала свое вниманiе и къ ихъ кроткой матери. Зная любовь Марiи Θеодоровны къ ея Германскимъ роднымъ, императрица приказала Гримму объяснить принцессѣ Софiи-Доротеѣ дѣло принца Фридриха [66]), а при свиданiи съ Iосифомъ II исполнила просьбу Марiи Θеодоровны «препоручить ея сестру милостямъ императора» (рѣчь шла объ ускоренiи брака принцессы, чего добивалась Монбельярская семья). «Сестра моя, писала Марiя Θеодоровна, твердо убѣждена, что одно слово съ

---

[62]) *Русскiй Архивъ*, 1864, 966.

[63]) *Сборникъ*, 47. *Храповицкiй* 29 Iюня 1787 г. приводитъ слова, сказанныя по этому поводу Екатериной: «Ce sont des commérages великой княгини: заставляетъ ихъ писать то, чего онѣ еще не понимаютъ, и послѣднiй разъ пеняли, что не отвѣчаю. О чемъ можно къ такимъ ребятамъ писать?»

[64]) *Арх. кн. Воронцова*, XII, 43.

[65]) Въ этотъ же день Марiя Θеодоровна писала С. Р. Воронцову въ Лондонъ, прося его выслать Англiйскихъ лошадей для Павла Петровича. *Арх. кн. Воронцова*, XXVIII, 334.

[66]) *Сборникъ*, XXIII. Съ этою цѣлiю былъ у нея и гр. Румянцовъ въ Iюлѣ 1787 г.

вашей стороны, любезнѣйшая матушка, сдѣлаютъ ее еще дороже императору». Іосифъ отвѣчалъ императрицѣ, что если бы принцесса Елисавета была его дочерью, то онъ не могъ бы любить ее сильнѣе [67]).

Но Екатерина не переставала слѣдить и за своимъ сыномъ. Цесаревичъ переписывался съ графомъ И. Г. Чернышевымъ, находившимся въ свитѣ императрицы, и переписка эта подвергалась перлюстраціи [68]). Подозрительное отношеніе къ Павлу Петровичу должно было усилиться, когда въ Кіевѣ Екатерина узнала, что онъ воспользовался ея отсутствіемъ, чтобы сформировать въ Гатчинѣ три батальона, вооружить въ Павловскѣ крѣпость Маріенталь новыми орудіями и положить начало Гатчинской флотиліи [69]). Наконецъ, самое свиданіе Екатерины съ Іосифомъ едва ли могло пройти безслѣдно для цесаревича: Іосифъ, вѣроятно, воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы устно сообщить Екатеринѣ ходившіе тогда за границей слухи о сношеніяхъ Павла Петровича съ Пруссіей. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что уже въ это время Екатерина задумала отстранить Павла Петровича отъ наслѣдованія престола: 11-го Іюля она возвратилась изъ путешествія, а въ Августѣ уже изучала исторически вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи и, въ разговорѣ съ Храповицкимъ, довольно ясно выразила цѣль этого изученія. «Читать изволила мнѣ, говоритъ онъ, пассажъ изъ Правды воли Монаршей. Тутъ или въ манифестѣ Екатерины І-й сказано, что причиною несчастія царевича Алексѣя Петровича было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ» [70]). Между тѣмъ Павелъ Петровичъ весело подсмѣивался надъ путешествіемъ матери, указывая на театральность и искусственность приготовленій для него, сдѣланныхъ

---

[67]) *Сборникъ*, XV, 81, 102.—Судя по позднѣйшимъ событіямъ (см. ниже, Х главу нашего труда), эти слова Іосифа не были пустой, любезной фразой, хотя любовь его къ своей воспитанницѣ не была отцовской. Безъ сомнѣнія, это чувство, овладѣвшее императоромъ, было главною причиною того, что онъ всячески отдалялъ срокъ совершенія брака принцессы съ эрцгерцогомъ Францомъ, по своимъ качествамъ вовсе ея не стоившимъ.

[68]) *Дневникъ Храповицкаго*, 20, 28—29. Изъ Херсона Екатерина отослала часть своей свиты прямо въ Москву, въ томъ числѣ и Чернышева. Онъ обидѣлся и отправился вмѣстѣ съ дочерью прямо въ Карлсбадъ. *Арх. кн. Воронцова*, XXVII, 149.

[69]) *Гарновскій* (*Р. Ст.*, 1876, XVI, 3). *Иконниковъ*, 148.

[70]) *Храповицкій*, 46.

Потемкинымъ [71]). Вскорѣ затѣмъ между матерью и сыномъ произошелъ явный разладъ.

Тотчасъ по возвращеніи Екатерины въ Петербургъ, Турки объявили Россіи войну, въ которой не замедлила принять участіе, въ качествѣ союзницы Россіи, и Австрія. Манифестъ о второй Турецкой войнѣ вышелъ 9 Сентября 1787 года, а уже 10 и 11 Сентября, два раза кряду, цесаревичъ обращался къ Екатеринѣ съ просьбой о дозволеніи отправиться въ армію волонтеромъ, но на обѣ свои просьбы получилъ отказъ: безъ сомнѣнія, не въ видахъ императрицы было создавать въ арміи популярность сына, успѣвшаго сдѣлаться подозрительнымъ, и его присутствіемъ стѣснять фельдмаршаловъ: Потемкина или Румянцова, въ разгаръ военныхъ дѣйствій [72]). Екатерина даже въ самомъ желаніи Павла Петровича ѣхать въ армію видѣла только стремленіе къ популярности. «Они (писала она Потемкину о Павлѣ Петровичѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ 24 Сентября) были весьма довольны остаться, разславляя только, что хотѣли ѣхать» [73]). На самомъ же дѣлѣ довольна отказомъ Екатерины, и то лишь отчасти, могла быть только Марія Ѳеодоровна, мало въ то время думавшая о популярности, но страшно встревоженная мыслью о предстоящей разлукѣ съ мужемъ. Не смѣя дѣйствовать противъ его желанія получить боевое крещеніе, Марія Ѳеодоровна приходила въ ужасъ при мысли объ опасностяхъ, которымъ цесаревичъ будетъ подвергаться въ арміи не только отъ непріятельскаго оружія, но и отъ заразительныхъ болѣзней, развивавшихся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Поэтому, когда Екатерина дала, наконецъ, свое согласіе на поѣздку Павла Петровича въ армію [74]), Марія Ѳеодоровна, желая раздѣлить съ мужемъ опасности, ему угрожавшія, сочла за лучшее просить Екатерину дозволить ей сопровождать его. «Въ теченіе трехъ сутокъ», писала Екатерина Гримму 29 Ноября, «я страннымъ образомъ осаждена и получаю по два и по три письма

---

[71]) «Vous avez tous bien flatté ma mère, messieurs», говорилъ онъ принцу де-Линю, «en faisant semblant de voir ce qui n'existe pas, des armées, des portes, flottes, des villes point bâtis et des colonies de cent lieues en poste, qui couraient après vous autres».

[72]) *Русская Ст.*, 1873, VIII, 856 и дальн.

[73]) *Сборникъ*, XXVII, 428.

[74]) Г. Кобеко полагаетъ, что согласіе это дано было благодаря ходатайству Потемкина. *Кобеко*, 336. Здѣсь же (335—345) собраны почти всѣ печатныя свѣдѣнія объ участіи Павла Петровича въ военныхъ дѣйствіяхъ.

отъ M-r et M-me Secondat (такъ иногда называла Екатерина Павла Петровича и Марію Өеодоровну), которые, во что бы то ни стало, желаютъ ѣхать въ армію. Ему я позволяю это, но ей—какъ на это согласиться? Это невозможно, а милая женщина, сказать правду, обладаетъ головой, не подчиняющейся разсудку и очень неудобной» [75]). «Я вамъ совѣтовала не думать объ этомъ путешествіи» писала Екатерина въ это время самой Маріи Өеодоровнѣ, «уже сказала это и повторяю; могу только прибавить къ этому, что если вамъ такъ трудно разстаться и быть другъ безъ друга, то, вмѣсто безконечныхъ стенаній, всего лучше вамъ обоимъ остаться въ Петербургѣ, вамъ и моему сыну; тогда исполнятся желанія и ваши, и мои, и имперіи» [76]). Получивъ этотъ отказъ, Маріи Өеодоровна была крайне опечалена. «Недѣля уже», сообщаетъ современникъ, «какъ ея высочество никакой пищи вкушать не изволитъ» [77]). Отъѣздъ Павла Петровича назначенъ былъ на Февраль. «Ты узнаешь отъ дорогой моей матушки», сообщала Марія Өеодоровна г-жѣ Оберкирхъ, «всѣ несчастія, которыя испытываю я теперь и которыя ожидаютъ меня въ будущемъ. Признаюсь, эти несчастія подавляютъ меня... Что только будетъ въ этомъ ужасномъ Февралѣ? Суди сама, дорогая Ланель! Разлука, которая угрожаетъ мнѣ, продолжится девять мѣсяцевъ, такъ что я не могу разсчитывать увидѣть своего дорогаго мужа ранѣе начала Ноября. Я буду удалена отъ него за тысячи верстъ. Онъ будетъ подверженъ всѣмъ опасностямъ войны съ варварами, ужасной болѣзни, съ нею связанной (чумы), и нездороваго климата, который не щадитъ никого. Суди по этому наброску о чувствахъ, которыя должна испытывать моя душа. Признаюсь, я думаю, что несчастный каторжникъ пользуется бо́льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ я въ настоящее время, потому что онъ страдаетъ одинъ и не видитъ никого изъ близкихъ своихъ въ опасности, между тѣмъ какъ я дрожу за жизнь того, ради сохраненія котораго я пожертвовала бы охотно своею... Съ другой стороны, крайнее желаніе моего мужа находиться въ арміи и связанная съ этимъ желаніемъ мысль о долгѣ и славѣ налагаютъ на меня тяжелую обязанность заставить молчать всѣ свои чувства и скрывать

---

[75]) *Сборникъ*, XXIII, 429.
[76]) *Русск. Ст.*, 1873, VIII, 862.
[77]) *Гарновскій*, *Р. Ст.*, 1876, XV, 495.

свою скорбь» [78]). Положеніе Маріи Θеодоровны было тѣмъ грустнѣе, что въ это время она вновь почувствовала себя матерью. Это обстоятельство не укрылось отъ взгляда Екатерины, и она имъ воспользовалась, по замѣчанію г-жи Оберкирхъ, какъ средствомъ удержать Павла Петровича отъ предположенной поѣздки [79]). Тщетно Павелъ Петровичъ настаивалъ на своемъ желаніи, тщетно указывалъ онъ на то, что въ Европѣ сдѣлались уже извѣстными его приготовленія къ походу. «Касательно предлагаемаго мнѣ вами вопроса», отвѣчала ему Екатерина, «на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы, отвѣчать вовсе не трудно: вы будете похожи на человѣка, подчинившагося моей волѣ, исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я постоянно васъ просила» [81]).

Своимъ желаніемъ принять участіе въ войнѣ съ Турціей доставилъ Маріи Θеодоровнѣ много хлопотъ и огорченій и принцъ Фридрихъ, еще не покинувшій надежды служить въ Россіи. Но просьба, присланная имъ Екатеринѣ, встрѣтила очень дурной пріемъ съ ея стороны: своимъ поведеніемъ послѣ отъѣзда своего изъ Россіи Фридрихъ возбудилъ противъ себя такой гнѣвъ императрицы, что она въ письмахъ своихъ къ Гримму называла его не иначе, какъ «негодяй», «герой злости» и т. п. Естественно, что у себя на родинѣ, въ Германіи, принцу надобно было объяснить благовиднымъ для себя образомъ причины удаленія своего изъ Россіи; въ особенности важно было для него заручиться съ этою цѣлью сочувствіемъ къ себѣ отца несчастной жены своей. И дѣйствительно, безнравственному и хитрому принцу удалось, клевеща на жену и выгораживая себя, представить дѣло такимъ образомъ, что даже родные Зельмиры отвернулись отъ нея, и самой Екатеринѣ пришлось оправдывать ее передъ роднымъ отцомъ, хотя и безуспѣшно. Храповицкій былъ совершенно правъ, сказавъ императрицѣ по полученіи извѣстія о смерти Зельмиры: «она въ несчастіи своемъ кромѣ вашего

---

[78]) *Oberkirch*, II, 384, 388.

[79]) Быть можетъ, какъ замѣтилъ это еще г. Иконниковъ, Марія Θеодоровна дѣйствовала въ этомъ случаѣ не вполнѣ согласно съ видами своего супруга. У Гарновскаго 9—11 Января 1783 г. (*Р. Ст.*, XV, 689) встрѣчаемъ такое извѣстіе: «великая княгиня поручила гр. В. П. Мус.-Пушкину принести Государынѣ благодарность, что ее съ великимъ княземъ не разлучили», *Иконниковъ*, 149.—*Oberkirch* (II, 386) видитъ въ отказѣ Екатерины лишь слѣдствіе ея подозрительности.

[80]) Письмо 18 Января 1788 года. *Р. Ст.* 1873, VIII, 870.

величества иной защиты не имѣла» [81]). При такихъ обстоятельствахъ дозволить Фридриху возвратиться въ Россію значило косвеннымъ образомъ подтверждать и справедливость его объясненій, и правоту его дѣйствій по отношенію къ женѣ его, тогда какъ Екатерина желала скорѣе еще разъ торжественно выразить Фридриху свое неудовольствіе и тѣмъ осудить его поведеніе. Самъ принцъ подалъ къ тому поводъ. Потерявъ надежду возвратиться въ Россію, Фридрихъ, изъ чувства раздраженія просилъ Екатерину вовсе уволить его изъ Русской службы, и тогда императрица выразила принцу свое презрѣніе, уволивъ его простымъ извѣщеніемъ его объ этомъ отъ имени графа Мусина-Пушкина, а не выдачей указа за собственноручной подписью, какъ это обыкновенно дѣлалось въ такихъ случаяхъ. Разумѣется, Марія Θеодоровна не могла равнодушно отнестись къ позору брата, тѣмъ болѣе, что Екатерина, въ оправданіе своего поступка, ссылалась на не совсѣмъ будто бы почтительный тонъ просьбы принца Фридриха объ отставкѣ, тогда какъ всѣ письма его къ императрицѣ предварительно просматривались Маріей Θеодоровной и лишь въ случаѣ ея одобренія передавались по принадлежности. Сознаваясь въ этомъ предъ Екатериной, Марія Θеодоровна умоляла ее не лишать Фридриха милости, «въ которой, писала она, отказываютъ только преступникамъ». «Ради Бога, ваше величество», писала она Екатеринѣ 11 Ноября 1787 г., «если я имѣю хотя малѣйшее право на ваши милости, скажу даже—на любовь вашу, то не наносите этого позора моему несчастному брату. Вы положили бы въ гробъ почти шестидесятилѣтняго старца, которому мы обязаны жизнію и который не переживетъ этого позора» [82]). Подобными мольбами наполнены были цѣлыхъ три письма, посланныя по этому поводу Маріей Θеодоровной Екатеринѣ; въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ Маріи Θеодоровны сдѣлалъ приписку и Павелъ Петровичъ, присоединяясь къ просьбамъ своей супруги. Не смотря на то, Екатерина осталась тверда въ своемъ рѣшеніи. Желая, однако, показать, что ея гнѣвъ на Фридриха вызванъ исключительно его дурнымъ поведеніемъ и нисколько не измѣняетъ ея обычнаго благоволенія къ Маріи Θеодоровнѣ и ея Германскимъ роднымъ, Екатерина дозволила затѣмъ вступить съ чиномъ генералъ-

---

[81]) *Дневникъ Храповицкаго*, 158.

[82]) *Сборникъ*, XV, 31—33.

отъ него вмѣстѣ съ мужемъ по возможности чаще, Марія Өеодоровна не только не утратила Этюпскихъ навыковъ своихъ къ тихой жизни въ небольшомъ домашнемъ кружкѣ и къ мирнымъ занятіямъ литературой и искусствами, но еще болѣе развила ихъ, пользуясь уединеніемъ Павловска и Гатчины. Здѣсь также погружалась она въ хозяйственныя заботы, предметомъ которыхъ было устройство этихъ лѣтнихъ резиденцій. Заботы эти, сами по себѣ по большей части мелочныя, для Маріи Өеодоровны имѣли однако большое значеніе: благодаря имъ, она знакомилась съ подробностями будничной жизни, столь рѣзко отличавшейся отъ жизни двора и великосвѣтскаго общества, сближалась съ людьми, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ классамъ общества, и мало-по малу вырабатывала въ себѣ ту необыкновенную хозяйственную распорядительность, ту привычку къ неустанной дѣятельности, которыми она впослѣдствіи удивляла современниковъ. Въ этомъ отношеніи молодая Павловская помѣщица менѣе всего походила на изнѣженныхъ, офранцуженныхъ дамъ высшаго общества XVIII в., а напоминала собою такихъ Русскихъ женщинъ того времени, которыя, подобно бывшей статсъ-дамѣ Маріи Өеодоровны, графинѣ Е. М. Румянцовой, входили во всѣ подробности своего хозяйства, не довольствуясь услугами наемныхъ или крѣпостныхъ управителей. Нужно замѣтить при этомъ, что хозяйственныя заботы Маріи Өеодоровны основывались не на одномъ только стремленіи ея къ строгой бережливости: ею руководило также сознаніе нравственной отвѣтственности, которую она несла за благосостояніе всѣхъ крестьянъ и другихъ лицъ, судьба которыхъ зависѣла отъ ея вниманія. Безъ сомнѣнія, это же сознаніе живо было и въ Павлѣ Петровичѣ, который въ помѣщикахъ желалъ видѣть устроителей счастья крѣпостныхъ людей и въ заботахъ своихъ о бытѣ Гатчинскихъ крестьянъ самъ подавалъ тому примѣръ [1]). Великокняжеская чета своими дѣйствіями вполнѣ оправдала слова, съ которыми Павелъ Петровичъ, еще въ самомъ началѣ постройки Павловска, обращался къ другу своему и бывшему наставнику Платону: «Нахожу въ Павловскомъ удовольствіе свое. Сіе удовольствіе ни съ кѣмъ мы не дѣлимъ, сіе удовольствіе ничѣмъ не пріобрѣли; итакъ, заведемъ что нибудь при семъ мѣстѣ, чѣмъ интересовали бы

---

[1]) *Кобеко*, 294—296.

иныхъ, кромѣ себя, и чѣмъ дѣлили бы удовольствіе и спокойствіе съ другими. Вотъ наша мысль» [2]). Начало осуществленію этой мысли, какъ мы уже видѣли, положено было тогда же устройствомъ богадѣльни, школы и больницы для обитателей Павловска [3]). Но въ то время Павловскъ былъ единственнымъ помѣстьемъ великокняжеской четы, и поэтому на немъ исключительно сосредоточивались ея заботы. Естественно, что съ пожалованіемъ Павлу Петровичу Гатчины положеніе дѣлъ измѣнилось къ невыгодѣ нарождающагося Павловска. Гатчина уже въ то время была большимъ сравнительно поселеніемъ, въ которомъ считалось до 2,000 жителей, тогда какъ въ Павловскѣ было ихъ всего около 600; здоровый климатъ Гатчины и положеніе ея на перепутьи между дорогами на Петербургъ, Москву и Варшаву невольно заставляли отдавать ей предпочтеніе предъ Павловскомъ, терявшимся въ глубинѣ лѣсовъ, окружавшихъ Царское Село, и расположенномъ на низкомъ, сыромъ мѣстѣ; наконецъ, самый дворецъ Гатчинскій, бывшее жилище князя Г. Г. Орлова, убранный съ большимъ вкусомъ и великолѣпіемъ, по своей обширности, удобствамъ для жизни и красотѣ своихъ зданій и садовъ, представлялъ несомнѣнно лучшее помѣщеніе для великокняжеской четы, чѣмъ дворецъ въ Павловскѣ, въ то время даже еще не достроенный. Неудивительно поэтому, что Павелъ Петровичъ, сдѣлавшись владѣльцемъ Гатчины и будучи чуждъ Этюпскому, идиллическому настроенію своей супруги, выбралъ Гатчину главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ. Сама основательница и владѣтельница Павловска, любя его какъ свое твореніе, не могла не сознавать преимуществъ Гатчины. «Гатчина соперница весьма опасная», писала Марія Ѳеодоровна 14 Сентября 1785 года Кюхельбекеру, управлявшему Павловскомъ, «и необходимо приложить всю вашу дѣятельность и все ваше усердіе, чтобы Павловское могло выдержать сравненіе» [4]). Дѣйствительно, въ Павловскѣ шла въ это время неустанная работа по окончательной отдѣлкѣ дворца, который, однако, готовъ былъ вполнѣ лишь въ концѣ 1786 года [5]).

---

[2]) *«Русскій Архивъ»*, II, 34. Письмо отъ 29 Мая 1783 г.

[3]) См. VII главу настоящаго труда, 257—258.

[4]) *«Павловскъ»*, 536.

[5]) Лѣтомъ 1786 года во дворцѣ приготовлялись покои для дочерей великой княгини. При этомъ стѣны оклеены были бумажными обоями [illegible] тогда еще новизною. *Павловскъ*, 47.

Завѣдывавшій Павловскомъ Кюхельбекеръ былъ только исполнителемъ приказаній Маріи Θеодоровны, которая, гдѣ бы она ни жила, входила во всѣ мелочи Павловскаго хозяйства. Каждая смѣта художественныхъ и обойныхъ работъ, каждый счетъ подрядчиковъ, даже предначертанія архитектурныхъ подробностей въ сооруженіи Павловска подвергались тщательному просмотру и провѣркѣ Маріи Θеодоровны и служатъ доказательствомъ рѣдкой въ ея возрастѣ и положеніи разумной бережливости. «Вы были правы, добрый мой Кюхельбекеръ», писала она однажды, «говоря, что смѣта о постройкѣ конюшень перепугаетъ насъ. Есть чего перепугаться, такъ какъ эта смѣта дѣйствительно аптекарскій счетъ. Я говорила о ней со многими лицами, и всѣ удивлены и поражены ею столько же, сколько и я. Поэтому прошу васъ приказать другимъ пересмотрѣть ее, и сами пересмотрите. Пильниковъ добрый малый, но онъ считаетъ по манерѣ тѣхъ первоклассныхъ архитекторовъ, которые, чуть дѣло идетъ о дворцѣ, насчитываютъ вдвое и втрое. Сдѣлаю вамъ нѣсколько замѣтокъ. Стѣны сараевъ могутъ быть, какъ мнѣ кажется, сложены въ полтора кирпича; такъ какъ въ нихъ никто не живетъ, то все равно, будутъ ли промерзать стѣны или нѣтъ. То же скажу и о всѣхъ стѣнахъ, которыми обнесены сараи. Такъ какъ во всемъ зданіи сараевъ и конюшень нѣтъ ни одной печки, ни одного камина, а слѣдовательно и опасности отъ огня, то желѣзныя кровли совершенно безполезны и могутъ быть замѣнены черепицами, потому что послѣднія дешевле. Повторяю вамъ, мой добрый Кюхельбекеръ, что счетъ всѣмъ кажется непомѣрнымъ, и такъ или иначе, но въ него непремѣнно вкралась ошибка» [6]). «Уговорились ли вы на счетъ бѣлой тафты?» писала она въ другой разъ. «Съ меня спрашивали за нее рубль шестьдесятъ коп., и я не хотѣла взять, думая, что съ меня запрашиваютъ. Поручаю это вамъ. Мнѣ показывали тафту въ рубль пятнадцать коп., но она очень плоха». Было бы слишкомъ утомительно приводить новыя выписки такого же характера изъ писемъ Маріи Θеодоровны къ Кюхельбекеру: всѣ онѣ свидѣтельствуютъ только объ усиліяхъ великой княгини свести расходы

---

[6]) «*Павловскъ*», 48—49.—Письма Маріи Θеодоровны къ Кюхельбекеру находятся въ Архивѣ Павловскаго дворца. Важнѣйшія изъ нихъ приведены въ переводѣ и въ подлинникѣ въ извѣстной книгѣ «*Павловскъ*», на которую мы и ссылаемся.

по работамъ въ Павловскѣ къ возможно-меньшей суммѣ; достигнуть этой цѣли, конечно, было бы нельзя безъ зоркаго глаза самой владѣтельницы Павловска и основательнаго знакомства ея со всѣми хозяйственными подробностями. Можно принять за вѣрное, что, созидая Павловскъ, Марія Θеодоровна практически училась хозяйству во всѣхъ его отрасляхъ, въ затруднительныхъ случаяхъ обращаясь за совѣтами къ людямъ опытнымъ. Безъ сомнѣнія, разсчетливость Маріи Θеодоровны можетъ показаться иногда черезчуръ мелочной для супруги наслѣдника Русскаго престола; но не надо забывать, что финансовыя дѣла великокняжеской четы, принужденной посылать большія суммы за границу, поневолѣ вынуждали Марію Θеодоровну быть бережливой на расходы по Павловску; съ другой стороны, слишкомъ урѣзывать ихъ значило отказаться отъ взлелѣянныхъ уже Маріей Θеодоровной плановъ создать себѣ гнѣздышко на подобіе роднаго Этюпа и, въ то же время, не возбудить неудовольствія императрицы, которая, безъ сомнѣнія, могла бы догадаться, что суммамъ, отпускавшимся на построеніе Павловска, давалось другое назначеніе. Неоднократно бывали даже случаи, когда Марія Θеодоровна, какъ видно, оказывалась не въ состояніи оплатить даже мелкія затраты по постройкѣ и отдѣлкѣ Павловскихъ сооруженій. «Прошу васъ, мой добрый Кюхельбекеръ, дать мнѣ отвѣтъ на счетъ ситцу», писала она однажды. «Вы не должны опасаться (sic) заплатить за него, потому что я въ ту же минуту отдамъ вамъ деньги». «Посылаю вамъ 40 руб.», сообщала она въ другой разъ Кюхельбекеру. «Особенно поручаю вамъ расплатиться съ землекопами, на сколько это человѣчески возможно. Пришлите мнѣ мѣрки печей, которыя въ нижнемъ и въ третьемъ этажахъ, чтобы я могла заказать заслонки здѣсь, гдѣ ихъ дѣлаютъ хорошо, и такъ какъ мастеръ постоянно состоитъ здѣсь, на службѣ, то за нихъ не надобно платить денегъ». «Все-таки хоть что-нибудь», радовалась однажды великая княгиня, предлагая оставить въ кассѣ 40 руб., сбереженные отъ расходовъ по уплатѣ. Естественно предположить, что стремленіе къ мелочнымъ урѣзываніямъ по хозяйству, желаніе прилагать всѣ усилія къ производству нужныхъ работъ самымъ дешевымъ способомъ, иногда съ цѣлью выгадать всего нѣсколько лишнихъ рублей [7]),

[7]) «Маіоръ Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что каждый кустъ можжевельника обойдется намъ въ восемь копѣекъ, онъ же платитъ только

должно было бы развить въ великой княгинѣ страсть къ скопидомству и даже скупость. На самомъ же дѣлѣ это свидѣтельствовалотолько о щепетильной точности и акуратности великой княгини въ денежныхъ дѣлахъ; при сердечной добротѣ Маріи Ѳеодоровны и ея нравственныхъ свойствахъ о скупости и черствомъ отношеніи къ рабочимъ не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, сокращеніе расходовъ не шло въ ущербъ вознагражденія рабочимъ, а о здоровьи ихъ прилагались самыя тщательныя заботы. Были случаи, когда Марія Ѳеодоровна присылала нарочныхъ изъ Петербурга исключительно для того, чтобы узнать, не заболѣлъ ли кто изъ рабочихъ по время колки льда и въ предупрежденіе болѣзней доставляла деньги на теплое питье, на водку, на обувь и т. д. «Такъ какъ я вижу, что теперь вы очень нуждаетесь въ деньгахъ», писала она Кюхельбекеру 14 Апрѣля 1785 г., «то песылаю вамъ пятьсотъ рублей, взятые мною въ займы. Наградите тѣхъ, которые особенно хорошо работали при ледоколѣ; въ особенности же увѣдомьте меня, по совѣсти, не заболѣлъ ли кто на этой работѣ». Когда, весною 1786 года, въ Петербургѣ открылась эпидемія и между рабочими въ Павловскѣ появилось много больныхъ, Марія Ѳеодоровна въ помощь доктору Ромбергу, занятому по больницѣ, прислала доктара Ритмейстера и писала Кюхельбекеру: «Ради Бога, не жалѣйте ни денегъ, ни расходовъ, ни заботъ, чтобы предупреждать болѣзни, и убѣдите Ритмейстера удвоить усилія къ спасенію этихъ бѣдняковъ... Что касается до множества больныхъ, то и здѣшніе госпитали переполнены ими; но что̀ безконечно огорчаетъ меня, это видѣть, что не проходитъ недѣли, чтобъ у васъ кто-нибудь не умеръ. Особенно поразила меня смерть втораго штукатура, умершаго отъ цынги, тогда какъ болѣзнь эта обыкновенно не смертельна, а лѣкарь даже не довелъ до вашего свѣдѣнія, что больной опасенъ. Желаю, чтобы вы прислали мнѣ подробный списокъ больныхъ и чтобы Ритмейстеръ отмѣтилъ на немъ, кто именно изъ нихъ боленъ серьезно. Хорошо сдѣлаете, если посовѣтуете ему, буде есть у него тяжко больные, обращаться

копѣйки; поэтому мнѣ пришло на мысль сказать вамъ, чтобы вы прислали сюда лошадей въ Воскресенье, пораньше утромъ. Тогда они навезутъ нѣсколько возовъ этихъ кустарниковъ, мы заплатимъ за нихъ по три копѣйки, и въ то же время лошади не будутъ отвлечены отъ работъ на Понедѣльникъ». Письмо отъ 24 Сентября 1786 г.

за содѣйствіемъ къ Ромбергу, который опытнѣе его, и тогда каждый разъ писать къ Крузе (лейбъ-медику), испрашивая его совѣта. Отвѣчайте мнѣ на это, и прошу васъ еще, мой добрый Кюхельбекеръ, приказать разъ навсегда, если появится опасный больной, чтобы вамъ о немъ тотчасъ же сообщали; если вы въ это время будете въ городѣ, то прикажите Ритмейстеру присылать къ вамъ нарочнаго, а въ Крузе—донесеніе. Эти покойники меня огорчаютъ... Зачѣмъ вы отослали въ Петербургъ трехъ больныхъ каменьщиковъ? Отвѣчайте на этотъ вопросъ». Заботы Маріи Θеодоровны о здоровьи обитателей Павловска встрѣчали, однако, противодѣйствіе въ ихъ же средѣ, благодаря недовѣрію ихъ къ медицинѣ и докторамъ, но великая княгиня старалась побѣждать его самыми дѣйствительными и разумными средствами. Оставивъ Ритмейстера въ Павловскѣ, Марія Θеодоровна надѣялась, что жители Павловска будутъ пользоваться также услугами его жены, акушерки; надежда эта не скоро оправдалась. «Досадно», писала она по этому случаю, «что еще никто не пользовался услугами Ритмейстерши; но пусть это придетъ само собой, и склонить къ тому нельзя никого иначе, какъ убѣжденіями и лаской; но я желала бы, чтобы жена моего священника подала другимъ добрый примѣръ». Еще болѣе сильное противодѣйствіе возбудили въ жителяхъ Павловска мѣры Маріи Θеодоровны по прививкѣ оспы ихъ дѣтямъ. Зимою 1788—1789 года въ Павловскѣ открылась оспенная эпидемія. Великая княгиня отправила въ Павловскъ для прививки дѣтямъ оспы врача Галлидея, прививавшаго ранѣе оспу великимъ князьямъ и княжнамъ». «Вы соберете», писала по этому поводу Кюхельбекеру Марія Θеодоровна, «всѣхъ находившихся въ Павловсѣ дѣтей, у которыхъ не было оспы, чтобы онъ ихъ освидѣтельствовалъ и рѣшилъ,—нужно ли имъ привить оспу, и тогда, подчиняясь его распоряженіямъ, уговорите родителей на это согласиться, заставивъ ихъ принять во вниманіе, что у насъ двое дѣтей, у которыхъ не было оспы, и что, такимъ образомъ, если эпидемія продолжится въ Павловскѣ, дѣти наши подвергнутся истинной опасности. Завтра увѣдомьте меня, чѣмъ рѣшитъ Галлидей и пришлите мнѣ списокъ тѣхъ, кого онъ выберетъ, съ означеніемъ ихъ лѣтъ». Изъ другаго письма Маріи Θеодоровны къ Кюхельбекеру видно, какъ приняты были эти ея распоряженія жителями Павловска. «Я очень довольна всѣми вашими распоряженіями; желала бь

чтобы вы не слушали просьбъ родителей, отдавшихъ своихъ дѣтей для прививки оспы не назначенныхъ Галлидеемъ, но надѣющихся еще, что они будутъ присланы обратно безъ прививки. Скажите Кузьмѣ Петровичу (одному изъ крестьянъ), чтобы онъ, Бога ради, заботился о своихъ дѣтяхъ. Желала бы видѣть ихъ въ добрыхъ рукахъ, и не будетъ ли хорошо, если ихъ отправятъ въ надежное помѣщеніе? Мнѣ пришло на мысль, что можетъ быть Галлидей доставитъ мнѣ удовольствіе и возьметъ на свое попеченіе этихъ двухъ дѣтей, если его объ этомъ попросить. Я напишу ему еще сегодня вечеромъ и сообщу вамъ отвѣтъ его завтра: боюсь, что если перевести ихъ къ его родственницѣ, то ихъ тамъ слишкомъ тепло будутъ держать, и дѣти оттого пострадаютъ. Скажите большое спасибо мужичкамъ, особенно тому, который подалъ примѣръ, и всѣмъ прочимъ родителямъ. Что же касается до вдовы Сельдюковой, послѣ ея ужаснаго предложенія извести своего ребенка и отречься отъ обязанностей, лежащихъ на матери,—вы скажите ей только, что я беру дитя на свое попеченіе; вы его довѣрите, кому найдете умѣстнымъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ Ритмейстера и его жены; относительно матери, какъ только ея здоровье дозволитъ, она должна выѣхать изъ Павловскаго, и я не хочу болѣе видѣть ее въ спискахъ своихъ пенсіонерокъ. Однако выждите девять дней послѣ родовъ и тогда объявите ей ея участь; но, ради Бога, заботьтесь о дѣтяхъ». Эпизодъ съ Сельдюковой, очевидно, не имѣлъ отношенія къ оспенной эпидеміи: женщина эта, безъ сомнѣнія, принадлежала къ разряду матерей, стремившихся освободиться отъ своихъ обязанностей. Такіе случаи, разумѣется, глубоко огорчали Марію Θеодоровну и производили неизгладимое впечатлѣніе на ея нѣжное сердце; вѣроятно, уже въ это время она задавалась мыслію о судьбѣ дѣтей несчастнорожденныхъ и брошенныхъ безъ призрѣнія. Что̀ касается до Кузьмы Петровича, то отъ него, очевидно, не ждали скораго согласія на просьбы великой княгини—отдать дѣтей своихъ на попеченіе Галлидею. «Посылаю вамъ», писала на другой день Марія Θеодоровна Кюхельбекеру, «копію съ отвѣта Галлидея. Переведите ее Кузьмѣ Петровичу, и если онъ согласенъ отдать ему своихъ дѣтей, то можетъ самъ отвезти ихъ къ Галлидею. Растолкуйте этому простяку, что ему только добра хотятъ; но если онъ будетъ упрямиться въ своемъ рѣшеніи, то дѣлать нечего. Какъ здоровье новорожденнаго ребенка? Каковъ тотъ, у

котораго привита оспа?» Любовь Маріи Ѳеодоровны къ дѣтямъ выражалась и въ заботахъ ея о школѣ Павловска. Ежемѣсячно великой княгинѣ представлялись рисунки и тетради учащихся; кромѣ того, какъ объ ученикахъ, такъ и объ ученицахъ, составлялись подробныя вѣдомости съ обозначеніемъ семейнаго и школьнаго положенія каждаго учащагося. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ происходили годичные экзамены, послѣ которыхъ наиболѣе прилежные ученики и ученицы награждались, по приказанію Маріи Ѳеодоровны, золотыми кольцами, карандашами въ золотой и серебряной оправѣ и деньгами отъ двухъ до пяти рублей. Учителямъ внушено было обходиться съ учениками кротко и человѣчно, не подвергая ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Одно время училищами Павловска, по избранію великой княгини, завѣдывалъ извѣстный педагогъ Янковичъ-де-Миріево.

Что̀ дѣлалось для жителей Павловска, то же происходило въ Гатчинѣ, гдѣ хозяиномъ являлся Павелъ Петровичъ, всегда сочувствовавшій своей супругѣ въ ея благотворительныхъ начинаніяхъ и дѣйствовавшій съ нею въ одномъ духѣ. И въ Гатчинѣ первыми подарками новыхъ ея владѣтелей бѣднымъ ея жителямъ были также школа и больница, устроенныя, въ виду многочисленности ея населенія, даже въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Павловскѣ. Крестьянъ, у которыхъ хозяйство не по ихъ винѣ приходило въ упадокъ, Павелъ Петровичъ помогалъ не только денежными ссудами, но и прирѣзкою необходимаго количества земли. Заботясь объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей Гатчинскихъ жителей, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, Павелъ Петровичъ выстроилъ на свой счетъ, кромѣ уже существовавшихъ, еще четыре церкви: православную въ госпиталѣ, общую лютеранскую, католическую и Финскую въ Колпинѣ; на свой счетъ содержалъ онъ и духовенство этихъ церквей. Вниманію и содѣйствію цесаревича обязана была Гатчина возникновеніемъ въ ней стекляннаго и фарфороваго завода, суконной фабрики, шляпной мастерской и сукновальни [8]).

Вообще, дѣятельность Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны,

---

[8]) *Кобеко*, 294—296.—Замѣтимъ кстати, что Гатчина образовалась изъ Русскаго села Хотчино, существовавшаго еще въ XV вѣкѣ (*Кобеко*, 281). *Хотчино* превратилось въ *Гатчину* очевидно лишь съ XVIII в. въ угоду Нѣмецкому произношенію, и тогда названіе *Гатчина* сами Русскіе стали производить отъ Нѣмецкихъ словъ: Hat Schöne (имѣетъ красоту).

какъ частныхъ людей и добрыхъ просвѣщенныхъ, помѣщиковъ, могла бы служить образцомъ для огромнаго большинства Русскихъ вельможъ того времени, поручавшихъ судьбу своихъ крѣпостныхъ наемнымъ управителямъ и умѣвшихъ, за небольшими исключеніями, проживать лишь доходы съ своихъ имѣній. Объ извлеченіи постоянныхъ денежныхъ доходовъ въ возможно-большемъ размѣрѣ августѣйшіе владѣтели Гатчины и Павловска, при ограниченности своихъ средствъ, думали, однако, менѣе всего. Доходы съ имѣній шли, главнымъ образомъ, на содержаніе дворцовъ и наличнаго штата служащихъ. Гатчина и Павловскъ дόроги были своимъ владѣльцамъ какъ мѣста, гдѣ они могли жить на свободѣ, удовлетворяя своимъ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ. Вотъ почему, при всей общности дѣйствій Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, Гатчина и Павловскъ пріобрѣли вскорѣ различный, своеобразный отпечатокъ. Гатчина, сообразно съ характеромъ великаго князя, приняла видъ военнаго неподвижнаго лагеря: въ ней былъ форштадтъ, казавшійся современникамъ точнымъ подобіемъ маленькаго Германскаго городка. «Эта слобода», говоритъ одинъ изъ нихъ, «имѣла заставы, казармы, конюшни; всѣ строенія были точь-въ-точь такія, какъ въ Пруссіи; а по виду войскъ, тутъ стоявшихъ, хотѣлось побиться объ закладъ, что они прямо изъ Берлина» [9]). Въ этомъ отношеніи отъ Гатчины выгодно отличался Павловскъ, который, на сколько позволили это военные вкусы и занятія Павла Петровича, всегда оставался для его супруги изящнымъ и полнымъ выраженіемъ ея сентиментальныхъ отношеній къ природѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ личное управленіе обоими имѣніями было для великокняжеской четы и маленькими пробами ея въ администраціи и хозяйствѣ, пробами вообще весьма удачными, чтό, впрочемъ, по отношенію къ цесаревичу, невольно вызываетъ сожалѣніе: убѣдившись въ благотворности своихъ теорій въ приложеніи къ маленькой Гатчинѣ, Павелъ Петровичъ переживалъ нравственную лихорадку въ нетерпѣливомъ ожиданіи возможности посредствомъ ихъ спасать отъ золъ и великую Россію.

Извѣстно, что, созидая Павловскъ, Марія Θеодоровна стремилась сдѣлать его какъ можно болѣе похожимъ на Этюпъ. Сходства этого легко было достигнуть при постройкѣ и распо-

---

[9]) *Записки Саблукова.* Русск. Арх., 1869, столб. 1879.

ложеніи различныхъ Павловскихъ сооруженій и самаго дворца, планъ и фасадъ котораго въ увеличенныхъ размѣрахъ напоминалъ собою домъ родителей Маріи Θеодоровны въ Этюпѣ; но было трудно, почти невозможно, на холодномъ Сѣверѣ воспроизвести роскошные южные сады. Давняя любительница садоводства, знакомая съ нимъ даже теоретически посредствомъ изученія лучшихъ сочиненій по этой отрасли знанія, Марія Θеодоровна успѣла, однако, насколько возможно, преодолѣть всѣ встрѣчавшіяся ей затрудненія въ устройствѣ сада и парка. Фруктовыя деревья доставлялись изъ Москвы, дубы изъ Финляндіи, липы изъ Любека, оранжерейныя растенія и цвѣточныя сѣмена изъ-за границы; между прочимъ, матерью великой княгини присланъ былъ изъ Монбельяра розовый кустъ, тщательно сохранявшійся Маріей Θеодоровной, какъ дорогое напоминаніе о родинѣ. Сама заботясь о посадкѣ и сбереженіи деревьевъ, Марія Θеодоровна руководила въ этомъ дѣлѣ и Кюхельбекеромъ, и садовникомъ Визлеромъ, давая имъ подробныя наставленія по уходу за растеніями. Цвѣты и фрукты, взращенные въ оранжереяхъ и теплицахъ, не переводились въ нихъ круглый годъ. Страсть съ цвѣтамъ никогда не покидала Маріи Θеодоровны, и она даже изъ Петербурга часто требовала отъ Кюхельбекера присылки ей букетовъ изъ Павловска, говоря, что они утѣшаютъ и развлекаютъ ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрная основной мысли своей пополнять Павловскій садъ воспоминаніями о прошломъ, она, вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ и дѣтьми своими, собственноручно сажала въ 1785 г. деревья близъ дворца и этимъ положила начало извѣстной «Семейной Рощѣ». Въ тоже время сооруженъ былъ небольшой павильонъ съ вдѣланною въ его стѣнѣ черною доскою съ обозначеніемъ дня смерти сестры Маріи Θеодоровны, принцессы Фредерики Ольденбургской. Еще ранѣе поставлена была въ саду гранатная ваза въ воспоминаніе посѣщенія Павловска принцемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ въ 1780 году, тогда какъ «Храмъ Дружбы» служилъ вещественнымъ напоминаніемъ объ Іосифѣ II, присутствовавшемъ на его закладкѣ. Можно сказать съ увѣренностію, что ко времени десятилѣтія своего существованія, т. е. къ 1787 году, Павловскъ, украшаемый и обстраиваемый Маріей Θеодоровной въ теченіе всего этого времени въ главныхъ своихъ частяхъ, уже вполнѣ удовлетворя[illegible] тямъ. Въ планѣ Павловска, состав[illegible]

слѣдующія зданія, расположенныя въ саду и паркѣ, орошаемомъ водами рѣки Славянки: дворецъ, охотничій домъ, швейцарскій домикъ, храмъ дружбы, молочня и близъ нея скотный дворъ, хижина угольщика (Шарбоньеръ), домикъ пустынника (Эрмитажъ), колоннада, птичникъ (Вольеръ), школа, церковь, пять каменныхъ оранжерей, лазаретъ, казармы и проч. Съ 1785 года начались въ Павловскѣ постройки и для частныхъ лицъ; однимъ изъ первыхъ выстроенъ былъ, вѣроятно на средства Маріи Θеодоровны, домъ для друга ея, г-жи Бенкендорфъ [10]).

Среди идиллическихъ сооруженій Павловска, выстроенныхъ въ концѣ 80-хъ годовъ, выдавалась, по особой вычурности замысла, Александрова дача, возникшая, безъ сомнѣнія, помимо воли Маріи Θеодоровны, но съ одобренія Екатерины, по мысли великаго князя Александра Павловича. Дача эта была не чѣмъ инымъ, какъ иллюстраціею къ нравоучительной сказкѣ Екатерины о царевичѣ Хлорѣ (Александрѣ), который подъ руководствомъ мудрой Фелицы (Екатерины) восходитъ на высокую гору, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ, гдѣ добродѣтель обитаетъ. Небольшой домъ Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу озера, а близъ него, въ долинѣ, находился шатеръ съ золотымъ верхомъ. Изъ тѣнистыхъ аллей сада, окружавшаго домъ, замѣчательна была аллея, которая вела къ высокому холму, съ трехъ сторонъ окруженному водами озера. На холмѣ этомъ красовался «Храмъ розы безъ шиповъ»; семь колоннъ поддерживали куполъ храма, а по срединѣ его возвышался алтарь, на которомъ находился сосудъ съ поставленною въ него розою безъ шиповъ; фрески плафона изображали Петра Великаго, смотрящаго съ небесъ на «блаженствующую Россію», которая, среди символовъ богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ съ изображеніемъ Фелицы, т. е. Екатерины. Дорога къ храму также изобиловала символами; она шла черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображеніями богатствъ; затѣмъ взорамъ открывалась нива, на которой стояла хижина, а противъ нея лежала каменная глыба, символъ «Наказа» Екатерины, съ надписью: «храни златые камни»; потомъ слѣдовалъ храмъ Цереры, у котораго находились водный ключъ, посвященный Маріи Θеодоровнѣ, и пещера мудрой нимфы Эгеріи [11]).

[10]) *Павловскъ*, 50—54.
[11]) Тамъ же, 82—86.

Эта вычурная идиллическая затѣя на педагогической подкладкѣ, безъ сомнѣнія, льстила самолюбію Екатерины и устроена была по ея указаніямъ извѣстнымъ садоводомъ того времени и законоучителемъ Александра Павловича, отцомъ Самборскимъ [12]). Во время пребыванія своего въ Павловскѣ Александръ Павловичъ жилъ на этой дачѣ, предаваясь въ ней своимъ играмъ и занятіямъ, и можно допустить, что любовью къ природѣ и проблесками сентиментализма въ своемъ характерѣ онъ обязанъ былъ преимущественно идиллическому вліянію Павловска. Восхваляемая въ царствованіе Екатерины Александрова дача, послѣ ея смерти, не только была заброшена, но даже перешла въ частныя руки и совершенно потеряла первоначальный свой видъ. Марія Θеодоровна, столь заботившаяся о поддержаніи сооруженій Павловска, въ особенности когда они были связаны съ семейными воспоминаніями, ничѣмъ не проявляла своего интереса къ судьбѣ Александровой дачи, гдѣ проводилъ дѣтскіе и отроческіе свои годы самый любимый ея сынъ, сдѣлавшійся потомъ императоромъ. Это легче всего можетъ быть объяснено тѣмъ, что Марія Θеодоровна, наслаждаясь жизнію въ тихомъ своемъ Павловскѣ, тяготилась существованіемъ въ немъ яркаго напоминанія объ Екатеринѣ и о своемъ отчужденіи въ дѣлѣ воспитанія Александра Павловича.

Какъ ни любила великокняжеская чета Павловскъ и Гатчину, но не могла имъ посвящать всего своего времени: зиму Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна проводили обыкновенно вмѣстѣ съ императрицей въ Петербургѣ, гдѣ у нихъ были великолѣпные апартаменты въ Зимнемъ дворцѣ и собственный дворецъ на Каменномъ островѣ. Здѣсь Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна почти ежедневно видѣлись съ Екатериной, участвуя во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ и торжествахъ. По внѣшности Павелъ Петровичъ пользовался всѣми почестями, сопряженными съ его высокимъ званіемъ: великокняжеская чета

---

[12]) Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ Массонъ (*Mémoires*, II, 106—107). Онъ сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что авторъ поэмы «Александрова», восхвалявшей дачу, былъ не кто иной, какъ пріемный сынъ самаго Самборскаго, Массонъ же взялъ на себя неблагодарный трудъ перевести ее на Французскій языкъ. На планѣ 1789 г. дача называется, по имени воспитателя Александра, Салтыковской мызой; но изъ этого не слѣдуетъ, что она въ это время принадлежала Салтыкову (*Павловскъ*, 82): Массонъ уже
дахъ называетъ ее «les jardins du grand-duc Alexandre». (M

имѣла свои выходы и пріемы, давала пышные обѣды, вечера и балы, на которые приглашаема была вся Петербургская знать. По современнымъ извѣстіямъ, всѣ высшіе чиновники ихъ двора, а равно и прислуга, принадлежали къ штату императрицы и понедѣльно дежурили у обоихъ дворовъ, и всѣ издержки уплачивались изъ кабинета. Екатерина обыкновенно сама весьма милостиво принимала участіе въ пріемахъ своего сына, и послѣ перваго выхода радушно присоединялась къ обществу, не допуская соблюденія этикета, установленнаго при собственномъ ея дворѣ [13]). Но, при напряженности отношеній Павла Петровича къ матери, это внѣшнее соблюденіе приличій только усиливало горечь цесаревича, ясно показывая ему, какъ мало соотвѣтствуетъ дѣйствительное его положеніе правамъ наслѣдника престола: во дворцѣ онъ встрѣчалъ постоянно лицъ, мнѣнія и совѣты которыхъ благосклонно выслушивались и принимались его матерью, тогда какъ голосъ наслѣдника престола для императрицы имѣлъ скорѣе отрицательное значеніе. Нечего и говорить о людяхъ съ низкою душою, которые, замѣчая неблаговоленіе Екатерины къ сыну, пользовались случаемъ, чтобы мелочными уколами досадить ему, выставлять его мнѣнія въ смѣшномъ видѣ и тѣмъ выслуживаться въ глазахъ Екатерины и ея царедворцевъ. Цесаревичъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній, и лица, имъ задѣтыя, платили ему недоброжелательствомъ и насмѣшкой надъ его безсиліемъ; въ особенности проявлялось это въ арміи, въ одно и то же время и смѣявшейся надъ Прусскими, Гатчинскими порядками, и боявшейся ихъ въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго. Въ кругу этихъ людей Павелъ Петровичъ не могъ не сознавать своей отчужденности, болѣлъ душею и давалъ просторъ своему гнѣву и ожесточенію. Часто некстати и въ мелочахъ, по своей подозрительности, онъ видѣлъ злой умыселъ противъ себя даже тамъ, гдѣ его не было, и оттого жертвами его гнѣва неожиданно для самихъ себя оказывались люди совершенно невинные. Будущій фаворитъ Екатерины, П. А. Зубовъ, находясь во дворцѣ еще простымъ гвардейскимъ офицеромъ, едва было не лишился службы за то, что солдатъ его караула избилъ любимую собаку Павла Петровича, не зная о принадлежности ея цесаревичу; Салтыковъ,

[13]) *Энгельгардтъ:* Записки, изд. «Русскаго Архива», 47. *Саблуковъ:* Записки. «*Русскій Архивъ*», 1869, столб. 1874.

покровительствовавшій Зубову, лишь съ трудомъ выпросилъ ему прощеніе, потому что Павелъ былъ убѣжденъ, что его собака была жертвой ненависти къ нему гвардейцевъ [14]). Само собою понятно, что такіе случаи, свидѣтельствуя о тревожной подозрительности Павла Петровича, въ тоже время создавали ему новыхъ враговъ и представляли новую пищу для насмѣшекъ. Между тѣмъ великокняжеская чета, живя въ Зимнемъ дворцѣ, должна была соблюдать особую осторожность въ своемъ поведеніи, такъ какъ охотниковъ переносить во дворцѣ было много, а Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ было что̀ скрывать отъ взоровъ Екатерины, было много поводовъ и негодовать при развращенности Екатерининскаго двора. Неудивительно поэтому, если на зимнее пребываніе свое въ Петербургѣ они смотрѣли, какъ на пытку, на Зимній дворецъ—какъ на заточеніе, и съ наступленіемъ весны, вслѣдъ за Екатериной, радостно переѣзжали въ Царское Село, чтобы затѣмъ на свободѣ провести лѣто въ сыромъ Павловскѣ, а осень въ сухой, здоровой Гатчинѣ. Мы увидимъ далѣе, съ какой неохотой возвращался Павелъ Петровичъ на зиму въ Петербургъ и какихъ усилій обыкновенно стоило Маріи Θеодоровнѣ убѣждать его ускорить это возвращеніе, чтобы черезчуръ долгимъ пребываніемъ въ загородныхъ дворцахъ не нарушать приличій и тѣмъ не возбуждать гнѣва императрицы.

Въ Павловскѣ и Гатчинѣ, вмѣстѣ съ обстановкой великокняжеской четы, совершенно измѣнялся и образъ ея жизни; здѣсь Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна могли свободно, среди избраннаго ими кружка людей, предаться любимымъ своимъ занятіямъ: Павелъ—военнымъ упражненіямъ, а супруга его—занятіямъ искусствами, литературой и хозяйствомъ. Счастье ихъ становилось еще болѣе полнымъ, когда съ ними отъ поры до времени жили ихъ дѣти. По отзывамъ современниковъ, кругъ великокняжеской четы, за исключеніемъ торжественныхъ дней, походилъ болѣе на частное общество, чѣмъ на церемоніальный дворъ. «Никогда семейство частнаго лица», говоритъ Сегюръ, «не принимало своихъ гостей съ бо̀льшею любезностію, простотою и непринужденностію; обѣды, балы, спектакли и праздники, — все носило на себѣ отпечатокъ благородства, достоинства и вкуса. Великая княгиня, величавая, ласковая, про-

[14]) *Masson*: Mémoires, I, 334—335.

красная безъ желанія нравиться, непринужденно любезная, представляла собою изящное воплощеніе добродѣтели». Правда, со времени своего путешествія за границу, а также подъ незамѣтнымъ, но постояннымъ вліяніемъ Екатерининскаго двора, Марія Θеодоровна отступила нѣсколько отъ своихъ привычекъ и наклонностей къ Этюпской простотѣ жизни и даже въ лѣтнихъ своихъ мѣстопребываніяхъ держалась этикета и обычаевъ Французскаго двора [15]); но эта особенность великой княгини, послужившая для современниковъ поводомъ къ обвиненію ея въ суетности [16]), касалась лишь внѣшнихъ формъ дворцовой жизни въ Павловскѣ и Гатчинѣ, не измѣняя обычной простоты и непринужденности въ личныхъ отношеніяхъ Маріи Θеодоровны къ окружавшимъ ее людямъ, къ какому бы классу общества они ни принадлежали, въ особенности же къ лицамъ, издавна составлявшимъ ея домашній кружокъ. Въ кружкѣ этомъ съ теченіемъ времени произошли большія перемѣны: умеръ глава его, графъ Н. И. Панинъ, и временно удаленъ князь Александръ Куракинъ; выбыли также изъ кружка молодые графы Румянцовы, увлеченные дипломатической карьерой, и мечтательный поэтъ Клингеръ, успѣвшій жениться въ 1778 г. на побочной дочери князя Г. Г. Орлова, Алексѣевой [17]) и затѣмъ быстро двинувшійся по службѣ; наконецъ, фрейлина Алымова вышла замужъ за Ржевскаго, а Борщова за Ховена. Зато къ кружку старыхъ друзей Павла Петровича и Маріи Θеодоровны присоединились новыя лица, изъ которыхъ особенное вниманіе обращали на себя чета Бенкендорфъ, г-жа Ливенъ (двухъ дочерей которой Марія Θеодоровна, съ соизволенія императрицы, приняла къ себѣ во фрейлины) и надзирательница при великихъ княжнахъ Вилламова.

Но еще со времени заграничнаго путешествія обнаружились признаки, грозившіе поселить разладъ между окружавшими великокняжескую чету лицами, и Марія Θеодоровна не могла уже въ то время не отдавать предпочтенія предъ всѣми давней своей подругѣ, своему alter-ego, г-жѣ Бенкендорфъ [18]). Это явное

---

[15]) *Зап. Саблукова. Р. Арх.*,1869,столб. 1879.—Отзывъ Сегюра у *Кобеко*, 297.

[16]) *Masson*: Mêmoires, I, 331, IV, 161.

[17]) *Русск. Арх.*, 1884, III, 2i3.

[18]) См. въ VI гл. нашего труда разсказъ графини *Хотекъ*.—«Elle est toujours bonne et tendre amie, honnete et digne femme, excellente, cherie, femme sensée, bien aimable et drole quelquefois», — такъ отзывалась о г-жѣ Бенкен-

и естественное предпочтенiе должно было однако возбудить чувство неудовольствiя въ старыхъ друзьяхъ Павла Петровича и Марiи Өеодоровны. Исключительное положенiе Монбельярской нѣмки, при всемъ ея тактѣ и благоразумiи, могло вызвать даже справедливыя опасенiя за нравственную независимость великаго князя: влiянiе г-жи Бенкендорфъ, при любви Павла Петровича къ своей супругѣ, конечно, должно было отражаться и на немъ. Немудрено поэтому, что съ теченiемъ времени при молодомъ дворѣ образовалась партiя, которая желала подорвать значенiе г-жи Бенкендорфъ и въ этомъ своемъ желанiи волей-неволей столкнулась и съ ея покровительницей. Замѣчательно, что изъ всѣхъ извѣстiй, относящихся къ тому времени, нѣтъ ни одного, которое заключало бы въ себѣ опредѣленный о г-жѣ Бенкендорфъ отзывъ, хотя въ то же время современники единогласно свидѣтельствуютъ о силѣ влiянiя ея на Марiю Өеодоровну. Уже изъ этого можно заключить о необыкновенной ловкости и сдержанности ея Этюпской подруги [19]); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это же доказываетъ, что г-жа Бенкендорфъ не обладала той кротостiю и добротою, которыми покоряла себѣ сердца ея царственная подруга. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что г-жа Бенкендорфъ не прiобрѣла сочувствiя и уваженiя великаго князя и, по влiянiю своему на Марiю Өеодоровну, была даже причиною домашнихъ несогласiй между царственными супругами въ то именно время, когда отношенiя ихъ уже перестали быть вполнѣ искренними и довѣрчивыми [20]). Бурный, мечтательный, отчасти мистическiй умъ Павла, измученнаго въ его трудномъ положенiи нравственной борьбой, искалъ средствъ согласить дѣйствительность съ высшими идеальными воззрѣ-

---

дорфъ Марiя Өеодоровна въ письмѣ къ Румянцову 2/3 Октября 1790 г. «*Госуд. Арх.*», V, 184.—При самомъ выходѣ подруги своей замужъ за Бенкендорфа Марiя Өеодоровна сдѣлала однажды слѣдующую приписку на письмѣ жениха къ невѣстѣ 9 Февраля 1780 г.: «Je promets à ma bonne Tilly et au digne Benkendorf une pension de 500 roubles pour toute ma vie et la leur. Le cher grand Duc en fait autant».

[19]) Даже Массонъ, хорошо знавшiй г-жу Бенкендорфъ, не обмолвился о ней ни однимъ добрымъ или худымъ словомъ; не менѣе странно такое умолчанiе и въ Запискахъ г-жи Оберкирхъ, у которой, при ея словоохотливости, было столько поводовъ говорить о женщинѣ, [illegible] съ нею привязанность Марiи Өеодоровны.

[20]) Самъ Павелъ говорилъ о томъ [illegible] *Арх.*, 1871, столб. 40.

ніями; вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь никогда не забывалъ, что онъ будущій Русскій самодержецъ, и даже военнымъ своимъ занятіямъ придавалъ серьезный характеръ подготовки къ своимъ обязанностямъ; между тѣмъ Марія Θеодоровна, не умѣя владѣть умомъ Павла и обуздывая порывы его раздражительности лишь кротостію и терпѣніемъ, противопоставляла: государственнымъ заботамъ своего супруга — хлопоты предъ Екатериной о дѣлахъ Монбельярской своей семьи; его неудовлетвореннымъ стремленіямъ къ высшей правдѣ — возможно спокойное отношеніе къ дѣйствительности, способность мириться съ обстоятельствами и примѣняться къ нимъ. Всего менѣе Павелъ Петровичъ могъ успокоиться на сентиментализмѣ Маріи Θеодоровны, мало интересовался ея занятіями искусствами и хозяйствомъ и вовсе не находилъ себѣ утѣшенія въ тѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ, литературныхъ чтеніяхъ и невинныхъ играхъ, которыми Марія Θеодоровна наполняла свои досуги и которыми она думала развлекать своего сумрачнаго, скучавшаго цесаревича. Изо всѣхъ лицъ, окружавшихъ великокняжескую чету, Марія Θеодоровна болѣе всѣхъ привязана была къ г-жѣ Бенкендорфъ и Лафермьеру, тогда какъ Павелъ Петровичъ мало-по малу сталъ предпочитать всѣмъ прочимъ Е. И. Нелидову и Вадковскаго [21]). Одинъ Плещеевъ съумѣлъ по нравственнымъ своимъ качествамъ заслужить ихъ общее расположеніе и, въ свою очередь, платилъ имъ обоимъ глубокою привязанностію. Окончательный разладъ между супругами произошелъ, однако, не ранѣе 1790 года; до этого времени жизнь въ Гатчинѣ и Павловскѣ шла всегда обычной, однообразной, нѣсколько скучной колеею.

Дни свои, всегда начинавшіеся очень рано, иногда съ четырехъ часовъ утра, Павелъ Петровичъ посвящалъ обыкновенно военнымъ упражненіямъ въ средѣ возлюбленныхъ своихъ опруссаченныхъ войскъ, а Марія Θеодоровна — чтенію, хозяйству и искусствамъ. Изъ Русскихъ женщинъ того времени она была одною изъ самыхъ трудолюбивыхъ, и порядокъ дневныхъ ея

---

[21]) Павелъ Петровичъ отзывался о Вадковскомъ, что это человѣкъ съ такими отмѣнными дарованіями, что «нѣтъ той должности въ свѣтѣ, которую бы ему поручить нельзя было». *Р. Стар.* XVI, 7. Записки *Гарновскаго*.— Кн. И. М. Долгорукій свидѣтельствуетъ, что еще въ 1785—1786 годахъ Нелидова «уже слыла любовницей Павла Петровича». — *Капище моего сердца* (приложеніе къ *Русскому Архиву* 1890 г.), 231.

занятій всегда былъ тщательно распредѣленъ. Мы уже видѣли, до какихъ мелочей она изучила хозяйство и какъ серьезно относилась она къ своимъ обязанностямъ владѣтельницы Павловска. Ту же серьезность, то же стремленіе къ основательному знанію предмета она вносила и въ свои занятія литературой и искусствами. Исторія, ботаника, педагогика, моральная философія были основательно изучаемы ею по лучшимъ сочиненіямъ, своевременно доставлявшимся ей изъ-за границы, преимущественно изъ Парижа, откуда сообщали ей нужныя свѣдѣнія литературные корреспонденты великокняжеской четы: Лагарпъ и Бленъ-де-Сенъ-Моръ. Хорошо знакомая съ Французской поэзіей, Марія Ѳеодоровна, со времени пріѣзда въ Россію г-жи Бенкендорфъ, подъ ея вліяніемъ, начала знакомиться и съ Нѣмецкой, къ которой она вообще чувствовала нерасположеніе [22]). Союзникомъ г-жи Бенкендорфъ и учителемъ Маріи Ѳеодоровны въ этомъ отношеніи долженъ былъ быть, конечно, Клингеръ. Чего однако никогда не могла преодолѣть въ себѣ Марія Ѳеодоровна, это—нелюбви къ Нѣмецкимъ стихамъ. При чтеніи Марія Ѳеодоровна всегда дѣлала выписки мѣстъ, наиболѣе ее поразившихъ или гармонировавшихъ съ ея собственными мыслями, заботясь всегда о лучшемъ усвоеніи прочитаннаго [23]): это было уже не чтеніе, а тщательное изученіе сочиненій. Отзывъ Екатерины о Маріи Ѳеодоровнѣ, что «sie liest viel, auch was sie vielleicht nicht versteht» [24]), справедливъ лишь въ томъ смыслѣ, что чтеніе ея было всегда одностороннe, и потому умственный кругозоръ Маріи Ѳеодоровны не отличался надлежащей широтой и опредѣленностью. Въ этомъ отношеніи, конечно, нельзя и сравнивать Марію Ѳеодоровну съ Екатериной. Не говоря уже о томъ, что ей, по недостаточному знанію языка, мало была доступна Русская, въ то время только что нарождавшаяся литература, великая княгиня, въ силу сложившихся у нея предубѣжденій, избѣгала знакомства съ сочиненіями, характеризовавшими выдающіяся умственныя теченія вѣка: ученія энциклопедистовъ и масонства. Доктрины энциклопедистовъ были совершенно несродны душѣ Маріи Ѳеодоровны, представляясь ей по преимуществу выраженіемъ антирелигіозныхъ и безнравственныхъ понятій, и

[22]) *Stark*, 119.

[23]) Привычка дѣлать выписки изъ прочитанныхъ сочиненій оставила свои слѣды въ богатомъ собраніи ихъ въ архивѣ Павлов[illegible] дворца.

[24]) *Сборникъ*, XXIII, 659.

жизнь при дворѣ вѣнценосной покровительницы энциклопедистовъ лишь способствовала укрѣпленію этого взгляда Маріи Ѳеодоровны. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здравый, практическій умъ великой княгини чуждался и книгъ мистическаго содержанія, къ чтенію которыхъ склоненъ былъ масонъ-цесаревичъ, находившійся въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ Плещеева. Плещеевъ нѣсколько разъ предлагалъ ихъ для чтенія и Маріи Ѳеодоровнѣ, но она постоянно отказывалась отъ нихъ. «Нѣтъ, добрый и достойный другъ мой», писала она ему однажды, «какъ ни проникнута я убѣжденіемъ въ истинности и святости моей религіи, но, признаюсь, я никогда не позволю себѣ читать эти мистическія книги: во-первыхъ, я не понимаю ихъ, и, во-вторыхъ, я боюсь, что онѣ внесутъ сумбуръ (mettent de la confusion) въ мою голову. Вы знаете, что это касается только вполнѣ мистическихъ книгъ, а вовсе не книгъ моральныхъ, чтеніе которыхъ доставляетъ мнѣ всегда большое удовольствіе». На возраженія Плещеева она отвѣчала слѣдующее: «Чтеніе мистическихъ книгъ я въ сущности нахожу опаснымъ, такъ какъ идеи ихъ способны кружить головы (exalter). Я пробѣжала нѣкоторыя изъ этихъ книгъ и клянусь вамъ, что ихъ идеи туманны и могутъ только внести въ умы смятеніе и удалить ихъ отъ простаго и яснаго пути, начертаннаго въ Евангеліи, которое будетъ и останется навсегда нашимъ лучшимъ, самымъ мудрымъ наставителемъ. Познавать свое сердце мы можемъ только изучая Евангеліе. Всѣ мистическія книги, желая подражать ему, только погрѣшали, уклоняясь отъ простоты, съ какой въ немъ возвѣщены самыя высокія истины. Не лучше ли поэтому держаться оригинала, чѣмъ плохихъ копій? Нѣтъ истины, нѣтъ поученія или нравственнаго наставленія, котораго не было бы дано въ Евангеліи. Будемъ же держаться его, будемъ совѣтовать читать его, и мы будемъ увѣрены, что не дадимъ ничего лживаго. Впрочемъ, другъ мой, несомнѣнно, есть много прекрасныхъ моральныхъ книгъ, чтеніе которыхъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе; но я люблю ихъ простоту, и признаюсь, что я чувствую паническій страхъ къ мистическимъ книгамъ. Я называю мистическими тѣ, которыя слишкомъ восторженны, неудобопонятны, и мысли свои я высказывала только по отношенію къ нимъ» [25]).

---

[25]) Письмо Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву (безъ даты).

И въ этомъ отношеніи Марія Θеодоровна расходилась съ своимъ супругомъ, котораго плѣняло все таинственное и который наклоненъ былъ къ вѣрѣ въ чудесное. Будучи чрезвычайно впечатлителенъ и обладая горячей фантазіей, Павелъ подверженъ былъ даже галлюцинаціямъ. Такъ, онъ увѣренъ былъ въ томъ, что однажды вечеромъ, во время его прогулки по Петербургу, предстала предъ нимъ неожиданно тѣнь Петра Великаго, вступила съ нимъ въ разговоръ и затѣмъ исчезла на томъ мѣстѣ, гдѣ красуется теперь величественный памятникъ Петру, въ то время еще не установленный. Самъ Павелъ во время заграничнаго своего путешествія разсказывалъ г-жѣ Оберкирхъ объ этомъ видѣніи, упорно отстаивая, въ отвѣтъ на представленныя ему возраженія, реальность являвшейся ему тѣни. Г-жа Оберкирхъ замѣтила также, что, когда, во время пребыванія великокняжеской четы въ Этюпѣ, цесаревичъ получилъ письмо изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что памятникъ Петру воздвигнутъ на указанномъ имъ мѣстѣ исчезновенія тѣни, то смертная блѣдность разлилась по его лицу. Замѣчательно, что, разсказавъ о своемъ видѣніи г-жѣ Оберкирхъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, Павелъ убѣдительно просилъ не сообщать о томъ Маріи Θеодоровнѣ, быть можетъ, изъ боязни испугать ее [26]).

Жажда къ чтенію побудила Марію Θеодоровну и Павла Петровича обзавестись собственною библіотекой, основаніемъ которой послужила дорожная библіотека императрицы, подаренная ею великокняжеской четѣ. Для образованія библіотеки въ Павловскомъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна въ 1787 г. прислали большое количество книгъ изъ Петербурга [27]). Она постоянно пополнялась новыми книгами почти по всѣмъ отраслямъ знанія.

На ряду съ чтеніемъ много труда и времени отдавала Марія Θеодоровна занятіямъ искусствами: медальерное дѣло, рѣзьба на твердыхъ камняхъ, по кости и на янтарѣ, живопись, силуеты, составляли предметъ тщательнаго изученія Маріи Θеодоровны, и въ каждомъ изъ этихъ искусствъ она оставила замѣчательные образцы своихъ работъ. Къ сожалѣнію, многія изъ нихъ не описаны и даже не приведены въ извѣстность [28]).

---

[26]) *Oberkirch*, 1, 353.

[27]) *Павловскъ*, 418.

[28]) О художественной дѣятельности Маріи Θеодоро
свѣдѣнія заключаются въ статьѣ Д. Θ. Кобеко (

Императрица Екатерина, очень любившая изящныя искусства, всегда выражала свое сочувствіе художественнымъ занятіямъ своей невѣстки, поощряя ихъ своими похвалами и вниманіемъ. Во время путешествія своего по Италіи, знакомясь съ выдающимися произведеніями античнаго и новаго искусства, Марія Θеодоровна пріобрѣла себѣ, съ дозволенія Екатерины, нѣкоторые предметы древняго ваянія и другихъ искусствъ и затѣмъ, помѣстивъ это художественное собраніе въ Павловскѣ, пополняла его также благодаря подаркамъ Екатерины [29]). Изъ писемъ Екатерины къ Маріи Θеодоровнѣ видно даже, что любовь великой княгини къ искусствамъ служила поводомъ къ сближенію ея съ императрицей и обмѣну мыслей по художественнымъ вопросамъ. Въ свою очередь, Марія Θеодоровна многія свои работы поднесла въ подарокъ государынѣ, стараясь выбирать для того предметы наиболѣе для нея пріятные. Изъ подарковъ этихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя портретъ А. Д. Ланскаго, нарисованный Маріей Θеодоровной [30]), и прекрасная камея, лучшее произведеніе великой княгини въ этомъ родѣ, изображающая рядъ бюстовъ-профилей всѣхъ ея дѣтей и поднесенная Екатеринѣ въ 1790 г. За нее Екатерина благодарила невѣстку нѣжнымъ письмомъ, какъ ранѣе дѣлала это за множество другихъ ея подарковъ въ этомъ же родѣ: картины, рисунки, рѣзныя издѣлія, камеи, геммы и медали работы Маріи Θеодоровны. Не мало сдѣлано было Маріей Θеодоровной и приношеній своей работы различнымъ храмамъ; такъ, для церкви Павловска выточено было ею большое запрестольное паникадило изъ янтаря и слоновой кости въ двѣнадцать свѣчей [31]); для Московскаго Успенскаго собора—священные сосуды въ память счастливаго возвращенія Павла Петровича изъ

кусствъ, 1884 г. II, кн. 6). Впрочемъ, изъ всѣхъ работъ, перечисленныхъ г. Кобеко, нѣтъ ни одной, которая относилась бы ко времени ранѣе 1786 г. Безъ сомнѣнія, Д. Θ. Кобеко, какъ и авторъ настоящаго труда, лишенъ былъ возможности вполнѣ ознакомиться со всѣми художественными работами Маріи Θеодоровны, разбросанными по разнымъ дворцамъ и нѣкоторымъ храмамъ; многія изъ ея работъ находятся также въ Эрмитажѣ.

[29]) Между прочимъ глиптотека, находящаяся въ Павловскомъ дворцѣ и заключающая въ себѣ до 10,000 слѣпковъ съ камей Эрмитажа, также есть подарокъ Екатерины.—*Павловскъ*, 442.—Ср. *Сборникъ*, XV, passim.

[30]) *Жизнь Маріи Θеодоровны.* Москва, 1829 г., 61.—Сомнительно, чтобъ Павелъ Петровичъ съ одобреніемъ относился къ этой работѣ своей супруги.

[31]) *Павловскъ*, 448.

Шведскаго похода [32]). Съ большой охотой также занималась великая княгиня рисованіемъ и живописью, хотя занятія эти развивали у нея болѣзнь глазъ и способствовали усиленію ея природной близорукости. Близкіе къ великой княгинѣ люди неоднократно указывали ей на это, но безуспѣшно. Марія Θеодоровна отвергала справедливость этого наблюденія, не желая разставаться съ любимымъ искусствомъ [33]). Но сама Марія Θеодоровна жаловалась иногда, что болѣзнь глазъ мѣшаетъ ей рисовать и гравировать [34]); быть можетъ поэтому, Марія Θеодоровна вынуждена была съ теченіемъ времени покинуть занятія живописью, оставляя болѣе простора для занятій музыкой. Однимъ изъ наставниковъ Маріи Θеодоровны былъ извѣстный въ то время музыкантъ-композиторъ Паэзіелло, за котораго она даже ходатайствовала предъ императрицей [35]). Склонность великой княгини къ рукодѣліямъ также находила себѣ пищу; въ этомъ отношеніи Марія Θеодоровна, подобно своей свекрови, подавала собою примѣръ многимъ женщинамъ высшаго общества того времени, которыя на занятія рукодѣліемъ вообще смотрѣли свысока [36]).

Хозяйственныя и художественныя занятія Маріи Θеодоровны за время, когда она была великой княгиней, имѣли для нея большое значеніе: она не только находила въ нихъ здоровое отдохновеніе среди скорбныхъ обстоятельствъ своей семейной и политической жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря имъ, пріобрѣла хозяйственную опытность, соединенную съ практиче-

[32]) 4 Ноября 1788 г. Марія Θеодоровна писала Платону: «Я вамъ посылаю сіи сосуды и прошу васъ ихъ употребить и хранить вмѣстѣ съ другими. Только я ожидаю отъ дружбы вашей ко мнѣ, что вы о сей посылкѣ не станете говорить и не будете ихъ нарочно показывать, тѣмъ болѣе, что намѣреніе мое только есть благодарность Богу показать. Сердце мое исполнено радостію о благополучномъ возвращеніи любезнаго мужа моего, и какъ я жертвовала печаль мою Богу, я только Ему жертвую теперь счастіе мое». *Русск. Арх.*, 1887, II, 283.

[33]) *Архивъ кн. Воронцова*, XXIX, 275—276.

[34]) «Mes yeux m'empêchent toujours de graver et de dessiner». Письмо къ гр. Румянцову 4 (15) Сентября 1790 г. *Госуд. Арх.* V, 184.—Лафермьеръ былъ въ восторгѣ отъ ея работъ и описывалъ ходъ ихъ, упоминая о ея учителѣ въ гравированіи Лебрехтѣ. *Арх. кн. Воронцова*, XXIX, 291—292.

[35]) *Арх. кн. Воронцова*, XXIX, 246.

[36]) Марія Θеодоровна сама ставила въ этомъ отношеніи Е[illegible] образцомъ, достойнымъ подражанія. См. *Воспоминанія* [illegible] *Арх.* 1889 г.

скимъ знакомствомъ со всѣми мелкими подробностями будничной жизни и тонкимъ художественнымъ и отчасти ремесленнымъ образованіемъ. «Мой міръ невеликъ», могла сказать о себѣ Марія Ѳеодоровна, примѣняя къ себѣ извѣстную Французскую поговорку, «но я чувствую себя въ немъ госпожою». Съ точки зрѣнія многихъ женщинъ высшаго общества того времени, окруженныхъ крѣпостными рабами и рабынями, домашняя, хозяйственная дѣятельность Маріи Ѳеодоровны могла казаться унизительной и, во всякомъ случаѣ, несоотвѣтственной ея высокому положенію, какъ супруги наслѣдника Русскаго престола, но именно такой, черной, подготовительной своей работѣ Марія Ѳеодоровна обязана была возможностью сдѣлаться впослѣдствіи истинной хозяйкой и устроительницей благотворительныхъ и женскихъ воспитательныхъ учрежденій въ Россіи.

Обыкновенно жизнь въ Павловскѣ и Гатчинѣ шла тихо, однообразно и очень скучно, въ особенности въ дождливое, осеннее время, когда сообщенія съ Петербургомъ почти прекращались, и къ великокняжескому двору не являлся никто изъ обычныхъ его посѣтителей, жившихъ въ столицѣ. «Я читаю», писала Марія Ѳеодоровна Румянцову, «пишу, занимаюсь музыкой, немного работаю... а вечеромъ играю свою партію въ реверси [37]),—вотъ что̀ я дѣлаю въ деревнѣ. Погода часто мѣшаетъ нашимъ прогулкамъ» [38]). Обыкновенно часы досуга въ этомъ случаѣ незамѣтно проходили въ простыхъ, незатѣйливыхъ забавахъ, напоминавшихъ великой княгинѣ счастливое время ея дѣтства; душой этихъ маленькихъ развлеченій былъ всегда, вмѣстѣ съ г-жею Бенкендорфъ, весельчакъ Лафермьеръ, преданный великой княгинѣ и поддерживавшій репутацію Французовъ въ умѣньи оживлять общество, тогда какъ товарищъ его, Николаи, лишь изрѣдка могъ посѣщать эти маленькія собранія, погруженный въ денежныя дѣла великокняжескаго двора, довѣренныя ему Павломъ Петровичемъ; Вадковскій же часто уѣзжалъ въ Петербургъ по порученіямъ великаго князя и по семейнымъ своимъ дѣламъ. «Жизнь ведемъ мы сидячую, однообразную и, быть можетъ, немного скучную», писала однажды Марія Ѳеодоровна изъ Павловска въ одинъ

[37]) Карточная игра, въ которой выигрывалъ тотъ, кто бралъ меньше взятокъ.

[38]) Письмо къ Румянцову $^{4}/_{15}$ Сентября 1790 г.

изъ тоскливыхъ періодовъ своего въ немъ пребыванія. «Обѣдаемъ мы обыкновенно въ 4 или 5 часовъ: великій князь и я, m-lle Нелидова, добрый гр. Пушкинъ и Лафермьеръ. Послѣ обѣда проводимъ время въ чтеніи, а вечеромъ я играю въ шахматы съ нашимъ добрымъ Пушкинымъ (Валентиномъ Платоновичемъ) восемь или девять партій сряду; Бенкендорфъ и Лафермьеръ сидятъ возлѣ моего стола, а m-lle Нелидова работаетъ за другимъ. Столы и стулья размѣщены такъ же, какъ и въ прошлый (1789) годъ. Когда пробьетъ восемь часовъ, Лафермьеръ со шляпой въ рукѣ приглашаетъ меня на прогулку. Мы втроемъ или вчетверомъ (Лафермьеръ, Бенкендорфъ, я и иногда графъ Пушкинъ) дѣлаемъ сто круговъ по комнатѣ; при каждомъ кругѣ Лафермьеръ выбрасываетъ зерно изъ своей шляпы и каждую ихъ дюжину возвѣщаетъ обществу громкимъ голосомъ. Иногда, чтобы оживить нашу забаву и сдѣлать ее болѣе разнообразной, я и Бенкендорфъ пробуемъ бѣгать на перебѣжку. Окончивъ назначенные сто круговъ, Бенкендорфъ падаетъ на первый попавшійся стулъ при общемъ смѣхѣ. Такимъ образомъ убиваемъ мы время до половины девятаго, — время совершенно достаточное для того, чтобы возстановить наши силы... О реверси мнѣ нѣтъ нужды упоминать послѣ того, какъ я писала вамъ, что со времени нездоровья моего мужа мы никого не видимъ» [39]).

Въ такіе дни, безъ сомнѣнія, Марія Θеодоровна охотно отдавалась обширной своей перепискѣ, поддерживая постоянныя и частыя сношенія съ своими родными и друзьями, находившимися отъ нея въ отдаленіи. Въ это время мелкій, сжатый ея почеркъ, находившійся въ прямой связи съ ея близорукостію, былъ сравнительно еще очень разборчивъ, и, не прибѣгая къ помощи своего секретаря, она исписывала въ одинъ вечеръ цѣлые листы бумаги. Марія Θеодоровна вообще любила писать. Любовь эта укоренилась въ ней еще въ отроческіе годы, когда она, какъ мы уже видѣли, подробно описывала отсутствовавшимъ родителямъ день за днемъ не только событія изъ семейной жизни, но и содержаніе своихъ уроковъ. Этой любви къ писанію, въ связи съ желаніемъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ прожитомъ днѣ, обязанъ былъ своимъ существованіемъ и дневникъ Маріи Θеодоровны. Безъ сомнѣнія, дневникъ

[39]) Письмо къ Румянцову 2/13 Октября 1790 г.

этотъ отличался полной искренностію и теплотою души, стремившейся къ самопознанію, какъ отличаются этими же качествами и многія изъ ея писемъ, сохранившіяся до настоящаго времени. Къ сожалѣнію, Марія Ѳеодоровна мало думала о потомствѣ: рѣдкое изъ ея писемъ, болѣе или менѣе важныхъ по содержанію, почему-либо казавшихся для нея въ ея положеніи въ данное время опасными, не оканчивалось обычной фразой: «Brûlez cette lettre». То же, какъ мы уже видѣли, завѣщала она своимъ дѣтямъ сдѣлать послѣ своей смерти и съ своимъ дневникомъ. Нельзя, разумѣется, осуждать этого распоряженія Маріи Ѳеодоровны; но невозможно въ то же время и не скорбѣть о немъ ради памяти этой царственной женщины и ради Русской исторіи.

Въ ясные, теплые дни, столь, впрочемъ, рѣдкіе въ Петербургскомъ климатѣ, мѣстомъ забавъ и развлеченій Маріи Ѳеодоровны былъ садъ и паркъ: тогда Марія Ѳеодоровна вновь чувствовала себя въ Этюпѣ и, подогрѣвая въ себѣ счастливыя воспоминанія дѣтства, воспроизводила въ домашнемъ кружкѣ своемъ всѣ Этюпскія развлеченія, всегда простыя, но часто и замысловатыя, съ сентиментальнымъ оттѣнкомъ. Главными изъ нихъ оставались по-прежнему затѣйливыя прогулки, концерты и разнообразныя театральныя представленія, большею частію на чистомъ воздухѣ; въ нихъ принималъ участіе и Павелъ Петровичъ, часто поглощенный своими мрачными думами и своими воинскими упражненіями. Марія Ѳеодоровна всегда рада была вызвать улыбку на устахъ «de notre cher Grand-Duc», какъ называла она его въ своихъ письмахъ. «J'aime toujours être à l'unisson avec mon mari», говорила она [40]). Завтракали обыкновенно въ Молочномъ домикѣ, вечерній чай пили въ Шалѐ, концерты устраивались вечеромъ въ Крикѣ, Охотничьемъ домикѣ или въ другихъ садовыхъ зданіяхъ. Кромѣ обычныхъ прогулокъ по парку, предпринимались отдаленныя parties de plaisir въ дальнія части парка или въ близъ лежащія мѣста, иногда верстъ за десять. Тутъ происходила игра въ прогулки: мѣста, куда должно было направляться общество или съѣзжаться отдѣльныя его группы, опредѣляли лотереей посредствомъ билетиковъ съ надписаннымъ на нихъ маршрутомъ путешествія: «на кругъ, въ звѣринецъ, оттуда куда угодно назадъ»; «по но-

---

[40]) Письмо къ Румянцову $^{2}/_{13}$ Октября 1790 г.

вой Аглицкой дорогѣ и чрезъ звѣзду назадъ семь верстъ», «на бугорокъ къ Красной долинѣ 3 версты; оттуда, куда угодно назадъ», и т. д. [41]). Но особенно заботилась великая княгиня о спектакляхъ, составлявшихъ любимое развлеченіе Павла Петровича. Отличительнымъ ихъ свойствомъ было то, что въ ихъ разыгрываніи принимали участіе не актеры, а любители. Мужскія роли исполняли: графъ Григорій Чернышовъ, главный распорядитель Гатчинскихъ и Павловскихъ спектаклей до 1787 года; графъ Аполлосъ Мусинъ-Пушкинъ, кн. Павелъ Волконскій, кн. Николай Голицынъ, Вадковскій и авторъ «Капища моего сердца», кн. Долгорукій, получившій впослѣдствіи литературную извѣстность. Позже дѣятельнымъ членомъ драматическаго кружка Маріи Θеодоровны сдѣлался кн. Юсуповъ, извѣстный знатокъ искусствъ, сопровождавшій великокняжескую чету въ ея заграничномъ путешествіи. Женскія роли исполнялись Екатериной Ивановной Нелидовою, Варварою Николаевною Аксаковою (вышедшую затѣмъ замужъ за побочнаго брата Маріи Θеодоровны, ротмистра Шаца), и Евгеніей Сергѣевной Смирной, сдѣлавшейся женой кн. И. М. Долгорукаго. Приготовленіями къ спектаклямъ завѣдывала большею частію сама Марія Θеодоровна, которая входила во всѣ подробности матеріальной части [42]). Пьесы ставились по преимуществу Французскія; оперетки предпочитались тяжелымъ, высокопарнымъ трагедіямъ. Графъ Чернышовъ и Лафермьеръ были авторами нѣсколькихъ пьесъ, исполненныхъ на Гатчинской сценѣ. Репетиціи въ тѣсномъ кружкѣ любителей были въ сущности гораздо веселѣе и непринужденнѣе самихъ спектаклей, происходившихъ иногда въ присутствіи большаго двора и наѣзжавшихъ изъ Петербурга гостей, которые являлись часто для того только, чтобы съ улыбкой сожалѣнія или иронически относиться къ простотѣ обстановки спектаклей и праздниковъ, даваемыхъ великокняжескою четою. На репетиціяхъ присутствовалъ и Павелъ Петровичъ, за исключеніемъ тѣхъ, впрочемъ нерѣдкихъ, случаевъ, когда Марія Θеодоровна желала сдѣлать сюрпризъ для своего супруга и подготовляла спектакль, соблюдая строгую тайну [43]). Особенно торжественно давались

---

[41]) *Павловскъ*, 78—79.

[42]) Тамъ же, 56—57.

[43]) *Долгорукій:* Капище моего сердца. Приложеніе къ

театральныя представленія въ Гатчинѣ и Павловскѣ въ имянины (29 Іюня) и въ день рожденія (20 Сентября) великаго князя; они сопровождались обыкновенно иллюминаціей сада и фейерверкомъ, которыми завѣдывалъ С. И. Плещеевъ. Въ этихъ случаяхъ Марія Ѳеодоровна обдумывала заранѣе всѣ подробности предположеннаго плана праздника, вступала въ дѣятельную переписку съ его устроителями и даже, боясь малѣйшаго отступленія отъ ея приказаній, собственноручно писала для нихъ подробныя инструкціи [44]). Въ самый день праздника гостепріимствомъ великой княгини въ Павловскѣ пользовались не одни лишь придворные, но и простые горожане; только однажды она выразила свое неудовольствіе, когда, по недоразумѣнію, открытъ былъ доступъ постороннимъ лицамъ въ ея тихое Шалѐ, этотъ скромный пріютъ въ глубинѣ сада, куда она часто уединялась для занятій. Гости, которые часто по необходимости должны были оставаться ночевать въ Павловскѣ, получали помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ дворца или въ оранжерейномъ флигелѣ.

Мирное, тихое теченіе жизни великокняжеской семьи вскорѣ, однако, было нарушено: виной этому была рѣзкая, но въ сущности давно подготовлявшаяся перемѣна въ отношеніяхъ Павла Петровича къ Маріи Ѳеодоровнѣ. Характеръ великаго князя, всегда неровный и раздражительный, окончательно измѣнился къ худшему, когда раздались первые раскаты грозной Французской революціонной бури, и Павелъ Петровичъ, не находя вокругъ себя твердой умственной опоры, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новыхъ явленій, столь противорѣчившихъ его міросозерцанію, окончательно потерялъ голову. Французская революція еще въ самомъ началѣ своемъ встрѣчена была въ Павловскѣ, въ Августѣ 1789 года, слѣдующей кантатою, спѣтой хоромъ въ одной разыгранной интермедіи [45]):

Какая фурія изъ ада
Зажгла свѣтильникъ блѣдный свой,
И гдѣ наукъ цвѣла отрада,
Заразъ низвергла дымъ густой?
Неужли адъ, прервавши узы,
Главою пагубной Медузы

[44]) *Павловскъ*, 59—61.
[45]) Тамъ же, 72.

Окаменилъ весь Галловъ умъ,
Къ законамъ оглушивъ вниманье
Чрезъ буйно—«Вольность»—восклицанье
Пустилъ обманчивый свой шумъ?
Вольность обманчивый есть шумъ
И дымъ пустой!

X.

Значеніе Французской революціи для Россіи. — Отношеніе къ ней Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны.—Смерть принцессы Елисаветы.—Отношенія великокняжеской четы къ Пруссіи.—Мамоновъ, Зубовъ, Потемкинъ.—Принцъ Карлъ Виртембергскій.—Кончина Потемкина.—Причины разлада между Павломъ Петровичемъ и Маріей Ѳеодоровной.—Нелидова и Плещеевъ.—Новое настроеніе великокняжескаго двора и тяжелое положеніе Маріи Ѳеодоровны.— Великая княжна Ольга Павловна.

Французская революція, составившая эпоху въ Западно-Европейской исторіи, имѣла большое значеніе и для Россіи, хотя, при несходствѣ между Русскими и Европейскими началами жизни, значеніе это было по-преимуществу отрицательнымъ. Революціонная эпоха не внесла, да и не могла внести въ Русскую жизнь ничего новаго, что̀ сдѣлалось бы ея достояніемъ, а между тѣмъ на долгое время помѣшала внутренней, созидательной работѣ Россіи и направила ея силы къ достиженію цѣлей, чуждыхъ ея прямымъ выгодамъ. Для поддержанія монархическаго начала и водворенія порядка въ Европѣ Россія предприняла рядъ безполезныхъ войнъ, которыя стоили ей чрезвычайно дорого, а повели только къ возсозданію Польши и усиленію Англіи и Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во внутренней жизни Россіи, революціонныя бури отозвались крайнимъ развитіемъ чиновничьей централизаціи, установленіемъ государственной опеки надъ самыми мелкими проявленіями народной самодѣятельности и рѣзкимъ преобладаніемъ военныхъ началъ въ государственномъ управленіи. На ряду съ этимъ въ высшемъ обществѣ и среди правящихъ людей становится замѣтнымъ отсутствіе народнаго самосознанія. Представители образованнаго дворянства не видѣли ни Русской науки, ни Русской словесности, въ то время еще нарождавшихся, ничего такого, что̀ для книжнаго человѣка является знаменемъ народности;

недоставало для нихъ и живаго общенія съ народомъ, близкаго, освѣжающаго знакомства съ міромъ его думъ и преданій. Просвѣщеніе для Русскаго человѣка было доступно не на почвѣ народности, а только подъ Европейской маркой, подъ Французскимъ, Нѣмецкимъ или Англійскимъ угломъ зрѣнія. Воспитанные по преимуществу иностранцами и часто даже за границей, Русскіе образованные люди конца XVIII и начала XIX в. смотрѣли на свое отечество съ космополитической точки зрѣнія и, подобно своимъ учителямъ, видѣли въ немъ лишь одно огромное политическое тѣло безъ души, вдохнуть которую должна была Европа въ лицѣ той или другой излюбленной нашими псевдо-европейцами національности. Для такихъ людей революція была откровеніемъ: одни изъ нихъ, плѣняясь свѣтлыми сторонами строя, созданнаго революціей, стремились искусственно привить ихъ къ Русской жизни и не стѣснялись средствами, тогда какъ другіе, напуганные торжествомъ разрушительныхъ началъ въ Европѣ, тщательно отыскивали признаки революціоннаго духа и въ Россіи, и въ своемъ ослѣпленіи считали опаснымъ всякое проявленіе общественной самодѣятельности. Этимъ настроеніемъ высшихъ слоевъ нашего общества въ критическій періодъ развитія Русскаго самосознанія объясняется радушный пріемъ, который находили въ Россіи иностранцы съ самыми разнообразными нравственными физіономіями, являвшіеся съ одной главною цѣлью—искать на чужбинѣ счастья, которое не далось имъ на родинѣ. Всѣ эти выходцы находили себѣ въ Петербургѣ и подходящее общество, и сильныхъ покровителей. Сначала перевѣсъ имѣли Французы, большей частью какъ мимолетные гости; но затѣмъ, подъ вліяніемъ борьбы Россіи съ «мятежной» и «развратной» Франціей особенное значеніе пріобрѣли въ Россіи Нѣмцы. Хотя Германія отстаивала отъ Французовъ только свою независимость, въ чемъ Россія усердно помогала ей, но на Нѣмцевъ, въ особенности на Нѣмецкихъ экзерцицмейстеровъ, стали смотрѣть, какъ на защитниковъ порядка и законности, и они, дѣйствуя рука объ руку съ Русскими людьми, воспитавшимися подъ вліяніемъ Прусскихъ военныхъ обрядовъ, и пополняя свои ряды Остзейскими дворянами, заняли выдающееся положеніе въ Русской арміи и управленіи. Этому ихъ успѣху мн
впослѣдствіи впечатлѣніе, произведенное
изъ которыхъ многіе принадлежали

Уже при самомъ началѣ революціи въ Русскіе предѣлы двинулись толпы Французскихъ выходцевъ, надѣявшихся на гостепріимство Екатерины. Въ скоромъ времени Петербургскія гостиныя представили собою любопытное зрѣлище: въ нихъ придворные кавалеры и дамы Людовика XVI и Маріи-Антуанетты встрѣчались съ Швейцарцами и Французами республиканскаго образа мыслей, во главѣ которыхъ стоялъ Лагарпъ, воспитатель будущаго наслѣдника Русскаго престола. Напряженно прислушиваясь къ шуму совершавшихся во Франціи событій, одни каждый успѣхъ революціоннаго движенія встрѣчали криками ужаса и негодованія, другіе—съ нескрываемымъ сочувствіемъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ даже любимый внукъ Екатерины, великій князь Александръ Павловичъ, повторявшій уроки Лагарпа въ самомъ дворцѣ, въ присутствіи вѣнценосной бабушки. Впрочемъ, событія шли съ такою поразительною быстротою, что Петербургскіе республиканцы вынуждены были въ скоромъ времени замолчать: каждая вновь прибывавшая въ Петербургъ волна эмигрантовъ сообщала все болѣе и болѣе возмущавшія человѣческое чувство подробности о дѣйствіяхъ новаго правительства, о скорбномъ положеніи королевской семьи, и о ничѣмъ не сдержанномъ проявленіи дикихъ, звѣрскихъ свойствъ уличной черни. Императрица торжественно отказалась признать законность новаго порядка вещей, установившагося во Франціи, принудила къ тому же всѣхъ Французовъ, пожелавшихъ остаться въ Россіи, и осыпала знаками своего благоволенія эмигрировавшихъ въ Россію представителей Французскаго дворянства и духовенства: гр. Эстергази, Шуазеля-Гуфье, Ламберта и др. Этимъ отношеніемъ Екатерины къ жертвамъ революціи вызванъ новый приливъ къ намъ бѣжавшихъ изъ своего отечества Французовъ, которымъ не сладко жилось ни въ Англіи, ни въ Германіи, куда они направились первоначально. Въ концѣ концовъ, съ развитіемъ террора, искали убѣжища въ Россіи, кромѣ дворянъ и духовныхъ, Французы и низшихъ классовъ общества; между ними оказывались даже республиканцы, умѣвшіе скрывать въ новомъ отечествѣ свои убѣжденія. Изъ республиканцевъ этихъ обращаютъ на себя вниманіе Дюгуръ, бывшій секретарь Робеспьера, ставшій впослѣдствіи ректоромъ Петербургскаго университета, и братъ Марата, принявшій фамилію де-Будри; оба, подобно многимъ

другимъ своимъ соотечественникамъ, посвятили себя въ Россіи педагогическому поприщу.

Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна также сочувственно относились къ эмигрантамъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыхъ изъ нихъ великокняжеская чета знала еще со времени путешествія своего во Францію, а другіе являлись къ ней съ рекомендательными письмами отъ родителей Маріи Θеодоровны. Многіе эмигранты сдѣлались частыми посѣтителями великокняжескаго двора. Но изъ бесѣдъ съ ними Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна не могли получить понятія объ истинныхъ причинахъ революціи, вызванной главнѣйше самимъ же Французскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, которыя упорно отстаивали до взрыва революціи свои тяжкія для другихъ сословій средневѣковыя права и привиллегіи и пользовались слабохарактерностію Людовика XVI, чтобы мѣшать каждой попыткѣ преобразованія въ этомъ направленіи. Ужасы кровавыхъ сценъ, происходившихъ повсемѣстно во Франціи, торжество невѣрія и общественнаго разврата, вся грязь, принадлежащая подонкамъ общества и всплывающая кверху при каждомъ потрясеніи общественнаго организма—исключительно останавливали на себѣ вниманіе цесаревича и его супруги и заставляли ихъ смотрѣть по преимуществу съ нравственной точки зрѣнія на событія, вызванныя политическими и экономическими причинами: Павелъ Петровичъ считалъ революцію послѣдствіемъ того же зла, которое возмущало его въ самой Россіи и противъ котораго онъ безсиленъ былъ бороться—послѣдствіемъ вліянія матеріалистической философіи и распущенности нравовъ. Сама Екатерина, пораженная ходомъ Французскихъ событій, во многомъ измѣнила свой образъ мыслей, и цесаревичъ съ тайнымъ самоудовлетвореніемъ могъ видѣть, что ея мнѣнія часто были лишь отзвукомъ его давнихъ убѣжденій [1]). Но государственный умъ Екатерины спасалъ ее отъ крайностей, въ которыя впадалъ нервный, впечатлительный ея сынъ. Разсказы и внушенія эмигрантовъ служили, по его мнѣнію, новымъ подтвержденіемъ

---

[1]) *Дневникъ Храповицкаго*, 17 Октября 1790 г., 347. «Разговоръ о дѣвкахъ театральныхъ. Отчего погибла Франція, qu'on tombe dans la crapule et les vices; опера-буффа всѣхъ перепортила. Je crois que les gouvernantes de vos filles sont des maquerelles. Смотрите за нравами!» Еще ранѣе въ 1782 г., смуты въ Женевѣ объясняла она вліяніемъ сочиненій Вольтера и Руссо. См. VI главу нашего труда.

вѣрности его теорій о необходимости военнаго управленія государствомъ, и Гатчинскія экзерциціи получили въ его глазахъ новый смыслъ и значеніе. Въ соотвѣтствіе этому, все чаще и чаще проявлялись суровость, раздражительность и мелочность неуравновѣшеннаго характера Павла, въ которомъ уже трудно было узнать живаго, любезнаго и остроумнаго великаго князя, привлекавшаго къ себѣ всеобщее сочувствіе десять лѣтъ тому назадъ, во время путешествія своего по Западной Европѣ. Даже приверженцамъ Павла казалось, что вліяніе на него эмигрантовъ можетъ имѣть лишь дурныя послѣдствія. Говоря объ агентѣ Французскихъ принцевъ, Эстергази, Растопчинъ, бывшій тогда камергеромъ при великокняжескомъ дворѣ, писалъ Воронцову: «Вы увидите впослѣдствіи, сколько вреда надѣлало пребываніе Эстергази; онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзною лозой, что государь-наслѣдникъ усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею. Каждый день только и слышно, что о насиліяхъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ бы постыдился всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія и проч.» [2]).

На Марію Ѳеодоровну Французскій переворотъ произвелъ тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе, что отъ него пострадало много лицъ, связанныхъ съ нею узами дружбы и уваженія. Коротко познакомившись съ членами дома Бурбоновъ въ бытность свою въ Парижѣ, великая княгиня удивлялась твердости духа и достоинству, съ которыми переносила свое несчастіе Марія-Антуанетта, скорбѣла о несчастіяхъ принцессъ дома Кондѐ и, возмущаясь поведеніемъ Филиппа, герцога Орлеанскаго, (ставшаго въ ряды революціонеровъ подъ именемъ Эгалитѐ), дрожала при мысли объ участи добродѣтельной жены и дѣтей его, оставшихся во власти республиканцевъ. Послѣ того, какъ казнили Людовика XVI, она писала графу Н. П. Румянцову: «Страшная катастрофа происшедшая во Франціи, оледенила насъ ужасомъ; и дѣйствительно, есть отчего лишиться хорошаго настроенія духа и погрузиться въ глубокую печаль. Послѣдствія движенія во Франціи кажутся мнѣ неисчислимыми. Трепещу за королеву. Несчастіе, которое преслѣдуетъ ее, привязываетъ меня

---

[2]) *Архивъ князя Воронцова*, VIII, 67.

къ ней; ея твердость, мужество, внушаютъ мнѣ къ ней особенное участіе. Знаете ли, мой добрый графъ, что все, происходящее теперь въ Европѣ, во многомъ напоминаетъ тѣ времена, о которыхъ намъ предсказано въ Священномъ Писаніи? Несомнѣнно одно, что событія конца этого вѣка заставляютъ скорбѣть о томъ, что мы не живемъ въ болѣе раннее время» [3]). Глубоко сожалѣя о жертвахъ революціи,—Марія Θеодоровна страдала и за свою Монбельярскую семью, благосостояніе которой также было уничтожено Французскимъ погромомъ. Волненія въ сосѣдней Франціи отозвались и въ маленькомъ Монбельярскомъ графствѣ, населенномъ почти сплошь Французами. Вооруженныя толпы народа, предводимыя «адвокатами», врывались въ графство, производили въ немъ безпорядки, сажали въ разныхъ мѣстахъ «деревья вольности» и наконецъ, встрѣтивъ поддержку въ самомъ населеніи, побудили родителей Маріи Θеодоровны навсегда уѣхать изъ Монбельяра и поселиться временно въ Базелѣ [4]). Покинувъ край, гдѣ они мирно прожили 20 лѣтъ, родители Маріи Θеодоровны вмѣстѣ съ тѣмъ понесли большія потери и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, послѣ насильственнаго присоединенія Монбельяра къ Франціи, они не получили никакого вознагражденія за всѣ расходы по постройкѣ и украшенію Этюпа [5]). Мало того, Этюпъ и многія другія мѣста, съ которыми связаны были самыя дорогія чувства и воспоминанія Маріи Θеодоровны, подверглись варварскому опустошенію со стороны республиканцевъ; не пощажены были даже могилы принцевъ Монбельярскихъ и г-жи Боркъ, воспитательницы Маріи Θеодоровны [6]). Какъ всегда, и въ этомъ случаѣ Монбельярская семья обратилась чрезъ Марію Θеодоровну къ Екатеринѣ съ просьбой о заступничествѣ. Императрица, прервавшая уже сношенія съ Франціей, уклонилась, однако, отъ прямаго вмѣшательства въ дѣла Монбельяра. «Мои

---

[3]) *Госуд. Арх.*, V, 184. Письмо Екатерины къ Маріи Θеодоровнѣ о казни королевы см. *Рус. Ст.* 1874, I, 42.—[4]) *Ephémérides du comte de Montbéliard*, passim.—Письмо принца Фридриха-Евгенія къ Маріи Θедоровнѣ. *Рус. Ст.*, 1873, VIII, 877.—Ср. письма Екатерины къ Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ по новоду событій въ Монбельярѣ, тамъ же, 882.— [5]) См. II главу нашего труда. *Stark*, 106.

[6]) Подробности разрушительныхъ дѣйствій Французскихъ рес[illegible]
цевъ въ Монбельярскомъ графствѣ можно читать въ письмѣ о[illegible]
телей Монбельяра, Дювернуа, къ Маріи Θеодоровнѣ, храня[illegible]
ріинскомъ Архивѣ.

министры, моя дорогая дочь, отвѣчала она, давно знаютъ о расположеніи, которое я питаю къ вашимъ любезнымъ родственникамъ и ихъ семействамъ; но теперь уже не словесныя заявленія, а безъ сомнѣнія, только соединенныя войска королей Венгерскаго и Прусскаго могли бы дать дѣламъ другое направленіе и удержать Французовъ отъ продолженія злодѣйствъ, которыя постоянно умножаются» [7]). Принцъ Фридрихъ-Евгеній долженъ былъ снова возвратиться къ первоначальному своему положенію—Прусскаго генерала и получилъ мѣсто губернатора въ Байретѣ. Старшій братъ принца, владѣтельный герцогъ Виртембергскій, Карлъ-Евгеній, не забывшій препятствій, которыя ставили родители Маріи Θеодоровны браку его съ графиней Гогенгеймъ, не оказывалъ имъ никакой поддержки; не лучше относился къ нимъ занявшій Виртембергскій престолъ по смерти Карла въ 1793 г. и второй братъ принца, Людвигъ-Евгеній, узаконенію дочерей котораго Монбельярская чета также въ свое время противодѣйствовала по династическимъ соображеніямъ [8]). На Австрію, по смерти Іосифа II и эрцгерцогини Елисаветы, надѣяться также было нельзя. Поэтому. родители Маріи Θеодоровны, находясь въ весьма стѣсненномъ положеніи, могли ожидать помощи лишь отъ нея. Какъ велика была эта помощь въ финансовомъ отношеніи, трудно судить за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ; но нѣтъ сомнѣнія, что и на этотъ разъ Марія Θеодоровна сдѣлала все возможное для удовлетворенія нуждъ своихъ родителей, какъ ни скудны были для этой цѣли собственныя средства великокняжеской четы [9]).

---

[7]) *Сборникъ*, XLII, 228.—Ср. *Schlossberger*, стр. 210.—Въ это время Австрія и Пруссія находились въ войнѣ съ Франціей.

[8]) Еще 19 (30) Января 1787 года Румянцовъ доносилъ Остерману, что «герцогъ (Карлъ-Евгеній), досадуя на непризнаніе извѣстнаго вашему сіятельству незаконнаго его супружества, старается умышленно породить въ братѣ своемъ, свѣтлѣйшемъ родителѣ ея императорскаго высочества, опасеніе, что съ нимъ готовъ дружество прервать и перекинуться въ сторону средняго своего брата, съ которымъ онъ, герцогъ, и принцъ Фридрихъ-Евгеній по днесь не въ большомъ жили согласіи; поелику сей принцъ, предавшись нѣкоему роду ханжества, обоихъ ихъ чуждался». О принцѣ Людвигѣ см. I главу нашего труда.

[9]) Въ *Архивѣ Павловскаго дворца* сохранилась переписка, относящаяся къ 1789—1790 гг. о займѣ въ 225,000 цехиновъ, который Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна желали сдѣлать въ Женевѣ за поручительствомъ Сардинскаго короля. На просьбу великокняжеской четы король отвѣчалъ однако отказомъ, объясняя его собственными издержками вслѣдствіе бракосочетанія

Много огорченій доставили Маріи Θеодоровнѣ въ это время и думы о несчастіяхъ друга ея дѣтства, ея дорогой Ланель, г-жи Оберкирхъ. Она не покинула Франціи и все время террора прожила съ семьею въ Страсбургѣ; но хотя она и была посажена въ тюрьму вмѣстѣ съ другими лицами дворянскаго происхожденія, но паденіе Робеспьера спасло жизнь ей и ея семьѣ. Марія Θеодоровна въ теченіе всего этого времени не упускала изъ виду своей подруги, горько жаловалась окружавшимъ на ея неосмотрительность и, пользуясь посредствомъ матери, пересылала ей нѣжныя письма, иногда безъ подписи, чтобы обмануть бдительность республиканцевъ. Она не могла отказать себѣ въ потребности утѣшать свою Ланель даже въ то время, когда та находилась въ тюрьмѣ и когда сношенія съ нею были крайне затруднительны. «Дорогая и добрая Ланъ», писала она. «Пусть сердце ваше подскажетъ вамъ имя того, кто пишетъ вамъ эти строки. Вы стоили мнѣ много слезъ, много безпокойствъ; я чувствую всѣ утраты ваши, и вѣрьте мнѣ, моя дорогая, что я раздѣляла ихъ съ вами. Возблагодаримъ Бога и за то, что онъ сохранилъ жизнь вашу и вашего дорогаго ребенка. Будемъ надѣяться, что счастіе возвратится къ вамъ. Давайте мнѣ отъ времени до времени знать о себѣ чрезъ мою мать. Я не смѣю говорить подробнѣе. Разсчитывайте всегда на мои чувства, на мою дружбу, и будьте увѣрены, что подруга вашего дѣтства останется неизмѣнною для той, имя которой она не можетъ произнести безъ чувства глубокой нѣжности. Еще разъ крѣпко обнимаю васъ и ваше дорогое дитя» [10]).

Годы 1789—1792 вообще были несчастными для Монбельярскаго семейства и для Маріи Θеодоровны: въ это время она потеряла послѣднюю сестру свою, Елисавету, эрцгерцогиню Австрійскую, и лучшаго изъ братьевъ своихъ, Карла, принимав-

---

герцога Аостскаго и пребыванія при Сардинскомъ дворѣ зятя короля, графа д'Артуа, бѣжавшаго изъ Парижа, съ женой, семействомъ и со свитой. Сообщая объ этомъ отказѣ Павлу Петровичу, казначей его, Николаи, въ письмѣ отъ 26 Апрѣля 1790 г., доносилъ, что онъ въ отчаяніи и не знаетъ, чтó дѣлать, а въ письмѣ отъ 27 Апрѣля съ недовѣріемъ относился къ мотивамъ отказа. Затруднительное положеніе Николаи, какъ видно изъ его писемъ, усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Марія Θеодоровна въ 1789 г. заняла у банкира Сутерланда 5,000 р. на одинъ годъ, а между тѣмъ не могла уплатить въ срокъ этой суммы.

[10]) *Oberkirch*, II, 343—348. Ср [illegible] къ Моклеру. *Stark*, 106—107.

шаго участіе во второй войнѣ Россіи съ Турціей. На устройство судьбы сестры и брата Марія Θеодоровна положила много заботъ, и они внезапно скончались въ то именно время, когда предъ ними открывалась широкая будущность. Умирали тѣ близкіе родные Маріи Θеодоровны, которые оказывались вполнѣ достойными попеченій своей любящей Русской сестры. Принцесса Елисавета, пріѣхавъ въ Вѣну въ 1782 г., шесть лѣтъ прожила въ ней невѣстою эрцгерцога Франца, съ которымъ вступила въ супружество лишь 26 Декабря 1788 г. Эрцгерцогъ Францъ по качествамъ своимъ стоялъ гораздо ниже своей супруги: по единодушному отзыву всѣхъ современниковъ, это былъ тупой, мелочный и малоразвитый человѣкъ съ боязливымъ, нерѣшительнымъ характеромъ, легко поддававшійся вліянію женщинъ и монаховъ; скупость была впослѣдствіи господствующею его страстью. Даже внѣшность его не отвѣчала уже развившейся красотѣ принцессы: еще во время путешествія своего по Европѣ Марія Θеодоровна выражала свое разочарованіе при видѣ малорослаго эрцгерцога, жениха своей сестры. Неудивительно поэтому, что принцесса Елисавета не могла быть счастлива въ своемъ политическомъ бракѣ; но въ то же время она успѣла пріобрѣсти любовь и уваженіе Вѣнскаго общества и въ особенности самаго императора Іосифа II, къ которому и она сама чувствовала симпатію. Въ началѣ 1790 г. принцесса Елисавета готовилась разрѣшиться отъ бремени, когда внезапно и смертельно заболѣлъ Іосифъ II, здоровье котораго было жестоко потрясено неуспѣхомъ его преобразовательныхъ начинаній и неудачами австрійскихъ войскъ въ войнѣ съ Турками. Когда принцесса узнала о неизбѣжности кончины императора, она почувствовала себя нездоровою и 7-го Февраля 1790 г. умерла отъ преждевременныхъ родовъ, давъ жизнь малолѣтней принцессѣ. Спустя нѣсколько дней (9-го Февраля) скончался и Іосифъ, уже обреченный смерти: кончина эрцгерцогини произвела на него тяжелое впечатлѣніе и окончательно подорвала его силы [11]). Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этими событіями на Марію Θеодоровну. «Вчера ввечеру», записалъ Хра-

[11]) *Записки князя Голицына* (Р. Арх., 1874). — *Schlossberger*, 138 — 139. Когда Іосифу сообщили о смерти принцессы Елисаветы, онъ вскричалъ: «Fiat voluntas Tua! Dein Wille geschehe! Auch was ich dulde, ist unbeschreiblich? Ich meinte, ich wäre bereit alle Töde zu ertragen, die es Gott gefallen möchte mir zu senden; aber dieses fürchterliche Unglück übersteigt alles, was ich

повицкій 24 Февраля, «получено извѣстіе о кончинѣ эрцгерцогини Австрійской Елисаветы. Она была очень привязана къ императору. Какъ стали его причащать, то за три недѣли до срока начала́ она мучиться: вынули ребенка инструментомъ. Это принцесса и жива, но мать на другой день умерла отъ апоплексіи. Наша великая княгиня говоритъ: «le même sort m'attend». «Правда» (отозвалась Екатерина) послѣ Елены Павловны при двухъ родахъ умирала». Смерть императора близка. Вся Вѣна въ уныніи. L'ambassadeur est inconsolable. Ея величество печальна и все сіе мнѣ сказывать изволила». «Мы теперь», писалъ Лафермьеръ 3 Марта, «въ траурѣ и въ уныніи. Бѣдная великая княгиня была жестоко поражена непредвидѣнной потерей и дрожитъ за послѣдствія этого ужаснаго событія по отношенію къ своей матери, которая въ теченіе 24-хъ часовъ получитъ одно за другимъ два извѣстія: о счастливомъ разрѣшеніи дочери отъ бремени и о ея смерти [12]). Эта несчастная эрцгерцогиня была жертвою своей чувствительности, и очевидно смерть ея должно приписывать волненію и скорби, связаннымъ съ ея положеніемъ» [13]). Любовь къ сестрѣ Марія Ѳеодоровна перенесла на ея дочь, но уже 5 Іюля 1791 г. она извѣщала Румянцова о смерти своей племянницы-младенца. «Думая только о себѣ», писала она, я «желала бы сохраненія этого дорогаго ребенка; но для него самого, мнѣ кажется, есть счастіе умереть, не испытавъ скорби видѣть себя лишеннымъ матери. Теперь онѣ, дочь и мать, соединились и навѣрно наслаждаются блаженствомъ... Однако мысль, что отъ бѣдной сестры Елисаветы не оставалось ничего, къ чему можно было бы привязаться, ничего, что̀ напоминало бы о ней,—разрываетъ мнѣ душу, потому что пока жила моя племянница, я думала, что въ ней оживаетъ моя сестра. Увы, я лишена теперь и этого утѣшенія!» [14]).

Въ политическомъ отношеніи смерть принцессы Елисаветы имѣла для Россіи то значеніе, что вмѣстѣ съ нею нарушено

---

jemals gelitten habe». Взявъ на руки новорожденную, Іосифъ заплакалъ и сказалъ: «Schönes Kind, wahres Bild deiner tugendhaften Mutter. Doch tragt sie fort: die Stunde meiner Auflösung ist nahe».

[12]) Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Письма эрцгерцога Франца отъ 17 и 18 Февраля къ принцессѣ Софіи-Доротеѣ у *Schlossberger'a*, стр. 136—138.

[13]) *Архивъ князя Воронцова*, XXXIX, 271.

[14]) *Госуд. Арх.*, V, 182.

было равновѣсіе, которое могло, по крайней мѣрѣ со временемъ, установиться въ отношеніяхъ между Россіей съ одной стороны и Пруссіей и Австріей съ другой: исчезла связь, соединявшая Русскій царствующій домъ съ полуславянской Австріей, и Прусскимъ симпатіямъ суждено было укореняться при Русскомъ дворѣ, не встрѣчая уже ни откуда отпора. Мысль Екатерины о замѣнѣ Прусскаго союза Австрійскимъ должна была поэтому встрѣтить въ будущемъ неодолимыя препятствія. За пять мѣсяцевъ до кончины Іосифа II и принцессы Елисаветы, Екатерина писала Потемкину: «Каковы бы Цесарцы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда, нежели *Прусская*, которая совокупленно сопряжена со всѣмъ съ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано пакостнаго и несноснаго. Дорогой другъ мой, я говорю это по опыту; я, къ несчастію, весьма близко видѣла это ярмо, и вы были свидѣтель, что я была внѣ себя отъ радости, лишь только увидѣла маленькую надежду на исходъ изъ этого положенія» [15]). Между тѣмъ, по отзыву Безбородко, въ 1788 году «хотя императрица и не склонна была къ Прусской системѣ, но меньшой дворъ въ рукахъ тамъ совершенно». Даже тогдашній любимецъ Екатерины, графъ А. М. Мамоновъ, не чуждъ былъ наклонности дѣйствовать въ пользу Пруссіи, и, вѣроятно лишь благодаря этому образу своихъ дѣйствій, онъ былъ единственнымъ изъ любимцевъ Екатерины, которому великокняжеская чета показывала явные знаки своего благоволенія. «Я не забочусь», писалъ Безбородко послѣ его отставки въ 1789 г., «о томъ злѣ, которое онъ мнѣ надѣлалъ лично, но жалѣю безмѣрно о пакостяхъ, отъ него въ дѣлахъ происшедшихъ, въ единомъ намѣреніи, чтобы только мнѣ причинять досады. Государыня видѣла съ нами, что Рибопьеръ, его искренній другъ, продавалъ и его, и насъ Пруссакамъ и что Келлеръ чрезъ него дѣйствовалъ на изгнаніе насъ изъ министерства. Расшифрованныя депеши Прусскія служили намъ самымъ лучшимъ доказательствомъ, что насъ купить нельзя; онѣ тѣмъ наполнены были, что и мы однѣхъ мыслей съ государынею, и ей тутъ-то всѣ брани и непристойности приписаны. Все сіе перенесено было великодушно, а мы только были жертвою» [16]). Есть указаніе,

[15]) *Сборникъ*, XLII, 42.

[16]) «*Арх. князя Воронцова*», XIII, 163.—*Г. Иконниковъ* въ своей рецензіи на трудъ Д. Ѳ. Кобеко заявилъ основательную догадку, что самая отставка

что и въ это время великокняжеская чета не прекращала сношеній своихъ съ Пруссіей по дѣламъ политическимъ [17]), хотя о характерѣ этихъ сношеній пока трудно сказать что-либо опредѣленное: при всемъ сочувствіи Павла Петровича къ Пруссіи, едва ли могъ онъ одобрить враждебное, угрожающее положеніе, которое приняла она въ то время къ Россіи, у которой тогда шла война со Шведами и Турками. Разумѣется, онъ въ душѣ обвинялъ мать, предпочитавшую Австрійскій союзъ Прусскому; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поведеніе Пруссіи въ критическій моментъ, переживаемый Россіею, должно было ясно показать рыцарскому цесаревичу, что ни родственныя отношенія, ни отвлеченные принципы не помѣшаютъ Пруссіи, если того потребуютъ ея выгоды, превратиться въ лютаго врага его отечества. Быть можетъ, съ этого времени началось охлажденіе къ ней Павла, усилившееся впослѣдствіи при картинѣ заигрываній Пруссаковъ съ Французскими республиканцами, вызванныхъ надеждою Прусскаго правительства получить съ помощію Французовъ преобладаніе въ Германіи. Въ 1790 г., когда у насъ со дня на день ожидали разрыва съ Пруссіею, Павелъ Петровичъ очень страдалъ. Онъ заболѣлъ; но, по словамъ современника, «здоровье его разстроилъ не одинъ физическій припадокъ, происшедшій отъ простуды, но къ оному присовокупился и нравственный, навлеченный угроженіемъ Прусской войны» [18]). Безъ сомнѣнія, Павелъ долженъ былъ сознавать, что, ожидая войны съ Пруссіей, Русскіе люди смотрѣли на него съ предубѣжденіемъ, какъ на завѣдомаго ея сторонника. Съ другой стороны Пруссаки усиливали это предубѣжденіе, ловко направляя въ свою пользу и во вредъ Россіи давнія симпатіи къ себѣ цесаревича. Одною изъ причинъ, побудившихъ Англію въ то время стать на сторону Пруссіи, было убѣжденіе, вышедшее изъ Берлина, что Екатеринѣ осталось недолго жить и что ея преемникъ

Мамонова имѣла нѣкоторую связь съ отношеніями его къ Пруссакамъ.—Сынъ Рибопьера, гр. А. И. Рибопьеръ, отозвался объ отношеніяхъ Мамонова къ великокняжеской четѣ довольно уклончиво: «Мамоновъ былъ единственнымъ любимцемъ Екатерины, который съумѣлъ *тактомъ своимъ* снискать благоволеніе Павла Петровича». *Р. А.* 1877, I, 467.

[17]) «*Мар. Арх.*», св. 103. Règistre etc., № 42: «Письма графа Гольца къ графу Нессельроде и копіи съ двухъ писемъ къ сему послѣдне... наго государя императора (Павла I), списанныя собстве... его 1789 г.».

[18]) *Гарновскій*, 9 Октября 1790 г.—*Р. Ст.*, XVI

такой же Пруссакъ, какимъ былъ Петръ III. Сообщая объ этомъ брату, нашъ посланникъ въ Лондонѣ, графъ С. Р. Воронцовъ, прибавлялъ: «Вотъ къ чему приводитъ насъ непростительная небрежность императрицы, которая не позаботилась о выборѣ окружающихъ для своего сына и оставила его укрѣпляться въ Прусской системѣ» [19]). Графъ Воронцовъ, очевидно, не зналъ, что измѣнить чувства Павла Петровича могла не Екатерина, а лишь горькій опытъ. Нельзя однако предполагать, чтобы императрица не выражала сыну своего неудовольствія по поводу его образа мыслей и дѣйствій. Можно догадываться, что неудовольствіе свое она давала чувствовать и Маріи Θеодоровнѣ, которая оказывала знаки вниманія Мамонову. Однажды Мамоновъ, въ присутствіи Маріи Θеодоровны, поднесъ Екатеринѣ купленныя ею серьги. Императрица, увидѣвъ, что онѣ понравились Маріи Θеодоровнѣ, подарила ихъ ей. Послѣ того великая княгиня пригласила Мамонова къ себѣ на обѣдъ; но государыня осталась крайне недовольна этимъ и сказала своему любимцу: «И ты! Къ великой княгинѣ? Зачѣмъ? Ни подъ какимъ видомъ! Какъ она смѣла тебя звать?» Послѣ этого, призвавъ графа Мусина-Пушкина, Екатерина приказала ему: «Поди тотчасъ къ великой княгинѣ; скажи, какъ она смѣла звать Александра Матвѣевича къ себѣ? Зачѣмъ? Чтобы впредь этого не было». Марія Θеодоровна до такой степени поражена была гнѣвомъ Екатерины, что заболѣла. Когда, вслѣдъ затѣмъ, Мамонову прислана была отъ великаго князя табакерка, то государыня, посмотрѣвъ ее, сказала: «ну, теперь ты можешь идти благодарить великаго князя, но съ гр. Валентиномъ Платоновичемъ, не одинъ». Однако Павелъ Петровичъ отказался отъ принятія этого визита. Весьма недовольна также осталась Екатерина, заставъ однажды, при выходѣ своемъ къ лицамъ, ожидавшимъ ее въ уборной, Мамонова въ разговорахъ съ великой княгиней [20]). Современники объяснили это недовольство исключительно ревностію и досадой; но возможно предположить также, что, зная изъ перлюстраціи о попыткахъ Пруссаковъ дѣйствовать на Мамонова, Екатерина давала совсѣмъ иное, политическое значеніе вниманію Маріи Θеодоровны къ Мамонову и желала мѣшать его сношеніямъ съ малымъ дворомъ. Неизвѣстно также, какъ

---

[19]) *«Арх. кн. Воронцова»*, IX, 165.

[20]) *Гарновскій, Рус. Ст.* XV, 17, XVI, 233.

понимала гнѣвъ императрицы сама великокняжеская чета. Зная о сношеніяхъ Мамонова съ Прусскимъ посланникомъ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна могли подозрѣвать, что о томъ же сдѣлалось извѣстно и Екатеринѣ. Удаленіе Мамонова отъ двора для великокняжеской четы, во всякомъ случаѣ, имѣло непріятныя послѣдствія, такъ какъ повлекло за собою возвышеніе любимца, П. А. Зубова, который, какъ мы уже видѣли, еще такъ недавно, будучи простымъ гвардейскимъ офицеромъ, едва не былъ уволенъ отъ службы, по настоянію Павла Петровича, по самому ничтожному поводу, и теперь, пользуясь полнымъ довѣріемъ Екатерины, мстилъ цесаревичу, какъ истинный выскочка въ худшемъ смыслѣ этого слова, мелочными уколами его самолюбію. Для Павла Петровича это было тѣмъ болѣе тяжело, что новый любимецъ получилъ вскорѣ особенное значеніе, благодаря внезапной кончинѣ Потемкина и ослабленію энергіи въ состарѣвшейся императрицѣ.

Отношенія Потемкина къ великокняжеской четѣ съ выгодной стороны рисуютъ характеръ этого замѣчательнаго человѣка. Поднявшись на недосягаемую для другихъ высоту, будучи даже, насколько можно судить по вновь открытымъ даннымъ, тайнымъ супругомъ царствующей императрицы [21]), Потемкинъ хотя и раздѣлялъ мнѣніе Екатерины о неспособности Павла Петровича къ управленію государствомъ и, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ устраненію цесаревича отъ дѣлъ, но въ то же время никогда не позволялъ себѣ въ своихъ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ выходить изъ границъ уваженія и почтенія, какія подданный долженъ оказывать признанному наслѣднику престола и его супругѣ. Мало того, онъ относился съ полнымъ вниманіемъ ко всѣмъ обращеннымъ къ нему желаніямъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Въ послѣдніе годы своей жизни, когда разладъ между императрицей и ея сыномъ уже вполнѣ обозначился и быть въ милости у Павла значило навлечь на себя немилость Екатерины, Потемкинъ не измѣнилъ своего отношенія къ великокняжеской четѣ: мы уже видѣли, что къ нему обращалась она съ просьбою ходатайствовать объ оставленіи молодыхъ великихъ

[21]) *Кобеко*, 361—362. Совершеніе брака авторъ относитъ, сказу Кастера, къ 1784 г., году смерти Ланскаго. *П. И. Бар* ваніи неизвѣстныхъ для насъ данныхъ, предполагаетъ, чт ключенъ былъ осенью 1774 года *Р. А.* 1891, I, 444.

князей въ Петербургѣ во время ея путешествія въ Крымъ, и онъ же, если вѣрить преданію, помогалъ иногда Павлу Петровичу въ его денежныхъ затрудненіяхъ [22]).

Особенно должна была дорожить своими отношеніями къ всемогущему вельможѣ Марія Ѳеодоровна, такъ какъ преимущественно отъ Потемкина зависѣла участь ея братьевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію на службу и находившихся подъ его начальствомъ [23]). Сперва особымъ предметомъ заботъ Маріи Ѳеодоровны былъ знаменитый супругъ Зельмиры, принцъ Фридрихъ, а затѣмъ одинъ изъ младшихъ ея братьевъ, принцъ Карлъ, который 19-ти лѣтъ прибылъ въ Россію въ 1789 г. и въ чинѣ генералъ-маіора принялъ участіе во второй войнѣ съ Турціей. Юноша этотъ производилъ на всѣхъ тѣмъ болѣе пріятное впечатлѣніе, что по своему характеру вовсе не походилъ на старшихъ своихъ братьевъ, прославившихся грубостію нрава и крайнимъ эгоизмомъ; безъ сомнѣнія, мягкостію и добротою своею принцъ Карлъ обязанъ былъ домашнему воспитанію, которое онъ получилъ подъ руководствомъ нѣжной, чувствительной матери, избѣгнувъ развращающаго вліянія казарменной жизни Прусскаго солдатства. Въ Россію принцъ пріѣхалъ прямо изъ Монбельяра. Съ Мая 1789 г. Марія Ѳеодоровна начала писать къ Потемкину, постоянно благодаря его за попеченія, которыми онъ окружилъ ея брата и выражая надежду, что Карлъ окажется достоинъ милостей государыни [24]). «Я васъ сердечно поздравляю, князь Григорій Александровичъ», писала она, «со взятіемъ Бендеръ, тѣмъ болѣе, что, умножая славу вашу безъ пролитія крови, оно умножаетъ мою радость. Дай Богъ, чтобы сіе счастливое происшествіе намъ дало чрезъ труды ваши миръ. Благодарю

---

[22]) *Р. Ст.*, XI, 153.

[23]) У великой княгини было и другое основаніе цѣнить дружбу Потемкина: Екатерина отклоняла иногда ея просьбы за разнаго рода выходцевъ, считая ихъ, иногда безъ основанія, за Прусскихъ шпіоновъ. У *Храповицкаго* подъ 29 Декабря 1788 г. записано: «подалъ письмо полковника Бенкендорфа съ приказаніемъ Ея Величества по просьбѣ объ арендѣ двухъ братьевъ Науэндорфъ: ихъ не должно поваживать, а будутъ брать взятки и ходить за дѣлами. Отказать».

[24]) *Госуд. Арх.*, V, 182.—До Іюня 1790 г. письма эти были писаны исключительно на Русскомъ языкѣ, затѣмъ исключительно на Французскомъ. Можно предполагать, что первыя письма составлялись при участіи Павла Петровича, а послѣ разлада съ нимъ Марія Ѳеодоровна не могла уже прибѣгать къ помощи своего супруга.

васъ за попеченіе о братѣ моемъ; должна вамъ сказать, сколько я тронута, зная, какъ отъ него, такъ и отъ принца Ангальта, все попеченіе и дружбу, которыя вы ему показываете, и какъ вы ласково съ нимъ обходитесь. Продолжайте ему сіе расположеніе, и если бы былъ еще въ нынѣшней кампаніи случай, гдѣ бы онъ могъ показать свою охоту и усердіе къ службѣ, я вѣрно надѣюсь, что вы его употребите. Надѣюсь на обѣщаніе ваше, мнѣ сдѣланное, на которое я вѣрно полагаюсь, и чрезъ то я вамъ доказываю, сколько истинно я есмь и буду ваша благосклонная» [25]). Принцъ оправдалъ ожиданія сестры и, командуя кирасирской дивизіей, отличился въ сраженіи при Киліи; но по какому-то несчастному случаю повредилъ себѣ ногу и для полнаго излѣченія нуждался въ операціи [26]). Благодаря просьбамъ Маріи Θеодоровны и ходатайству Потемкина, императрица дозволила принцу пріѣхать въ Петербургъ, такъ какъ врачи рѣшительно объявили, что эта поѣздка необходима для его здоровья. Въ Маѣ 1790 г. Карлъ прибылъ въ Павловскъ, гдѣ произведена была ему операція. «Послѣ Бога», сообщалъ онъ 22 Іюня своимъ родителямъ, «я обязанъ своимъ выздоровленіемъ нашей дорогой великой княгинѣ. Я не могу достаточно нахвалиться всѣми заботами и всею нѣжностію, которыя она проявила по этому случаю, и я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, если бы не питалъ къ ней самой теплой и глубокой благодарности» [27]). Принцъ обласканъ былъ императрицей, и въ концѣ Іюля, здоровый и счастливый, снова ускакалъ въ армію. Рвеніе его было вознаграждено: 12 Ноября, по представленію Потемкина, ему послана Андреевская лента [28]), а въ Январѣ онъ снова получилъ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ на этотъ разъ онъ провелъ съ сестрою и зятемъ пять мѣ-

---

[25]) Письмо это напечатано у *Лебедева*, 274. Тамъ же и два письма къ Потемкину Павла.—Принцъ писалъ своимъ родителямъ 5 (16) Марта 1790 г.: «Il est impossible que je vous dise assez, mes très chers parents, combien il a (Потемкинъ) de bontés et d'attentions pour moi». *Schlossberger*, 145.

[26]) Въ письмѣ принца не указана причина его болѣзни. *Schlossberger*, 147.

[27]) «Я больше чувствую, нежели могу изъяснить», писала съ своей стороны Марія Θеодоровна Потемкину 25 Мая 1790 г., «сколько вамъ я обязана, что братъ мой здѣсь, гдѣ я могу имѣть всякое попеченіе о немъ». *Госуд. Арх.*, V, 182.—Екатерина первая навѣстила больнаго принца и затѣмъ писала объ опасномъ его положеніи Потемкину. *Schlossberger*, 1[illegible]
LI, 80.

[28]) *Сборникъ*, XLII, 125.

сяцевъ. Одновременно съ принцемъ жилъ въ Петербургѣ и Потемкинъ, пробовавшій въ это время подорвать значеніе Зубова и укрѣпить свое вліяніе на Екатерину. Принимая участіе во всѣхъ празднествахъ, которыя происходили при дворѣ и у князя Потемкина, принцъ Карлъ въ то же время близко присмотрѣлся къ семейной жизни своей сестры и уѣхалъ въ Іюнѣ обратно въ армію съ грустнымъ впечатлѣніемъ, оставляя по себѣ во всѣхъ знавшихъ его самыя лучшія воспоминанія. 24 Августа получено было въ Петербургѣ извѣстіе о внезапной смерти принца: онъ умеръ отъ горячки 13 Августа 1791 года въ Галацѣ. Приписывали его смерть психическимъ причинамъ: говорили, что онъ черезчуръ спѣшилъ дорогою, желалъ принять участіе въ битвѣ съ Турками, разыгравшейся подъ Мачиномъ и, не успѣвъ въ этомъ, былъ очень огорченъ [29]). Если окружающіе замѣтили въ немъ предъ смертью скорбное настроеніе, то несомнѣнно начало тому положено было еще въ Петербургѣ. «Я принималъ большое участіе въ бѣдномъ принцѣ Карлѣ», писалъ Лафермьеръ графу Воронцову 21 Сентября, «и ради него самого, потому что онъ былъ выдающійся по своимъ качествамъ молодой человѣкъ, и ради нашей доброй великой княгини, которая привязалась къ нему и которая потеряла его въ то именно время, когда начала понимать его и цѣнить. Онъ имѣлъ свою долю въ огорченіяхъ, которымъ мы подвержены ежедневно, благодаря неблагопріятному обороту, который приняли наши домашнія дѣла. При этомъ онъ велъ себя очень благоразумно и осторожно во всемъ, что касалась и лично его, и великой княгини, не уклоняясь ни на минуту отъ правилъ поведенія, которыя мы твердили ему каждый день. Испытанія, которымъ онъ подвергся, не обѣщали ему слишкомъ счастливаго будущаго, и онъ умеръ, не имѣя возможности похвалиться большимъ счастьемъ, которое ожидало его и могло ожидать его здѣсь» [30]).

Легко представить себѣ, какъ тяжела была для Маріи Θеодоровны неожиданная кончина принца Карла. Едва справляясь съ собственнымъ горемъ [31]), она однако заботилась прежде

[29]) *Энгельгардтъ,* 123. Современныя описанія его болѣзни у *Schlossberger'a* 188—197.

[30]) *Арх. князя Воронцова,* XXIX, 279.

[31]) Великая княгиня заболѣла, и ей пускали кровь. Письма *Бантышъ-Каменскаго. Р. Арх.,* 1876 г., III, 205. *Храповицкій* записалъ 26 Августа: «Ея

всего о томъ, чтобы ударъ этотъ не засталъ ея мать неподготовленною. Изливая затѣмъ въ письмѣ къ своимъ родителямъ скорбь свою въ тысячѣ нѣжныхъ выраженій, Марія Ѳеодоровна такъ опредѣляла значеніе для себя смерти брата: «Ваша утрата безспорно жестока, мои дорогіе родители; вы потеряли самаго нѣжнаго и почтительнаго сына, одареннаго ангельскимъ характеромъ. Его душѣ свойственны были всѣ роды добродѣтелей, и если бы Богъ продолжилъ его жизненный путь, онъ прославилъ бы свое имя и сдѣлался бы великимъ человѣкомъ. У васъ, однако, еще семь сыновей; а я смотрѣла на этого дорогаго Шарло, какъ на свое дитя, какъ на брата, какъ на вѣрнаго друга, даннаго мнѣ Богомъ. Въ немъ я видѣла всю мою (Германскую) семью, и я считала себя счастливою, что имѣю возлѣ себя кое-кого изъ своихъ. Я видѣла, что сыновья мои нѣжно привязались къ нему, и говорила себѣ, что такъ какъ братъ мой по законамъ природы долженъ пережить меня, то дѣти мои найдутъ въ немъ надежнаго друга, который будетъ постоянно давать имъ добрые совѣты и интересы котораго будутъ нераздѣльны съ ихъ собственными. Все это теперь разрушено. Ахъ, я чувствую, что не могу выразить вполнѣ всего своего горя; но Богу извѣстно, что смерть брата нанесла моему сердцу рану, которая никогда не закроется» [32]).

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ 5 Октября 1791 г. скончался и покровитель принца Карла, князь Потемкинъ, начало болѣзни котораго, по странной случайности, совпало съ днемъ погребенія принца. «Смерть его, писала Марія Ѳеодоровна своимъ родителямъ, есть яркій примѣръ превратности человѣческой судьбы. Этотъ человѣкъ, для котораго ни одинъ изъ дворцовъ не былъ достаточно обширенъ, у котораго было ихъ такъ много, умеръ, какъ бѣднякъ, на травѣ, посреди степей. Чтобы закрыть ему глаза, одинъ изъ его гусаровъ вытащилъ изъ своего кармана мѣдную монету — для человѣка, владѣвшаго милліонами!.. Карьера этого замѣчательнаго человѣка была блестяща, дарованія и умъ—самые выдающіеся, и я думаю, что нарисовать нравственный его характеръ было бы очень труднымъ.

Величество изволила ѣздить въ Павловское для утѣшенія Ея Высочества великой княгини и возвратилась въ 9 часовъ вечера въ Царское С[...] письмо *Рожерсона* въ *Арх. кн. Воронцова*, XXX, 50.

[32]) *Schlossberger*, 206—207.

почти невозможнымъ дѣломъ. Князь Потемкинъ дѣлалъ многихъ счастливыми, но общественное мнѣніе не за него. Что касается меня лично, то я могу только похвалиться: во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ выказывалъ желаніе сдѣлать мнѣ угодное, выражая мнѣ всегда истинное уваженіе; онъ питалъ также истинную дружбу къ дорогому Шарло, который самъ былъ къ нему очень привязанъ» [33]). Къ племянницамъ Потемкина Марія Ѳеодоровна также всегда относилась благосклонно, особенно къ графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, во второмъ бракѣ графинѣ Литта [34]). Безъ сомнѣнія, добрыя отношенія Маріи Ѳеодоровны къ Потемкину выгодно отзывались на отношеніяхъ къ нему и Павла Петровича, вообще относившагося ко всемогущему любимцу довольно сдержанно. Во всякомъ случаѣ, смерть Потемкина для великокняжеской четы была большой потерей уже потому, что теперь ничто не могло мѣшать непомѣрно возраставшему со дня на день вліянію Зубова.

Нравственная сила и бодрость духа Маріи Ѳеодоровны, твердо переносившей тяжелые удары судьбы, постигшіе ее съ начала 1789 года, тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ это именно время произошла уже явная размолвка между ней и Павломъ Петровичемъ. Причины этой размолвки, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, коренились и въ міровоззрѣніи, и въ характерѣ обоихъ супруговъ; недоставало только внѣшняго повода къ тому, чтобы, при несдержанности великаго князя, она сдѣлалась вполнѣ ясною и притомъ въ формѣ, особенно оскорбительной для Маріи Ѳеодоровны—въ видѣ особеннаго вниманія Павла Петровича къ ея фрейлинѣ Е. И. Нелидовой. Нелидова, по замѣчанію современниковъ, во многомъ представляла собою противоположность Маріи Ѳеодоровнѣ. Великая княгиня была очень красива, высока ростомъ, бѣлокура, склонна къ полнотѣ и близорука; обращеніе ея было крайне скромно,—до того, что она казалась слишкомъ строгою и степенною (по мнѣнію нѣкоторыхъ—скучною). Нелидова была

---

[33]) *Schlossberger*, 229. Письмо 29 Октября.—Оно заключаетъ въ себѣ точныя подробности о смерти Потемкина.—Покойный князь постоянно представлялъ Маріи Ѳеодоровнѣ различные недорогіе подарки. «Марія Ѳеодоровна княземъ Потемкинымъ очень довольна», сообщаетъ Гарновскій въ Іюлѣ 1789 г.

[34]) Къ ней милостиво относился и Павелъ Петровичъ даже тогда, когда былъ недоволенъ Потемкинымъ и, по словамъ современника, «крайне холоденъ ко всему тому, что его свѣтлости принадлежитъ». *Гарновскій. Р. Ст* 1876 г., I, 717.

маленькой брюнеткой, съ темными волосами, блестящими черными глазами, съ лицомъ, исполненномъ выразительности; будучи тремя годами старше Маріи Ѳеодоровны, Нелидова отличалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, некрасивой наружностію; но зато она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостію, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ. Павелъ также исполненъ былъ остроумія, юмора и живости, и потому любилъ бесѣдовать съ Нелидовой. Нелидова считалась его любимицей еще въ 1785 г. [35]). Становясь съ годами и подъ вліяніемъ печальныхъ событій, сумрачнѣе, раздражительнѣе, Павелъ Петровичъ, руководимый Плещеевымъ, искалъ утѣшенія въ мистицизмѣ и въ религіозныхъ занятіяхъ: въ Гатчинскомъ дворцѣ показывали мѣста, на которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ молитву и часто обливаясь слезами; паркетъ былъ положительно вытертъ въ этихъ мѣстахъ [36]). Набожность Павла была мечтательная и связана съ мистицизмомъ; и въ этомъ отношеніи не могъ онъ не цѣнить выспренняго, склоннаго къ вѣрѣ во все таинственное ума Нелидовой. Бесѣды съ нею цесаревича становились продолжительнѣе, явное предпочтеніе ея общества замѣтнѣе для окружающихъ; рыцарскій характеръ Павла придавалъ отношеніямъ его къ ней видъ ухаживанія. «Великій князь», говоритъ современникъ, «не былъ человѣкомъ безнравственнымъ; онъ былъ добродѣтельнымъ и по убѣжденію, и по намѣренію; онъ ненавидѣлъ распутство, былъ очень привязанъ къ своей супругѣ и не могъ себѣ представить, чтобы когда-либо ловкая интригантка могла околдовать его до того, чтобы влюбить его въ себя безъ памяти» [38]). Несомнѣнно, что и Нелидова пользовалась своимъ вліяніемъ на Павла Петровича лишь съ возвышенными цѣлями: вносить успокоеніе въ смущенный его умъ, смягчать порывы его раздражительности и суровости. Впослѣдствіи она прониклась даже убѣжденіемъ, что самъ Богъ для общей пользы поставилъ ее въ положеніе, приближенное къ Павлу [39]). При этихъ усло-

[35]) *Записки Саблукова, Р. Арх.* 1869, 1875.—*Долгорукій*: Капище моего сердца, 231. Долгорукій говоритъ болѣе рѣзко, что она въ это время слыла уже «любовницей цесаревича».—Ср. IX главу нашего труда, 326.

[36]) *Записки Саблукова. Р. Арх.*, 1869, 1877.

[38]) Тамъ же, 1875—1876.

[39]) *Осмнадцатый Вѣкъ*, III, 444. «Знаете ли вы», п[illegible]

Павлу, «почему вы любите ворчунью? Это потому,

віяхъ дружескія, вполнѣ чистыя отношенія Павла къ Нелидовой становятся вполнѣ понятны для потомства; но современники въ большинствѣ случаевъ судили иначе: одни обвиняли Нелидову, какъ интригантку [40]); другіе виновницей сближенія Павла съ Нелидовой считали не кого другаго какъ Екатерину, которая, безпокоясь-де согласіемъ и любовью великокняжеской четы, возбудившими къ ней приверженность публики, будто бы поручила барону Сакену возбудить подозрительность Павла противъ Маріи Θеодоровны. Сама Марія Θеодоровна вѣрила этой сплетнѣ и писала о ней разнымъ лицамъ [41]). Безъ сомнѣнія, эта ошибка Маріи Θеодоровны вызвана была безтактнымъ образомъ дѣйствій великаго князя, который, на ряду съ вниманіемъ къ Нелидовой, показывалъ видъ пренебреженія къ своей супругѣ, и тѣми объясненіями, которыя давали дѣлу многія приближенныя къ ней лица и главнымъ, образомъ, г-жа Бенкендорфъ. Высказывая неудовольствіе Павлу Петровичу и Нелидовой, Марія Θеодоровна только ухудшала свое положеніе, потому что великій князь былъ возмущенъ жалобами по поводу того, что̀ онъ считалъ клеветою, и удвоивалъ свое вниманіе къ Нелидовой, думая тѣмъ загладить несправедливость, которую она терпѣла. Недоразумѣнія были постоянны и наносили Маріи Θеодоровнѣ ударъ за ударомъ [42]). Самые близкіе къ великокня-

знаетъ ее, чѣмъ вашъ умъ, и что, не смотря на всѣ предубѣжденія послѣдняго, первое отдаетъ ей справедливость». «Mais est-ce que vous êtes donc un homme pour moi»? писала она въ другой разъ. «Je vous jure que je ne m'en suis jamais aperçue depuis que je vous suis attachée; il me semble que vous êtes ma soeur». Тамъ же, 433, 435.

[40]) *Записки Ржевской. Р. Арх*, 1871, 39.

[41]) *Записки князя Θ. Н. Голицына. Р. А.* 1874, 1288.

[42]) Марія Θеодоровна писала однажды Плещееву по поводу одного изъ такихъ недоразумѣній: «Je vous réponds en tout premier lieu, mon ami, à votre lettre pour vous dire qu'en lisant le passage, où la N. vous rend compte de peu de mots que je lui ai dit, je suis partie d'un éclat de rire: il faut être méchante et fausse comme elle c'est pour les avoir tourné ainsi. Il y avait plus de 15 personnes dans la chambre, lorsque je les lui ai dit; j'étais à prendre les arrangement pour réparer les anciens rideaux de la sale à manger de Paul; tous les officiers de la maison s'y trouvaient, la D-lle paraît et a l'air honteux de me voir. Je lui dis en premier lien simplement—passez, mademoiselle»; elle fait les façons; je lui redis une seconde fois—«*passez, passez, M-lle, le G.-D. vous attend à la promenade*». Or, mon ton pouvait marquer de l'impatience de m'avoir interrompue et ayant le G.-D. attendre près de 10 minutes sur la terasse; mais quand au soi-disant *respect* moqueur et malin qu'elle a trouvé dans la phrase, c'est une faute de sa part: je pouvais me moquer à la

жеской четѣ люди не понимали поведенія цесаревича [43]), и Марія Ѳеодоровна обратилась, наконецъ, за помощью къ тому, кто считался руководителемъ совѣсти Павла Петровича и кто имѣлъ поэтому нѣкоторое право позаботиться о возстановленіи мира между супругами, — С. И. Плещееву. Пользуясь уваженіемъ всѣхъ трехъ заинтересованныхъ лицъ, Плещеевъ, дѣй-

vérité de voir cette innovation que les dames se promènent sans que j'y sois, et apparement que la D-lle en a fait elle-même la refléxion, parce qu'elle vous l'a dit. Quant à ce qu'elle prétend que j'y ai ajouté encore — *passez, je vous supplie*, c'est un mensonge atroce. Berthaume vous le dira. Ensuite, mon ami, comment ne pas supposer et ne pas croire qu'elle a regret du G.-D., qui me quitte le samedi de la meilleure humeur du monde et qui me traite le dimanche avec une indigneté sans exemples, jusqu'à à me maltraiter en paroles devant ses valets; tandis que moi je suis venu lui demander avec toute la bonne foi et la candeur possible pourquoi il me maltraite, pourquoi il est fâché contre moi. Vous avez lu dans la lettre toutes les duretées qu'il m'a répandues et malgré cela vous m'avez vu à l'eglise, au dîner et en voiture comme si de rien n'était; mais j'avais le coeur suffoqué. Venue ici, je retiens mon mari et en sanglottant je lui demande ce qu'il a contre moi. Je ne reçois aucune réponse satisfaisante. A la fin, pour lui prouver toute la candeur de mon coeur e lui demande si c'est peut-être ce propos tenu à la N., qui l'a fâché, quoiqut j'ai tenu le même propos à deux autres personnes. Il me dit en ces termes: «il faudrait être fou pour se fâcher pour cela, je ne l'ai pas même su».— «Mais alors qu'est-ce, dites le moi, au nom de Dieu! Point de réponse, pas mot.» Je vous ai dit ce matin: mettez de l'égalité dans votre conduite». Mais enfin il me dit de me calmer et parut cependant touché un peu. Il descend, va chez cette fille, et remonte avec une humeur, a entré dans ma chambre, m'a regardé et s'en va sans me dire un mot. Toute la journée d'aujourd'hui a été telle que vous l'avez lue dans ma lettre: dites moi, mon ami, ce qu'il y a à supposer de cette fille? Le G.-D. me quitte au mieux samedi, il va chez elle, ne me dit point le bonsoir accoutumé; le lendemain il ne met pas le pied chez moi, après avoir passé la matinée chez elle; je vais chez lui (comme je fais toujours pour couper court le plus vite possible aux nuages); j'y suis traité indignement. Je fais l'effort de paraître après le dîner; il retourne chez elle, il en revient avec plus d'humeur encore, la preuve en est tous les propos qu'il a tenu en voiture. Arrivé ici, je lui parle, il a l'air ému; il descend, va chez elle sans inquiétude. Dans aucun moment de ma vie j'espère ne pas detruire la résignation, la patience et la modération, que je me suis faite; et quoiqu'il soit bien dur et atroce peut-être d'être maltraitée sans raison, dans mon état et cela encore parce que je demande pourquoi il est fâché contre moi, mes principes n'en souffriront pas. Tâchez de faire sentir à cette fille tout le faux jour dans lequel elle parait dans cette histoire, qui parait vous être [illegible] comme à moi, car le G.-D. vous boudant une fois et vo[illegible] quoi il le fait, il peut fort bien vous maltraiter en p[illegible] Je suis encore indécise sur ma lettre».

[43]) Лафермьеръ. *Арх. кн. Воронцова*, XXIX, 2[illegible]

ствительно, болѣе чѣмъ кто-либо, могъ выяснить дѣло путемъ личныхъ объясненій съ ними. Но попытки его сблизить царственныхъ супруговъ остались безуспѣшны. Письма, съ которыми снова по этому поводу обратился Плещеевъ къ цесаревичу и Нелидовой, вполнѣ обрисовываютъ Павла Петровича и положеніе дѣла, какъ понималъ его самъ Плещеевъ. «Человѣку, такъ привязанному къ вашей особѣ, какъ я, государь», писалъ онъ Павлу Петровичу 19 мая 1790 г. (въ самомъ началѣ исторіи съ Нелидовой), «невозможно безъ крайней горести, видѣть что такая чистота и такія достоинства, какъ ваши, помрачаются нѣкоторыми чисто-внѣшними признаками и такъ мало признаны. Можно ли быть чище васъ въ глубинѣ души и прямодушнѣе въ своихъ намѣреніяхъ? Отчего же васъ не знаютъ и такъ сильно относительно васъ ошибаются? Осмѣлюсь сказать, что это происходитъ отъ ошибочнаго способа наблюдать преимущественно только внѣшніе признаки, потому что судятъ большею частію только по внѣшности. Какъ мало людей, которые желаютъ углубиться въ предметъ и изучить его истинныя причины, какъ мало людей, способныхъ придавать дѣйствіямъ себѣ подобныхъ справедливыя и честныя объясненія! Если бы вы лишили меня своихъ милостей и своего довѣрія, я не перестану считать васъ виновнымъ по отношенію къ вамъ самимъ въ томъ именно, что вы не согласуете своего внѣшняго поведенія съ божественными чувствами, которыя наполняютъ все ваше существо,—въ томъ, что вы не доставляете всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ и всѣмъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ радости видѣть, какъ вы разрушаете и уничтожаете всѣ ложныя мысли, которыя злобные умы (l'esprit malin) въ ненависти своей стараются распространить на вашъ счетъ,—въ томъ, что вы не перестаете давать ему пищу, въ томъ, наконецъ, что вы не разрушаете всѣхъ его хитросплетеній, сдѣлавъ явными (безъ тщеславія, а всегда съ присущей вамъ скромностію) тѣ рѣдкія добродѣтели, которыя отличаютъ васъ и ставятъ выше обыкновенныхъ людей. Быть можетъ, я оскорбляю васъ, осмѣливаясь говорить вамъ это; но я счелъ бы себя виновнымъ по отношенію къ святой правдѣ и своей вѣрности къ вамъ, если бы не сдѣлалъ этого. Но безъ крайней скорби нельзя видѣть, какъ самый прямодушный, самый строгій къ своимъ обязанностямъ человѣкъ въ мірѣ, питающій наилучшія намѣренія, даетъ всѣмъ своимъ достоинствамъ видъ, который слу-

житъ къ его обвиненію и ставитъ его на ряду съ самыми обыкновенными людьми. Я прощаю вамъ, государь, подозрѣніе, будто я человѣкъ партіи и позволяю себѣ нашептывать: самая мысль объ этомъ внушаетъ мнѣ омерзѣніе; Богъ, Который видитъ мои поступки, мои намѣренія и мои желанія по отношенію къ вамъ, оправдаетъ меня когда-либо въ глазахъ вашихъ. Цѣль моя, это Его слава, ваше счастіе и мой долгъ; это достаточно, чтобы, не обнаруживая дерзости, просить, какъ я дѣлаю это постоянно, Его божественнаго благословенія и помощи во всемъ томъ, что я говорю и дѣлаю по отношенію къ вамъ. Знайте, Государь, что мое усердіе и моя привязанность къ вашей особѣ слишкомъ извѣстны, чтобы кто-либо могъ надѣяться [на что-либо другое отъ меня. Кто знаетъ, не приписываютъ ли даже мнѣ нѣкоторой доли въ томъ прискорбномъ недоразумѣніи и въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя такъ живо даютъ себя чувствовать той и другой сторонѣ? Но Богъ видитъ мою невинность и горячее желаніе вновь увидѣть супружеское согласіе и гармонію (источникъ всѣхъ небесныхъ благословеній), которыя должны быть между вами». Приводя затѣмъ, «быть можетъ въ послѣдній разъ» выдержку изъ одного духовнаго писателя, въ подкрѣпленіе своихъ словъ, Плещеевъ закончилъ свое письмо слѣдующимъ образомъ: «Послѣ всего этого, государь, я считаю своею обязанностію дать нѣкоторое доказательство безкорыстія и искренности моей привязанности къ вашей особѣ. Случай представляется очень кстати; вы можете услать меня на сторону, поставить меня внѣ подозрѣній, которыя могъ бы я подать своимъ поведеніемъ. Мѣсто генеральнаго контролера (?) свободно; если вы считаете меня способнымъ занять это мѣсто, отъ васъ только зависитъ меня на него назначить. Я чувствую сожалѣніе, даже скорбь, покидая васъ и привыкнувъ уже десять лѣтъ сряду видѣть васъ, говорить съ вами, познавать васъ; но, встрѣчая противорѣчіе между своими обязанностями и своими молитвами о вашемъ благосостояніи и особенно о вашемъ спокойствіи, я буду искать утѣшенія въ сладостномъ, успокоительномъ убѣжденіи, что буду точно выполнять свои обязанности, не рискуя кого-либо обидѣть и не вынуждая никого осуждать мое поведеніе или съ недов... ься къ моей правдивости. Я постоянно мол...
вамъ миръ, который сохранитъ в...
зависимости отъ Его истинъ и с...

чего желалъ бы я моему дорогому, досточтимому государю. Тогда онъ дѣйствительно былъ бы великимъ, какимъ суждено было бы быть ему, если бы онъ не противился тому; тогда Богъ содѣйствовалъ бы ему, и могущество Предвѣчнаго создало бы для него чудеса» [44]).

Заботясь о поддержаніи мира между царственными супругами, Плещеевъ убѣждалъ и Нелидову отказаться отъ вліянія, пріобрѣтеннаго ею надъ умомъ Павла, и удалиться отъ великокняжескаго двора, хотя искренно уважалъ ее и не могъ не видѣть отсутствія съ ея стороны какихъ бы то ни было своекорыстныхъ разсчетовъ. Сознавая, что своимъ вліяніемъ на цесаревича Нелидова желаетъ пользоваться для его же блага, Плещеевъ старался убѣдить ее, что ея усилія приведутъ лишь къ противоположному результату. «Вы сказали мнѣ, m-lle», писалъ онъ ей, «что по мнѣнію, которое вы создали обо мнѣ, вы надѣетесь, что я не измѣню своей привязанности къ великому князю и не покину его при настоящихъ обстоятельствахъ. Въ чемъ же заключаются эти обстоятельства, и на какую поддержку съ моей стороны вы разсчитываете? Я думаю, что я доказалъ и свое усердіе, и вѣрность великому князю, объяснивъ ему, даже опасаясь навлечь на себя его немилость, неправильность его поведенія въ его несчастной связи съ вами. Мнѣ извѣстно, какъ и вамъ, что связь эта не имѣетъ сама по себѣ

---

[44]) Къ этому письму Плещеева приложены нѣсколько церковныхъ молитвъ и нѣкоторыя нравоучительныя наставленія, которыя Плещеевъ рекомендовалъ великому князю; между послѣдними особенное значеніе долженъ былъ имѣть: «Avis salutaire pour époux». «Dieu veuille», прибавлялъ Плещеевъ, «répandre sa bénédiction sur ce que je viens de transcrire pour votre usage, Monseigneur, et seconder par Sa grâce mes faibles efforts pour l'avancement de Sa gloire, de votre repos et de votre salut». См. въ архивѣ Павловскаго дворца «*Письма и моральныя наставленія С. И. Плещеева*». Письмо это безъ даты, но въ черновомъ, неполномъ его спискѣ, находящемся у меня среди другихъ бумагъ Плещеева и писанномъ его рукою, существуетъ помѣтка: 19 Mai 1790. Плещеевъ весною этого года только что возвратился изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ для свиданія съ отцомъ. Отношенія Павла къ Нелидовой сдѣлались предметомъ общихъ толковъ именно во время его отсутствія. Впослѣдствіи, предъ новой поѣздкой Плещеева въ Москву, Марія Өеодоровна писала ему: «Dieu veuille, mon ami, qu'il ne se passe rien d'extraordinaire dans votre absence, car souvenez vous que deux fois pendant une course que vous aviez fait à Moscou, il s'en est passé de bien de chagrin: vous avez trouvé la première fois mon frère renvoyé et la seconde fois la D—lle en faveur».

ничего преступнаго: я знаю васъ и слишкомъ уважаю васъ обоихъ, чтобы питать въ этомъ отношеніи хотя бы малѣйшее подозрѣніе. Боже меня сохрани отъ этого! Но можете ли вы, m-lle, утаить отъ себя несчастіе, раздоръ и уныніе, которое связь эта породила въ великокняжескомъ семействѣ? Можете ли вы не замѣчать чудовищнаго пятна, которое наложила она на репутацію великаго князя и на вашу, а также тѣхъ несчастныхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти отъ этого? Если вамъ не приходилось до сихъ поръ серьезно объ этомъ поразмыслить, я прошу васъ, какъ милости, принять въ соображеніе все, что здѣсь происходитъ: вникнуть въ ужасное недоразумѣніе, существующее между обоими супругами, размыслить надъ тѣми толками, которые одинаково вредятъ и вашей чести, и чести великаго князя, а между тѣмъ неразрывно связаны съ внѣшнимъ характеромъ и продолженіемъ вашей связи. Подумайте объ укоризнахъ, которыя вы навлечете на себя со стороны всѣхъ, нарушая миръ особъ, возбуждавшихъ до сихъ поръ удивленіе и почтеніе своимъ замѣчательнымъ единеніемъ. Вспомните, наконецъ, о томъ страшномъ отчетѣ, который вы должны будете представить на Верховомъ Судилищѣ за то, что не приложили своихъ стараній для водворенія согласія между сторонами, которыя вы столь несчастно разъединили, хотя и не по своей винѣ (innocemment). Я не сомнѣваюсь, что, размысливъ обо всемъ этомъ съ полнымъ вниманіемъ, вы воодушевитесь мыслію принять какую-либо дѣйствительную мѣру, могущую водворить миръ въ возмущенныхъ сердцахъ и особенно въ сердцѣ великаго князя, который, кажется, очень въ томъ нуждается и въ которомъ вы принимаете участіе. Увѣряю васъ, что, сдѣлавъ это, вы лучше всего засвидѣтельствуете предъ великимъ княземъ свое участіе къ нему; это есть также лучшій совѣтъ, который я могу предложить вамъ, и единственное средство, которымъ мнѣ возможно доказать свою вѣрность и привязанность къ великому князю и мою заботу о вашемъ истинномъ благополучіи».

Письма эти ясно доказываютъ, что истинный характеръ отношеній Павла Петровича къ Нелидовой не былъ тайной для Плещеева, который лучше, чѣмъ кто-либо, зналъ внутреннюю борьбу, происходившую въ глубинѣ души цесаревича, и вмѣстѣ съ другими преданными ему лицами скорбѣ
манныхъ поступкахъ, бывшихъ послѣдстві

наго и раздражительнаго нрава. Но нельзя не видѣть, что дѣйствія Плещеева не соотвѣтствовали намѣченной имъ цѣли. Плещеевъ твердилъ цесаревичу о необходимости смиренія и самообладанія, Нелидовой писалъ онъ, что великій князь нуждается въ душевномъ спокойствіи, и между тѣмъ старался удалить отъ него единственное существо, которое пріобрѣло власть надъ умомъ великаго князя и чистота намѣреній котораго, по собственному сознанію Плещеева, была внѣ всякихъ подозрѣній. Равновѣсіе въ душевномъ складѣ Павла Петровича уже давно было нарушено, его темпераментъ все чаще и чаще заставлялъ молчать его умъ и сердце; двумя годами ранѣе, во время пребыванія Павла Петровича въ Финляндской арміи, сама Марія Ѳеодоровна, какъ мы уже видѣли, устраивала дружескіе заговоры противъ своего супруга, чтобы предотвратить печальныя послѣдствія его раздражительности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же заговоры, доказывая здравомысліе и нѣжную заботливость великой княгини о своемъ супругѣ, уясняютъ и слабость ея вліянія на него: воспріимчивая, подвижная натура Павла, податливаго на чуждыя внушенія, не терпѣла, однако, надъ собой ничьего прочнаго, продолжительнаго господства, и внезапные переходы, иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ, отъ гнѣва къ милости, отъ крайней довѣрчивости къ самой мелочной подозрительности замѣчались у него даже въ дѣтскіе его годы. Павелъ всегда находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ, но этимъ вліяніемъ опредѣлялся не образъ его мыслей, а характеръ его дѣйствій, которыми легко было управлять. Поэтому довѣріе и предпочтеніе, оказываемое Павломъ умной, честной и просвѣщенной Нелидовой, должно было только радовать друзей Павла Петровича: при натянутыхъ отношеніяхъ его къ императрицѣ, при его нервномъ отношеніи къ революціонному духу времени, при нравственной лихорадкѣ, имъ переживаемой, Нелидова, пользуясь дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ цесаревича, безспорно тогда же была бы другомъ и Маріи Ѳеодоровны, какимъ она сдѣлалась нѣсколько лѣтъ спустя; при этомъ условіи не возникло бы и тѣхъ дурныхъ толкованій, которыя многіе современники давали вліянію Нелидовой на Павла. Но характеръ цесаревича еще не проявлялся въ это время во всей своей рѣзкости, Нелидова была женщиной, и самые искренніе друзья великокняжеской четы въ возвышеніи Нелидовой увидѣли униженіе великой княгини и своими якобы

примирительными дѣйствіями сами поселяли раздоръ между царственными супругами. Нелидову, вопреки Павлу и ей самой, сдѣлали въ глазахъ общества и Маріи Ѳеодоровны ея соперницей; защищая затѣмъ честь добродѣтельной великой княгини и желая доказать ей свою преданность, оскорбляли Нелидову, выказывали ей публично пренебреженіе, и этимъ вызывали чрезвычайный гнѣвъ рыцарскаго великаго князя, который вступался за Нелидову и какъ за напрасно оклеветанную женщину, и какъ за лицо, которому онъ считалъ себя обязаннымъ. Плещеевъ, хорошо понявшій истинное положеніе дѣлъ, являлся, по всей вѣроятности, единственнымъ другомъ Маріи Ѳеодоровны, внушавшимъ ей спокойное отношеніе къ внезапному возвышенію ея фрейлины; но его голосъ почти не былъ слышенъ въ общемъ хорѣ негодованія. Всего болѣе должна была чувствовать себя приниженною г-жа Бенкендорфъ, первенствующее значеніе которой при молодомъ дворѣ было совершенно уничтожено появленіемъ любимицы у великаго князя, и было бы трудно предположить, чтобы энергическая Нѣмка эта безъ борьбы очистила свое мѣсто. Едва ли можно сомнѣваться, что, пользуясь большимъ вліяніемъ на свою царственную подругу, она была главной виновницей враждебныхъ отношеній Маріи Ѳеодоровны къ Нелидовой. Еще ранѣе Павелъ Петровичъ испытывалъ, по словамъ современника, какія-то домашнія непріятности, причиной которыхъ была любимица его жены; теперь она занялась составленіемъ для Маріи Ѳеодоровны особой партіи. «Живя вдали отъ двора», разсказываетъ Ржевская-Алымова, «я не хотѣла вѣрить сплетнямъ. Мой заклятый врагъ, г-жа Бенкендорфъ (у которой я не бывала и которая не ѣздила ко мнѣ), подтвердила мнѣ вѣрность всего слышаннаго мною. Она явилась ко мнѣ съ порученіемъ передать мнѣ обо всемъ, завербовать меня въ приверженицы великой княгини и заставить противодѣйствовать ея врагамъ. Я не способна была къ интригамъ и со свойственной мнѣ прямотой искренно пожалѣла о великой княгинѣ, обѣщая ей быть преданнѣе, чѣмъ когда либо. Любя великаго князя, я сначала не хотѣла мѣшаться въ это дѣло. Однако я поговорила откровенно съ г-жею Нелидовой, высказавъ ей свой образъ мыслей. Она нисколько н[illegible]
на меня, а великій князь, съ которымъ я [illegible]
въ обществѣ, продолжалъ оказывать [illegible]

ніе» [45]). Быть можетъ подъ вліяніемъ той же Бенкендорфъ, желавшей во что бы то ни стало удалить Нелидову отъ двора, Марія Θеодоровна въ горести своего сердца жаловалась на свое несчастіе, какъ говорятъ, и Екатеринѣ; но замѣчательно, что въ этомъ случаѣ императрица оказалась проницательнѣе своей невѣстки. Вмѣсто отвѣта, она подвела Марію Θеодоровну къ зеркалу и сказала: «посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя—petit monstre; перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ» [46]). Это обращеніе Маріи Θеодоровны къ Екатеринѣ должно отнести еще къ началу 1790 г., такъ какъ въ это именно время Павелъ Петровичъ, будучи очень боленъ и думая о возможности смерти, написалъ Екатеринѣ трогательное письмо въ защиту Нелидовой, прося не оставить ея своимъ вниманіемъ въ случаѣ его смерти. «Мнѣ надлежитъ, писалъ онъ между прочимъ, совершить предъ вами, государыня, торжественный актъ, какъ предъ Царицею моею и матерью, актъ, предписываемый мнѣ моею совѣстію предъ Богомъ и людьми; мнѣ надлежитъ оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, изъ-за меня. Я видѣлъ, какъ злоба выставляла себя судьею и хотѣла дать ложныя толкованія связи, исключительно дружеской, возникшей между m-lle Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тѣмъ судилищемъ, предъ которымъ всѣ мы должны явиться, что мы предстанемъ предъ нимъ съ совѣстію, свободною отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ я не могу засвидѣтельствовать этого цѣною своей крови? Свидѣтельствую о томъ, прощаясь съ жизнію. Клянусь еще разъ всѣмъ, что́ есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что̀ насъ соединяла дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ!» [47]).

Разумѣется, печальнѣе всего было при такихъ обстоятельствахъ положеніе самой Нелидовой. Оклеветанная и гонимая,

---

[45]) *Записки Ржевской.* «*Р Арх.*, 1871, 41.

[46]) *Записки Мухановой.* «*Р. Арх*»., 1878, I, 308.

[47]) *Осмнадцатый Вѣкъ*, III, 445.—Письмо это безъ даты. Относимъ его къ Марту 1790 г. и полагаемъ, что оно не было доставлено Екатеринѣ вслѣдствіе выздоровленія Павла Петровича, на основаніи записки Павла къ Θ. Θ. Вадковскому отъ 11 Марта 1790 г. «Вамъ будетъ извѣстно, г. Вадковскій, что есть пакетъ отъ меня къ императрицѣ. Уполномочиваю васъ явиться съ этой запиской къ ея величеству и указать ей путь къ бумагамъ моимъ вамъ извѣстнымъ, въ случаѣ моей смерти». Тамъ же, 416.

чувствуя на каждомъ шагу пренебреженіе къ себѣ Маріи Θеодоровны, добродѣтели которой она всэгда чтила и которой она всегда показывала высокое уваженіе, Нелидова должна была глубоко страдать, тѣмъ болѣе, что ей не всегда удавалось сдерживать порывы гнѣва великаго князя; а между тѣмъ всѣ дѣйствія Павла Петровича, вызывавшія неудовольствіе Маріи Θеодоровны, приписывались ея внушеніямъ. Нелидова не искала ни власти, ни денегъ. Что̀ могло ее заставить оставаться при дворѣ въ ложномъ и, въ глазахъ свѣта, позорномъ положеніи? Безъ сомнѣнія, ею руководило опасеніе, что удаленіе ея отъ двора, при существовавшихъ условіяхъ, можетъ лишь крайне дурно отразиться на Павлѣ Петровичѣ и повлечь за собою неблагопріятныя послѣдствія и для Маріи Θеодоровны. Въ обществѣ ходили слухи, что такъ именно объясняла Нелидова свой образъ дѣйствій и самой Маріи Θеодоровнѣ, «добродушной, всѣми добродѣтелями украшенной и ни къ чему дурному неползновенной государынѣ». «Великая княгиня», сообщаетъ Болотовъ, «не однажды не только говорила, но и просила еще сію госпожу, чтобъ она связь сію разрушила, но что будто она всегда ей отвѣтствовала, что она можетъ сіе конечно сдѣлать и уговорить цесаревича сіе оставить, но опасается и боится, чтобы тогда для самой великой княгини не было бы хуже, и что сіе единое и почтеніе ея къ ней ее отъ того удерживаетъ» [48]).

Трудно было повѣрить такому героизму, въ особенности въ эпоху господства при всѣхъ Европейскихъ дворахъ беззастѣнчивыхъ фаворитовъ и фавориток. Маріи Θеодоровна сдерживала себя по отношенію къ Павлу Петровичу и Нелидовой и, по отзыву современника, вела себя съ замѣчательною кротостію и терпѣніемъ [49]); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она раздѣляла убѣжденіе окружающихъ ея лицъ, что отъ Нелидовой можно опасаться всего худшаго. Большимъ счастіемъ для Маріи Θеодоровны было то, что возлѣ нея находился Плещеевъ, совѣты котораго служили къ умиротворенію, а не возбужденію духа великой княгини. Не всегда имѣя возможность бесѣдовать съ Плещеевымъ, Марія Θеодоровна очень часто писала ему, сообщая ему

[48]) *Болотовъ:* Памятникъ протекшихъ временъ, М. 1875, 67—63.

[49]) *Записки Голицына.* Русскій Архивъ, 1874, I, 1289. «Можно безпристрастно сказать въ похвалу Маріи [illegible] нельзя болѣе употреблять терпѣнія и снисхожденія, [illegible] продолжительности, она возвратила къ с[illegible]

о своемъ скорбномъ настроеніи и о дѣйствіяхъ Нелидовой, какъ она понимала ихъ. «Будьте увѣрены, мой добрый другъ», писала она однажды, «что ни одна потеря, ни одно лишеніе не проходятъ для меня безъ того, чтобы я не считала ихъ указаніями Провидѣнія не слишкомъ привязываться къ этому міру, а обращать свои мысли къ Небу. И, признаюсь вамъ, я сожалѣла иногда о необходимости самоусовершенствованія, такъ какъ самоусовершенствованіе является результатомъ испытанныхъ страданій; затѣмъ я упрекаю себя въ этомъ чувствѣ и нахожу его противнымъ Божественной волѣ... Чувство самое законное (есть ли чувство священнѣе чувства супружеской и материнской любви?) можетъ сдѣлаться пагубнымъ и быть противнымъ нашимъ обязанностямъ, если оно удаляетъ насъ отъ Бога, привязывая насъ слишкомъ къ этому міру, и я молю Небо предохранить меня отъ этого. Я чрезвычайно рада, другъ мой, что вы довольны моимъ поведеніемъ по отношенію къ маленькой (de la petite, т. е. Нелидовой)»... «Безъ сомнѣнія», писала она въ другой разъ, «я не желала бы прибѣгнуть ни къ какому жестокому средству, чтобы покончить всю эту ужасную исторію. Это, во-первыхъ, значило бы дѣйствовать вопреки своимъ обязанностямъ и, во-вторыхъ, все испортить; но признаюсь, я желаю и возношу самыя жаркія молитвы, чтобы чары этой злой особы (méchante personne) перестали дѣйствовать, хотя и думаю, что ни я, ни вы этого не увидимъ» [50]). Марія Θеодоровна убѣждена была въ двуличности и испорченности Нелидовой, и ея вліянію на Павла Петровича она приписывала всѣ его дѣйствія, которыя направлены были противъ ея друзей, въ особенности противъ г-жи Бенкендорфъ. Великая княгиня не могла, конечно, предполагать въ то время, что неудовольствія, возникавшія между Павломъ Петровичемъ и Нелидовой, происходили часто именно оттого, что Нелидова старалась воздерживать великаго князя отъ крутыхъ мѣръ, къ которымъ онъ былъ склоненъ прибѣгнуть. Въ тѣ дни, когда ей удавалось одерживать побѣду надъ Павломъ, по-

---

[50]) Письма Маріи Θеодоровны къ Плещееву за это время почти всѣ безъ даты и очевидно писались наскоро, подъ впечатлѣніемъ минуты. Съ Плещеева Марія Θеодоровна взяла обѣщаніе уничтожить эти письма тотчасъ по прочтеніи, и поэтому почти на всѣхъ ихъ значится роковое: «brûlez». Плещеевъ, однако, не сдержалъ на этотъ разъ своего слова, очевидно изъ желанія сохранить эти дорогіе для него знаки высокаго довѣрія къ нему великой княгини.

стороннимъ наблюдателямъ легко было подмѣтить удовольствіе Нелидовой и сумрачность цесаревича, и наоборотъ. «Скажите, мой добрый Плещеевъ», писала однажды Марія Ѳеодоровна, «что̀ такое происходитъ? Я вижу только печальныя лица. Маленькая имѣетъ скорбный видъ и въ дурномъ настроеніи духа; супругъ мой уже нѣсколько дней также сумраченъ, и такимъ онъ является даже по отношенію ко мнѣ. Я замѣчаю, что есть нѣчто, что̀ волнуетъ его внутренно. Онъ часто споритъ съ маленькой; все это наводитъ такое стѣсненіе и уныніе на наше общество, что никто не открываетъ рта. Я предполагаю, что великаго князя что-то мучитъ, но не съумѣю опредѣлить, что̀ именно; сознаюсь, что это очень безпокоитъ меня, хотя я и стараюсь сохранить спокойный видъ. Мнѣ кажется, что Куракинъ на дурномъ счету; въ концѣ концовъ мы уже не видимъ счастливыхъ».

Дѣйствительно, у лицъ, составлявшихъ великокняжескій дворъ, нервы напряжены были до крайности: легко было предвидѣть, что Павелъ Петровичъ рано или поздно покончитъ съ тѣми, кто, выражаясь его словами, составлялъ «другую партію» (l'autre partie) [51]). Еще въ 1790 г., вслѣдъ за неудачными попытками Плещеева водворить согласіе между супругами, возникли слухи о немилости къ нему цесаревича [52]); но давній, вѣрный другъ великокняжеской четы успѣлъ удержаться на своемъ мѣстѣ, благодаря своему честному образу дѣйствій. Зато уже въ 1791 году опала цесаревича постигла молодаго графа Никиту Петровича Панина и, что̀ было особенно чувствительно для Маріи Ѳеодоровны, чету Бенкендорфовъ. Разсказъ Панина о своемъ удаленіи ясно показываетъ, какъ мало понималъ онъ дѣло и какія усилія употреблялъ Павелъ Петровичъ, чтобы привлечь на свою сторону племянника своего стараго воспитателя. «Въ 1791 г.», разсказываетъ Панинъ, «я возвратился въ Петербургъ, чтобъ исполнить свою придворную должность. Но я

---

[51]) Письмо *Рожерсона* 10 Іюня 1797 г. *Арх. кн. Воронцова,* XXX, 80.

[52]) *Журналъ Зиновьева* (искренняго друга Плещеева и тоже масона). С.-Петербургъ, 1790 г., 8 Октября: «Погода въ городѣ такъ дурна, что почти всѣ не могутъ, начиная отъ Государыни и Наслѣдника, у котораго Сергѣй Ивановичъ не въ милости. [illegible] Избавь насъ отъ близкаго знакомства съ вельмож[illegible] опасно. Всѣ наши слабости в[illegible] испортиться, и[illegible]

не нашелъ уже въ императорской семьѣ того счастливаго единенія и согласія, котораго я имѣлъ счастіе быть свидѣтелемъ по возвращеніи своемъ изъ арміи. Нелидова уже царствовала, великая княгиня была покинута, оскорбляема и презираема всѣми тѣми, которые желали плыть по теченію. Я не слѣдовалъ этому примѣру, мое поведеніе должно было вызвать неудовольстіе. Великій князь употреблялъ сначала ласки, потомъ холодность, наконецъ угрозы, чтобъ привлечь меня въ кругъ обожателей своего идола. Ласки меня не обольщали, угрозы не могли меня устрашить. Тогда начались коварные метафорическіе разговоры, которые должны были дать мнѣ понять, что благоволеніе государя будетъ цѣною слѣпаго исполненія того, чего отъ меня требовали, т. е. почтенія къ Нелидовой и презрѣнія къ великой княгинѣ. Я отвѣчалъ, что не понимаю мистическаго языка, и гнѣвъ удвоился. Такъ какъ всѣ внушенія достигали меня не прямымъ путемъ, а чрезъ посредство людей низкихъ, то я испросилъ объясненій у великаго князя. Оно было дано мнѣ и окончательно повредило мнѣ въ его умѣ. Невозможно довѣрить перу всего того, что̀ происходило на этомъ свиданіи въ Августѣ 1791 г.; достаточно сказать вамъ, что мое сопротивленіе вызвало изъ устъ императора (тогда великаго князя) слѣдующія грозныя слова: «путь, которому вы слѣдуете, милостивый государь, можетъ привести васъ только къ окну или къ двери». Я отвѣчалъ, что не уклонюсь отъ пути чести и вышелъ изъ кабинета, не дожидаясь того знака головой, которымъ государи желаютъ сказать: «идите вонъ» [53]). Вслѣдъ за Панинымъ удалена была отъ двора въ Ноябрѣ и г-жа Бенкендорфъ, которую Павелъ считалъ главнымъ врагомъ своимъ по вредному вліянію ея на Марію Θеодоровну. Удалившись отъ двора, г-жа Бенкендорфъ продолжала однако имѣть тайныя свиданія съ великой княгинею у Ржевской [54]). Ржевская была въ то время больна и не знала о томъ, что великій князь выслалъ г-жу Бенкендорфъ изъ города. Когда Павелъ Петровичъ узналъ о нарушеніи своего приказанія, то не переставалъ съ тѣхъ поръ сердиться на Ржевскую, считая ее пособницею своихъ враговъ, а г-жа Бенкендорфъ лишилась пенсіи, которую она вмѣстѣ съ мужемъ своимъ получала

---

[53]) *Арх. кн. Воронц.*, IX, 70.

[54]) *Записки Ржевской. Р. А.*, 1871, 42.

изъ великокняжеской казны со времени своей свадьбы [55]). «Мы очень печально проводимъ свое время», писала Плещееву Марія Өеодоровна: «Нелидова постоянно съ нами и болѣе чѣмъ когда-либо дерзка и лжива (affrontée). Я только что узнала, что еще третьяго дня отданъ приказъ не платить пенсіи Бенкендорфамъ. Вотъ еще новое горе для бѣдныхъ людей! Доводятъ до нищенства моихъ друзей, тогда какъ я прилагаю всѣ усилія облегчить положеніе той, которая составляетъ мое несчастіе [56])!» Г-жа Бенкендорфъ переѣхала въ Дерптъ [57]) и оттуда переписывалась съ своей царственной подругой. Павлу Петровичу, очевидно, не нравилась эта переписка, и однажды онъ принялъ даже мѣры, чтобы помѣшать ей, надѣясь, вѣроятно, что этимъ способомъ онъ можетъ положить предѣлъ вліянію Бенкендорфъ на свою супругу [58]). Едва ли можно сомнѣваться, что личность г-жи Бенкендорфъ играла въ дурныхъ отношеніяхъ великокняжеской четы очень важную роль, внушая къ себѣ крайнее нерасположеніе Павла Петровича. Марія Өеодоровна могла оцѣнить это уже потому, что по отъѣздѣ г-жи Бенкендорфъ цесаревичъ измѣнился къ лучшему. «Вы навѣрно съ удовольствіемъ замѣтите», сообщала она Плещееву, «веселое настроеніе великаго князя и его вниманіе ко мнѣ. Знайте, другъ мой, что Богъ видимо

---

[55]) Письмо Маріи Өеодоровны къ Плещееву безъ даты. Ср. IX главу нашего труда, примѣч. 18, 324—325.

[56]) Марія Өеодоровна намекаетъ на свое кроткое и терпѣливое поведеніе.

[57]) Бенкендорфъ уѣхала въ Дерптъ въ то время, какъ мужъ ея Х. И Бенкендорфъ находился въ южной арміи. Марія Өеодоровна писала ему 17 Ноября: «Vous devez sentir, mon ami, le déchirement de mon coeur du parti que ma bonne et chère Tilly a prise de me quitter. Quoique ma raison est forcée de l'approuver, j'en gêmis et je sens une peine que je n'éprouvais jamais. Je crois inutile, mon amie, de vous dire que mes sentiments pour elle seront éternels et que tant que je vivrai, ma Tilly sera l'amie, la bien amie de mon coeur. C'est vous dire en même temps que mon amitié pour vous durera autant que ma vie et que j'emploierai tous les moyens possibles à vons la prouver. C'est une assurance sacrée que je vous donne, et vous connaissez assez mon caractère pour y compter. Je viens de dire adieu à cette excellente Tilly et à vous charmants enfants, les larmes les plus améres ont coulé de nos yeux, et je vous avoue que sans ma soumission, sans ma confiance aux decrets de cette bonne Providence mon coeur succomberait à mes peines».

[58]) Мѣры эти приняты были чрезъ Николаи. «Que v[illegible]
спрашивала Марія Өеодоровна, «lorsqu'il me marque q[illegible]
qu'apparemment mad. de Benk. n'osera plus m'écrire? [illegible]
empêcher, comme qui pourra m'empêcher de lui [illegible]
Nicolaï a perdu la tête». Письмо къ Плещееву [illegible]

проявилъ себя по отношенію ко мнѣ со времени исторіи съ Бенкендорфъ, и сердце мое проникнуто признательностью къ Верховному Существу. Я замѣтила съ истинной благодарностію всеобщія усилія оживить общество, и дѣйствительно это прекрасно. Примите, другъ мой, мою искреннюю благодарность».

Безтактность великаго князя, однако, портила отношенія, начинавшія устанавливаться. «Съ маленькой, писала Марія Θеодоровна, мы держимся весьма прилично (sur un pied trés honnet); но, признаюсь, съ того времени, какъ мы сошлись съ нею такимъ образомъ, съ ней обращаются свободнѣе, ласкаютъ ее болѣе и даже предъ публикой. Demoiselle чрезвычайно фальшива: это проявляется во всемъ, что̀ она разсказываетъ; но все это не смущаетъ меня: я буду слѣдовать по своему пути въ убѣжденіи, что онъ угоденъ Богу». Неудовольствіе великой княгини на Нелидову происходило и оттого, что она не отвѣчала Бенкендорфъ на письмо ея съ просьбой о заступничествѣ; между тѣмъ, письмо это въ черновомъ своемъ видѣ составлено было для Бенкендорфъ самой Маріей Θеодоровной. Замѣчательно, что великая княгиня по-прежнему проявляла живѣйшее участіе къ Бенкендорфамъ: продавала ихъ домъ въ Павловскѣ, ходатайствовала предъ Н. И. Салтыковымъ за Х. И. Бенкендорфа, уже произведеннаго, по ея просьбамъ, въ генералы, а затѣмъ взяла на себя заботы по воспитанію дѣтей Бенкендорфовъ. Само собою разумѣется, что все это не могло нравиться великому князю. Съ другой стороны, хотя жизнь великокняжескаго двора стала спокойнѣе и веселѣе, Нелидова ясно видѣла, что не пользуется довѣріемъ Маріи Θеодоровны и задумала оставить дворъ [59]). Съ своей стороны, великая княгиня, находившаяся въ то время въ ожиданіи родовъ, писала Плещееву: «Вы будете смѣяться надъ моею мыслію, но мнѣ кажется, что при каждыхъ моихъ родахъ Нелидова, зная, какъ они бываютъ у меня трудны и что они могутъ быть для меня гибельны, всякій разъ надѣется, что она сдѣлается вслѣдъ за тѣмъ второй m-me де-Ментенонъ. Поэтому, другъ мой, приготовьтесь почтительно цѣловать у нея руку и особенно займитесь вашей фи-

[59]) Въ Парижскомъ *Moniteur Universel* (№ 115) отъ 24 Апрѣля н. ст. 1792 г. напечатана была корреспонденція изъ Петербурга, передававшая въ извращенномъ видѣ слухи объ отношеніяхъ Павла къ Нелидовой. Разумѣется, что такіе слухи жестоко оскорбляли Нелидову и побуждали ее оставить дворъ какъ можно скорѣе.

зіономіей, чтобы она не нашла въ этомъ почтеніи насмѣшки или злобы. Я думаю, что вы будете смѣяться надъ моимъ предсказаніемъ, которое, впрочемъ, вовсе не такъ глупо». Даже въ то время, когда Нелидова, минуя цесаревича, отъ котораго могла ожидать только препятствій, 25 Іюня 1792 года непосредственно обратилась къ императрицѣ съ просьбой объ увольненіи отъ придворной должности и о дозволеніи удалиться въ Смольный монастырь, куда она, по ея выраженію, принесла бы свое сердце чистымъ по-прежнему, Марія Θеодоровна считала эту просьбу Нелидовой одной лишь «комедіей», желаніемъ, какъ объясняла она, «сдѣлаться болѣе интересной и заставить себя удерживать». И Марія Θеодоровна могла лишь укрѣпиться въ этомъ мнѣніи, когда Павелъ Петровичъ заставилъ Нелидову отказаться отъ своего намѣренія. Это могло только придать лишь болѣе вѣры всѣмъ невыгоднымъ толкамъ, ходившимъ относительно фаворитки Павла Петровича и побуждало общество съ сочувствіемъ относиться къ положенію великой княгини. «Удаленіе Нелидовой», говоритъ современникъ, передавая извѣстіе о ея просьбѣ, «удовлетворитъ желаніямъ всѣхъ честныхъ людей и заставитъ забыть огорченія, которыя причинила великой княгинѣ вся эта исторія. Высокія добродѣтели великой княгини заставили всѣхъ сочувственно отнестить къ ней; нѣтъ женщины, которая болѣе ея заслуживала бы лучшей судьбы» [60]. Въ обществѣ ходили слухи, что удаленія Нелидовой требовалъ отъ Павла Петровича въ интересѣ Маріи Θеодоровны даже митрополитъ Петербургскій Гавріилъ [61].

Рожденіе великой княжны Ольги Павловны, послѣдовавшее девять мѣсяцевъ спустя по удаленіи г-жи Бенкендорфъ, 11 Іюля 1792 г., также доставило Маріи Θеодоровнѣ не мало огорченій. Какъ всегда, Екатерина присутствовала при родахъ великой княгини, не спала двѣ ночи и много обезпокоилась. Но императрица ожидала третьяго внука, и появленіе пятой внучки не могло ее обрадовать. Когда палили изъ пушекъ при нареченіи имени, императрица сказала: «faut-il faire tant de bruit pour une fichue demoiselle!» «Много дѣвокъ, всѣхъ замужъ не выдадутъ, состарѣются въ дѣвкахъ», говорила она Храповицкому, и когда онъ затѣмъ прочелъ ей просьбу о пособ[illegible] чи, у

---

60) *Арх. кн. Воронцова*, VIII, 53.

61) *Болотовъ*: Памятникъ протев[illegible]

котораго было семеро дѣтей, Екатерина тотчасъ сказала: «не два ли сына и пять дѣвокъ? M'entendez-vous?» Свое неудовольствіе выразила она весьма наглядно для общества, не сдѣлавъ по случаю крестинъ Ольги Павловны никакихъ обычныхъ наградъ [62]). Для бѣдной великой княгини, огорченной въ лучшихъ своихъ чувствахъ, это нерасположеніе духа императрицы было тѣмъ печальнѣе, что она въ это время вынуждена была ходатайствовать предъ нею за своихъ родителей.

Тяжелѣе всего, однако, было для Маріи Өеодоровны рѣшенное въ это время оставленіе при дворѣ Нелидовой и предчувствіе новыхъ бѣдъ, грозившихъ ужасными послѣдствіями.

---

[62]) *Дневникъ Храповицкаго*, 404—405.

XI.

Дѣти великокняжеской четы.—Великіе князья: Александръ и Константинъ Павловичи.—Ихъ воспитаніе.—Лагарпъ, Самборскій, Протасовъ.—Отношеніе великокняжеской четы къ сыновьямъ и вліяніе ея на ихъ воспитаніе.—Планы Екатерины объ устраненіи Павла Петровича отъ наслѣдованія престола.—Супружество Александра Павловича.—Положеніе, занятое Маріей Θеодоровной.—Характеръ дѣйствій великаго князя Павла Петровича.

19 Сентября 1790 г., т. е. въ то время, когда разладъ, обнаружившійся въ супружеской жизни великокняжеской четы, не былъ уже ни для кого тайною, Марія Θеодоровна-поднесла Павлу Петровичу одну изъ лучшихъ своихъ художественныхъ работъ—прелестный рисунокъ съ шестью портретами—бюстами великихъ князей: Александра и Константина и великихъ княженъ: Александры, Елены, Маріи и Екатерины [1]). Рисунокъ этотъ, воспроизведенный на бѣломъ стеклѣ свинцовымъ карандашемъ, снабженъ былъ подписью: «Dessiné par leur mère et presénté au plus chéri des Époux, au plus aimé des Pères». Напоминая такимъ образомъ Павлу Петровичу о дѣтяхъ, Маріи Θеодоровна какъ бы предъявляла ему свои права на его уваженіе къ ней и думала найти въ его любви къ дѣтямъ противовѣсъ грозному призраку преобладающаго вліянія Нелидовой.

Въ горѣ своемъ великая княгиня, конечно, находила себѣ утѣшеніе при видѣ молодой, развивающейся жизни своихъ дѣтей. Въ письмахъ въ Германію къ своимъ родителямъ, относящихся къ этому времени, она все чаще и чаще упоминаетъ о дѣтяхъ,

---

[1]) *Павловскъ*, 403 — 404. — Марія Θеодоровна очень дорожила этимъ рисункомъ и впослѣдствіи воспроизвела его въ видѣ нѣсколькихъ боль[illegible] камей изъ пасты, и одну изъ нихъ поднесла Екатеринѣ. В[illegible] эта была гравирована и отпечатана Веклеромъ. Рисунок[illegible] воспроизведенъ, въ видѣ добавка, на ея портретѣ р[illegible] 442—443.

сообщая, что они доставляютъ ей великое утѣшеніе (me donnent mille et mille satisfactions [2]). «Въ особенности я довольна», писала она 24 Сентября 1791 г., «моимъ старшимъ сыномъ, который уже способенъ здраво понимать вещи; онъ такъ же развитъ нравственно, какъ и физически; онъ развитъ физически уже настолько, что чрезъ два года (Александру Павловичу было въ это время всего 14 лѣтъ), по всей вѣроятности, будетъ уже женатъ. О его ростѣ вы можете судить изъ того, что онъ выше меня на ширину пальца... Онъ очень впечатлителенъ и, не смотря на молодость свою, хорошо понимаетъ тѣ обязанности, которыя влечетъ за собой бракъ. У него чрезвычайно красивая фигура, и, говоря по правдѣ, онъ прекрасенъ съ головы до ногъ. Онъ обладаетъ здравымъ умомъ, способностями, познаніями и серьезенъ въ поступкахъ. Александру чужды рѣзкія выходки и непослѣдовательность Константина, у котораго однако доброе сердце. Моя старшая дочь (Александра)— это маленькая положительная особа, мягкая, чувствительная и разумная; она очень мила, хотя и не красавица. За то Елена удивительно хороша; она чрезвычайно добра, но черезчуръ рѣзва. Марія блещетъ умомъ и обладаетъ прекраснымъ сердцемъ, но ея красивой наружности повредила оспа. Екатерина, это маленькая красивая куколка, душка, очень смѣшная; какъ самая младшая, она избалованное дитя мамаши. Признаюсь, что я часто играю съ ней: она такъ чувствительна къ ласкѣ и сама ласкается до того мило, что я всегда готова играть съ нею» [3]). Материнская нѣжность Маріи Θеодоровны должна была однако жестоко страдать отъ невольнаго ея отчужденія относительно дѣтей. Маріи Θеодоровна не имѣла рѣшающаго голоса даже въ воспитаніи своихъ дочерей: изъ писемъ ея къ Плещееву видно, напр., что назначеніе къ великимъ княжнамъ даже низшихъ должностныхъ лицъ зависѣло исключительно отъ выбора императрицы и отъ указаній г-жи Ливенъ, и Марія Θеодоровна могла осуществлять свои желанія въ этомъ отношеніи не иначе, какъ съ согласія и при посредничествѣ «de la générale» (такъ называла она въ это время воспитательницу своихъ дочерей). Ливенъ, однако, старалась всячески облегчить щекотливое положеніе Маріи Θеодоровны и, пользуясь полнымъ

[2]) *Schlossberger*, 212.
[3]) Тамъ же, 212—214.

довѣріемъ Екатерины, въ то же время своими дѣйствіями не только не возбуждала неудовольствія великой княгини, но и съумѣла заслужить навсегда ея благодарность и дружбу.

Впрочемъ, малолѣтнія великія княжны, едва начинавшія жить сознательною жизнію, конечно, не обращали на себя такого вниманія бабушки, родителей и всего Русскаго общества, какъ молодые великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, уже выходившіе изъ отроческаго возраста и подававшіе столько надеждъ своей вѣнценосной бабушкѣ. По характеру и наружности царственные мальчики были портретами своихъ родителей: женственною красотою и спокойнымъ, мягкимъ характеромъ Александръ напоминалъ Марію Ѳеодоровну, тогда какъ некрасивыя очертанія лица и добрый, но въ высшей степени причудливый нравъ Павла нашли себѣ полное выраженіе въ Константинѣ. Отданные для воспитанія на руки Салтыкову и Лагарпу, Александръ и Константинъ Павловичи, по семейному своему положенію, находились въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для нравственнаго развитія. Наблюдательный дѣтскій глазъ не могъ не подмѣтить натянутыхъ отношеній между бабушкой и родителями, и дѣтскія симпатіи естественно принадлежали скорѣе снисходительной, всегда доброй бабушкѣ, чѣмъ отцу и матери, которые склонны были противодѣйствовать вреднымъ, по ихъ мнѣнію, послѣдствіямъ излишней снисходительности Екатерины [4]). Къ дѣтямъ предъявлялись противорѣчивыя требованія, и они, привыкая съ недовѣріемъ относиться къ ихъ разумности, заботились лишь о томъ, чтобы внѣшнею покорностію избѣгать непріятныхъ послѣдствій ослушанія. Оттого съ теченіемъ времени въ мягкомъ, воспріимчивомъ Александрѣ выработалось умѣнье владѣть собою и способность чутко прислушиваться къ желаніямъ и мыслямъ окружавшихъ его лицъ, чтобы дѣйствовать сообразно воспринятымъ впечатлѣніямъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о выработкѣ его личной самостоятельности и энергіи. Мысли и дѣйствія Александра Павловича были почти всегда лишь отзвукомъ чужихъ мыслей и дѣйствій, съ которыми онъ почему-либо находилъ нужнымъ сообразоваться въ данное время; онъ не столько жилъ самъ, сколько наблюдалъ за жизнію другихъ. Екатерина, восхища любимымъ внукомъ, при своей наблюдательности

[4]) Ср. главу VII нашего труда, 260—261.

конечно, не замѣтить этой черты уклончивости въ его характерѣ, но въ своемъ ослѣпленіи давала ей благопріятное для внука объясненіе. «Мальчикъ этотъ», писала она Гримму, «соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, отчего чрезвычайно любимъ окружающими. Сверстники легко сходятся съ нимъ въ понятіяхъ и охотно за нимъ слѣдуютъ... Когда я заговорю съ нимъ о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ понимаетъ, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ; заставляю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны, и я также» [5]). Отъ бабушки же воспринялъ Александръ и ту обворожительную любезность обращенія съ окружающими, которая создала ему впослѣдствіи множество поклонниковъ и особенно поклонницъ; но въ основѣ этой кажущейся общительности Александра лежало не столько чувство уваженія къ человѣческому достоинству и снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ, сколько рано сложившееся убѣжденіе въ людской испорченности, привычка скрывать истинныя свои чувства и постепенно укоренявшееся сознаніе, что управлять людьми легче всего, угождая ихъ слабостямъ. Замѣчательно, что воспитатели Александра: Салтыковъ и Лагарпъ, при всей противоположности своихъ воззрѣній, оба содѣйствовали развитію этой черты въ его характерѣ. Одинъ изъ нихъ представлялъ собою живой примѣръ человѣка, который, будучи самъ по себѣ ничтожествомъ, умѣлъ, однако, достигнуть всего потому только, что «имъ всѣ были довольны»; другой, жаркій послѣдователь началъ освободительной философіи XVIII вѣка, рисуя предъ Александромъ идеалъ человѣческаго совершенства, съ особенною силой противопоставлялъ этому идеалу испорченность современнаго общества, въ его цѣломъ и въ отдѣльныхъ представителяхъ, и доказывалъ, что истинной дружбы нѣтъ на свѣтѣ, что не надобно никому довѣряться и что не слѣдуетъ быть слишкомъ сообщительнымъ [6]). Презрѣніе къ людямъ вызывало въ Александрѣ высокое мнѣніе о самомъ себѣ; слабость же его характера обличалась упорствомъ, которое онъ обнаруживалъ въ случаяхъ, когда затрогивали его самолюбіе; наконецъ, привычкою казаться, а не быть, воспитывались въ немъ лѣнь и равнодушіе къ

[5]) *Сборникъ*, XXIII, 498.

[6]) *Михайловскій-Данилевскій:* Полное собраніе сочиненій, VII, 347: «Я старался», говорилъ впослѣдствіи Лагарпъ, «вселить въ него убѣжденіе въ томъ, что онъ истинныхъ друзей имѣть не можетъ».

сущности каждаго дѣла. Лагарпъ видѣлъ эти недостатки своего воспитанника, но приписывалъ ихъ дурно направленной волѣ его и для искорененія ихъ прибѣгалъ къ усвоенному имъ пріему—подвергать своихъ воспитанниковъ нравственному самоуничиженію. Александръ, подъ диктовку Лагарпа, писалъ о себѣ самыя обидныя и нелестныя аттестаціи [7]). На сколько дорого было бы для воспитателя добровольное, искреннее сознаніе мальчика въ своихъ недостаткахъ, на столько же, разумѣется, безцѣльно и фальшиво было заставлять его собственноручно записывать отъ своего имени дурное о себѣ мнѣніе наставника. Покорность Александра требованіямъ Лагарпа въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ, конечно, не о согласіи его съ мнѣніемъ наставника, а о томъ самообладаніи, соединенномъ съ извѣстной долей притворства, которое Александръ проявлялъ въ отрочествѣ и которое уже въ это время вызывало всеобщія похвалы его «такту» [8]).

Поведеніе Александра Павловича выигрывало еще болѣе въ общемъ мнѣніи въ сравненіи съ поведеніемъ брата его, Константина, которымъ, напротивъ, почти всѣ были недовольны. Мальчикъ этотъ съ самаго ранняго дѣтства обнаруживалъ всѣ свойства отца: природный умъ, искренность, добросердечіе соединялись въ немъ съ крайней живостью характера, неустойчивостью впечатлѣній и чрезвычайной раздражительностію. Воспитаніе дѣтей, обладающихъ такими прирожденными особенностями, требуетъ исключительнаго вниманія и заботливости со стороны лицъ, имъ завѣдующихъ. Случилось наоборотъ: Константинъ, заслоняемый старшимъ братомъ, былъ почти совершенно предоставленъ самому себѣ, такъ какъ, по мнѣнію бабушки, будущій Византійскій императоръ не нуждался въ такой подготовкѣ, какъ ея любимецъ и вѣроятный наслѣдникъ. Его окружили льстивыми Греками; на проявленія необузданнаго, жесткаго нрава смотрѣли, какъ на дѣтскія шалости; дерзости по отношенію къ старшимъ и издѣвательство надъ низшими казались признаками смѣлости и остроумія. Разумѣется, не Салтыкову возможно было сдерживать и направлять эту сильную, но грубую природу. Другой воспитатель Константина,

---

[7]) *Сборникъ*, V, 7—11.

[8]) Такъ отзывался объ Александрѣ самъ Лагарпъ, объясняя-
годаря своему «такту», онъ не нуждался въ строгихъ на
которыхъ нельзя было обойтись по отношенію къ непоко

которому порученъ былъ ближайшій надзоръ за нимъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, по слабости своего характера, былъ игрушкою въ рукахъ маленькаго великаго князя, вовсе не пользовался его уваженіемъ и терпѣливо выносилъ его насмѣшки и дерзости. Когда, однажды, Сакенъ вздумалъ было заставить Константина заняться чтеніемъ, тотъ находчиво возразилъ ему: «не хочу читать, и не хочу именно потому, что вижу, какъ вы, постоянно читая, глупѣете день ото дня» [9]). Лагарпъ находилъ въ Константинѣ, на десятомъ году его возраста, «задатки добродѣтелей и талантовъ, свойственныхъ великимъ людямъ», и думалъ, что развитію этихъ счастливыхъ задатковъ мѣшаютъ дурныя черты его характера [10]). Однако, насколько можно судить по документамъ, мягкій Швейцарецъ сначала не обращалъ особаго вниманія на исправленіе недостатковъ своего втораго ученика, отвѣчая на его непослушаніе спокойной, хладнокровной настойчивостію, а на проявленіе гнѣва и злобы—моральными наставленіями. Такъ дѣло продолжалось до тѣхъ поръ, пока Константинъ, удивлявшійся, какъ видно, невозмутимости своего наставника, не рѣшился въ конецъ испытать его терпѣніе: въ Сентябрѣ 1789 г., не смотря на всѣ убѣжденія Лагарпа, онъ два часа сряду отказывался исполнить работу, которую можно было сдѣлать въ пять минутъ, и вслѣдъ затѣмъ, по словамъ самаго Лагарпа, «въ припадкѣ бѣшенства укусилъ ему руку», когда тотъ пожаловался на непокорнаго ученика Салтыкову. Тогда только Лагарпъ потребовалъ, чтобы противъ Константина приняты были рѣшительныя и строгія мѣры, и, сравнивая его дѣтство съ дѣтствомъ Нерона и Домиціана, настаивалъ на необходимости строго наказывать мальчика. Самъ онъ, однако, благоразумно уклонился назначить наказаніе; единственная предложенная имъ мѣра заключалась въ томъ, чтобы Константину, отъ четырехъ до пятнадцати дней, кромѣ уроковъ, не позволяли никакого занятія, которое могло бы развлечь его и разсѣять его скуку. Окружавшія Константина лица вообще, какъ видно, не имѣли на него никакого вліянія и, по свидѣтельству самаго великаго князя, въ тѣхъ случаяхъ, когда желали «дать ему головомойку», призывали обыкновенно генерала Будберга, котораго Константинъ боялся, хотя Будбергъ и не состоялъ въ его штатѣ [11]).

---

[9]) *Masson*, II, 196.

[10]) *«Русская Старина»*, 1870, т. I, 192 (изд. 2-е).

[11]) *Карновичъ*: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. *Р. Ст.*, XIX, 1877 г. 217—255.

тѣмъ съ большею свободою и развязностію примѣнялъ Лагарпъ по отношенію къ Константину свой любимый пріемъ уничиженія, доходя при этомъ даже до простой брани. Константинъ, подобно Александру, также принужденъ былъ подъ диктовку Лагарпа описывать свои недостатки; но, разумѣется, эта грызня наставника производила на него совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ на старшаго его брата и принималась имъ далеко не съ такою покорностію, Такъ, когда Лагарпъ заставилъ его однажды подписаться: «Constantin, extrême misère», непокорный ученикъ сбоку безграмотно опростетовалъ это насиліе словами: «c'est n'ai pas vrai» [12]). Уважая Лагарпа, какъ мягкаго и просвѣщеннаго человѣка, Константинъ и впослѣдствіи насмѣшливо вспоминалъ въ письмахъ къ нему самому бранныя его поученія [13]).

Характеръ образованія, воспринятаго обоими царственными братьями, до нѣкоторой степени отвѣчалъ ихъ нравственнымъ свойствамъ и навсегда отпечатлѣлся на ихъ міросозерцаніи: Александръ втянутъ былъ въ умственную атмосферу, которая признана была для него вполнѣ пригодною; Константинъ отвернулся отъ нея и со страстью предался военнымъ занятіямъ, не успѣвъ никогда пополнить пробѣловъ учебнаго своего курса. Въ извиненіе Константину можно сказать, что его начали учить одновременно съ Александромъ, котораго онъ былъ моложе на два года, а между тѣмъ учебныя занятія по своей сухости, выспренности и академичности, не соотвѣтствуя характеру Константина, не могли быть легкими даже для старшаго его брата. Александра же Павловича постигла участь большинства Русскихъ образованныхъ юношей того времени, которые, принадлежа къ народу, еще не успѣвшему проявить особенностей своего духа въ культурной жизни человѣчества, дѣлались просвѣщенными космополитами, рабами Европейской образованности, а не участниками ея. Правда, геніальная бабушка, будучи Нѣмкой по происхожденію и женщиной образованной по-европейски, съумѣла обрусѣть по духу; но это проникновеніе народностью было лишь заслугой генія Екатерины, которая въ самыхъ зачаткахъ Русскаго просвѣщенія ясно увидѣла могучіе признаки великой народности, плѣнилась ими и сама со страстью предавалась самостоятельнымъ занятіямъ Русской исторіей и Рус-

---

[12]) *Сборникъ*, V, 53.
[13]) Тамъ же, 61.

ской литературой. Можно принять за вѣрное, что Екатерина желала вести воспитаніе своихъ внуковъ въ родномъ духѣ и въ основу ихъ образованія положить знакомство съ народной словесностью и съ исторіей Россіи. Но какъ трудно было императрицѣ осуществить это намѣреніе при печальномъ положеніи Русскаго просвѣщенія въ то время, видно изъ того, что для достиженія своей цѣли ей пришлось самой составлять нужныя для внуковъ пособія, изъ которыхъ образовалась «Александро-Константиновская библіотека», въ томъ числѣ «Бабушкина Азбука», нравоучительныя сказки, выборныя Россійскія пословицы и въ особенности «Записки касательно Россійской исторіи» [14]). Но понятно, что Екатерина брала на себя трудъ, непосильный для одного человѣка; а новые наставники Александра: Лагарпъ и Муравьевъ, неспособны были вести его воспитаніе въ намѣченномъ Екатериною направленіи. Лагарпъ не указывалъ, какъ примѣнять воспринятыя идеи къ дѣйствительной жизни, не знакомилъ съ ея смысломъ и задачами и касался ея лишь въ томъ случаѣ, если отрицательными ея сторонами могъ рѣзче уяснить возвышенность идеальныхъ стремленій человѣка. Оттого Александръ рано проникся презрѣніемъ къ окружавшей его жизни; высшій классъ общества отталкивалъ его своею развращенностью, а народныя массы—своею грубостію и невѣжествомъ. Понятно, что съ этой точки зрѣнія изученіе быта и исторіи Русскаго народа, какъ народа варварскаго, не представляло въ глазахъ Лагарпа существенной необходимости для его воспитанника. Закономѣрность историческихъ явленій, знакомство съ историческими задачами и духовными особенно-

[14]) «Записки» эти начаты были Екатериной главнымъ образомъ ради Александра и Константина Павловичей. Извѣщая Гримма объ этомъ своемъ трудѣ, Екатерина писала ему 3 Марта 1783 г.: «Dieu donne une heureuse digestion aux marmots qui auront à digérer cela». Чрезъ годъ (8 Мая 1784 г.), говоря о продолженіи своихъ занятій по составленію «Записокъ», Екатерина прибавляетъ: «Sa Majesté Impériale étant encouragée... pour l'entière confection de l'histoire de Russie... entreprendra la troisième époque; c'est un ouvrage charmant pour elle et tout-à-fait attachant, d'autant plus que nous employons à cela nos heures de loisir, et je crois qu'il est impossible de se délasser plus utilement pour l'empire qu'en débrouillant et arrangeant son histoire». *Сборникъ*, XXIII, 268, 305. *Храповицкій* свидѣтельствуетъ, что Екатерина отвергла сказку «Бова Королевичъ» за ея «нелѣпость». Непригодность Русскихъ сказокъ для воспитательныхъ цѣлей Екатерины вынудила ее составить сказки «О царевичѣ Хлорѣ» и «О царевичѣ Февеѣ».

стями народовъ на основаніи изученія ихъ исторіи, не имѣли для Лагарпа никакого значенія. Будучи страстнымъ республиканцемъ, онъ въ своемъ преподаваніи исторіи стремился только «оправдать принципы» своей партіи, приводя великимъ князьямъ въ доказательство «такіе примѣры изъ древней и новой исторіи, которые лучше всего могли бы подѣйствовать на ихъ чистый здравый смыслъ и молодыя сердца». Для достиженія этой цѣли Лагарпъ сначала «предположилъ себѣ подробно и вполнѣ свободно изложить великій вопросъ о происхожденіи обществъ». Это сочиненіе было набросано; но когда его сочли за якобинское, то Лагарпъ, «сознавая свои обязанности предъ великимъ народомъ», не отступилъ отъ своей задачи и осуществилъ ее окольнымъ путемъ, читая и по своему объясняя Александру Латинскихъ и Греческихъ писателей: Демосѳена, Плутарха и Тацита, Англійскихъ и Французскихъ философовъ: Локка, Гиббона, Мабли, Руссо [15]). Такимъ путемъ Александру сдѣлались доступны всѣ идеи Лагарпа о гражданской свободѣ человѣка, договорномъ происхожденіи обществъ, могуществѣ человѣческаго разума, равенствѣ людей и нелѣпости деспотизма. Вслѣдъ затѣмъ Лагарпъ съ точки зрѣнія этихъ идей изложилъ своему воспитаннику событія Римской исторіи, опуская тѣ ихъ нихъ, которыя почему-либо не отвѣчали его цѣлямъ. Такимъ образомъ Александръ узналъ исторію не въ томъ видѣ, какъ она дѣйствительно происходила, а въ какомъ она представлялась его фанатическому наставнику, переносившему понятія Французскихъ философовъ конца XVIII вѣка въ отдаленные вѣка исторической жизни человѣчества. Народныя возстанія Лагарпъ считалъ, напримѣръ, вполнѣ законными, всѣ жестокости возмутившейся черни находилъ извинительными; точно также оправдывалъ онъ Германцевъ, приносившихъ своихъ плѣнниковъ въ жертву идоламъ, говоря, что они только мстили за покушеніе отнять у нихъ лучшее человѣческое благо—свободу; но христіане, возставшіе противъ своихъ гонителей, оказывались у него кругомъ виноваты, враги же ихъ всегда и во всемъ правы [16]). Вотъ отчего молодой Александръ сдѣлался яркимъ представителемъ Русской «передовой» молодежи конца XVIII и начала XIX в. съ ея сентиментально-философскимъ міровоззрѣ-

[15]) «*Русскій Архивъ*», 1866, 75—94.

[16]) *Сухомлиновъ:* «Изслѣдованія и статьи по Русской литпросвѣщенію», II, 79—80.

ніемъ, съ стремленіемъ къ личному самоусовершенствованію, съ сознаніемъ своей отчужденности отъ жизни и постоянною двойственностію въ дѣлахъ и мысляхъ. Молодежь эта была неизбѣжною жертвою, которою Русское общество расплачивалось за свою низкую образованность; но нравственныя страданія представителей этой молодежи, внутренній разладъ, который они чувствовали въ теченіи всей своей жизни, были въ то же время залогомъ будущаго расцвѣта Русской мысли и Русскаго самосознанія.

Русскіе воспитатели Александра Павловича, отражая на себѣ въ разныхъ видахъ печальное умственное состояніе Русскаго общества того времени, естественно, не могли поставить въ надлежащія рамки всеобъемляющее Европейское вліяніе Лагарпа на царственнаго воспитанника. М. Н. Муравьевъ, на обязанности котораго лежало обучить Александра Русскому языку, самъ былъ поклонникомъ Французской философіи XVIII в. и потому дѣйствовалъ лишь по программѣ Лагарпа. Правда, прямую свою задачу Муравьевъ исполнилъ блистательно: Александръ научился хорошо писать по-русски; но содержаніе практическихъ упражненій по языку заимствовалось или изъ сочиненій философовъ XVIII в., или изъ собственныхъ сочиненій Муравьева, навѣянныхъ тѣми же философами, и такимъ образомъ Александръ Павловичъ на урокахъ Русскаго языка слышалъ въ сущности то же, что̀ Лагарпъ излагалъ ему по-французски. Лишь отъ своего законоучителя, прот. А. А. Самборскаго, великій князь принималъ нѣкоторое умственное противоядіе. Самборскій получилъ образованіе въ той же Кіевской Академіи, откуда вышли знаменитые дѣятели Екатерининскаго царствованія: Безбородко и Завадовскій; затѣмъ, въ числѣ другихъ лучшихъ воспитанниковъ Академіи, онъ посланъ былъ въ Англію для изученія агрономіи. Тамъ онъ женился на Англичанкѣ и потомъ въ теченіи 15 лѣтъ состоялъ священникомъ при Русской посольской церкви въ Лондонѣ, пока, наконецъ, не былъ вызванъ въ Петербургъ для сопровожденія великокняжеской четы во время ея путешествія по Европѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, Самборскій, успѣвшій пріобрѣсти расположеніе и великокняжеской четы, и Екатерины, назначенъ былъ для преподаванія молодымъ великимъ князьямъ Закона Божія, при чемъ онъ же обучалъ Александра Англійскому языку и устраивалъ для него извѣстную по своей вычурной,

сентиментальной идилличности Александрову мызу въ Павловскѣ. Самборскій былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; но ни знакомство съ философскими сочиненіями энциклопедистовъ, ни долгое пребываніе за границей не подорвали въ немъ глубокой вѣры въ чистоту православнаго ученія и любви къ своему народу. Разумѣется, онъ лучше, чѣмъ кто-либо, могъ оцѣнить характеръ вліянія Лагарпа на своего царственнаго воспитанника и менѣе всего могъ согласиться съ его взглядами на религію вообще и исторію христіанства въ частности и потому прилагалъ всѣ усилія противодѣйствовать тому, что называлъ онъ «суевѣріемъ». По собственному сознанію Самборскаго, труды его оказались не напрасны въ «великоважномъ служеніи, которому самъ Всевышній Творецъ споспѣшествовалъ». Когда Александръ былъ уже императоромъ, Самборскій писалъ ему: «Единый Всевышній Творецъ не допустилъ, дабы я не содѣялся невинной жертвой страшному суевѣрію! Нѣтъ надобности входить во всѣ прошедшія подробности, которыя сопряжены суть и съ настоящими. Ваше императорское величество были очевидный свидѣтель, что я не уважалъ своей жизни, противоборствуя богопротивному суевѣрію. Впрочемъ, никто не можетъ быть столько удостовѣренъ, какъ вы, всемилостивѣйшій государь, съ каковою правотою моея души, съ каковою искренностію моего сердца, съ каковою пламенѣющею любовію я всемѣрно старался служить вашему императорскому величеству! Время оное было для меня златое и драгоцѣнное, тѣмъ паче, что ваше величество могли весьма ясно познать мою прямую систему религіи евангельской и религіи сельской, изъ которыхъ происходитъ благонравіе и трудолюбіе, которыя суть твердымъ основаніемъ народнаго благоденствія. Когда монархъ успѣетъ поставить свой народъ на сію степень блаженства, тогда онъ не устрашится предстать съ отвѣтомъ въ будущей жизни предъ нелицепріемнымъ и праведнымъ судіею Богомъ»... [17]). Самборскій гулялъ иногда съ Александромъ Павловичемъ въ окрестностяхъ Павловска и Царскаго Села, входилъ

---

[17]) *«О жизни протоіерея А. А. Самборскаго»*. Спб. 1888, 56—5
же помѣщена его докладная записка, гдѣ онъ изложилъ програ
преподаванія (48—53), а также много наставительныхъ пис
сокому ученику. На письма эти Александръ Павловичъ въ д
отвѣчалъ обыкновенно письмами на Англійскомъ языкѣ.

съ нимъ въ избы бѣдныхъ крестьянъ, знакомилъ его съ бытомъ ихъ, нуждами и тяжкимъ трудомъ [18]). Безъ сомнѣнія, только благодаря вліянію Самборскаго окрѣпло религіозное чувство великаго князя. «Никто болѣе Лагарпа», говорилъ впослѣдствіи Александръ», не имѣлъ вліянія на мой образъ мыслей, исключая религіи: на ея счетъ мы не согласовались» [19]). Успѣху Самборскаго въ этомъ отношеніи, безспорно, содѣйствовалъ ближайшій послѣ Лагарпа воспитатель Александра Павловича, А. Я. Протасовъ. Вѣрный сынъ православной церкви и строгій хранитель дворянскихъ преданій, Протасовъ чуждался философскаго духа вѣка, основывая человѣколюбіе и гражданскія чувства не на отвлеченныхъ началахъ нравственности, а на христіанскомъ ученіи и уже сложившихся формахъ Русской общественной жизни. Горячо полюбивъ великаго князя, Протасовъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и пытался ослабить вліяніе на него Лагарпа Но консерватизмъ Протасова естественно не могъ удовлетворить мечтательнаго юношу, и къ доводамъ его онъ относился тѣмъ съ бóльшимъ недовѣріемъ, что они имѣли иногда цѣлью защищать взгляды, которые не даромъ должны были казаться Александру уже отживающими свой вѣкъ [20]). Это не помѣшало Александру оцѣнить честный характеръ своего воспитателя, и Протасовъ своими совѣтами и внушеніями неоднократно оказывалъ благотворное вліяніе на сердце и совѣсть великаго князя. Въ совѣтахъ этихъ Александръ Павловичъ долженъ былъ нуждаться въ особенности въ то время, когда, при развивающемся сознаніи, онъ началъ постигать опальное положеніе своихъ родителей при дворѣ Екатеричы и то явное предпочтеніе, которое державная бабушка выказывала ему въ ущербъ его отцу. Едва ли можно сомнѣваться, что впечатлительный Александръ, какъ бы ни было развито въ немъ

---

[18]) Тамъ же, 9.

[19]) *Михайловскій-Данилевскій*, VII, 347.

[20]) *Русскій Архивъ*, 1866, 97, *Masson*, II, 163—164.—Протасовъ самъ признавалъ честность намѣреній Лагарпа, но не считалъ осуществленія ихъ полезнымъ для великаго князя. «Je lis souvent, писалъ Протасовъ Воронцову въ 1798 г., le nom de l'aimable La Harpe. J'ai, comme vous savez, rendu toujours justice à son savoir, mais jamais à ses sentimens». *Архивъ князя Воронцова*, XV, 124. Именно консервативными взглядами Протасова объясняется враждебный отзывъ о немъ Массона. *Masson*, II, 163—164.

тщеславіе, живо чувствовалъ оскорбленіе, наносимое его сыновнимъ чувствамъ. Къ чести Лагарпа и Протасова, ни тотъ, ни другой не желали содѣйствовать видамъ Екатерины, а, напротивъ, употребляли всѣ усилія, чтобы внушить своему воспитаннику любовь и уваженіе къ гонимому отцу и тѣмъ предотвратить возможныя послѣдствія той прискорбной драмы, которая совершалась въ средѣ императорскаго семейства и могла закончиться какой-либо катастрофой,

Какъ ни старалась Екатерина устранить Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну отъ участія въ воспитаніи ихъ сыновей, но вліяніе родителей не могло не отразиться прямо или косвенно на характерѣ и образѣ мыслей Александра и Константина Павловичей. Къ сожалѣнію, оно вносило новыя противорѣчія въ неправильное воспитаніе великихъ князей. Своимъ вліяніемъ на сына Марія Ѳеодоровна пользовалась для того, чтобы укрѣпить его добрыя нравственныя чувства; уважая личныя качества Лагарпа, великая княгиня, конечно, не могла одобрять его республиканскихъ воззрѣній и религіознаго равнодушія и поэтому сдѣлалась союзницей Протасова въ его борьбѣ съ вліяніемъ Лагарпа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь въ Павловскѣ, у матери, Александръ Павловичъ могъ предаваться сентиментальнымъ своимъ влеченіямъ, воспитывать въ себѣ любовь къ природѣ и склонность къ тихой, уединенной жизни, чуждой пышности и блеска Екатерининскаго двора. Привязанность Маріи Ѳеодоровны къ Германской своей семьѣ также нашла себѣ откликъ въ воспріимчивой душѣ Александра: кому какъ не старшему и любимому своему сыну желала Марія Ѳеодоровна передать свои симпатіи къ Нѣмецкимъ своимъ роднымъ? Недаромъ она радовалась дружбѣ, возникшей между дѣтьми ея и ея братомъ, принцемъ Карломъ, въ надеждѣ, что послѣ ея смерти «Карлъ останется вѣрнымъ другомъ Александру и будетъ руководить его своими совѣтами, считая свои интересы нераздѣльными съ его собственными» [21]). По

---

[21]) См. X главу нашего труда, 355. О томъ же писала родителямъ Маріи Ѳеодоровны и г-жа Бенкендорфъ: «Ce cher prince (Карлъ) étr[illegible] notre chère Grande-Duchesse; jamais choix n'avait mieux réu[illegible] pour s'attacher l'affection d'une telle soeur; aussi sa tendre[illegible] elle au comble; elle fondait de grandes espérances sur le bo[illegible] toujours près d'elle et d'en faire un ami sûr à ses enfants,

смерти брата и послѣ разлада съ Павломъ Петровичемъ, Марія Өеодоровна видѣла въ Александрѣ Павловичѣ единственную отраду въ настоящемъ и надежду въ будущемъ. Тѣмъ болѣе должны были огорчать ее холодныя отношенія, медленно, но постепенно устанавливавшіяся между обоими дорогими для нея существами: мужемъ и старшимъ сыномъ. Противоположность въ характерѣ и образѣ мыслей Павла Петровича и Александра Павловича была до такой степени велика, что они едва ли могли понимать другъ друга: мягкость Александра казалась отцу признакомъ изнѣженности, его тактъ и сдержанность—выраженіемъ двоедушія и лицемѣрія. Но всего болѣе возмущало Павла Петровича свободомысліе Александра: въ лицѣ старшаго своего сына цесаревичъ видѣлъ врага по политическимъ убѣжденіямъ и глубоко скорбѣлъ, что революція, которую онъ ненавидѣлъ и сердцемъ, и умомъ, пріобрѣтала себѣ союзника въ нѣдрахъ собственнаго его семейства. Зная, кто былъ виновникомъ этого настроенія Александра Павловича, Павелъ Петровичъ относился къ Лагарпу съ явнымъ недоброжелательствомъ и, помогая его врагамъ, въ то же время старался, хотя и безуспѣшно, искоренять въ умѣ своихъ дѣтей его внушенія [22]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Павелъ радовался тому, что любимецъ его Константинъ, благодаря своей лѣности,

---

attachés à lui, particuliérement le grand-duc Alexandre, qui a le tact déjà assez juste pour avoir vu que ce prince méritait toute son amitiè». (Письмо 11 Октября 1791 г.). *Schlossberger*, 231.

[22]) Въ бесѣдахъ своихъ съ дѣтьми цесаревичъ не столько обсуждалъ текущія политическія событія, сколько, оставаясь вѣренъ своему характеру, давалъ просторъ своему раздраженію. «On avait reçu, разсказываетъ Массонъ, les nouvelles de quelques scénes sanglantes de la révolution française. «Vous voyez, mes enfants, dit Paul à cette occasion, qu'il faut traiter les hommes comme des chiens» (*Masson*: II, 169—170). Для ученика Лагарпа это мнѣніе. конечно, не было убѣдительно, а только внушало ему страхъ передъ отцемъ. Въ разговорѣ съ Константиномъ Павелъ Петровичъ часто спрашивалъ его, упоминая о Лагарпѣ: Avez-vous toujours ce *jacobin* auprés de vous? (Тамъ же, 196). Массонъ сообщаетъ также о благосклонности Павла къ недоброжелателямъ Лагарпа; а между тѣмъ въ это время Екатерина говорила Лагарпу; «Monsieur, soyez jacobin, républicain, tout ce que vous voudrez. Je vous crois honnête homme; cela me suffit. Restez auprès de mes petits-fils, conservez toute ma confiance et donnez leur vos soins avec votre zèle accoutumé». (Тамъ же, 162). По свидѣтельству самого Лагарпа, Павелъ Петровичъ три года сряду (1790—1793) не говорилъ съ нимъ и отворачивался отъ него при встрѣчахъ. (*Сухомлиновъ*, II, 97).

избѣгнулъ вреднаго вліянія своего наставника. Усилія Павла Петровича были не совсѣмъ напрасны: онъ умѣлъ привить своимъ дѣтямъ качество, образованіе котораго не входило въ воспитательные планы Екатерины и Лагарпа. Это страсть къ внѣшней сторонѣ военнаго дѣла, къ тѣмъ его «мелкостямъ», которыя, заслоняя собою существенныя задачи военнаго искусства, превращали его въ школу для приготовленія къ парадамъ и церемоніямъ. Мы знаемъ уже, какое важное значеніе придавалъ этой школѣ самъ Павелъ Петровичъ, и, дѣйствительно, всѣ, проходившіе эту школу, обладали необыкновенно-развитымъ, хотя и страдательнымъ чувствомъ дисциплины. Для дѣтей притягательной стороной этихъ мелкостей служила, конечно ихъ картинность, ихъ, если можно такъ выразиться, эстетическая сторона. Удовлетворяя инстинктамъ дѣтской, подвижной природы, военныя упражненія для молодыхъ великихъ князей получали кромѣ того, особую прелесть живаго, здороваго отдохновенія отъ утомительныхъ и скучныхъ умственныхъ занятій. Екатерина, на примѣрѣ мужа и сына, ясно видѣла опасность неправильной постановки военнаго обученія при воспитаніи Александра и Константина Павловичей и заботилась о томъ, чтобы военная служба не сдѣлалась для нихъ дѣтской игрушкою [23]); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она сама безсознательно содѣйствовала этому злу, устранивъ въ своемъ воспитательномъ планѣ удовлетвореніе эстетическихъ потребностей своихъ внуковъ и помѣшавъ, такимъ образомъ, правильному, всестороннему развитію ихъ изящнаго вкуса:

---

[23]) «Понеже, писала она (вѣроятно, Салтыкову), все касательно службы, наипаче же военной, не есть и быть не можетъ и не должно дѣтской игрушкой; цѣлымъ же крауломъ, и то еще императорскаго величества дворца, дитя тѣшить есть дѣло неудобное; равномѣрно неумѣстно въ суровой погодѣ держать безъ нужды офицеръ и солдатъ излишнее время подъ ружьемъ: и того для, прикажите, чтобъ, когда великіе князья, во время смѣны краула, смотрятъ въ окошекъ, то отдавъ имъ приличной почести, краулъ безостановочно продолжалъ смѣняться; командирамъ же запретите людей излишне держать въ то время подъ ружьемъ или во фрунтѣ. Буде же дитя заплачетъ или попроситъ, то чтобъ сказали, что бабушка не приказала». *Русскій Архивъ*, 1865, 624—635. Впослѣдствіи, однако, князю И. М. Долгорукому поручено было обучить нѣсколько солдатскихъ дѣтей военнымъ упражненіямъ для забавы ихъ высочествъ; но забавѣ этой, очевидно, не придавалось о значенія, такъ какъ Долгорукаго не приглашали никогда къ столу в князей и не удостоили его никакой награды. «*Капище моего сердца*»,

музыка и «вирши», по распоряженію Екатерины, вовсе не вошли въ кругъ воспитанія молодыхъ великихъ князей. Тѣмъ съ бо́льшей охотой и удовольствіемъ предавались они изученію военнаго дѣла въ рѣдкія и недолгія побывки свои у отца въ Гатчинѣ и Павловскѣ, куда они и являлись въ военныхъ Прусскихъ мундирахъ [24]). Въ особенности, и притомъ съ самаго ранняго дѣтства, увлекался военными упражненіями Константинъ Павловичъ, избѣгавшій всякихъ умственныхъ занятій [25]). Вмѣстѣ съ Константиномъ пріобрѣлъ склонность къ военнымъ экзерциціямъ и Александръ; но, благодаря вліянію Лагарпа, онъ относился къ нимъ съ большою сдержанностію и первоначально показывалъ даже видъ равнодушія [26]); притомъ Александру были совершенно чужды грубые и жестокіе пріемы въ обращеніи съ солдатами, которые были обычны въ Гатчинскихъ войскахъ. Неудивительно, поэтому, что и въ военномъ отношеніи, въ глазахъ Павла Петровича, болѣе выигрывалъ Константинъ. Павелъ Петровичъ явно выражалъ свое неудовольствіе по поводу предпочтенія, которое императрица выказывала его старшему сыну предъ младшимъ [27]).

Холодныя и, въ глазахъ Александра, несправедливыя отношенія къ нему отца должны были навсегда положить на него отпечатокъ грусти. При мягкомъ, ровномъ характерѣ Маріи Ѳеодоровны, предпочтеніе, отдаваемое ею Александру, не могло быть особенно замѣтно, тѣмъ болѣе, что оно находило себѣ естественное объясненіе въ достоинствахъ старшаго и недостаткахъ младшаго ея сына, вообще не поддававшагося материнскому вліянію; но зато холодность Павла Петровича къ Александру, усиливаясь съ каждымъ годомъ, проявлялась постоянно. Разладъ съ Маріей Ѳеодоровной могъ только укрѣплять въ Павлѣ Петровичѣ это чувство къ ея любимцу и, такимъ образомъ, къ новому горю Маріи Ѳеодоровны, грозилъ въ

---

[24]) *Mémoires du prince Adam Czartoryski*, I, 106—109. *Р. Ст.*, XIX, 361—362.—Великіе князья мѣняли костюмъ свой на Прусскій, чтобы угодить отцовскому вкусу, даже во время пріѣздовъ Павла въ Царское Село, ко двору Екатерины. *Архивъ князя Воронцова*, VIII, 95.

[25]) *Кн. Долгорукій:* Капище моего сердца, 149. *Арх. кн. В.*, VIII, 77.

[26]) «Я хотя и военный», писалъ онъ Лагарпу по его отъѣздѣ, «но жажду лишь мира и спокойствія и охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей или по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ». *Сборникъ*, V, 23—24.

[27]) *Архивъ князя Воронцова*, VIII, 95. Письмо Растопчина отъ 28 Мая 1794 г.

будущемъ еще болѣе ухудшить отношенія между отцомъ и старшимъ сыномъ. Между тѣмъ отношенія эти именно въ это время пріобрѣтали особенную политическую важность.

Маріи Ѳеодоровнѣ извѣстно было, что цесаревичъ предполагалъ въ Александрѣ Павловичѣ своего невольнаго соперника въ вопросѣ о наслѣдованіи престола. Разница въ чувствахъ императрицы къ сыну и внуку бросалась въ глаза каждому, и легко было угадать, кого она желала видѣть своимъ преемникомъ. Вообще считая сына неспособнымъ царствовать, Екатерина должна была особенно настойчиво заботиться о лишеніи его права престолонаслѣдія послѣ того, какъ взрывъ Французской революціи заставилъ ее прозрѣвать опасности, угрожавшія существовавшему въ Европѣ порядку вещей: вступленіе на Русскій престолъ въ это смутное время такого государя, какъ Павелъ, могло привести Россію къ великимъ затрудненіямъ. Поэтому, устраняя Павла отъ участія въ дѣлахъ правленія, Екатерина ревниво относилась къ попыткамъ различныхъ партій и лицъ втянуть великаго князя въ кругъ своихъ интересовъ. Преслѣдованіе, которому въ началѣ 1792 г. подверглись Новиковъ и Московскіе мартинисты, въ значительной степени объясняется мнѣніемъ императрицы, что они желали воспользоваться для своихъ не совсѣмъ еще уясненныхъ цѣлей именемъ великаго князя [28]). Но, при сильно развитомъ у цесаревича чувствѣ законности, онъ не имѣлъ да и не могъ имѣть никакой партіи; напротивъ того, число враговъ его умножалось съ каждымъ годомъ. Это облегчало императрицѣ возможность устранить сына отъ наслѣдованія престола, но не указывало еще способовъ къ приведенію этого плана въ исполненіе. Неизвѣстно было даже, съ какими чувствами отнесется къ своему возвышенію, въ ущербъ правамъ отца, самъ Александръ Павловичъ. Поэтому содѣйствіе Маріи Ѳеодоровны, которая, по своему вліянію на мужа и сына, могла способствовать мирному осуществленію желанія Екатерины, должно было быть для нея особенно цѣннымъ. Но молодой дворъ долгое время былъ силенъ именно

---

[28]) *Иконниковъ*, 156. Когда Екатерина сообщала Павлу Петровичу «пасквиль» о сношеніяхъ его съ масонами, найденный у Новикова, онъ отвѣчалъ: «Нужно было быть или сумасшедшимъ, или глуп... бы быть при чемъ нибудь во всемъ этомъ, развѣ толь... ч. Императрица «охотно повѣрила (цесаревич... теля онаго (пасквиля)». *Сборникъ*, XX...

своимъ единодушіемъ, и, безъ сомнѣнія, Екатерина и не мечтала о содѣйствіи невѣстки до тѣхъ поръ, пока самъ Павелъ Петровичъ, своими отношеніями къ женѣ и старшему сыну, не пошелъ на встрѣчу ея намѣреніямъ. Послѣ разлада, возникшаго въ супружеской жизни великокняжеской четы, естественно было предположить, что для оскорбленной Маріи Өеодоровны выборъ между мужемъ, возбуждавшимъ всеобщее неудовольствіе, и любимцемъ-сыномъ, на которомъ покоилось столько прекрасныхъ надеждъ, не будетъ слишкомъ затруднителенъ. Противъ тріумвирата, составленнаго изъ матери, жены и старшаго сына, трудно было бы устоять впечатлительному цесаревичу, который, при всемъ сознаніи незыблемости своихъ правъ, долженъ былъ рано или поздно почувствовать нравственное свое одиночество. Въ 1792 г. императрица, какъ видно, была увѣрена въ успѣхѣ своего плана. Уже 14 Августа 1792 г., черезъ мѣсяцъ по рожденіи великой княжны Ольги Павловны, она писала Гримму объ устраненіи Павла Петровича отъ наслѣдованія престола, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. «Послушайте, къ чему торопиться съ коронаціей? Всему есть время, по словамъ Соломона. Сперва мы женимъ Александра, а тамъ со временемъ и коронуемъ его со всевозможными церемоніями, торжествами и народными празднествами. Все будетъ блестяще, величественно и великолѣпно. О, какъ онъ самъ будетъ счастливъ и какъ съ нимъ будутъ счастливы другіе!» [29]).

Когда Екатерина писала это, уже вызваны были въ Петербургъ на смотрины двѣ дочери наслѣднаго принца Баденъ-Дурлахскаго: Луиза Марія-Августа и Фредерика-Доротея, изъ которыхъ одна должна была сдѣлаться невѣстой 15-лѣтняго великаго князя. Еще въ Сентябрѣ 1791 г. выборъ Екатерины остановился именно на этихъ принцессахъ [30]). Кромѣ политическихъ причинъ, столь ранній бракъ Александра вызывался надеждою императрицы, что семейныя узы предохранятъ ея внука отъ гибельнаго для здоровья и нравственности вліянія развращенной жизни двора того времени. Есть основанія думать, что Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна одобряли это

---

[29]) *Сборникъ*, XXIII, 574. Ср. *Иконникова*, 157—158.

[30]) Письмо Маріи Өеодоровны ея родителямъ отъ 24 Сентября 1791 г. (*Schlossberger*, 212): «Il est probable que le choix tombera sur une princesse de Bade, je crois, sur la troisième».

намѣреніе Екатерины [31]) и, по пріѣздѣ принцессъ въ Петербургъ, сошлись съ нею и сыномъ въ выборѣ принцессы Луизы, нареченной при мѵропомазаніи Елисаветой Алексѣевной [32]). Хотя жениху не было еще 16 лѣтъ, а невѣстѣ шелъ всего 15-й годъ, но Екатерина не откладывала надолго бракосочетанія молодыхъ людей: оно совершено было 28 Сентября 1793 г., съ обычною пышностію, хотя, по замѣчанію современника, празднества не были слишкомъ блестящи вслѣдствіе непріятныхъ отношеній между императрицей и ея сыномъ [33]).

И эти непріятныя отношенія, и совершившееся бракосочетаніе Александра заставляли Екатерину не откладывать долѣе выполненія ея плановъ о престолонаслѣдіи. Въ Іюнѣ 1793 года уже были составлены какія-то «секретныя бумаги», касавшіяся великаго князя [34]), а черезъ три недѣли по совершеніи брака, Екатерина призвала къ себѣ Лагарпа, чтобы сообщить ему свое намѣреніе и съ его помощію приготовить постепенно самого Александра Павловича къ мысли о будущемъ его возвышеніи. «Совѣтники Екатерины», разсказываетъ Лагарпъ, «полагали, что мнѣ пріятно будетъ видѣть устраненіе человѣка, котораго сами же они называли заклятымъ врагомъ либеральныхъ идей и отъ котораго я лично не могъ ожидать ничего хорошаго. Такъ какъ меня считали въ то время ярымъ республиканцемъ, проникнутымъ самыми опасными началами, то составители плана надѣялись, взявшись ловко за дѣло, вовлечь меня въ предпріятіе, имѣвшее цѣлью избавить Россію отъ новаго Тиберія и т. д. Цѣль, по ихъ мнѣнію, оправдывала средства... Главная трудность заключалась въ томъ, чтобы приготовить къ катастрофѣ великаго князя Александра Павловича. Я одинъ могъ имѣть на него желаемое вліяніе, и потому необходимо было или заручиться мною, или удалить меня. Екатерина, зная довѣріе и

---

31) Тамъ же, 212—213. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по вышеприведеннымъ словамъ Маріи Θеодоровны въ письмѣ ея къ родителямъ отъ 24 Сентября 1791 года. (глава XI нашего труда, 376).

32) 4 Ноября *Храповицкій* записалъ въ свой дневникъ: «Мнѣ сказали, что цесаревичъ очень полюбилъ и хвалилъ старшую принцессу, но женихъ застѣнчивъ и къ ней не подходитъ. Она очень ловка и развязна, elle est nubile à 13 ans». На Марію Θеод [illegible] произвела самое пріятное впечатлѣніе. *Starl* [illegible]

33) *Архивъ князя Во* [illegible]

34) *Сочиненія Держа* [illegible]

любовь ко мнѣ своего внука, желала испытать меня. Она неожиданно потребовала меня къ себѣ 18 Октября 1793 года. Графъ Салтыковъ, очевидно посвященный въ тайну, былъ озадаченъ вопросомъ моимъ о цѣли приглашенія и отвѣчалъ мнѣ: «Я желалъ бы, чтобы сама государыня объяснила вамъ, въ чемъ дѣло». Разговоръ мой съ императрицей продолжался два часа. Мы говорили о разныхъ разностяхъ и отъ времени до времени, какъ бы мимоходомъ, государыня касалась будущности Россіи и не опустила ничего, чтобы дать мнѣ понять, не высказывая прямо, настоящую цѣль свиданія. Догадавшись въ чемъ дѣло, я употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать государынѣ открыть мнѣ задуманный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что я проникъ въ ея тайну. Къ счастью, мнѣ удалось и то, и другое... Хотя совѣщаніе окончилось самымъ любезнымъ образомъ, однакоже, опасаясь дальнѣйшихъ объясненій, изъ которыхъ я не могъ бы никоимъ образомъ выпутаться такъ же счастливо, я болѣе, чѣмъ когда-либо, сосредоточился въ самомъ себѣ, осудивъ себя на строгое уединеніе. Екатерина два раза укоряла меня за это, но видя, что я упорствую и являюсь ко двору только для занятій съ своими учениками, убѣдилась, что я вовсе не расположенъ къ той роли, которую мнѣ предназначали» [35]).

Рѣшительное сопротивленіе Лагарпа не заставило, конечно императрицу отказаться отъ своего намѣренія. Между тѣмъ, слухи о намѣреніяхъ ея, касавшихся престолонаслѣдія, уже проникли въ общество [36]) и, безъ сомнѣнія, хорошо были извѣстны великокняжеской четѣ. Къ сожалѣнію, трудно сказать, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, обращалась ли Екатерина въ это время за содѣйствіемъ и къ Маріи Ѳеодоровнѣ. Едва ли, впрочемъ, можно сомнѣваться въ томъ, что она тщательно извѣдывала образъ мыслей своей невѣстки по вопросу о престолонаслѣдіи и встрѣтила въ ней еще менѣе, чѣмъ въ Лагарпѣ, расположенія содѣйствовать ей. Какъ ни была оскорблена великая княгиня въ супружескихъ своихъ чувствахъ, какія опасенія за будущее ни возбуждалъ въ ней характеръ Павла Петровича, но изъ строгаго уваженія къ законности она не могла уклониться отъ началъ преемственности престола, которыя утверждены были торжественно ею и Павломъ Петрови-

[35]) *Сухомлиновъ:* «Изслѣдованія» и проч., II, 96—97.

[36]) *Кобеко*, 399—400.

чемъ въ тайномъ завѣщательномъ актѣ 1788 г. Въ то же время, не раздѣляя мнѣнія Екатерины о государственной необходимости предположеннаго устраненія Павла Петровича отъ престола, Марія Θеодоровна всѣмъ нравственнымъ своимъ существомъ должна была возмущаться при мысли о возможномъ соперничествѣ между отцомъ и сыномъ и о тѣхъ ненавистныхъ для нея послѣдствіяхъ, которыя оно повлекло бы за собой для ея семьи. При самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ Павла Петровича къ Екатеринѣ, Марія Θеодоровна всегда умиротворяющимъ образомъ дѣйствовала на своего супруга, уважая материнскія права императрицы; могла ли она поступать иначе, когда дѣло касалось одинаково дорогихъ ей существъ: мужа и сына? Образъ дѣйствій Маріи Θеодоровны въ тяжелыхъ и щекотливыхъ семейныхъ осложненіяхъ, въ которыя поставила ее судьба, былъ указанъ ей любящимъ ея сердцемъ: поддерживая свои почтительныя и мирныя отношенія къ императрицѣ, она старалась сдѣлать планы ея ненужными и безплодными. Цѣль великой княгини, по ея мнѣнію, была бы достигнута, если бы Павелъ Петровичъ сблизился съ старшимъ своимъ сыномъ и съумѣлъ обуздать болѣзненную пылкость своего темперамента, воздерживаясь отъ необдуманныхъ поступковъ, ронявшихъ его въ глазахъ императрицы и въ общественномъ мнѣніи. Оставаясь всегда въ сторонѣ отъ хода политическихъ дѣлъ и соглашаясь со многими политическими воззрѣніями своего супруга, Марія Θеодоровна едва ли давала имъ рѣшающее значеніе въ разладѣ его съ Екатериною и, оцѣнивая событія преимущественно съ частной, семейной точки зрѣнія, думала предупредить надвигавшуюся тучу личнымъ вліяніемъ на Павла Петровича.

Задача эта, при всей кротости и терпѣніи Маріи Θеодоровны, представлялась однако весьма трудною, въ особенности послѣ исторіи съ Нелидовою, когда Павелъ Петровичъ сталъ крайне подозрительно относиться къ своей супругѣ, считая и ее въ числѣ своихъ враговъ. Разсказываютъ, что сама Марія Θеодоровна подала къ тому поводъ, неосторожно изливъ свою скорбь императрицѣ по удаленіи г-жи Бенкендорфъ. Когда Екатерина по этому поводу призвала къ себѣ Павла Петровича и выразила ему свое неудовольствіе, онъ, внѣ себя отъ [illegible] отвѣчалъ ей безъ должнаго уваженія, какъ [illegible] знаётъ свои права и тяготится чужой [illegible] тѣмъ въ свои аппартаменты, великі[illegible]

свой гнѣвъ всѣмъ, кто только приближался къ нему. Онъ жаловался, что окруженъ шпіонами и предателями и нѣсколько разъ повторялъ, что ему готовятъ въ будущемъ низверженіе [37]). Разсказъ этотъ напечатанъ былъ въ корреспонденціи, появившейся во Французскомъ Монитёрѣ 24 Апрѣля 1792 г. н. ст., и имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. «Если», прибавлялъ авторъ корреспонденціи, «сердце великой княгини не будетъ обиталищемъ всѣхъ добродѣтелей, несомнѣнно, что Павелъ испытаетъ когда-либо участь Петра III. Онъ самъ ожидаетъ этого и высказывалъ это самой великой княгинѣ, которую онъ въ то же время подвергаетъ оскорбленіямъ». Характеръ Павла дѣйствительно выказывался въ самыхъ дурныхъ своихъ сторонахъ, что̀ вполнѣ объясняется обстоятельствами, среди которыхъ очутился цесаревичъ, и его нервной организаціей. Прежде въ своихъ несогласіяхъ съ матерью, въ своей отчужденности отъ дѣлъ правленія, Павелъ Петровичъ утѣшался своимъ семейнымъ счастіемъ и надеждою, что «естественный порядокъ» дастъ ему рано или поздно возможность уничтожить въ самомъ корнѣ дѣйствительныя или мнимыя нестроенія, замѣченныя имъ въ государственной жизни Россіи и управленіи: горячо любившій отечество, но обездоленный цесаревичъ въ тиши своего кабинета готовилъ, какъ мы уже знаемъ это, рядъ проектовъ, долженствовавшихъ, по его мнѣнію, осчастливить Россію и предохранить ее отъ грядущихъ золъ. Теперь онъ не видѣлъ вокругъ себя въ настоящемъ ничего успокоительнаго, и мысль о неизвѣстномъ, но чреватомъ грозными послѣдствіями будущемъ все чаще представлялась его уму: семейная его жизнь была разрушена, а законнымъ правамъ его на наслѣдованіе престола, съ которыми связанъ былъ весь смыслъ его жизни, противопоставлялись еще неопредѣленные, но настойчивые слухи о рѣшимости императрицы сдѣлать своимъ наслѣдникомъ Александра Павловича. И, между тѣмъ, какъ ни горько было отцу видѣть въ сынѣ орудіе своего униженія, но, безъ сомнѣнія, горечь эта была для Павла Петровича ничтожною въ сравненіи съ чувствами озлобленія и тоскливаго безсилія, которое овладѣвало имъ при мысли, что этотъ сынъ, будучи ученикомъ Лагарпа, въ новомъ высокомъ своемъ санѣ

[37]) *Moniteur Universel*, № 115, 1792 года, отъ 24 Апрѣля н. ст., первая статья въ номерѣ: Extrait d'une lettre particulière écrite par un anglais, résident depuis plusieurs années à Pétersbourg, à un anglais de ses amis, actuellement à Paris.

можетъ явиться могущественнымъ проводникомъ тѣхъ именно разрушительныхъ началъ вѣка, борьбу съ которыми Павелъ Петровичъ поставлялъ главной задачей своей будущей дѣятельности. Рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи имѣло поэтому для рыцарскаго, стремившагося къ возвышеннымъ цѣлямъ цесаревича глубокое нравственное значеніе: рѣчь шла уже не о мелочныхъ интересахъ личнаго его честолюбія, а о томъ, чтобы удержать Россію на краю пропасти, въ которую могло увлечь ее, по мнѣнію Павла, вступленіе на престолъ императора, воспитаннаго республиканцемъ. Но, разумѣется, чѣмъ мрачнѣе представлялъ себѣ будущее цесаревичъ, тѣмъ осторожнѣе и благоразумнѣе должно было быть его поведеніе; на самомъ же дѣлѣ, благодаря психическимъ особенностямъ Павла Петровича: его мнительности, впечатлительности и отсутствію самообладанія, горечь, накоплявшаяся въ душѣ его, выражалась въ гнѣвныхъ вспышкахъ и необдуманныхъ поступкахъ, казавшихся для всѣхъ безпричинными. Разсказы о нихъ, часто преувеличенные, передавались въ Петербургѣ и во всей Россіи и, по своей односторонности, еще болѣе вредили общему мнѣнію о великомъ князѣ. Еще въ 1790 г., какъ мы уже видѣли, Плещеевъ обращалъ на это вниманіе Павла Петровича и заклиналъ его сдерживать порывы своего темперамента. «Невозможно», писалъ онъ, «видѣть безъ крайней горести, что такая чистота и такія достоинства, какъ ваши, помрачаются нѣкоторыми чисто-внѣшними признаками и такъ мало признаны... Я не перестану считать васъ виновнымъ по отношенію къ вамъ самимъ въ томъ именно, что вы не согласуете своего внѣшняго поведенія съ божественными чувствами, которыя наполняютъ все ваше существо,—въ томъ, что вы не доставляете всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ и всѣмъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ радости видѣть, какъ вы разрушаете и уничтожаете всѣ ложныя мысли, которые злобные умы въ ненависти своей стараются распространить на вашъ счетъ,—въ томъ, что вы не перестаете давать имъ пищу,—въ томъ, наконецъ, что вы не разрушаете всѣхъ ихъ хитросплетеній, сдѣлавъ явными тѣ рѣдкія добродѣтели, которыя отличаютъ васъ и ставятъ выше обыкновенныхъ людей» [38]). Едва ли можно сомнѣваться, что самъ Павелъ Петровичъ страдалъ о[illegible]ихъ недостатковъ; но побѣдить сам[illegible]

[38]) См. X главу нашего труда.

въ особенности при обрушившихся на него, послѣ 1790 г., ударовъ судьбы. «Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть, что дѣлаетъ великій князь-отецъ», сообщалъ Растопчинъ графу Воронцову 6 Іюля 1793 г.; «онъ какъ будто бы изыскиваетъ всѣ средства внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслію, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора. Имѣя при себѣ 4 морскіе батальона въ составѣ 1600 человѣкъ и 3 эскадрона разной конницы, онъ съ этимъ войскомъ думаетъ изобразить собою покойнаго Прусскаго короля. По середамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются. Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводятъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ. Замѣчательно, что онъ никогда не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ. Онъ дѣлаетъ выговоры всѣмъ: то отсылаетъ цѣлую команду, потому что затерялась повѣстка, посылаемая наканунѣ; то велитъ сказать г. Зиновьеву, что онъ долженъ оказывать болѣе почтенія лицамъ, пользующимся его благосклонностью; Гурьеву, что онъ не долженъ забываться; гофмаршаламъ, что онъ научитъ ихъ службѣ» [39]). «Великій князь», сообщалъ Растопчинъ тремя недѣлями позже, «творитъ вещи необычайныя; онъ губитъ себя и изобрѣтаетъ средства сдѣлаться ненавистнымъ. Онъ велѣлъ сказать гофмаршалу князю Барятинскому, чтобы онъ помнилъ, чѣмъ былъ, и не осмѣливался дурно отзываться о его дѣтяхъ. Онъ приказалъ сказать то же самое горничнымъ императрицы. Онъ грозилъ Бушу, садовнику въ Царскомъ Селѣ, побить его палкой за то, что онъ послалъ великой княгинѣ плодовъ. Графинѣ Шуваловой, немного опоздавшей приходомъ, велѣно отъ него сказать, что она могла бы поспѣшить для него, такъ какъ она исполняла же все, что заставлялъ ее дѣлать князь Потемкинъ» [40]). Несдержанность въ дѣйствіяхъ великаго князя должна была проявляться и въ отношеніяхъ къ императрицѣ [41]), къ

---

[39]) *Архивъ князя Воронцова,* VIII, 75.

[40]) Тамъ же, XXIV, 257—258.

[41]) Покойный С. М. Соловьевъ передавалъ П. И. Бартеневу, что ему случилось имѣть въ рукахъ листокъ руки Екатерины, на которомъ она передаетъ свой разговоръ съ сыномъ и въ заключеніе прибавляетъ, что она заливалась слезами. *Р. Арх.,* 1891, II, 323.

своей супругѣ и къ старшему сыну, которымъ онъ имѣлъ столько поводовъ быть недовольнымъ.

И дѣйствительно, великій князь рѣшился наконецъ даже публично обнаружить свои семейныя неудовольствія, отказавшись присутствовать на праздникахъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе Александра Павловича въ Сентябрѣ 1793 г., и располагая провести это время въ загородныхъ своихъ дворцахъ. Марія Ѳеодоровна пробовала поколебать это рѣшеніе своего супруга, угрожавшее неслыханнымъ скандаломъ и полнымъ семейнымъ разрывомъ, но, испытавъ полную неудачу, вынуждена была обратиться за помощію черезъ посредство Плещеева къ Нелидовой [42]). Ей удалось уговорить Павла Петровича, и тутъ

---

[42]) «J'ai appris, mon bon Plechéeff, писала въ это время Марія Ѳеодоровна «que le parti doit être pris dé rester ici pour le 20 и 22; j'en suis pétrifié: car toutes les suites horribles de cette conduite se présentent en fouille à ma pensée. Tâchons donc d'aider au G.-D. malgre lui. Peut-être que vous pourriez le faire, mon ami, et voici mon idée: on dit que les domestiques mêmes savent que nous restons ici le 20 et le 22, ainsi vous pourrez en avoir été informé par enx; ayez l'air d'en douter et demandez à la N., si c'est ainsi et le pourquoi de cette conduite; alors tâchez de lui faire peur en lui montant avec doigt qu'elle peut être la première victime de cette conduite, que l'Imp. s'en prendra de tout ce qui entoure le G.-D., et que le voyant choyé par lui. elle ne la menagera pas non plus, et qu'ellé peut le priver de milles agrémens dont il jouit et y mettre des entraves; que le public sera révolté de cette conduite du G.-D., l'arrivée pour le moment que l'union de son fils s'apprête et que ces... *) cette fête lé coeur serré vis-à-vis de l'Imp., qui sera justement irritée contre nous. Ce sera donc sous cette cruelle augure que la noce sera célébrée. Ajoutez que cette idée doit faire frémir toute âme sensible et honnête, que le blâme rejaillera sur elle comme sur lui et que les suites de tout ceci sont incalculables. Je sais que Kurakine est déséspéré de cette idée du G.-D. et qu'il cherchera l'occasion d'en parler sous ce même rapport à la N. Faites sentir à la N. que si dans cette occasion elle montre de la fermeté au G.-D. en combattant cette idée, qu'elle fera une action qui plaira au public; que vous lui parliez comme un ami, que si elle tienne une conduite opposée elle se perdait, mais qu'en témoignant hautement qu'elle ne voulait pas y participer, ou disant même qu'elle allait passer ces fêtes en ville par sa personne pour prouver qu'elle désaprouvait le parti que le G.-D. prenait, elle gagnerait l'estime des honnêtes gens. La conduite que le G.-D. se propose de tenir me trouble au point queje ne puis penser à autre chose; je me propose de lui faire encore des représentations cette après-dînée, ne fusse que pour tranquilliser ma conscience. L'imp., malgré le tout qu'elle a dans cette histoire, est toujours Souveraine et Mère; ces deux titres sont sacrés. L'avenir se peint en moi en couleurs affreux. — Письмо къ Плещееву безъ даты. Ср. стр. 393 нашего труда, прим. 33-е.

---

*) Слово не разобрано.

только впервые Марія Θеодоровна имѣла случай оцѣнить всю силу вліянія Нелидовой на своего супруга и убѣдиться, что лишь съ ея содѣйствіемъ возможно будетъ, по выраженію Маріи Θеодоровны, «помогать великому князю, вопреки ему самому».

Такимъ образомъ великой княгинѣ для достиженія ея цѣли приходилось думать о сближеніи съ Нелидовой и объ измѣненіи сообразно съ этимъ своего плана дѣйствій.

XII.

Сближеніе Маріи Θеодоровны съ Нелидовою и обстоятельства, ему содѣйствовавшія. — Новый составъ и характеръ великокняжескаго двора. — Удаленіе Плещеева. — Заботы Маріи Θеодоровны о Павлѣ Петровичѣ. — Германская семья великой княгини.—Отношенія великокняжеской четы къ сыновьямъ и къ императрицѣ.—Рожденіе великой княжны Анны и кончина Ольги Павловны.— Александръ Павловичъ и его сближеніе съ родителями. — Рожденіе Николая Павловича.—Переговоры Екатерины съ Маріей Θеодоровной и великимъ княземъ Александромъ о престолонаслѣдіи. — Бракъ Константина Павловича. — Великая княжна Александра Павловна.—Кончина Екатерины.

Сближеніе Маріи Θеодоровны съ Нелидовой, начавшееся, какъ мы предполагаемъ, лѣтомъ 1793 г., шло затѣмъ исподоволь медленными, но твердыми шагами. Обѣ женщины, каждая по-своему, любили Павла и, чувствуя недостаточность единичныхъ своихъ усилій, готовы были для спасенія его подать другъ другу руки, забывъ всѣ личныя свои огорченія: нельзя было не сознавать, что послѣдствія четырехлѣтняго семейнаго разлада великокняжеской четы печальнѣе всего отразились лишь на самомъ Павлѣ Петровичѣ, который, подвергаясь одновременному дѣйствію двухъ соперничествующихъ женскихъ вліяній, не съумѣлъ, по слабости и излишней впечатлительности своего характера, вынести тяжести нравственнаго своего положенія и терялъ голову въ то именно время, когда политическія обстоятельства въ особенности требовали отъ него спокойнаго и благоразумнаго образа дѣйствій. Щекотливую роль посредника между Нелидовою и Маріей Θеодоровной по-прежнему исполнялъ С. И. Плещеевъ, своимъ мягкимъ, примиряющимъ вліяніемъ во многомъ содѣйствовавшій возстановленію добрыхъ отношеній великой княгини къ ея «маленькой» фрейлинѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, обѣ стороны склонны были въ глубинѣ души возлагать другъ на друга отвѣтственность за необдуманные поступки Павла Петровича и порчу его характера; но на первый разъ важно было уже и то, что обѣ онѣ пришли къ сознанію необходимости дѣйствовать совмѣстно, чтобы общими силами пре-

дохранять Павла отъ опасностей, которыя теперь угрожали ему, повидимому, со всѣхъ сторонъ. «Признаюсь вамъ, другъ мой», писала въ это время Марія Өеодоровна Плещееву, «что бесѣда ваша съ Нелидовой чрезвычайно меня поразила (m'a singulièrement frappée). Что касается ея опасеній за великаго князя, то не она одна питаетъ ихъ. Знаетъ Богъ, знаютъ также и мои друзья, что я дрожу за него, потому что онъ не умѣетъ создавать себѣ друзей, а между тѣмъ онъ погибнетъ когда-либо, если не будетъ имѣть вѣрныхъ и усердныхъ слугъ. Въ то время, когда я осмѣливалась говорить, я тысячу разъ повторяла эти истины своему мужу, и мы знаемъ всѣ, что его тогда любили. Но, чтобы привлечь его къ себѣ, ему начали льстить, удалять его отъ истинныхъ друзей, и слѣдствіемъ этихъ низкихъ уловокъ была та порча его характера, которую мы видимъ теперь. Я очень хорошо знаю, что порчу эти замѣчаютъ ежедневно и что ее желали бы устранить, но я боюсь, что ничего не дѣлаютъ для этого. Нелидова употребляетъ фальшивую мѣру, рисуя великому князю будущность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, потому что, не пріучая его этимъ къ сдержанности въ поведеніи, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановляетъ его противъ всѣхъ. Отвѣты ваши, другъ мой, были вполнѣ разумны. Тысячу разъ говорила я Лафермьеру: настоящее жестоко, но будущее внушаетъ мнѣ чрезвычайный ужасъ, потому что если мужа моего постигнетъ несчастіе, то не онъ одинъ подвергнется ему, но и я вмѣстѣ съ нимъ. Утѣшеніемъ для меня служитъ лишь надежда на милость Божію» [1]).

Эти строки Маріи Өеодоровны ясно показываютъ, что даже устанавливавшееся мало-по-малу соглашеніе ея съ Нелидовой не подавало ей слишкомъ большихъ надеждъ на улучшеніе положенія дѣлъ: съ одной стороны болѣзненные симптомы въ поведеніи великаго князя становились серьезнѣе и продолжительнѣе, а съ другой стороны, не давая себя яснаго отчета въ силѣ и степени вліянія Нелидовой на Павла Петровича и не довѣряя ея уму, Марія Өеодоровна приписывала именно ея внушеніямъ необдуманный, вызывающій образъ дѣйствій, котораго Павелъ сталъ держаться въ послѣднее время даже по отношенію къ императрицѣ [2]). Заботясь о сближеніи Павла Петровича

[1]) Письмо Маріи Өеодоровны къ Плещееву (безъ даты).

[2]) «C'est cette vilaine», писала она Плещееву, «qui soutient le Gr.-D. dans sa façon de penser et dans sa conduite actuelle. Je suis fachée, mon ami, que le

съ его державной матерью, великая княгиня съ горестію видѣла, что съ каждымъ годомъ сближеніе это становилось все менѣе и менѣе возможнымъ уже потому, что Павелъ Петровичъ, избѣгая Екатерининскаго двора, проводилъ почти весь круглый годъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ, сокращая на сколько было возможно зимнее пребываніе свое въ Петербургѣ: пріѣзжалъ онъ туда обыкновенно ко дню тезоименитства Екатерины, 24 Ноября, а уѣзжалъ всегда въ началѣ Февраля [3]). Это удаленіе великаго князя отъ большого двора, доказывая его опальное положеніе, лишало, вмѣстѣ съ тѣмъ, Марію Ѳеодоровну общества ея дѣтей, которыя постоянно находились при императрицѣ. «Ради Бога», писала она Плещееву, «дайте почувствовать маленькой, какъ вредно удаляться отъ императрицы, отъ нашихъ дѣтей, которыхъ мы вовсе не видимъ, и вообще дайте ей понять, что это отчужденіе великаго князя отъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ значеніе (de tous les grands). Это страшное уединеніе, отталкивая отъ него всѣ сердца, можетъ имѣть только самыя ужасныя послѣдствія. Въ особенности указывайте ей на императрицу и дѣтей: первая сильно старѣетъ съ каждымъ днемъ и тѣмъ болѣе опасно удаляться отъ нея; что же касается дѣтей нашихъ, то и они дѣлаются намъ чужды, и мы имъ также. Вы сдѣлаете, мой другъ, чрезвычайно важное дѣло, открывъ Нелидовой глаза по этому предмету» [4]). Между тѣмъ,

mot de demence vous a echappé hier; il peut vous faire le plus grand mal parce que la N. s'attachera au mot et non à l'intenion: cette fille est un fleau, car avec un mauvais coeur elle a un mauvais esprit, car, croyez-moi, qu'elle soutient le Gr.-D. dans sa conduite actuelle croyant qu'il est de sa grandeur de montrer qu'il soutient des personnes qui sont à lui, et tout cela pour intimider l'Imp., afin qu'il ne s'accroche pas à elle. Voilà comme elle raccorde faux, car le moyen que le G.-D. a de soutenir les personnes qui sont auprès de lui, c'est d'être fils respectueux et soumis; alors l'Imp. n'aura jamais d'armes contre lui, au lieu qu'il lui en donne en la brusquant. Brulez ce billet à l'instant et dans vos conversations avec la N. soyez bien sûr le choix des paroles». Письмо къ Плещееву безъ даты.

[3]) Это видно изъ отрывочныхъ отмѣтокъ современниковъ (см., напр., письма Растопчина къ Воронцову. *Арх. кн. Воронц.*, VIII).—Камеръ-фурьерскіе журналы за описываемое время еще не изданы.

[4]) Павелъ, въ оправданіе своей жизни въ загородныхъ дворцахъ, ссылался на невниманіе къ нему Екатерины, на что, конечно, имѣлъ много поводовъ жаловаться. Это можно заключить изъ слѣдующей записки Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву (безъ даты): «...Faites des voeux pour demain (25 Сентября, день рожденія Павла?) pour que le Ciel [illegible] ce et qu'elle envoie féliciter mon mari; alors [illegible] ns en ville. Dieu bénira [illegible] eut être [illegible]

даже въ короткое время пребыванія своего въ Петербургѣ, живя по необходимости въ Зимнемъ дворцѣ, Павелъ Петровичъ не только избѣгалъ общества матери, присутствуя вмѣстѣ съ нею лишь на обычныхъ пріемахъ и выходахъ [5]), но, мучимый вѣроятно, какими-либо подозрѣніями, всячески препятствовалъ и Маріи Θеодоровнѣ часто видѣться съ ея дѣтьми. Безъ сомнѣнія, холодныя отношенія Павла Петровича къ старшему сыну играли тутъ первую роль; кромѣ того, цесаревичъ возмущенъ былъ поведеніемъ графини Шуваловой, которая, будучи гофмейстериной великой княгини Елизаветы Алексѣевны, оказывала дурное вліяніе на Александра Павловича [6]). Поэтому, послѣ всѣхъ хлопотъ и стараній, Марія Θеодоровна и по пріѣздѣ своемъ къ большому двору испытывала страданія даже среди материнскихъ радостей [7]). Чтобы получить возможность безъ затрудненій видѣться съ дѣтьми, Марія Θеодоровна должна была опять обращаться къ той же Нелидовой съ просьбою подѣйствовать на Павла, хотя въ душѣ считала именно ее главной виновницей своего отчужденія отъ дѣтей [8]). Зато не было конца благодарности со стороны бѣдной, измученной великой княгини къ Нелидовой всякій разъ, когда та успѣвала иногда путемъ упорныхъ стараній добиться у Павла Петровича исполненія какого-либо ея желанія. Въ этихъ случаяхъ Марія Θеодоровна, откинувъ личныя свои предубѣжденія, не могла не со-

---

мущало Павла и отношеніе къ нему Зубова и другихъ вельможъ, не говоря уже о вообще несимпатичномъ для него тонѣ большаго двора.

[5]) *Czartoryski*: Mémoires, I, 106: «Le soir le grand duc Paul ne venait jamais chez sa mére».

[6]) *Masson*: Mémoires secrets, II, 169: «Paul se priva, une année entière, de ce plaisir (видѣть своихъ дѣтей), parce qu'il ne vouloit pas voir la comtesse Schouwalow, qui les accompagnoit dans les derniers tems». Это было, безъ сомнѣнія, въ 1793—1794 г.

[7]) «...J'avais eu l'idée que vous lui (Нелидовой) parliez de l'espionnage et des entraves qu'on me met à voir mes enfants comme d'une chose dont vous avez entendu parler, mais votre reflexion que par ainsi dire nous serons 8 mois séparés d'eux est juste et ainsi il ne faut rien dire et voir si les choses ne changent pas d'ici à l'hiver». Письмо къ Плещееву безъ даты. См. ниже, примѣч. 9-е.

[8]) «Il est vrai, mon ami, qu'on m'a chicone sur nos enfants en ville, mais il me parait que j'ai bien mieux souffrire au poupieux que de me priver du plaisir de les voir, et que même en faisant le contraire, j'agis contre mon devoir, mais malheureusement on ne s'en soucie guère et leur présence gêne et écarte naturellement la D-lle». Письмо къ Плещееву безъ даты.

знавать въ глубинѣ своей души, что главная причина всѣхъ ея несчастій коренилась въ характерѣ великаго князя, а вовсе не во вліяніи на него Нелидовой [9]). Разница въ характерѣ и нравственномъ складѣ Маріи Ѳеодоровны и ея фрейлины должна была естественно сказываться и въ совѣтахъ, которые обѣ онѣ давали великому князю по частнымъ случаямъ, но едва ли можно было винить Нелидову въ томъ, что, находясь, подобно Маріи Ѳеодоровнѣ, въ постоянной борьбѣ съ причудливомъ нравомъ Павла Петровича, она лучше, чѣмъ кого-либо умѣла править умомъ его и темпераментомъ. Какъ это ни горько было для великой княгини, но она ясно увидѣла, что только чрезъ

[9]) «Ne croyez-vous pas, mon bon ami», писала однажды великая княгиня Плещееву, «si vous direz à la N., que je vous avais dit ces jours-ci, que j'éprouvais une satisfaction que je n'aurais ressentie depuis 3 années, que je vous avais dit encore qu'elle avait fait *une scene active* et que je me plaisais à lu en marquer mon contentement par mes procédés, de la douceur, de la bonté. Je me porterai de m on coté au sien pour faire plaisir au lieu que la rudesse et la ... (слово не разобрано) me rendait pierre, mais qu'un témoignage d'affection m'electrisait. Alors, mon ami, saisissez cette occasion pour faire sentir à cette fille combien elle pourrait acquerir de merite même à mes yeux en engageant à des procedés vis-à-vis de moi et à me marquer ces égards auxquels sous tous les rapports je puis pretendre et qu'on écartera quelques procédés outrageans pour moi et en verité bien plus pour le Gr. D., comme celui de me faire appeller par les domestiques, lorsque je sors de ma chambre en ville pour voir mes enfans, où je n'avais pas meme la libérté que de sortir et si je passais une dizaine de minutes on me faisait rappeller. Que ceci scandalisait les domestiques mêmes qui étaient des gens mariés et puis en parlant hautement: et qu'il savait que pour éviter ces rapports et des scênes tout l'hiver passé je n'avais vu mes enfans que des instants; que cet ordre... diminuait le respect qu'on devoit au G. D. et lui faisait les plus grand tort et qu'ainsi sous tous les rapports elle (Нелидова) devait travailler à faire cesser cet espionnage par une defence absolue d'en faire; que je remarquerai la defence donnée, comme j'avais remarqué la defence donnée et que très certainement je dirai encore c'est une bonne œuvre de la Nel., et que ce serait un nouveau mérite qu'elle aurait à mes yeux qui m'engagerait à la reconnaissance et que de cette façon le bonheur renaitrait chez nous». Письмо безъ даты.—Само собою разумѣется что усилія Нелидовой исполнять просьбы Маріи Ѳеодоровны вызывали иногда неудовольствіе великаго князя противъ самой Нелидовой и это настроеніе его духа отражалось также и на ней. «Trouvez vous, mon ami», спрашивала Марія Ѳеодоровна Плещеева. «que la petite est sensible à mes procédés? Il m'a paru que malgré ma politesse en voiture de me méler de l'arrangement de sa maison elle a eu l'air de prendre cela très froidement; ce soir la tristesse était peinte sur sa phisiohnomie et sur celle de G. D. Je crois bien, mon ami, que nous ne partirons par dimanche. J'en suis affligée au fond [illegible] il semble qu'on a reçu quelques nouvelles désagréables»... Письмо [illegible]

посредство Нелидовой возможно направлять умъ Павла сообразно съ собственными намѣреніями, и ради этого рѣшилась примириться съ нею. Однимъ изъ первыхъ слѣдствій этого рѣшенія было снятіе запрета съ переписки Маріи Өеодоровны съ г-жею Бенкендорфъ: впрочемъ, оно послѣдовало, кажется, только послѣ того, какъ Марія Өеодоровна продала домъ въ Павловскѣ, принадлежавшій ея подругѣ, и такимъ образомъ окончательно отказалась отъ надежды видѣть ея возвращеніе [10]).

Обстоятельства, сопровождавшія, сближеніе великой княгини съ ея фрейлиной, еще болѣе скрѣпили его. Нелидова всегда тяготилась своимъ ложнымъ и труднымъ положеніемъ при маломъ дворѣ: какъ мы уже видѣли, она еще въ Іюлѣ 1792 г. напрасно хлопотала предъ императрицей о своемъ увольненіи, на которое Павелъ Петровичъ не хотѣлъ дать тогда своего согласія. Чрезъ годъ она возобновила свое ходатайство, воспользовавшись, вѣроятно, какъ поводомъ для достиженія цѣли, готовившимся бракомъ Александра Павловича́: безъ сомнѣнія, она указывала великому князю-отцу на всѣ неудобства, которыя связаны были съ ея пребываніемъ при дворѣ и которыя должны были сдѣлаться еще болѣе щекотливыми при новыхъ семейныхъ условіяхъ жизни великокняжеской фамиліи. На этотъ разъ рыцарскій цесаревичъ не могъ прямо отказать Нелидовой въ ея вполнѣ законномъ желаніи. Въ Сентябрѣ 1793 г. Нелидова уволена была отъ званія фрейлины и готовилась переѣхать въ Смольный монастырь на постоянное жительство [11]). Случилось, од-

---

[10]) «J'ai fait passer hier ma lettre à mad. de Benk. par le courier ordinaire et on ne m'a rien dit à ce sujet ce qui est bonne signe» (Письмо къ Плещееву безъ даты). Вѣроятно именно дозволеніе переписываться съ Бенкендорфъ Марія Өеодоровна называла «добрымъ дѣломъ Нелидовой». См. выше, XII главу нашего труда, 405, примѣч. 9. До этого времени Марія Өеодоровна переписывалась съ Бенкендорфъ тайнымъ образомъ, отправляя письма свои къ ней чрезъ посредство Плещеева и получая ихъ отъ нея чрезъ руки Массона, получившаго впослѣдствіи громкую извѣстность, какъ авторъ «Mémoires secrets», а тогда бывшаго адъютантомъ Салтыкова. Будучи уроженцемъ Монбельяра, Массонъ хорошо извѣстенъ былъ г-жѣ Бенкендорфъ и пользовался даже покровительствомъ матери Маріи Өеодоровны. За то дружескія отношенія Массона съ г-жею Бенкендорфъ навлекли на него гнѣвъ Павла Петровича. *Masson*: Mémoires secrets, IV. 238—204.

[11]) *Арх. кн. Воронцова*, XIII, 281. Письмо Безбородки отъ 3 Сентября 1793 г. «Oui, mon bon P.», писала по этому поводу Марія Өеодоровна, «la nouvelle que vous me mandez est la fable de Gatchina et la sera bientôt de la ville. Je n'en triomphe certainement pas, et je trouve la démarche très irregulière (?) et qui plus même je lui trouve un air louche. Je ne sçais rien encore

нако, нѣчто неожиданное: сама Марія Ѳеодоровна, столь радовавшаяся, первоначально, удаленію Нелидовой, именно въ это время вынуждена была, какъ мы уже знаемъ это [12]), обратиться къ ней съ просьбою убѣдить Павла ѣхать въ Петербургъ для присутствованія на праздникахъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе Александра Павловича; вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалось, что лица, окружавшія Павла Петровича и враждебно настроенныя противъ великой княгини, также считали присутствіе при немъ Нелидовой необходимымъ и старались поколебать принятое ею рѣшеніе [13]).

«Г-жа Нелидова», мѣсяцъ спустя писалъ Растопчинъ, «вмѣсто того, чтобы оставить дворъ, получивъ увольненіе, остается при немъ и пользуется успѣхомъ, который наноситъ ущербъ достоинству великаго князя и подвергаетъ его всеобщему осужденію. Онъ удалилъ отъ себя Нарышкина, Александра Львовича, который былъ слишкомъ довѣрчивъ и привязанъ къ великому князю. Князь Александръ Куракинъ, котораго онъ звалъ «своею душою», претерпѣлъ жестокія обиды. Бѣдная великая княгиня остается въ одиночествѣ, не находя никого, кому могла бы открыть свое горе, и не имѣя другаго утѣшенія, кромѣ добродѣтельной жизни» [14]). Слѣдствіемъ этого было то, что Нелидова могла поселиться въ Смольномъ только послѣ переѣзда великокняжеской четы въ Петербургъ 23 Ноября и то лишь послѣ упорнаго сопротивленія Павла Петровича. «Эта маленькая чародѣйка пріѣзжаетъ, однако же, во дворецъ», сообщалъ Растопчинъ, «и отшельничество ея незамѣтно» [15]). Это было вполнѣ понятно: лишь присутствіе Нелидовой сдер-

---

d'elle directement; quand une fois la nouvelle me parviendra legalement, je me flatte d'agir conformement à mon devoir et à mes principes et m'en remets avec confiance au secours de la Providence»... Письмо къ Плещееву безъ даты.

[12]) XI глава нашего труда, 399.

[13]) «Je vous confie sous le sceau du plus grand secret que la N. voulu donner une seconde lettre ces jours, mais on l'a retenu, et ce n'est pas tout: ce n'est pas celui qui y serait le plus interessé, mais d'autres»... Письмо къ Плещееву безъ даты.

[14]) *Арх. кн. Воронцова*, VIII, 80.—«Cette femme mériterait des autels: c'est la vertu même», писалъ онъ о Маріи Ѳ[illegible] 27 Іюля 1793 г. Тамъ же, XXVI, 268.

[15]) *Арх. кн. Воронцова.* [illegible] les scènes, où la fureur et la violence [illegible] de se séparer de m-lle [illegible]

живало въ равновѣсіи враждебные элементы малаго двора, не давая имъ придти въ столкновеніе; ея удаленіе доказало только ея силу и значеніе, которымъ по необходимости должны были дорожить всѣ. Послѣ этого Маріи Θеодоровнѣ пришлось принести жертву, которую она считала невозможнымъ сдѣлать ранѣе: уже чрезъ четыре мѣсяца, въ Маѣ 1794 г., Растопчинъ извѣщалъ Воронцова изъ Павловска: великій князь теперь въ гораздо лучшихъ отношеніяхъ со своею супругой, чѣмъ прежде, потому что она рѣшилась уступить г-жѣ Нелидовой и сблизиться съ нею» [16]).

Эта рѣшимость Маріи Θеодоровны объясняется неожиданнымъ прибытіемъ Нелидовой изъ Петербурга въ Павловскъ, куда она явилась въ качествѣ гостьи по желанію великаго князя, и давно ожидавшимся удаленіемъ отъ двора единственнаго друга Маріи Θеодоровны, Плещеева. Оба событія произошли весною 1794 г. и лишали великую княгиню послѣднихъ ея надеждъ и послѣдняго ея утѣшенія. Разгадку новымъ несчастіямъ Маріи Θеодоровны легко найти въ томъ же письмѣ Растопчина къ Воронцову: «великій князь, сообщалъ онъ, находится въ Павловскѣ, постоянно не въ духѣ, съ головой, наполненной призраками и окруженный людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживаетъ быть колесованнымъ безъ суда» [17]). Случилось тогда то, что въ сущности давно можно было предвидѣть: какъ ни недовольна была великая княгиня внезапнымъ и даже неприличнымъ, по ея мнѣнію, пріѣздомъ Нелидовой [18]), но въ ней она увидѣла почти единственную возможность достигнуть главной своей цѣли—«помочь великому князю вопреки ему са-

---

[16]) *Арх. кн. Воронцова*, VIII, 93.

[17]) Тамъ же, 93.

[18]) Марія Θеодоровна писала Плещееву: «...Nous voici donc ici, mon ami, que faisons-nous, c'est ce que je ne sais pas, mais ce que je sais c'est que j'ai le coeur gros de m'y voir et d'être separé de mes bons enfants. Que dites-vous, mon ami, du retour de faveur de mad? Quel usage en fera-t-elle? et comment se peut il qu'il ne regarde le Gr. D. en face aprés s'être dechainé contre lui comme il l'a fait? La D-lle est fière et au pinacle; j'admire son imprudence, car sous quel titre vient elle courir ici et quitte-elle son humble retraite? Ah, mon ami, que le monde est vilaine et quė tout qui s'y passe est affreux! Peut-être que Dieu fera un miracle pour nous et que ce voyage qui est le triomphe de la D-lle tourne contre elle. En attendant je m'arme de patience et de résignation et m'en remet à Dieu. Brûlez ce billet, j'ai brûlé le vôtre». Письмо безъ даты.

мому» [19]). Отзывъ Растопчина о людяхъ, окружавшихъ Павла, былъ вполнѣ согласенъ съ истиной, и Марія Θеодоровна убѣдилась, что какъ ни велика была власть Нелидовой надъ умомъ Павла, но на немъ начали уже сказываться вредныя вліянія и другихъ приближенныхъ къ нему лицъ, менѣе чистыхъ по своимъ побужденіямъ, чѣмъ Нелидова. Пользуясь ея именемъ, какъ средствомъ вкрасться въ довѣріе великаго князя, лица эти думали въ большинствѣ случаевъ лишь о томъ, чтобы, поддерживая семейный разладъ великокняжеской четы, укрѣпить свое личное вліяніе на Павла Петровича, потворствуя и угождая его слабостямъ. Сблизившись съ Нелидовой, Марія Θеодоровна могла обнаружить истинныя цѣли этихъ мнимыхъ ея приверженцевъ и лишить ихъ почвы для интригъ, содѣйствовавшихъ порчѣ характера великаго князя. Нравственную свою силу великая княгиня, какъ всегда, и въ этомъ случаѣ почерпала въ религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ и поэтому всякій подвигъ считала для себя возможнымъ, если только дѣло шло о ея обязанностяхъ къ любимому и несчастному мужу и къ семьѣ [20]). Удаленіе

---

[19]) «Tâchons donc d'aider au Gr. D. malgré lui», такъ выразилась однажды Марія Θеодоровна. См. XI главу нашего труда, 399.

[20]) Около этого времени Марія Θеодоровна имѣла случай подробно высказать свои мысли о святости супружескаго союза въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Плещееву въ отвѣтъ на просьбу его выразить свое мнѣніе о предположенномъ разводѣ одного изъ его родственниковъ. Указавъ на Евангеліе, какъ на единственный источникъ нравственныхъ правилъ, великая княгиня продолжала: «Cependant comme vous l'exigez, je vous marquerai quelques-unes de mes reflexions, en vous priant cependant et exigeant de vous que vous ne me nommiez jamais à votre parent et que je ne paraisse pas instruite ni de sa situation, ni de son intention. Sa situation me parait malheureuse parce qu'elle est à la vieille de lui faire une demarche, dont il se repentira eternellement, cas des ce que ses liens seront rompus, sa conscience lui reprochera le scandal qu'il vient de donner en enfreignant les preceptes divins; la vue de ses enfants lui sera à charge car il croira voir la reproche jusque dans leurs caresses, et l'idée du tout cruel qu'il leurs fait en les privant de leur mère ajoutera à sa souffrance et à ses remords. Je juge de l'âme de votre parent d'aprés ce que vous me dites et le suppose vertueux et religieux. Ajoutez à ces tourments celui de faire le malheur de sa femme. Il l'accuse de jalousie—c'est dire en deux mots: ma femme est la plus malheureuse des êtres; car nous savons que la jalousie est la passion la plus affreuse en elle-même et par les souffrances qu'elle donne à la personne assez infortunée de la ressentir, car son imagination même lui
Une personne aussi malade doit inspirer de l'interé
toujours cependant une affection outrée qui l'a
opposer de l'indulgence, de la douceur, de la

Плещеева отъ двора, весною 1792 г., совпавшее со временемъ неожиданнаго появленія Нелидовой въ роли гостьи и, вѣроятно, бывшее его послѣдствіемъ, также должно было, какъ ни странно кажется это на первый взглядъ, только укрѣпить великую княгиню въ желаніи слѣдовать принятому ею образу дѣйствій. Правда, обстоятельства, сопровождавшія изгнаніе этого стараго и вѣрнаго друга великокняжеской четы, представляются въ разсказѣ Растопчина не вполнѣ ясными. «Отъ великаго князя, сообщалъ онъ, *взяли* (on a pris) еще достойнаго и почтеннаго человѣка, но который ничего не дѣлаетъ и удаленъ по подозрѣнію въ искренней привязанности къ великой княгинѣ, г. Плещеева» [21]). На основаніи слова *взяли* можно было бы пред-

raison. Une femme raisonnable ne saurait resister à ces armes, mais sensible à l'excès la violence irriterait son mal, qu'on peut comparer à ces maladies lentes qui ne se guerissent que par le temps et par des remèdes lents au lieu qu'un remède violent la malade à l'instant. Je crois donc, que votre parent devrait par principe de religion, qui nous en donne si expressement les charités redoublés de vigilance sur lui même pour écarter autant que la raison le permet, tout sujet qui pourrait inquieter la malheureuse femme et redoubler d'attention pour elle. Un être malade inspire toujours de l'interêt, et bien plus forte raison ce sentiment doit-il exister quand nous voyons souffrir la mère de nos enfants! Mais que deviendrait cette malheureuse femme si les choses sont poussées à la rigueure; le desespior ne pourrait—il pas s'emparer de cette infortunée et alors votre parent se verrait responsable devant Dieu des excés ou sa femme pourrait se porter; et il ne faudrait qu'un instant malheureux pour qu'elle porte atteinte à ses jours; et alors le peché contre le St. Esprit le seul que le Sauveur dit ne pouvoir se pardonner aurait été commis. Ah, si votre parent a de la réligion, comme vous le dites, que cette idée le fasse trembler. Non, qu'il regette toute idée de violence, qu'il guerisse la malheureuse femme pas les soins assidus, par sa présence, par sa tendresse, qu'il se rappelle les preceptes de l'Evangile, qu'on doit supporter les faibles avec douceur et patience. *Qu'il se rappelle la promesse sacrée qu'il a fait aux pieds des autels de partager les biens et les maux avec sa femme*, qu'il se rappelle les paroles de Dieu que le mari et la femme ne sont qu'un, et comment separer ce que Dieu a uni. *Il a des tribulations à souffrir et bien qu'il en fasse le sacrifice à Dieu ce sont peut-être elles qui lui voudront le salut*, mais qu'il ne commence pas par enfreindre les commendements de Dieu; car je regarde le lien du mariage indissolable et me base sur les propres paroles de notre Sauveur. Voilà, mon ami, tout ce que je jouis vous dire à de sujet que vous avez si bien analise dans votre ecrit Dieu veuille que vos voeux et les miens s'accomplissent et que le bonheur, l'union et la paix règne de nouveau dans la famille qui vous interesse. Marie».—Письмо безъ даты, но по содержанію нѣкоторыхъ другихъ писемъ его должно отнести къ 1793 г. Кажется, едва ли можно сомнѣваться, что эти мнѣнія Маріи Θеодоровны имѣютъ и автобіографическое значеніе.

[21]) *Арх. кн. Воронц.*, VIII, 95.

положить, что виновницей изгнанія Плещеева была сама императрица, заботившаяся, будто бы, о томъ, чтобы лишить сына благоразумныхъ и преданныхъ ему совѣтниковъ. Но причина этого изгнанія, выставляемыя Растопчинымъ — преданность Плещеева Маріи Өеодоровнѣ, очевидно, не вяжется съ образомъ дѣйствій Екатерины, всегда доброжелательно относившейся къ своей невѣсткѣ и вовсе не поощрявшей крутыхъ поступковъ своего сына. И дѣйствительно, Плещеевъ вынужденъ былъ удалиться отъ малаго двора исключительно благодаря мнительности великаго князя и навѣтамъ новыхъ его любимцевъ, для которыхъ честный, неподкупный Плещеевъ казался единственнымъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ своекорыстныхъ цѣлей.

Съ 1793 г. дворъ великаго князя окончательно измѣнился въ своемъ составѣ и потерялъ свой прежній веселый, непринужденный характеръ. Павелъ Петровичъ не терпѣлъ уже противорѣчій, требовалъ безусловнаго подчиненія своей волѣ и, волнуемый политическими опасеніями, всюду искалъ проявленій свободолюбиваго, республиканскаго образа мыслей, а въ каждомъ сторонникѣ Маріи Өеодоровны готовъ былъ видѣть личнаго своего врага. Оттого старые друзья великокняжеской четы или сами уходили отъ малаго двора, или изгоняемы были изъ него иногда самымъ оскорбительнымъ для нихъ образомъ; вмѣсто нихъ появлялись неизвѣстныя дотолѣ лица, которыя, думая по большей части лишь о собственныхъ выгодахъ, предпочитали плыть по теченію, заботились только о томъ, чтобы ихъ не заподозрили въ излишнемъ сочувствіи къ опальной великой княгинѣ и недостаткѣ почтительности по отношенію къ Нелидовой, и даже прямо примыкали къ той партіи великокняжескаго двора, которая издавна, по разнымъ причинамъ, враждебно относилась ко вліятельному положенію г-жи Бенкендорфъ и съ восторгомъ привѣтствовала ея удаленіе. Партія эта смотрѣла на возвышеніе Нелидовой, какъ на признакъ проявленія самостоятельности въ характерѣ Павла Петровича и добивалась удаленія всѣхъ неизмѣнныхъ сторонниковъ Маріи Өеодоровны. Во главѣ этой Нелидовской партіи былъ первоначально Ө. Ө. Вадковскій, пользовавшійся еще т[illegible]ъ самой Маріи Өеодоровны, которая в[illegible]
жила на него щекотливую [illegible]
вича отъ послѣдствій е[illegible]

сти [22]). Но Вадковскій воспользовался своимъ вліяніемъ на Павла для того только, чтобы поддерживать Нелидову, и оттого навсегда потерялъ довѣріе великой княгини [23]). Въ одномъ духѣ съ нимъ въ разное время дѣйствовалъ подполковникъ Линденеръ, руководившій воинскими упражненіями великаго князя [24]), и докторъ Фрейгангъ, который, заботясь о физическомъ здоровьѣ Павла Петровича, простиралъ свои заботы, по разсказу Растопчина, и на нравственное его существо, одинаково отравляя то и другое [25]). Однако главнымъ значеніемъ сталъ пользоваться крещеный турокъ, еще мальчикомъ взятый въ плѣнъ при осадѣ города Кутаиса и ставшій камердинеромъ великаго князя—Иванъ Павловичъ, получившій впослѣдствіи фамилію Кутайсова [26]). Этотъ совершенно ничтожный въ ум-

[22]) См. VIII главу нашего труда, 304—306.

[23]) Именно Вадковскому Павелъ въ 1790 году, на случай своей смерти, поручилъ передать свои бумаги Екатеринѣ, въ томъ числѣ и письмо, написанное въ защиту Нелидовой. *Осмнадцатый Вѣкъ*, III, 416.—Здѣсь же напечатаны дружескія письма великаго князя къ Вадковскому за 1730—1791 гг.— Впослѣдствіи и Вадковскій подвергался временной опалѣ Павла Петровича, подобно всѣмъ прочимъ его любимцамъ. Марія Θеодоровна считала Вадковскаго самымъ опаснымъ человѣкомъ и боялась возможности прочнаго вліянія его на своего супруга.

[24]) «Подполковникъ Линденеръ, это пошлая личность, выдвинутая изъ толпы минутнымъ капризомъ великаго князя», такъ отозвался о немъ Растопчинъ. *Арх. кн. Воронцова*, VIII. 94. Линденеръ былъ Полякъ, по фамиліи Липинскій; фамилію свою онъ перевелъ на нѣмецкій ладъ въ угожденіе нѣмецкимъ вкусамъ Павла Петровича. Когда и Линденеръ, одновременно съ Вадковскимъ, возбудилъ противъ себя гнѣвъ Павла, Марія Θеодоровна писала Плещееву: «Je ne crois pas qu'il (Линденеръ) se retire, et comme il est connu, je ne le suppose pas si dangereux, et je vous jure que son séjour parmi nous me fait moins peur que celui de Wadkofski qui est moins connu de la D-lle et qui a l'âme bien noire: il a dit des infamies de la petite et est présentement à ses pieds. Il s'est permis les sorties les plus insolentes contre le Gr. D., lorsqu'il était en disgrâce et les a tenu à beaucoup de monde. Ajoutez à cela qu'il n'a pas de religion et voyez combien cet homme serait dangereux s'il se réabilitait; et je crois que la petite qui ignore les infamies qu'il a dit qu'elle y travaille. Si elle y réussit, vous verrez que cet homme nous fera de nouveau de mal». Письмо безъ даты.

[25]) *Арх. кн. Воронцова*, VIII, 93.—Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Плещееву великая княгиня такъ отозвалась о Фрейгангѣ: «Nous avons un autre mauvais sujet ici, m-r Freygans, qui est un vilain..., mais c'est l'ami de la N..., dont le pouvoir augmente encore». Фрейгангъ, какъ видно изъ другаго письма Маріи Θеодоровны къ Плещееву, питалъ ремесленную зависть къ доктору Беку, который, наоборотъ, пользовался покровительствомъ великой княгини.

[26]) *Арх. кн. Воронцова*, VIII, 94.

ственномъ и нравственномъ отношеніи человѣкъ ежедневно брилъ великаго князя, разсказывалъ ему мимоходомъ различныя новости, покорно сносилъ самыя ужасныя вспышки неудовольствія своего господина и, постоянно выражая ему свою безграничную преданность, умѣлъ заслужить особое его довѣріе. Значеніе Кутайсова было тѣмъ прочнѣе, что долгое время никому не приходило въ голову, до какой степени можетъ возрасти вліяніе на великаго князя его простого, невѣжественнаго камердинера. Правда, крутые, рѣзкіе переходы отъ ничѣмъ не вызванной благосклонности къ столь же неосновательной немилости Павелъ Петровичъ давалъ чувствовать и новымъ своимъ фаворитамъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., камергеръ Растопчинъ, искренно преданный великому князю, предпочитали до поры до времени уклоняться отъ опасныхъ знаковъ его благоволенія [27]; но къ старымъ своимъ друзьямъ онъ продолжалъ относиться крайне недовѣрчиво и изгонялъ ихъ одного за другимъ потому только, что они выказывали свою преданность его несчастной супругѣ и тѣмъ какъ бы осуждали его поведеніе. Новые фавориты Павла, кто бы они ни были, изъ чувства самосохраненія поддерживали это его настроеніе, пользуясь помощью тѣхъ добровольцевъ, которые всегда и всюду становятся на сторону сильнаго, выражая свое низкое усердіе всѣми возможными способами. Они распускали сплетни о Маріи Ѳеодоровнѣ и ея сторонникахъ, слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ и словомъ и, придавая имъ превратный смыслъ, доносили о нихъ своимъ покровителямъ. Изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву видно, что, боясь кривотолковъ, она иногда по цѣлымъ днямъ не выходила изъ своей комнаты, избѣгала всякихъ разговоровъ съ придворными и обо всемъ происходив-

[27]) *Арх. кн. Воронцова*, VIII, 104: «Connaissant mieux que personne combien son caractère est porté au changement, je ne fais pas grand fond sur ses sentiments présents, et je ferai mon possible pour ne pas être trop en avant dans son intimité. Le moyen le plus sûr, c'est de ne se mêler de rien». (Письмо Растопчина отъ 25-го Августа 1795 г.). То же мнѣніе о Павлѣ высказалъ и Массонъ. «Jamais, писалъ онъ, homme n'a montré tant de bizarreries et d'inconstance dans le choix. Il se livroit d'abord avec une confiance et une familiarité sans réserve à celui qui paraissoit entrer dans ses idées; puis, se répentant de cet abandon, il regardoit bientôt cet homme comme dangereux [illegible] créature de sa mère ou du favori, qui l'avoit flatté pour l[illegible] jours celui qui avoit été le plus près de lui, qui av[illegible] toujours celui qui avoit reçu le plus de graces, q[illegible] malheureux». *Masson*: Mémoires, I, 310.

шемъ узнавала въ это время только отъ Плещеева, сношенія съ которымъ она поддерживала посредствомъ камердинера своего Бертома [28]). Но именно эти сношенія и возбуждали неудовольствіе и любопытство Нелидовской партіи: примирительный образъ дѣйствій Плещеева, уваженіе къ нему Павла, заставляли ее видѣть въ немъ самаго опаснаго своего врага. Духъ шпіонства при великокняжескомъ дворѣ развился до такой степени, что самъ Растопчинъ, въ это время еще сочувствовавшій Маріи Θеодоровнѣ, не считалъ для себя унизительнымъ вмѣшиваться въ отношенія Маріи Θеодоровны къ ея испытанному другу [29]). Довѣріе и привязанность великой княгини къ нему еще болѣе усилились, когда одни изъ преданныхъ ей лицъ не могли или не умѣли выказать ей того участія, которое она встрѣтила со стороны Плещеева, а другіе были удалены отъ нея Павломъ Петровичемъ. Къ числу первыхъ принадлежали кн. А. Б. Куракинъ, считавшій первоначально увлеченіе великаго князя Нелидовой за мимолетную забаву скучающаго человѣка [30]), и Николаи, стоявшій въ сторонѣ отъ всѣхъ интригъ, обуревавшихъ великокняжескій дворъ, хотя, конечно, ни того, ни другаго нельзя было заподозрить въ недостаткѣ симпатій къ Маріи Θеодоровнѣ. Зато другъ Николаи, Лафермьеръ, послѣ трехлѣтнихъ страданій своихъ при видѣ разлада царственныхъ супруговъ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе великаго князя и долженъ былъ оставить дворъ, при которомъ находился около 30 лѣтъ, раздѣливъ такимъ образомъ участь Панина, Бенкендорфовъ и многихъ другихъ [31]). Нѣкоторыя же лица, на преданность

---

[28]) Бертому великая княгиня довѣряла вполнѣ... «Berthaume vous dira bien des choses», писала она однажды Плещееву, «que je ne puis pas confier au papier. Vous verrez, mon ami, que mes jours sont marqués par la peine et le chagrin; ce dernier surtout m'affaisse à un point inexprimable». Письмо безъ даты.

[29]) Марія Θеодоровна—Плещееву: «Je trouve de l'indiscretion à Rostopchine de vous avoir demandé ce que mon valet de chambre faisait chez vous». Письмо безъ даты.

[30]) Со свойственнымъ ему легкомысліемъ (ср. VII главу нашего труда) Куракинъ въ особомъ письмѣ къ Павлу даже оправдывалъ въ игривомъ тонѣ его безтактные поступки по отношенію къ Нелидовой и тѣмъ какъ бы поощрялъ къ продолженію ихъ.—*Р. Арх.*, 1873, II, 2165. Письмо Куракина Павлу Петровичу отъ 7-го Октября 1792 г.

[31]) Лафермьеръ извѣстилъ С. Р. Воронцова о своемъ увольненіи 17 Января 1793 г. Онъ удалился въ имѣніе А. Р. Воронцова, село Андреевское, Владимірской губерніи. Здѣсь жилъ онъ до самой смерти своей († 1796 г.),

которыхъ великая княгиня могла повидимому вполнѣ разсчитывать, обманули ея ожиданіе и даже передались на сторону Нелидовской партіи; въ особенности негодованіе Маріи Өеодоровны возбудила однажды своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ старая ея фрейлина, Варвара Николаевна Шацъ, урожденная Аксакова, жена побочнаго брата Маріи Өеодоровны, служившаго въ кирасирскомъ полку цесаревича: г-жа Шацъ передавала отъ Нелидовой различные слухи, ходившіе о великой княгинѣ,—и своимъ отношеніемъ къ нимъ какъ бы подтверждала ихъ справедливость. [32]) Новыя лица, имѣвшія случай

пользуясь знаками дружбы Маріи Өеодоровны, которая вела съ нимъ тайную, но постоянную переписку. «Ses bontes pour moi ne se sont point deméntіes depuis ma retraite», писалъ Лафермьеръ С. Р. Воронцову 25 Іюня 1794 г.: «et je ne m'aperçois pas dans ses lettres dont je reçois souvent (deux par sémaine) que les absents ont tort auprés d'elle, comme c'est assez l'usage des cours». *Арх. кн. Воронцова*, XXIX, 283. Тайную переписку свою съ Лафермьеромъ Марія Өеодоровна вела чрезъ А. Я. Протасова. *Арх. кн. Воронцова*, XV, 1.—Послѣ смерти Лафермьера Марія Өеодоровна такъ отзывалась о немъ Плещееву: «Vous savez, peut-être, déjà, mon bon ami la perte que nous avons fait de notre cher Lafermière. Il a terminé ses longues souffrances le 12 du mais, où exactement il s'est endormi aprés avoir excessivement souffert le 11. Je vous avoue, que quoique prêparée à cette perte, elle m'a extremement touchée. J'ai perdu un fidel et loyal ami, qui m'a tenu toujours le langage de la verité et qui m'aimait comme un père; aussi tant que je vivrai, j'aimerai et je cherirai sa méemoire». Gr. «*Замѣтку*» барона А. П. Николаи въ «Р. Арх.», 1891, кн. I.

[32]) Для характеристики положенія Маріи Өеодоровны среди вѣчно интриговавшаго двора любопытно слѣдующее письмо ея къ Плещееву о г. Шацъ: «Ne pourriez-vous pas dire à mad. Schatz que vous êtes étonné lui voir écouter de sang froid les propos ridicules que la N. tient sur mon compte et qu'elle lui adresse, tandisque le devoir reconnaissance seule l'obligerait à lui imposer silence Ensuite repasser un peu sur le propos affreux que la N. a tenue que vous et moi nous voudrions creuser une fosse à la N. pour l'y enterrer (J'avoue que c'est le seul qui a pincé mon coeur) et demander à mad. Schatz, quelles sont les marques de rongeances que j'ai donné à la N.?.. Et si c'est se venger que de lui avoir faittout le bien qu'il a dependu de moi dans cette occasion, ou encore elle m'avait manquée dans les formes. Que lui fais-je? Demander à mad. Schatz sl elle comme femme de honneur approuve la conduite que la N. tient dans ce moment, et ce que j'en dois penser, et si je ne dois pas avoir l'âme dechirée de voir tout ce qui se passe devant mes yeux et du trai de vie horrible, que je mêne perpetuellement seule dans ma chambre». Voyez venir la Schatz, ne vous avancez pas trop, mais ayez cette conversation chez elle. N'appuyez de grâce que sur le propos affreux de la N. quej'oi marqué plus haut, les autres ne valent pas la peine d'être relevé, et faites sentir à la Schatz
de penser qu'elle, à qui j'ai tenue lieu de mère agis
lui simplement ce que j'ai fait pour la N. et la

показать свою преданность Маріи Θеодоровнѣ: Данауровъ, замѣнившій Николаи въ качествѣ библіотекаря, Челищевъ и др. были слишкомъ ничтожны и по своему положенію, и по своимъ свойствамъ, чтобы помочь чѣмъ-либо великой княгинѣ [33]). Единственное лицо, которое постоянно раздѣляло тяжелое одиночество Маріи Θеодоровны и заслужило особое ея расположеніе, была ея фрейлина Наталья Θедотовна Веригина (р. 1768 г.). Велико было удовольствіе Маріи Θеодоровны, когда она узнала, что дружескія отношенія, завязавшіяся между Веригиною и Плещеевымъ (р. 1752 г.), привели ихъ къ мысли о брачномъ союзѣ: она не только дала свое согласіе, но на свой счетъ приготовила приданое для невѣсты. Называя Веригину ласкательнымъ именемъ Chabrinka (?), Марія Θеодоровна въ письмахъ своихъ къ ней примѣняла къ ея старому жениху выраженіе «mon vieux хрыщъ» (старый хрычъ), какъ называла его, вѣроятно, сама Веригина. Свадьба, однако, еще не была сыграна, когда надъ Плещеевымъ разразилась давно ожидавшаяся гроза.

На сколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ переписки Маріи Θеодоровны съ Плещеевымъ и др. документамъ, удаленіе Плещеева отъ двора послѣдовало тотчасъ послѣ того, какъ великій князь вызвалъ Нелидову изъ Петербурга въ Павловскъ. Мы уже видѣли, съ какимъ негодованіемъ отнеслась къ этому событію сама Марія Θеодоровна [34]), и нѣтъ сомнѣнія, что и Плещеевъ, вѣрный нравственнымъ своимъ правиламъ, съ своей стороны рѣшился выяснить великому князю и его черезчуръ прямолинейной фавориткѣ все неприличіе этого новаго оскорбительнаго ихъ шага по отношенію къ великой княгинѣ. На этотъ разъ увѣщанія Плещеева встрѣтили совершенно неожиданный отпоръ: Нелидовская партія не дремала, особенно

---

et demandez lui, si cela s'appele creuser une fosse. Je me fiatte du moins que Dieu me fera la grâce de n'en jamais creuser d'autre; mais je ne conçois pas comment il est possible aprés tout ce que j'ai fait qu'on puisse pousser la rage aussi loin que cette fille le fait. Que Dieu lui pardonne! Il m'a paru qu'il y a eu de la brouillerie et du raccomodement hier. Berthaume vous dira comme on m'a traité tout cela me fait saigner le coeur. Adieu, mon ami. Grâce à Dieu nous partons le 26 (?), ainsi mon mari verra l'Imp. le mardi 27. Dieu veuille que la paix se retablisse alors. An nom du Ciel brûlez mes billets; je brûle toujours moi-même les vôtres». Письмо безъ даты.

[33]) *Masson*: Mémoires secrets, I, 316. — Письма Маріи Θеодоровны къ Плещееву.

[34]) См. выше, XII главу нашего труда, 408, примѣч. 18.

въ виду обнаружившейся склонности великой княгини къ примиренію съ своей соперницей, что́ равнялось уничтоженію самаго существованія партіи. Погубить Плещеева значило, казалось, вырыть новую пропасть между Маріей Өеодоровной и ея бывшей фрейлиной, такъ какъ никто не сомнѣвался, что только одинъ Плещеевъ могъ существенно содѣйствовать ихъ примиренію благодаря нравственному своему авторитету. И вотъ распущены были чудовищные слухи, что, будто бы, Марія Өеодоровна и Плещеевъ «роютъ могилу» (creusent une fosse) Нелидовой, что Веригина по своей неопытности слѣдуетъ дурнымъ совѣтамъ своего жениха во вредъ великому князю и т. д. Эти ловко пущенные слухи упали на благодарную, уже подготовленную раздраженіемъ почву и казались на столько правдоподобными, что имъ одно время повѣрили и великій князь, и даже Нелидова. Нелидова высказала свои подозрѣнія самому Плещееву въ присутствіи г-жи Шацъ, осыпая его и Марію Өеодоровну тысячью упрековъ [35]), а великій князь лично допрашивалъ Веригину о ея отношеніяхъ къ жениху. Какъ и слѣдовало ожидать, слухи эти ничѣмъ не подтвердились, но Плещеевъ, убѣдившись въ томъ, что Павелъ Петровичъ потерялъ къ нему довѣріе и что дальнѣйшее пребываніе его при дворѣ можетъ только ухудшить положеніе великой княгини, рѣшился дать великокняжеской четѣ новое доказательство своей безкорыстной преданности ей; онъ написалъ Павлу Петровичу письмо, въ которомъ, оправдывая во всемъ свою невѣсту, давалъ обѣщаніе прекратить всякія сношенія съ нею впредь до заключенія брака, чтобы не возбуждать какихъ-либо новыхъ подозрѣній великаго князя; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявилъ свое намѣ-

[35]) Марія Өеодоровна писала по этому поводу Плещееву: «Mon bon Plecheef, toute votre conduite prouve votre attachement pour moi; il n'est donc pas étonnant pour moi que la N. ne soit envoyée de venir un honnet homme blâmer sa conduite... Voila, mon ami, toute la conséquence à tirer de ses propos d'hier; ce qui m'étonne c'est qu'elle a la hardiesse de vous les adresser et de les tenir à mad. de Schatz, à qui elle devrait supposer un sentiment de reconnaissance. Que disait cette personne pendant cette singulière conversation? La rage de la N. est à attribuer aux bruit affreux et à l'impression défavorable que fait sa conduite en ville. Du reste, mon ami, je crois très prudent de ne pas nous parler pendant quelque tems pour que cette personne ne trouve pas de pretexte à exercer sa rage. Elle peut croire à juste titre que je vous parle de mes peines. Je ne l'en blâme pas, car cela est vrai. Mais de quoi je la blâme c'est de ne pas être veritablement à mon mari et de ne pas pas lui tenir le langage de la verité. Adieu, mon ami, je crois que nous valons mieux qu'elle». Письмо безъ даты.—Ср. выше, прим. 32-е.

реніе уѣхать въ Москву или даже за границу. «Только этимъ средствомъ», заключалъ письмо свое Плещеевъ, «я перестану быть для васъ предметомъ скорби и подозрѣній. Не въ моей власти сдѣлать для васъ болѣе, и, призываю Бога въ свидѣтели, что я сдѣлаю это со всею силою и твердостію, на которыя я только способенъ, если вы мнѣ скажете, что это уменьшитъ ваши скорби» [36]).

Послѣдствіемъ этого письма былъ отъѣздъ Плещеева въ Москву, и притомъ на продолжительное время: онъ вновь появился съ прежнимъ значеніемъ при великокняжескомъ дворѣ лишь черезъ два года, а затѣмъ сыграна была и свадьба его съ Веригиной. Именно во время его отсутствія совершилось примиреніе Маріи Θеодоровны съ Нелидовой, сначала, конечно, внѣшнее, носившее характеръ «уступки» со стороны Маріи Θеодоровны, какъ справедливо выразился о немъ Растопчинъ. Отъѣздъ единственнаго честнаго и искренняго человѣка при великокняже-

---

[36]) Письмо Плещеева Павлу Петровичу (черновое) безъ даты. Приводимъ его цѣликомъ: «Ma promise m'a communiqué m. c. m. (mon cher maitre), que vous etiez mécontent de moi et que vous me soupçonniez de lui donner de mauvais conseils. Non, mon cher et r. (respectable) maître, elle n'a que faire de moi quand il s'agit de remplir ses devoirs et elle est trop pure pour concevoir la possibilité que vous puissiez lui marquer, vous, pour qui elle porte une estime sans bornes et qui ambitionne la vôtre plus que vos bienfaits. Tout ce qui elle craint c'est le tort qu'ils peuvent lui faire joint à celui que vons pourrez en recevoir vons-même. Voilà ce qu'elle m'a dit en versant un torrent de larmes. Si vous connaissiez sa belle âme et le désinterressement qui la rend si pure et estimable vous ne vous étonneriez pas des larmes que produisent vos bontés. Au nom du Ciel comprenez la et rendez lui plus de justice. Quant à moi, m. r. et c. m. (mon respectable et cher maître), si vous me soupçonnez de quelque malveillance dont j'abhore l'idée, je veux vous offrir tout ce que je puis. Je veux vous promettre à la face de Dieu, tout penible que cela me sera de cesser toute communication avec ma bonne et chere promise jusqu'au moment que Dieu m'unisse avec elle. Vous serez par là convaincu qu'elle n'agit point par mon influence ni par aucun autre que celle de son propre coeur et de delicatesse qui lui est innée. Assurez-vous, m. d. et r. m. (mon digne et respectable maître), menagez la seulement et vous aurez en elle une personne qui en connaissant votre sensibilité et vos vertus, vous sera toute acquise, qui vous cherira et vous honorera toute sa vie. Plein de ces sentiments pour vous je chercherai de les fortifier en elle tant que nous existerons sur cette terre. Voulez-vous que je m'absente, m. c. m. ? Je le ferai. J'irai à Moscou ou dans les pays etrangers pour autemt qu'il vous plaira, pourvû que vous en receviez du soulagement et qui je cesse d'être pour vous un objet de douleur et de soupçon. Il n'est pas dans ma puissance de faire davantage pour vous, et je le ferai (je prends Dieu à temoin) avec toute la force et la fermeté dont je suis capable, si vous me dites que cela diminuera vos peines»

скомъ дворѣ [37]) совершилъ то, чего ранѣе не могъ онъ достигнуть личнымъ своимъ вліяніемъ; притомъ, цѣною этого примиренія Марія Ѳеодоровна достигла ближайшей своей цѣли—счастія своей любимой фрейлины и возвращенія невинно оклеветаннаго человѣка, столь преданнаго ей и ея мужу.

Новый порядокъ жизнь внесъ нѣкоторое успокоеніе въ жизни великокняжеской четы, котораго не замѣчалось съ Іюля 1792 г. Нелидова продолжала пріѣзжать въ Павловскъ и Гатчину изъ Петербурга, но теперь уже Марія Ѳеодоровна встрѣчала ее не только какъ свою гостью, но и какъ свою союзницу: такъ называемая «Нелидовская партія», потерявъ фиктивнаго своего главу, уже не могла дѣйствовать открыто и общими силами: каждый долженъ былъ уже разсчитывать на собственныя силы и самъ считаться съ послѣдствіями причудливаго нрава великаго князя.

Уже одно это обстоятельство заставляло Марію Ѳеодоровну дорожить установившимися отношеніями къ «маленькой». Въ концѣ 1794 г. великая княгиня такъ объясняла свои чувства по этому поводу: «Должно быть, я очень дурно выразилась въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ вамъ, дорогой и достойный другъ мой, если вы можете думать, что я сожалѣла объ образѣ дѣйствій, котораго я держусь въ своихъ отношеніяхъ къ Нелидовой. Нѣтъ, это невѣрно, потому мое поведеніе съ ней основано и на сознаніи своихъ обязанностей, и на требованіяхъ совѣсти, и на Евангельскомъ ученіи. Но, я вамъ признаюсь, другъ мой, я думаю, что мой образъ дѣйствій по отношенію къ маленькой сдѣлаетъ ее надменной (l'enorgueillera) и еще болѣе заставитъ ее играть роль первенствующей дамы (la grande dame). Но пусть будетъ, что угодно Богу, я не измѣню своего поведенія. Что же касается до моихъ отношеній къ нашему дорогому великому князю, то они опредѣляются моею къ нему привязанностію, такъ что въ сущности, я думаю, они не будутъ мнѣ поставлены въ заслугу предъ Богомъ, такъ какъ они не стоятъ мнѣ усилій. Впрочемъ, другъ мой, ваши размышленія до того

[37]) Такъ отозвалась однажды сама Марія Ѳеодоровна въ письмѣ къ Плещееву: «Je vous vois partir avec le plus grand regret, mon ami. Nous serons privé de la seule âme vraiment hônnete qui nous restait».—22 Апрѣля 1796 г. Протасовъ писалъ Воронцову: «M. Plestcheyeff a été presenté hier (къ большому двору) comme promis de m-lle Веригин[illegible] ...on-seigneur et madame la Grande-Duchesse. [illegible]
en général ils sont le mieux traités e[illegible]
admis dans les cabinet de Leur Altess[illegible]

сходятся съ моими, что, читая ихъ, я думала, что вы читали въ моемъ сердцѣ. Къ несчастію, они совсѣмъ неутѣшительны; но мы должны попробовать извлечь наилучшіе плоды изъ нашего положенія» [38]).

Плоды эти недолго заставили себя ждать. Важно было уже одно то, что Марія Ѳеодоровна могла воспользоваться безъ особыхъ затрудненій своимъ естественнымъ правомъ заботиться о личной жизни и дѣлахъ Павла Петровича. Правда, характеръ его представлялъ для этого почти неодолимыя затрудненія, но тамъ, гдѣ вліяніе Маріи Ѳеодоровны оказывалось безсильнымъ, къ ней на помощь спѣшила Нелидова, и обѣ женщины соединенными усиліями часто успѣвали предохранять Павла Петровича отъ ошибокъ, въ которыя впадалъ онъ благодаря своему болѣзненному темпераменту и мелочнымъ воззрѣніямъ. Въ особенности проявлялись эти недостатки великаго князя въ единственномъ любимомъ имъ занятіи—военныхъ упражненіяхъ. Его маленькая армія постепенно возрастала, и обученіе ея Прусскому уставу, казалось, достигло послѣдней степени совершенства, въ особенности при такихъ экзерцицмейстерахъ, какими были Линдеперъ и Аракчеевъ, поступившій на службу къ цесаревичу въ 1792 г. Тяжесть Гатчинской военной службы была всѣмъ извѣстна; но всѣмъ извѣстно было также, что Павелъ Петровичъ зорко слѣдилъ за нуждами своихъ Гатчинцевъ, умѣлъ отличать и награждать достойныхъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе и возрастъ. Зато легко было и подвергнуться гнѣву великаго князя иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ. «Великій князь», писалъ Ростопчинъ въ Маѣ 1794 г., «вездѣ видитъ отпрыски революціи. Онъ всюду находитъ якобинцевъ, и надняхъ четыре офицера были арестованы за то, что косы ихъ оказались слишкомъ коротки — вѣрный признакъ революціоннаго духа» [39]). Такая мелочность проявлялась у Павла Петровича и въ другихъ случаяхъ, и, что было всего хуже, дѣйствуя часто необдуманно, подъ вліяніемъ запальчивости и упорства, онъ иногда наказывалъ или несоразмѣрно проступкамъ, или за чужія вины [40]). Были даже случаи массоваго и притомъ строгаго

[38]) Письмо безъ даты, но въ немъ упоминается о Польскихъ дѣлахъ 1794 г.

[39]) *Арх. кн. Воронц.*, VIII, 93.

[40]) Много случаевъ подобнаго рода собрано у *Masson*: Mémoires secrets, I, 317—324, *Кобеко*, 437.

взысканія; такъ, однажды, еще до примиренія Маріи Өеодоровны съ Нелидовою, 35 матросовъ изъ морскаго баталіона, имѣвшихъ семейства и жившихъ въ Павловскѣ, присуждены были къ отдачѣ во флотъ за какую-то ничтожную провинность. Марія Өеодоровна, узнавъ объ этомъ, писала Плещееву: «Это—правда, другъ мой, что я сама удивляюсь тому, что имѣю иногда нѣсколько веселыхъ минутъ. Отъ чистаго сердца благодарю за это Господа, но, говоря по правдѣ, я не совсѣмъ искренна, потому что эти несчастные матросы, которые разсчитывали жить въ деревнѣ спокойно и счастливо и которые доставляли пропитаніе своимъ женамъ и дѣтямъ, а въ настоящее время, вопреки справедливости, отосланы во флотъ,—не выходятъ у меня изъ головы: что станется съ ихъ женами и дѣтьми? Я желала бы, другъ мой, чтобы вы сдѣлали самыя настоятельныя представленія съ цѣлію помѣшать этой несправедливости, и въ этомъ случаѣ, чтобы оградить великаго князя отъ нареканій, я думаю даже, что Богъ и честь дозволятъ даже прибѣгнуть къ вліянію маленькой, если она можетъ воспрепятствовать этому дѣйствію, которое произведетъ самое дурное впечатлѣніе для моего мужа. Вы увидите, другъ мой, что эти батальоны доставятъ самому великому князю много огорченій и непріятностей, и подумайте о томъ, что императрица, раздраженная этимъ послѣднимъ поступкомъ (онъ, дѣйствительно, вполнѣ носитъ характеръ плохой шутки: какъ отсылать отъ себя 35 человѣкъ и притомъ еще матросовъ, и въ то же время просить себѣ 1.500 солдатъ!), отниметъ ихъ у него совершенно, и что будетъ тогда съ нами отъ дурнаго настроенія духа, которое на насъ обрушится?..» [41]) Теперь Марія Өеодоровна могла уже личнымъ вліяніемъ обуздывать порывы раздражительности своего супруга, хотя, разумѣется, бывали случаи, когда даже власть Нелидовой надъ умомъ и темпераментомъ Павла Петровича, къ горю Маріи Өеодоровны, оказывалась недостаточной [42]). Чтобы имѣть возможность лично и своевременно предупреждать необдуманные поступки великаго князя, Марія Өеодоровна почти всегда при-

[41]) Письмо безъ даты.

[42]) Марія Өеодоровна—Плещееву: «Ne voulant pas envoyer cher votre petite, je vous prie me dire par un mot ce [illegible] rd'hui. Je suis qu'il y a de nouveau, mais j'ignore e [illegible] savoir que ce soir. Au nom de Dieu souten [illegible] lle et la verité triomphera».—Письмо [illegible] щеева написано: «1795—concern [illegible]

сутствовала на воинскихъ его упражненіяхъ, которыя начинались въ лѣтнее время очень рано, при восходѣ солнца [43]), и совершались во всякую погоду. Съ маневровъ, тянувшихся иногда цѣлые дни, великая княгиня не разъ возвращалась усталая, измокшая, иззябшая, но довольная тѣмъ, что могла хотя отчасти смягчить гнѣвъ Павла Петровича на кого-либо изъ провинившихся [44]). Угождая вкусамъ своего супруга, Марія Ѳеодоровна, казалось, забыла любовь свою къ природѣ и тихой мирной жизни на ея лонѣ. Даже Павловскъ, любимое ея созданіе, потерялъ отчасти свою прежнюю, идиллическую простоту и весною и лѣтомъ, во время пребыванія въ немъ великокняжескаго двора, принималъ видъ военнаго лагеря. Его окружали цѣпью военныхъ карауловъ, которые опрашивали всѣхъ ѣдущихъ и проходящихъ: куда они направляются, откуда и съ какою цѣлью. Каждый вечеръ обходили всѣ дома, чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли тамъ иностранцевъ. Арестовывали всякаго, кто имѣлъ круглую шляпу (признакъ революціоннаго духа) или шелъ съ собакой (цесаревичъ принималъ въ то время мѣры противъ бѣшеныхъ собакъ). Павелъ Петровичъ съ высоты башни у дворца самъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ своихъ приказаній и, замѣчая какую либо неисправность на караулахъ или малѣйшее отступленіе отъ правилъ военнаго устава, иногда отправлялся лично наказывать виновныхъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Павловскъ, привлекавшій прежде въ лѣтнее время красотою своего мѣстоположенія и деревенской простотой жизни, сдѣлался теперь пустыннымъ. Многіе нарочно объѣзжали Павловскъ, дѣлая нѣсколько лишнихъ верстъ, чтобъ только избѣжать установленныхъ въ немъ формальностей и миновать встрѣчи съ мнительнымъ и суровымъ цесаревичемъ. Но объѣзды эти только еще болѣе возбуждали его подозрительность, и онъ, наконецъ, приказалъ своимъ разъѣздамъ задерживать и подвергать допросу всѣхъ, кто только обнаруживалъ намѣреніе уклониться отъ прямой дороги въ Павловскъ [45]). Какъ ни тяжелы были такіе порядки

[43]) Марія Ѳеодоровна Плещееву: «Je vous avertis que mon mari se lève a 3³/₄ et que l'exercice commencera aprés les 4 heures: c'est parfaitement bien fait pour éviter la chaleur». Безъ даты.

[44]) *Masson*: Mémoires secrets, I, 226, 328. Массонъ замѣчаетъ при этомъ, что Марію Ѳеодоровну въ этихъ случаяхъ часто сопровождала и Нелидова.

[45]) Тамъ же, 319—320.—Въ Маѣ 1795 г. директору Павловска Роткирху цесаревичъ приказалъ доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ въ Павловское. *Павловскъ*, 81.

для жителей Павловска, но они могли считать себя счастливыми въ сравненіи съ жителями Гатчины, гдѣ было введено постоянное военное управленіе.

На живомъ примѣрѣ братьевъ своихъ: Фридриха и Людвига Марія Θеодоровна видѣла весь вредъ исключительнаго занятія мелочами военной службы подъ одностороннимъ вліяніемъ постояннаго обращенія съ солдатами. Поэтому она пробовала смягчать грубыя привычки цесаревича, развитыя въ немъ условіями военной жизни, стараясь пробудить въ немъ умственныя и эстетическія потребности, еще такъ сравнительно недавно проявлявшіяся въ нравственной личности Павля Петровича. Но этой своей цѣли великая княгиня могла достигнуть лишь отчасти. Литературныя чтенія и бесѣды, спектакли, игры, въ которыхъ остроуміе смѣшивалось съ веселостію (les jeux d'esprit)— всѣ эти тихія развлеченія прежнихъ счастливыхъ лѣтъ семейной жизни великокняжеской четы, съ измѣненіемъ характера цесаревича и его обстановки, потеряли для него навсегда свое значеніе: все было искусственно, мертво и блѣдно. Стараясь вызвать улыбку на уста своего сумрачнаго, суроваго супруга, великая княгиня, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывала смертельную тоску изъ боязни, что онъ останется недоволенъ предложеннымъ ему развлеченіемъ; въ то же время лица, допущенныя въ домашній кружокъ малаго двора, въ минуты самой искренней веселости, не могли забыть того, что они находятся въ присутствіи властелина, гнѣвъ котораго можно возбудить каждымъ не вполнѣ обдуманнымъ словомъ или движеніемъ. Для спектаклей, сообразно вкусу Павла Петровича, выбирались преимущественно небольшія оперетки; напротивъ того, живыя картины вовсе исключались. Ближайшими помощниками Маріи Θеодоровны въ устройствѣ семейныхъ праздниковъ для Павла Петровича были камергеръ А. А. Нарышкинъ и кн. Н. Б. Юсуповъ. Съ цѣлію повеселить Павла Петровича, она, какъ и прежде, входила во всѣ самыя мелочныя подробности приготовлявшихся спектаклей [46]). Иногда съ ними связаны были насущные, практическіе интересы великокняжеской четы. «Я очень признательна вамъ, мой добрый и достойный Плещеевъ», писала однажды Маві [illegible] вна, «за ваши старанія помочь мнѣ развесел[illegible] каго князя, который далекъ отъ [illegible]

[46]) *О родѣ кн. Юсуповыхъ*, 2[illegible]

что заставило меня пустить въ ходъ всѣ эти дурачества (toutes ces folies) съ цѣлію развлечь его немного. Но, признаюсь вамъ, я лишь съ ужасомъ переѣду въ городъ: ожиданіе страданій всегда гнетущимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка, а въ моемъ положеніи страданія эти неизбѣжны» [47]).

Неизбѣжны они были потому, что отношенія цесаревича къ императрицѣ по-прежнему были холодны и принужденны. Мало того, успокоенный хотя отчасти въ своей недовѣрительности о политическихъ планахъ своей супруги, Павелъ Петровичъ именно въ 1794 г. получилъ ясное и неопровержимое доказательство намѣренія Екатерины лишить его права престолонаслѣдія въ пользу старшаго его сына, котораго Павелъ самъ отталкивалъ отъ себя своею холодностію. Дурныя отношенія Павла къ сыновьямъ, разумѣется, благопріятствовали плану императрицы, но усилія Маріи Ѳеодоровны смягчить своего супруга, быть можетъ, остались бы безуспѣшны, если бы ей нежданно не явился на помощь человѣкъ, котораго Павелъ не хотѣлъ видѣть цѣлыхъ три года и имени котораго онъ не могъ произнести иначе, какъ съ бранью: это былъ любимый наставникъ Александра Павловича, Лагарпъ. Отказавшись содѣйствовать Екатеринѣ въ ея намѣреніи, Лагарпъ, наоборотъ, не щадилъ ничего, чтобы поселить добрыя отношенія между великимъ княземъ и его сыновьями. «Онъ, разсказываетъ Лагарпъ, словно умышленно отталкивалъ ихъ своими грубыми выходками, дѣти жаловались мнѣ на отца, и мнѣ стоило большаго труда истолковывать его поведеніе съ выгодной стороны и сохранить въ нихъ сыновнюю привязанность. Не смотря на приписываемый мнѣ карбонаризмъ, я былъ до глубины души возмущенъ предстоящею насильственною мѣрою и ломалъ себѣ голову, какимъ бы образомъ предостеречь Павла, постоянно окруженнаго шпіонами и злонамѣренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія. Много затрудненій надо было преодолѣть, чтобы добиться свиданія съ Павломъ, который былъ сильно вооруженъ противъ меня, около трехъ лѣтъ не говорилъ со мною ни слова и даже отворачивался отъ меня при встрѣчѣ. Наконецъ мнѣ удалось достичь желаемаго. Не открывая великому князю своихъ предположеній, я успѣлъ убѣдить его въ необходимости измѣнить обращеніе съ дѣтьми. Я разсѣялъ сомнѣнія, которыя поселили

[47]) Письмо безъ даты.

въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей и торжественно заклиналъ его имѣть къ нимъ полное довѣріе, сдѣлаться ихъ другомъ и всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не чрезъ третье лицо и т. д. Павелъ понялъ меня и съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать» [48]). За это свое вмѣшательство честный и прямодушный Лагарпъ былъ строго наказанъ императрицей: его удалили изъ Россіи; но голосъ этого республиканца, не желавшаго стать интриганомъ даже для торжества своихъ идей, проникъ въ сердце рыцарскаго Павла Петровича и, къ радости Маріи Ѳеодоровны, существенно облегчилъ ей дѣло сближенія между отцомъ и сыновьями.

Марія Ѳеодоровна могла радоваться этому вдвойнѣ: отчужденные отъ родителей, сыновья ея попали въ кругъ дурныхъ людей и, выйдя изъ-подъ опеки Лагарпа, получили дурное направленіе. Особенно разительна была перемѣна въ Александрѣ Павловичѣ. Послѣ ранняго своего брака онъ, на 17-мъ году своего возраста, не только прекратилъ свои учебныя занятія, но, подпавъ вліянію гофмейстерины своей жены, гр. Шуваловой, «упражнялся, по словамъ своего воспитателя Протасова, съ ружьемъ и въ прочихъ мелочахъ, разными шутками съ парикмахеромъ и прочими комнатными, не свойственными никакъ съ даннымъ ему воспитаніемъ, чего Протасовъ не въ силахъ былъ прекратить, тѣмъ паче, что братъ меньшій давалъ ему къ тому способъ» [49]). Въ началѣ 1794 г. Александръ Павловичъ два мѣсяца употребилъ на сооруженіе дѣтскаго театрика и въ Мартѣ показывалъ представленіе, кук-

[48]) *Сухомлиновъ*: Изслѣдованія и проч., II, 97.—«Получивъ дозволеніе явиться къ великому князю, жившему тогда въ Гатчинѣ, Лагарпъ отправился въ ту же ночь въ Гатчину и рано утромъ былъ уже въ дворцовой пріемной. Великому князю чрезвычайно понравилась эта быстрота: онъ принялъ Лагарпа весьма привѣтливо, пригласилъ его на балъ, а Марія Ѳеодоровна изъявила желаніе съ нимъ танцовать и тѣмъ поставила его въ неловкое положеніе, потому что съ нимъ не было перчатокъ. Великій князь вывелъ его изъ затрудненія, предложивъ ему свои. Лагарпъ хранилъ ихъ до своей смерти, какъ воспоминаніе о памятномъ для него днѣ, въ который словно переродился его давній недоброжелатель. Императоръ Павелъ, незадолго до своей кончины, говорилъ сыну своему Александру Павловичу, что онъ не можетъ безъ умиленія вспомнит[illegible]ніи своемъ съ Лагарпомъ». Тамъ же, 98—99.

[49]) *Записки А.* [illegible] 1880, VIII.—*Кобеко*, 397—398.

лами и машинками, балета «Дидона» въ присутствіи брата, великой княгини Елисаветы Алексѣевны, Протасова и граф. Шуваловой. Въ довершеніе всего Шувалова старалась развратить молодыхъ супруговъ, увѣряла ихъ, что нѣтъ ничего вѣчнаго и что самая любовь не можетъ быть навсегда [50]). Елисавета Алексѣевна по развитію и характеру своему стояла въ то время выше своего мальчика-супруга и, разумѣется, не могла быть довольна, что Александръ Павловичъ, увлекаясь шалостями, оставлялъ ее одну [51]). Между тѣмъ, Шувалова преслѣдовала свои цѣли: всемогущій фаворитъ Зубовъ влюбился въ молодую великую княгиню и сдѣлалъ Шувалову своей пособницей. Презрѣніе Елисаветы Алексѣевны положило конецъ этой интригѣ [52]). Съ своей стороны и Александръ Павловичъ сдѣлался податливѣе на внушенія Протасова, сдѣлался серьезнѣе по отношенію къ своимъ учебнымъ занятіямъ и охотно оставлялъ большой дворъ съ его развлеченіями, чтобы, по зову отца и матери, проводить время въ ихъ обществѣ въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Вмѣсто одного раза въ недѣлю, какъ это бывало въ предыдущіе годы, Александръ ѣздилъ туда лѣтомъ 1795 и 1796 г. вмѣстѣ съ братомъ чуть не каждый день [53]) и здѣсь, предавшись изученію военнаго дѣла, подъ руководствомъ отца, усвоилъ себѣ на всю жизнь его страсть къ мелочамъ военной службы, парадамъ и церемоніямъ [54]). Это окончательно примирило отца съ сыномъ и, считая Протасова главнымъ виновникомъ перемѣны въ поведеніи Александра Павловича, великокняжеская чета, при отъѣздѣ Протасова въ Москву, простилась съ нимъ весьма милостиво, благодаря его за то, что «онъ возвратилъ имъ сына» [55]). Сама Екатерина невольно способствовала этому сближенію отца съ сыномъ, не давая ему никакой пищи для дѣятельности. Екатерина готовила своего старшаго внука къ престолу и, между тѣмъ, не только не призывала его къ участію въ дѣлахъ правленія государствомъ, но даже не знакомила съ Россіей и

---

[50]) Тамъ же.

[51]) Тамъ же. *Арх. кн. Воронцова*, 119.

[52]) Письмо Растопчина къ С. Р. Воронцову. *Арх. кн. Воронцова*, VIII, 119, 125.

[53]) *Сборникъ*, V, 21, 26.

[54]) *Czartoryski:* Mémoires, I., 107.—Самъ Александръ какъ бы не сознавалъ этой своей склонности. Письмо къ Лагарпу. *Сборникъ*, V, 23—24.—Ср. XI главу нашего труда.

[55]) *Арх. кн. Воронцова*, XV, 90—91.

ея нуждами. Однажды императрица задумала было отправить Александра Павловича вмѣстѣ съ знаменитымъ впослѣдствіи Кутузовымъ для осмотра Финляндскихъ крѣпостей, но самъ молодой великій князь отнесся совершенно равнодушно къ этому порученію, и мысль о его поѣздкѣ была оставлена [56]). При дворѣ Екатерины Александръ Павловичъ являлся только на пріемахъ, вечерахъ и эрмитажныхъ собраніяхъ. Быть можетъ, старѣющая императрица считала пока неудобнымъ давать внуку права, въ которыхъ всегда отказывала своему сыну и законному наслѣднику, и отлагала политическое воспитаніе Александра до того времени, когда, за лишеніемъ Павла Петровича права престолонаслѣдія, Александръ явится ея естественнымъ и законнымъ помощникомъ въ дѣлѣ управленія государствомъ.

Какъ бы то ни было, вынужденная бездѣятельность молодого великаго князя имѣла для него и Россіи самыя прискорбныя послѣдствія. Усвоивъ себѣ отъ отца страсть къ мелочамъ военной службы, Александръ въ это же время вступилъ въ тѣсныя дружескія отношенія съ молодымъ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, который, въ Апрѣлѣ 1795 года, явился вмѣстѣ съ братомъ своимъ ко двору Екатерины, чтобы, по желанію своихъ родителей, склонить ее къ возвращенію конфискованныхъ у фамиліи Чарторыжскихъ помѣстій. Воспитанникъ Лагарпа съ увлеченіемъ развивалъ предъ вкрадчивымъ Полякомъ свои мечтательныя идеи о свободѣ и равенствѣ и вмѣстѣ съ нимъ скорбѣлъ объ участи Польши въ то именно время, когда его державная бабушка заботилась о возвращеніи Россіи исконныхъ Русскихъ областей, находившихся подъ Польскимъ владычествомъ [57]). По свидѣтельству самого Чарторыжскаго, ничто не

---

[56]) *Czartoryski*: Mémoires, I, 108.

[57]) Тамъ же. 96. — Сама Марія Ѳеодоровна смотрѣла на событія въ Польшѣ исключительно съ нравственной точки зрѣнія, забывая о національно-историческихъ задачахъ Россіи, а въ варшавской рѣзнѣ видѣла отголосокъ французскаго террора. «J'espère», писала она Бенкендерфу 12 Іюля 1794 г., «que vous aurez bien marché de ces vilains Polonais qui tâchent d'imiter les horreurs français: ils pendent au lieu que ceux-là guillotinent».—Выражая ту же мысль и въ письмахъ къ Плещееву она писала ему однажды: «Toutes ces dernières nouvelles sur la Polo[illegible] me vous, mon ami, quelle soit la suite de notre crin[illegible] s menera, je suis inquiette par notre bon [illegible] sera des plus emparassantes. Les t[illegible] nous

мѣшало его дружескимъ отношеніямъ къ Александру. Императрица не знала о содержаніи его бесѣдъ съ ея внукомъ и показывала видъ равнодушія, а Марія Ѳеодоровна даже ласкала Чарторыжскихъ, на сестрѣ которыхъ, Маріаннѣ, женатъ былъ братъ ея Людвигъ. Еще въ 1792 г. Маріанна оставила мужа, не имѣя силъ выносить его грубое обхожденіе, и Марія Ѳеодоровна надѣялась посредствомъ ея братьевъ побудить ее вновь сойтись съ мужемъ [58]).

Сближаясь съ родителями и съ Чарторыжскимъ, Александръ Павловичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдалялся отъ бабушки, которая по-прежнему боготворила его. Сыновнее чувство заговорило въ немъ, и, не одобряя холодныхъ отношеній Екатерины къ родителямъ, онъ всегда съ ужасомъ отвергалъ мысль о своемъ вступленіи на престолъ въ ущербъ правамъ отца [59]); онъ даже не считалъ себя способнымъ къ управленію такимъ государствомъ, какъ Россія, и, подъ вліяніемъ идиллически-сентиментальныхъ воззрѣній, воспринятыхъ имъ въ отроческіе свои годы, выражалъ даже желаніе провести жизнь гдѣ-нибудь въ тихомъ уголку Швейцаріи или Германіи, на лонѣ природы, въ скромной семейной обстановкѣ [60]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, любимый внукъ Екатерины рѣшительно осуждалъ ея образъ жизни, ея внутреннюю и внѣшнюю политику [61]). Само собою разумѣется, что, привыкнувъ издавна скрывать свои мысли и чувства, Александръ Павловичъ внѣшнимъ своимъ поведеніемъ не подавалъ Екатеринѣ повода догадываться о его неблагопріятномъ для нея настроеніи; но, тѣмъ не менѣе, она съ неудовольствіемъ смотрѣла на частыя поѣздки молодыхъ великихъ князей въ Павловскъ и Гатчину и, наоборотъ, радовалась, когда великокняжеская чета,

---

predit, et j'avoue que je crois que nous approchons des derniers tems. Dieu veuille que nous y soyons bien preparés... On dit aussi que la tête de Nicolas et de Valerien Soubof a été mis à prix en Pologne. Pensez à moi que le Roi de Pologne sera victime de cette revolution et qu'il perira d'une manière violente: le sang de toutes ces innocents victimes, qui ont péri à Varsovie, crie vengeance et qu'il doit être affreux d'en devoir rendre compte à l' Etre Suprême. Письмо безъ даты.

[58]) Тамъ же, 101, 70.

[59]) *Mémoires de la comtesse Edling*, 33—35.—*Czartoryski*, I, 111.

[60]) Письмо Александра къ Лагарпу 1796 года. *Сборникъ* V, 23—24.— Письмо его же къ Кочубею отъ 10 Мая 1796 г. *Корфъ:* Восшествіе на престолъ императора Николая I. Спб., 1857, 3—7.

[61]) *Czartoryski*, 96, III.—*Корфъ*, 3—6.—*Edling*, 35.

уѣзжая въ лѣтнія свои резиденціи, оставляла ее одну въ молодомъ обществѣ ея внуковъ и внучекъ [62]). Но и въ этомъ случаѣ проглядывало иногда раздраженіе Екатерины противъ великокняжеской четы: пользуясь страстью Константина Павловича къ буффонству, она заставляла его копировать отца къ смѣху однихъ присутствующихъ и затаенному негодованію другихъ [63]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, она сообщала Гримму въ веселомъ тонѣ о другихъ грубыхъ, даже непристойныхъ выходкахъ Константина, направленныхъ уже противъ самой Маріи Ѳеодоровны [64]). Разумѣется, такимъ отношеніемъ къ недостаткамъ молодого и безъ того распущеннаго великаго князя императрица не только не исправляла его, а напротивъ, поощряла къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ въ томъ же родѣ. Между тѣмъ, даже Александръ Павловичъ, любившій брата и цѣнившій его знаніе военной службы, съ горечью отзывался о дурныхъ свойствахъ его характера и крайней невоздержности въ поведеніи. Самъ Константинъ, придя въ возрастъ, обвинялъ въ недостаткахъ своего воспитанія не родителей, а Екатерину [65]). Къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ для выполненія своего плана относительно престолонаслѣдія Екатерина, при всемъ своемъ раздраженіи, не приступала однако, считая почву еще недостаточно подготовленной. Прежде всего важно было для этой цѣли добиться согласія Александра Павловича, и, очевидно, императрица выжидала для объясненія съ нимъ благопріятнаго времени.

Немилость Екатерины къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ была для нихъ тѣмъ чувствительнѣе, что ихъ финансовыя дѣла находились въ это время въ крайнемъ разстройствѣ [66]), а Екатерина на просьбы ихъ о помощи отвѣчала обыкновенно

---

[62]) *Czartoryski*, 109.—Екатерина Гримму 6 Апрѣля 1795 г.: «Die schwere Bagage (великокняжеская чета) ist nach Gatschina seit drey Tage abgegangen. Basta. Wenn die Katze nicht zu Hause ist, so tanzen die Mäuse über die Tische und sind glücklich und vergnügt». *Сборникъ*, XXIII, 622.

[63]) *Арх. кн. Воронцова*, VIII, 106.

[64]) *Сборникъ*, XXIII, 678—679: «Const, dit de sa vie il n'a vu ventre pareil et qu'il y a là place pour, quatre personnes cela est si plaisant que je vous le rends comme je l'ai reçu aujourd'hui». Это было писано незадолго до рожденія Николая Павловича, 15 Іюня 1796 г.

[65]) *Сборникъ*, V, 23. Письмо Алекса

[66]) *Архивъ Павловскаго дворца*

Литтѣ, относящемся, вѣроятно

нѣтъ), Николаи выражалъ ж

500.000 рублей для великаго ..

отказомъ; она находила, что цесаревичъ и его супруга могли бы обходиться безъ долговъ, если бы не позволяли себя обкрадывать [67]). Это замѣчаніе императрицы не было отчасти лишено основанія, такъ какъ именно въ 1795 г. обнаружена была крупная растрата въ 300 тысячъ рублей, сдѣланная управлявшимъ Гатчиною барономъ Борхомъ; но, разумѣется, оно нисколько не улучшало печальнаго положенія великокняжеской казны, такъ что Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна вынуждены были постоянно дѣлать займы у частныхъ лицъ [68]), и каждый экстренный расходъ ставилъ ихъ въ весьма затруднительное положеніе [69]).

Недостатокъ денежныхъ средствъ былъ бы для Маріи Θеодоровны еще тяжелѣе, если бы германская семья ея продолжала нуждаться въ ея финансовой поддержкѣ. Большимъ утѣшеніемъ для великой княгини служило то, что отецъ ея, принцъ Фридрихъ-Евгеній, послѣ смерти брата своего Людвига, замѣнилъ его въ 1795 г. въ качествѣ владѣтельнаго герцога Виртембергскаго. Судьба,

[67]) *Р. Стар.*, 1874, I, 54.

[68]) *Кобеко*, 378—379. Марія Θеодоровна нерѣдко обращалась за ссудой и къ Плещееву.—«Mon bon et digne P.», писала она ему однажды, «on a toujours recours à ses amis dans le besoin; j'ai donc recours à vous pours vous demander si vous ne pourriez trouver à m'emprunter cinq ou 6 mille rbls et cela pour trois années de tems en payant toujours les interêts d'avance. Ma bourse est à fin, et avant que de partir pour Gatchina on me tourmente comme une malheureuse. Si même je recois les 6000 rbls dans trois differents termes à la distance toujours d'un mois je serai contente. Soyez heureux et discret negociateur, mon ami, vous m'obligerez veritablement, car je suis très embarassée»... «Rendez-moi le service, mon ami, de me prêter mille rbls que je vous rendrai dans la première huitaine de may: je suis court d'argent et on m'en demande de tous cotés» и т. д. Замѣчательно, что, дѣлая подобные займы, Марія Θеодоровна нисколько не ослабляла своей благотворительной дѣятельности. «Je vous remercie, mon bon P.», писала она ему послѣ одного изъ подобныхъ займовъ, «avec le même sentiment qui m'engagé de m'adresser à vous: ...une bonne partie de cet argent est destiné à venir au secours de quelques vrais necessiteux et puis à acquitter de ces petites dettes qui me desesperent. Voici cent rbls, mon ami, pour l'auteur du joli roman moral que vous m'avez donné à Gatschina. J'espère que dans quelques jours je vous donnerai encore un petit secours pour lui de la part des enfants. Adieu mon ami. Gardez-moi le secret sur tout cela»... «Voici, mon bon P., l'argent pour les pauvres prisonniers que vous rachetterez»... «Donnez à la malheureuse Major ces 100 rbls et à la Muller ces 25»... «Voici, mon bon P., cent rbls que je vous envois pour ces jeunes demoiselles; je désirerai en faire davantage si je les pouvais, mais je suis bien pauvre dans ce moment» и др. письма въ томъ же родѣ.

[69]) Такимъ случаемъ былъ, напр., пожаръ въ Павловскомъ дворцѣ въ 1795 г. и похороны въ томъ же году великой княжны Ольги.

однако, и въ этомъ случаѣ не вполнѣ благопріятствовала новому герцогу, такъ какъ страна была во власти французовъ, находившихся тогда въ войнѣ съ Германской имперіей, и герцогъ Фридрихъ Евгеній, чтобы спокойно вступить въ управленіе своимъ владѣніемъ, долженъ былъ заключить съ Франціей мирный договоръ на унизительныхъ для себя условіяхъ [70]). Какъ бы то ни было, но Марія Θеодоровна могла быть теперь спокойна за участь братьевъ своихъ, всегда нуждавшихся въ деньгахъ и всегда пользовавшихся ея попеченіями и средствами. Но и отношенія къ братьямъ не представляли отрады для Маріи Θеодоровны, такъ какъ они платили ей черною неблагодарностію въ тѣ именно тяжкіе моменты ея жизни, когда она нуждалась въ теплой нравственной поддержкѣ родныхъ ей людей. Изъ этой Монбельярской, теперь Виртембергской семьи одна лишь мать великой княгини, принцесса Доротея, не переставала выражать ей свое сочувствіе. Въ самый разгаръ Нелидовской исторіи, когда Павелъ Петровичъ относился къ своей супругѣ почти какъ къ своему врагу, принцесса Доротея приняла къ себѣ г-жу Бенкендорфъ, удалившуюся на время изъ Россіи, и поддерживала съ дочерью тайную интимную переписку [71]); даже не зная о содержаніи этой переписки, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что принцесса своими совѣтами много способствовала успокоенію духа Маріи Θеодоровны и успѣху примирительныхъ дѣйствій Плещеева. Зато старшіе братья великой княгини, въ сущности всѣмъ ей обязанные, совсѣмъ забыли ее и, что было хуже всего, забыли именно въ то время, когда ихъ русская сестра разладомъ съ своимъ супругомъ лишилась возможности быть имъ существенно полезною. Снисходительному терпѣнію Маріи Θеодоровны по отношенію къ нимъ, однако, не было, казалось, предѣловъ. «За исключеніемъ Фердинанда», писала она 20 (31) Іюля 1793 г. Моклеру, «никто изъ моихъ братьевъ не пишетъ мнѣ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ я не видѣла почерка Вильгельма (т. е. Фридриха, знаменитаго мужа Зельмиры) и, несмотря на мои настоянія и убѣжденія писать къ отцу и матери, онъ продолжаетъ соблюдать свое молчаніе и по отношенію къ нимъ. Добрый и милый Евгеній пишетъ мнѣ три или четыре раза въ годъ; его пре... Уже

---

70) *Сборникъ*, XLIV, 751, 758. И

71) Письмо Маріи Θеодоровны к

около года я ничего не знаю объ Александрѣ... Меня увѣряютъ, что оба мои старшіе брата здоровы; это—все, что я знаю про нихъ». «Вы видите, заключила эту свою жалобу Марія Θеодоровна, что братья мои пренебрегаютъ мною, но оттого я не перестану быть для нихъ доброю сестрою» [72]). И дѣйствительно, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, великая княгиня ждала лишь случая оказать неблагодарнымъ братьямъ своимъ новыя услуги, забывъ всѣ свои огорченія, отъ нихъ перенесенныя. Нѣжность души своей и заботливость о близкихъ себѣ людяхъ Марія Θеодоровна проявила и по отношенію къ дѣтямъ своей изгнанной изъ двора подруги, г-жи Бенкендорфъ: не боясь неудовольствія Павла Петровича, великая княгиня приняла на себя попеченія о воспитаніи ея сыновей, Александра и Константина: оба они были помѣщены ею въ пансіонъ французскаго эмигранта, аббата Никóля [73]); пансіонъ этотъ считался тогда лучшимъ въ Петербургѣ, вся русская знать отдавала туда своихъ дѣтей, но ихъ воспитаніемъ въ чуждомъ русскихъ началъ духѣ завѣдывали исключительно иностранцы, преимущественно іезуиты, совращавшіе многихъ изъ своихъ питомцевъ въ католичество [74]). По отношенію къ молодымъ Бенкендорфамъ французскіе эмигранты проявляли особую заботливость, такъ какъ Марія Θеодоровна постоянно слѣдила за успѣхами Бенкендорфовъ въ пансіонѣ и вникала во всѣ подробности ихъ школьной жизни. Разумѣется, эмигранты воспользовались этимъ случаемъ, чтобы войти въ особую милость высокой покровительницы Бенкендорфовъ и пріобрѣсти новыя права на ея довѣріе и благодарность [75]).

---

[72]) *Stark*, 107.

[73]) Письмо Маріи Θеодоровны къ Плещееву безъ даты.

[74]) *Морошкинъ*: Іезуиты въ Россіи, I, 261—264.

[75]) Марія Θеодоровна оказывала имъ и денежную помощь въ это время, какъ это видно изъ писемъ ея къ Плещееву. Плещеевъ былъ ея довѣреннымъ и при опредѣленіи Бенкендорфовъ въ пансіонъ Николя. «Avant que de placer nos deux jeunes gens, je vous prie instamment, mon ami, de leurs représenter leurs devoirs et de leurs prêcher la plus grande obéissance et soumission aux volontés de leurs instituteurs qu'ils doivent respecter comme leur second père, car ils le remplacent auprès d'eux pendant le temps qu'ils seront confiés à leurs soins. Prêchez leurs de même, mon ami, l'application. Dites leur qu'ils sont d'autant plus obligés à redoubler de zèle pour leurs études, que ce serait commetre la plus noire ingratitude vis-à-vis de leurs parents qui se gênent et se mettent à l'étroit pour trouver les moyens de leurs donner une bonne education;

Въ семейной жизни Маріи Θеодоровны, по окончаніи Нелидовской исторіи, также произошли нѣкоторыя перемѣны: 7-го Января 1795 г. великокняжеская чета была обрадована рожденіемъ шестой дочери, великой княжны Анны Павловны, но вслѣдъ за этимъ здоровье Маріи Θеодоровны подверглось серьезному испытанію; недѣлю спустя послѣ этого счастливаго событія скончалась двухлѣтняя великая княжна Ольга, которая пользовалась особою привязанностію къ себѣ матери [76]). Императрица, мало интересовавшаяся внучками, на сколько можно судить по ея письмамъ къ Гримму, равнодушно отнеслась къ этимъ событіямъ [77]). Совсѣмъ иначе подѣйствовало на нее рожденіе въ ночь съ 24-го на 25 Іюня 1796 г. третьяго внука, Николая: рожденіе это еще болѣе обезпечивало порядокъ престолонаслѣдія въ мужскомъ колѣнѣ императорской фамиліи [78]). Почему-то именно этотъ моментъ Екатерина сочла благопріят-

---

s'ils ne tâchaient pas d'en profiter et de répondre à leurs soins et à leur attente. Repetez leur, mon ami, que la bonne education, que leurs parents leurs donnent sera un jour l'héritage qu'ils leurs laisseront. Ils n'en ont pas d'autre à en attendre; ainsi c'est à eux à tâcher à se pousser dans le monde, à se distinger par leurs conduite et leurs connaissance. Ma sincère et ancienne amitié pour leurs parents ne me me rendra pas aveugle sur leur compte. Je leus donnerai surement mes soins aussi longtemps que leurs instituteurs seront contents d'eux, mois au moindre mécontentement, ils perdront mes bontés, et je porterai mes plaintes à leurs parents, comme je me ferai le plus grand plaisir de les informer de leurs succés et de mon contentement. Comme Alexandre Benkendorf est d'âge déjà à écouter le langage de la raison, je vous prie surtout, mon ami, de lui faire la leçon et de le recommender particuliérement à l'abbé Nicole. Priez le en mon nom de vieller avec le plus grand soin sur ses petites défauts, de ne lui rien passer et de travailler à en faire un bon sujet qui reponde à l'attente de ses dignes et estimables parens auxquels je m'interesse si vivement. Parlez franchement à l'abbé Nicole de toutes les remarques, que nous avons fait sur le caractère du jeune homme qui a toute l'etoffe à devenir un bon sujet, mais il faut le bien mener. Il séra confié à de si bonnes moins que je suis sans inquiétudes à son sujet. Vous direz aussi aux deux enfants, mon ami, qu'ils écrivent reguliérement chaque lundi à leurs parents et qu'ils envoyent leurs lettres à ma garderobe en ville sous l'adresse de mon valet de chambre Berthaume. Vous prierez mr. l'abbé Nicole et Lapauneau de joindre chaque fois un petit écrit qui contienne le rapport de la conduite de la semaine de leurs jeunes elèves.— Adieu, mon bon ami. Je vous recommende bien instamment ces enfants et vous remercie bien vivement du soin que vous leurs donnez. J'aurai bien loin demain ch[illegible] promise et lui parlerai beaucoup de vous». Письмо безъ да[illegible]

[76]) *Арх. кн. В.*, XXIX, 289–290.

[77]) *Сборникъ*, XXIII. Письмо отъ 16[illegible]

[78]) *Арх. кн. В.*, XXII. 10.—*Сборник*[illegible]

нымъ, чтобы осуществить давно лелѣянную ею мечту о провозглашеніи Александра Павловича наслѣдникомъ престола. Роды Маріи Θеодоровны, какъ обыкновенно, и на этотъ разъ происходили въ Царскомъ Селѣ. Тотчасъ послѣ крещенія новорожденнаго великаго князя Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Павловскъ, а вслѣдъ затѣмъ, къ великому изумленію Маріи Θеодоровны, Екатерина доставила ей бумагу, въ которой шла рѣчь о томъ, чтобы вынудить Павла Петровича къ отказу отъ правъ престолонаслѣдованія въ пользу Александра Павловича, и требовала, чтобы Марія Θеодоровна своею подписью засвидѣтельствовала свое согласіе на эту мѣру. Марія Θеодоровна отказалась отъ этого съ негодованіемъ, чѣмъ чрезвычайно раздражила императрицу. Гнѣвъ свой на непокорную невѣстку Екатерина проявила при прощаніи съ нею 3 Августа, когда она, принявъ 40-дневную молитву, уѣзжала въ Павловскъ. Прощаніе было крайне холодно: императрица сказала только: «comment vous portez-vous, madame la grande duchesse?» и Марія Θеодоровна оставила Царское Село подъ самыми тягостными впечатлѣніями [79]). Испытавъ неудачу у невѣстки, Екатерина оказалась болѣе счастлива, повидимому, при переговорахъ съ Александромъ Павловичемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она выяснила ему всю государственную необходимость этой мѣры, и великій князь кончилъ тѣмъ, что 24 Сентября письменно выразилъ бабушкѣ полное свое согласіе [80]). Но сближеніе съ родителями и сентиментальный

---

[79]) Рукописный разсказъ со словъ королевы Нидерландской Анны Павловны: «Pendant qu'elle (Марія Θеодоровна) était en couches de Nicolas l'Impératrice Catherine lui avait fait communiquer un papier dans lequel il était question d'exiger du Gr. D. Paul une renonciation de ses droits à la couronne en faveur du G. D. Alexandre insistant que la Grande-Duchesse signat ce papier enquise d'adhésion à l'acte que l'Impératrice voulait obtenir. La Grande Duchesse en ressentit une juste indignation et se refusa à le signer. L'Impératrice Cathèrine en fut trés irritée» ...Прощаясь съ великой княгиней, «Cathèrine s'était bornée à demander: «Comment Vous portez-Vous, Madame la Grande-Duchesse?»—ce qui fit une pénible impression à la Grande-Duchesse».

[80]) Приводимъ это письмо въ подлинникѣ: «Votre Majesté Impériale Jamais je ne pourrais exprimer une reconnaissance pour la confiance dont Votre Majesté a bien voulu m'honorer et la bonté qu'Elle a daigné avoir de faire de sa main un écrit servant d'intelligence aux autres papiers. J'espère que Votre Majesté verra par mon zèle à mèriter ses precieuses bontés que j'en sens tout le prix. Je ne pourrais, il est vrai, jamais assez payer même de mon sang tout ce qu'Elle a daigné et veut bien encore faire pour moi. Ces papiers confirment évidemment toutes les reflexions que Votre Majesté a bien me communiquer tantôt et

образъ мыслей Александра достаточно свидѣтельствуютъ, что это его согласіе было лишь притворствомъ съ его стороны, имѣвшимъ цѣлію лишь выиграть время. Еще мѣсяцъ тому назадъ, въ Августѣ 1796 г. онъ писалъ Лагарпу, что онъ вообще всѣмъ «очень доволенъ, особенно батюшкой и матушкой» [81]); тогда же Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна благодарили Протасова за то, что онъ «возвратилъ имъ сына» [82]). Уже изъ этого можно вывести заключеніе, что Александръ дѣйствовалъ по заранѣе обдуманному плану. И дѣйствительно, сближеніе его съ родителями ознаменовалось въ концѣ концовъ тѣмъ, что, для успокоенія подозрительности отца, онъ призналъ его императоромъ еще при жизни бабушки, именуя его въ письмахъ своихъ, относящихся къ этому времени, не иначе, какъ

qui, s'il m'est permis de le dire, ne peuvent être plus justes. C'est en mettant encore une fois aux pieds de Votre Majesté Impériale les sentiments de ma plus vive reconnaissance que je prends la liberté d'être avec le respect le plus profond et l'attachement le plus inviolable de Votre Majesté Impériale le très humble et très soumis sujet et petit-fils Alexandre. Ce 24 Septembre 1796». Замѣтимъ, что письмо это найдено было въ бумагахъ Платона Зубова, которому, конечно, извѣстенъ былъ весь ходъ дѣла о престолонаслѣдіи (*Czartoryski*, I, 244).

[81]) *Сборникъ*, V, 28. Любопытно, что въ это время Плещеевъ уже возвратился ко двору (*Арх. кн. В.* XV, 85), тогда какъ Нелидова съ Января 1796 года не являлась къ нему, поссорившись, какъ разсказываетъ Растопчинъ, съ Маріей Θеодоровной (*Арх. кн. В.*, VIII, 165). Размолвка эта доказываетъ, что отношенія ихъ уже не были такъ напряженны, какъ прежде, и что Нелидова не имѣла уже господствующаго вліянія надъ умомъ Павла 10-го Октября 1796 г. великая княгиня писала Вѣригиной: «Bien obligée, Chabrinka, pour votre bonne petite lettre et pour les deux incluses que je vous renvois ci-joint et qui nous disent ce que je craignais toujours. C'est que l'affaire dépend du Consistoire, de sa bonne ou mauvaise volonté. Dieu veille diriger leur esprit (рѣчь идетъ о разводѣ одного изъ родственниковъ Плещеева, см. выше, прим. 20-е). Que faire, ma bonne enfant, si votre ami Serge (Плещеевъ) ne saura avoir d'entrevue avec *la belle* (Лафонъ, старой начальницей Смольнаго института). Il faut s'en consoler tout bonnement, car *cette belle* est si respectable qu'il me faut la voir qu'en lieu de suretée et absolument pas chez elle. J'attends votre retour avec impatience, ma bonne Chabrinka, je n'aime pas à être éloignée de vous, c'est à ce vieux старый хрыщъ que je dois vos infidelités, cependant je sens bien que vous devez l'aimer plus que moi tout vieux, cassé et asthmatique, qu'il est, car enfin c'est un monsieur, et moi toujours je ne suis qu'une femme... L'ami Serge a-t-il déjà été à la Communauté? Cette belle, je crois, lui tiendra aussi de rigueur. Marquez-moi tout ce que vous apprendrez, Chabrinka, et si un Dieu favorable fait rencontrer à l'ami Serge [illegible]
лидову), prechez lui retenue, prudence, discretion, enfin [illegible]
ne pas s'en laisser *engouer*».

[82]) *Арх. кн. В.* XV, 90—91.

«ваше императорское величество» [83]). Зная характеръ Павла Петровича и послѣдующія его дѣйствія, мы можемъ съ нѣкоторою достовѣрностью предположить, что онъ не удовольствовался однимъ словеснымъ или письменнымъ признаніемъ Александра, а привелъ его къ присягѣ, какъ императору. Поэтому, нѣтъ никакого сомнѣнія, что, вынужденный притворнымъ согласіемъ обмануть императрицу, Александръ Павловичъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, потерявшій почву подъ ногами, съ единственною цѣлью успокоить бабушку. Есть нѣкоторыя основанія думать, что эти дѣйствія Александра были слѣдствіемъ соглашенія его съ матерью. Но что было бы, если бы о письмѣ его къ Екатеринѣ сдѣлалось извѣстно цесаревичу? Недаромъ Марія Θеодоровна постаралась скрыть отъ мужа требованіе, съ которымъ такъ недавно обращалась къ ней Екатерина [84]).

Обстоятельства, при которыхъ Александру Павловичу пришлось дать свое притворное согласіе на новый, предложенный Екатериною, порядокъ престолонаслѣдія, до нѣкоторой степени объясняютъ его поступокъ: быть можетъ, любимый внукъ императрицы не захотѣлъ своимъ рѣшительнымъ отказомъ наносить ей новаго удара въ то именно время, когда ея гордость и здоровье были жестоко потрясены неудачнымъ исходомъ другаго взлелѣяннаго ею плана. Въ 1795—1796 гг. 66-лѣтняя императрица, какъ бы предчувствуя близость своей кончины, спѣшила, обезпечивая судьбу Россіи, устроить участь и старшихъ дѣтей великокняжеской четы, приходившихъ уже въ возрастъ. Въ концѣ 1795 года по вызову Екатерины прибыли въ Петербургъ герцогиня Саксенъ-Кобургская съ тремя дочерьми, изъ которыхъ одна должна была сдѣлаться невѣстой великаго князя Константина Павловича. Выборъ его палъ на принцессу Юліану, которая при переходѣ своемъ въ православіе наречена была Анной Θеодоровной. 17 Февраля совершилось бракосочетаніе. Великій князь, не достигшій еще въ то время даже 17-ти-лѣтняго возраста и уже извѣстный по несдержанности и странному характеру, не могъ, однако, понимать важ-

[83]) Письма эти хранятся еще въ рукописи у одного изъ почтенныхъ изслѣдователей новѣйшей русской исторіи.—Ср. *Р. Арх.*, 1892, I, 337, примѣч. П. И. Бартенева.

[84]) Разсказъ королевы Анны Павловны. — Павелъ узналъ объ этомъ по восшествіи своемъ на престолъ и былъ крайне недоволенъ этимъ поступкомъ своей супруги.

ности сдѣланнаго имъ шага и святости брачнаго союза, и съ первыхъ же дней супружества обнаружилъ свойства и привычки, не обѣщавшія счастія новой великой княгинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оказались призрачными и надежды, что Анна Ѳеодоровна, пріобрѣвшая общія симпатіи своимъ кроткимъ характеромъ и нравственными качествами, сумѣетъ благотворно повліять на образъ жизни своего своенравнаго супруга [85]). Но главное вниманіе императрицы обращено было на судьбу старшей ея внучки Александры Павловны. Молодой великой княгинѣ только что минуло 13 лѣтъ. Подобно другимъ своимъ сестрамъ, она получила воспитаніе преимущественно подъ руководствомъ и наблюденіемъ г-жи Ливенъ, которая пользовалась одновременно довѣріемъ и бабушки, и матери своихъ царственныхъ воспитанницъ. Для Маріи Ѳеодоровны, добрыя и почтительныя отношенія къ ней Ливенъ были тѣмъ дороже, что она сама, по желанію Екатерины, не могла прямо вмѣшиваться въ дѣло воспитанія своихъ дочерей: даже низшія лица, составлявшія ихъ штатъ, назначаемы были самой Екатериной по рекомендаціи Ливенъ [86]). Воспитаніе великихъ княженъ, по духу того времени, не оставляло желать ничего лучшаго: всѣ современники единогласно отдавали справедливость ихъ граціи, нравственнымъ свойствамъ и развивающейся красотѣ [87]). Но Екатерина не даромъ еще во дни рожденія своихъ внучекъ безпокоилась о ихъ будущности, сознавая трудности, которыя будутъ сопряжены съ выдачею ихъ замужъ [88]). По старому, еще до-петровскому обычаю, царевны не могли вступать въ бракъ съ подданными, и этотъ обычай впослѣдствіи могъ найти себѣ оправданіе въ той же боязни дворцовыхъ интригъ и вмѣ-

---

[85]) *Masson:* Mémoires secrets, I, 275; II, 160.—Письма Растопчина въ *Арх. кн. Воронц.* VIII. — Самъ Константинъ Павловичъ сначала былъ очень доволенъ своей женитьбой. *Сборникъ*, V, 60. Ср. тамъ же отзывы объ Аннѣ Ѳеодоровнѣ Александра Павловича, 23.

[86]) Письма къ Плещееву безъ даты.—«Quand à l'Anglaise, mon ami, nous n'osons pas placer un âme chez les enfants: chaque personne est nommée par l'Imp., mais si elle s'adressait à la générale, cela irait peut-être. Quand je la reverrai, je lui en parlerai». — «Il ne depend pas de moi», прибавляла она въ другомъ письмѣ, «de placer chez mes filles, car l'Imp. nomme jusqu'aux filles de garderobe».

[87]) Masson, Растопчинъ и др. *Кобеко*, 449

[88]) Въ письмахъ къ Гримму. *Сборн*[illegible] XI главы нашего труда.

шательствъ отдѣльныхъ фамилій въ дѣло государственнаго управленія, которая побуждала искать и невѣстъ для членовъ царствующаго дома не въ Россіи, а за границей. Выдавать Русскихъ великихъ княженъ замужъ за иностранныхъ владѣтелей казалось Екатеринѣ также мало возможнымъ: уже православное вѣроисповѣданіе, которое великія княжны должны были сохранять всю жизнь свою, являлось немаловажнымъ препятствіемъ, такъ какъ на новой своей родинѣ Русскія великія княжны должны были поэтому остаться какъ бы иностранками; притомъ, привычка къ широкой жизни Петербургскаго двора, гордое сознаніе Русской мощи и привязанность къ интересамъ Русскаго государства дѣлали жизнь великихъ княженъ очень тяжелою на чужбинѣ, особенно въ средѣ мелкихъ Германскихъ владѣній. Поэтому, Екатерина остановилась одно время на мысли вызывать въ Россію навсегда подходящихъ безземельныхъ иностранныхъ принцевъ и, сочетавъ ихъ бракомъ со своими внучками, дать имъ въ Россіи почетное положеніе и средства къ жизни [89]). Неизвѣстно, думала ли она осуществить эту свою мысль впослѣдствіи; но по отношенію къ Александрѣ Павловнѣ ей началъ улыбаться другой брачный проектъ, удовлетворявшій, повидимому, всѣмъ затаеннымъ и политическимъ, и семейнымъ разсчетамъ славолюбивой государыни. Еще во время Шведской войны возникло предположеніе о бракѣ наслѣдника Густава III (р. 1778) съ великой княжной Александрой Павловной. Послѣ смерти Густава III, это предположеніе, встрѣтившее сочувствіе и въ Россіи, и въ Швеціи, вызвало переговоры между Екатериной и регентомъ Зюдерманландскимъ, которые продолжались слишкомъ четыре года и привели, наконецъ,

---

[89]) *Сборникъ*, XXIII. Екатерина писала Гримму 7 Октября 1795 г.: «Я хочу собрать справки о всѣхъ младшихъ сыновьяхъ германскихъ государей, и когда у меня будетъ полный ихъ списокъ, я выберу сколько будетъ нужно для моихъ невѣстъ, и онѣ будутъ выбирать себѣ каждая мужа по сердцу, и которая кого выберетъ выведетъ мужа въ люди. Я начинаю съ младшаго Готскаго; есть еще младшій сынъ въ Кетенѣ, его также можно залучить; вы чрезвычайно обяжете меня, если сможете дать мнѣ о немъ какія-нибудь свѣдѣнія, Но не говорите никому о моей погонѣ за женихами; я не хочу, чтобы о томъ разглашали до поры до времени. Царствующихъ принцевъ мнѣ не нужно, а только младшихъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ званія».—18 Февраля 1796 г.: «Жениховъ придется поискать съ фонаремъ, днемъ съ огнемъ. Безобразныхъ намъ не нужно, дураковъ тоже, но бѣдность не порокъ». *Сборникъ*, XXIII, 658, 669.

къ поѣздкѣ молодаго Густава III въ Петербургъ. Здѣсь Русскій дворъ надѣялся покончить дѣло сватовства и въ то же время сблизить жениха и невѣсту. Молодой король прибылъ въ Петербургъ 13 Августа 1796 года, чрезъ десять дней послѣ рѣшительнаго объясненія Екатерины съ Маріей Θеодоровной. Общая цѣль, общія заботы объ одинаково дорогомъ для нихъ существѣ примирили на нѣкоторое время державную свекровь съ непокорной невѣсткой. Великокняжеская чета жила въ это время въ Гатчинѣ, но Марія Θеодоровна вмѣстѣ съ своимъ супругомъ принимала участіе почти во всѣхъ празднествахъ большаго двора, пріѣзжая для этого изъ Гатчины. Такія поѣздки были очень утомительны, и Марія Θеодоровна была права, сказавъ однажды: «если всѣ мои дочери будутъ стоить мнѣ такъ же дорого, какъ Александра, я умру на дорогѣ» [90]). Король съ своей стороны посѣтилъ Гатчину и Павловскъ, гдѣ въ честь его устроены были маневры. Пребываніе короля продолжалось почти мѣсяцъ, молодые люди понравились другъ другу; но когда 11 Сентября назначено было обрученіе, дѣло внезапно разстроилось, по упрямству короля и оплошности Русскихъ дипломатовъ. Въ то время, когда императрица со всѣмъ дворомъ своимъ, окруженная царственнымъ семействомъ, дипломатическимъ корпусомъ и духовенствомъ, ожидала короля для обрученія въ тронной залѣ, король рѣшительно отказался подписать брачный договоръ, требуя исключенія статьи о сохраненіи великой княжной православія. Пять часовъ ждала Екатерина прибытія короля, не понимая причины его замедленія, и когда наконецъ ей доложили объ упорствѣ Густава, съ ней сдѣлался легкій ударъ. Трудно передать чувства оскорбленія родителей невѣсты: Павелъ Петровичъ на другой же день уѣхалъ въ Гатчину и болѣе не видѣлся съ Густавомъ; Марія же Θеодоровна должна была остаться возлѣ дочери, несчастной жертвы чужихъ ожибокъ и политическихъ комбинацій. Отъѣздъ короля, впрочемъ, только отсрочилъ дѣло сватовства, которое предполагалось завершить по достиженіи имъ совершеннолѣтія [91]).

Тотчасъ по отъѣздѣ Густава Екатерина, почувствовавъ себя дурно, потребовала отъ Александра согласія на новый поря-

---

[90]) *Masson*, I, 29—30.

[91]) Дѣло о сватовствѣ Гус[illegible] на (*Вѣстн. Евр.* 1890, IX—IX).

докъ престолонаслѣдія. Могъ-ли онъ рѣшительно воспротивиться бабушкѣ и объяснить ей истинныя свои чувства? Нѣтъ сомнѣнія, что здоровье Екатерины не вынесло бы этого новаго, тяжкаго удара. Впрочемъ, дни ея были уже сочтены: второй апоплексическій ударъ прекратилъ ея дни 6 Ноября 1796, и императоромъ сдѣлался Павелъ, прежде чѣмъ мать его успѣла убѣдиться въ неосуществимости своихъ плановъ. Появились въ Зимнемъ дворцѣ новые люди, для Россіи настало новое, Павловское время.

ОГЛАВЛЕНІЕ.